

Фантастический бестселлер

Люди или клоны? Кто победит?

КРИС

МОРИАТИ

ОДИНОЧКА

Крис Мориарти

Одиночка

Распознавание и вычитка – Сергей В.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=157052

Одиночка: Эксмо, Домино; М.; СПб.; 2007

ISBN 978-5-699-21460-0

Оригинал: ChrisMoriarti, "Spin State"

Перевод:

С. Зубков

Аннотация

В далеком будущем, когда жизнь на Земле стала невозможна из-за глобальных изменений природной среды, тем из людей, кто сумел уцелеть, пришлось осваивать другие планеты и галактики. Но там они были уже не одни: рядом поселились искусственные интеллекты и биологические конструкции – клоны, создавшие собственную империю и мечтающие о полном контроле над Вселенной.

Расследуя обстоятельства смерти талантливого ученого-физика Ханы Шарифи, благодаря открытиям которой стала возможна квантовая телепортация, майор Кэтрин Ли приходит к выводу, что та была убита.

Мало того, вскоре она понимает, что оказалась в самом эпицентре политических интриг и ставка в этой игре – господство над миром. Кэтрин предстоит сделать нелегкий выбор, ибо

от ее решения зависят судьбы всех обитателей межпланетного пространства.

Содержание

ЗАПУТАННОСТЬ	6
СИСТЕМА С ОДНОЙ СТЕПЕНЬЮ СВОБОДЫ	50
СКРЫТЫЕ ПЕРЕМЕННЫЕ	209
ИНТЕРФЕРОГРАММЫ	438
НЕСЕНСОРНАЯ ТОПОЛОГИЯ	499
РАЗРУШЕНИЕ ВОЛНОВОЙ ФУНКЦИИ	612
СМЕРТОНОСНЫЕ ВЕКТОРЫ	680
МЕДЛЕННОЕ ВРЕМЯ	779

Крис Мориарти

Одиночка

Особая благодарность Энн Лесли Гроелл за тонкое понимание того, что именно я хотел сказать; Чарльзу Беннету, Джону Смолину и Мэвис Донкор – за советы и консультации по техническим вопросам; Энн Чемберлин и М. Шейн Белл – за доброе отношение, выходящее далеко за пределы их служебных обязанностей; Скотту Андерсену, Джулии Джанкала, Джиму Маклоглину, Сьюзен Мейз, Тони Пастовру и Кирстен Андервуд – как читателям, о которых любой автор может только мечтать; Джудит Тар – за постоянную поддержку; Джону Дорфману, стоявшему у истоков замысла, и, наконец, непревзойденному Джимми Вайнсу, без которого не было бы этой книги.

Затем мы повстречали человека-леопарда, который, по слухам, был каннибалом. У него не должна была появиться мысль, что мы выглядим аппетитно; он улыбался и разрешал себя фотографировать, как туристский гид с большим стажем. После этого я стал спрашивать всех, где мы могли бы встретить настоящих каннибалов.

– Они существуют, – говорили мне мои хозяева.

– Но где?

– Никто не знает. Но в них нет ничего

особенного. Их даже нельзя отличить от обычных людей.

– Ах, но я должен познакомиться с ними, пообедать вместе! Мне хочется съесть человека, просто чтобы попробовать. Чтобы ощутить вкус!
Луи Лашеналь. «Головокружительные заметки»

ЗАПУТАННОСТЬ

Квантовая механика определенно впечатляет. Но внутренний голос подсказывает мне, что это еще не реальность. Теория многое объясняет, но несколько не приближает нас по-настоящему к секрету Бытия. Но я все-таки уверен, что Бог не играет в кости.

Альберт Эйнштейн

Бог, возможно, и не играет в кости, но определенно знает, как раскладывать карты.

Ханна Шарифи

Ее вывезли в холодильнике; тело было все еще в синяках от изменений статуса, проводившихся в последнюю минуту перед заморозкой.

Позже она помнила эту операцию только обрывками. Прикосновение руки. Треск винтовочной стрельбы. Чье-то лицо, мелькавшее перед ней, подобно рыбе в темной воде. А

о том, что она помнила, ей нельзя было говорить, в противном случае психотехники догадались бы, что она взламывала собственную память.

Но это было позже. После суда военного трибунала. После того как мгновенное скачковое стирание и реабилитационные камеры удалили все. А до этого память была четкой, ясной, никто ее не редактировал. Информация еще принадлежала ей.

Ли поняла, что Метц становится важной планетой сразу же, как увидела офицера связи Техкома, направленного на инструктаж ее команды. Через двадцать минут после того, как капитан Космической пехоты Объединенных Наций Ч. Хавьер Суза прибыл на Метц, с ним случился анафилактический шок. Сейчас она регистрировала капитана в базовом пункте скорой помощи, одновременно запрашивая у своего «оракула» список его ближайших родственников.

Конечно же, войны сопровождаются аллергенными воздействиями. Тетраформирование было не чем иным, как легкой формой биологической войны: каждый, кому приходилось есть, дышать или передвигаться на территориях, находившихся под опекой ООН, порой попадал в переделку. И все-таки ни один нормальный постантроп не был таким слабым. На этот раз Техком прислал настоящего неадаптированного человека, выросшего в пределах Кольца. А умных молодых людей не доставляют в холодильниках на Пе-

риферию и не подвергают большому риску, если только их задание не является действительно важным. Таким, что верховное командование не решалось поручать AI¹ или колонистам.

Суза провел тридцать часов в камерах, прежде чем восстановился и смог приступить к инструктажу. Когда он наконец появился, то выглядел вполне работоспособным, несмотря на одышку и сильную сыпь.

– Майор, – сказал он, – мне очень жаль доставлять вам неудобство этим небольшим сбоем. Я совсем не так представлял себе первую встречу с героиней Гилеада.

Ли вздрогнула. Удастся ей когда-нибудь войти в комнату, чтобы слава не перегнала ее хоть на пару шагов?

– Не берите в голову. Такое случается даже с лучшими из нас.

– Только не с вами.

Она попыталась найти на симпатичном лице Сузы намек на желание обидеть ее. Но не нашла ничего похожего. На самом деле он очень быстро опустил глаза под ее взглядом. И ей показалось, что он просто не подумал, как его слова могут быть восприняты. Она посмотрела на свою команду. Люди рассаживались за столы, предназначенные для них, на стулья, сконструированные для людей, и она почувствовала облегчение, стыд и зависть одновременно. Это была все-таки чистая случайность, что ее предки сели на корпоратив-

¹ AI – artificial intelligence – искусственный интеллект (англ.).

ный корабль, заплатив за свою поездку не кредитами, а кровью и живой тканью. Чистая случайность, изменившая ее геном больше, нежели отдельные мутации под воздействием радиоактивного излучения и осадков при терроформировании. Чистая случайность, превратившая ее в чужую даже среди постантропов.

– Нет, – в конце концов ответила она Сузе. – Не со мной.

Суза, приступив к инструктажу, излучал спокойную уверенность. Форма хорошо сидела на нем, как свойственно только одежде из натуральной шерсти, и он говорил на гладком дипломатическом испанском языке так, что даже двое новобранцев понимали его, не обращаясь к постоянной памяти. Суза представлял собой типичного миротворца Объединенных Наций.

– Цель расположена под свекольным заводом и маскируется под его тепловые характеристики. – Он подал звуковую команду, и пространственно-временная схема цели сложилась в реальном пространстве, напоминая колючий асимметричный цветок. – Здесь пять подземных лабораторий, каждая из которых является небольшим вирусным производством. Система надежно заблокирована и прочно защищена программно. Нет ни спин-поточных портов, ни решетки виртуальной реальности, нет даже наборного доступа. Единственный способ взломать ее – это зашунтировать программу-взломщика AI через человека-оперативника.

Суза кивнул в сторону Колодной, которая выпрямила свою обычно сутулую спину и по-волчьи оскалилась. На линии подбородка Колодной был новый шрам. Свежий? Но он выглядел не таким свежим, и Ли должна была его помнить. Она поискала в своих активных файлах, но ничего не нашла. Прогнала проверку по четности. Ничего.

«Боже, – подумала она, почувствовав, как подступает тошнота, – сколько пропало на этот раз?»

Она собиралась попросить кого-нибудь, кто держит язык за зубами, поставить «заплату» на ее пусковые файлы. До того, как она забудет больше, чем может себе позволить.

– Задача остальных – провести группу взлома внутрь, – говорил Суза, – и собрать биологические образцы, пока AI будет выживать основное. В этой операции мы ищем все, что удастся найти. Исходную программу, оборудование, невропродукт. Особенно – невропродукт. Как только AI добудет код объекта, он замечает все следы и вы уходите. Будем надеяться, незамеченными.

– Что за AI у нас будет? – спросила Ли. Но прежде чем Суза ответил, вошел Коэн. Конечно, Коэн было ненастоящим его именем. Но он так долго пользовался им, что не многие могли сейчас вспомнить его номер Тоффоли. Сегодняшний интерфейс отличался от того, что Ли видела раньше, но она узнала, что шунтируется именно Коэн, еще до того, как он закрыл за собой дверь. Он был одет в шелковый костюм цвета опавших листьев – из настоящего шелка, а не

того, что выращивают в резервуаре. Да и двигался он с легким, свободным изяществом представителей многопланетной сети, шунтирующихся посредством самых продвинутых невропродуктов. В его глазах с длинными ресницами скрывалась ироническая улыбка, почти смех – постоянный намек: о чем бы он ни говорил с тобой – это, скорее всего, не так важно, как бесчисленное множество других задач, решением которых он сейчас занят.

Как и обычно, он появился в самый нужный момент, еще не зная истинной причины, зачем он здесь.

– Привет, – сказал он, рассеянно моргая. – Ах. Да. Инструктаж. Я что-нибудь пропустил?

– Пока нет, – ответил Суза. – Я рад, что вы добрались.

Он обращался к Коэну по-французски, а Ли, глядя на обоих, пыталась догадаться, как смогли эти двое познакомиться в том особом мире, называемом выходцами из Кольца нормальной жизнью, и насколько хорошо они знают друг друга.

Коэн, поймав на себе ее взгляд, улыбнулся и сделал полшага в сторону места, пустовавшего рядом с ней. Она отвернулась. Он сел сзади, наклонился и прошептал что-то на ухо Колодной, которая чуть не задохнулась от смеха.

– Мы мешаем вам общаться, Коэн? – спросила Ли. – Может быть, нам провести инструктаж; где-нибудь в другом месте?

– Извините, – пробурчала Колодная.

Коэн всего лишь бровью повел. А в лобной части мозга

Ли при этом возник образ худого темноволосого мальчишки, подбрасывавшего ногой футбольный мяч. Он жестами изобразил полное раскаяние, подбросил мяч носком ботинка с набойкой, взял мяч под мышку и вприпрыжку побежал в направлении какой-то точки за ее правым ухом. Набойки стучали. Ей пришлось сдержаться, чтобы не потерять лоб.

«Прекрати», – сказала она Коэну.

Сегодня на Метце квантовая телепортация сбоила. Скорострельная очередь статусных сообщений вспыхивала в периферийном зрении Ли, информируя ее, что передающая станция устанавливала квантовую запутанность, синхронизировала спин-пенный канал, занималась спин-распределением, переводила спин-биты в электронный вид, проводила трансформацию Шарифи, исправляя необычные спиновые отклонения и распределяя точно скопированный поток информации к любым удаленным сегментам сети Коэна, следившего за этим инструктажем.

До открытия первого пласта квантовых конденсатов на Мире Компсона, до первых примитивных банков квантовой запутанности и станций телепортации, до Ханны Шарифи и теории когерентности передача сообщения с Метца на Землю по узким и шумным неинтерактивным каналам заняла бы почти три дня. Сейчас установки, построенные на принципах Бозе-Эйнштейна, посылали коммутированные данные через кратковременные квантовомеханические пространственно-временные туннели в спин-пене до-

статочно быстро, чтобы соединить все пространство Объединенных Наций в живой развивающийся новый мир спин-потока.

Но, очевидно, за исключением сегодняшнего дня.

«Ты не можешь найти канал получше?» – спросила Ли.

«Я уже нашел, – ответил Коэн еще до того, как она закончила мысль. – И если бы я был тебе небезразличен, то ты смеялась бы над моими шутками. Или, по крайней мере, делала бы вид, что смеялась».

«Будь внимателен, Коэн. Завтра Колодная рискует своей шкурой. Даже если ты будешь в безопасности».

Суза повернулся к дисплею виртуальной реальности и рассказывал о ходе операции. Если все пойдет как запланировано, то Коэн шунтируется через Колодную и добывает код объекта. У остальных в команде Ли только две задачи: доставить AI туда и оттуда и успеть собрать биообразцы, пока он будет возиться с оперативной защитой. Все это было не похоже на более чем два десятка заданий, которыми командовала Ли, и она раздраженно думала, что инструктаж Сузы был бы более эффективен, если б тот загрузил информацию на сервер команды. Она подождала еще пять минут, прежде чем прервала его очевидным вопросом, до сих пор остававшимся без ответа:

– Итак, что мы будем искать?

– Мадам, – ответил Суза и замолчал. Ли увидела, как в глубине его глаз мелькнуло сомнение в себе. Ей вспомнилось

то время, когда она только начинала командовать, как она до паники сомневалась в том, что сможет управлять закаленными в боях ветеранами. Хотя и она была совершенно другой. Она водила миротворцев в бой с сухопутными войсками Синдиката задолго до того, как ее официально назначили командиром. Черт, она уже три года была боевым строевым офицером до того, как ее командир написал представление для зачисления в офицерскую школу.

– По разведывательным данным... – Суза откашлялся. – По разведывательным данным, здесь производятся продукты из Списка контролируемых технологий.

Кто-то (Ли подумала, что Дэллоуэй) хихикнул.

– Это нам не слишком поможет. В последний раз, когда я видела этот список, в нем уже было несколько тысяч страниц. Если мы будем на это опираться, то нам придется конфисковывать наручные часы и щипчики для ногтей.

– У нас также имеются достоверные данные о том, что головная компания – союзник Синдиката.

– Даже так? – недоверчиво спросила Ли.

– Точно так, – ответил Суза.

Конечно же, он лгал. Она поняла это по его глазам, которые встретили ее взгляд не мигая, с неестественным спокойствием.

В ее памяти возникла первая встреча с Хелен Нгуен: «Господи, сколько лет уже прошло?» Тогда она была моложе, чем Суза сейчас, но уже прошла Гилеад. И, стоя в скромном ка-

бинете женщины, которая, по слухам, была самым безжалостным и успешным агентом Объединенных Наций, она понимала, что поддержка Нгуен поможет ей выжить в мирное время.

«Неумелые лгуны всегда думают, что смогут заставить поверить в их ложь, разговаривая с глазу на глаз, – тихо сказала тогда Нгуен, улыбнувшись так, что стало страшно. – Но они, конечно, не правы. Никакого другого способа научиться лгать, кроме тренировки, нет. Поэтому иди и тренируйся. Если, конечно, ты хочешь на меня работать».

Ли встала и показала большим пальцем на дверь.

– Мы можем поговорить наедине, капитан?

Вся команда затаила дыхание; все зашептались и беспокойно задвигались.

«Хорошо, – подумала Ли, – для морального духа будет даже неплохо, если люди почувствуют, что она хочет из-за них поспорить».

Но это не означало, что она собиралась отчитывать офицера связи Техкома в их присутствии.

Она прошла вслед за Сузой до дверей. В конце комнаты Коэн, небрежно потянувшись, поднялся с места. Он выскользнул в дверь вслед за ними, не спросив даже, нужен ли он им.

– Ладно, – сказала Ли, как только они втроем оказались в пустом коридоре. – А теперь давайте послушаем правду.

– Это – правда, – сказал Суза, продолжая лгать, глядя в

глаза. – Так нам сообщила разведка.

– Нет, не так. Даже в разведке сидят не такие уж дураки. Это ваша первая командировка на Периферию, Суза?

Ответа не последовало.

– Хорошо. Тогда позвольте мне рассказать, о чем вам не сообщили при постановке задачи. Половина населения этой планеты – официально зарегистрированные генетические конструкции. Другая половина не знает, кто, черт возьми, они такие, и им не получить чистого паспорта, даже если им хватит денег, чтобы заплатить за генетический анализ. Единственный настоящий человек в системе кроме вас – это губернатор. Для него специально завозятся воздух, вода и пища, а его служебная машина оснащена системой полного жизнеобеспечения. Судя по тому, какое отношение он имеет ко всему, что здесь происходит, он сам, возможно, находится на Земле. Можно посадить вас в такси и отвезти в места, где люди не видели подлинного человека, и они там будут смотреть на вас так, как вы смотрели бы на мастодонта. Синдикаты же, с другой стороны, это практически соседи. Мы – на расстоянии восьми субсветовых месяцев до Синдиката Ноулза и пятнадцати – до Синдиката Мотаи. Половина грузовых судов системы добросят вас до зоны Синдикатов, если вы обладаете достаточным количеством наличности, будете держать язык за зубами и забудете, что когда-либо встречали своих попутчиков.

Суза попытался что-то сказать, но Ли нетерпеливо подня-

ла руку.

– Я вовсе не потеряла лояльность. Просто реально оцениваю действительность. Для проведения операции мы применяем здесь части специального назначения. А это вряд ли радует кого-нибудь, на чьей стороне бы он ни был. И Секретариату это известно. Поэтому они сейчас вполглаза смотрят на то, что происходит на территориях, находящихся под опекой ООН. И уже миллион лет не случалось такого, чтобы они организовывали технический рейд только потому, что какая-то местная компания преступила допустимый порог дружеского отношения к Синдикатам. Нет. Для этого рейда должна быть причина. И самым правильным для вас было бы прямо рассказать мне о ней.

– Я не могу, – сказал Суза.

Он взглянул на Коэна, ища поддержку, но А1 лишь пожал плечами. Ли ждала. Суза неловко засмеялся:

– Генерал Нгуен предупредила меня о вашей, хм, способности убеждать, майор. Послушайте, я действительно восхищаюсь вами. Вам должны были присвоить полковника еще за вашу последнюю кампанию. Все, у кого голова на плечах, понимают это. С вас должны брать пример... ну, все колонисты. Но вам должно быть ясно, что такая важная политическая информация не доводится до линейных частей.

– Хотя она и доведена до вас.

– Ну, конечно.

– И вы высаживаетесь с нами завтра?

Она постаралась задать вопрос нейтральным голосом. Ей не хотелось унижать его, но она и не собиралась подслащивать пилюлю.

– Нет, – ответил Суза и покраснел.

– Значит, когда начнется стрельба, с нами не будет никого, кто был бы достаточно осведомлен, чтобы дать команду уйти с поля боя во избежание лишних потерь. У меня нет желания посылать своих людей в бой при таких условиях.

Сказанное задело Сузу за живое.

– Это – не ваши люди, майор. Они – миротворцы Объединенных Наций. И они находятся в подчинении Техкома до полного выполнения задания.

– Техком не будет навещать их родителей после того, как мы отправим их по домам в гробах, – сказала Ли.

Она стояла вплотную к Сузе и смотрела ему прямо в глаза, чтобы он мог рассмотреть зеленый сигнал, замигавший за зрачком ее левого глаза, когда она выключила свой «черный ящик».

– Смотрите. Запись выключена. Работает только оперативная память. В ней все будет стерто сразу же, как только мы выпрыгнем за пределы системы.

Конечно, это было не совсем правдой. Но она надеялась, что Суза был слишком молод, чтобы знать все проделки с файлами данных памяти миротворцев.

– Вы не допущены к этой информации, – сухо сказал Суза.

На этот раз он не назвал ее майором. «Нельзя сказать, –

произнес Коэн в сети, – что вы достигли грандиозного успеха». Ли проигнорировала его.

– Тогда скажите, как нам выполнить задание, – спросила она Сузу, – если никто из нас не знает даже, что же мы ищем? Может быть, где-нибудь на Альбе это и прошло бы, но здесь – это слишком опасно.

Лишь на миг взгляд Сузы метнулся в сторону Коэна, и если бы Ли не ожидала этого, то она даже и не заметила бы.

– Ох, – сказала она, – так вот оно в чем дело. Она повернулась к Коэну и внимательно посмотрела на него. Коэн прокашлялся и посмотрел на Сузу:

– Мне кажется, что тебя только что освободили от ответственности.

Суза нерешительно взглянул на Ли.

– Ну, хорошо, пойдем, – сказала она. – Пора вернуться к инструктажу. Я потом догоню то, что пропустила, с записи Колодной.

– Я просто выполняю приказ, – извиняющимся тоном сказал Суза.

Ли пожала плечами и улыбнулась:

– Да, я понимаю.

Коэн затворил за Сузой дверь и прижал ее своей спиной.

– Ну? – спросила Ли, поскольку было очевидно, что он не собирается проявлять инициативу.

– Ну – что? – спросил он, улыбаясь, как нашаливший мальчик.

Она видела, как эта улыбка прошунтировалась через десяток различных интерфейсов.

Сегодняшнее «лицо» Коэна было еще одним образчиком из его серии «нежных мальчишек». Хотя было ли это лицо мальчика? В любом случае оно было красивым и достаточно взрослым, чтобы подходить к костюму, сшитому у дорогого мастера. Где только Коэн находил этих ребятешек? И если даже только половина из них выглядела соответственно своему возрасту, как он ухитрялся обходить законы, запрещающие имплантировать шунты малолетним?

«Ну, по крайней мере, это не Роланд», – подумала она. О той ошибке ей совсем не хотелось бы сейчас вспоминать.

– Ты даже и не планировал рассказать мне? – спросила она.

– Я не могу, – ответил Коэн. – Desolee.²

– Не можешь? Или не хочешь?

– Не могу. Правда. – Он выглядел смущенным. – Я – персона нон грата на Альбе еще со времени фиаско в Тель-Авиве.

– Верно, – сказала Ли.

Она действительно полагала, что Коэн больше никогда не будет работать на Техком после Тель-Авива. И его появление на Метце свидетельствовало о том, что Нгуен искала здесь что-то очень важное, для чего нужен был самый лучший AI из тех, кого можно было найти. Даже если этого лучшего зва-

² Очень сожалею (*фр.*).

ли Коэн.

– А кстати, что случилось в Тель-Авиве?

– Обычное дело. Все, что хорошо начинается, плохо заканчивается.

– Иногда даже очень плохо. Ходят слухи, что тебя хотели лишиться французского гражданства?

Он искоса посмотрел на нее с загадочной улыбкой на «лице».

– Неужели?

– Ну, хорошо. Не хочешь – не говори. Так или иначе, это – не мое дело. Маленький секрет Сузы – это другое.

– Дорогая моя, конечно, я рассказал бы тебе. Я рассказал бы тебе все и вся, если бы только был уверен, что мои откровения не дойдут до ушей очаровательной дамы, генерала Нгуен. Но я не могу. В Техкоме меня заставили сообщить им все входы и выходы в моих сетях до того, как допустили к этой работе. Затем они натравили на меня одного из выдрессированных ими AI. Он так поиграл со мной, что я даже не могу найти, чем он меня наградил. Как унижительно...

– И зачем ты взялся за эту работу? – спросила Ли. – Только не рассказывай мне про деньги. Мне, да это не знать.

Коэн отвернулся.

– Прости меня, Господи! И ты согласился за эти гроши? На операцию, в которой убивают? Как ты мог так поступить с Колодной? Со всеми нами?

Он порылся в карманах брюк и вытащил элегантный ла-

кированный портсигар.

– Закуришь? – спросил он.

– Нет, – сердито ответила она. Но затем согласилась и взяла сигарету.

Сигареты, привезенные из зоны Кольца, были слишком хороши, чтобы от них отказываться, даже из принципа. А Коэн курил самые лучшие.

Он наклонился, давая ей прикурить. При этом он не дотронулся до нее, не приблизился, не заглянул в глаза, тщательно выполняя все запреты, существовавшие между друзьями, которые когда-то были любовниками.

Они молча курили. Она пыталась догадаться, о чем он думает, но, когда она взглянула на него, он просто смотрел в пол, выпуская дым кольцами.

– Послушай, – сказал он в тот момент, когда она собиралась сказать ему, что пора вернуться в комнату для инструктажа. – Нам это было нужно. Я не поступил бы так ни с тобой, ни с Колодной, если бы все шло по-другому.

– Нам нужно? Кому нам?

– Нам – мне.

Он говорил с типичным для независимого AI пренебрежением к индивидуальным границам. Местоимения для него ничего не значили, «я» и «не я» менялись каждый раз в зависимости от функции, которую он выполнял, или контракта, который он подписывал. Это «мы» могло относиться ни к кому или к сотне кого-нибудь. Но, по крайней мере, каза-

лось, что он не набивал себе цену.

Она выбросила сигарету и растерла ее каблуком. Пол из вирусотворного сплава мобилизовал своих уборщиков, как только окурок коснулся его поверхности, и в течение секунд на его матово-серой поверхности от сигареты не осталось и следа.

– Не люблю я эти полы, – сказал Коэн, бросая сердитый взгляд на то место, где только что была сигарета. – Хотел бы я увидеть хотя бы один, который определил бы разницу между тем, что вы выбросили, и тем, что случайно выпало из кармана. Подобным образом я потерял несколько действительно красивых украшений. Не говоря уже об адресе самого красивого мальчика, с которым мне так и не удалось переспать.

– Ты – мученик, – протяжно сказала Ли.

– Да, конечно. У каждого свои трудности. – Он посмотрел на нее в ожидании. – А что ты собираешься делать с этим?

– Позвоню Нгуен и попрошу приказ в письменном виде, – ответила Ли с сарказмом.

– А что еще?

Коэн глядел на нее долго и серьезно.

– Ты можешь всегда на меня рассчитывать.

Он продолжал смотреть на нее с нечеловеческим спокойствием – марионетка, чьи электронные нити кто-то перерезал. За многие годы их дружбы Ли научилась замечать это спокойствие как альпинист, наблюдающий за грозовым об-

лаком над отдаленной цепью гор. Она не понимала, что оно значит. Но это был знак. Единственный, который она видела.

«Кэтрин. – Он говорил в сети тем переливающимся тенором, который она все еще наивно принимала за его собственный голос. – Я не стал бы подвергать тебя риску. Ни за что. Ты знаешь об этом. Ты знаешь меня».

Она смотрела на него. На глаза, меняющиеся с каждым новым «лицом», через которое он шунтировался. На постоянно ускользающую тайну, скрывавшуюся за этими глазами. Из всех, кого она встречала за пятнадцать лет своей официальной службы, он ближе всего подходил к категории друга. Более того, Коэн был самым близким другом из всех, кого она вообще встречала. Ей известны были его привычка к роскоши, его хитрости и юмор, прекрасные тела, которые он менял так же легко, как мягкие сорочки от своего личного портного. Она знала, какие страны он называл своим домом, какому богу он молился. Но когда бы она ни пыталась нащупать в нем что-нибудь реальное, прочное, он словно проскальзывал сквозь ее пальцы, оставляя ее с пересохшим ртом и пустыми руками.

Она не знала его. И сомневалась, что кто-либо мог его знать. А доверять ему? Даже мысль об этом казалась слепым прыжком в темную воду.

– Ты видишь это? – спросила Колодная, задвигая затвор карабина с такой автоматической точностью, что у Ли перед

глазами внезапно возникла картина микрореле, оттягивающих в сторону волокна из стеклокерамики. Только долгое знакомство с Коэном подсказало ей, что он отключил шунт, и вопрос задала сама Колодная.

Они подходили на небольшой высоте, пряча след хоппера в неистовых предрассветных пыльных бурях Метца. Шахматные клетки полей мелькали под ними. Равнина уходила в безликий горизонт, никогда не выдавший ни ледников, ни водных потоков. Хоппер взметал за собой черные столбы вирусотворной почвы, заставляя Ли чувствовать горячий, экзотически пряный запах гниения.

Она прошла вдоль покоробленной палубы на нос хоппера и наклонилась навстречу ветру, внимательно вглядываясь вперед. Ее прибор глобальной системы навигации подсказывал, что цель – близка, близка настолько, чтобы быть визуально определяемой на этой плоской местности. Но терраформирование было проведено на Метце только частично, его атмосфера все еще кишела активными частицами фон Неймана и вирионами, и ее оптика едва пробивала легкий радиационный туман. Она прищурилась, переключилась на инфракрасную, а потом на квантовую телеметрию. Безнадежно.

– Эй, Колодная, – спросил кто-то. – Это AI, оно все еще в сети?

Ли не нужно было оборачиваться, чтобы понять, что говоривший был одним из новобранцев: молодые всегда при-

ходили в восторг от встречи с любимыми AI.

– Пока нет, – ответила Колодная. – И не вздумай назвать его в среднем роде в лицо, если, конечно, не хочешь вывести его из себя. Все AI – мужского рода, так же как лодки – женского.

– Что оно... он чувствует, когда шунтируется?

– Чувствует, будто забежал в горящий дом, – ответила Колодная. – Только дом – это ты.

Ли расслышала в ее голосе иронию, несмотря на треск и рев хоппера. Ли обернулась и увидела, что Колодная все еще чистила свой карабин, с которым никогда не расставалась. Конечно, ей следовало бы сделать замечание. Операция предполагала применение только не смертельно опасного оружия. Но Колодная заработала себе право нарушать отдельные правила. Сегодня и Ли нарушала одно правило: всегда говорить правду.

Она опять взглянула вдаль и обнаружила цель – яркую точку среди темных полей, которая появлялась и исчезала вновь с каждым скачком и наклоном хоппера. Цель росла, приобретая очертания сначала двух зданий, потом пяти. Ворота. Башня. Изгородь из двух рядов блестящей, недавно протянутой острой колючей проволоки отделяла группу строений от окружавших ее полей. Между рядами изгороди была полоса утрамбованной земли шириной с дорожку вокруг бейсбольной площадки. Ли прибавила увеличения на своей оптике и увидела отпечатки собачьих лап на земле.

Разведка сообщала, что объект охраняется патрулями с собаками, и кажется, что хоть здесь они не ошиблись.

Дальше, за дорожкой, высился гладкий куб из вирусотворного сплава – это был готовый модуль, который был произведен посредством станции квантовой телепортации на орбите Метца и спущен сюда. Ли подумала, что именно эта маленькая роскошь и привела к обнаружению лаборатории, поскольку удалось проследить весь путь передачи счета за транспортировку до самой Альбы. В информации, полученной со спутника, куб блестел как жемчужина, но сегодня он был такой же тусклый, как темное небо, отражавшееся в его окнах. К югу от него за длинными невысокими металлическими ангарами с сельскохозяйственным оборудованием находилась обветшавшая громадина свекольного завода.

Ли обернулась и взглянула на свою команду. Шанна, Дэллоуэй, Кэтрэлл и Колодная были ветеранами. О них не нужно беспокоиться. Коэн оставался Коэном. Он выполнит свою работу, как всегда, безупречно, и ей не следовало волноваться о нем, поскольку он физически будет присутствовать только через Колодную. Ее очень заботили двое молодых рядовых новобранцев, которых доставили три дня назад. Им не хватило времени на тренировки. Теперь им оставалось усвоить все в первые минуты или вообще никогда.

– Две минуты! – прокричала она сквозь шум ветра.

Никто не ответил, все ждали соединения с Коэном.

Она в последний раз проверила свое оружие: длинно-

ствольное импульсное ружье, нервный прерыватель, табельное оружие Космической пехоты, названное «гадюкой» за выступающие анодные штыри, похожие на ядовитые зубы змеи, и ее собственный, переделанный вручную пистолет «беретта». Затем она прошла по палубе, широко расставляя ноги, чтобы противостоять бортовой и килевой качке хоппера, и проверила снаряжение команды. Когда она наклонилась к винтовке новобранца, из-за ворота ее рубашки вывалилось распятие и, качнувшись, вспыхнуло золотым блеском.

– Как мило, – сказал юноша и покраснел, добавив запоздалое «мэм». – Откуда у вас это?

Она заправила крестик назад под рубашку.

– Мне подарил его отец.

Закончив с остальными, она подошла к Колодной и присела на корточки напротив нее. Но вовсе не для того, чтобы проверить что-то: Колодная была достаточно профессиональна. Просто хотелось попрощаться прежде, чем она зашунтируется.

– Ну, – сказала Колодная. – Должно быть, будет интересно. Полный праздник души и тела.

Ли пожала плечами.

– По всей видимости, так оно и будет.

– Жалко, что мне не придется этого увидеть. – Колодная улыбнулась во весь рот. – Не забудьте захватить меня на обратном пути.

– Обязательно, – ответила Ли.

Она наклонилась, чтобы взглянуть на карабин Колодной. Ничего обидного в такой проверке не было. И Колодная знала ее так хорошо, что не обижалась. Во время наклона распятие опять выпало. Колодная поймала его. Ли не успела отреагировать, как она уже заправила цепочку ей под рубашку и обмотала вокруг верхней пуговицы воротничка, чтобы держалась на месте.

– Вот так. Лучше, да?

Ли вгляделась в серые глаза.

– Коэн, – сказала она.

– Ты всегда узнаешь. Как тебе это удается? – улыбнулся он.

Ли отстранилась, прошла по палубе, вернулась и села лицом к нему. Спустя мгновение хрипкое контральто Колодной пропело несколько строчек из песни Шарля Трене.

Это была любимая песня Коэна, и ему нравилось напевать ее каждый раз, когда они оказывались в серьезной ситуации. Однажды, когда она спросила его об этом, он сказал, чтобы она сама взяла и поискала ответ. Но она нашла только несколько неинтерактивных сайтов да зашифрованную ссылку на французский Иностраннный легион, которая заставила ее задуматься о том, насколько в действительности стар Коэн.

– Мы начинаем? – спросила она.

Но единственное, что она услышала в ответ, – еще

несколько строк из песни, спетых на этот раз не голосом Колодной, а переливающимся тенором Коэна:

Quand tu souris, tout comme toi je pleure en secret.
Un reve, cherie, un amour timide et discret.³

Ее «оракул» перевел ей эти слова, но она совершенно не могла понять, что общего у тайных мечтаний и пения с техническими рейдами.

Затем она почувствовала, как ее подключили, и ее унесло в пучину мощным подводным течением связанных друг с другом нейронных сетей AI. Он держал ее на связи, постепенно настраивая и отлаживая канал. Затем одного за другим подключил и остальных бойцов команды, пока в сети не зазвучало семь ясных голосов. Отсутствовал только голос Колодной, поскольку ее рефлексы и боевое программирование находились в распоряжении Коэна, и до конца рейда она не должна была появиться. Теперь жизнь Колодной зависела от решений, которые принимал Коэн, пока шунтировался в ней.

«Внимание! – обратилась Ли к команде. – Отключить глобальную систему навигации».

Она отключила систему у себя и почувствовала, как другие сделали то же самое. Потом наступила долгая дезори-

³ Когда ты улыбаешься, я тайком плачу. Мечта, дорогая, – любовь робкая и скрытная. (*фр.*)

ентирующая пауза. Это всегда было худшим моментом для Ли: острое подсознательное беспокойство из-за пропадающего потока информации, убивающее решимость состояние неопределенности и потерянности в пространстве, где Коэн был единственным связующим звеном между ними.

Наконец Коэн начал передавать корректировку позиций ее инерциальным системам, и Ли почувствовала облегчение. Затем, без всякого сигнала тревоги, соединение начало прерываться, пока совсем не пропало. Там, где всего несколько секунд назад Ли чувствовала только огромные бесстрастные сети AI, появилась Колодная.

Один из молодых рекрутов застонал, когда турбулентный поток, искажающий сеть, накрыл их. У Ли перехватило дыхание, она закрыла глаза и ждала, зная, что немедленный выход из сети только ухудшит ситуацию.

Все миновало.

Колодная исчезла, а Коэн появился снова, словно ничего не произошло.

«Проблемы?» – спросила Ли.

Но если даже они и были, он вряд ли бы признался.

Они высадились в северо-западном углу комплекса, сбросив спусковые канаты, пока не появились патрули с собаками. Когда они укрылись в тени свекольного завода, Ли увидела, как биодетекторы кожи бойцов ее команды прошли полный цикл программ маскировочной окраски: небесно-серая,

грязно-коричневая, ржаво-оранжевая.

Дверь в лабораторию была незаметно встроена в боковую стену завода, там, где и указала разведка. Ли оставалась снаружи, пока Кэтрэлл возился с замком. Затем они вместе с Дэллоуэем бегом спустились по лестнице из гофрированной вирустали, чтобы обеспечить прикрытие площадки и дать возможность остальным спуститься следом.

Согласно схеме Сузы, площадка вела к длинному проходу, идущему к внешнему ряду лабораторий. Ли произвела грубое беглое сканирование, убедилась, что соседние лаборатории были пусты, затем рванула по проходу со скоростью восемьдесят два километра в час ровно, в точном соответствии с планом. На бегу она внезапно почувствовала боль в левом колене. Она заплатит за эту скорость позже – кости и связки не могут соперничать со сталекерамикой.

Ли добежала до убежища вместе с первой группой. Она просканировала пространство, внимательно вслушиваясь и осматриваясь. Затем привела вторую группу, и вся команда, перекатами огибая угол, добралась до лаборатории. Они перегруппировались в конце длинного ультрасовременного вирусотворного отсека. Вся лаборатория была построена из керамических блоков. Белые стены, белые светильники, белые полы и потолки. Единственное цветное пятно – изображение красного солнца с лучами, нанесенное на пол через трафарет, – предупреждало о биологической опасности. Под ним отсутствовал логотип компании. Но в лаборатории, ко-

торая, без сомнения, являлась нелегальной, его и не должно было быть.

По всей длине отсека стояли открытые вирусотворные резервуары, опутанные различными питающими линиями и окруженные биомониторами. Половина резервуаров была пуста. Остальные заполняла чистая высококачественная вирусная матричная жидкость.

«?» – передала Ли Коэну.

«Здесь ничего нет», – ответил он.

Они полностью осмотрели лабораторию и двинулись дальше.

Проверку следующих трех лабораторий провели по графику. Но и там не было найдено ничего, что привлекло бы внимание AI. В лаборатории номер четыре Ли прикрывала Колодную, пока Коэн не внедрился в систему удаленного доступа и не совершил первое осторожное вторжение в главный компьютер. Ему потребовалось менее секунды, чтобы подтвердить разведданные. Лаборатория номер пять выделялась, как черная дыра, из всей лабораторной сети полным отсутствием выходных устройств и была эпицентром противозаконной работы, которая проводилась здесь.

Вход в пятую находился за углом в тупике, единственном во всем комплексе. Ли добралась туда первой. Сначала она остановилась, осмотрелась вокруг, жестом послав Кэтрэлла к дальней стене, откуда он должен был прикрывать ее. По его кивку она собрала все внутренние силы и бросилась за угол

– прямо в ослепительное сияние белого света.

Стремительно двигаясь, она влетела внутрь. Не важно, какова опасность, главное – не останавливаться, иначе рискуешь застрять в зоне обстрела. Затем она закатилась за стеллаж с канистрами со стерильным физиологическим раствором, где затаилась, чтобы оценить урон.

Все было в порядке.

Она успешно пересекла луч фотоэлемента, установленного в двери для защиты содержимого незапечатанных лабораторных вирусотворных резервуаров. Биодетекторы ее кожи справились с задачей – замаскировали ее присутствие и нейтрализовали сигнализацию, защитив боевые вирионы на ее коже и форме от воздействия облучения. Никаких проблем.

За исключением одной. Этот луч должен был быть отмечен на схеме, полученной от разведки. Должен, но не был. Она просчитывала, что еще пропустила разведка и будет ли следующий сюрприз таким же безобидным.

Как только Ли убедилась, что сигнализация не активна, она дала команду всем остальным. У них оставалось еще двенадцать минут и двадцать три секунды до возвращения хопера. Времени на ненужные предосторожности не оставалось. Когда периметр был проверен, она разбила группу на пары и приказала им проверить резервуары. Она настроила свою систему связи с реальным пространством так, чтобы принимать сигнал, если чей-нибудь пульс превысит нормальный для боевой обстановки уровень.

Затем она вошла в информационный поток Коэна и вместе с ним внедрилась в систему.

Система безопасности лаборатории оказалась гораздо сильнее обычной программной защиты. Никакой возможности проскочить под радаром не было, поэтому Коэну предстояло преодолеть очень сильных противников. Сеть была разбита на шесть отдельных зон. Он должен был взломать каждую из них в отдельности и в то же время увернуться от квазиинтеллектуальных агентов, защищавших эти зоны. Запасной вход отсутствовал, поэтому невозможно было войти в сеть, не запустив целый пакет защитных программ. И даже если Коэн прошмыгнет мимо них, Колодная физически застрянет в главном компьютере лаборатории, доступная любому вирусу или биоактивному коду, который система направит на нее.

Пока Ли наблюдала, Коэн размотал гладкую серебряную нить кода, скрепив его в свободную ленту Мебиуса, и запустил его на главный сайт компании с обычным сообщением.

«Троянский конь, – подумала она. – Давно описанный в книгах трюк».

Коэн засмеялся до того, как она закончила мысль.

«Хорошее хакерство требует знакомства с классикой, Кэтрин».

«Мы что, уже закончили задачу?»

«Нет, мэм».

В ее сознании опять появился мальчик-школьник, кото-

рый одной рукой залез по локоть в ярко раскрашенную коробку с печеньем.

Ли внимательно посмотрела на него. Мальчик лопнул, словно мыльный пузырь.

«Сконцентрируйся на работе», – сказала она.

Защитная программа «проглотила коня», как и предполагалось. Через восемь секунд сигналы тревоги были отключены во всей сети. Через двадцать три секунды программы системы, защищавшие ее от вторжения, заарканили «коня» и отправили его в отдельный файл – «зоопарк для вирусов». Несколько секунд ничего не происходило. Затем в «зоопарке» возникла зона беспорядочной активности, раздувшаяся в мутное грибовидное облако самовоспроизводящегося, произвольно мутируемого кода.

Ли задержала дыхание, стараясь следовать за кодом, который вращался быстрее, чем мог реагировать ее военный невропродукт. Она выключила виртуальный интерфейс и очутилась в последовательности чисел, ощутив себя плывущей в переменчивом океане независимых сетей, чем, по сути, и являлся Коэн.

Его стратегия работала. Программа безопасности прослеживала каждый новый вирус, взламывала его код и посылала антитоды по всей своей клиентской базе в Объединенных Нациях. Но эта игра была проиграна для обороняющейся стороны еще до первого свистка. Вирус постоянно мутировал, генерируя новый код быстрее, чем система взламывала

старый, заставляя исходящую почту системы расти по экспоненте. И каждая новая копия вируса в паре с антитодом содержала вложенный пакет активного кода, который атаковал принимающую систему, посылая к тому же еще один сигнал о помощи назад в «зоопарк для вирусов».

Через двенадцать секунд сеть стороннего провайдера переполнилась, заблокировалась и выключилась. Цель была обозначена, а Коэн – готов приступить к серьезной работе.

Ли настроила систему связи с реальным пространством на максимальный уровень. Команда все еще собирала образцы содержимого резервуаров. Они методично передвигались вдоль ряда резервуаров, сканируя и записывая результаты. Никакого поиска с целью уничтожения, эта операция – только для сбора информации.

«Отход минус восемь минут десять секунд, – передала она личному составу. – Давайте живее».

Она вернулась в сеть как раз вовремя – наблюдать, как Коэн выуживает серию разрешительных кодов из файлов персонала лаборатории, залезая в базу данных, как системный администратор.

«Все в порядке?» – поинтересовалась она.

«Все сделано, осталось только вынюхать, где здесь кость зарыта».

«Тогда нюхай быстрее. Осталось семь минут сорок одна секунда».

И Ли вернулась назад в реальное пространство.

Они опаздывали. Ли послала Шанну и двух новобранцев в дальний конец лаборатории, просигналив, что сама прикроет средние ряды. Они были на опасной грани опоздания с отходом, но она не собиралась задерживаться, особенно в разгар пыльной бури, все еще бушевавшей наверху. И ее очень беспокоило, что Суза не подготовил запасной вариант отхода.

В нескольких рядах от себя Ли увидела, как Дэллоуэй опустил руку в открытый резервуар, а затем резко выдернул, размахивая ею перед собой. Рука его была покрыта радужной масляной пленкой, на которой развернулась битва между мутирующими вирусами и антивирусами.

«Я плавлюсь! Я плавлюсь!»

«Стряхни ее, Дэллоуэй».

Один из новобранцев закричал.

Крик оборвался; Шанна зажал ему рот рукой, чтобы предотвратить панику. Но когда Ли всмотрелась, то поняла, что парнишку не в чем винить.

В резервуаре было тело. И во всех резервуарах до самого конца лаборатории были тела. Женские тела. Или, точнее, тело одной женщины: небольшого роста, с характерными корейскими чертами (редкость сама по себе для четвертого века человеческой диаспоры) и смуглой кожей, несмотря на искусственную бледность, порождаемую водой и лабораторным освещением.

«Кажется, нельзя устраивать creche⁴ в неправительственной организации, – неопределенно сказал Дэллоуэй. – Разве это не противозаконно?»

«Это не creche, – сказала Ли. – Это просто организмы, питающие невропродукты».

Но это не были разрешенные невропродукты, которые она видела раньше.

Она заглянула в бак, стоявший перед ней, внимательно осмотрела штрих-коды, нанесенные на бледное, болезненного цвета тело, атрофированные конечности, серебряный блеск сталекерамических волокон, обвивающих незащищенные нервные клетки. На первый взгляд этот невропродукт мало чем отличался от встроенного в AI, который был у каждого солдата ее команды, или от применяемого в гражданских системах виртуальной реальности, которым пользовались подростки из богатых семей, чтобы бродить по потопространству. Но этот невропродукт выращивался не на вирусной матрице, а во взрослых телах. А бледные, погруженные в воду лица были настолько идентичны, с такими правильными чертами, так не по-человечески совершенны, что могли принадлежать только генетическим конструкциям-клонам.

Ли пристально смотрела на тела, захваченная эхом, шепотом воспоминания, которое убегало от нее, как испуганный конь, каждый раз, когда она протягивала к нему руку: «Не

⁴ Creche – ясли (фр.).

встречала ли она уже эту линию генетического воспроизводства? На Гилеаде? Не культивируют ли они здесь невропродукт для солдат Синдиката? И почему? Неужели есть кто-то настолько ненормальный, чтобы так рисковать?»

«Можем ли мы проверить эти образцы?» – спросила она Шанну.

«Но что мы будем делать, если это... на что это похоже?»

Ли проверила, сколько осталось времени. Семь минут двенадцать секунд.

«Мы узнаем у Сузы. Коэн, нам нужно связаться со штабом».

«Нет, не нужно».

«У нас здесь ситуация».

«Не обращай внимания. Возьмите образцы и забудьте об этом».

«Ты уже видел то, что мы ищем?»

«Да, – ответил Коэн, но на этот раз по персональному соединению. – И ты не найдешь Сузу на линии, сколько бы раз ты его ни вызывала. Но если ты не уйдешь вовремя, то волноваться по поводу выращивания незаконных конструкций уже вряд ли придется».

Ли поняла слова Коэна сразу же, как Шанна получил первый результат анализа ДНК.

– Они на самом деле конструкции, – сказал Шанна. Кэтрэлл выругался:

– Эти ублюдки выбросили нас на предприятие Синдиката,

даже не сказав нам об этом? Какого чер...

– Прекращай, – сказала ему Ли.

– Какой Синдикат? – спросила она у Шанны. – Какая серия?

Шанна замялся.

– Они... не... Я вообще не думаю, что это – геномы Синдиката. Это – какое-то старье. Обычный продукт эпохи до разрыва. Эти штуки – просто динозавры.

Неожиданно Ли с пугающей ясностью поняла, что ее так тревожило. Это лицо запомнилось ей не потому, что оно принадлежало ее старому врагу, а потому, что это было ее собственное лицо.

Эти конструкции были ее близнецами, их геномы собирали, подвергали анализу и испытывали на выживание в созданном человеком аду шахт Мира Компсона. И они хранились здесь, несмотря на более чем двадцатилетний запрет, действующий на всей территории Объединенных Наций.

Она отвернулась, чувствуя головокружение и тошноту, с надеждой, что это жуткое сходство видно только ей.

– Давайте заканчивать, пора убираться отсюда, – сказала она. – И держите голову на плечах. Нам нужно успеть уйти, а не то нам дадут жара. Семь минут, и начинаю отсчет.

Она включила у себя виртуальное окно и увидела Коэна, продолжающего сканировать файлы.

«Шесть минут пятьдесят одна секунда до отхода. Когда ты узнал об артиллерии?»

«Я только что вспомнил».

«И ты хочешь, чтобы я тебе поверила?»

«Можешь верить, во что хочешь. А сейчас помолчи и дай мне работать».

Она дала ему целую минуту.

«Пять пятьдесят одна. Тебе остается минута двадцать».

«Мне нужно больше».

«У нас больше нет времени».

Она переключилась на прием информации реального пространства. Команда находилась в нерешительности и нервно поедала ее глазами.

«Проверь коридор», – сказала она Дэллоуэю.

И снова вошла в интерактивную связь. Число направлений, по которым искал Коэн, превышало двадцать. Он работал так быстро, что казался ей огромным холодным потоком света, пробежавшим по цифровым рядам внутри лабораторного компьютера.

«Как дела?» – поинтересовалась она.

Никакого ответа.

«Ответь что-нибудь, Коэн».

«Есть!» – сказал он.

Соединение замигало.

– Черт! – сказала Колодная, трясая головой и жмурясь. Потом исчезла, соединение появилось вновь, Ли даже не успела почувствовать головокружение.

«Что это, черт возьми, было?»

«Я не знаю – что-то непонятное в интерфейсе. Дай мне еще минуту!»

«У нас нет ни секунды».

Но через минуту он еще был в сети, а Ли ждала.

«Мне самой тебя отключить?»

И тут она увидела кровь на лице Колодной.

Оттолкнув ее от компьютерного центра, Ли выдернула штекер у нее из головы, понимая, что все равно опоздала. Она все еще стояла на том же месте с проводом в руке, когда первые пули с завыванием пронесли по коридору.

«Всем на пол!» – передал Дэллоуэй.

Ли переключилась на виртуальную реальность и настроилась на трансляцию Дэллоуэя. Кэтрэлл корчился внизу под лестницей. Стуча подошвами, вбежали четверо охранников, последний остановился и перевернул Кэтрэлла носком ботинка, чтобы забрать его винтовку.

«Уходим», – сказала она Коэну.

Вместо ответа она услышала звук упавшего на пол карабина Колодной.

Колодная истекала кровью, которая капала у нее из носа, оставляя водянистые розовые брызги на белой плитке пола. Ее тело дергалось, мышцы ног и спины сводило судорогами. Ли приходилось видеть раньше, как работают живые вирусы. Она и без Коэна понимала, что еще несколько минут и Колодная потеряет способность передвигаться. Ли знала и то, что жизнь ее подчиненной висит на волоске и закончится

прямой линией на мониторе, если им не удастся вытащить ее отсюда.

«Она может идти?» – спросила Ли.

«Пока да».

«А что, если ты отключишь шунт?»

Смех Коэна замерцал по числам язычками лесного пожара.

«Я – это единственное, что ее держит».

В коридоре раздалась стрельба. На этот раз не приглушенный вой разрядов импульсных ружей, а настоящие пули, которые ударились о бетон и сталекерамику. Ли вошла в канал Дэллоуэя и обнаружила, что его зажали в дальнем конце коридора, а Шанна и остальные не могли из-за своего расположения прикрыть его огнем.

Лаборатория казалась теперь в три раза длиннее, чем раньше. Когда они преодолели половину пути, кривые показателей жизнедеятельности Колодной прыгали так, что предупредительные сигналы опасности вспыхивали перед глазами Ли.

– Подожди! – тяжело дыша, сказал Коэн, вырываясь из ее рук и поворачиваясь к компьютерному центру.

Ли проследила его взгляд к пустой руке Колодной и сразу же вспомнила, как с резким стуком на плитки пола упал карабин, никем не замеченный, никем не поднятый.

– Слишком далеко, – сказала она и протянула ему свое собственное импульсное ружье.

– Нет, – ответил он. – Пусть будет у тебя. Ты все равно меня прикроешь. А «гадюка» здесь не поможет. Ты не сможешь ею воспользоваться.

– Никто и не собирается пользоваться «гадюкой», – сказала Ли, наклоняясь, чтобы вынуть «беретту» из кобуры на лодыжке.

Она увидела испуг в глазах Коэна даже сквозь то месиво, в которое превратилось лицо Колодной.

– Кэтрин, если ты попадешь в кого-нибудь из этого...

– Я знаю, – ответила она, начиная двигаться снова. – Давай убедимся в том, что мне не придется...

Осталось пройти всего пятнадцать метров. Но это были самые трудные пятнадцать метров. Никакого прикрытия, только скользкий белый кафель под ногами. А единственное укрытие – ряд резервуаров с физиологическим раствором. Но для того, чтобы добраться до этих резервуаров, им требовалось пересечь всю лабораторию.

Стоило им только сделать шаг, как из-за угла выскочили два охранника. Один из них держал в руках карабин Кэтр-элла и пытался разблокировать замок ДНК. В руках у второго было блестящее дорогое оружие, которое «оракул» Ли определил как систему Калинина калибра 7,62 мм с прицелом «Вологда».

Она метнулась вперед, наклонив голову, и ударила первого охранника под колено раньше, чем он отреагировал. Не останавливаясь, она била его обеими ногами, пока колено с

хрустом не сломалось.

Прежде чем второй охранник развернул и наставил длинный ствол «Калинина» на нее, Ли рывком подняла раненого на ноги и приставила «беретту» к его виску.

Его партнер замер и отвел черное дуло «Калинина» в сторону. Ли мрачно улыbnулась, поднимая своего заложника и продолжая держать «беретту» прижатой к его черепу. Она направилась к резервуарам, чтобы укрыться. Если им удастся выйти отсюда живыми, кому-то здорово влетит за этот беспорядок.

В дверном пролете появились еще два охранника. Как и первая пара, они были одеты в комбинезоны без знаков различия и великолепно вооружены. Ли услышала, как они крикнули заложнику, чтобы тот нагнул голову.

– Я не думаю, что это – правильный совет, – сказала она и крепче сжала ему шею, чтобы он не смог опустить голову и понял, что способен миротворец, оснащенный специальными устройствами, сделать с костями и мышцами.

Ее внутренние системы просто бушевали, включая и выключая сигналы тревоги каждый раз, когда световые прицелы оружия противника попадали на нее, теряли ее и находили снова. Если бы они решили прострелить ее заложника, чтобы попасть в нее, то с ней все было бы кончено. Любой из тех, кого тренировала Ли, спустил бы курок без колебаний даже при неизбежном риске попасть в своего. Но пока эти парни вели себя непрофессионально.

Если ей не изменит удача, то они с Колодной спасутся благодаря этому.

Она укрылась за резервуарами и прижала заложника к стене.

– Послушай. Мне трудно прицелиться, чтобы попасть в твоих друзей, но тебя застрелить – это пара пустяков. Поэтому делай, что я говорю.

Миг спустя он уже медленно двигался от резервуаров к Коэну.

Когда до охранников у двери дошло то, что она затеяла, Коэн уже шел, прикрывшись заложником, подталкивая его карабином Колодной в грудь. Все шло, как было задумано, по крайней мере пока они не добрались до середины лаборатории. Затем Коэн остановился без всякой видимой причины и ослабил захват.

«Смотри!» – предупредила она по его каналу.

Но пока слова возникали у нее в голове, она уже почувствовала, как его уносит по каналу, как листок сильным ветром.

«Какого черта?» – сказал Шанна из коридора.

Затем канал отключился совсем, и Коэн исчез.

Колодная споткнулась и упала, потеряв способность держаться сразу же, как AI перестал шунтироваться. Она рухнула на колени в центральном проходе лаборатории с открытым ртом, дрожа, как подводный пловец, слишком быстро вынырнувший с большой глубины.

– Колодная! – закричала Ли.

На миг, длившийся не дольше удара сердца, все замерло. Ли увидела налитые кровью глаза Колодной, когда та обернулась, выцветшее пятно на рукаве ее формы, заживший след от ожога на руке, полученного во время учебных стрельб.

Затем заложник попятился назад, охранники у двери принялись стрелять, а Колодная, пошатываясь, поднялась на ноги, затем упала лицом вниз и замерла.

Все, что происходило потом, запомнилось серией отдельных кадров.

Бег по коридору под мигающими лампами аварийного освещения с Колодной на плечах. Стремительный взлет вверх по лестнице, треск связок, усиленных сталекерамикой. Столкновение с худым мальчишкой в гражданской одежде с дешевым импульсным ружьем в руках. В сотую долю секунды Ли поняла, что все вышло из-под контроля и сейчас главное – выжить.

Сработали мгновенные рефлексy, невропродукт и сталекерамические волокна: они управляли телом Ли быстрее, чем это было предусмотрено природой. Мальчишка в шоке так и не успел спустить курок, когда ее пуля разорвала ему шею.

Последний рывок по отполированному песком бетону. Вспышка боли от локтя до плеча.

Потом ничего.

Последнее, что сохранилось в памяти, – плоское серое небо, ветер и дождь в лицо. Колодная лежала рядом с ней с открытыми глазами. Над ними лениво клубился дымок, и Ли с удивительной отстраненностью поняла, что это горит ее собственная плоть.

Над ней склонился Дэллоуэй. Он нагнулся и взял ее под мышки.

– Сначала Колодную! – сказала она, но он только покачал головой.

Она снова потеряла сознание и пришла в себя уже на палубе. Кто-то возился с ее ногами, поднимал их и устраивал поудобнее. Медтех вложил в ее левую руку пластиковый пакет для капельницы и приказал держать его.

Она попыталась сказать ему, что она – правша, но ее правая рука была где-то вне ее периферийного зрения и, похоже, не слушалась сигналов, посылаемых мозгом. Так она и продолжала лежать, держа капельницу, приходя в сознание и теряя его, а хоппер натужно поднимался в небо, холодное и мертвое, как глаза Колодной.

СИСТЕМА С ОДНОЙ СТЕПЕНЬЮ СВОБОДЫ

Параграф 2. Положение о регистрации Параграфа 1а и 2а, а также дополнительные положения о регистрации, ограничения передвижения, равно как и другие ограничения, определяемые соответствующими административными правилами согласно принятым в дополнение данной Резолюции, относятся:

а) ко всем гражданам систем, контролируемых Синдикатами, как указано далее в Параграфе 2в;

б) к любому гражданину Объединенных Наций, геном которого более чем на двадцать пять процентов (25 %), как далее определено Параграфом 2д, состоит из патентованного генетического материала, включенного в Список контролируемых технологий в соответствии с Резолюцией Генеральной Ассамблеи 235625-09 с внесенными в дальнейшем поправками.

Резолюция Генеральной Ассамблеи Объединенных Наций 584872-32

ПОЛЕВАЯ СТАНЦИЯ 51-Й ПЕГАСА: 13.10.48

«14000 пФ» «27 000 пФ» «ЦТП готов»

Она проснулась от звука собственного дыхания – жестко-

го, тревожного, похожего на голос ребенка, пробудившегося от страшного сна. Метц был так близко в ее памяти, что она чувствовала его запах. Остальное – имя, звание, возраст – все осталось в темноте. Она потеряла ту часть памяти, где это хранилось, и каждый раз, когда какие-то отрывки появлялись, они тут же быстро откатывались, словно капельки ртути.

«Статус», – запросила она своего «оракула» через интерфейс, который показался ей перекошенным, чужим.

Никакого ответа.

Она открыла глаза и ничего не увидела. Выплюнув фиксатор языка, она попыталась что-то произнести и поняла, что назойливый звук в ушах – это стук ее собственных зубов. Она ощутила стену перед собой и вытянула руки, негибкие и хрупкие, как прутья, чтобы до нее дотронуться. Ее пальцы запутались в питающих трубках и вымазались в липком желе биомониторов. Запястья и локти больно ударились о холодный металл, усилив ее клаустрофобию.

«Гроб».

Ли вытащила это слово из какого-то неизвестного запасника своей мягкой памяти. Теперь стало понятно, где она: в «гробу», в хладоотсеке транспорта, пробуждается после квантового скачка. Должно быть, случилась какая-то неполадка, неожиданно возникшая в системах корабля или в ее собственных внутренних устройствах, поскольку она стала размораживаться так рано. Но эти неполадки не были смер-

тельно опасными, иначе она не лежала бы здесь, беспокоясь о том, почему не в силах вспомнить свое имя до того, пока не загрузится ее «оракул».

«Статус?» – запросила она снова.

«Извлечение системных файлов», – в конце концов ответил ее «оракул».

Все ее системы начали подключаться. В нее загружали данные из жесткой памяти, восстанавливая мягкую память. Плоть и кремний, цифровые и органические системы переплелись вместе. Живая ткань и машина воссоединились в точной до кванта копии майора Кэтрин Ли, замороженной на Метце.

Она включила свои программы диагностики и быстро пробежалась по послескачковым протоколам, проверяя запутанные состояния и ища неисправности в трансформациях Шарифи, сравнивая размер файлов до и после скачка. Все проверено.

Хорошо. У нее нет времени на проблемы. Ей нужно позаботиться о своих людях. Сначала послать представление на Дэллоуэя, чтобы перевести его в другую часть до того, как разразится скандал по поводу случившегося на Метце. И нужно посетить семью Колодной. Какой бы эта семья ни была. Хотя Ли не думала, что эта семья большая.

Затем она поняла, какую шутку с ней сыграла память.

После Метца прошло добрых три месяца. И она уже позаботилась обо всем: о семье Колодной, о переводе Дэллоуэя,

своих предварительных заявлениях перед комиссией по надзору. Ли сделала все это в течение трех дней, упорно борясь с изнеможением и ранением и подключаясь к болеподавляющим программам. Затем она попала в реабилитационные камеры. После чего были замораживание, доставка на скачковом корабле, недели полета на субсветовых скоростях с помощью двигателей Буссара до орбитальной телепортационной станции Метца, а затем пересылка.

Как долго она была в том состоянии? Двенадцать недель? Тринадцать?

Ли почувствовала, как старый страх рос у нее в груди, и поймала себя на том, что просматривает все директории, проверяет и перепроверяет, пытаюсь разобраться в запутанности фрагментов информации мягкой памяти.

«Стоп, – сказала она себе. – Ты знаешь правило. Держись этого скачка, этого места. Опустит последнее. Дай файлам жесткой памяти восполнить провалы. Не дай страху овладеть тобой».

Но страх все равно достал ее. Как всегда. Страх был рационален, разумен, но по опыту поддавался контролю. Он ждал ее у выхода на посадку, а потом сопровождал ее при каждом скачке, на каждом задании, каждое утро, когда она просыпалась в поту от скачкового сна. И страх всегда задавал один и тот же вопрос, на который она не находила ответа: что она потеряла на этот раз?

Восстановление было медленным и неуловимым, как

радиация. Путешественник без специальных внутренних устройств может совершить пять или шесть скачков в своей жизни, не потеряв в памяти ничего, кроме нескольких несвязанных дат и имен. Настоящий урон в памяти накапливается постепенно, виной тому мельчайшие отклонения в состояниях спина при многократных воспроизведениях. Эту медленную утечку информации нельзя остановить без нарушения квантового параллелизма, благодаря которому и существует возможность воспроизведения. Сначала страдает кратковременная память. Потом приходит черед и долговременной. Затем забываешь друзей, тех, кому ты верен, своих близких. Если вовремя не остановиться, стирается все.

Кибернетика способна решить эту проблему. Жесткая память миротворца в боевом снаряжении держит в запасе информацию о каждом миге бодрствования со Дня зачисления на службу. И если вы не лгали психотехам, то в файлах хранились достаточно точные воспоминания периода до службы. Хранившиеся в базе зависимого AI и поддержанные психотропными средствами, эти файлы могли обеспечить рабочую замену потерянным воспоминаниям. Но стоит скачку затянуться, и все, что ты знал, все, что было тобой, вытечет из тебя и перетечет в машину так же неумолимо, как песок перетекает из одной колбы песочных часов в другую. И Ли после того, как ее «оракул» стал доступен связи, а жесткая память восстановилась полностью, могла теперь вспомнить, что за четырнадцать лет, два месяца и шесть дней службы

совершила тридцать семь квантовых скачков.

Она на ощупь поискала замок «гроба», нашла его у правого бедра, там, где он всегда и был, щелчком открыла крышку и села.

Произведенные усилия вызвали у нее спазмы; кашляя, она отхаркивала сгустки слизи. Ли поняла, что не могла оказаться внутри Кольца или на Альбе; Кольцо и штаб Космической пехоты находились всего в одном скачке с любого места на Периферии, и с легкими не было бы плохо, если бы ее не держали здесь в течение нескольких скачков и остановок. И где же она? И почему ее направили на какую-то неизвестную планету Периферии, а не вернули на Альбу для реабилитации?

Она перекинула ноги через борт «гроба» и почувствовала холодную решетку палубных плит под ногами. Хорошо, что нижняя полка. Слава Богу, за малые милости! Она оглядела хладоотсек. На полках над ней в ярко освещенных сотах из питательных трубок и биомониторов стояло множество «гробов».

Большинство пассажиров все еще были в замороженном состоянии; холодные зеленые линии жизнедеятельности мерцали на экранах мониторов их состояния. Палубная плитка из вирустали гудела от сдержанной пульсации двигателей Буссара, работавших вхолостую. Где-то вдали от посторонних взглядов проходил послескачковую проверку штатный экипаж, выявлялись системы, закрытые для

воспроизведения, давались сигналы субсветовым буксирам, которые должны были протащить скачковый корабль над огромными щупальцами полевой станции.

Форма Ли – точная до кванта копия – лежала в тумбочке под «гробом», аккуратно сложенная другой Кэтрин Ли, майором Космической пехоты Объединенных Наций, более не существовавшей. В правом кармане брюк она нашла пачку гигиенических салфеток. Она всегда клала их туда. В левом кармане рубашки лежали ее сигареты, обертка с пачки была снята той, другой Ли, помнившей, какими слабыми бывают пальцы после скачков.

Она наклонилась к «гробу», положила форму рядом и высморкалась.

Боль пронзила ее правое плечо, когда она поднесла руки к лицу. Она дотронулась до источника боли – восьмисантиметрового узловатого шрама, рассекшего ее трицепс до конца плеча. Шрам реагировал на прикосновение. Она повернула голову, чтобы взглянуть на него. На ее смуглой коже он выделялся белой полосой.

Прощальный подарок Метца. Она так и не увидела, кто стрелял в нее. Но этот одиночный выстрел разорвал ей мускул, сухожилие, связку и повредил сталекерамические волокна, проходившие по руке от плеча до кончиков пальцев. Ее «оракул» поведал, что ей понадобилось провести пять недель в резервуарах, чтобы заштопать это. Все, что она запомнила о времени, проведенном там, были болезненные

пробуждения, вопросы врача, яркие вспышки подводной синевы.

Она оделась в форму почти без лишних движений, но при попытке натянуть ботинки оказалось, что пальцы не слушаются. Она засунула ботинки под мышку здоровой руки и, пошатываясь и спотыкаясь как пьяница, пошла вдоль прохода. Зеленые стрелки указывали на выход. Дальше по коридору они приведут ее к чашке кофе и мягкому креслу, где она сможет выкурить свою традиционную послескачковую сигарету.

Она оказалась у входа в комнату отдыха пассажиров, когда транспорт состыковался со своим буксиром и начал медленный субсветовой дрейф к полевой станции.

Ли «прыгала» достаточно много и знала процедуру: они пройдут сверкающие кристальные щупальца полевой станции, потом включают двигатели Буссара и совершат скачок на скорости, почти равной скорости света, чтобы покрыть последний участок их маршрута. Как только это произойдет, они окажутся в медленном времени, лишенными связи, как и любой корабль, идущий с такой скоростью. Они выпадут из этого мира и будут отрезаны от потокопространства и всего человечества, пока не попадут в нормальное время.

Плюхнувшись в пустое кресло, она закурила сигарету и оглядела попутчиков. Двое миротворцев приютились в углу и молча играли в карты. Остальные пассажиры были техами,

служащими компании, профессионалами среднего уровня: люди, чье положение считалось достаточно высоким, чтобы многопланетные компании оплачивали им билеты на квантовые транспортные корабли, но у которых недоставало корпоративных связей, чтобы устроиться в пределах Кольца.

Конечно же, здесь не было конструкций. Частичные конструкции могли теоретически обойти ограничения на выезд со своей планеты и получить разрешение занимать должности в компании или даже стать государственными служащими. Но анализы генома – не дешевы, да и такое случалось нечасто.

Единственным, безусловно, гражданским постантропом в комнате отдыха была высокая темнокожая женщина с белым шрамом на лбу, сидевшая напротив Ли.

«Западноафриканского происхождения», – подумала она. Что-то в теле и в длинной линии спины напоминало о радиационных мутациях. Такое случалось на кораблях старого поколения, которые появлялись из медленного времени, столетия проведя в открытом космосе. Женщина была одета в оранжевый комбинезон теха, но ее волосы были собраны сзади и уложены тонкими элегантными косами. Она что-то считала на мощном потокопространственном компьютере. Ли стало любопытно, почему женщина не удалила шрам. Она так симпатична, что это стоило бы сделать. Фактически красавица.

Женщина поймала на себе взгляд Ли, улыбнулась, и в

уголках ее черных глаз появились лучики. Ли отвела взгляд, но успела заметить молчаливый вопрос в глазах женщины: конструкция перед ней или нет?

Ли могла бы посмотреть на нее снова, обратиться к ней и спросить, к какой системе они причаливают. Но это прозвучало бы очень глупо, как избитый вариант знакомства. Кроме того, всегда существовал ужасный риск быть отвергнутой, страх, что даже для постантропа, чьи гены были деформированы длительным воздействием радиации, она, Ли, урод.

Ли закурила еще одну сигарету и проверила свою почту. После того, как она стерла все ненужное, остались три пункта. Памятная записка из полевого госпиталя на Метце, в которой объяснялось, что врачи смогли поправить в ее руке, а что нет. Ей предписывалось обратиться к врачу по прибытии к новому месту службы. Подробное уведомление о том, что комиссия по надзору отложила принятие окончательного решения по поводу инцидента на планете Метц до полного выяснения обстоятельств. И три сообщения от Коэна.

Она не разговаривала с ним со дня смерти Колодной. Им удалось тогда вынести ее тело, но Дэллоуэй был прав: ничего уже нельзя было сделать. Живой вирус разрушил так много мозга, что, когда медтехи показали Ли снимки, даже ей стало понятно, что Колодной не выкарабкаться.

Колодная вписала Ли в графу «ближайшие родственники» специальной анкеты на случай чрезвычайной ситуации. И не поставила ее в известность. Это открытие потрясло Ли

и напомнило ей, что эта строчка ее анкеты пустовала. Но Колодная была не из тех, кто бросает все на волю случая, она оставила точные инструкции о том, что следует делать, если она погибнет.

Ли точно выполнила эти инструкции.

В момент полного отключения Колодной уже присутствовали техи; они начали выуживать драгоценные частицы коммуникационного конденсата из черепа Колодной еще до того, как она остыла. Ли хорошо понимала, что они делают. Господи прости, ей самой не раз приходилось проводить полевые регенерации при тяжелых обстоятельствах. Но, несмотря на это, ее не покидала мысль, что перед ней стервятники, разрывающие Колодную на части. А когда все закончилось, они с Коэном поссорились так сильно, как никогда в жизни.

Она собиралась в резервуары и была не в себе от антишоковых и болеподавляющих процедур, и ей хотелось уйти от разговора с ним. Но он настоял. После чего забросал ее малопонятными техническими терминами вместо разумных объяснений.

– Ты нас подставил, – в конце сказала она, едва контролируя себя. – И поэтому погибла Колодная.

– Она тоже была моим другом, Кэтрин.

– У тебя нет друзей, – отрезала она, снедаемая подозрением, что если бы она не вмешала тогда личные отношения, то Колодная была бы жива. – Ты не запрограммирован для

этого.

– Не упрекай меня моей программой, – сказал он, когда все понял. – Это глупо.

– Это правда. Это – то, что ты есть. Ты запрограммирован на то, чтобы изворачиваться и манипулировать людьми, выживая у них информацию. Мне все это надоело!

Это был их последний разговор. Ей показалось, что кто-то из них зашел слишком далеко, чтобы рассчитывать на прощение, или они оба поступили так. Во всяком случае, она не была уверена, что хотела простить. Или быть прощенной.

Она смотрела на сообщения Коэна в нерешительности. Потом стерла их, не открыв и не прочитав.

Вызов системы связи начал мигать сразу же, как они выпали из зоны медленного времени. Вызов пришел без опознавательного знака адресанта через отдельную секретную станцию телепортации Совета Безопасности. Кто-то хотел срочно поговорить с ней. Кто-то достаточно важный, так как имел доступ к выходу на частную линию из штаба Главного управления. Она ответила на вызов, и вокруг нее появилась трехмерная комната с высоким потолком и мебелью в стиле возрожденного барокко двадцать второго века. Стол из красного клена плыл на изящно изогнутых ножках над сосновым паркетом, отполированным до блеска поколениями офицерских ботинок. Паркет был уложен елочкой – рисунком, характерным для всего здания Администрации Совета

Безопасности на Альбе. За столом, положив руки на резные листья и завитки подлокотников кресла, сидела генерал Нгуен.

Она была худощавой, элегантной женщиной, хорошо выглядевшей для своего зрелого возраста. От нее было трудно оторвать взгляд даже через спин-поточный интерфейс. Нос с легкой горбинкой, асимметричные скулы, изогнутая левая бровь напоминали неровную гладь натурального шелка и подчеркивали ее хрупкую человеческую красоту.

Нгуен посмотрела прямо на Ли сразу же, как только появилась на связи, их глаза встретились в потокопространстве. Это была уловка политика. Но, даже понимая это, нельзя было не поддаться на нее. И когда Нгуен пользовалась таким приемом, казалось, что она рядом, а не на расстоянии в световые годы от тебя.

– Майор, – сказала Нгуен тихим, но внятным голосом. – Рада вас видеть.

– Здравствуйте, генерал.

Кто-то заговорил с Нгуен из-за пределов потокопространственного проекционного поля.

– Хорошо, – ответила она своему невидимому помощнику. – Скажите делегату Орозко, что я буду через пять минут.

Она снова обратилась к Ли.

– Извините, майор. Я – вся в делах, как обычно. Ассамблея голосует за военные ассигнования, но там еще нужно кое-что доработать. – И улыбнулась. – Вы, наверно, догада-

лись, майор, что у меня для вас небольшое задание.

Ли попыталась заставить свое онемевшее лицо принять выражение вежливого ожидания. Ей приходилось выполнять для Нгуен дела гораздо серьезнее «небольшого задания». Все, что поручала генерал, было сопряжено с риском и требовало личной преданности, подразумевающей гибкое отношение к правилам или даже их полное нарушение. Но благодарности ее были очень щедрыми. И она хорошо помнила добро, но никогда не забывала ошибки.

Следующие слова Нгуен были так же неожиданны, как и неприятны:

– Вы с Мира Компсона, майор?

– Да, – ответила Ли, почувствовав себя неуютно в кресле. «Матерь Божья, только не на Мир Компсона. Куда угодно, только не туда».

– И вы ни разу не были дома со дня зачисления на службу?

Ли не ответила. Сказанное вовсе не было вопросом: Нгуен имела допуск на просмотр ее психофайлов и через пять минут могла узнать столько же о ее личной жизни, сколько помнила сама Ли. Даже гораздо больше, если казарменные пересуды о вытягивании памяти были правдой.

– А почему? – спросила Нгуен.

Ли начала было отвечать, но поперхнулась.

– Это не то место, которое можно считать домом.

– Не то место, которое можно считать домом, – повторила Нгуен, и в ее устах слова прозвучали как загадка. – А теперь

скажите мне, что вы собирались сказать сначала, но передумали.

Ли помедлила с ответом. У нее высохли губы, желание облизнуть их было таким же сильным, как желание расчесывать болячку.

– Я хотела сказать, что, уезжая оттуда, поклялась: лучше умру, чем вернусь обратно.

– Я надеюсь, что вы изменили свое мнение, поскольку через четыре часа ваш корабль причалит к орбитальной станции АМК Мира Компсона.

Нгуен дотянулась до серебряного подноса, на котором стояли графин воды со льдом и два хрустальных стакана. Она налила воды в стакан и подала его Ли. Ли поднесла его к губам, услышав, как кусочки льда позвякивают о хрусталь.

Вода была хороша, но линию с Альбы в целях безопасности так защищали, что высоконагруженные сенсорные данные можно было передавать по ней прерывистыми импульсами. Она сделала маленький глоток, ничего не почувствовала, затем через полсекунды во рту появилась холодная до ломоты в висках вкусовая вспышка. Ли встряхнула головой и поставила стакан.

– Это не там, где вы ожидали проснуться? – спросила Нгуен.

– Я ожидала проснуться на Альбе. Мне нужно на Альбу. Мне требуется продолжить восстановление, начатое в полевом госпитале...

– Альба была бы сейчас неподходящим местом для вас, – прервала ее Нгуен, стараясь быть вежливой.

Она уловила смущенный взгляд Ли и подняла одну из своих безупречно ухоженных бровей.

– Вы ознакомились с докладом комиссии по надзору?

– Пока нет. Я...

– Они уже отправили его выше.

– Выше кому?

– Хотите, я перечислю вам все, о чем в нем говорится, майор? Потеря личного состава в условиях, предполагающих неправильное поведение командира. Использование летальных средств в отношении гражданских лиц. Использование оружия, не разрешенного к применению. Где, по-вашему, вы находились, когда устроили все это? На Гилеаде?

– Они хотят меня под трибунал? – спросила Ли, пытаясь сосредоточиться на мысли.

– Не совсем.

«Не совсем». «Не совсем» означало, что в управлении секретных операций не хотят преждевременно устраивать шум по поводу операции на Метце, что они планируют проверить каждый факт, выслушать все мнения и собрать все свидетельства, прежде чем придать делу огласку. И если Ли не оправдают, никто не будет волноваться.

– Когда я буду давать показания?

– Вы уже дали. Мы загрузили данные с Метца и открыли резервные файлы для адвокатской службы. Вы можете, если

хотите, внести изменения в ваше экстраполированное свидетельство. Но я сомневаюсь, что вам захочется это делать. Ваш поверенный хорошо поработал.

– Хорошо, – сказала Ли.

Ей стало противно от мысли, что с ее файлами обошлись подобным образом. Хотя резервные файлы именно для этого и предназначались. Они создавались в кэш-памяти, совместимой с «оракулами» в архивах штаба Космической пехоты, обновлялись и редактировались в ожидании момента, когда могли понадобиться медтехам. И они совсем не предназначались для использования в качестве свидетельств, способных положить конец вашей карьере, при рассмотрении дел военного трибунала.

– Комиссия еще не приняла окончательного решения, – сказала Нгуен. – Было бы благоразумно дать этому делу немного остынуть. И когда на Мире Компсона возникла эта... ситуация, мы подумали, что вы – самая подходящая кандидатура.

– То есть вы убедили их, что я – подходящая кандидатура.

Нгуен улыбнулась, но эта улыбка не изменила холодного выражения ее глаз.

– Вы получали какую-нибудь спин-информацию с момента размораживания?

Ли отрицательно помотала головой.

– Десять дней назад на одной из шахт месторождения «Анаконда» произошел пожар. Директор шахты – я забыла,

как его зовут, но вам нужно поговорить с ним сразу по прибытии – взял ситуацию под контроль. Но при взрыве, предшествовавшем пожару, мы потеряли начальника службы безопасности станции, и нам срочно нужен кто-то, способный руководить расследованием и помочь людям из АМК возобновить производство.

Нгуен замолчала, а Ли сдерживалась, чтобы во время наступившей паузы не задать вопросы, ответы на которые очень интересовали ее: какое отношение она имеет ко всему этому и зачем Нгуен транспортировала ее на половину расстояния до территории Синдиката, чтобы расследовать происшествие на шахте, с которым справилась бы Комиссия по безопасности горных работ Объединенных Наций?

– Все, что я сказала, – это всего лишь прикрытие для широкой публики, – продолжила Нгуен. – Никто еще не знает, что при пожаре погибла Ханна Шарифи.

Ли постаралась скрыть чувство вины и страха, пронзившее ее при звуках этого имени. Нгуен не знала и не могла знать, что для Ли значила Шарифи. Это была тайна. И чтобы сохранить эту тайну, она потратила полжизни. И была уверена, что это удалось.

Почти уверена.

Ханна Шарифи являлась самым знаменитым физиком-теоретиком в пространстве, подконтрольном Объединенным Нациям. Ее формулы сделали возможным квантовое перемещение, основанное на принципах Бозе-Эйнштей-

на. Ее открытия перевернули всю общественную структуру Объединенных Наций, и вряд ли можно было назвать какую-либо технологию, которая не была бы связана с теорией когерентности. Но все созданное Шарифи было всего лишь частью легенды о ней. Ко всему прочему она была самой известной генетической конструкцией в пространстве Объединенных Наций. Весть о ее смерти всколыхнула бы все потокопространство. А малейший скандал вызывал бы новый всплеск дебатов о клонах среди военных, об обязательной регистрации генетических конструкций, обо всем, что вообще было связано с генетикой.

Ли сделала еще один маленький глоток воды, чтобы чем-то занять свои руки. Вода была еще холодной, и ощущения от нее оставались такими же неприятными.

– Сколько у нас осталось времени до того, как распространится слух о ее смерти? – спросила она.

– Не больше недели. Дольше мы не продержимся, честно говоря. И именно поэтому я посылаю вас туда. Я хочу, чтобы вы взяли на себя обязанности погибшего начальника службы безопасности станции и расследовали обстоятельства смерти Шарифи. Мне нужен там кто-то именно сейчас, пока следы еще свежие.

Ли замерла. После объявления мира она провела целых восемь лет в погоне за техами с черного рынка вместо солдатской службы, которой она была обучена. А теперь Нгуен просит ее снова играть в «сыщика и вора»?

– Ну у вас и выражение лица, – сказала Нгуен.

– Какое выражение?

– Как будто вы думаете: была бы я человеком, то сидела бы себе спокойно за ее столом и не занималась этой неблагодарной работой.

– Генерал...

– Мне интересно, Ли, были бы вы счастливы от закулисной политики и просиживания зада на слушаниях по бюджетным вопросам?

– Я не думала, что достижение счастья было целью этой деятельности.

– Ага. Мы все еще хотим переделать мир, не так ли? А я думала, мы это уже переросли.

Ли пожала плечами.

– Вы еще успеете вкусить всего, Ли. Не беспокойтесь. Только не сразу. То, чем вы будете там заниматься, значит гораздо больше. Война не окончена. И вы знаете это. Она не закончилась с подписанием Гилеадского соглашения или Торгового пакта. И новая война ведется за технологии: оборудование, невропродукты, психопрограммы поведения и управления высшей нервной деятельностью, но более всего – за квантовые технологии.

Нгуен подняла свой стакан, посмотрела в него, как гадалка на кофейную гущу, а потом поставила, не сделав и глотка.

– Шарифи работала над совместным проектом с компанией «Анаконда Майнинг Корпорэйшн». По ее словам, она

была близка к разработке метода искусственного получения транспортных квантовых конденсатов.

– Я полагала, что это невозможно.

– Мы все полагали, что это невозможно. Но Шарифи... ну кто знает о том, что думала Шарифи. Она говорила, что могла это сделать. И этого было достаточно. Она и прежде добивалась невозможного. Поэтому мы организовали ей партнерство с АМК. В их обязанности входило предоставить шахту и конденсаты. Мы обеспечивали финансирование. И... прочие вещи. Десять дней назад Шарифи прислала нам предварительный отчет.

– И что было в этом предварительном отчете?

– Мы не знаем, – тихо и совсем невесело рассмеялась Нгуен. – Мы не можем его прочитать.

Ли прищурилась.

– Шарифи передала зашифрованный файл через станцию телепортации Мира Компсона. Но когда мы дешифровали его, то у нас получился... шум... мусор... просто кучка произвольных спинов. Мы пропускали его через все до одной дешифровальные программы, которые у нас были. Ничего. Он либо безнадежно поврежден, либо соединен с каким-то другим потоком данных, который Шарифи не удалось нам передать.

– Ну, и...

– Ну, и мне нужна первоначальная запись данных.

– Почему не озадачить этим АМК, если они также участ-

вовали в этом деле?

Нгуен подняла бровь.

– Ага, – сказала Ли. – Мы с ними этим не поделились.

– Да, не поделились. И даже не планировали.

– Хорошо, – сказала Ли. – Итак, я получаю файл и делаю так, чтобы он не достался кому-нибудь еще. Это достаточно просто. Но почему я? Почему нужно было тратиться на то, чтобы меня сюда доставить?

Нгуен промолчала, глядя сквозь Ли вдаль. Ли поняла, что она смотрит в окно: в зрачках Нгуен сверкало холодное яркое отражение звезды Барнарда.

– Дело не только в исчезнувшем спин-потоке, – сказала она. – По сути, у нас нет никаких результатов работы Шарифи. Похоже, что она... почистила все перед тем, как умерла. Все выглядит так, что она стерла все до одного следы своей работы из системы. Как будто она планировала скрыть результаты от нас. – На губах Нгуен появилась холодная улыбка. – Итак. Никакой Шарифи. Никакого эксперимента. Никакого набора данных. И к тому же в огне пожара вместе с Шарифи гибнет начальник службы безопасности станции. Кто-то должен быть там и полностью восстановить картину, Ли. Тот, кому я могу доверять. Тот, кто выдержит нападки прессы по поводу тайной деятельности, если до этого дойдет. Кто справится с этим лучше героини Гилеада?

Ли стало неудобно сидеть в своем кресле.

– И не смотрите так, – сказала Нгуен. – Гилеад был по-

воротным пунктом. Здесь пресса права независимо от того, насколько грубо она ошибается во всех других вопросах, касающихся войны. Именно Гилеад привел Синдикаты к столу переговоров. Это позволило не допустить их на Мир Компсона и ко всему, что мы защищали последние тридцать лет. У вас достаточно смелости закрыть брешь, когда все вокруг разваливается на части, и сделать то, что необходимо. И вы не совершили ничего такого, чего мог бы стыдиться настоящий солдат. Я просмотрела запись в фактическом времени. Я уверена в этом, даже если вы считаете по-другому.

Ли нечего было на это ответить. Все, что ей полагалось помнить, было официальным спин-потокком. Ее запись в фактическом времени была засекречена и упрятана в катакомбы хранилища данных под штабом Космической пехоты на Альбе. Гилеад больше не принадлежал ей, не считая тех случаев, когда она видела его в скачковых снах, заносивших ложную информацию в ее официальную память. Эти сны оставляли в ней неприятную уверенность в том, что все уловки и ухищрения, предпринятые, чтобы оторваться от Мира Компсона, когда-нибудь подведут.

– Люди вам верят, – продолжала убеждать ее Нгуен. – Они очень верят вам. Взгляните на себя в зеркало. Бог мой, вам не хватило одного дедушки или бабушки для обязательной регистрации, не так ли? И все ведь из той же лаборатории, в которой вырастили Шарифи? Вы видели ее голограммы? Вы могли бы сойти за ее сестру. – Одна из ее безупречно ухо-

женных бровей выгнулась в дугу. – Технически вы ей такой и приходиться, правда?

– Скорее внучкой, – неохотно ответила Ли.

Для нее было бы куда легче, если бы ее имя не ассоциировалось со словом «конструкция».

– То-то и оно. Какому репортеру в здравом уме придет в голову обвинить вас в нетерпимости к своей собственной бабушке?

Ли пристально смотрела на пол у своих ног. Чьи-то каблуки или ножки кресел за долгие годы продавили отметины на паркете – иллюзия, которая изумляла ее своей осязаемой реальностью, как и палуба у нее под ногами.

«Должен же быть какой-то выход», – думала она. Ей нельзя было возвращаться на Мир Компсона. Было бы безумием полагать, что там ее никто не узнает.

– Я не уверена, что вы цените то, что я для вас делаю, – сказала Нгуен. – Вы устроили на Метце такую заваруху...

– Только потому, что доверилась Коэну.

– Не будьте наивной. Коэн – неприкасаемый. Тель-Авив это доказал. А вы уязвимы в высшей степени. – Нгуен поставила локти на стол, переплела пальцы вместе и посмотрела на Ли. – А знаете ли вы, что являетесь самым старшим по званию офицером в Космической пехоте из всех частичных генетических конструкций?

«А ты-то кто такая, черт тебя побери?» – подумала Ли. Но промолчала. Держать язык за зубами – этой наукой она

за последние пятнадцать лет в Космической пехоте овладела в совершенстве.

– Это выплыло. В ходе трибунала над вами. Вы – ценный кадр, Ли. А это не всем по душе. Половина членов комиссии предпочла бы исключить вас из списков и забыть. Другая половина, включая меня, хотела бы сохранить вас. Все меняется, и вы – тоже. Постарайтесь это уяснить для себя.

– Хорошо, – ответила Ли. – Хорошо.

– Отлично, – сказала Нгуен, по-прежнему продолжая внимательно наблюдать за Ли, как будто оценивая. – Но существует еще одна проблема. Или, лучше сказать, вероятная проблема. У нас есть повод полагать, что сообщение Шарифи было перехвачено.

Тут Ли все поняла, и у нее перехватило дыхание при мысли о том, как высоки были ставки.

Объединенные Нации одержали победу над Синдикатами и удерживали ситуацию в течение десяти лет «холодной войны» по одной простой причине: квантовый транспорт. У Объединенных Наций имелись надежные коммерческие сверхсветовые корабли. У Синдикатов их не было. Объединенные Нации могли моментально доставить войска в любую систему при помощи квантовой телепортации. Синдикаты не могли. Объединенные Нации потратили последние полстолетия на создание широкой межзвездной сети банков квантовой запутанности, позволявшей безопасно передавать квантовые данные через транзитные пространственно-вре-

менные туннели в спин-пене. Синдикаты же перебивались случайно полученными источниками квантовой запутанности, добывая их пиратским путем с кораблей Объединенных Наций или покупая у вольноопределяющихся шахтеров на черном рынке Фритауна.

В конечном итоге все сводилось к Миру Компсона, к его уникальным, невозобновляющимся запасам квантовых конденсатов. Но если кто-нибудь откроет способ получения искусственных конденсатов транспортного класса, наступит эпоха новой технологии, обладатель которой будет контролировать Вселенную. И если эта технология достанется Синдикатам, то баланс межзвездной власти, Торговые пакты, да и весь хрупкий мир разрушатся. Ли поняла, что именно для этого ее направляли на Мир Компсона: не просто предотвратить утечку информации, а устранить последствия уже свершившегося, по мнению Нгуен, факта.

– Кто, по-вашему, перехватил сообщение? Синдикаты? – спросила Ли, делая глоток.

– Мы не знаем. Конечно, надеемся, что это – не они. Мы просто знаем, что связь прослушивалась.

Ли кивнула. Протоколы стандартного поточно-квантового шифрования Совета Безопасности не могли запретить перехват любой передачи третьей стороной, но сама природа квантовой информации подразумевала, что никто не может перехватить сообщение, не деформировав хрупкие состояния спина и таким образом выявив себя.

– Что действительно непонятно, – продолжала Нгуен, – почему неизвестные решили перехватить именно это сообщение.

– Очевидно, кто-то предупредил их о том, что оно будет.

– Очевидно. Но кто это был? Именно это вам и предстоит узнать.

Нгуен разгладила папку, лежавшую перед ней, а затем отложила ее в сторону. Этот жест говорил, что решение принято. И разговор окончен.

– Официально вас переводят на Мир Компсона на замену предыдущего начальника службы безопасности станции. Обо всем остальном... связываться только лично со мной.

– Что-нибудь еще?

– Просто сохраняйте свое обычное здравомыслие и рассудительность. – Глаза Нгуен были черными и непроницаемыми, как камни. – И будьте осторожны. Мы там уже потеряли одного офицера.

– Да, я хотела спросить. Как его звали?

– Ян Войт. Не думаю, чтобы вы его знали.

– Войт, – повторила Ли, но это имя не задело ничего в мягкой памяти, а ее «оракул» выдал ей только файлы общего доступа.

– Нет, – сказала она, – не думаю, что я знала его.

После того как Нгуен отключилась, Ли села у иллюминатора, чтобы посмотреть на свою родную звезду, заполняв-

шую его поцарапанную поверхность.

Она сначала не увидела сам Мир Компсона: шла вторая ночь, и планета была погружена в громадную мрачную тень своей планеты-спутника, орбита которой проходила между ней и 51-й Пегаса. Затем спутник открыл кромку звезды, и Ли смогла впервые ясно разглядеть станцию АМК в тот момент, когда два миллиона квадратных метров ее фотоэлектрических панелей повернулись к восходящему солнцу.

Ли была еще слишком далеко, чтобы рассмотреть зазубрины метеоритных воронок, замерзшие подтеки горючего и сточных вод на внешнем покрытии станции. Отсюда станция казалась похожей на деталь часового механизма с драгоценными камнями. Блестящее кольцо жизнеобеспечения с двойным корпусом вращалось под острым углом к поверхности планеты вдали от траектории массовых полетов. Внутри главного кольца помещались сложные, взаимодействующие друг с другом шестерни прецессионного кольца, стабилизаторы спина и двигатели Стирлинга – космическая мельница, окутанная изогнутыми черно-серебряными стрекозьими крыльями солнечных панелей. А ниже, погруженная в плотную, искусственно генерируемую атмосферу Мира Компсона, лежала «Анаконда».

Шахта не соединялась дорогами ни с одним из основных городов. Единственным путем по поверхности был изрезанный колеями красный проселок, который шел через заросли полыни и колючего кустарника, а затем под старыми атмо-

сферными процессорами, пропадая среди питейных заведений и жилищ шахтеров Шэнтитауна.⁵

На карте этот городок назывался, конечно же, иначе. Но люди, живущие в нем, называли его именно так.

И сама Ли называла его так же.

Ли было шестнадцать лет, когда она пришла в подпольную лабораторию с жалкой тонкой пачкой валюты Объединенных Наций в руке и заплатила генетику, работавшему без лицензии, чтобы он дал ей лицо и хромосомы умершей девушки. Это были первые настоящие деньги в ее жизни – плата по страховке за смерть отца. Она мало помнила о том дне, но ей в память врезалась мысль, что смешно, когда человеку платят за то, что он умер, и что купюры являются единственным документальным свидетельством, что шахтер выполнял работу, которая убила его.

Генетическая операция была безболезненной: просто серия инъекций и анализов крови. На то, чтобы шрамы на ее лице исчезли, понадобилось больше времени, но цель стояла того, чтобы подождать. Она вошла в лабораторию фирменной генетической конструкцией с красной косой чертой на обложке паспорта. Когда она вышла оттуда, ее митохондрии все еще несли на себе серийный номер компании, но остальная часть ее ДНК показывала, что трое из ее бабушек и дедушек были рождены естественным путем. Этого было

⁵ Shanty (англ.) – хибарка, лачуга.

достаточно, чтобы получить гражданство. Через два дня она явилась на призывной пункт миротворцев, скрыла свой возраст и начала проходить процедуру приема.

Комиссия на призывном пункте не задавала лишних вопросов. Им позарез нужны были сильные и молодые солдаты, чтобы бросить их против Синдикатов. А патентованный геном, являвшийся препятствием для поступления на военную службу, сделал ее крепче самогона из кудзу. Кроме того, о чем тут спрашивать? Она была ребенком из шахтерской семьи в бедной окраинной колонии, и ей не светило ничего, кроме долгих сорока лет в штреке. И Ли решила, что зарплата ООН и билет в одну сторону с этой планеты стоили того, чтобы воевать на чужой войне.

Подключение внутренних устройств было самой тяжелой частью процедуры. Психотехи хотели знать все. Детство. Семья. Первый раз с мальчиком. Первый раз с девочкой. Она рассказала им, что могла, но не выболтала всю правду. Остальное ей было безразлично. На тот момент это не казалось сильной потерей – она многое не хотела помнить из своего детства на Мире Компсона, даже если было бы безопасно оставить это в файлах жесткой памяти, куда могли добраться техи.

Теперь, пятнадцать лет спустя, Ли помнила самую малость. Звон церковных колоколов и полуночную мессу. Высокий одинокий стон шахтного гудка. Женщину со светлыми глазами. Худого усталого мужчину, черного в рабочие дни и

белого как снег, когда он смывал угольную пыль по воскресеньям.

Имена пропали. Они принадлежали не Кэтрин Ли, а девушке, которую она стремилась забыть в течение всей своей взрослой жизни, и эта девушка постепенно исчезала с каждым скачком с того дня, когда Ли зачислили на службу.

СТАНЦИЯ АМК: 13.10.48

Никто не встретил Ли на выходе. Она немного подождала, затем слилась с толпой, запросив станцию, как добраться до своего офиса.

Полевой штаб Космической пехоты Объединенных Наций размещался совместно со службой безопасности, что было нередко для плохо финансирувавшихся периферийных территорий. Они находились в самом дальнем конце станции, где-то среди галерей и проходов обветшалого лабиринта зданий общественного сектора. Большинство из пассажиров, летевших с ней, растворились в радиусных коридорах компании, и очень скоро она оказалась в одиночестве. После того, как она вошла под арки общественного сектора, трубы магнитных дорог уступили место бегущим дорожкам, бегущие дорожки – твердой палубе, а палуба – решеткам из виструтали.

По дороге ей всюду попадались пожилые люди. Было очевидно, что они не работали, и она не понимала, как можно

позволить себе платить налог на воздух, не имея хотя бы зарплаты штейгера. По мере того как она попадала в еще более бедные секции кольца жизнеобеспечения, ей стало ясно: это были шахтеры с поврежденными легкими, большинство из них носили носовые дыхательные трубки и тащили за собой на колесиках баллоны с кислородом. Должно быть, уже после ее отъезда АМК подписала соглашение, касающееся пневмокониоза, и дала возможность самым тяжелым больным жить на орбите.

Ли также заметила женщин, носивших чадру. Она попыталась вспомнить, были ли на Мире Компсона представители других вероисповеданий во времена ее детства. Вряд ли удалось обратиться в другую веру тяжело живущих и сильно пьющих католиков, среди которых она росла. Тогда фанатизм любой окраски бурно развивался на Периферии: если уже удалось узреть Деву Марию в квантовых кристаллах, то недолго осталось, чтобы разглядеть Дьявола в имплантированном интерфейсе.

Она проходила мимо убогих витрин, дешевых вывесок, приглашающих в виртуальную реальность, баров, забегаловок быстрого питания. Она нырнула в какую-то дыру под названием «Лапша круглосуточно». Это место ничем не отличалось от других, но здесь было много посетителей и пахло лучше, чем в других местах.

– Что вы хотите? – спросила женщина за прилавком.

– А что у вас есть?

– Настоящие яйца. Дорого, но они этого стоят.

Ли провела взглядом по меню над головой: голограммы лапши с вегокреветками, лапши с вегосвининой, лапши и протеина из водорослей любой воображимой формы и вкуса. Кто-то приклеил написанный от руки ценник под голограммой лапши с яичницей, подняв цену до двенадцати долларов ООН.

– Эй, если вы не хотите, то возьмите что-нибудь другое. Но возьмите что-нибудь, а то за вами – целая очередь.

– Тогда яйца, – ответила Ли и приложила левую ладонь к руке женщины, чтобы перевести деньги.

– Яиц захотелось? – спросил повар, когда она подошла к нему, двигаясь вдоль прилавка.

– Я их целую вечность не пробовала, – ответила она.

– У меня брат держит кур. Посылает яйца из Шэнтитауна на челночном корабле компании. В прошлом году прислал нам целую курицу. Вряд ли могу сказать, что мы ее продали. – Он улыбнулся, и Ли увидела темно-синий от угольной пыли шрам под его подбородком. – Сlopали несчастную за один прием.

На «живой» стене заведения шла спин-информация. Канал актуальных новостей. Политика. Когда Ли повернулась, чтобы посмотреть, во весь экран показали живое и красивое лицо Коэна. Он стоял на мраморных ступенях здания Генеральной Ассамблеи. Вокруг него собралась толпа журналистов, забрасывавших его вопросами о последнем решении по

поводу прав AI.

– Речь идет не о каких-то особых правах для независимых AI, – сказал он в ответ на вопрос, который Ли не услышала. – Это элементарное уважение, заслуживаемое всеми, независимо от того, управляются ли они программой или геномом. Фракция за ограниченные права проповедует двойную мораль. По мнению наших оппонентов, все свиньи равны, но некоторые из них равны более других. Это шаг от равенства, а не по направлению к нему.

Он шунтировался через Роланда, золотоволосого, золотоглазого мальчика, которого можно было бы принять за девушку, если бы не медно-желтая тень над его верхней губой. Ли однажды видела этого паренька, когда он зашел к Коэну в свой выходной день. Они посидели за виртуальным чаем, во время которого он честно признался, уминая оладьи с маслом и девонширским кремом, что деньги, которые ему платит Коэн, – это единственное средство, позволяющее ему учиться на медицинском факультете.

Женщина, повисшая на руке Коэна, или скорее Роланда, была выше его даже без своих восьмисантиметровых каблучков. Ее лицо было знакомо Ли из спин-демонстраций моды, но она не могла понять, являлось ли ее тщательно накрашенное лицо натуральным или синтетическим.

– Значит, вы боретесь за равные всеобщие права? – задал вопрос один из репортеров, ухватившись за последние слова Коэна. – Это похоже на шаг в сторону отмены законов о

генетике.

Коэн рассмеялся и поднял руку, отклоняя вопрос.

– Это меня не касается. Мне и не снилось устраивать склоку между приматами.

– А как вы прокомментируете слухи, что ваши собственные связи с Консорциумом оказали негативное влияние на движение за права AI? – спросил другой репортер.

Коэн медленно повернулся к репортеру так, словно он не поверил своим ушам. Ли подумала, заметил ли репортер небольшую паузу, предшествовавшую его улыбке, и понял ли он, с какой силой кипит гнев за этим безмятежным нечеловеческим спокойствием.

– Никакой связи с Консорциумом не существует, – холодно ответил Коэн. – Но наши оппоненты пытаются выставить любую законную ассоциацию вроде ALEF⁶ как политическую силу Консорциума или оклеветать любого из входящих в нее AI. Это совершенно очевидно.

– Но все же, – продолжал репортер, – вы не можете отрицать того, что... стиль вашей жизни несколько омрачил вопрос, рассматриваемый в ходе этих слушаний.

– Образ моей жизни? – Коэн одарил камеру своей самой очаровательной улыбкой. – Я настолько скучен, насколько может быть скучен бинарный молодой человек. Просто спросите моих бывших жен и мужей.

Ли закатила глаза, искала в системе управление «жи-

⁶ ALEF – Ассоциация независимых искусственных интеллектов.

вой» стеной и переключила ее на спортивную передачу.

– Того, кто это сделал, угощаю пивом! – раздался пьяный голос с какого-то заднего столика.

Ли проигнорировала это; она внимательно смотрела, как новая звезда в команде «Янки» принимала крученный до неприличия удар.

– А вот и ваша еда, – сказал повар, двигая тарелку с лапшой по обшарпанному прилавку.

Беря тарелку, Ли повернула руку ладонью вверх, и стали видны матово-серебряные провода ее системы там, где сталекерамика проходила под кожей ее запястья.

– Так вы – спортивная болельщица, – сказал повар. – Как вам понравились «Янки» в этом чемпионате?

– Мне-то они всегда нравятся, – улыбнулась Ли. – Они, конечно, проиграют. Но я все равно их люблю.

Повар рассмеялся. Шахтерский шрам, повторявший линию его подбородка, ярко выделялся на коже.

– Приходите на финал, и я накормлю вас бесплатно. Мне нужен здесь хоть один, кто не за «Метс».

Ли вышла из заведения, продолжая есть на ходу. Улицы и сводчатые галереи постепенно заполнялись людьми. Ночная смена возвратилась из шахты, а шахтеры второй смены направлялись к челнокам, которые доставляли их на планету. Все бары были открыты. В большинстве из них демонстрировалось спин-вещание, но в нескольких, несмотря на раннее утро, играла живая музыка. Ли остановилась у одного

из баров, привлеченная звуками плохо настроенной скрипки и голосом поющей девушки. В сознании Ли неожиданно всплыли запахи пропитанных дезинфицирующим раствором простыней и тяжелого густого воздуха Шэнтитауна. Она вспомнила бледного, рано состарившегося человека, лежащего на больничной койке. Его кожа была дряблой и обвисшей. Напротив койки стоял доктор и рассматривал расплывчатый рентгеновский снимок.

Мимо проشمыгнул прохожий, толкнув ее в бок, и она почувствовала, что еле сдерживает слезы.

– Ты будешь доедать это? – спросил он.

Она подняла глаза и увидела худого старого пьяницу, уставившегося на ее лапшу слезящимися глазами.

– Черт с тобой, забирай, – сказала она и пошла прочь.

Она думала, что в службе безопасности будет тихо в это время суток. Она ошибалась. Орбитальная станция АМК была шахтерским городом; здесь даже в четыре утра в камерах для нарушителей было оживленно.

Из мрачной государственной конторы сквозь двустворчатые двери в переулок сочился желтый свет. На вывеске большими печатными буквами было написано: «Служба безопасности АМК, подразделение "Анаконда Майнинг Корпорэйшн С. А."», а ниже, буквами поменьше: «Organization de Naciones Unidas 51PegB18». Приемная службы была одновременно основным рабочим помещением и накопителем

для задержанных. Стойка, высотой до груди, разделяла комнату пополам, служа загоном для публики с внешней стороны или работников службы безопасности с внутренней, в зависимости от того, кто где пребывал.

По чьей-то милости стены учреждения были небрежно окрашены в нежно-розовый ясельный цвет; предполагалось, что у арестантов от этого убавится желанья устраивать драки. Ли подумала, что отчасти это работало, она готова была помириться со своим злейшим врагом, лишь бы быть подальше от этого цвета.

На одной из стен висела доска объявлений штаба Космической пехоты, собравшая на себе приказы и распоряжения руководства станции за многие годы, инструкции по технике безопасности и объявления о розыске. Под доской на скамье стонали собранные за ночь беспризорные наркоманы и проститутки, промышлявшие без лицензии. В помещении царил обстановка вялости и уныния. Даже преступники с объявлений по розыску взирали так страдальчески и несчастно, чтобы совершенно не верилось, что они могли украсть или убить. Дежурный сержант одним глазом наблюдал за клиентами, а другим смотрел спин-передачу. Какой-то вышедший в тираж бейсболист рассказывал о чемпионате нью-йоркских команд, тыча указкой в старую карту Нью-Йорка, изданную до введения эмбарго.

– Сержант, – сказала Ли, прислонившись к стойке. Он неохотно поднял голову и быстро вскочил, увидев блестящие

металлические полоски на ее погонах.

– Господи, Бернадетт! – сказал он, глядя куда-то мимо. – Ну сколько раз тебе говорить?

Ли прищурилась и обернулась. Одна из шлюх на скамейке, та, что сидела прямо под вывеской «Не курить!», держала в руке зажженную сигарету. Ее худое тело почти полностью было затянуто в латекс, свободным оставалось только декольте, которое было украшено извилистой замысловатой татуировкой. Она была беременна, и Ли сделала над собой усилие, чтобы не задерживать взгляд на ее неестественно раздутом животе.

Женщина затушила сигарету о подошву ботинка и изобразила неприличный жест искалеченным окурком.

– Извините, мэ, – сказал сержант, обращаясь к Ли. – Могу ли я вам чем-нибудь помочь?

– Я на самом деле ищу свой кабинет.

Он прочел ее имя на бирке, занервничал и обернулся через плечо на дверь за стойкой, на которой не было вывески.

– Гм... все думали, что вы прилетите через несколько часов. Я сейчас позвоню и доложу...

– Не беспокойтесь, – сказала Ли, пересекая поле безопасности и обходя столы, покрашенные под дерево, чтобы попасть в находившийся в глубине кабинет.

Она прошла по узкому коридору, обшитому по полу и потолку решеткой серого корабельного цвета. Кабинет начальника службы безопасности был второй справа; на месте, с

которого убрали имя Войта, кое-где отлетела краска. Клейкая пленка не хотела отрываться, поэтому буква В и куски Й и Т были все еще видны.

– Король умер, – пробормотала она про себя, – да здравствует король!

Дверь кабинета была открыта. Она вошла и увидела двоих, шаривших в ящиках стола. Сумка с ее вещами стояла на полу рядом со столом. Ее уже доставили с транспортного судна. Она не была уверена, но ей показалось, что в вещах тоже копались.

– Джентльмены, – спокойно сказала она.

Оба вытянулись по стойке «смирно». «Оракул» Ли вытащил их личные дела сразу же, как только она прочла имена на бирках. Лейтенант Брайан Патрик Маккуин и капитан Карл Кинц. Формально они оба находились у нее в подчинении, но состояли на службе в планетарной милиции Мира Компсона, а не у миротворцев. По опыту Ли знала, что они могли быть кем угодно, от кристально честных местных полицейских до уличных головорезов в форме. Это также означало, что, как бы она ни старалась, ей будет не по силам преодолеть их лояльность своей конторе, поскольку в глубине их сознания всегда пряталась мысль о том, что рано или поздно она уедет, а они будут отвечать перед компанией.

Оба были крупными мужчинами. Ли осознала, что инстинктивно измерила их, прикинув рост, вес, тонус мышц и наличие специального оборудования внутри.

«Разве прилично так думать об офицерах, подчиненных тебе», – подумала она.

– Мэм, – произнес Маккуин.

Он выглядел долговязым светловолосым ребенком с веснушчатым лицом. Даже в такой ранний час на нем была безупречно отглаженная форма.

– Мы тут чистили стол Войта, хм, ваш стол. Мы не ожидали, что вы так скоро придете.

– Конечно, – ответила Ли.

Маккуин перебирал в руках пачку карточек: создавшаяся ситуация смутила его, а он был слишком молод, чтобы скрыть свое смущение.

Кинц, напротив, стоял, глупо улыбаясь, словно ему было наплевать на то, что она думала.

– Пора бы сообщить Хаасу, что она уже здесь, – сказал он и прошмыгнул мимо Ли в коридор, не извинившись.

Ли промолчала; нет никакого интереса начинать драку, если не уверен, что победишь.

– Мне действительно неудобно, – сказал Маккуин. – Нам следовало бы убрать кабинет и встретить вас у таможни. Это все из-за пожара, мы после него как маньяки. Спасательные работы, идентификация тел, уборка. Мы на самом деле в цейтноте.

Она взглянула на лицо юноши. Припухлость вокруг его глаз говорила не об одной, а о нескольких бессонных ночах в течение нескольких последних циклов станции.

– Хорошо, – спокойно сказала она, – по крайней мере, у вас нашлось время, чтобы позаботиться о доставке моих вещей.

Он кашлянул, услышав эти слова, и Ли заметила, как он покраснел.

– Это все Хаас приказал, – сказал он, предварительно взглянув на решетки сверху и снизу, чтобы убедиться, что в соседних комнатах никого не было. – Я здесь ни при чем.

– Хаас. Это руководитель станции? Маккуин кивнул.

– Значит, Брайан, милиция здесь так работает? Компания вам потихоньку приплачивает?

– Нет! Поинтересуйтесь в моем личном деле. Я просто хочу убраться отсюда и поступить в Военный колледж.

Итак, Маккуин хочет пропуск на учебу на Альбе. А чего еще желать на такой периферийной планете, как Мир Компсона? Квантовый способ перемещения в пространстве подхлестнул межзвездную экономику. Теперь информация, товары и некоторые специально оборудованные люди могли пересекать межзвездные расстояния почти моментально. Но телепортации с планет, оборудование виртуальной реальности и время доступа к спин-потокку все еще стоили так дорого, что большинство колонистов за всю жизнь ни разу и не покинули свои планеты, оказавшись на мели межзвездной экономики. Для колонистов с амбициями военная служба иногда была лучшим выходом.

И она сама тоже пошла этим путем.

Ли запустила своего «оракула» покопаться в файлах Маккуина, и он выудил оттуда целый поток данных: от классов начальной школы до записей в государственной школе в Хелене. Было здесь и несколько заявлений на прием в колледж на Альбе, все с отказом.

– Наверное, тебе очень хотелось поступить, – сказала она. – Ты три раза писал заявление.

Маккуин удивился.

– Этого нет в моем личном деле. Как?..

– Войт не давал тебе рекомендацию, – сказала она, слегка бередя его старую рану. – А почему?

Он покраснел еще гуще. Ли посмотрела на его лицо и увидела там душевное страдание, смущение и искреннюю надежду.

– Не переживай так. Будешь добросовестно работать, пока я здесь, и попадешь на Альбу.

Маккуин сердито замотал головой:

– Со мной не нужно договариваться, чтобы я выполнял свои обязанности.

– А я и не договариваюсь, – сказала Ли. – Тебе выбирать. Будешь хорошо работать, я постараюсь, чтобы об этом узнал тот, кому надо. Это понятно?

– Это – понятно.

Он начал говорить еще что-то, но, прежде чем Ли услышала, из коридора донесся звук чых-то быстрых шагов.

Шаги умолкли, и в дверном проеме показалась голова

Кинца.

– Хаас хочет видеть ее. Сейчас.

Стол Хааса плавал среди звезд.

Он был вырезан из монолитного двухметрового куска конденсата по качеству ниже коммутационного класса. Скорее диковина, но все же бесценная. Полированная поверхность подчеркивала сланцеобразную структуру породы, из которой он был вырезан. Блестящие грани отражали звезды, светившие сквозь прозрачную керамическую панель пола, поэтому казалось, что стол висел в пустоте, погруженный в отраженный звездный свет.

Хаас был крупным человеком с массивной шеей, широкими плечами и аурой решительно сдерживаемой силы. Казалось, что ему нравилось давать волю чувствам, но он научился сдерживать себя железной самодисциплиной. И он совсем не походил на человека, который, по мнению Ли, должен управлять шахтой, являвшейся «драгоценностью короны» АМК.

Он был одет с иголки. Костюм отлично сидел на его широкой фигуре даже в гравитационных условиях станции. Он, видимо, потратил немало денег на генотерапию и косметическую хирургию, чтобы сделать лицо с таким массивным подбородком и выражением агрессивного стремления к законопослушанию. Тяжелая жизнь оставила на нем свои следы, а пожатие его мозолистой руки, когда он поднялся из-за

стола, чтобы поприветствовать Ли, было крепким, как у человека, занимавшегося тяжелым физическим трудом в условиях сильной гравитации.

Ли посмотрела на его руку, когда пожимала ее, и заметила на его мощном запястье часы. Он что, полностью не оборудован? Организм не переносит сталекерамику? По религиозным причинам? Что бы там ни было, но чтобы дорасти до управления компанией, не имея специального вживленного обеспечения для прямого доступа к потокопространству, нужно иметь необычайно развитое честолюбие и непоколебимо следовать правилам рабочей этики.

Хаас показал рукой на дорогое кресло угловатой формы. Ли села, кожаные накладки на ее форменных брюках закрипели, коснувшись сиденья из воловьей кожи. Она сказала себе, что это всего лишь выращенная в резервуаре кожа, искусственная, как и все остальное в этой комнате, включая самого Хааса, поскольку мысль, что кресло могло быть сделано из кожи млекопитающего, была пугающе неприличной.

– Я тороплюсь, – сказал Хаас, как только она села. – Давайте сразу же все расставим на свои места.

– Хорошо, – ответила Ли. – Но все же сначала мне хотелось бы кое-что выяснить. Не хотите ли вы объяснить мне, зачем вы досматривали мои вещи?

Он пожал плечами, абсолютно не смутившись.

– Стандартная процедура. Вы – на четверть генетическая конструкция. Так сказано в приказе на ваш перевод. Ничего

личного, майор. Таковы правила.

– Правила ООН или правила компании?

– Мои правила.

– Я предполагаю, что для Шарифи вы сделали исключение?

– Нет. И когда она пожаловалась на это, я сказал ей ту же гадкую фразу, которую я сказал вам.

Ли не смогла сдержать улыбку.

– Следует ли мне знать о каких-либо других правилах? – спросила она. – Или вы выдумываете их на ходу?

– Очень жалко Войта, – сказал Хаас, внезапно переходя на другую тему, чтобы Ли растерялась. – Это был отличный офицер службы безопасности. Он понимал: что-то – дело ООН, а что-то – дело компании. И что все мы находимся здесь с одной целью: обеспечивать бесперебойную подачу кристалла.

Он откинулся в своем кресле, и пружины заскрипели под его весом.

– Некоторые офицеры безопасности, с которыми мне приходилось работать, не понимали этого. Им не повезло.

– Ну да и Войту не повезло, – заметила Ли.

– Что вы хотите? – спросил Хаас, кладя ноги на блестящую поверхность стола. – Заверений?

Насчет пожара Хаас высказался коротко и по существу. Все началось, когда Шарифи проводила в шахте один из своих хорошо охраняемых экспериментов в реальной обстанов-

ке. Система слежения станции отметила скачок напряжения в полевом AI, контролировавшем орбитальную квантовую установку на АМК. За скачком напряжения почти немедленно последовало возгорание в недавно открытом «Анакондой» пласте «Тринидад». Хаас направил туда спасательную команду затушить пожар в шахте, вывести всех с «Тринидада», заблокировать четыре нижних уровня шахты до проведения инспекции по безопасности. Полевой AI произвел самонастройку после скачка напряжения, и никто больше об этом не думал.

Хаас и Войт спустились в шахту в сопровождении инспектора безопасности, чтобы осмотреть место возгорания. Им не удалось определить причину возгорания, но они порекомендовали приостановить эксперименты Шарифи до конца расследования. Рекомендация была отвергнута Комитетом по контролируемым технологиям. Они вновь открыли пласт сразу же, как только смогли снова запустить помпы и вентиляционную систему, и шахтеры, а заодно и исследовательская группа Шарифи вернулись к работе.

– Все было в порядке, – сказал Хаас Ли. – Я начал работать в шахте десяти лет от роду и хочу сказать вам, что даже не задумался и на минуту, что существует опасность вторичного взрыва. Мне наплевать на то, что показывают локальные спины. Я ни за что не послал бы ни одного шахтера в штрек, если бы думал, что там возможен взрыв. Я так не работаю.

Но он послал шахтеров в шахту. И спустя тридцать ча-

сов она взорвалась. Взрыв был такой мощности, что уничтожил надшахтный копер и дробилку шахты номер три и вызвал пожар, угли от которого тлели еще на десятый день. Орбитальный полевой АІ отключился так же, как и во время предыдущего взрыва. Только на этот раз он больше на связь не выходил.

Потребовалось три дня, чтобы справиться с огнем и эвакуировать отчаянно малое число уцелевших. Урон оказался значительным: одна сгоревшая шахта (причина пожара неизвестна), сбой квантовой трансляции (причина неизвестна), двести семь погибших взрослых – геологов, шахтных техов и шахтеров, семьдесят два погибших ребенка, работавших в шахте в соответствии с правом свободного выбора принимать законы ООН о детском труде. И одна женщина – знаменитый ученый-физик.

– Для меня неясно одно, – сказала Ли, когда он закончил. – Что вызвало первый пожар? Тот, в... – она проверила название в своей памяти, – тот, в «Тринидаде».

– А ничего, – Хаас пожал плечами. – В этой шахте уголь и кристаллы. Воспламенение здесь – обычное дело. И почти никогда не определить, где загорелось, не говоря уже почему.

Ли посмотрела на него с сомнением.

– Боже! – проворчал Хаас. – Мне показалось, что вы отсюда. Я думал, что вы должны хоть что-то понимать.

Ли коснулась виска, где слабые тени проводов проступали

из-под кожи.

– Вы хотите, чтобы я что-то понимала, – рассказываете.

– Хорошо. Квантовый конденсат не горит, майор. Горит уголь. И кристаллы иногда вызывают горение угля. Мы не знаем причину. Это одно из двух условий, о которых вы обязаны помнить, если собираетесь руководить такой шахтой. Это опасно, и это причиняет беспокойство. А еще иногда, как случилось в этот раз, это приносит смерть. – Он громко рассмеялся. – Но на этот раз у кристаллов была помощница. У них была эта чертова Шарифи.

– При чем здесь Шарифи? Вы думаете, что пожар случился по ее вине? Чем таким особым она занималась, чего АМК не делает каждый день?

– Начнем с того, что она вырубала кристаллы.

– И что? АМК добывает их постоянно, но у вас нет ежедневных воспламенений.

– Да, но где мы рубаем их, майор? Вам следовало бы задать этот вопрос. И где делала она?

– Я не знаю, – сказала Ли. – Где она это делала?

– Послушайте, – сказал Хаас. – Пласт подобен дереву. Ему нужно подрезать ветки, придавать ему форму, ухаживать за ним. Но если вы подрежете слишком сильно и сделаете это в шахте, тогда получается пожар.

– Потому что... Он пожал плечами.

– Здесь работают армии исследователей из Техкома, год за годом они мешаются в проходах, тратят наше время и за-

медляют производство. Но когда речь заходит о том, чтобы снабдить нас полезной информацией, они безнадежны. Черт, они не знают элементарных вещей, которые известны любому шахтеру старше двенадцати лет. Как, например, то, что не стоит небрежно обращаться с живыми пластами, если жизнь не надоела. Бекки этого не любит. А когда эта Бекки кого-нибудь невзлюбит, то несчастье не замедлит найти его.

Ли с удивлением смотрела на него. Бекки – так в Шэнтитауне называли квантовый конденсат. Это было шахтерское словечко, созвучное мифам о поющих камнях, заколдованных штреках, сияющих горных воронках. И уж конечно, оно было не из тех слов, которые обычно употреблялись в кабинетах орбитального руководства АМК. И либо корпоративная культура сделала резкий поворот влево в последнее десятилетие, либо этот пожар был еще более странным явлением, чем считал Хаас.

– Я догадываюсь, о чем вы подумали, – сказал Хаас. – Бедный глупый шахтер, видящий поющую Бекки и Пресвятую Деву в каждой шахте. Но я уже давно не хожу в церковь. И поверьте мне на слово, это Шарифи навлекла беду.

– А вы говорили о своем беспокойстве по поводу Бекки, хм, конденсате, самой Шарифи?

– Я пытался. – Хаас сделал нетерпеливый жест, и верхняя шлифованная поверхность его стола отбросила искаженное отражение его движения, будто внутри конденсата пробежали волны. – Конечно, Шарифи должна была знать. Но она

спустилась в шахту и убила себя. И не оставила после себя ничего, кроме вопросов без ответа.

– Я говорил с ней, это – факт, – продолжил Хаас – И знаете что? Сучка рассмеялась мне в лицо. Она была не в себе. Мне наплевать на ее известность. Ну, конечно, она говорила разные умные слова. Эмпирические испытания – туда, статистические данные – сюда. Но главное – она думала, что Бекки разговаривает с ней. И, как и все, кто думал так же, она плохо кончила. Мне только очень жаль, что эта глупая сучка, изображавшая из себя диггера, завалила на себя половину моей шахты.

Ли застыла на месте. Слово «диггер» было одним из самых неприличных слов в том варианте «пиджин инглиш», который был принят в качестве языка общения на планете Мир Компсона. Ли называла так себя, когда еще выглядела чистокровной генетической конструкцией.

Хаас заметил ее реакцию; он повернулся в своем кресле и придал лицу выражение, которое можно было назвать извиняющимся.

– Я, конечно, не говорю о вас.

– Конечно.

– Послушайте. – Он наклонился вперед, сутуля свои большие плечи. – Мне наплевать на то, что собой представляла эта Шарифи. Мне и на вас наплевать. Или на любого другого в этом смысле. На что мне не наплевать, так это на то, что какой-то бюрократ из команды Кольца заставил меня отдать

ей мою лучшую ведьму и закрыть половину шахты, чтобы дать ей возможность поиграться. А теперь, когда все полетело вверх тормашками, все, что они могут сказать мне, – ждите.

– Ну, я не говорю вам – ждите, – сказала Ли. – И чем скорее я спущусь вниз, тем быстрее мы разберемся и позволим вашим людям вернуться к работе.

Хаас откинулся на спинку кресла и рассмеялся отрывистым лающим смехом. Реакция казалась так хорошо отрепетированной, что Ли подумала, не скопировал ли он ее с какой-нибудь интерактивной спин-передачи.

– Мы не занимаемся туризмом, – сказал он. – Шарифи работала менее чем в ста метрах от активного забоя. Вы не попадете даже и близко к этому месту.

– Но Шарифи же было можно.

– Шарифи была знаменитостью. А вы – просто провинциалка, умеющая метко стрелять.

Ли улыбнулась.

– Здорово сказано, Хаас. Но я все-таки доберусь до самого низа. Зачем заставлять меня делать это через вашу голову?

– Да и черт с вами, обращайтесь к кому хотите. Вы были когда-нибудь в шахте? Там можно убиться пятьюдесятью различными способами, и моргнуть не успеете. Мне хватит трупов на этой неделе, и я не пущу вас туда.

Ли встала, подошла к столу Хааса и взяла головную гарнитуру его ВР-устройства.

– Вы будете разговаривать со штабом Космической пехоты или мне поговорить?

Он повернулся в своем кресле и смотрел на нее, раздумывая, блефует она или нет.

– Хорошо, – сказал он после долгой паузы. – Я собираюсь вниз с командой наблюдения приблизительно через два часа. Если вы не передумали, то собирайтесь.

– Не передумала, – ответила Ли, оттолкнув от себя мысль об усталости, надежду на горячий душ и на приятный сон без скачковых кошмаров.

– И не мечтайте, что я буду с вами нянчиться. Сломаете дыхательный аппарат или упадете в шахтный ствол, это – ваша шея.

– Я сама о себе позабочусь. Хаас засмеялся:

– Войт тоже так говорил.

Ли взглянула на звезды у себя под ногами и решила, что пора сменить тему разговора, пока она не передумала спускаться в шахту.

– В Техкоме сказали, когда они собираются заканчивать ремонт вашей полевой установки?

– А вот угадайте. Они – работают. Это на их языке означает: «а нам наплевать, не мы же платим».

«Тут Хаас прав», – подумала Ли. В ООН раньше всех догадались, на что делать ставку. Они поняли еще на заре квантовой эры, в чем будет заключаться реальная власть. И поставили все на развитие новой технологии. Вкладывали сред-

ства, патентовали, создавали тщательно структурированные компании с пятью-шестью многопланетными партнерами, способными поддержать это направление.

Все это происходило в самые темные годы Исхода, когда еще делались попытки заставить Землю работать, а Кольцо представляло собой всего лишь несколько тысяч километров наскоро собранных космических платформ. С того времени ООН использовала идеи Бозе-Эйнштейна для поддержки первого в истории человечества стабильного и эффективно-го межзвездного правительства. Когда генетические бунты пронеслись по Периферии, их удалось сдержать только благодаря контролю Объединенных Наций над орбитальными станциями телепортации. А когда начались набеги Синдикатов, войска ООН использовали те же самые станции при отражении каждого нападения противника, в ходе рейдов к отдаленным яслям и родильным лабораториям, для подавления беспорядков, возникавших там, где высаживались войска Синдикатов.

Но ценой за такую защиту стал полный контроль Объединенных Наций над межзвездным транспортом. И любому, кто сталкивался интересами с Техкомом, нужно было настраиваться на длительное холодное и одинокое ожидание.

Хаас показал своим толстым пальцем на поверхность планеты.

– Мы не можем хранить там больше месячного объема продукции, а Техком закрыл главную станцию телепортации

для частных перевозок после того, как отключился полевой АІ. На прошлой неделе я уволил две тысячи шахтеров. Еще один такой месяц, и в Шэнтитауне начнут голодать дети.

Ли подумала, что они, должно быть, уже голодают. В шахтерском городе грань между живыми и умирающими была очень тонкой. Иногда невыдача месячной зарплаты толкала семью за эту грань.

– Могу поклясться, что лучше иметь дело с Синдикатами, – продолжил Хаас. – По крайней мере, когда ломается их работник, они его чинят. Или расстреливают. Этого достаточно, чтобы поддерживать принцип двусторонних отношений.

Он посмотрел Ли в глаза и побледнел, осознав, с кем он разговаривает.

Она спокойно смотрела на него. И так, Хаас – за отделение или, по крайней мере, не против рассмотрения этой идеи. Ли сомневалась, что сепаратистская болтовня на Мире Компсона может сейчас служить поводом для ареста, но неприятностей со своим корпоративным начальством он определенно не избежит.

«Хорошо, – подумала она. – Пусть сукин сын поерзает».

Но пытаться усугублять ситуацию она не собиралась.

– Перестаньте, – сказала она. – Я бывала на танцах достаточно, чтобы понимать: сказать что-то не значит сделать это. И я здесь для того, чтобы расследовать обстоятельства гибели Шарифи, а не ваши политические взгляды.

Вставая с кресла, Ли потеряла рукой его подлокотник, покрывая полированную сталь тонким слоем отмерших клеток. Перепрограммирование кожных «жучков» для наблюдения запрещалось законом. Но она не помнила случая, чтобы кого-нибудь фактически наказали за это. И если она выловит что-нибудь в мутной воде, то сможет извлечь кое-какую пользу из этого, неважно с ордером или без.

Она уже повернулась к выходу, когда ей показалось, что она услышала шорох откуда-то из тени большого стола. Она остановилась, прислушалась и смогла бы поклясться, что почувствовала запах духов. Она посмотрела на Хааса, но он снова углубился в свои бумаги и, казалось, ничего не замечал.

Неужели кто-то подсматривал? Неужели во время их встречи здесь был еще кто-то?

«Нет, – подумала она. – Никаких женщин здесь не было. Просто небольшие шумы, как на каждой станции. От включения и выключения подачи тепла, от воздуха в вентиляторе».

Ничего не было.

СТАНЦИЯ АМК: 13.10.48

Ли зашла на борт, когда Хаас с командой уже ждали в тесном пассажирском отсеке челнока. В проходе она разделась и стала натягивать на себя одолженное ей шахтерское обмун-

дирование и снаряжение. Большинство пассажиров отвернулись, Хаас – нет.

В комплект входили альпинистские ремни из микроволокна, устройство для дыхания с кислородным баллоном, аптечка первой помощи с эндорфиностимуляторами, заплата из синтетической кожи и старомодный вирусный жгут. Ли развернула и натянула на себя ремни, вздрогнув, когда знакомое движение напрягло ее раненую руку. Полный комплект весил меньше снаряжения пехотинца, которое Ли приходилось носить на себе во время войны с Синдикатами, но само ощущение сбруи на плечах напомнило ей об опасностях, ожидающих ее в глубине шахты.

Хаас склонился над ней, и сейчас он выглядел гораздо крупнее, чем в кабинете за своим огромным столом. Его плохое настроение, казалось, исчезло. Он был вполне любезен, когда представлял Ли геологам и инженерам команды наблюдения, и не представил ее только женщине, сидевшей рядом с ним. Ли поняла причину с первого взгляда. Ответ был в сюрреалистическом цвете ее глаз, в ее нечеловеческом, почти отталкивающем совершенстве. Природа никогда не создавала людей с такой внешностью, и ни одному человеческому генетику не под силу было сконструировать такое лицо. Она могла быть только произведенной в Синдикатах в период после разрыва генетической конструкцией серии «А» или «Б».

Хаас перехватил взгляд Ли на эту женщину и жестом соб-

ственника положил руку ей на плечо.

– А это наша ведьма, – сказал он бесцеремонно.

Ведьма замерла под рукой Хааса, как хорошо выдрессированное животное, но что-то в ее позе говорило, что его прикосновение было ей неприятно. Хотя думают ли подобным образом конструкции из Синдикатов? Программируется ли «расположение» и «нерасположение» в их яслях? Могут ли чувства быть вычленены из совершенных, неизменяющихся, проверенных на симуляцию геномов? Или, может быть, негативные чувства были просто исключены, как и все другое, что создает индивидуальность?

Ли назвала себя и протянула руку.

Ведьма помедлила, затем осторожно протянула свою руку, как исследователь, приветствующий аборигенов, представляющих потенциальную опасность. Ее ладонь трепетала словно птичка в твердой руке Ли, и она склонила голову так, что Ли стала видна бледная изгибина ее лба. Темные волосы, прямые как лезвие ножа, спадали в обе стороны от пробора. Ли тайком наблюдала за ней после того, как все заняли свои места, и пилоты приступили к последней предполетной проверке. Она провела половину жизни в борьбе с Синдикатами, но ей редко удавалось так близко соприкасаться с генетической конструкцией такой высокой категории. Эту конструкцию, наверно, выращивали в резервуарах в орбитальных родильных лабораториях над планетами Синдикатов. Она росла в яслях среди своих двойников, никогда

не видя других, непохожих на нее, никогда не слыша другого голоса и не ощущая прикосновения, кроме своего собственного. И раз она прожила достаточно долго и сумела попасть сюда, то она успешно прошла выбраковку и многочисленные проверки на соответствие нормативам, целью которых было исключить физические и психические отклонения ради достижения вымуштрованного, безоговорочно подчиняющегося, неизменного совершенства, задуманного разработчиками Синдикатов.

Ли обвела взглядом других пассажиров. Даже те из них, кто, казалось, не смотрел на ведьму, думали о ней и притягивались к ней, словно железные опилки, выстраивающиеся под воздействием магнита. Она пленяла красотой своего лица, грациозностью тела, той женственностью, которая исходила от нее. Но Ли представила фронт, тянувшийся по Большому Разделу южного континента на Гилеаде. Она вспомнила идеологические лозунги Синдикатов, полные агрессии и провозглашавшие превосходство Синдикатов и их презрение к общечеловеческим ценностям.

Ли подумала, что, возможно, Нгуен была права. Вероятно, Ли ничего не смыслила в политике, а представляла собой шаблонный, вызывающий чувство неясной жалости тип – старый солдат, неспособный взглянуть миру в глаза. Но была ли она единственным солдатом, полагавшим, что ООН распродавала результаты тяжело доставшихся побед ради прибыли многопланетных партнеров? Была ли она единствен-

ной генетической конструкцией в Объединенных Нациях, которая полагала, что тридцатилетний контракт все же являлся формой рабства, несмотря на то что рабовладельцами выступали конструкции, а не люди? Зачем эта женщина была здесь? Что такое могла она предложить, что оправдывало бы риск ее присутствия?

– Самое лучшее вложение денег, которое мы когда-либо делали, – сказал Хаас, как бы отвечая на молчаливые вопросы Ли. – За первые шесть месяцев, после того как мы приобрели ее контракт с Синдикатом Мотаи, мы утроили объем выпускаемой продукции и вдвое сократили выплаты. Фантастика, а?

– Да, – ответила Ли. – Конечно, это фантастично. И могу поспорить, что профсоюзам это пришлось не по душе.

– Что? – Хаас посмотрел на нее так, словно хотел плюнуть. – Кто-то кормит вас сказками, майор. Здесь нет никаких профсоюзов.

Он вытянул руку перед лицом Ли и отодвинул занавеску на иллюминаторе, чтобы проверить, долго ли еще лететь до планеты. Они уже влетели в атмосферу, и на крыльях челнока были видны огненные всполохи. Под ними, словно карта, распростерлось угольное месторождение. Ли увидела широкую низину, оставленную океаном, высохшим за три геологические эры до того, как люди вступили на Мир Компсона. Надшахтные коперы и здания самих шахт выстроились в извилистую линию по краю долины, повторяя очертания

угольного пласта. Далеко над ними нависали Черные горы, их зубчатые вершины уже были озарены красноватым утренним светом. Хребты этих гор тянулись до самого Континентального раздела.

Ей хватило всего лишь мгновения, чтобы понять, что внизу было что-то не так. На уступах гор почти вплоть до высоты в четыре тысячи метров лежал густой туман, дальше до самого основания скал шел тонкий слой зеленой окиси. Когда Ли видела эти скалы в последний раз, они вылезали за границу атмосферы и были покрыты местными лишайниками скучного оранжевого цвета. Она не узнавала планету, которую оставила когда-то, и ясно различаемые следы деятельности человека за прошедшие пятнадцать лет охладили сознание.

Планета Мир Компсона была живым парадоксом межзвездной эры: несмотря на все ожидания и опасения при планировании первого контакта, на тридцати восьми планетах двадцати семи звездных систем конденсаты Мира Компсона были единственными свидетельствами сложных форм жизни, найденными человечеством во Вселенной. И к тому времени, когда люди попали на эту планету, на ней не было уже никаких следов жизни, кроме высокогорных тундр, поросших простейшими растениями типа водорослей.

Ли смотрела вниз на все расширяющиеся следы человеческого присутствия на планете и думала о суетных жизнях, принесенных в жертву угольным пластам. Первыми людьми,

пришедшими на планету с киркой и лопатой, были палеонтологи, а не шахтеры. О всех тогдашних исследованиях было написано множество книг, которые Ли жадно читала, лежа в своей тесной спальне в Шэнтитауне.

Конечно же, ученые были противниками терраформирования. Но первый квантовый прорыв лишил их всяких шансов. Началось строительство шахт, появились генетические лаборатории, а с того дня, когда заработал первый атмосферный процессор, из планеты Мир Компсона стала уходить жизнь. Ли вспомнила сейчас десятки разумно устроенных и управляемых планет, прошедших терраформирование, которые ей удалось посетить за годы своей службы, и подумала, что, возможно, она одна из последних людей во Вселенной, кто помнит еще непокоренный мир.

Ей показалось, что Хаас разговаривал с ней. Она очнулась, быстро соображая, что пропустила.

– Обычно ведьмы в Шэнтитауне – чистые подделки, – говорил он. – Я знал всего лишь трех, самых лучших, которые действительно умели находить живые кристаллы. И две мерзавки никогда не докладывали о находке в АМК, пока на деньги, вырученные за ее продажу, не упайвали всю знакомую шантрапу. Проклятые вольноопределяющиеся.

Он резким движением пристегнул ремни, готовясь к посадке.

– Подземная демократия, ну ее в задницу. Воры! Ли пробормотала что-то неопределенное.

– Эй, – крикнул Хаас пилоту. – Включи-ка какие-нибудь новости!

Пилот порывлся в каналах, пока не нашел местную спин-передачу из планетной столицы Хелены. Журналист в костюме брал интервью у молодого человека в шахтерском снаряжении.

– Итак, каким же все-таки, – спрашивал журналист, – будет ваш ответ на заявления АМК, что требования профсоюзов по поводу безопасности – это всего лишь поиски предлога для повышения заработной платы?

Камера показала интервьюируемого, и Ли поняла, что это был не шахтер, несмотря на поношенный комбинезон и старое снаряжение. Его прическа была слишком дорогой, а зубы и кожа выглядели слишком здоровыми для жителя Шэнтитауна. У него было лицо человека Кольца. Человеческое лицо. Он выглядел так, словно сидел где-то в Калле Мехико и потягивал мате с кокой, а не портил свои неприспособленные легкие на территориях, находящихся под опекой ООН.

– Я хотел бы сказать две вещи, – ответил молодой человек с акцентом, который мог достаться ему только в наследство от многих поколений выпускников элитных частных школ. – Первое – любой, кто сомневается в реальности проблем безопасности, должен взглянуть на статистику: смертность среди шахтеров на пласте «Тринидад» компании АМК за последние шесть месяцев выше, чем смертность среди личного состава частей и подразделений на передовой во время

войн с Синдикатами. Во-вторых, я хотел бы напомнить зрителям, что, хотя города компании на планете Мир Компсона вышли из Хартии прав человека, сами многопланетчики и планетные законодатели подлежат суду общественного мнения. Каждый потребитель обязан голосовать своим кредитным чипом, встречаясь с таким явлением, как неприкрытое корпоративное нарушение основных человеческих...

– Выключите это дерьмо! – прокричал Хаас.

Тихий щелчок прекратил передачу, и пассажиры погрузились в неуютную тишину. Ли уперлась лбом в иллюминатор и смотрела, как огни Святого Эльма лижут крылья челнока, спускающегося на ограбленную планету.

Шахта номер три все еще горела; пилот облетел тлевшие руины и посадил челнок на усеянную отметинами от пламени ускорителей взлетно-посадочную площадку, затерявшуюся на пустыре среди следов от тракторных гусениц.

Члены экипажа надели дыхательные аппараты и шлемы и без всякого энтузиазма стали не спеша спускаться по трапу. Рядом с площадкой высились пирамиды пустых бочек из-под химикатов, проржавевших до такой степени, что их стенки превратились в коричневые кружева, хорошо подходящие к веселеньким зелено-оранжевым этикеткам с эмблемой Фритауна. Почва под ногами была желтого цвета, повсюду валялись похожие на монстров остатки каркасов угольных транспортеров. Никто не приехал их встретить, поэтому

они сами побрели к комплексу зданий шахты номер четыре. В комплекс входили надшахтный копер и дробилка; вместе это выглядело шаткой алюминиевой конструкцией с отражателями, развалившейся, подобно пауку, рядом со стволом шахты.

Ли не торопилась надевать дыхательный аппарат, а просто прикрепила его загубник к воротнику, чтобы не мешал. Она заметила, что Хаас и ведьма сделали то же самое. Но потом она пожалела о своем решении – поднималась пыльная буря, и с каждым шагом ветер забивал ей рот кислой угольной золой.

У двери надшахтного копера висело большое, напечатанное крупным шрифтом объявление. Хаас ударил кулаком по стене рядом с ним так, что задрожала обшивка, а в нижней части объявления появилась заметная отметина.

– Пробежитесь по тексту, – сказал Хаас.

Но из упрямства она прочла все очень внимательно, вдумываясь в каждое слово, прежде чем убрать сканирующую пластину.

ПРАВИЛА ШАХТЫ

«РАБОТНИКАМ И ПОСЕТИТЕЛЯМ НЕОБХОДИМО ОЗНАКОМИТЬСЯ И СОГЛАСИТЬСЯ С ЭТИМИ ПРАВИЛАМИ В КАЧЕСТВЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО УСЛОВИЯ ВХОДА В ШАХТУ. ВХОД ПОДРАЗУМЕВАЕТ: ОСВО-

БОЖДЕНИЕ „АНАКОНДА МАЙНИНГ КОРПО-РЭЙШН“ И ВХОДЯЩИХ В НЕЕ КОМПАНИЙ, ДОЧЕРНИХ КОМПАНИЙ И КОМПАНИЙ-ПАРТНЕРОВ ОТ ОТВЕТСТВЕННОСТИ; ПОЛНЫЙ ОТКАЗ ОТ ВСЕХ ПРАВ И СРЕДСТВ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ, ВКЛЮЧАЯ И ОГОВОРЕННЫЕ В ПРАВИЛАХ КОМИССИИ ПО БЕЗОПАСНОСТИ ГОРНЫХ РАБОТ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ, А ТАКЖЕ В ЗАКОНАХ ЭТОЙ ИЛИ ЛЮБОЙ ДРУГОЙ ЮРИСДИКЦИИ О КОМПЕНСАЦИЯХ РАБОЧИМ.

1. ВСЕ РАБОТНИКИ И ПОСЕТИТЕЛИ ОБЯЗАНЫ ПРОЙТИ РЕГИСТРАЦИЮ НА ВХОДЕ В ШАХТУ И НА ВЫХОДЕ ИЗ НЕЕ В КАБИНЕТЕ НАЧАЛЬНИКА ШАХТЫ НАВЕРХУ И В ОТДЕЛЕ ПОЖАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ВНИЗУ ШАХТЫ.

2. ПОДЪЕМ И СПУСК КЛЕТИ ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ ПО ТРЕБОВАНИЮ, НЕ ПОЗДНЕЕ ЧЕМ В ТЕЧЕНИЕ ПОЛУЧАСА С НАЧАЛА ПЕРЕСМЕНКИ. КЛЕТЬ НЕ ПОДНИМАЕТСЯ И НЕ ОПУСКАЕТСЯ НИ В КАКОЕ ДРУГОЕ ВРЕМЯ, ЗА ИСКЛЮЧЕНИЕМ ПРЯМЫХ УКАЗАНИЙ НАЧАЛЬНИКА ШАХТЫ.

3. ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ПОЛНОЙ РАБОЧЕЙ СМЕНЫ – ДЕСЯТЬ ЧАСОВ. ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ПОЛНОЙ РАБОЧЕЙ НЕДЕЛИ – ШЕСТЬДЕСЯТ ЧАСОВ. НЕОТРАБОТКА ПОЛНОЙ СМЕНЫ/РАБОЧЕЙ НЕДЕЛИ ВЛЕЧЕТ ЗА СОБОЙ ВЫЧЕТЫ ИЗ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ И/ИЛИ УВОЛЬНЕНИЕ.

4. В СООТВЕТСТВИИ СО СТАТЬЕЙ 1.5978-2С1П ПРАВИЛ КОМИССИИ ПО БЕЗОПАСНОСТИ ГОРНЫХ РАБОТ ООН АМК ЯВЛЯЕТСЯ ОДОБРЕННОЙ ООН ГОРНОДОБЫВАЮЩЕЙ КОМПАНИЕЙ, РАБОТАЮЩЕЙ НА ДОБРОВОЛЬНОЙ ДОГОВОРНОЙ ОСНОВЕ. ЭТА СТАТЬЯ И ДРУГИЕ СТАТЬИ ПРАВИЛ БЕЗОПАСНОСТИ КОМИССИИ ООН ВЫВЕШЕНЫ ВВЕРХУ И ВНИЗУ ШАХТЫ. НЕСОБЛЮДЕНИЕ УКАЗАННЫХ ПРАВИЛ ВЛЕЧЕТ ЗА СОБОЙ ВЫЧЕТЫ ИЗ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ И/ИЛИ УВОЛЬНЕНИЕ.

5. МЕСТА РАБОТ, ГДЕ ПРИСУТСТВУЕТ МЕТАН ИЛИ УГАРНЫЙ ГАЗ, ИМЕЮТ ПРЕДУПРЕЖДАЮЩИЕ ОТМЕТКИ НА КОНТРОЛЬНЫХ ДВЕРЯХ. НИКТО, КРОМЕ НАЧАЛЬНИКА ШАХТЫ ИЛИ ОТВЕТСТВЕННОГО ЗА ПОЖАРНУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ, НЕ ИМЕЕТ ПРАВА ПРОХОДА ЧЕРЕЗ КОНТРОЛЬНУЮ ДВЕРЬ БЕЗ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАЗРЕШЕНИЯ. АМК НЕ НЕСЕТ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ШАХТЕРОВ, ПРОИЗВОДЯЩИХ ВЫРУБКУ И ОТГРУЗКУ ЗА КОНТРОЛЬНЫМИ ДВЕРЯМИ С ПРЕДУПРЕЖДАЮЩИМИ ОТМЕТКАМИ.

6. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЛЮБЫХ ЛАМП, КРОМЕ БЕЗОПАСНЫХ ЛАМП (ЛАМП ДЭВИ), ВНИЗУ ЗАПРЕЩЕНО. ВСЕ ЛАМПЫ ДОЛЖНЫ В КОНЦЕ КАЖДОЙ СМЕНЫ СДАВАТЬСЯ ЛИЦУ, ОТВЕТСТВЕННОМУ ЗА ПОЖАРНУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ, НА ПРОВЕРКУ. СТОИМОСТЬ ЗАПРАВКИ ВЫЧИТАЕТСЯ ИЗ ЗАРАБОТНОЙ

ПЛАТЫ. СТОИМОСТЬ РЕМОНТА ИЛИ ЗАМЕНЫ ПОВРЕЖДЕННЫХ ЛАМП ВЫЧИТАЕТСЯ ИЗ ЗАРПЛАТЫ.

7. СОБАКИ БЕЗ СПРАВКИ ОБ ОТСУТСТВИИ БЕШЕНСТВА И ИНФЕКЦИОННОГО ТРАХЕОБРОНХИТА В ШАХТУ НЕ ДОПУСКАЮТСЯ.

8. РАБОТАТЬ В ШАХТЕ – ЭТО ПРИВИЛЕГИЯ.

НИКАКИХ ПОДСТРЕКАТЕЛЬСТВ! НИКАКИХ СВЯЩЕННИКОВ!»

Пока Ли читала, на поверхность поднялась дурно пахнущая и грязно ругающаяся толпа шахтеров. Спины их еще не могли разогнуться от изнуряющей работы в забое, но лица, покрытые жирной угольной пылью, сияли от мысли, что еще одна смена закончилась для них без происшествий. Хаас выглядел рядом с ними гигантом.

– Дааль, – обратился он к тщедушному голубоглазому человеку, которого Ли посчитала штейгером смены, выходявшей сейчас наверх. – Как выработка?

– Отстаем на двадцать «больших» в пятой «Северной» в «Уилкс-Барре», – ответил Дааль.

Он украдкой посмотрел на Хааса, словно оценивая настроение руководителя станции, прежде чем сообщить ему другие плохие новости.

– И люди здесь ни при чем. Вентиляция все еще барахлит после затопления. Мы половину смены потратили, чтобы накачать воздух за перемишки второй «Южной».

Хаас обменялся быстрым взглядом с одним из геологов.

– Какой уровень воды в «Тринидаде»? – спросил геолог.

– Опускается не так быстро, как должен бы, – ответил Дааль. – Мы вычистили верхние штреки, но отсеки по склону и весь низ залиты. Но мы все доделаем и довольно скоро компенсируем потери.

– Конечно, Дааль, – с легкостью согласился Хаас. – Вам всегда это удавалось, не так ли?

Он кивнул молча наблюдавшим за ними шахтерам и зашел в помещение дробилки.

Ли последовала за ним.

Служба безопасности тщательно проверяла всех входящих и выходящих. Когда они зашли вовнутрь, охранник выборочно отсылал жестом руки шахтеров из очереди, ожидавшей выхода, в кабинки без занавесок для полного досмотра с раздеванием. Ли встала в очередь за Хаасом, думая больше о шахтерах, выходящих со смены, чем о вопросах, которые задавали ей охранники.

– Есть ли у вас с собой какое-нибудь квантовое устройство? – спросил один из них.

Она сделала паузу.

– Конечно.

Хаас обернулся и раздраженно спросил:

– Какого черта вы думали? Нельзя брать кристаллы вниз.

Что бы это ни было, вы обязаны оставить это здесь.

– Она не может, – сказала ведьма, – это у нее в голове.

На протяжении всего полета в челноке она не вымолвила ни слова, а сейчас говорила так легко, словно вживленная в Ли аппаратура связи была видна невооруженным глазом. У нее был низкий хриплый голос, а по ее манере строить фразу Ли догадалась, что она – одна из серии самых совершенных генетических конструкций Синдикатов. Ли внимательно смотрела на нее, думая, была ли эта женщина молчалива от застенчивости или она просто маскировалась.

– Ох, ладно, – ухмыльнулся Хаас. – Не будем говорить об этом при всех, майор. Маленький кусочек коммутационного конденсата стоит на черном рынке больше, чем многие шахтеры зарабатывают за год. За эти деньги здесь нашлось бы полно желающих с радостью разmozжить вам голову.

Ствол находился в задней части шахтного копера, за решетками дробилки, через которые с приглушенным шумом падал уголь, под скрипучей оснасткой вентиляционных труб. В клетке пахло соляжкой, шахтерским потом и плесенью. Они спускались в ней по вертикальному стволу со скоростью, близкой к свободному падению. Кто-то заменил табличку учета технических проверок в поцарапанной металлической рамочке, привинченной к стенке над кнопками управления, заменив ее голограммой высокого разрешения с красоткой из спин-журнала, на которой не было ничего, кроме новенького комплекта шахтерского снаряжения.

Рассматривая голограмму, пока они летели вниз, Ли представила такие соски в действительности. Иногда у мужчин

бывают странные вкусы по отношению к женщинам.

Внизу шахты пахло как в зоне боевых действий. В воздухе висели пары солярки, запах которых смешивался с едкими запахами угольной пыли и тавота. Барабанные перепонки пульсировали в такт приглушенному стуку мощных насосов и вытяжных вентиляторов. Эти вентиляторы не несли свежего воздуха – только кислый неприятный запах кордита и сгоревших фитилей из забоев. Из-за угольной пыли, висевшей в воздухе, было не разобрать ни границ выемки, ни маркшейдерских знаков. Шахтеры появлялись из угольного смога, стуча ногами, обутыми в сабо, по настеленному на полу шиферу, затем исчезали так же, как появлялись, светя головными лампами, как сигнальными огнями. А из глубин, как отзвук боя далеко за траншеями, раздавался сотрясавший все вокруг грохот взрыва и сразу за ним – шум отбитого взрывом угля по желобам.

На нагрудном знаке ответственного за пожарную безопасность было написано: «ВАША БЕЗОПАСНОСТЬ – НАШЕ ДЕЛО», но его бесцветные глаза говорили, что на самом деле у него было кое-что получше, чем можно заняться в другом месте, поэтому он прочел свою лекцию о безопасности тоном человека, рассказывающего о слухах, в которые он сам не верил.

Чередой один за другим они проследовали мимо него, чтобы расписаться в журнале и проверить свои лампы Дэви.

Когда очередь дошла до Ли, он записал номер ее лампы и подтолкнул к ней заляпанный угольной пылью журнал, даже не взглянув на нее. Ли протянула ладонь со сканирующей пластиной, но поняла, что это был просто журнал, без всякой программируемой карты. Она старательно расписалась в нем.

Новая смена прибыла точно тогда, когда команда Хааса облачилась в снаряжение. Первыми спустились, как всегда, откатчики. Когда Ли выходила из «пожарки», некоторые из них еще выпрыгивали из клетки. Другие, прибывшие в предыдущей партии, уже готовили свои тачки и уточняли, куда им ехать. Они двигались весьма проворно, по-детски живо – да это и были дети. Ли помнила, что во времена ее детства их называли «шахтерскими пони», хотя ни один пони не ступал копытом ни на эту, ни на любую другую планету в течение последних двухсот лет. Некоторые дети вели за собой собак – ширококостных, измазанных углем дворняжек, достаточно сильных, чтобы тянуть тачки с углем. Остальные потащат тяжелые тачки сами, пристегнувшись к ним цепями. Это был мир мужской, детской и звериной силы. Мир, в котором труд целой семьи, зарабатывавшей себе на хлеб, стоил меньше дизельного топлива.

– Не расстраивайтесь так из-за них, – сказал Хаас, подходя к ней. – В их возрасте мне тоже приходилось тянуть тачку. С того дня, когда мне исполнилось десять. У них такие же шансы, как и у других, как и у всех нас.

– Конечно, – сказала Ли, сама не зная, верит ли она в это.

Один «пони» из уходящей смены прошел мимо, волоча за собой на маленькой плоской тачке тщательно упакованный, только что добытый кусок конденсата. На мальчишке было «ожерелье» – длинный ряд угольных шрамов, полученных от постоянного, день ото дня, трения голой спиной о потолочные балки и въевшейся в раны угольной пыли. Но Ли едва взглянула на эти шрамы, ее внимание было приковано к конденсатам.

От толстого налета угольной пыли они сверкали, как далекие звезды. Они выглядели как кристаллы – шахтеры их так и называли, – но Ли знала, что ни одна горная порода не инициирует квантовое сканирование. Это вещество являлось аномалией квантового уровня, субстанцией, о которой не знали и даже не могли предполагать, поскольку ее существование противоречило законам физики. Они утверждали, что подобное вещество не может существовать при температуре выше нуля по Кельвину, или в атмосфере, или в форме, которую можно добывать, транспортировать и использовать. Поскольку теоретически его существование было невозможно, то оно являлось обыкновенным чудом, за счет которого жили Объединенные Нации.

Кристаллы отличались хрупкостью. Они давали трещины от вибрации во время взрывных работ в шахте. С ними нельзя было работать электрическими инструментами. Даже жар шахтного пожара мог их разрушить, хотя иногда огонь со-

вершенно непредсказуемо выжигал уголь, образуя над ними подземные своды, подобные сводам кафедрального собора. Только опытный шахтер обладал мастерством отделять их от угля при помощи клиньев и кайла, не повредив. «Вынуть их живыми», – говорил отец Ли.

Она протянула руку и провела пальцами по гладкой поверхности ближайшего куска конденсата, когда вагонетка оказалась рядом с ней. Какой-то шахтер, где-то там, в удушающей темноте, вынул их живыми.

Площадка Шарифи находилась на недавно открытом «Тринидаде» – самом глубоком и самом богатом угольном пласте из двух принадлежавших «Анаконде». До нее от шахты номер три напрямую было шесть километров, а по извилистым подземным ходам – все восемь.

Первые четыре километра они проехали на низком и широком угольном транспортёре, окрашенном в неоновозеленый цвет. Их подбрасывало, как сухие бобы в банке, они задыхались от выхлопа дизеля. Сначала они ехали по проходу размером три на три метра, сопровождаемые отзвуками скрежета металлических колес угольных вагонеток и звона шахтерских молотков. Но очень скоро дорога пошла по исключительно узким штрекам, уголь вырубался прямо над их головами в шестидесятиметровом укосе, проходившем по почти вертикальным угольным прослоям. По мере удаления от надшахтного здания провода редели и лампы встречались

все реже, пока не остался только свет от качавшихся фар угольного транспортера, да кое-где лампы Дэви высвечивали измазанные углем лица с блестящими глазами.

Они покинули машину у верха длинной скользкой лестницы, доступ к которой закрывала контрольная дверь. Потертая черно-оранжевая табличка на двери сообщала: «ПОЖАРООПАСНАЯ ЗОНА – ОГНЯ НЕ ЗАЖИГАТЬ».

Офицер службы безопасности уселся на бампер транспортера и стал натягивать на ноги выдавшие виды резиновые сапоги камуфляжной окраски.

– На «Тринидаде» сыро, – сказал он. – Подземная река проходит прямо через разлом. Если насосы выйдут из строя, то достаточно пары дней, чтобы залило весь пласт.

– Большую часть воды откачивают, – сказал Хаас. – Он улыбнулся, сверкнув белизной зубов во мраке: – Надеюсь, вы сможете перенести запах. Крысы. И много разного другого.

Инженеры, проектировавшие лестницу, использовали природный уклон в том месте, где пласт «Уилкс-Барре» внезапно переходил в «Тринидад», обходя неустойчивые слои коренной породы в самом узком месте. Лестница уходила на двадцать метров вниз между влажными каменными стенами и упиралась в проход с низким потолком и относительно ровным полом, затем был еще один двадцатиметровый спуск, выходивший к «Тринидаду».

Это был абсолютно другой тип угольного пласта. В «Уилкс-Барре» чувствовалось намного уютнее – просторнее

и без больших уклонов; там места было достаточно, чтобы прорубать широкие длинные проходы. «Тринидад» оказался более каменистым, извилистым и узким до такой степени, что даже Ли вскоре пришлось согнуться почти пополам, чтобы не задевать покрытый слоем угольной пыли стальной сруб крепи.

– Жарко, да? – спросил Хаас, заметив, что она вытирает бровь. – Температура поднимается на полтора градуса через каждые тридцать метров от уровня. Сейчас, наверно, градусов сорок, не меньше.

– Тридцать девять и пятьдесят пять сотых, если быть точным.

Хаас громко рассмеялся.

– Так вот на что Ассамблея сегодня тратит деньги! На градусники!

Ли уже забыла, как перемещаться под землей. На первых же десяти метрах она ударилась головой, оцарапала спину и споткнулась о кучу битого шифера. Но затем она вспомнила, как ходят шахтеры: согнувшись в коленях и пояснице, одна рука вверху в поисках выступов, о которые можно удариться. Легкость, с которой тело перешло в эту позицию, поразила ее.

Вода, остававшаяся в каждой ямке и выемке после затопления, пахла затхлостью. Чайного цвета влага, сочившаяся по стенам, содержала так много серы, что обжигала кожу как кислота. Тела погибших убрали, но неприятный сладкий за-

пах смерти остался. Вдобавок к этому мокрыми комочками повсюду валялись дохлые крысы. За каждым маленьким поворотом или выступом породы попадался какой-нибудь след жизни до взрыва. Коробка от завтрака. Шапка. Разбитая лампа Дэви.

По пути офицер безопасности без остановки докладывал о специальных мерах безопасности, принятых компанией АМК на «Тринидаде». Он нервничал и говорил монотонно, дрожа перед Хаасом, как ученик перед строгим учителем. Ли трудно было подумать, что он верил тому, о чем рассказывал. Она слушала, ритмично втягивая воздух сквозь фильтр маски своего дыхательного аппарата, стараясь не думать, что ее жизнь сейчас зависит от скрипевших от напряжения крепежных болтов и способности шестисот шахтеров, получавших с каждой добытой тонны, держаться в рамках разумной безопасности в забое.

Рабочая площадка выглядела непривлекательно.

– Вот оно все – как есть, – сказал Хаас.

И действительно, так это и было: отрезок туннеля с крепью, заваленный камнями, в конце отрезка – выработка, боковые опоры которой представляли собой сейчас кучи породы.

– И что же здесь произошло? – спросила Ли у офицера безопасности.

Ответил сам Хаас:

– Тут с этими возгораниями никогда не поймешь. Один

берет полторы тонны первосортного кристалла и, не моргнув глазом, идет себе к жене и детям. А у другого, стоит ему лишь дотронуться до породы, вся шахта валится на голову. У каждого шахтера есть свои теории. Только, пожалуйста, не заводите меня по поводу этих чертовых шахтных священников. Все это на самом деле – лишь домыслы.

– И вы уверены, что это было просто возгорание, а не настоящий шахтный пожар?

– Так же, как мы можем быть уверены в чем угодно.

Выработка была большая, на взгляд – метров двенадцать в поперечнике, а точнее определить было невозможно из-за обваленной крепи. Все выглядело так, словно один из забоев нарочно вскрыли, чтобы дать Шарифи больше пространства для работы. Или, возможно, несмотря на высокий риск, шахтеры убрали центральную опору, соединив два отсека, чтобы добраться до богатой кристаллами жилы. При пожаре со стен выгорел верхний слой угля, обнажив длинные кромки конденсатного пласта, выглядевшие более гладкими и блестящими по сравнению с углем вокруг них. Ли дотронулась до обнаженного конденсата. Почувствовала его стекловидную гладкость, тепло, исходившее от него, как от живого тела, знакомое слабое подергивание в затылке.

Она повернулась к Хаасу и офицеру безопасности.

– Мне что-нибудь еще стоит посмотреть? – спросила она, наблюдая за Хаасом в инфракрасном свете.

– Больше нечего, – ответил Хаас.

Она видела, как при этом у него участился пульс.

– А вы как думаете? – обратилась она к офицеру безопасности.

Вместо ответа он бросил взгляд в темную глубину рабочей площадки.

Ли прошла в тот угол, куда был направлен его взгляд, и увидела не замеченный ранее большой помятый лист алюминия, покрашенный в предупреждающий оранжевый цвет. Это было единственное цветное пятно на рабочей площадке и единственный предмет, не закопченный дымом горевшего угля. Совершенно очевидно, что его положили здесь после пожара.

– Кто положил это здесь? – спросила она, наклоняясь, чтобы сдвинуть тяжелый лист в сторону.

– Мы, – ответил Хаас. – Чтобы никто туда не свалился.

Под листом оказался колодец. Он был менее метра в ширину. Связки немаркированных электрических проводов спадали через край, опускаясь в глубину. Вода начиналась метрах в шести от края и была такой черной, какой может быть только вода в угольной шахте.

– Вы что-нибудь еще можете сказать мне об этом?

– Нет. Этот колодец, я думаю, вырыла сама Шарифи. Она запросто могла сделать это без всякого разрешения, – сказал Хаас раздраженно, словно злился, что не поймал Шарифи за этим занятием.

Ли пошарила по полу, нашла кусок обгоревшей проволо-

ки, достаточный по длине, чтобы дотянуться до поверхности воды в колодце. Затем опустила его туда, вынула и обтерла о кожу своей руки. Биодетекторы кожи вспыхнули вокруг капель влаги и моментально погасли. Это означало отсутствие опасных веществ.

– Все нормально, – сказала она и начала развязывать шнурки ботинок.

Офицер безопасности догадался о том, что она собирается делать, прежде Хааса.

– Вы что, на самом деле собираетесь туда спускаться, мэм?

– Нет, шучу.

– Ни в коем случае! – воскликнул Хаас.

Он шагнул к ней и резко дернул ее за руку. Свободной рукой Ли сильно сжала его руку, напоминая ему, что она специально оборудована.

– Благодарю вас за заботу о моей безопасности, – сказала она. – Но со мной ничего не случится. Хотя, может быть, у вас есть какой-либо другой повод не пускать меня туда?

После этого он сразу же отошел.

– Дайте мне вашу маску, – сказала она офицеру безопасности, когда разделась до шорт и майки и подтянула ремни дыхательного аппарата. Он передал ей маску. Выражение его лица было ошеломленным. Она плюнула на стекло маски, растерла слюну и надела ее, нажав двумя пальцами на поверхность стекла у глаз, чтобы маска прилегла герметичней.

– О'кей, – сказала она через загубник. – Вернусь прибли-

зительно через десять минут. Если не наделаю глупостей. В этом случае у вас еще останется час и сорок минут, чтобы вызвать спасательную команду и выудить меня оттуда.

– Вы многого хотите, – сказал Хаас.

– Если я не вернусь, – сказала она почти ласково, – они все равно пришлют еще кого-нибудь. И вам придется ждать открытия шахты до тех пор, пока они сюда не доберутся, вы поняли?

Хаас сел, бормоча что-то насчет людей, считающих себя большими шутниками. Но при этом, как заметила Ли, он улыбался. По крайней мере, он понимал шутки, и этого у него нельзя было отнять.

Вода была холодной и прозрачной. И по мере того, как Ли осматривала заполненную водой пещеру, она все больше убеждалась в том, что это была самая настоящая испытательная площадка. На верхнем уровне проводились только второстепенные подготовительные работы. Подводная река, протекавшая через пещеру в более раннюю геологическую эпоху, смыла уголь с конденсатных пластов. Обнаженные кристаллы образовали сложную решетку, поддерживавшую потолок пещеры. Изогнутые опоры поднимались от пола, словно ребра давно вымерших на Компсоне зауроподов. Бледные завитки конденсата разбежались по куполу сверху, образуя ребристый веерный свод. И Ли не нужно было прикасаться к ним, чтобы понять, что они – живые. Они пульсировали при каждом ее квантовом сканировании, как север-

ное сияние. В какой бы форме ни существовала жизнь в недрах этой планеты – хотя само наличие ее было темой активных дискуссий ксенографов ООН, – здесь находился один из ее центров.

Шарифи нашла открытую сияющую воронку.

Что-то коснулось руки Ли, и она повернулась и заметила ВР-перчатку, уносимую мимо нее медленным подземным течением. Перчатка тащила за собой контактные провода. Там было и другое оборудование: что-то плавало, что-то лежало на дне пещеры в путанице силовых линий и соединительных проводов. Ли узнала сейсмометры, счетчики Гейгера, квантовые мониторы. Она не могла забрать все это сразу, да еще и из-под воды, поэтому она выстроила в уме координатную сетку и плавала, фиксируя расположение всех предметов в ее квадратах как можно точнее. По крайней мере, таким способом она собиралась запомнить, тронет ли кто-нибудь что-то до ее следующего визита сюда. И если что-нибудь изменится, то ей будет понятно, о чем беспокоились те, кто это сделал.

– Пока достаточно, – сказала она, поднимаясь по лестнице. – Вам нужно будет закрыть доступ к этой секции до тех пор, пока вы ее не осушите и я смогу внимательней все рассмотреть.

Глаза Хааса вспыхнули под светом лампы.

– Приказ о начале работ уже на подписи у инспектора. Электрики закончат работу завтра, и мы начнем рубить сразу же, как они проложат новую линию. Ваши полномочия

прекращаются на поверхности, и там же завершается наше сотрудничество.

– Ах, так. Это плохо. Думаю, мне придется зарегистрировать здесь нарушения техники безопасности, – сказала Ли и показала на опоры и затяжки, стонавшие под весом потолка, но все еще выдерживавшие нагрузку. – Расстояние между этими столбами – три метра. Правила Комиссии по безопасности горных работ требуют два с половиной. К тому же на пересечениях второй «Южной», восьмой «Южной» и одиннадцатой «Южной» электрические провода без заземления. Я скачаю вам весь список нарушений правил, как только мы вернемся. И я уверена, что вы сможете еще что-нибудь туда дописать.

Все это, конечно же, было чистым блефом; Хаас, так же как и она, понимал, что любая инстанция ООН может только пожурить АМК за эти нарушения. Но Ли была здесь единственным представителем ООН, и если ее жалобу регистрируют официально, то оформление всех бумаг, необходимых, чтобы вновь открыть шахту, будет идти через нее, а в этой обстановке она не будет торопиться подписывать их.

Конечно, Хаас мог бы пойти и через ее голову. Но это заняло бы время. И это было бы безусловным признанием того, что техника безопасности нарушалась на самом деле. Ли подумала, что вряд ли он станет так рисковать после кровавой и получившей широкую огласку катастрофы на шахте. И не тогда, когда тело Шарифи находится в морге Шэнтитауна

в нескольких километрах отсюда.

– Хорошо, – сказал Хаас, пожимая плечами. – Вынюхивайте здесь все, что вам нужно. Единственное, что вы найдете, так это доказательства того, что Шарифи была дура.

Когда они вернулись на пласт «Уилкс-Барре», вторая смена была уже в разгаре. Большинство шахтеров работали полураздетыми, их тела блестели, как мрамор, в удушающей жаре в трех с лишним километрах под землей. Они работали в быстром темпе, почти без всяких предосторожностей. Обычно во время рубки угля простои небольшие, но здесь это было правилом только наполовину, поэтому каждая рабочая минута была дорога.

Лишь немногие из мужчин, женщин и детей, работавших под землей, имели дыхательные аппараты, да и пользовались ими только во время редких перерывов. Остальное время маски с трубками для подачи кислорода болтались на их лоснящихся от пота шеях. Для того чтобы работать быстро, согнувшись в три погибели в душных туннелях, требовалось вдыхать как можно больше воздуха, и от дыхательных аппаратов нужно было отказаться в первую очередь, если поджимало время.

Не задумываясь, Ли принялась отстегивать свой собственный дыхательный аппарат.

– Не делайте этого, – возразил офицер безопасности. – Мутагены.

Она посмотрела на шахтеров. Офицер безопасности перехватил ее вопрошающий взгляд и пожал плечами:

– Генетические конструкции.

Вспышка в мягкой памяти ошеломила Ли. Она увидела своего отца, склонившегося над раковиной в кухне; он кашлял и жаловался на высокие цены на фильтры в лавке шахты; мать поставила чайник на плиту и протягивала отцу кухонное полотенце, чтобы тот закрыл им голову и постарался еще хоть немного прокашляться от угольной пыли.

– С вами все в порядке? – спросил офицер безопасности. – Иногда даже фильтры не задерживают пыль.

Она кивнула и опустила голову к коленям.

Когда она вновь подняла голову, машина остановилась. На дороге повсюду валялись коробки и канистры странного вида. Впереди суетились рабочие – мужчины и женщины, двигавшиеся по каменистой земле с привычной уверенностью, но слишком изящные и чистые для шахтеров. Ли присмотрелась и узнала в них геологов, с которыми она спускалась на челноке.

Только одна фигура неподвижно сидела у стены. Легкая и молчаливая, она притаилась в тени пласта, перед которым подготавливали действие, ее глаза были закрыты, лицо – торжественно и красиво, как у статуи.

Ведьма.

Когда все приготовления закончились, она поднялась, подошла к свежему срезу, закрыла глаза и положила руки на

камень. Ли уже видела ведьм, искавших кристаллы, но это было в бедных независимых рудниках, на которые компания не имела никаких видов. И ведьмы из ее детства были родом из Шэнтитауна. Они занимались этим за еду или за долю от продажи того, что они находили, или за топливо на зиму. Их талант был плодом генетической комбинации, а не тщательной тренировки.

Ведьма ходила взад и вперед по забою, иногда останавливаясь. Она напряженно держала голову, как будто к чему-то прислушивалась. Ее бледная кожа светилась на угольно-черном фоне, а голову ореолом окружал свет от лампы Дэви. Маркшейдеры и геологи топтались на месте в нетерпеливом ожидании. Ставка была очень крупной. Уйдешь в сторону от среза слишком рано – потеряешь миллионы, даже не узнав об этом. Врежешься в стену слишком грубо – останешься с кучей мертвых кристаллов, ничтожных по цене подобно кварцу. Геологи испытали все, что было возможно: радиолокацию, рентгеновскую съемку, анализ случайных образцов. Но ясновидение ведьм по-прежнему оставалось единственным реальным способом найти живые кристаллы. И годовая прибыль всех многопланетных корпораций росла или падала в зависимости от выбора, который ведьмы делали в забое.

Ведьма остановилась в совершенно неприметном месте и положила обе руки на угольную поверхность стены. Когда она отняла их, руки были мокрыми и кроваво-красными от сернистой воды.

– Здесь, – сказала она.

Маркшейдеры сгрудились за ней, словно прибитые каким-то подводным течением. Они подсоединили сенсорные устройства, подключили питание и предохранительные системы. Ли завороженно смотрела, как врубовая машина врезалась в уголь. Когда она перевела взгляд на Хааса, голодный взгляд на его лице напомнил ей старые песни, которые пели шахтеры после того, как за столом было выпито уже достаточно виски. В них пелось о людях, в чьей крови – уголь, о тех, кого шахта влекла, как наркотик.

Все находившиеся в штреке умолкли, когда показался первый кристалл. Он был бледным и блестящим. Трудно было ошибиться и не узнать его. Один из геологов наклонился, стараясь не дышать, и положил на него руку.

– И что? – спросил Хаас.

Геолог отнял руку, вытер ее о комбинезон, дотронулся до своего лба, словно проверял температуру, и снова положил руку на конденсат. После чего покачал головой.

– Мертвый, – тихо произнес кто-то, стоявший на границе света.

После того как подошли маркшейдеры, ведьма отошла в сторону и ушла в себя, как это делают актеры, выходя из сценического образа. Она почти не отреагировала на сообщение о мертвом кристалле.

– Подойти сюда, – сказал ей Хаас.

Она послушно повернулась, но ее взгляд скользнул мимо

Хааса и уперся в Ли, как стрелка компаса указывает на север. Ее темно-лиловые глаза походили на мрачные подземелья, радужная оболочка сократилась до узкой полоски вокруг огромного зрачка. А за зрачком была пустота, затягивающая в бездонную пропасть черепа женщины.

«Дыры Вселенной», – подумала Ли, и при этом внутренний озноб пробежал по ее спине.

Когда они поднялись на поверхность, наверху уже разразилась буря. Надшахтный копер стонал и сотрясался под ее порывами. Обрывки вируфлекса и листы алюминиевой обшивки с зазубринами пролетали мимо, как будто все содержимое долины размешивалось невидимой рукой.

Ли почувствовала сдерживающую дыхание упругость воздуха, выйдя из конторы шахты. Нестройная шеренга мужчин и женщин выстроилась вдоль длинного отвала в пятидесяти метрах от выхода. Кто-то держал плакаты, у кого-то в руках было примитивное самодельное оружие. Забастовщики. Неорганизованные, поскольку в «Анаконде» не было легального профсоюза.

Она смахнула слезы, выступившие от ветра, и разглядела сквозь несущийся по ветру песок то, что было написано на плакатах.

«КОРПОРАТИВНЫХ ДЕТОУБИЙЦ – ПОД СУД!»

«СКОЛЬКО ЕЩЕ ДОЛЖНО УМЕРЕТЬ?»

«ЗАКРОЙТЕ "ТРИНИДАД", ПОКА ОНА СНОВА НЕ

УБИЛА КОГО-НИБУДЬ!»

Ее удивило, почему они не подходят ближе, чтобы их было слышно. Но затем она увидела строй в синих форменных рубашках, стоявший напротив пикетчиков. Охранники компании. С ружьями, заряженными резиновыми пулями.

– Думаешь, до «спинов» дело не дойдет? – спросил кто-то.

Хаас уже бежал к охранникам. Он наклонился, преодолевая порывы ветра, и прокричал что-то в ухо командиру отряда. Тот сделал шаг назад, а строй охранников двинулся вперед, дав залп в воздух.

Некоторые из пикетчиков отступили. Большинство – нет.

Охранники выстрелили снова, на этот раз под ноги пикетчикам. Одна женщина закричала так, будто в нее попали. Другая крикнула:

– Здесь дети!

– Мы не хотим никому причинить вреда! – прокричал один из охранников срывающимся голосом. – Не делайте глупостей!

А потом – Ли так и не поняла, по какой причине, – кризис миновал.

Пикетчики опустили свои плакаты. Охранники поставили свои ружья на предохранители. Толпа разошлась, все двинулись по изрытой колеями дороге назад в Шэнтитаун. У Ли отлегло от сердца. Никто не погиб. По крайней мере, сегодня.

СТАНЦИЯ АМК: 13.10.48

Тремя часами позже, пропитанная запахами шахты, Ли стояла у опечатанной службой безопасности двери в квартиру Шарифи. Лента, которой была заклеена дверь, прочла код, имплантированный в ее ладонь, растворилась и восстановила свою форму, как только Ли прошла внутрь. Жилище Шарифи было тесным и простым и мало чем отличалось от комнаты Ли, находившейся в нескольких радиальных коридорах отсюда. Жилая комната была не шире коридора снаружи. От входа до тесной ванной Ли удалось сделать всего пять шагов. По левой стене располагался неглубокий шкаф. У правой вместились узкая койка и низкий письменный стол, на котором в беспорядке лежали кубики для записи и обработки видеoinформации и несколько неровных стопок карт-микрофиш.

В шкафу Ли нашла несколько комплектов практичной одежды; часть одежды еще лежала в аккуратно сложенном виде в итальянской кожаной сумке, которая стоила больше, чем месячный заработок Ли. Семейные снимки отсутствовали. Не было никаких личных вещей. Никакой косметики. Если бы не единственный женский костюм, висевший в шкафу, было бы трудно определить даже пол последнего жильца этой комнаты. Кем бы ни была Шарифи, она оставила здесь мало следов.

Повинуясь какому-то импульсу, Ли надела на себя жакет

от костюма и с любопытством посмотрела в зеркало. Жакет жал под мышками и был немного длиннее, чем нужно: она была мускулистей Шарифи и на добрых два сантиметра ниже – питание хуже и сигарет больше. Но в общем, костюм пришелся впору. И цвет ей подходил. Это ее не удивило.

Зато удивил запах. Чужой. Может быть, едва уловимый запах духов другой женщины. И все же, несмотря на это, что-то было пугающе знакомым. Что-то возникло в памяти, немного повертелось в голове и кануло в никуда. Собака зарычала и бросилась на проходящего мимо шахтера. Лицо ее хозяина вспыхнуло ненавистью, когда он произнес:

«Ты их чуешь, да?»

Рядом с дверью в шкаф находились выключатели света и «живой» стены и регулятор яркости окна обзора. Ли настроила пол на прозрачность, посмотрела на планету под своими ногами и подумала о том, как веки политической истории ООН пересекались здесь с ее собственной жизнью. Как могут они продолжать все ту же битву, оставившую за собой остовы сгоревших родильных лабораторий и медленно зарастающие сорокалетние шрамы воронок от разрывов артиллерийских снарядов на холмах за Шэнтитауном? Десятилетиями местный промышленный парк безостановочно производил генетические конструкции. Геномы производственного назначения, специально разработанные для тяжелых горных работ, металлургии, терраформирования – для всех тяжелых работ, которые люди не могли или не хотели делать

сами. В резервуаре одной из таких лабораторий была выращена Шарифи. И саму Ли произвели в одной из последних партий перед Мятежом. То, что им обоим удалось убраться с этой планеты, было каким-то невероятным чудом: Шарифи взяли приемным ребенком в семью богатых аболиционистов с Кольца, Ли отдали в бездетную шахтерскую семью во время одной из последних, закончившихся неудачно попыток ассимилировать генетические конструкции с населением.

Мятеж разразился через восемь месяцев после того, как родилась Ли, – почти в то же время, когда Шарифи поступила в университет. Шэнтитаун превратился в поле боя, город был изрезан сетью туннелей и забаррикадированных тупиков, в которых организованный сброд из генетических конструкций сдерживал натиск войск ООН и планетарной милиции... по крайней мере какое-то время.

К мятежникам присоединилось значительное количество постантропов. Студенты-идеалисты из университета в Хелене, который тогда еще существовал. Шахтеры, которым было безразлично, с кем сосуществовать на планете Мир Компсона, лишь бы это не были многопланетчики. Настоящая ИРА, хотя на улицах Шэнтитауна ходили слухи, что все это подстроено ради денег. Когда пыль осела, Мир Компсона оказался на военном положении, а мятежные конструкции скрылись на далекой планетной системе, которую они переименовали в Гилеад.

Насколько Ли помнила, борьба с Синдикатами была ос-

новным вопросом политики человечества. Беглые конструкции создали полностью объединенные линии генетического воспроизводства. Образовался Синдикат Ноулза, а следом синдикаты Мотаи и Бартова, а за ними еще с полдюжины других, чьими именами очень скоро начали пугать детей во всем пространстве Объединенных Наций. К Синдикатам примыкала одна бунтующая колония за другой, пока в их власти не оказалась вся длинная дуга Периферии от Метца до Гилеада. В Ассамблее и в городах на каждой из планет ООН буйно расцветали антигенетические настроения. Слово «конструкция» получило новое негативное значение, а корпорации, которые в свое время начали производство конструкций, либо прекратили это производство, бросив производственные мощности, либо обанкротились под натиском скандалов, разразившихся после разрыва. И каждый раз, когда еще одна бывшая колония переходила к Синдикатам, антигенетическая фракция в ООН получала несколько новых мест в Ассамблее.

Когда Ли исполнилось четырнадцать лет, Ассамблея приняла Закон Цана, по которому все, кто был полностью создан с помощью генной инженерии, попадали под прямой контроль Совета Безопасности. Им запрещалось занимать государственные гражданские и военные должности, их паспорта были аннулированы, и им была вменена обязательная регистрация.

Приемные родители Ли решили затаиться, надеясь, что

в результате массового уничтожения регистрационных записей в период Мятежа об их приемной дочери забудут. Это удалось. К моменту, когда чиновники, занимавшиеся регистрацией, добрались до них, на руках у матери Ли было подписанное и заверенное печатью свидетельство о смерти, в котором говорилось, что ее единственная дочь умерла от недостатка витамина А. Ли в это время уже завоевывала себе славу в окопах Гилеада.

А тем временем никто не знал, что происходило в Синдикатах, поскольку никакая информация о Синдикатах не проникала в пространство ООН. Ни один гражданин ООН не бывал в Синдикатах, И с орбитальных станций, которые вращались вокруг отдаленных планет Синдикатов, не поступало никаких новостей о том, что там творилось. У Синдикатов не было прессы, не существовало явного правительства, если не считать каких-то непонятных комитетов в отдельных линиях генетического воспроизводства. У них не было политических партий и диссидентов. Не было родителей. Не было детей. И более того, у них не существовало собственности.

Всем владели только Синдикаты, и основой этого всего были генетические конструкции. Синдикатам принадлежало их сознание, их тела, их труд – все полностью. Каждая конструкция отдавала себя целиком и без остатка, а если верить пропаганде, то и по собственному желанию. Недостаточно сказать, что они не желали свободы. Они не верили в свободу. Они, как без конца утверждали их философы, были вы-

ше свободы.

Только после того, как Ли впервые встретила с конструкциями на допросах на Гилеаде, она начала это осознавать. Они, казалось, принадлежали к другому биологическому виду, ничего общего с человеком. Когда были захвачены первые десять идентичных пленных, люди интересовались ими, обсуждали и, возможно, даже жалели их. Потом прибыла еще сотня, тысяча, еще три тысячи, и интерес сменился страхом и отвращением. Слова не могли выразить весь ужас от встречи с таким холодным, обезличенным, совершенным продуктом массового производства. Сострадание исчезло. Вера в универсальность человеческой природы пропала. Все пропало.

После месяца пребывания на Гилеаде Ли ясно поняла единственное: враги ненавидели ее. Нет. «Ненависть» была не тем словом. Они презирали ее так же, как любую конструкцию, работавшую на людей. Они презирали ее, как волки презирают собак.

А что Шарифи? Что можно было сказать о женщине, почти не оставившей информации о себе в этой комнате и обрушившей себе на голову целую шахту, о женщине, которая обещала чудо, а затем замела за собой следы, как воровка? Во что же верила Шарифи?

Кем она была: собакой или волком?

Ли вздохнула, взяла микрофишу из аккуратно сложенной стопки, положила на нее палец и отсканировала один пара-

граф наугад:

«Как заметил Парк и другие, формы параллельной волны, зарегистрированные *in situ* квантового пласта, близко напоминают квантовый феномен, связанный с волнами человеческого мозга, а также менее изученный квантовый феномен, обнаруженный в ассоциативных взаимодействиях в искусственных интеллектах постструктуральной модели независимого типа».

А на цифровых полях карточки почерком Шарифи было помечено:

«Re: рассредоточенные/концентрированные сети в живых организмах, см. Фальтер, Principia Cybernetica и физиология Большого Барьерного рифа, Эм-Ай-Ти Пресс, 2017».

Она бегло пробежала еще одну карточку.

Страница была заполнена числами и символами, написанными от руки. Ли была достаточно образованна, чтобы узнать пространство Гильберта, скобки Пуассона и длинные извилистые колонки преобразований Шарифи, но на этом ее знания закончились. Помочь ей понять смысл не мог даже ее «оракул».

Все это, без сомнения, писала рука Шарифи. Прокручивая экран, Ли вспомнила, как пошутил Коэн, когда впервые

увидел ее собственный почерк. Что-то насчет выпускников католических школ, которые всегда пишут так, словно монахиня все еще стоит у них за спиной с линейкой в руке. И, конечно, он был прав. Это был аккуратный, ровный почерк без помарок, принадлежавший человеку, который учился в бедности и писал на бумаге на уроках чистописания под пристальным взглядом монахини.

Ли предположила, что Шарифи удочерили в раннем возрасте и вырастили в пределах Кольца, передав ей все человеческое, кроме имени. А что, если нет? А что, если свое образование она начала на Мире Компсона у монахинь? Может быть, с этой планетой существовала какая-то связь, которую никто не предполагал? Какая-то глубоко упрятанная детская привязанность, которая отвлекла ее от цели, ради которой она прибыла сюда?

Ли покачала головой, чтобы удержаться от внезапно нахлынувшего желания рассмеяться. Как можно понять Шарифи? Она и Ли были генетически схожи, как близнецы. Даже более идентичны, поскольку случайные ошибки нормальной беременности старательно выявлялись и исправлялись еще в родильных лабораториях. Их вырастили в резервуарах одной и той же лаборатории. И если судить по почерку Шарифи, то их учили письму и счету по одинаковым рваным стареньким учебникам, в которых в начале каждого учебного года после прочтения неизбежной морали о бережном отношении к церковной собственности стирались ответы, напи-

санные карандашом учениками предыдущего класса. Но вот только Ли с большим трудом освоила курс физики в офицерской школе, а уравнения, которые она сейчас видела, сделали Шарифи известнейшим ученым своего поколения.

Ли видела ее дважды, и оба раза на расстоянии. Шарифи пригласили прочесть курс лекций на Альбу, когда Ли училась там в офицерской школе. Не обладая большими склонностями к наукам, Ли всячески старалась избегать ее лекций. Но Шарифи стала уже настолько знаменита, что ее нельзя было не заметить.

Ли обратила на нее внимание, да еще какое. Она наблюдала за ней. Тайно. С ощущением вины. Она была убеждена, что любой проявленный открытый интерес к другой женщине может выдать ее, или, по крайней мере, вызвать нежелательные подозрения. В том семестре она стерла у себя в памяти больше файлов, чем на фронте; она выдавала себя каждый раз, когда смотрела на Шарифи.

Тот семестр закончился как раз перед вручением Шарифи Нобелевской премии. Хотя на то, чтобы получить ее, ушли десятилетия работы. Кандидатура Шарифи рассматривалась тогда на должность заведующей кафедрой квантовой физики на Альбе, но она не прошла по известной причине. Насколько помнила Ли, тогда появились протесты. Один уважаемый профессор из чистокровных людей угрожал подать в отставку, если Шарифи не получит эту должность. В конце концов он отступил, а Шарифи сняла свою кандидатуру и

устроилась на исследовательскую работу в частном секторе.

Но от университетов Кольца и исследовательских центров до копания в шахте прошло много времени. Чем в действительности занималась Шарифи в «Анаконде»? Что могло оправдать такой риск? Ведь она, как и любой с Мира Компсона, знала, что могло произойти.

Ли взяла со стола записную книжку в кожаной обложке и полистала ее. В клапане за первой страницей обложки было полно визитных карточек, а из-за складки мягкой кожи, куда обычно кладут блокнот или ручку, выглядывал кусок помятого картона. Ли взяла его, ощутив пальцами непривычную бумажную поверхность, и поняла, что видела что-то подобное и раньше. Это была квитанция, которые выдают за аренду камеры хранения или при отправке посылки на грузовом корабле. Число, напечатанное на лицевой стороне, могло быть номером камеры хранения или номером посылки. Она перевернула картонку, чтобы найти название корабля, но там была только восьмиконечная звезда с буквой М посередине.

Ли положила квитанцию обратно за обложку и пролистала записную книжку до конца. Внутри было с полдюжины микрофиш, лежавших вперемежку со счетами, с лабораторными заметками, журналами наблюдений, адресами, расписаниями встреч. Она попыталась просмотреть страницу с расписанием встреч, но получила вежливое и бесстрастное уведомление о том, что в доступе отказано. Тогда она зашла в опе-

рационную базу записной книжки и нашла хешированный журнал, откуда извлекла пароль Шарифи без особых усилий. Ли улыбнулась, испытав неожиданное глупое удовлетворение от этого расследования – ведь какой бы умной ни была Шарифи, она, по крайней мере, была достаточно человеческой, чтобы совершать такие элементарные ошибки в мерах безопасности. Возможно, Ли действительно смогла бы подняться до ее уровня.

Она просмотрела ежедневные записи, нашла записи обычных встреч и памятки, беспорядочные пометки, имена, потопространственные координаты. На одной из страниц был список имен, среди которых она не нашла ни одного знакомого. На другой был длинный, написанный мелким почерком текст, оказавшийся записью разговора о протоколах передачи данных с кем-то, чье имя Шарифи по невнимательности или, возможно, специально опустила.

Ли просмотрела страницу с датой смерти Шарифи. Ничего. На листе с предыдущей датой на строке, помеченной семью часами вечера, была написана буква В. Слишком поздно для делового свидания. Ужин?

Прямо над буквой рукой Шарифи было написано несколько спин-адресов в Кольце, а рядом имя Джилли и слово, заставившее Ли насторожиться: «страховка».

«Живая» стена в квартире Шарифи оказалась там, где никто не подумал бы ее поместить, – на двери туалета. Вероятно, это было какой-то недалекой выдумкой, затеянной для

сокращения непроизводительной траты времени работника-ми станции.

Ли включила стену, открыла потокопространственную директорию и увеличила светящийся сегмент зоны Либре.

Адрес привел ее в «НауНет Сайенс Пабблишинг Дивижн, С. А.», на четыреста тридцать восьмой этаж здания Пан-Американ Билдинг, на Авенида де лас Америкас. «Должно быть, там прекрасный вид, – подумала Ли. – А месячной аренды хватит, чтобы выплатить государственные долги половины планет Периферии».

Она сверила офисную директорию «НауНет» с записанными файлами контактов Шарифи и в считанные секунды обнаружила то, что искала: звонок Шарифи за день до смерти некой Джиллиан Гоулд, главному редактору по науке. Она прочла адрес Гоулд вслух, приказала стене соединить ее и стала ждать, от нетерпения пристукивая ногой, пока мало-мощная станционная сеть устанавливала связь с серверами Кольца и перезагрузки ВР-систем.

Наконец на экране расцвел логотип «НауНет», и сразу же за ним возник двухмерный образ симпатичного молодого человека, сидящего за подозрительно аккуратным письменным столом. На нем был неизменный для Кольца деловой синий костюм, а на шее – тугая сетка ритуального племенного ожерелья из костей и стекларуса.

Ожерелье было копией; никто из тех, кто жил на зарплату, не мог позволить себе подлинные предметы с Земли. Но и

хорошие подделки тоже были дорогими. Короче говоря, перед ней был реальный образ перспективного младшего редактора.

– Офис Джиллиан Гоулд. Могу я поинтересоваться, кто на связи? – быстро произнес он тоном, говорившим, что только избранные могут спрашивать Джиллиан Гоулд без предварительной договоренности.

Затем он посмотрел на монитор и почти подпрыгнул в своем эргономично-правильном кресле.

– Доктор Шарифи! Извините. Если вы подождете минутку, то я вызову ее с совещания.

Ли заморгала от неожиданности, но он удалился до того, как она смогла ответить. Она открыла доступ к регулировке стены и поняла, что Шарифи активировала программу экстраполированной презентации – потокопространственный интерфейс, который при включении демонстрировал только тщательно причесанную голову и позволял участвовать в деловой встрече в шортах или одновременно завтракать. Ли помедлила и дезактивировала программу в тот момент, когда на экране появилась Гоулд.

У Гоулд были отличная осанка и лицо с особым англосаксонским выражением. Ли никогда не удавалось ничего прочесть на таких лицах. На ней было надето такое же ритуальное ожерелье, как у ее помощника. Только ее ожерелье было подлинным. Наполовину его прикрывала дымчато-серая льняная блузка. Но кость была настоящей, стеклярус сде-

лан из антикварного бутылочного стекла, а узелки завязаны вручную какой-нибудь обнаженной до пояса старухой из культурного заповедника в зоне южнее Сахары. И все это доставили на орбиту за деньги, которые Ли с трудом себе представляла. Никому не удавалось выглядеть так богато, как богатым либералам.

– Ханна! – сказала Гоулд, улыбаясь. И увидела Ли. Улыбка исчезла, словно кто-то выключил свет.

– А это что еще такое? – спросила Гоулд, ее голубые глаза своим холодом могли заморозить текущую воду.

Вместо ответа Ли провела своим удостоверением у сканирующей пластинки внизу экрана.

– Всего несколько обычных вопросов.

– Хорошо, – сказала Гоулд. – Но учтите, что я все записываю.

Ли моргнула и сделала скучное лицо.

– Официальная запись, зашифрованная программой Фурмана, поступит в ваше распоряжение немедленно, мисс, хм, – она сделала паузу, будто заглядывая в записную книжку в своей руке, – Гоулд. И кроме того, это – не уголовное расследование.

– Ну, конечно, – сказала Гоулд, идя на попятную.

– Каковы ваши отношения с Ханной Шарифи? – спросила Ли.

– Мы – двоюродные сестры.

– Но...

– Ее приемная мать – сестра моего отца.

– Понятно. Когда вы в последний раз разговаривали с ней?

– Точно не помню.

«Ложь номер один», – подумала Ли, впившись глазами в сонную артерию собеседницы в том месте, где она выступала из-под сложного узора стекляруса на ожерелье.

– Ну, приблизительно?

– В течение нескольких недель, возможно. Мы часто разговариваем.

Сначала Ли хотела спросить у Гоулд о том, что могло означать слово «страховка» в записях Шарифи, но потом решила не делать этого. Информация – это сила, и не всегда стоило раскрывать подозреваемому свои карты, особенно когда ты еще только начал тасовать колоду.

– Посылала ли она вам с того времени что-нибудь обычной почтой? – спросила она вместо этого.

– Возможно.

– Понятно, – повторила Ли, не скрывая сарказма. Между бровями Гоулд появилась морщинка.

– Мне нечего скрывать. Она часто посылает мне черновики своих работ.

– Что? Вы тоже физик?

– Я – ее редактор. У меня в работе были две ее книги.

– Были?

Связь на линии улучшилась.

– Одна книга уже в печати.

– Она обычно посылала свои рукописи посылками?

– Ей не нравится электронный набор.

– Наверно, очень не нравится. Настоящая почта работает медленно. И ее услуги очень дорогие.

– Она плохо видит.

– Плохо видит? – переспросила Ли. – Конструкция?

Она бросила на Гоулд пристальный взгляд, подняв вверх брови. Этим взглядом ей удавалось усмирять недовольных в окопах и раскалывать тех, кто упорно отказывался отвечать на допросах.

Взгляд скатился с Гоулд, как с гуся – вода, что еще раз доказывало, что жестким взглядом можно чего-то добиться только тогда, когда за ним стоит нечто более серьезное, нежели слова.

– Это все? – спросила Гоулд. – Я действительно занята. Поэтому, если у вас больше нет вопросов по поводу способностей к чтению моей двоюродной сестры...

Минутой позже разговор был окончен.

«Люди говорили правду, – подумала Ли, когда экран потух. – Обитатели Кольца на самом деле – особая порода».

Хотя кое-что из этого разговора она все-таки извлекла. Гоулд солгала о том, когда она в последний раз виделась с Шарифи, и, возможно, о посылке и зрении Шарифи тоже. Самое главное, она не задала вопроса, который волновал бы любого друга или родственника: «А где сама Шарифи?»

Она проверила время: было восемь утра по местному. Старательному молодому офицеру безопасности пора уже быть на службе.

– Маккуин? – позвала она, включив свое устройство связи.

– Я! – отозвался его голос в ее ухе.

Он ответил так быстро, как будто держал свой терминал наготове в ожидании ее вызова.

Она не включила ВР-связь. Если бы она задумалась о причине, то ей пришлось бы искать объяснение, почему она не хотела, чтобы Маккуин знал об ее визите в квартиру Шарифи. Но она не стала думать об этом.

– Джиллиан Гоулд, – сказала она, передавая реальный адрес и потокопространственные координаты. – Я хочу установить за ней наблюдение. Круглосуточное. Мне нужно знать, с кем она говорит, куда ходит, что покупает, что читает. Все.

– А в чем дело?

– Она – двоюродная сестра Шарифи.

– Мы устанавливаем наблюдение за двоюродной сестрой Шарифи? Почему?

Она задумалась в нерешительности, раздираемая между осознанием того, что ей понадобится помощь, которую Маккуин способен оказать ей лучше любого другого на станции, и страхом, что рано или поздно обо всем, что она скажет ему, станет известно Хаасу.

А так ли это? И с каких пор она стала такой подозритель-

ной?

– Гоулд знает, что Шарифи мертва, – сказала она осторожно, убеждая себя в том, что Маккуин достаточно смекалист и умен и ничего не будет плохого в том, чтобы немного заинтриговать его, а потом посмотреть, какие выводы он делает. – Она знала об этом раньше, чем я связалась с ней.

В линии раздался странный вибрирующий звук, и Ли вспомнила о привидениях. Наконец она сообразила, что Маккуин свистнул.

– Ну и чертовщина, – сказал он как подросток. Чувствовалось, что он находился под впечатлением.

– Вот так-то, – сказала она, улыбаясь. – Действительно, чертовщина.

Она отключилась и вновь посмотрела на стол Шарифи, задумавшись. Затем наклонилась и стала выдвигать расшатанные ящики. В двух верхних ящиках ничего интересного не было, но, открыв нижний, она увидела небольшой удлиненный тонкий черный футляр, заткнутый за блоки с видеoinформацией.

На верхней крышке футляра спокойным светом горели индикаторы состояния, вся остальная поверхность была матово-черной без наклеек и корпоративных логотипов. Ли и раньше видела такие футляры. Они использовались для хранения дорогостоящего экспериментального невропродукта.

И этот не был исключением. Изнутри он был покрыт толстым слоем вирусного желе, теплого и влажного, как небо

во рту. Желе поддерживало относительную влажность драгоценного содержимого на уровне девяноста девяти и семи десятых процента и благоприятную для стерильности температуру, на четыре градуса превышавшую температуру тела. В желе, словно жемчужное кольцо, была уложена трубка сталекерамического кабеля в силиконовой оплетке толщиной с палец.

Это был невронеорганический интерфейс. Один из его концов заканчивался штекером стандартного размера, какие обычно использовались для внешних кремниевых портов данных. Другой конец, ради которого и создавалась эта сложная система хранения, был невропродуктом и представлял собой выращенную в резервуаре нервную ткань, сформированную так, чтобы она подходила к черепному контакту большой пропускной способности. Внешний вид устройства имел скромное очарование изделия индивидуальной работы наивысшего класса. Хакерский инструмент.

Ли перевернула устройство, проверяя клеймо изготовителя или серийный номер. Она почувствовала на ощупь небольшую неровность в нижней части неорганического штекера, пригляделась и увидела стилизованное изображение солнца – такое же, как на полу лаборатории на Метце.

«Колодная», – выдохнула она в панике. У нее нарастало удушье, и сразу же активизировались ее внутренние устройства. Включились распознающие программы, обследуя ее собственную память, отделяя непосредственные угрозы от

мнимых, передавая образы, вызвавшие панику, в защищенные файлы, где их можно было скорректировать гормональным путем или, на худой конец, стереть. Для подавления неожиданного выброса адреналина в систему накачивались эндорфины. Который раз она представляла себе, какой сумасшедшей выглядела, когда психотехи в последний раз обрабатывали ее.

Полминуты спустя дыхание вернулось в норму. Еще двумя минутами позже ее психопрограмма передала лицо Колодной по всем внутренним устройствам.

Ли не удивилась, она ждала этого. Она упрямо продолжала разбирать одну из стопок карточек на столе Шарифи, пока диагностическая программа не прекратила свое вмешательство и образ Колодной не погас в ее глазах. Дыхание и пульс уравнились.

«Матерь Божья, – промелькнуло у нее в том дальнем уголке сознания, который всегда удавалось прятать от психотехов. – Неужели паника и вспышки воспоминаний – это нормальные последствия длинного временного скачка? Или это – действие штучек, введенных в системы, чтобы скрыть мои проклятые воспоминания о жизни до службы?»

Она не знала этого и никого не могла спросить.

За исключением, может быть, Коэна. Но Метц лишил ее этой возможности.

Ли наклонилась вперед, головой к коленям, чтобы справиться с головокружением, вызванным воспоминаниями. И

тут-то она и увидела это: желто-белый прямоугольник, прижатый к стене между кроватью и письменным столом. Она пошарила рукой и достала его оттуда.

Книга.

Ли вдохнула ее пыль и запах, поводила пальцами по изъеденной кислотой бумаге. Это была дешевая книга в бумажной обложке. Такие все еще печатали на территориях, находившихся под опекой ООН. А этот экземпляр был из уже не существовавшего компсоновского университета. Она перевернула ее и улыбнулась, прочтя имя автора и заголовок: Зах Компсон, «Ксенограф».

Конечно, это была классика – книга, завладевшая воображением людей до такой степени, что они назвали планету Мир Компсона именем этого блестящего новозеландца, а имена членов длительной экспедиции, открывших эту планету, давно канули в Лету.

Она открыла книгу наугад и прочла отрывок, подчеркнутый рукой Шарифи или кого-то из предыдущих владельцев книги:

«Я слышал, что жил когда-то человек, владевший поющим камнем. Куда бы я ни пошел, повсюду рассказывают об этом камне. Откуда его привезли. Что он означает. Как он его нашел.

Мне говорили, что в темных недрах земли есть храмы. Комнаты, где стеклянные ребра мира хранят молчание по-

добно реке, в которой только камни шепотом рассказывают друг другу о тайнах земли. А те, кто подслушал их, остаются и слушают, и засыпают, и умирают там.

Но кое-кто вернулся. Они вышли из недр с песней на устах. С камнями в руках.

Мне так рассказывали. Но сам я никогда не встречал такого человека».

– Сияющие воронки, – пробормотала Ли. – Он пишет об открытых сияющих горных воронках.

Она еще раз пробежалась по страницам. Книга была потрепанной, страницы загибались. Кто-то читал ее до дыр, отмечая и подчеркивая любимые места.

Знала ли Шарифи об открытых воронках до того, как попала сюда? Нашла ли она что-то в бессвязных рассказах, ходивших по Миру Компсона, о стеклянных костях и поющих камнях, что никто до нее не узрел? Не это ли привело ее на Мир Компсона?

Ли положила книгу на стол Шарифи. Потом встала, сложила невронеорганический интерфейс в футляр и засунула его в карман вместе с дневником Шарифи. Она направилась к двери, но затем вернулась, взяла ветхий экземпляр «Ксенографа», принадлежавший Шарифи, и положила его туда же.

Опечатав дверь так, чтобы можно было обнаружить, если кто-нибудь войдет, она пошла в свою квартиру, переделась

в чистые шорты и футболку и легла на узкую койку, даже не накрывшись одеялом.

Она не проспала и десяти минут, как вызов от датчиков из кабинета Хааса замигал, разбудив ее.

Она увеличила силу сигнала от биодетекторов, и перед ней появился Хаас в рубашке с короткими рукавами. Он стоял за своим светящимся письменным столом и говорил с женщиной. У его собеседницы была тонкая фигура, и она наполовину отвернула свое лицо от Ли. Но даже полумрак не смог скрыть от Ли бледную кожу и темные волосы, спадавшие с плеч, хрупких, как птичьи крылья.

– Я не говорила ей, – шептала ведьма. – Я клянусь. Я никому не рассказывала.

В ее голосе слышалось сильное напряжение.

– Дай Бог, чтобы было так. Иначе... – ответил Хаас. Он поднял руку, а женщина отшатнулась, как будто он ударил ее. Даже Ли, лежа на кровати в нескольких лестничных пролетах от них, напряглась, словно ожидала удара.

Хаас отвернулся и пожал плечами.

– Боже, – сказал он и вышел из поля действия датчиков. – Ну что за день такой. Пора отдохнуть.

Ли услышала, как о доньшко стакана стукнул лед, когда он наливал себе выпить. Наступила пауза. Хаас все еще находился вне поля зрения.

– Подойди сюда.

Ведьма повернулась, но движения ее были настолько медленны, что Хаас возвратился к столу еще до того, как она сделала первый шаг в его направлении.

– Сними это, – приказал он.

Она расстегнула платье, позволив ему упасть на пол.

– Ложись.

Она легла на спину на его столе, послушная, как ребенок.

– Нет, – сказал он. – Не так.

Он протянул руку через нее в ящик стола и вынул оттуда футляр с невропродуктом. Наклонив голову ведьмы набок, он подсоединил штекер к незаметному разъему в ней, затем приклеил пластыри с другого конца шнура себе на лоб и подключил устройство к настольной VR-приставке.

О том, что произошло потом, Ли знала понаслышке, но никогда не видела сама: петлевой шунт – извращенные технологии, использовавшиеся каждой компанией в пространстве ООН для тренировки «спинов». Петлевые шунты были незаконны; их запретили после того, как девушка во Фритауне умерла от потери крови. Но психиатрические палаты в каждом из космических портов были все еще полны проституток, сжегших свои нейроны, или порезавших себя, или просто свихнувшихся от пользования этой штукой.

Ли отключила связь, но не смогла выкинуть из головы то, что увидела. Руки Хааса на этой белой коже. Ведьма, лежащая на столе. Ее длинные волосы, разбросанные по сверкающему конденсату. Ее тело движется, но глаза пусты, как чер-

ная бездна за иллюминаторами.

Ли перевернулась, чтобы уснуть.

Впереди было еще много времени.

СТАНЦИЯ АМК: 14.10.48

Когда она включила свою «живую» стену на следующее утро, новость о смерти Шарифи уже была в эфире.

Казалось, что даже канал «НауНет» был захвачен врасплох. Они взяли интервью у коллег, студентов, дальних родственников. Но в основном все материалы были из архива, разное старье. Казалось, что Шарифи какое-то время просто не показывалась на экранах. Случайность? Или свидетельство того, что в последние годы Шарифи затаилась специально.

Ну а пока пресса рассматривала происшедшее как несчастный случай. Хотя Ли не могла разобраться, сколько там было правды, а сколько изоощренной выдумки агентов Нгуен. Сейчас это никак не влияло на ее работу. Проблемы возникнут, если она ошибется и позволит прессе самой докопаться до истины раньше, чем она и Нгуен успеют оценить объем утечки, перекрыть ее и смягчить последствия. На настоящий момент она имела все тот же набор фактов, что и накануне.

Смерть. Пожар. Пропавшие записи данных. Невроустройство в квартире Шарифи, которое могло быть ключом, а мог-

ло и не означать ничего.

Ли решила вести поиск из своей квартиры. По крайней мере, здесь никто не совал нос в то, что она делала. И к тому же ей не улыбалась идея после длительного пребывания в потокопространстве растянуться на рабочем столе в кабинете или заснуть на диване в дежурной комнате.

Она подумала, не взять ли с собой Маккуина. Но все же решила не делать этого, так как она еще не планировала рассказывать ему о невропродукте. Молодой человек не был специально оснащён, а работая на внешних устройствах, он оставлял бы много следов для службы безопасности компании. К тому же она планировала залезть в те места, где постороннее внимание было бы опасным.

Техи усовершенствовали ее интерфейс еще до Метца. До того, как всерьез приступить к делу, она проверила свое оборудование с нагрузкой. Перед поступлением на службу ей не приходилось встречаться с потокопространством. И только в армии она прошла соответствующую тренировку, была специально оборудована и получила доступ туда. За последние десять лет она научилась входить в спин-поток так искусно, как были способны немногие, и только очень узкий круг специалистов мог оценить ее профессионализм. Частично это получалось благодаря таланту: она читала коды так, как обычные люди читают слова и фразы. Всем остальным она была обязана сети военного невропродукта, проникшей в каждый синапс и охватившей все ее органы.

Ли испробовала все, что поступало в Космическую пехоту: каждое усовершенствование, каждый имплантат, каждый образец экспериментального неврооборудования. Техи любили ее. Они довели ее рефлексы конструкции и иммунную систему до уровня сверхчеловеческих возможностей, сделав из нее гибрид генетической и электронной машины. Ее устройство всего на волосок отставало от мечты разработчиков невросистем, вживляемых в человека, – прозрачного интерфейса.

Она завершила перекрестные проверки и погрузилась в спин-поток. Цифровая стремнина понесла ее. Она проносилась через реки и отмели кода, ее собственное сознание превратилось в узкий поток данных, а вероятностные колебания – в живой, мыслящий, чувствующий океан.

Темный и плодотворный, спин-поток рождал воспоминания, призраков, религии, философии (некоторые утверждали, что даже новые биологические виды). В нем содержались все существующие и когда-то существовавшие коды еще со времен первых земных военных сетей двадцатого века. Эта была первая независимая система, изобретенная человечеством и созданная AI еще в темные дни Исхода. Впоследствии система стала производить свои AI, поколения за поколением, постоянно увеличивая их численность. Внутри нее появлялись мириады квантовых имитаций, повторявших каждую живую систему, которую людям удалось вывезти со своей умирающей планеты, и множество невероятнейших и

недоступных для воображения систем, которые никогда не существовали ни на одной из планет. Даже Коэн, мощный и древний представитель AI, был всего лишь мельчайшей частицей спин-потока.

Сегодняшнее задание было несложным: установить, кто изготовил невротнеорганический интерфейс Шарифи и для чего. Для получения этой информации Ли, возможно, придется стать хакером, одновременно оставаясь в человеческом потоке данных – в проторенных корпоративных и правительственных сетях. И если ей повезет, то не нужно будет даже рисковать, посещая Фритаун.

Она открыла свой интерфейс и зашла в обмен данных Кольца, где получила копию генома Шарифи, оставленную и забытую в открытой базе данных после небольшой медицинской процедуры четыре года назад. Она сверила эту копию со структурой ДНК в устройстве и убедилась, что интерфейс был изготовлен для Шарифи. Затем отсоединилась от общей сети.

Переключившись с режима VR на систему двоичного кода, она побежала по числам, нырнув в море чистого кода под потокопространством. Переключение было подобно запуску ракеты. Погружение в числа освободило ее мозг от пространственных ощущений, успокоило сильные вибрации в ее внутреннем ухе. И что самое главное, оно освободило оперативную память, занятую до этого генерированием имитации органов ощущений, служившей единственным окном в

потокопространство для большинства людей-операторов. А для Ли, как и для любого настоящего хакера, погружение в числа было возвращением в родную среду.

В общих чертах она представляла объект поиска, несмотря на то что она еще не знала, где его искать. Ей нужно было определить крупного корпоративного игрока в области научно-исследовательских работ, способного выдержать финансовую нагрузку при длительной разработке современной технологии и обладать достаточной политической поддержкой, чтобы нарушать принятые гуманитарно-этические правила биологических исследований. Но она не могла войти с парадного входа. Ей нужен был файл с ошибкой. В каком-нибудь общественном домене, относительно плохо защищенном. Такой файл, чтобы можно было подойти к нему, не привлекая лишнего внимания, и с его помощью проскользнуть мимо корпоративных стражей.

Ли ухватила за подходящую цепочку данных и прошла, скользя по ней, сквозь наслаивавшиеся друг на друга базы данных, как ныряльщица сквозь течения и различные слои бурлящего океана. Цепочка привела ее к открытой странице отдела биологических исследований компании «КанКорп», базировавшегося в зоне Кольца. «КанКорп» была одной из четырех или пяти многопланетных компаний, способных, по мнению Ли, создать такой интерфейс, какой был у Шарифи. И конечно же, первая же грубая проверка показала, что «КанКорп» являлась одним из наиболее щедрых корпора-

тивных спонсоров Шарифи.

Для дальнейшего следования по цепочке Ли снова переключилась на режим ВР: если служба безопасности «КанКорп» наблюдала за этим открытым сайтом, она хотела бы выглядеть обыкновенной туристкой, когда доберется туда. Досадно было то, что, пока она добиралась до места, ей пришлось пять раз свернуть с пути. Сначала преградой стал сладенький ролик, рекламировавший полезную для здоровья еду с сумасшедшей ценой и вкусом плесени, затем листовка с праведной болтовней Реформаторской церкви «Святых последнего дня», врученная ей удивительно белокожим подростком в дешевом синем костюмчике. Следом за этим были: документальная реклама Института генетической терапии «Небесные врата», загруженная на раздражающий назойливый баннер; объявление коммунальной службы Кольца об эпидемии листериоза в североамериканском секторе Кольца; наконец, полная имитация Апокалипсиса, созданная какой-то продвинутой в компьютерном смысле сектой смешанной религии. Она выбралась из этой имитационной модели с ватными ногами, гулом в голове и уверенностью в том, что таким приверженцам «истинной» религии не следует давать доступ ко времени в общественном потокопространстве.

Когда Ли наконец добралась до страницы «КанКорп», то мало что там нашла, кроме ссылки на раздел «проводимые работы», в котором работники исследовательского подраз-

деления компании или, что более вероятно, сотрудники, отвечавшие за связь с общественностью, размещали прошедшие цензуру биографии и выхолощенные описания текущих работ. Она задала новый поиск и получила потокопространственные координаты трех исследователей компании «КанКорп».

Ли задумалась. Пока она выходила только на открытые сайты, не находившиеся под строгим контролем. Ее присутствие на этих сайтах не замечали, если она не совершала что-либо привлекающее внимание к себе. Теперь же она пересекла границу закрытой территории. На этой территории за небрежность придется платить.

Но конечно же, поэтому именно ее и послала Нгуен. Нгуен объяснила, что дальнейшая карьера Ли зависела от выполнения этого задания, и предоставила ей свободу действий. Нгуен прекрасно понимала, что задание будет выполнено, а Ли пойдет ради этого на любой риск.

Пять минут спустя какой-то лаборант компании «КанКорп» послал сообщение администратору сети. Через шесть минут после этого Ли открыла безымянное окно под учетной записью администратора и начала просматривать архивы внутренней почты всего научно-исследовательского отдела компании «КанКорп».

Ли профессионально оценила то, что безопасности в «КанКорп» уделялось серьезное внимание. Они пользовались хорошими протоколами безопасности и не стеснялись

наказывать тех служащих, кто нарушал их. Но исследователи, как правило, не воспринимали секретность всерьез, и в «КанКорп» они не были исключением.

Трое разработчиков все еще держали в своем архиве старую почту, в которой шла речь об устройстве, аналогичном устройству Шарифи. Работы над проектом были остановлены четыре года назад. Один из прототипов этого интерфейса отправили на удаленный склад, с которого, если судить по более поздним инвентаризациям, он просто... исчез.

Ли выругалась от разочарования, появившись на короткий момент внутри дезориентирующего образа ее квартиры на станции, затем снова нырнула обратно в сеть.

«А если посмотреть на это с другой стороны, – подумала она, – и поискать органический компонент?»

Она снова вышла на медицинскую историю Шарифи и сопоставила все ее перемещения во время последних месяцев пребывания в пределах Кольца. Затем она сверила места нахождения Шарифи с расположением клиник, имевших лицензию на установку специализированного внутреннего оборудования, которое было необходимо Шарифи. Было одно совпадение: тихая дорогая частная клиника в Зоне Камилия.

Операция была оплачена со счета без номера во Фритауне. За двадцать часов до того, как Шарифи зарегистрировалась в клинике, туда поступила партия медицинского оборудования с гарантией и страховкой от фирмы «Сагре Диём».⁷

⁷ Сагре Диём (*лат.*) – букв. «срываю день», т. е. пользуйся настоящим, лови

Оказалось, что это был никому не известный сетевой провайдер, никогда ничего не отправлявший в эту клинику в Зону Камилия ни до, ни после этого.

«Сагре Диет» оказалась надежной, хотя и не особенно прибыльной компанией, владевшей солидным куском рынка доступа к гражданскому потокопространству на межорбитальных станциях в Лаланде. Ли быстро проникла сквозь защитный периметр этой компании и зашла в базу данных внутренних операций. Она нашла там все, что и ожидала: ведомость зарплаты, список выставленных счетов, внутренние документы компании и неофициальные сообщения электронной почты. Все это подтверждало действительное наличие заявленных компанией «Сагре Диет» четырехсот семидесяти девяти сотрудников, работавших внутри и за пределами компании. Но когда она открыла доступ к бухгалтерии, она получила другую информацию. Через «Сагре Диет» проходили суммы, достаточные для финансирования небольших объемов технологически сложного оборудования. В них входили большие и многочисленные платежи, причем некоторые из них – юридическим лицам, участвовавшим в установке оборудования Шарифи. И на каждый перевод денег от компании в файлах имелась отметка о соответствующем приходе.

Кто бы ни делал эти переводы, он позаботился о том, чтобы их было трудно проследить. Приходы по суммам нико-

гда точно не совпадали с отправлениями, и разница во времени между ними составляла от двух дней до двух месяцев. В такой ситуации было бы очень сложно доказать связь между ними.

Но Ли не искала никакого доказательства, ей нужно было взять след и двигаться дальше.

Она проследила путь денег через две обанкротившиеся компании, пять анонимных холдингов и целую цепочку банковских счетов, разбросанных в восьми звездных системах.

В какой-то момент она почувствовала рядом постороннее присутствие, словно какая-то большая птица зависла над ней, паря на сильном встречном ветру, разбивая потоки киберпространства перьями на концах своих крыльев. Что-то коснулось края ее сознания. Ярко-голубая бесконечность открытых пространств вспыхнула перед ее глазами и исчезла еще до того, как она успела осознать, что видела ее.

«Коэн?» – подумала она, поспешив загнать эту мысль назад. Она бежала по двоичному коду, глубоко погружившись в числа, рассеявшись по сети настолько, насколько мог выдержать органический оператор. Ли знала по опыту, что малейшая мысль о Коэне притягивала его, как акулу – на приманку. Она не хотела, чтобы он появился, потому что совсем не была готова к разговору с ним.

Денежный след заканчивался в хорошо защищенном информационном центре финансового сектора Фритауна, на который указывал оффшорный счет. Ли установила свой

предохранитель в другой режим и быстро перешла в сеть «ФриНет», пока не передумала.

Сеть «ФриНет» была старше и обширнее всего остального потокопространства и находилась за пределами «решетки» ООН. Она не управлялась протоколами безопасности секторов цивилизованного рынка, служила виртуальным убежищем торговцам «черного» рынка, террористам, инфоанархистам и неконтролируемым AI Консорциума.

Предохранительное устройство Ли защищало ее даже здесь: если сигналы ее жизнедеятельности стали бы меняться слишком кардинально, то в этом случае оно шунтировало бы ее в надежно защищенную программу декомпрессии до того, как вывести ее из потока. Но это помогало только при прямой угрозе сетевого уничтожения. Предохранитель не мог спасти от биоактивных вирусов. Ли вспомнила Колдную и поежилась.

Она провела во «ФриНете» полдня, путешествуя по потоку, пока не начала уставать. У нее заныла спина и заболели глаза. Повсюду Ли встречали глухие стены и тупики. Здесь нельзя было найти ответов, возникали только бесконечные вопросы и загадки.

Здравый смысл и чувство самосохранения толкали ее к тому, чтобы прекратить поиски. Девизом посетителей «ФриНета» могла бы быть фраза: «Информация ищет собственную свободу», но на практике «ФриНет» служила для того, чтобы прятать информацию, а не находить ее. Здесь, как и

на улицах в реальном пространстве Фритауна, могли убить за то, что вы задавали слишком много вопросов. Или вообще задавали вопросы о тех, о ком не спрашивают. Через двадцать секунд после того, как она вернулась в «решетку» ООН, ее похитили.

Первым признаком надвигающихся неприятностей было легкое колебание чисел. Потокостранство вокруг нее замерло, задрожало и десинхронизировалось. Когда оно снова вернулось на место, она оказалась нос к носу с голубоглазым лицом испанского типа. Четырнадцати, может быть, пятнадцати лет от роду. По-детски пухлые щеки и скулы. Толстое кольцо в носу. Хорошие, нормальные гены.

Ли с облегчением выдохнула и расслабилась. Это была одна из крутых девочек-подростков, приткая хакерша из богатой семьи, игравшая родительской VR-аппаратурой. У реальной угрозы не могло быть такого миленького личика, даже в потокостранстве.

Ли улыбнулась и закрыла окно.

Ничего не случилось.

«Выход», – передала она. Но никакого выхода не было.

Она снова оказалась в круговерти потокостранства. Когда картинка вернулась, глаза девочки стали менять цвет. Синий в карий, карий – в почти черный. И само лицо вокруг глаз стало меняться. Оно вытягивалось, расплывалось и изменяло форму, пока Ли не узнала его. Последний раз она видела это лицо в неровном зеркале подпольной лаборатории

в Шэнтитауне.

Ли побежала, но похититель бегал гораздо быстрее ее. Вытянутая рука стиснула ей шею прежде, чем она сумела обернуться.

Она отбивалась руками и ногами, пыталась закрыть VR-окно, но не смогла. Она сделала попытку выйти из VR в код, чтобы хотя бы узнать, кто на нее напал. Затем постаралась закрыть все, что возможно, но обнаружила, что прием из реального пространства для нее был перекрыт.

Рука сжала шею сильнее, погрузив Ли в боль и темноту.

Боль в горле отпустила, и к Ли вернулась способность дышать. Она скорчилась в темном углу, держа что-то в руках и ощущая кислый запах. В висках стучало. В груди чувствовалась тупая ноющая боль, напоминавшая ей... о каком-то месте.

Она не могла четко видеть, а то, что она разглядела – инструменты, кабели, неясные очертания консоли для компьютера, – все это не имело для нее никакого смысла. Она двигалась, делала что-то руками, манипулировала каким-то устройством, о функции которого она не догадывалась. Она напряглась, чтобы разглядеть, что было над ней, пытаясь определить, где она. Невозможно. Ее руки, глаза, все ее тело, казалось, отказывались подчиняться ее воле.

Ее охватила клаустрофобная паника. Она чувствовала себя привидением, засунутым в чье-то чужое тело, ощущав-

шим оцифрованные воспоминания, которые могли быть из прошлого, настоящего или специально симулированы. Она не могла контролировать эту загнанную в рамки память. Она не могла также определить, как эту память изменили и была ли она реальной. Все, что она могла, – это ждать, когда с ней покончат и все прекратится.

Шум. Движение.

Другая «она» встала, повернулась, посмотрела.

Из тени появилась фигура. «Женщина», – подумала Ли. Но было трудно точно разобрать; все, что она видела на расстоянии, распадалось на части, искажалось, как будто ее глаза совсем не различали предметов. Тело, в котором она была, заговорило, но она слышала только высокие переливчатые звуки, похожие на бессловесное завывание зверя. Если эти звуки были словами, то они принадлежали языку, смысл которого для нее ничего не значил.

Темная фигура двигалась в ее направлении. На миг зрение прояснилось, и Ли удалось разглядеть лицо тени: бледное, обрамленное длинными темными волосами.

Ведьма.

Она вытянула руку и, почувствовав напряженный изгиб талии ведьмы, притянула теплое тело девушки к себе.

Белый свет. Бесконечное пространство. Острый, как нож, ветер.

Огромные высокие горы с каемкой черного льда, с белы-

ми свисающими ледниками вздымались перед ней. Небо над ней сверкало синевой – цветом, который она видела до этого всего лишь один раз, во время знаменитой выброски в экваториальные горы Гилеада.

Тень ястреба мелькнула над головой, и она услышала, как бьется сердце, медленно и сильно, отдаваясь эхом в горной тишине. Затем она вышла и снова оказалась в «решетке». В безопасности.

«Коэн?»

Она исследовала сеть, растягиваясь, насколько хватило смелости.

«Коэн?»

Но он исчез, если вообще когда-нибудь был там.

ШЭНТИТАУН: 14.10.48

Доктор Левитикус Шарп встретил ее у дверей госпиталя в Шэнтитауне. Он был худой, как спичка, узловатый, двухметрового роста. Он сгибался, стоя на своих длинных ногах, – большой мужчина, старавшийся не напугать маленькую женщину. Ли не требовалась помощь, но она все же была благодарна за такое обхождение.

– Добро пожаловать на Мир Компсона, – сказал он, улыбаясь. – И желаю вам не задерживаться здесь надолго.

Кабинет Шарпа выходил окнами в сторону, противоположную от города, – на холмы. В Шэнтитауне уже стояла

осень, и дубовые листья начали менять свою окраску. Ли видела знакомый ярко-красный цвет в каньонах, серебрино-зеленую зыбь полыни в долинах.

– Итак, – сказал Шарп, когда они сели. – Вот и вы.

– Вы говорите так, словно ждали меня. Он прищурился.

– А не нужно было?

Ли вытянула руки ладонями вверх и подняла брови. Это был один из привычных жестов Коэна, и она почувствовала вспышку досады на себя за то, что повторила его.

– Гм-м... – Шарп заерзал на стуле в неожиданном замешательстве. – Может быть, вы расскажете мне о цели своего прибытия, майор?

Ли пожала плечами и достала невронеорганическое устройство Шарифи из кармана.

Шарп внимательно посмотрел на него, и Ли поймала металлическую вспышку фокусирующего кольцевого затвора в его левом зрачке. Он пользовался биопротезом как диагностическим устройством.

– Извините, – сказал он. – Невропродукты – не совсем моя область. Вы не пробовали обратиться в службу технической поддержки АМК? На станции люди достаточно компетентны.

– Вторая половина системы находится у вас в морге.

– Я в этом сомневаюсь.

Он наклонился, чтобы еще раз взглянуть на устройство.

– Любая многопланетная компания, владеющая подобной

технологией, вернула бы устройство себе еще до того, как остыло тело оператора.

– Речь идет о Ханне Шарифи.

– Ох, тогда, конечно, другое дело.

– Изучали ли вы ее внутренние компоненты в ходе вскрытия? – спросила Ли, проверяя свою жесткую память. – Вы подписали ее свидетельство о смерти?

Он встал, уже не улыбаясь и не наклоняясь, и Ли заметила вспышку зеленого фотодиода, когда он проверял свой внутренний хронометр.

– Я подписываю много свидетельств о смерти, – сказал он, изменив тон. – А теперь, если у вас ко мне больше нет вопросов, меня ждут пациенты. Передайте от меня привет Хаасу.

Ли почувствовала себя как в тумане. Она последовала за Шарпом в коридор почти бегом, чтобы успевать за его огромными шагами. Он прошел сквозь двустворчатые двери в комнату для умывания, наклонился над глубокой раковиной и принялся мыть руки.

Ли подошла и выключила воду:

– Не можете ли вы ответить мне, что, черт возьми, здесь происходит?

Шарп вытянул вперед свои намыленные руки, расставив пальцы в сторону. Отчего-то он выглядел очень беззащитным.

– Я сомневаюсь, что вы хотите, чтобы я сообщил вам что-

нибудь, майор. Мне кажется, что вы уже все для себя решили.

– Хорошо, – сказала Ли. – Прикрывайте свою задницу. А мне нужно заниматься своей работой. Если вы не хотите мне помочь, то уйдите с дороги и не мешайте мне.

Шарп протянул руку и снова включил воду. Рука дрожала, и одного взгляда на его лицо было достаточно, чтобы понять, что он испуган.

– Просто уходите, – сказал он. – У меня здесь по горло пациентов, которыми вы, идиоты, снабжаете меня. Хаас знает, что у меня нет времени заниматься чем-то за его спиной, тем более несанкционированными вскрытиями. Бог свидетель, что Войт достаточно заставлял меня прыгать сквозь этот обруч.

И тут неожиданно все встало на свои места. Предположение Шарпа, что она должна была прийти поговорить с ним после пожара на шахте. Его смущенность, его подозрительность, копившийся в нем гнев, который он маскировал шутками и вежливой болтовней.

– Послушайте, – сказала Ли. – Я не знаю, что здесь было при Войте, и мне ничего не известно про их маленькие договоренности с Хаасом. Я ко всему этому никакого отношения не имею. Я пришла сюда сама, а не по приказу Хааса. Я здесь не для того, чтобы заставить вас следовать какой-то официальной линии. Мне нужна правда. Или, по крайней мере, все, что вам известно. И больше ничего.

– Правда – это сложное понятие, – произнес Шарп с подозрительностью в голосе. – Что конкретно вы хотите знать?

– Я хочу осмотреть тело Шарифи.

– С чьего разрешения?

– С моего.

Она включила свою систему связи, выписала ордер, проставила на нем время и послала на потокопространственные координаты Шарпа. Он долго не мог сфокусировать глаза, когда читал его. Прищурившись, он посмотрел на нее изумленно.

– Вы не подумали, что я сделаю это письменно, ведь так? – спросила она, оперлась на раковину, сложив руки натруди, и посмотрела на него. – Вы записали меня не в тот список, Шарп.

– Скорее всего, – сказал он и рассмеялся, вихря влажной ладонью волосы. – Прошу извинить меня... ну, понимаете, шахтному врачу свойственна паранойя.

– Могу себе представить.

Он провел ее назад через палаты и коридоры в задние модули госпитального здания. Приближаясь к моргу, Ли стала замечать свидетельства недавнего пожара.

Они пробирались между больничными койками и множеством коробок с медицинскими препаратами. В получавших недостаточное финансирование колониальных госпиталях всегда не хватало места, но здесь, казалось, все просто трещит по швам. В каждом углу было навалено оборудо-

дование и снаряжение для работ по спасению в чрезвычайной ситуации. Горы сложного диагностического оборудования и лекарств выросли у стен, словно кто-то решил вычистить складские помещения, сложив их содержимое на свободное место. В коридорах Ли пришлось лавировать, чтобы не столкнуться с медицинскими сестрами, которые сновали с суднами и обгоревшей одеждой.

Наконец Шарп открыл створку широкой двери, на которой трафаретом был нанесен оранжевый знак биологической опасности, и провел Ли сквозь прохладную завесу ионизированного воздуха в галерею со стеллажами с выдвижными ящиками из вирустали, напоминавшими «криогробы».

– К сожалению, все заняты, – сказал Шарп. – Сейчас у нас хватает мертвых шахтеров.

– И конечно, каждый подлежит вскрытию, – сказала Ли. – Иначе как вы сможете доказать, что они погибли внизу из-за своей халатности?

Шарп искоса взглянул на нее, и его узкий рот исказила сардоническая улыбка.

– Не могу понять, о чем вы говорите, майор, – сказал он, останавливаясь у одного из стеллажей.

Шарп вытащил ящик одним плавным движением своей длинной худой руки, и Ли оказалась лицом к лицу с Ханной Шарифи.

– Господи, – пробормотала она, – Что с ней произошло? Тело Шарифи выглядело так, будто по нему били кувал-

дой. Правая сторона головы от подбородка до волос походила на раздавленное яйцо. Правая рука была размозжена. Ногти вырваны, кровоподтеки сохранились на сморщенной коже ладони и пальцев, кончики пальцев обуглены.

– В таком виде ее нашли спасатели, – сказал Шарп. – Причиной смерти, скорее всего, было удушье – это не редкость во время пожаров в шахтах. – Он поднял неповрежденную левую руку Шарифи и показал Ли посиневшие ногти. – Повреждения необычные, но ее нашли внизу у лестницы, ведущей в «Тринидад». Там многие падали. По этой лестнице бежит вода почти с самого открытия этой штольни. Какой-то родник, который не смогли обнаружить, или не сумели осушить, или что-то еще в этом роде. Она могла удариться головой о бревно крепи, о стену шахты, обо все, что угодно.

Он пожал плечами.

– А что с рукой?

– Да, с рукой... Конечно, я, совершенно определенно, не видел ничего подобного.

Но Ли видела. На Гилеаде. В комнатах для допросов. Когда к пальцам допрашиваемых подносили «гадюку».

Тогда на Гилеаде порядок вещей нарушился. Цена игры по правилам взлетела так, что никто не желал больше платить за это. И интересно, что, когда правила перестают работать, в любой группе всегда находятся люди, которые предпочитают жизнь без правил.

Ли не входила в их число, или, по крайней мере, она так

считала. Она старалась как можно меньше задерживаться в комнатах для допросов, а затем сразу же забыть все, что происходило за этими плотно закрытыми дверями. Разумеется, все знали, откуда поступала информация, на основе которой принимались решения. Каждый раз, когда Ли вспоминала о том, что на самом деле происходило на Гилеаде, у нее появлялось чувство, словно она пыталась соединить две версии войны в своем сознании, а оно могло принять только одну из них. Она потрясла головой, отгоняя воспоминания. Шарифи не была захвачена в плен в бою с Синдикатом. И здесь не Гилеад, ничего похожего и близко нет.

– Возможно, она повредила руку, пытаясь задержать падение, – продолжал Шарп. – Это не первый раз, когда ко мне поступают с ожогами. Там, внизу, полно оборванных проводов. Легко ошибиться и схватиться за них, даже отдавая отчет в том, что ты делаешь.

Ли посмотрела на тело. Теперь, когда прошло первое шоковое впечатление, она смогла рассмотреть лицо под ранами. Это было, конечно же, ее собственное лицо. Лицо, которое она помнила еще с тех, давно ушедших дней до поступления на службу. Лицо, которое она все еще иногда носила в своих снах. Ей казалось, что она смотрит на свой собственный труп.

Неповрежденная рука Шарифи лежала на животе, ладонью вниз. На коже между большим и указательным пальцами виднелся шрам в форме полумесяца. Ли протянула руку

и дотронулась до него. Она хотела убедиться, что это не она сама лежит на холодном металле, а другая женщина, со своей собственной судьбой, своей собственной памятью, своей собственной историей. Чужая.

Она поняла, что Шарп наблюдал за ней, и отдернула руку, смутившись. Потом откашлялась, прочищая горло.

– Сможем ли мы что-нибудь понять из этого?

– Думаю, что сможем. Повреждения не такие серьезные, как выглядят на первый взгляд. И сталекерамика намного прочнее, чем ткань мозга. – Он улыбнулся. – Не мне вам это говорить, майор.

Ли рассмеялась и дотронулась до своего правого плеча. Она отлежала его во сне, а когда проснулась утром, то почувствовала боль, безошибочной причиной которой было попадание концов старых обломанных проводов внутри в мышцы и сухожилия. «Возможно, следует попросить Шарпа осмотреть больное место», – подумала она, вспомнив полевое наставление по технике безопасности. Но не сейчас, не в присутствии Шарифи, лежащей между ними.

– Давайте посмотрим, что мы тут можем увидеть, – сказал Шарп.

Он повернул что-то на пульте управления, и ящик с Шарифи переместился на смонтированную под потолком систему транспортировки, соединяющую хранилище с операционной, где проводилось вскрытие.

То, что они увидели, когда Шарп запустил сканер, бы-

ло поразительно. Затылочная часть мозга Шарифи (мышечная память, запахи, автономные функции) была чиста, как у гражданских лиц, никогда не покидавших свою планету. У нее имелись переключатели ВР, как у ученого, зарабатывающего себе на жизнь исследованиями в сети. Короче говоря, мозг Шарифи в момент смерти был почти в том же состоянии, как и при ее рождении, то есть как у человека, никогда не нуждавшегося в доступе к потокопространству в военных целях и совершившего за всю свою жизнь не более десятка квантовых скачков.

А вот лобная часть давала совсем другую картину. От нее экран ярко вспыхнул, как все информационное поле Фритауна. Для нетренированных глаз Ли это выглядело раскаленным добела тысяченогим пауком, который сумел проникнуть в каждую складку, каждую щель между разбитыми висками Шарифи.

– Что это, черт возьми? – спросила Ли. Шарп медленно свистнул.

– Я даже не способен понять, – ответил он. – Мы уже углубились гораздо дальше, чем позволяют мои технические знания. Хотя кое-что я могу вам сказать. Все это было установлено сразу. И не так давно.

– Три месяца назад, – сказала Ли.

Он посмотрел на нее, подняв брови.

– Да, похоже на то. Обычно такая обширная сеть создается постепенно путем наращивания. Несколько поколений

волокон и однородные вспомогательные сети наслаиваются друг на друга. Рубцовая ткань на шрамах – разного возраста. К тому времени, когда люди уже оснащены подобным образом, в них почти столько же ненужных мертвых устройств, сколько и живых. Но эта работа была сделана сразу, в ходе одной операции. Конечно, в клинике зоны Кольца. Или на Альбе. Честно говоря, у меня подозрение, что это скорее работа военных.

– Нет, это сделали не на Альбе, – сказала Ли. – Поверьте мне.

Она посмотрела на результаты сканирования и сравнила их с результатами, полученными при сканировании ее мозга после установки последних усовершенствований. Ей хотелось понять, какие сегменты мозга Шарифи были «нафаршированы» плотнее. Что-то в системе Шарифи не совпадало.

– Я никак не пойму, – сказала Ли в конце концов. – Что это за оборудование? Для чего оно?

– Коммутационное, – сказал Шарп. – Все это оборудование – для связи. Смотрите. Здесь, здесь. Вот, где темные участки и контрастные. Если мы посмотрим на результаты сканирования типичных кибернетических имплантатов, на ваши к примеру, то мы увидим гораздо более ровное распределение волокон. Ну, некоторая концентрация в зонах моторных навыков. Вот где-то здесь – узел для «оракула», он является базовой платформой для всего. Также высокая кон-

центрация волокон в центрах речи, слуха и зрения. Другими словами, для передачи спин-информации, для VR-интерфейсов и ваших систем связи. Имплантат Шарифи – совершенно иной. Ни «оракула», ни операционной базы, ни переключателей. Просто волокна. И все сконцентрировано почти исключительно в центрах речи, зрения и слуха.

– То есть это всего лишь причудливое устройство для доступа в сеть? – с досадой спросила Ли.

Шарп сжал губы и отошел от сканера, снимая перчатки.

– Не совсем. Если бы спросили мое мнение, то я сказал бы, что это какой-то шунт.

– Шунт? – Ли замотала головой, отгоняя от себя внезапно мелькнувший образ падающей Колодной. – Но ведь это безумие. Для чего такому человеку, какой была Шарифи, оборудоваться для шунтирования? В этом нет никакого смысла.

– Есть различные шунты. Этот шунт – не обыкновенный, а очень специализированный. – Шарп замер. – Могу ли я посмотреть еще раз этот интерфейсный шнур?

Ли вынула футляр из кармана, протянула ему, а потом, наблюдая, как он внимательно рассматривал устройство. Его окулярный протез сужался как объектив фотокамеры, меняя цвет своего искусственного зрачка на серебряный.

– Я полагаю, – начал он рассуждение, – что мы имеем дело с модульной системой. Большинство внутренних систем единого типа: они могут работать как автономно, вне потока, так и в потоке. В противном случае зачем было делать си-

стему внутренней, правильно? Итак, ваш типичный «фарш» есть не что иное, как отдельная операционная система, базирующаяся на зависимом AI и связанная с более или менее приличной по размеру кибернетической сетью. Ваша система сопрягается с потокопространством и не нуждается во внешнем выходе для выполнения основных функций. Этот же имплантат, напротив, является всего лишь одним из компонентов более крупного устройства. Это означает, что обладающий им должен сопрягаться с какой-то большей внешней системой.

– С системой какого типа?

– Ну, – осторожно сказал Шарп, – я предполагаю, что это должен быть независимый AI.

Ли уставилась на него и, поняв, что у нее открыт рот, закрыла его. Любой, кто осмеливался экспериментировать с неограниченным двухсторонним сопряжением между чувствующим AI и человеком, нарушал столько законов, что она не могла даже их сосчитать.

– Я полагала, что подобные эксперименты были прекращены давным-давно, – сказала она.

– В политическом смысле сопряжение между независимым AI и человеком – тема неприкасаемая, это понятно. Но иногда мельком приходится об этом слышать. На Альбе существовала одна программа, до того как лобби сторонников смешанной религии не торпедировало ее. И я уверен, что во Фритауне все еще есть какие-то группы, работающие в этом

направлении.

– Вы считаете, что у Шарифи было установлено оборудование с «черного» рынка?

– Не обязательно. Может быть, АІ на другом конце соединения не относился к независимым. – Шарп пожал плечами. – Мне трудно еще что-нибудь предположить. Я все же думаю, что она была оборудована для какой-то совместной операции с независимым.

– Поблизости их не много, Шарп.

– Да, не много.

– Совпадают ли наши мысли?

– Полевой АІ станции телепортации? Ли почувствовала, как холод операционной проникает в ее кости. Какого черта эта Шарифи творила? И кто позволил ей играть в эту опасную игру с полевым АІ, если каждая квантовая транспортировка могла стоить жизни?

– Мне бы очень хотелось посмотреть на программу управления высшей нервной деятельностью этого имплантата, – сказала она.

– Она не здесь. Здесь памяти даже и близко не хватит. Она также внешняя.

– А полевой АІ как раз очень удобно – в автономном режиме, не так ли?

– Кажется, так.

Они вместе молча посмотрели на экран.

– Ну? – спросил Шарп. – И что мне с этим делать?'

– Вынимайте, – сказала Ли.

У Ли, как правило, квантово-корригированная репликация проходила, когда она находилась почти в коме. Без криогенной технологии при транспортировке со сверхсветовой скоростью было бы невозможно выжить. Ее применение обычно имело для Ли последствия, хотя и не очень серьезные: заложенный нос и блуждающая боль в суставах.

Извлечение неврооборудования проходило намного проще. Процесс давно освоили и проводили под наблюдением. Всего несколько манипуляций в хирургическом кабинете. Хотя на этот раз все шло не так быстро. Шарп не имел необходимой информации, чтобы настроить свои инструменты, ему пришлось повозиться, чтобы найти квантовые параметры имплантата. Но после серии филигранных настроек он установил и выверил квантовую запутанность, подождал, пока компьютер прогнал установленные в нем корректирующие протоколы. Когда его терминал сообщил, что он завершает трансформацию Шарифи, они оба нервно рассмеялись.

Пять минут спустя у Ли на ладони лежал маленький пакет: аккуратно свернутое белое сталекерамическое волокно и несколько погруженных в гель микропереключателей, облученных вспышкой и завернутых в стерильную хирургическую пленку.

– Какое оно маленькое, – сказала она.

– Два километра, – сказал Шарп. – Это длина волокна от

одного конца до другого в сети среднего размера для всего тела.

Ли взвесила маленький пакет на ладони. Зачем Шарифи было нужно устанавливать нелегальный невропродукт? И самое главное, где она его взяла?

– Вам нужно оставить это себе? – спросила она у Шарпа.

– Хотелось бы.

– Хорошо. – Она передала ему пакет. – Просто постарайтесь, чтобы это было здесь, когда мне потребуется взглянуть на него еще раз.

– Могу ли я задать вам один вопрос? – спросил Шарп, когда она была уже у двери. Его голос звучал напряженно. – Неофициально?

Ли повернулась.

– Конечно.

– Вы знали ее?

– Кого? Шарифи? Шарп кивнул головой.

– Не совсем. Я видела ее пару раз. И все.

– А вот я ее знал, – сказал Шарп.

Он взял скальпель и начал вертеть его в руках, закручивая и раскручивая кольцо с резьбой, с помощью которого лезвие крепилось к рукоятке.

– Она мне нравилась. Она была... честной.

Казалось, что он не ждал ответа, поэтому Ли молча наблюдала, как он вертит скальпель.

– Хотя, – сказал он, покраснев, – не в этом дело. Дело

в том, что меня... проинструктировали. После ее смерти. Остаются ли эти инструкции в силе?

Ли смотрела на него, гадая, на какое политическое минное поле ее занесло.

– А что вы спрашиваете у меня?

Шарп внимательно посмотрел ей в глаза, насупив брови.

– Объяснил ли вам кто-нибудь, как организовано следствие по делам о насильственной смерти в Сент-Джонсе?

Ли на минуту задумалась, прежде чем она поняла, что Сент-Джонс – официальное название Шэнтитауна, и отрицательно помотала головой.

– Когда кто-либо умирает в пределах городской черты, у меня есть все полномочия проводить любые следственные действия, необходимые для установления причины смерти и закрытия расследования. Когда кто-либо умирает на территории, являющейся собственностью АМК, дело передается управлению АМК. Если АМК не обращается ко мне с просьбой о проведении вскрытия, я просто храню тело до решения вопроса об его уничтожении или, что очень редко бывает, его транспортировке. Конечно же, свидетельство о смерти оформляют. Но его заполняет Хаас. Я лишь ставлю на нем печать.

– Продолжайте, – попросила Ли.

Шарп все еще играл со скальпелем, рискуя обрезать палец всякий раз, когда его поворачивал.

– Практически АМК обычно просит делать вскрытие каж-

дого, кто умирает на шахте. Но не на этот раз. На этот раз я получил пачку подписанных Хаасом справок. На всех, за исключением двух человек: Войта и Шарифи. На них я получил уже заполненные свидетельства о смерти, подписал их и отправил назад.

– А теперь вы хотите сделать вскрытия?

– А вы нет?

– Почему вы спрашиваете?

– Если вам не хочется плясать под дудку Хааса...

– Да не об этом я беспокоюсь, – сказала Ли.

Внутренний голос предостерег ее, что нужно подумать, прежде чем делать какие-то шаги, но Ли отмахнулась от него.

– Хорошо, – сказала она. – Делайте вскрытия. Но никто не должен видеть результатов до тех пор, пока я не подпишу их. Я просто знаю, как надо пригнуться, чтобы мне не снесли голову.

Шарп серьезно посмотрел на нее и сказал:

– Спасибо вам.

– Пожалуйста, – ответила Ли и добавила полушутя: – Я просто даю вам веревку достаточной длины, чтобы можно было меня на ней вздернуть.

ШЭНТИТАУН: 14.10.48

После госпиталя ей нужно было идти к вертолетной пло-

щадке и сесть на первый же челнок, направлявшийся на станцию. Но она этого не сделала. Не задумываясь, в каком направлении идти, она свернула в конце Госпитальной улицы налево, а не направо, и пошла по насквозь продуваемым, плохо мощенным улицам в район старого Шэнтитауна.

Большая часть города оказалась почти полностью заброшенной с началом первого безумного периода квантовой лихорадки. Не хватало денег, еще больше не хватало времени, планировка отсутствовала, и город напоминал коллекцию жилых блоков, кем-то случайно рассыпанную по земле, а потом забытую. И только глубоко забравшись в старый город, можно было понять историю этого места и встретить его прошлое – герметичные биоангары первопоселенцев. Некоторые из этих ангаров до сих пор могли поддерживать атмосферу, но современный город вырос вокруг них и закрыл их расходившиеся лучи, как новая кожа закрывает рубцы от хирургического шрама. В результате получился лабиринт узких переулков и дворов без окон, по которым местные жители могли пройти километры, даже не видя неба и не появляясь в орбитальной сети наблюдения.

Бунт вспыхнул через несколько месяцев после рождения Ли, и с той поры Шэнтитаун все еще оставался символом насилия, измены и терроризма. Снова оказавшись на его улицах, Ли неожиданно вспомнила о своей учебе в офицерской школе. О том чувстве стыда и отвращения, которое она испытала, когда поняла, что лаборатория ведения бо-

евых действий в городских условиях была точной потоко-пространственной копией беспорядочных пересечений туннелей и дворов старого Шэнтитауна. Когда она увидела на учебных мишенях свое собственное лицо.

Ли пришла к церкви, не отдавая себе отчета, что искала ее. Остановившись у калитки, она легко открыла ее, вошла на церковный двор и перекрестилась.

Капелла Пресвятой Девы Недр стояла на старом месте: врытая в крутой склон на границе дна высохшего доисторического озера, на котором был построен Шэнтитаун, и холмов, среди которых располагались родильные лаборатории и шахты вольноопределяющихся. Дверь была открыта. В конце сумеречного нефа, словно дневной свет в конце штольни, матовой белизной светился Камень Девы Марии.

Что-то на церковном дворе сильно резало глаз и не отвечало детским воспоминаниям Ли: осыпающаяся побелка на стене дома священника, дешевая пенопластовая изоляция вокруг плохо подогнанных окон, слишком яркие искусственные цветы, пятнистый слоистый пластик надгробий, покоробленный кислотными дождями, на воздействие которых он не был рассчитан. И эта картина сначала отвлекла ее внимание от необычной особенности этого церковного двора – все покоившиеся здесь были удивительно молоды.

Она прошлась по рядам могил, читая даты рождения и смерти. Тридцать пять. Тридцать четыре. Двадцать четыре. Восемнадцать. А были еще и детские могилки, еле виднев-

шиеся из-под серо-зеленых пучков кислородотворных водорослей.

Она натолкнулась на могилу, которую искала, совершенно случайно. И как только она увидела ее, то поняла: о чем бы она ни думала, что бы ни говорила себе, она не была готова к этой встрече. В действительности она все еще никак не могла поверить, что ее отец давно уже умер.

Ну, а могила – вот она. Джил Перкинс. И даты под его именем. Он умер в тридцать шесть лет. Значит, старый, изношенный, покрытый шрамами отец, которого она помнила с детства, был моложе, чем она сейчас.

– Вам чем-нибудь помочь? – спросил у нее за спиной мужской голос.

Она обернулась, глубоко вздохнув.

Это был священник. Молодой. Спортивного вида. Не местный. С интересом в горящих глазах. У него было умное отзывчивое лицо молодого человека, доверявшего людям. Возможно, он закончил семинарию всего года два-три тому назад, здесь впервые встретился с нищетой и чувствовал себя как на передовой, борясь со злом. Ли хорошо знала таких. Они делали много полезного, но были временными на неродной планете Мир Компсона: прибывали на год, или два, или десять и в конце концов всегда отправлялись на космодром в Хелене и летели домой на скачковом корабле. Ли не могла осуждать их за это решение.

– Я... я просто гуляла, – ответила она. – Просто искала.

– Вы знали его?

– Что? Ах, да... Немного.

– Пятнадцать лет прошло, а его все навещают. Должно быть, он заслужил, что люди не забывают.

– В нем не было ничего особенного, – сказала Ли.

– Вам виднее, – улыбнулся священник.

Она взглянула на его честное лицо. Она не помнила его. И он не мог помнить ее или слышать о ней. Слава Богу, он был моложе ее. Почему бы и не попытаться?

– И кто же его посещает? – спросила Ли между прочим.

– Одна женщина... Ох, я не могу вспомнить, как ее зовут. Она перешла в другой приход до того, как я попал сюда. Блондинка, – улыбнулся он. – Настоящая ирландка. Высокая. С меня ростом.

Священник поднял свою правую руку, и Ли поняла, что он хотел сказать, до того, как он открыл рот.

– У нее не было части пальца.

– Потеряла его в Лондондерри, – тихо сказала Ли. Эти вырвавшиеся слова она произнесла с акцентом, от которого так старательно избавлялась последние десять лет. Ей даже показалось, что их произнес кто-то другой. Кто-то, чье лицо она должна была помнить.

– На самом деле? Она из ИРА? Вот это да, – покачал головой священник. – Упрямые ребята. Подумать только, что было бы, если бы ООН сдалась и позволила им остаться там.

– Да, действительно.

Ли снова взглянула на надгробие. Начало моросить. Капли дождя покрыли пятнами пластиковую поверхность таблички, расплывшись по ней чернильными подтеками. Ее зазнобило, и она подняла воротник.

– Я могу передать ей ваше имя, – сказал священник. – Если вы хотите поговорить с ней.

Ли затаила дыхание, ее сердце стучало.

– Нет. Я не знаю. Не надо. – Она сглотнула. – Я сомневаюсь, что она даже вспомнит меня. И какой прок ворошить старые воспоминания? Иногда людям стоит просто плыть по течению.

Маккуин встретил Ли у выхода после прилета челнока. Он выглядел бледным и расстроенным.

– Боже, – сказала она, увидев его лицо. – Что случилось?

– Гоулд. Она пропала.

– Когда?

– Два-три часа тому назад.

Ли прошла мимо него и направилась в сторону штаба.

– Три часа – это еще не конец света, Маккуин. Она не могла далеко уйти.

– Может быть, и больше трех... Она обернулась.

– Как дальше? – спросила она медленно и отчетливо.

– Извините, – жалобно сказал Маккуин. – Я... она отправилась спать вчера вечером, а утром, хотя и не пошла на работу, пользовалась электричеством, водой, воздухом. Она

входила в сеть. Мы следили за тем, с кем она связывалась. Никто не заметил, чтобы к ней кто-нибудь приходил. И я никогда не догадался бы, пока сам не увидел, что на самом деле она ни с кем не соединялась. А она ни с кем и не соединялась. Они просто использовали ее домашнюю систему, чтобы мы поверили, что она была дома.

Точно так же Ли использовала систему Шарифи, чтобы связаться с офисом Гоулд. Это совпадение? Шутка? И если нет, то тогда что, черт возьми, эта Гоулд задумала?

– Маккуин, почему ты не позвонил мне сразу же, как обнаружил, что она пропала?

– Я звонил, я пытался. Вы... Вы были вне доступа.

Конечно. Она была в старом городе, в Шэнтитауне.

Она предалась воспоминаниям, оставив неопытного мальчишку отвечать за все, когда расследование разваливалось. И вот вам, пожалуйста, результат.

– Может быть, вам войти в поток и попытаться найти ее? – сказал Маккуин, – Я... Я такой медлительный. Может, вам что-нибудь удастся. Вот поэтому я и пришел встретить вас.

– Хорошо, – сказала Ли. – Но только не здесь. Не на людях.

Когда они добрались до штаба, дежурный офицер ждал ее, желая доложить ей о чем-то. Она прошла мимо, не обратив на него внимания, жестом приказав Маккуину зайти в ее кабинет.

– Хорошо, – сказала она ему, усаживаясь за стол, который

она хотела бы и дальше называть столом Войта, потому что не собиралась задерживаться здесь надолго. – О каких временных рамках мы говорим? Когда фактически ее видели в последний раз?

– Вчера вечером, в двенадцать часов по времени Кольца.

– Боже, – сказала Ли, но, взглянув на огорченное лицо Маккуина, не стала продолжать.

Это была понятная ошибка, хотя и серьезная. Но сейчас не следовало заниматься взаимными обвинениями, а нужно было исправлять ее, пока возможно.

Ли закрыла глаза на короткий миг, пока погружалась в поток, а открыв их, увидела, как стали расплываться черты Маккуина за потокопространственной пеленой.

– Ты проверил, не платила ли она кредитным чипом и все такое?

– Да. Никаких следов.

Она проверила сама, просмотрев банковские проводки, счета за пищу, воду и воздух и дебит потокопространства – следы, которые не мог не оставлять каждый житель Кольца ежеминутно на протяжении всей своей сознательной жизни.

– Непонятно, – произнесла она. – Не может такого быть, чтобы не было следов. Если, конечно, она не умерла.

– Умерла или пользуется наличными.

– Нельзя пользоваться наличными в пространстве Кольца, Маккуин. Их никто не принимает. Даже уличные торговцы и нищие художники предпочитают хорошие, чистые, только

что отмытые кредиты.

– А может быть, она уже и не в зоне Кольца, сказал Маккуин с таким видом, словно он отчаянно хотел ошибиться.

– Нельзя покинуть пределы Кольца, не воспользовавшись кредитами, – отрезала Ли и замерла, поскольку интуиция ей подсказывала, что она нащупала верный ход, хотя еще и не поняла – куда и почему.

– Проверь транспортные записи, – сказала она Маккуину. – Мне нужно название каждого корабля, поднявшегося из Фритауна за последние двенадцать часов.

Два часа спустя Ли уже склонилась у монитора Маккуина, просматривая снятый камерой системы безопасности колеблющийся поток пассажиров, поднимавшихся по эстакаде на приписанный к Фритауну грузовой транспорт.

– Вы уверены, – спросил Маккуин, когда она остановила запись, показывая пальцем.

– Уверена.

Больше не было шелковой блузки и дорогих украшений ручной работы. Гоулд надела недорогую одежду и дешевую обувь. На плече она несла дешевую сумку из вирукожи. Она либо обрезала свои прекрасные волосы, либо убрала их под шляпу – Ли не разобрала. Гоулд наклонила голову и двигалась быстро, чтобы камеры не могли четко снять ее. Прямая тонкая линия рта, надменные изгибы скул и ноздрей, вид несгибаемого неоспоримого превосходства – все это заставляло Ли испытывать какую-то странную радость от того, что

эта женщина уходила от нее.

Она отбросила эти ощущения, почувствовав себя дурочкой, и сказала себе, что не рождена для службы в полиции.

– Проверь расписания телепортации, – сказала она Маккуину. – Посмотри, сможем ли мы перехватить корабль до скачка.

Когда Гоулд переносила свою сумку через посадочный пандус, у нее на шее что-то блеснуло. Ли улыбнулась. У Гоулд на шее был милый кулончик: полоска квантового конденсата в вакуумной упаковке в медальончике в форме сердечка из полупрозрачного пластика. Абсолютная дешевка. Такие безделушки уличные торговцы предлагают туристам вместе с поддельными «ролексами» и бейсбольными кепками с названиями команд первой лиги.

И вряд ли можно было заставить Гоулд носить такую вещь без серьезных причин даже под угрозой смерти. Эту женщину ни в коем случае нельзя было назвать небрежной.

– Я не могу найти их в очереди на телепортацию, – сказал Маккуин, сокрушаясь.

Ли сама проверила расписание транспортов, затем вышла на открытый сервер, чтобы найти полетный план, который заполняется на каждом судне, на всех телепортационных станциях маршрута. Но полетного плана не было. Они ничего не заполняли.

И только тогда до нее дошло.

– Мы опоздали, – сказала она. – Это не корабль скачка.

Он летит до Фритауна на субсветовой скорости. И они уже в медленном времени. Нам не догнать ее до того, пока они не выйдут из медленного времени и не попадут на орбиту.

Маккуин тяжело опустился на один из побитых временем офисных стульев.

– Зачем ей понадобилось делать это? И почему во Фритаун?

– Почему во Фритаун? Это простой вопрос. Там за проезд принимают наличные и не вписывают твое имя в судовую роль. Там можно укрыть информацию, которую не доверишь банкам данных ООН. Туда хорошо летать, чтобы хранить нелегальные данные. Конечно, медленное время труднее рассчитать, но она будет там... – Ли сверила орбиты Земли и Юпитера со временем отправления «Медузы» и рассчитала ее прибытие на одну из орбитальных станций Фритауна. – Девятого ноября. Через двадцать шесть дней.

– Может, она просто бежит, – сказал Маккуин. – Люди не всегда думают нормально, когда испуганы. Может быть, она запаниковала, а это был первый уходящий рейс или что-то в этом роде.

Ли вспомнила спокойное бледное лицо Гоулд, ее блеклые глаза, четкую высокомерную складку между бровей.

– Я не думаю, чтобы Джиллиан Гоулд когда-либо впадала в панику в своей жизни, Брайан. Если она направляется во Фритаун, то у нее есть свои соображения. И у нас осталось меньше месяца, чтобы узнать, в чем они заключаются,

и предпринять меры противодействия.

Маккуин закрыл лицо руками.

– Ну как я мог ее упустить? Как я мог?

– Бывали ошибки и похуже, Брайан. Я иногда их делала сама.

– Я понимаю, но... Боже милостивый, какая досада! Ли вытянула ногу и постучала по носку башмака Брайана.

– Веселее! – сказала она. – По крайней мере, мы знаем, по какому следу идти. А строго установленный предельный срок – это то, что всегда подгоняет.

Маккуин вздохнул и провел веснушчатой рукой по лбу.

– Расслабься, – сказала Ли. – Давай начнем с того, что разузнаем, что может привести нас к Фритауну. Мне нужны все записи всех передач с этой станции на Фритаун за неделю до смерти Шарифи. Затем давай проверим, чем Шарифи здесь занималась. И не только официальную версию. Мне нужен каждый отрывок спин-информации, посланный ею со времени первого предложения провести этот эксперимент. Я хочу знать обо всем, что она делала с момента прибытия на станцию. С кем беседовала, с кем ела, спала, ругалась. Все и всех. Даже то, что касается личной жизни. Особенно личной жизни.

Маккуин схватил блокнот и принялся записывать все инструкции, вылетающие из Ли как из пулемета.

– Это, возможно, будет хорошей подсказкой, – сказала она, вынимая журнал Шарифи из кармана и бросая его на

стол перед ним.

– Я понимаю, – сказала она в ответ на его взгляд. – Я должна была зарегистрировать его. Но он написан ее собственной рукой, черт возьми. Возможно, на нем остались следы ее ДНК. И вроде бы никакого сомнения в том, кто делал в нем записи, нет.

Конечно, она хотела оставить этот журнал у себя, пока она не смогла бы внимательно изучить его вместе с Нгуен.

– Нет, – сказал Маккуин. – Вы не поняли. Это – Хаас. Он звонил целый день. Он хотел что-то из вещей Шарифи. Что-то, чего, я сказал ему, у нас не было. Поскольку его не было в описи вещей.

– Черт.

Ли повернула стул спинкой вперед и села на него верхом, сложив руки на груди. Она начала связываться с кабинетом Хааса, но остановилась.

– Сообщи Хаасу, что мы нашли журнал, но должны доложить о нем в Техком, чтобы получить разрешение передать журнал Хаасу. Объясни ему, что мы стараемся ускорить ход событий. Если у него возникнут вопросы, то соедини его со мной.

– Сколько времени понадобится, чтобы получить разрешение от Техкома? – спросил Маккуин.

– Такие вещи просто не решаются, – с улыбкой ответила Ли. – Официальные каналы такие медленные.

Маккуин улыбнулся ей в ответ, но его улыбка быстро угас-

ла.

– Но откуда, черт возьми, он узнал, что журнал у вас?

– Смешно, – ответила Ли. – Но как раз об этом я и думаю.

К тому времени, когда Ли вышла из офиса, все было уже давно закрыто. Витрины магазинов в галереях погасли. Вокруг было тихо. Она пошла к своей квартире, чувствуя себя настолько усталой, что не было сил на поиски места, где поужинать. Ей повезло, что у станции была слабая вращательная гравитация. Когда она подошла к своей двери, она, несмотря на усталость, заметила, что поле безопасности в ее отсутствие нарушалось.

Сделав шаг назад, она внимательно осмотрела пол и дверную раму. Подумав о том, что у нее – паранойя, она заметила уголок карточки, выглядывавший из-под закрытой двери.

Она приоткрыла дверь носком ботинка и увидела, что это была не карточка, а лист плотной бумаги цвета сливочного масла, сложенный пополам.

На бумаге было размашисто выведено: «Майору Кэтрин Ли, комната 4820, 12-й луч, станция Мира Компсона». Она подняла лист и развернула его.

На долю секунды бумага оставалась чистой. Затем выше складки появилась массивная рельефная монограмма со словами «130 Авенида Бош, зона Энжел», а ниже появились слова, написанные тем же самым размашистым почерком:

«Моя дорогая К. Перестань упрямиться и приходи на чай. В то же время и в том же месте. Завтра. К.»

После того как она прочла эти слова, они рассыпались, разбились на слоги и буквы, поднялись со страницы и, превратившись в стайку птиц, умчались по пустому коридору, то взмывая вверх, то устремляясь вниз, словно ласточки.

СКРЫТЫЕ ПЕРЕМЕННЫЕ

В этом месте читатель почувствует себя не вполне комфортно, выстраивая карточный домик. И несмотря на то что мы ввели поправки, что, если и они сами по себе неверные, как и бывает в любой реально существующей системе?

...«реалистичный» квантовый компьютер очень отличается от идеализированной бесшумной модели. Последняя представляет собой затаявшегося призрачного зверя, на которого не следует смотреть, пока он не закончил свои вычисления, тогда как первый – это громоздкий объект, на который мы «пялимся» все время при помощи устройств регистрации ошибок, но так, чтобы не препятствовать темной логической машине прятаться внутри нее.

Мишель Моска, Ричард Йоша, Эндрю Стин и Артур Экерт

ЗОНА ЛИБРЕ, АРК 17: 15.10.48

Она позвонила в Калле Мехико прямо из Зокало. Здания-иглы в милю высотой сверкали в преломленном солнечном свете, указывая на тщательно откалиброванное атмосферное поле и далеко, далеко за ним – на синеву морей и белизну ледников Земли.

Это было сердце Кольца, точка отсчета всего пространства ООН, несколько квадратных километров самой дорогой недвижимости во Вселенной. Его интерфейс представлял собой лучшее творение из всех, продававшихся за деньги: это был квантовый многопользовательский интерактивный симулятор реального пространства, способный сотворить все, что только возможно вообразить, как точную копию реальности. Поначалу примыкавший к центральной банковской зоне, интерфейс разросся на всю длину и ширину Кольца. Любой, способный заплатить невероятно высокую цену за вход, мог зарегистрировать компанию, пообедать в трехзвездном ресторане, снять шляху, замести следы или купить что угодно от сумочек Прада до психологических программ с черного рынка.

Возбужденная модная толпа нахлынула на нее, как морской прибой, – восемнадцать миллиардов человек, просчитывающих, планирующих и потребляющих в этом абсолютном центре исполнения желаний. Она огляделась, чтобы сориентироваться. Дневной трейдер оперся об интерактивную скульптуру Комиссии общественных искусств, внимательно изучая виртуальный тиккер, делая быстрые жесты на покупку и продажу в биржевом зале, который был виден только ему. Туристы и корпоративные содержанки спешили за покупками с дизайнерскими сумками, что-то говоря в элегантные клипсы наружных VR-устройств.

Из любопытства Ли погрузилась в числа, чтобы увидеть,

кто здесь был настоящим, а кто – нет. Половина людей, окружавших ее, исчезла в сжатые кодовые пакеты. Цифровые привидения. Подобие, видимость. Из праздного интереса она на ходу погрузилась в некоторые из кодов и, как всегда, удивилась количеству людей с косметическими программами. В ее собственном интерфейсе не было почти ничего лишнего в сравнении с теми, кто проходил мимо. Он отсканировал Ли, упаковал и сжал данные сканирования и передал ее живое подобие в потокопространство. Она не могла себе представить, что будет беспокоиться о том, как выглядит, и делать для этого что-либо. И если бы она стала об этом беспокоиться, то, определенно, не призналась бы в этом. Очевидно, что люди в Зоне ощущали это по-другому.

Она пересекла Зокало, прошла мимо военного мемориала и пробралась сквозь вездесущие стайки школьников, обступивших памятник Земной Страже.

– А здесь, – объясняла голографическая женщина-экскурсовод, – мы видим разнесенный во времени процесс формирования и распространения искусственных ледников. Обратите внимание, как постепенно по ходу записи менялась погода. Вначале в первых фреймах на территориях южнее Сахары и на пространстве Великих североамериканских пустынь почти нет осадков, а в более поздних фреймах осадки сдвигаются к северу от снежных полей Амазонии и рассеиваются над океанским течением. В результате этого образуется микроклиматическое изменение, которое, по нашему пред-

положению, прервет цикл постиндустриального опустынивания и, очевидно, позволит нам вернуть к жизни восстановленные геномы, которые хранятся сейчас в базах данных Земной Стражи. Только представьте себе, что менее чем через две тысячи лет люди, ну, не все мы, конечно, а те немногие счастливики с жадой приключений смогут фактически опять жить на Земле.

Она сделала паузу и безмятежно улыбнулась детям:

– Ваши учителя уже рассказывали вам о Земле?

«К чему все это? – удивлялась Ли про себя. – Это не их планета. Эти дети были рождены в космосе, как и их родители, и родители их родителей. Они не убивали Землю, и не по их вине образовались ледники. Не они вели переговоры по Договорам об эвакуации и эмбарго. Земля была для них еще одной луной: симпатичный фонарик на ночном небе, экзотическое место для путешествий». Но когда она внимательно посмотрела на детей, то увидела, как восхищенно они смотрели на блестящий лед, опоясывавший планету по экватору. За исключением, конечно, нескольких мальчишек сзади, которые изображали охотников с луками в голограмме, показывавшей жизнь аборигенов, и направляли воображаемые стрелы на суетившихся рядом голубей, радуясь возможности похулиганить. Ли тоже не отличалась примерным поведением в школе и не смогла сдержать улыбку.

Когда экскурсовод снова забубнила стандартную чушь о славной новой эре мира и международного сотрудничества,

она пошла дальше. Взглянув даже отсюда, с этой большой высоты на мертвую планету, можно было разобрать еще не остывшие «горячие» точки. Ирландия. Израиль. Покрытые льдом бастионы Северных Скалистых гор. Возможно, ледник и скрыл былые границы, но старые войны не утихли, несмотря на то что ООН затратила огромные средства, чтобы усмирить их. И воевавшие стороны держали порох сухим, чтобы продолжить борьбу, если ООН удастся сделать планету снова обитаемой. Ли помнила это поколение сердитых молодых мужчин и женщин, которые исчезали из ирландского квартала Шэнтитауна, а если потом возвращались спустя несколько лет, то рассказывали об уличных боях в Дублине и Ольстере, о сделках между ООН и англичанами, о «разумном» нейровооружении Управления по обеспечению эмбарго. Слава Богу, что к завершению войны Ли служила не в этом Управлении: там происходило такое, что даже она бы не вынесла.

Она пробралась сквозь детскую толпу и, лавируя в потоке транспорта, направилась в одно из многочисленных кафе на открытом воздухе в Зокало. Она выбрала столик сзади. Столик был удобен тем, что за спиной у Ли находилась прочная стена, и она могла видеть всех, кто приближается спереди.

Три красотки подняли головы от своих вспененных мате с кокой и посмотрели на нее. Их длинные волосы были украшены золотыми блестками и заплетены в сложные пучки по моде этого сезона. Со своими черными глазами майя и яр-

ко раскрашенными лицами они походили на химер из зверинца какого-нибудь кибер-художника. Ли быстро окинула их взглядом и решила, что прическа с торчком стоящими волосами – дурацкая мода. В ответ девицы смерили взглядом короткую стрижку Ли, ее форменную одежду из нервущейся ткани, сделали неодобрительную гримасу, разглядев ее внешность конструкции, и вернулись к своему разговору. Это была Зона. Даже генетическая конструкция в форме миротворца никого здесь не удивляла.

Ли выпила свой кофе под преломленными солнечными лучами, посмотрела на сине-белое тело Земли и подумала о том, что не готова к разговору с Коэном.

Говорить о Метце было противно независимо от произошедшего там. Вместо гордости за то, что удалось избежать полного провала, Ли чувствовала лишь холодную ярость к Сузе, к начальникам из Совета Безопасности и сильнее всего к Коэну. Четверо миротворцев были убиты. Ли пришлось застрелить гражданского человека – от этого ее даже сейчас бросало в холодный пот. Не важно, что этот гражданский был вооружен и целился в нее. И все это случилось из-за того, что она доверяла Коэну, а он подставил ее.

Проблема с друзьями в том, что от них нельзя избавиться. Нельзя отменить дружбу в случае предательства или разочарования. И дружба, и все, что с ней связано, остается. Она просто становится ненадежной, как заброшенный дом; вы все еще помните, где были комнаты и какая ступенька скри-

пела под ногой, но вам нужно проверять каждую половицу, не подгнила ли она, прежде чем ступить на нее.

Ли дружила с Коэном, почти не отдавая себе в этом отчета. Только теперь, уже после Метца, она поняла, насколько было важно для нее не разочароваться в нем.

Она заплатила по счету в сети и кивнула официанту, по унылому выражению лица которого догадалась, что он проверяет сумму чаевых. Затем пересекла Зокало и села на маршрутное такси до Авенидо Чинко-де-Майо. Выйдя из транспорта, она оказалась среди огромной, толкающейся, глазающей по сторонам толпы.

Ей показалось, что это были в основном туристы. Они не отрывали взгляд от женщины двухметрового роста, полностью покрытой татуировкой.

Ли не помнила, как звали эту манекенщицу, но видела ее в спин-новостях моды. Уличная звезда, пульсирующая в толпе зоны Кольца. Вспыхнула сегодня и пропала вместе с искусственным закатом.

Модель развалилась на кроваво-красном диване стиля «нео-деко» и так непринужденно глядела в камеру, словно за ее объективом и осветительными лампами не было никакой толпы. Но Ли едва обратила на это внимание. Ее интересовал только человек, стоявший за манекенщицей. Будучи выше ее, он не попадал в объектив камеры. Свыше ста килограммов генетически сформированных мышц рельефно выступали из-под его дорогого костюма (так же как и спрятанный

под ним угловатый массивный бронежилет). Провода системы связи, выходявшие из его черепного разъема, прятались за воротник. Солнечные очки были надеты исключительно с косметическими целями: камуфляж для имплантированной оптики, сканировавшей толпу по заранее запрограммированной схеме наблюдения.

Наемный телохранитель. Очень дорогой. И скорее всего, в прошлом – миротворец. Многие бывшие бойцы теперь использовали свои навыки и вмонтированное в их тело оборудование на службе в частной охране.

Сканировавшие глаза зацепились за Ли и задержались на ней, нарушая схему. Объективы из вируфлекса деполяризовались, открыв плоские зрачки металлически-серых оптических имплантатов военного назначения. Телохранитель на миг распахнул полу своей куртки рукой, показав Ли никелированный импульсный пистолет, заткнутый за пояс. Так случилось, что пистолет поймал солнечный луч и отраженным блеском ослепил ее.

Коэн жил в Зоне Энжел, безукоризненно ухоженном районе с просторными дорогами особняками, выходящими фасадами на самые тихие улицы. Дома здесь вместо номеров имели имена, а улицы не были отмечены ни в одной открытой базе данных, которыми обычно пользовалась Ли. Поэтому ей пришлось дважды обойти все вокруг, прежде чем она нашла его дом.

На улице не нашлось никого, кто бы мог подсказать, как к нему пройти. Район Зона Энжел был анклавом, принадлежавшим АИ. Это был налоговый рай, где АИ и несколько успешных в коммерции постантропов держали дома, чтобы обеспечить себе право проживания в Кольце. Широкие белые тротуары соседствовали с аккуратными клумбами, а половина домов, возможно, стояла пустой за своими ярко раскрашенными ставнями.

Ли вздрогнула, и сердце ее застучало быстрее, когда пара школьников появилась из-за угла в сопровождении спешившей няни.

– Извините, – спросила она, но женщина проскользнула мимо, опустив глаза, пульс нервно колотился у ключицы.

Подняв руку, Ли посмотрела на слабо проглядывавшиеся следы сталекерамики, вживленной в ее плоть. Хотя, скорее всего, женщину испугало не оборудование, а сама Ли. Даже военная форма не могла рассеять у людей опасение, что генетическая конструкция в таком районе могла означать неприятности. Она вспомнила свою последнюю командировку в пределы Кольца. Разве здесь что-нибудь ухудшилось с той поры? Или просто, может быть, ее кожа стала тоньше?

Она узнала дом Коэна сразу же, как завернула за угол. Он занимал целый городской квартал. Каждый его камень был дополнительно магнитно усилен через космопорт Шарля де Голля перед самым эмбарго. Входная дверь была вдвое вы-

ше Ли, и, как только она поставила свою ногу на первую ступеньку лестницы, дверь бесшумно отворилась, выпустив наружу прохладный воздух с незнакомым ароматом.

Ли вошла в большой холл с мраморным полом, стены которого были увешаны известными картинами, написанными маслом. Ее остановил охранник, и она подняла руки к голове, чтобы он обыскал ее.

Он обыскивал профессионально, с непроницаемым лицом, за исключением моментальной вспышки восхищения при виде ножа-бабочки. Все, что он нашел, очень впечатляло. Ее «гадюка», специально выпущенная для Космической пехоты. Ее «беретта». Нож-бабочка, который она сняла с солдата армии Синдикатов во время войны. И наконец, синий ящичек, который она захватила с собой на случай, если снова столкнется с похитителем.

Он протянул назад оружие и нож. Они всего лишь оказались в потокопространстве, поскольку в реальности находились на инертном теле Ли на станции АМК; протоколы защиты здоровья и безопасности делали их бесполезными. Но синий ящичек все же оставил у себя. Этот вид оружия никогда не должен находиться вблизи независимого АИ, способного нанять компетентных телохранителей.

Когда охранник закончил, он слегка расслабился и улыбнулся.

– Привет, майор. Рад вас видеть.

– И я тебя, Момо.

Ли протянула руку, и они обменялись шуточным секретным рукопожатием солдат, служивших в Космической пехоте.

– А где Джимми?

– В отпуске, – ответил Момо, пожав плечами. – Такой ленивый.

– Ну и ладно. Передай ему, что я его помню. Коэн здесь?

– Вы знаете, куда пройти.

Коэн ждал ее в своем кабинете – залитой солнечным светом комнате с портретами чьих-то предков в изящных рамах. Стеклопанные двери вели в огороженный стеной сад. Антикварные вещи наполняли воздух запахом старого дуба и воска, которым натиралась мебель.

Вся комната жила и дышала. В ней была особая атмосфера, заполненная пылинками из шерсти персидских ковров и частичками лака со старинных картин, гусиных перьев и конского волоса, которым когда-то набивали мягкую мебель. И само здание роняло частицы дерева, штукатурки, прохладную и сухую пыль известняка. Оно оставляло след, как живое существо. Оно проникало внутрь тебя, как и сам Коэн, очаровательное, опьяняющее до такой степени, что уже и не понять, где граница между ним и вами. Коэн сидел на низком диванчике рядом с открытой дверью. В руке у него была книга, старый томик в твердой обложке, золото букв облетело с ее потрескавшегося корешка. Сегодня он шунтировался через Роланда, одетого в летний костюм цвета свежескошен-

ной травы, как на портрете Эклипса работы Стаббса, висевшего на стене за его спиной. Полуденное солнце вспыхивало на кружившихся в воздухе пылинках, отливало золотом в глазах Роланда и окрашивало все вокруг в яркие земные тона.

– Кэтрин, – сказал он, вскочил, поцеловал ее в щеку, взял за руку и усадил рядом с собой на диван. – Снова на Мире Компсона, да? Что, там очень плохо?

Она скривила лицо. Он не отпускал ее руку, а отдергивать ее сейчас было слишком поздно. Его пальцы ощущались горячими, сухими и чистыми на коже.

– Хочу признаться, был удивлен, что ты согласилась на это задание.

– У меня не было большого выбора.

– Да, – сказал он, улыбаясь еще шире. – У Хелен настоящий талант на такие вещи. Я могу себе представить, как она это разыграла. Насколько элегантно она бросила тебе спасательный круг после того, как попыталась сломать тебе карьеру.

Ли прищурила глаза.

– А откуда ты знаешь, что тут замешана Нгуен?

– Ну, ты ведь знаешь меня, любопытного. Виноград?

Он предложил ей неглубокое блюдо с несколькими зелеными кистями мелких ягод.

Она вынула свою руку из его руки и оторвала ягоду с ветки. Потом положила ее в рот и начала осторожно жевать.

Оказалось, что этот виноград по вкусу совершенно не был похож на виноград. У ягод была жесткая кислая кожа. И они лопались у нее на зубах, неожиданно выбрасывая сочную мякоть с какими-то острыми деревянными кусочками.

– Осторожно, косточки, – предупредил Коэн, когда она чуть не подавилась одной. Он внимательно смотрел на нее, очевидно ожидая какого-то комментария.

– Он неплохой, – сказала она, кивая.

– Ты – страшная лгунья.

– Ты – прав. Виноград ужасный. Если не сказать, что еще и опасный. Для чего есть эту гадость?

Вот так они и перешли к прежнему привычному доверительному общению. Тема Метца была отложена в сторону. Они просто продолжали разговаривать, словно там ничего не произошло. Такая манера была ближе всего по форме к извинению. Большого никто и никогда не добивался от Коэна. Или от самой Ли.

Они проговорили весь день, пока длинные полосы преломленного солнечного света медленно ползли по кабинету, играя яркими голубыми и желтыми цветами узбекского ковра. За виноградом последовал чай, оладьи, сливки и маленькие зелено-белые бутерброды с кресс-салатом – все настоящее. Не было большего великолепия, чем чай с Коэном – будь то в потокопространстве или в реальности.

Когда они, сидя за чаем, завершили обмен личными новостями, слухами и наболтались о политике, Коэн поставил

чашку и взглянул на нее.

– Ты понимаешь, что тебя чуть не убили тогда?

– Да брось ты!

– Тебя абсолютно и безоговорочно выключили.

– Ерунда, – ответила она, на самом деле не подозревая, что все было так серьезно.

– А что, если бы меня там не было? Я не всегда смогу прискакать на белом коне, чтобы спасти тебя. Понимаешь?

– Думаю, что в случае, о котором мы говорим, ты шел спасать меня медленной походкой с дорогой сигарой в руке. И кстати, я не просила тебя о помощи.

– Верно, – немного раздраженно ответил Коэн. – Я слишком хорошо тебя знаю, чтобы ожидать благодарности. Но давай сделаем так, чтобы такое впредь не повторялось, хорошо?

– Почему ты думаешь, что это было не случайное нападение?

– Тебе, наверно, будет интересно узнать, что сигнал передавался через полевого AI компании «Анаконда Майнинг»?

Ли изумилась:

– Это невозможно! Полевой AI отключился, когда произошел взрыв на шахте.

– Это всего лишь история, распространенная Секретариатом для общего пользования. В действительности он живой и здоровый. Это понятно любому даже без установления контакта с ним.

Он зажег сигарету и смотрел на нее сквозь клуб дыма.

– Он просто с нами не говорит.

Ли с подозрением посмотрела на него.

– А ты откуда знаешь?

– Так получилось, что мне это стало интересно. И определенному числу моих коллег.

– То есть, другими словами – ALEF.

– Хм-м-м. Секретариат, кажется, под впечатлением, что у нас в АМК есть свободный полевой AI.

– А это действительно так и есть?

– Конечно нет. Действительно. – Он закатил глаза. – Ты загружаешь слишком много дешевых интерактивных программ.

– Хорошо, – сказала Ли. – Здесь вы были ни при чем. Насколько ты веришь другим AI из ALEF?

Он посмотрел на нее снисходительно.

– Этот вопрос почти по-человечески тупой. При чем здесь доверие? Все дело в протоколах обмена информацией. Кроме того, здесь и речь об этом не может идти. Полевые AI – это зомби. Ты видела циклы обратной связи, запрограммированные в них? Их едва чувствуешь.

– Тогда кто это сделал?

– Зачем спешить с выводами? Может быть, этот полевой AI контролирует сам себя?

– Думаешь, он пошел вразнос?

– Ох, как я ненавижу это слово, – сказал Коэн, глядя в по-

толок. – Это звучит так, словно каждый AI, который попытался контролировать свой собственный код, ведет себя как разбушевавшийся слон.

Ли не останавливалась.

– Я думала, что полевые AI не могут по... ой, переписывать свой собственный код.

– Ну, конечно, подразумевается, что они не могут это делать. – Он улыбнулся. – Но тогда и мне это было бы не по силам, если верить отдельным так называемым экспертам. Лучше скажи мне, какой глупый предлог использовала Нгуен, чтобы отправить тебя на Компсон? Какую легенду она придумала? И сколько она рассказала тебе о том, что происходит в действительности? – Он закинул голову, закрыл глаза и выпустил изящное кольцо дыма. – Если ты не желаешь делиться со мной, то тогда мне непонятно, зачем вообще мне с тобой играть.

Она стала рассказывать. Коэн откинулся на высокую спинку дивана и слушал. Медленное дыхание живота Роланда было единственным свидетельством того, что он – жив. Когда Ли закончила, он посмотрел в потолок и выпустил несколько колец дыма, прежде чем ответил.

– Три вещи. Первая. Хелен ничего тебе не рассказала. Ничего существенного, по крайней мере. Вторая. Это эпизод зачистки, а не настоящее расследование. Третья. Она изо всех сил старается утаить то, чем занималась Шарифи, иначе она не выбрала бы тебя для этой работы.

– Ей не из кого было выбирать, – солгала Ли. – Я была ближе всех.

– Хм... как удобно, что ты была рядом, да?

– Еще бы, я думаю.

– Прекращай изображать из себя солдата-простака, – вежливо хмыкнул Коэн. – Я знаю тебя лучше. Нгуен отдала тебя под трибунал, или как они его еще там называют, а затем заставила плясать под свою дудку. Ты в большой опасности. Нгуен хорошо тебя знает и понимает: ты предпримешь все возможное, чтобы выбраться. Просчитай, Кэтрин. Попробуй сделать хоть что-нибудь не так – и можешь биться об заклад на свои точки Фромхерца, что не пройдет и десяти минут, как она вежливо напомнит тебе, что держит твою карьеру в своих руках. Ли беспокойно зашевелилась, почувствовав себя неудобно на этом роскошном диване.

– Ну, нельзя быть таким подозрительным.

– Можно. И я догадываюсь, что ты уже думала об этом. – Он улыбнулся. – Кроме того, я очень уважаю Хелен. Она удивительно безжалостна, но всегда поучительно понаблюдать мастера за работой. К слову сказать, я бы не рекомендовал тебе говорить ей о том, что ты встречалась со мной. Она сейчас на меня слегка сердита.

Ли едва сдержалась, чтобы не сказать, что у Нгуен, возможно, есть причины, чтобы быть им недовольной. Но вместо этого спросила:

– Что ты можешь мне рассказать о Ханне Шарифи?

Коэн улыбнулся.

– А что ты хочешь узнать?

– Все. Ты знал ее лично?

Улыбка стала шире.

– Боже, Коэн, ну есть хотя бы кто-нибудь, с кем ты не спал?

Его лицо приняло самодовольное выражение.

– Ну, оставь эту пуританскую мораль шахтерской дочери. По крайней мере, я всегда разговариваю с моими «бывшими». Не так, как некоторые, кого я знаю.

– Я все еще говорю с тобой, не так ли? – спросила Ли без всякого смущения.

Они посмотрели друг на друга по-настоящему впервые с момента встречи.

Коэн отвернулся первым, наклонившись вперед, чтобы стряхнуть пепел.

– Не думаю, что это надо ставить себе в заслугу.

Ли встала и прошлась по комнате.

Портреты давно забытых графинь и маркиз восемнадцатого века смотрели на нее со стен, оклеенных зеленоватыми обоями. Кукла-автомат Жака Дро на карточном столе, способная писать сообщения объемом до сорока штрихов, пользуясь любым алфавитом, кивнула своей головой и вздохнула набитой тряпками грудью под смокингом с помощью зубчато-блочной имитации настоящего дыхания. На книжных полках стояли фотографии ученых, дурачившихся перед ка-

мерой на фоне покрытых плющом стен. На одной из них она увидела подлинного Гиацинта Коэна на какой-то исторической по значению конференции AI еще до Исхода. Кроме этого, здесь были сравнительно новые фотографии того Коэна, которого она знала, или, скорее, это были незнакомые люди с его хитроватой улыбкой на лице. На вечеринках. Играющего со своими собаками. Беседующего с премьер-министром Израиля. На пляже близ Тель-Авива. Один снимок, как она поняла, сделали совсем недавно. Из рамки на нее смотрело лицо Роланда.

И конечно, комнату заполняли книги. Коэн и его романы. Стендаль. Бальзак. Сестры Бронте. Иногда Ли казалось, что он больше знал о людях из книг, нежели о реальных.

Она сняла книгу с полки. Книга захрустела у нее в руке, издав щекочущий ноздри, но приятный аромат, впитавший в себя запахи кожи, клея и частиц бумаги. Она открыла ее наугад:

« – Есть в тебе что-нибудь похожее на меня, Джейн? »

На этот раз я не осмелилась что-либо ответить: мое сердце было переполнено.

– Поскольку, – сказал он, – у меня иногда бывает такое ощущение в отношении тебя, особенно когда ты рядом со мной, как сейчас, как будто у меня, где-то слева под ребрами, есть веревочка, привязанная прочным и хитрым узлом к такой же веревочке в соответствующей части твоего ма-

ленького острова. И если этот бурный пролив и две с лишним сотни миль земного пространства разделят нас, я боюсь, что эта нить, связующая нас, оборвется, и у меня есть сильное подозрение, что я истеку кровью внутри. Что же касается тебя – ты забудешь обо мне».

– Зачем ты хранишь эту чушь? – спросила Ли у Коэна, все еще глядя в книгу.

Она стояла к нему спиной, но все же не смогла совсем скрыть улыбку в своем голосе.

– Можно ведь отравиться. Я проглотила восемнадцать видов плесени, лишь только открыла ее.

– Я помешан на устаревших и трудных технологиях. Зачем иначе я тратил столько времени на тебя?

Она рассмеялась и закрыла книгу.

– Кстати, об устаревшей технологии. Знал ли ты, что Шарифи из родильной лаборатории компании «КсеноГен»?

– Да, из той же, что и ты.

Ли замерла, не оборачиваясь к нему.

– Из той же, что и моя бабушка.

– Конечно.

– Шарифи тебе что-нибудь рассказывала об этом?

– Непосредственно нет. Но она много говорила о Мире Компсона. Она жила там до восьми лет. В каком-то приюте в Хелене. С монахинями.

– Забавно.

– Что мне запомнилось и чему я больше всего удивился – это как она оказалась в приюте.

– Как?

– Она была слепой.

Ли повернулась и пристально посмотрела на него.

– Она была слепой с рождения. Что-то в глазном нерве. Легко корректируемое. Ее приемные родители все исправили. Но в самой родильной лаборатории после анализа затрат и выгод решили выбраковать ее вместо того, чтобы платить за операцию.

– Боже милосердный, – шепотом вырвалось у Ли.

– Я сомневаюсь, что здесь уместно говорить о милосердии. Как там говорится? Молитесь Пресвятой Деве – Господь лишь взглянул на Мир Компсона и сразу вернулся на Землю. Так? Со слов Ханны, приют, в котором она росла, был полон конструкций, выброшенных из лабораторий из-за незначительных дефектов. Это заставляет по-новому взглянуть на оптимизацию накладных расходов. «Самая дешевая технология – это человеческая технология», – часто любила повторять она. И она была права. Кольцо, ООН, межзвездная коммерция. Все это на крови и поте нескольких сотен тысяч шахтеров, которые проводят первую половину своей жизни под землей, а вторую – умирая от пневмокониоза. – Он рассмеялся. – Это положительно по-викториански. Или просто по-человечески.

Ли почувствовала вспышку гнева к Коэну за... собствен-

но, за что? Разве ей самой не хотелось немного воспользоваться благами жизни, не очень задумываясь о том, откуда берется конденсат, благодаря которому все это стало возможным?

Она поставила книгу обратно на полку, двигаясь вдоль стены к письменному столу Коэна. Взяв со стола открытую микрофишу, она посмотрела на экран:

«Эра индивидуального чувствующего организма закончилась. Как Синдикаты, так и государства – члены ООН борются за то, чтобы соответствовать этой метаэволюционной реальности. В Синдикатах мы видели эволюционный переход к менталитету сознания пчелиного улья, то есть: система яслей, тридцатилетний контракт, создание явной постандроидной коллективной психологии, принятие всеми культурами эвтаназии для индивидуумов с отклонениями от генетических норм».

– Ты не признаешь неприкосновенности частной жизни? – спросил Коэн раздраженно.

– Признаю, но только моей собственной. Кстати, а что это?

– Это мое выступление. Проект. А это значит – убери свой нос оттуда.

Она пожалала плечами и поставила карточку на место.

– Похоже, что у Шарифи не было радостных воспомина-

ний о Компсоне. Так почему же она туда вернулась? И чем она занималась на шахте «Анаконды»?

– Понятия не имею. Мы потеряли связь. Но я прекрасно представляю, что она была за личность. И что бы там Хелен ни думала, Шарифи не занималась продажей информации. Она была настоящим крестоносцем. – Он улыбнулся. – И немного походила в этом на тебя.

Ли отмахнулась от этого.

– Я просто работаю за зарплату.

– Теперь это так называется? – рассмеялся он. – Я встречал посыльных в гостиницах, которым платили больше. Кстати, почему бы тебе не рассказать, что конкретно ты искала, когда полевой AI ухватился за тебя.

– Ты действительно думаешь, что он вышел из-под контроля? – спросила она.

– Нет. Или, скажем, я прекратил думать об этом, когда он стал тебя преследовать. Полуразумные просто не так уж интересуются людьми. Большинство из разумных тоже не очень ими интересуются. Нет, кто-то послал его. Кто-то, интересующийся тобой.

– Кто?

– Драконы, – прошептал Коэн, рисуя элегантную фигуру в воздухе кончиком сигареты. – Белые Красавицы.

«Оракул» Ли окунулся в спин-поток, чтобы найти, кто такие Белые Красавицы и что общего у них с выдуманными ящерицами. Все, что он нашел, было несколько странных

ссылок на картографию шестнадцатого столетия.

Коэн рассмеялся, и она поняла, что он видел ее запрос в сети, а также ее неудачную попытку найти ответ.

– Когда древние картографы доходили до неизведанных мест на Земле, – сказал он, – они писали: «Здесь Драконы». А если они были более прозаичны, они просто оставляли пустые места. Эти пустые места на старых бумажных картах были, конечно, белого цвета. Сибирь. Пустая часть света. Глубь Африки. Великие путешественники называли эти пустые места Белыми Красавицами. Может быть, это немного глупо звучит. Но я имел в виду, что потокопространство – это нечто большее, чем совокупность вещей, заложенных туда людьми. В потоке тоже есть Белые Красавицы. Живые, чувствующие системы, такие же неизвестные и никем не отмеченные, как и те белые пространства на старых картах. Люди не видят их. Или если и видят, то в основном не узнают. Но они существуют. И возможно, ты натолкнулась на одну из них, только и всего.

Ли пробил озноб.

– Ты что, на самом деле веришь в это?

– Люди верили и в более странные вещи, – ответил он. Затем пожал плечами и улыбнулся: – Я ничего не утверждаю. Ты спросила о моих предположениях? Я думаю, что, возможно, это было так. По крайней мере, в данный момент. Как и любая женщина, я оставляю за собой право менять свое мнение.

Это был старый спор, и Ли не могла устоять.

– Ты – не женщина, Коэн.

– Моя дорогая, я был ею дольше, чем ты.

– В качестве туриста. Это совсем не то. – Ли зашла в свою жесткую память, нашла там сканированное изображение интерфейса Шарифи и скопировала его Коэну.

– Взгляни на это и скажи, что тебе подсказывает женская интуиция.

– Ну вот, – сказал Коэн, внезапно выпрямляясь, и криво усмехнулся. – Я все время ждал, когда ты об этом заговоришь. Было забавно смотреть, как ты ходила вокруг да около, пытаясь определить, насколько ты можешь мне доверять.

– Дело не в доверии, – ответила Ли. – Здесь вопрос в протоколах обмена информацией.

– Наглая обезьяна.

Он вывел файл в реальное пространство, открыл футляр, пробежался пальцами по проводам, перевернул, чтобы рассмотреть при солнечном свете.

– Это было для Шарифи, – сказала Ли. – Нечто вроде невронорганического интерфейса.

– Интрафейса.

– Думаю, что она пользовалась этим интерфейсом для связи с полевым AI...

– Интрафейс, – поправил он раздраженно. – Ты слушаешь, что я тебе говорю?

– Интерфейс, интрафейс – какая разница?

– Думай, Кэтрин. Интерфейс управляет обменом данных и операционными программами между двумя или более дискретными системами. Интрафейс, напротив, соединяет обе в единую интеграционную систему.

– Похоже на академическое определение, Коэн.

– Вовсе нет, когда создается сеть из человека и независимого AI. Ты только подумай, что у тебя внутри. Различные системы размещаются на платформе «оракула» – простого, не обладающего сознанием AI, который немного сложнее сообразительного игрового агента. «Оракул» направляет данные и активный код в обоих направлениях от тебя на твой невропродукт, переводит обычные запросы в квантовые вычислительные функции, маркирует информацию и находит правильные решения. – Он помахал в воздухе своими тонкими пальцами с великолепным маникюром. – В более широком смысле это немногим отличается от шунта, через который я получаю сенсорную информацию и направляю команды на это или какое-либо другое специально оборудованное тело. Но если взглянуть глубже, то интрафейс все же совершенно другой зверь. С помощью него AI и человек сливаются в единое сознание.

– А кто управляет всем этим?

– Неверный вопрос. Все равно что спросить, какие нейроны в твоём мозгу управляют твоим собственным телом. Или спросить, какие из ассоциированных со мной сетей управляют мной. Мы все управляем.

– Но некоторые из вас управляют больше, чем другие. Правильно?

– Ну конечно. Я должен выразаться более точно. Когда я говорю «единое сознание», я имею в виду сознание не в твоём понимании, а в моём. Я понимаю, что модно отождествлять человеческое сознание с независимым, но на самом деле, как только поднимаешься выше уровня отдельного нейрона, это – просто метафора. Действительно независимый AI – совершенно другая сущность. Сознание независимого аналогично параллельной обработке информации, к которой человеческий разум просто не приспособлен. Управление в этом контексте... скажем, затруднительно.

– И необходим какой-нибудь независимый, чтобы выполнить это?

– Он должен быть очень мощным. Ли посмотрела на него, задумавшись.

– Сколько существует независимых, способных это делать?

– Немного, – ответил Коэн, вытаскивая нитку из обшлага пиджака. – Независимые с Альбы, конечно, особенно если провести их через полевого AI АМК. Два или три AI из зоны Кольца – все работают по пожизненным контрактам с сетью «ДефенсНет» или с одним из частных оборонных подрядчиков. Любой из главных AI в Консорциуме «Фринета» способен этим заниматься – и тот факт, что ты наступила на пальцы Консорциуму, определенно может служить объяснением

твоего маленького приключения во Фритауне.

– А что насчет ALEF? – спросила Ли.

– Моя дорогая, никто из тех, кто хоть раз посещал встречу членов этой ассоциации, такого себе и вообразить не может. Половина старых членов сейчас декогерирует из-за недостаточной поддержки первых перемещений со сверхсветовой скоростью. Треть из тех, кто еще может функционировать, крайне не заинтересована ни в чем, кроме дебатов по вопросам теоретической математики и экспериментов со структурой альтернативной тождественности. А остальные из нас не способны договориться, где поужинать или даже ужинать ли вообще, не говоря уже об организации чего-либо на таком уровне. Кроме того, если нас когда-нибудь поймают за этим делом, то Техком сразу же активирует принудительные циклы обратной связи.

Неожиданно он сделался серьезным и провел пальцем по щеке Роланда – жест, в значении которого было трудно ошибиться.

– Консорциум, – продолжала Ли, проигнорировав его жест в поисках ясности. – Они супремасисты, да?

Она никогда не разбиралась в чуждой ей политической путанице у AI, но она и не была настолько осведомлена.

– Возможно, это лучше было бы назвать сепаратизмом. Я уже говорил, что большинство независимых не слишком жалуется людей.

– Но Консорциум и был той группой, замешанной в собы-

тиях Тель-Авива? Правильно? Это они убили агента Совета Безопасности.

Рука Роланда замерла, потянувшись к пепельнице, и пепел тихо осыпался на сине-золотые арабески ковра.

– А что ты меня спрашиваешь? – резко спросил он. – Меня там и вовсе не было.

– Я просто говорю к тому, что AI, члены Консорциума, могли пользоваться этим интрафейсом, если у них была в этом необходимость.

– Конечно, они могли. Ли сглотнула.

– И ты мог, да? Фактически, тебе пользоваться этим удобнее, чем любому другому AI. Поскольку в тебе больше человеческого, не так ли? Поскольку ты обрабатываешь данные эмоциями, а не логикой. О тебе говорилось во всех учебниках по системам независимых как о единственном в двадцать первом веке AI с эмоциональной цепью, который не декогерировал и не был отправлен... куда их девают, когда такое происходит. Ты – практически целый вид в единичном экземпляре.

На какой-то момент ей показалось, что он не ответит. Его сигарета дымилась, потрескивая. Еще одна порция пепла упала на пол. За высокими окнами пели птицы. И пока Коэн сидел так спокойно, затаив дыхание, красивое лицо Роланда казалось высеченным из камня.

Когда он начал говорить, то голос его зазвучал мягко и прохладно, подобно падающему снегу.

– Кэтрин, если ты хочешь спросить, то возьми и просто спроси об этом.

Ли выглянула в окно и увидела зеленые листья, колышущиеся под нападавшим на них снегом, таким ослепительно белым, и такой блестяще синий океан, что ей показалось, что она смотрит на облака в небе. Можно было подумать, что они находились на твердой земле, а не в вертящемся кольце из закаленной в вакууме вирустали. Она наклонилась вперед и наконец задала вопрос, висевший у нее на языке с момента прибытия сюда:

– Коэн, что было целью на Метце? То, что ты искал, был этот интрафейс?

Он вздрогнул, вынул изо рта сигарету и наклонился к ней, глядя в глаза.

– Почему ты так подумала?

– Рисунок. – Она показала на выпуклый контур на черной поверхности футляра устройства. – Такой же был тогда на полу.

– Не думаю, что ты должна была запомнить это, Кэтрин. Она закурила.

– Тебя что, перемкнуло? Ты обращалась к психотехам? – Он помолчал и сам себе ответил: – Конечно нет. Но ты должна, Кэтрин. Это – игра с огнем.

Она усмехнулась.

– Но ведь ты же серьезно не веришь в то, что стирание памяти делается для нашего блага? Чтобы освободить нас,

простых солдатиков, от страданий за плохие, но такие необходимые дела, которые нас заставили делать?

– Ты ведь меня знаешь достаточно, чтобы спрашивать такое. Если твоя мягкая память залезает в редактированные файлы, то у тебя внутри – серьезные неполадки. Ради всего святого, сходи и проконсультируйся с кем-нибудь. Я заплачу, если есть проблема с деньгами.

– Я тебя когда-нибудь просила платить? Ответь на мой вопрос, Коэн. Нас посылали на Метц ради этого?

– Нет... Ли встала.

– Я тебе не верю. И я не люблю, когда мне лгут. – Сядь, – сказал он.

И в его голосе прозвучало что-то, заставившее ее подчиниться.

– Да, на Метце мы искали этот интрафейс. Но не этот компонент. Мы искали схемы невропродукта и исходный код психопрограммы. – Он продолжал пристально смотреть ей в глаза, наблюдая за ее реакцией. – Послушай, это не ВР-устройство и не продукт, изготовленный для солдат ООН. Это настоящая нейронная сеть, предназначенная для обеих сторон интрафейса: как AI, так и человеческой. Ее нельзя вырастить в вирусной матричной жидкости, особенно когда само устройство – еще в стадии эксперимента. Нужно тело. Ли поежилась.

– Те конструкции, которых мы видели в лаборатории, были... просто питающими организмами?

– Совершенно верно.

– А что насчет этого? – Она показала на устройство, лежавшее на столе между ними.

– Не обращай внимания. Это ерунда. Вспомогательное устройство. То, что ты получаешь с настоящим оборудованием, кидаешь потом куда-нибудь в нижний ящик и забываешь. На самом деле то, что нужно тебе, так это компонент интерфейса со стороны AI. И какой-то AI оборудован им. Возможно, этот AI включен в сеть независимого. Найди его, и ты будешь точно знать, кто твой противник.

– Именно об этом я тебя и спрашиваю, Коэн. Кто это? Нгуен передавала тебе технологию в качестве платы. Что ты собирался делать с ней? Для чего она была нужна ALEF?

– Она им не нужна. Она нужна мне.

– Почему?

Коэн начал говорить, но неожиданно замолчал и отвернулся, чтобы закурить еще одну сигарету.

– Выйди из линии. Я пороюсь в базах данных ALEF, поболтаю с несколькими старыми знакомыми и подумаю, что смогу добыть, не привлекая нежелательного внимания. А ты возвращайся в шахту. Определи точно, что делала там Шарифи. С кем она разговаривала. На связь со мной не выходи. Нгуен наверняка будет просматривать твою исходящую почту, и я думаю, что безопаснее было бы не общаться до того, пока я не подключу источник запутанности вне потока.

Он встал и посмотрел на свои тонкие, как бумага, наруч-

ные золотые часы кремово-розового цвета, гладкий циферблат которых был украшен стилизованным крестом тамплиеров. Наступила пора расставаться. Ли получила все ответы на сегодняшние вопросы.

– Тогда пошли. – Он улыбнулся, взял ее за руку и помог подняться. – Давай пройдем через сад. Может быть, увидим птиц. Я говорил тебе, что наше отделение биологических исследований восстановило белолобую ласточку, способную самостоятельно размножаться натуральным образом? И я хотел бы показать тебе свою новую сирень. Она должна понравиться тебе, несмотря на твою варварскую практичность.

Он взял ее под руку, и они парой прошли через высокую дверь в его персональные джунгли, покрытые яркими зелеными пятнами от солнечного света, заливавшего их.

ПЛАСТ НА «АНАКОНДЕ»: 16.10.48

Они привозили крыс обратно, когда Ли с Маккуином добрались до надшахтного здания на следующее утро.

Крыс привозили в ловушках, изъеденных ржавчиной клетках, в каких-то коробках совершенно невообразимых форм и размеров. Шахтеры, направлявшиеся на смену, даже умудрялись притащить их с собой из Шэнтитауна на наземных челноках. Шесть полных контейнеров оказались в клетке, в которой Ли и Маккуин спускались вниз. Когда спуск был окончен, «шахтерские пони» уже дожидались, чтобы пе-

регрузить их на угольные вагонетки и отправить во все дальние уголки шахты. Судя по горе пустых клеток, скопившихся здесь, Ли поняла, что это переселение длилось уже, по крайней мере, вторую смену.

Никто из руководства не рискнул прекратить это. Они не осмелились. Несколько наиболее серьезных стихийных шахтерских забастовок в истории Мира Компсона вспыхнули после отравления шахтных крыс. Шахтеры любили своих крыс. Относились к ним как к друзьям. Верили им. Крысы чужали ядовитый газ задолго до людей и постантропов. И они ощущали колебания перекрытий, предшествующие обвалу. Когда крысы покидали шахту, это предвещало опасность. Если крысы были на месте, это значило, что в шахте не более опасно, чем обычно.

– Как они так могут? – прошептал Маккуин, когда они вошли в основной штрек.

Ли проследила его взгляд, направленный на шахтера, который сидел на куче отработанной породы. Он отламывал кусочки от своего бутерброда и бросал их крысиному трио. Это была странная картина: чернота покрытого угольной пылью человека, черный крысиный мех, круглые черные крысиные глазки, прикованные к грязным шахтерским пальцам, постоянно нырявшим в поблескивающую коробочку для завтрака.

– Они довольно чистые, – сказала она. – От них ничем уж особенно не заразишься, разве только чумой. И даже этим,

скорее всего, сегодня легче заразиться от людей.

Маккуин только покачал головой и поперхнулся слюной.

– Вы еще размышляете о Гоулд? – спросил он. Ли пожала плечами.

– Ну, зачем ей было отправляться в медленном времени? Вот что я не могу понять.

Теперь они шли по главному штреку. Он был все еще достаточно широк, чтобы два человека могли идти по нему бок о бок, но потолок нависал уже над самой головой, заставляя Маккуина наклоняться и идти, согнувшись по-шахтерски.

– Похоже, что у тебя есть теория? – решила спросить Ли.

– Ну, не совсем... хотя...

– Хотя что?

– Мне представилось, что, может быть, смысл был не в том, чтобы отправить... как бы это выразиться... саму Гоулд во Фритаун, а в том, чтобы не дать никому схватить ее, пока она туда не попадет.

Ли замерла, задумавшись над пришедшей ей в голову идеей.

– То есть ты говоришь, что для нее этот полет – вроде места для передачи информации.

– Ну, я не совсем, чтобы именно так думал, но... да. Получается, как только этот корабль попал в медленное время, он пропал. Никакого радиоконтакта. Невозможно остановить его, или зайти на его борт, или даже найти его. По

отношению к нам, можно сказать, он как бы не существует вообще.

– Пока не прибудет во Фритаун.

– Совершенно верно.

– Ты считаешь, что для нее все равно, если мы узнаем, что это такое, до того, как она попадет туда?

– Правильно.

– Потому что?

– Потому что как только она доберется туда, будет уже слишком поздно для нас останавливать ее.

Ли остановилась и уперлась взглядом в пол, в угольную пыль, уже покрывшую ее ботинки. У нее в голове крутились мысли.

– Я просто так подумал, – сказал Маккуин. – Думаю, в действительности в этом нет никакого смысла, если взглянуть таким образом.

– Нет, – медленно произнесла Ли. – Смысл есть. Большой смысл.

Он посмотрел на нее, и его лицо, освещенное лампой, казалось белым в темноте.

– Что мы должны делать теперь? – спросил он.

– Идти по другим следам и молить Бога, чтобы недели через три распутать это дело.

Маккуин улыбнулся.

– Другие следы – это Луи?

– Да, другие следы – это Луи.

В шести километрах от ствола шахты, по подсчетам Ли, штрек сделал резкий поворот, и они оказались в длинном зале с высоким потолком, служившим временным домом для забоя восьмой «Южный». Поисковые группы, должно быть, уже побывали здесь и не нашли стоивших внимания залежей кристалла; шахтеры взрывом откололи большой пласт угля и теперь выбирали его с помощью циркулярной врубовой машины, установленной на транспортной платформе. Большая машина выбрасывала клубы вонючего черного дизельного выхлопа и издавала такой шум, что потолок осыпался. Не было никакого смысла разговаривать с кем-либо во время работы. Поэтому Ли и Маккуин устроились в укромном уголке и оттуда наблюдали за происходившим.

Видимо, их заметили. Когда бригада остановилась, чтобы дать передохнуть машине и поднять направляющие устройства, штейгер поднял свои защитные очки на лоб и подошел к ним.

– Луи, – представил его Маккуин, улыбаясь.

Луи легко можно было сравнить с Хаасом, но его большое тело не несло следов ожирения от сидячей работы. Везде виднелись узловатые шахтерские мышцы. Казалось, что этот человек мог двигать горы. Он вытащил грязную тряпку из комбинезона и протер ею руки. Ли показалось, что он просто перенес угольную пыль и дизельную смазку с одного огромного пальца на другой.

Закончив размазывать грязь, он достал из потайного кар-

мана жестяную коробку с табаком и предложил всем уго- ститься. Ли и Маккуин отказались. Луи взял щепотку и за- сунул ее за щеку.

– Ну, – сказал он, оглядывая Маккуина сверху донизу. – Хозяин в большом доме не обижает тебя?

– Очень смешно, – ответил Маккуин и пояснил для Ли: – Мы с Луи вместе ходили в школу.

Луи рассмеялся.

– Но только в начальную. Для каждого из нас она была и последней.

– Майор Ли хотела бы задать тебе несколько вопросов.

– Вопросай и обрящешь! – ответил Луи, распахнув свои сильные, блестящие от угля руки. – Давать ответы – это пу- стяки. Это не с билетами на мировой чемпионат расставать- ся.

Один из забойщиков отошел от машины и с любопыт- ством смотрел в их сторону. Луи взглянул на него, а затем посмотрел на Ли и Маккуина.

– Ну, так вы считаете, что «Метс» вылетит из чемпионата? Ли громко рассмеялась.

– Это она от сожаления, – пояснил Маккуин. Забойщик прошел мимо и свернул в боковой туннель.

– 9 Правильно, – сказал Луи. – Он пошел отлить. Это зай- мет около двадцати секунд, после чего он еще минуту-дру- гую побродит, чтобы не возвращаться к рабочему месту. Это значит, что у вас осталось полторы минуты до того, как он

вернется, чтобы послушать, о чем это мы тут разговариваем. Здесь, внизу, и у стен есть уши.

Он слушал, пока Ли объясняла ему, что она ищет, потом посмотрел на Маккуина.

– Ты можешь доверять ей, – сказал Маккуин спустя мгновение.

– Ага, но могу ли я доверять тебе?

– Ты знаешь, что можешь.

Луи пристально взглянул на Маккуина. Затем обратился к Ли.

– У Шарифи не было постоянной команды. Поэтому тех, кто был с ней, нельзя найти в журналах регистрации. Хаас разрешил ей выбирать шахтеров из забоев, где работа шла медленно. Большинство из них – опять на «Тринидаде», бедняги.

– Вы сможете достать нам полный список? Он пожал плечами.

– Наверное, проще будет дать им знать, что вы ищете их.

– Вы ведь сами не работали с ней?

– Вы с ума сошли? Чтоб я туда спустился!

– А как она уговорила других пойти с ней?

– Очень просто, – Луи рассмеялся, и его глаза расширились внутри белых кругов, оставленных защитными очками. – Она платила по профсоюзным расценкам. Фактически поместила внизу в шахте объявление, что платит вот так. Хотелось бы мне увидеть выражение лица Хааса, когда он чи-

тал это.

– Откуда ей было знать профсоюзные расценки? – спросила Ли, заранее зная ответ.

Луи пожал своими массивными плечами. Ли оглянулась и убедилась, что никто не сможет подслушать.

– Этот проект был профсоюзным? При официальной поддержке?

Луи сразу же ухватил нить. Профсоюз постоянно посылал своих членов в те или иные забои или рудники в зависимости от своих, зачастую непонятных, политических или экономических целей. Если профсоюз поддерживал проект Шарифи, то это должно было привлечь более квалифицированных и сильнее мотивированных рабочих. Профсоюзных рабочих. И профсоюз осуществлял надзор. Даже если одним из правил этой игры в кошки-мышки между профсоюзом и руководством компании было то, что никто не брал на себя риск открыто заявить, что являлся членом профсоюза. Достаточно ли политически грамотна была Шарифи, чтобы понимать это? Или профсоюз обратился к ней по своей собственной инициативе?

– Я об этом ничего не знаю, – сказал Луи, в упор глядя на Ли.

Он как будто хотел что-то сказать своим взглядом, но Ли не поняла что.

– Но что-нибудь вы, наверное, слышали?

– Есть вещи, о которых я предпочитаю ничего не слышать.

– Кто представитель шахты? – спросила Ли.

Лицо Луи закрылось наглухо, как дверь.

– Ой, брось! – сердито воскликнул Маккуин. – Ты прекрасно знаешь, кто представитель. Ведь твой братишка, черт его возьми, был им два выборных периода до этого!

Луи смотрел на Маккуина, и Ли заметила недоверие и обиду на его широком лице.

– Все, что мне известно, – сказал он, – так это то, что ты получаешь зарплату из кармана Хааса, как и другие пинкертоны. И если ты думаешь, что я душу наизнанку выверну только потому, что мы...

– Отлично, – прервала его Ли, услышав шаги в туннеле. – Просто шепни кому надо, хорошо?

– Хорошо. – Луи наклонился, чтобы проверить свою лампу. – Увидимся, Брайан.

– И на том спасибо, – раздраженно ответил Брайан.

Луи ответил так тихо, что Ли не расслышала его за возней бригады у врубовой машины. Она наклонилась к нему.

– Что?

– Я сказал, поговорите со священником. Но не говорите ему, что это я послал вас.

Священника звали Картрайт, и прошло полсмены, прежде чем они смогли найти его. Он нацарапал свой знак в регистрационном журнале смены, но не выписал себе лампы Дэви, и они не нашли его номерного знака ни на одной из до-

сок штрека.

– Вольноопределяющиеся, – сказал Маккуин, – настолько уверены, что компания лишит их найденных ими жил, что скорее умрут, чем сообщат спасательным командам, где они. Мы должны выбраться отсюда и поискать его внизу. Если, конечно, вы думаете, что это стоит делать.

– Ты знаешь его? – спросила Ли.

– Конечно, – ответил Маккуин и покрутил пальцем у виска. – Этого придурка все знают.

Остальная часть смены работала среди неясных очертаний стен и мерцающих огней ламп. Вскоре Ли и Маккуин покинули ту часть шахты, где была установлена электропроводка АМК, и попали туда, где шахта освещалась только шахтерскими лампами и случайными, питавшимися от батарей, дежурными лампочками. Они пробирались сквозь извилистые штольни и проходы, мимо сгнивших вентиляционных перемычек, еле-еле пропускавших свежий воздух через свои отсыревшие туннели. На каждом повороте они останавливались, прислушивались и шли на звук шахтерских кирок.

Им казалось, что они видели одну и ту же призрачную сцену десять, двенадцать, пятнадцать раз, пока не расслышали первый слабый стук молотков и не увидели свет лампы, отраженный от обтесанных стен. Затем из темноты появились люди, которые следовали по узким лучам шахтерских ламп, их глаза блестели, подобно углю под бегущей водой.

– Священник? – спрашивала Ли у всех, кто попадался на

пути, – Картрайт?

И каждая небольшая группа, встречавшаяся им, направляла их в сужавшиеся туннели, уходявшие все глубже и глубже.

По мере ухудшения вентиляции становилось более душно. Ли начала потеть, стараясь вдохнуть как можно больше воздуха через загубник своего дыхательного аппарата. Маккуин сбросил с себя комбинезон, подвязав его рукавами вокруг пояса, и снял рубашку. Ли сделала то же самое, оставив на себе футболку; у нее на теле были заметны следы шахтерского «ожерелья», оставшиеся с тех пор, когда она ребенком работала под землей, и ей не хотелось, чтобы возникали неловкие вопросы о том, работала ли некая Кэтрин Ли в шахте и помнит ли ее кто-нибудь.

Вскоре она прекратила сверять маршрут по картам АМК в своей базе данных. Они уже вышли из зоны, нанесенной на карты компании, и, кроме того, у нее стал пропадать прием. В конце дня последняя бригада шахтеров указала им путь в крутую и узкую штольню, которая шла за пластом «Уилкс-Барре», где он нырял в разлом у горного хребта. После двадцатиметрового подъема они наткнулись на резкий изгиб штольни. Сразу же за поворотом они нашли узкую щель между двумя наклонными слоями породы, сквозь которую в начинавшийся за нею темный туннель мог пробраться только очень худой человек. Ширина туннеля не позволяла проникнуть в него шахтеру в полном снаряжении со всеми средства-

ми безопасности. У входа в туннель кто-то мелом нарисовал символический знак: полумесяц с крестом под ним.

– Это знак Картрайта, – сказал Маккуин. – Но с дыхательным аппаратом не пройти. Я думаю, и у него там нет.

Итак, Картрайт оказался генетической конструкцией. Неусовершенствованный шахтер мог снять маску дыхательного аппарата, чтобы успеть выполнить задание в штреке, но только генетическая конструкция может рискнуть отправиться в отдаленные туннели без запаса чистого воздуха для дыхания, на случай если она попадет в газовый карман.

– Сколько вольноопределяющихся являются конструкциями на сегодня? – спросила она Маккуина.

– Большинство, – ответил Маккуин, подтвердив тем самым ее предположение. – Кто еще сюда ползет? И к тому же у них есть преимущество по сравнению с нами: им не нужно покупать воздух у компании.

Ли села, держась за выступ породы, и начала отстегивать дыхательный аппарат.

– Нужно найти его, – сказала она. Маккуин засомневался:

– Может, стоит подождать. Она ободряюще улыбнулась ему.

– А зачем? Этот уровень чистый, Брайан. Посмотри на свой значок Шпора. Мы доберемся туда, ну... за двадцать минут. Нет ничего такого, чем ты можешь до смерти надышаться за двадцать минут. Такой же вред можно нанести себе, выкурив пачку сигарет.

– Вы не видели, как умирают от пневмокониоза, – испуганно произнес Маккуин.

Ли встряхнула головой, чтобы отогнать воспоминания, вызванные словами Маккуина.

– Никто не умрет, – сказала она.

Маккуин выплюнул загубник, и она услышала тихий щелчок выключателя питания его дыхательного аппарата. Они протиснулись сквозь щель в породе и стали пробираться по проходу, который круто поднимался вверх, следуя за руслом подземного потока. Вода была чистой и прохладной, без следа серы, и Ли ополоснула лицо и шею от пота. Должно быть, у Картрайта была солидная жила, что стоило пробираться к ней таким путем.

Вскоре они подошли к уступам, напоминавшим лестницу, и начали подъем, постоянно опираясь на стену то одной, то другой рукой, чтобы не поскользнуться на мокрых камнях. По мере восхождения дыхание Ли становилось более частым и менее глубоким или от усталости, или от недостатка воздуха. Казалось, прошла вечность до того, как проход выровнялся, вода теперь бежала по неглубокому рукаву сбоку от них.

В одном из узких мест Ли развернулась, прижалась спиной к стене и уперлась ногами в противоположную. Маккуин сделал то же самое, хотя ему в этом проходе было еще теснее. Он дышал часто и неглубоко, а от лампы на его голове исходили призрачные голубые отблески. Ли принюхалась и

уловила слабый запах фиалок. Это был признак появления рудничного газа.

Маккуин тоже почувствовал это. Он проверил свой значок Шпора. Когда он поднял глаза, они были широко раскрыты.

– С тобой все в порядке? – спросила Ли.

Он кивнул головой, но лицо его побледнело и покрылось испариной, а в глазах появился лихорадочный блеск.

– Спускайся назад.

Он отрицательно помотал головой.

– Делай, что говорю. Хочешь погибнуть? Встретимся в десять.

Ли наблюдала, как он спускался по крутому проходу, пока не оказался на ровной поверхности, после чего спросила себя, хорошо ли то, что она задумала.

Проход продолжал идти вверх, а рудничный газ обычно скапливался у потолка в больших помещениях. К тому времени, когда она найдет Картрайта, воздух будет достаточно ядовит, чтобы убить человека, не оборудованного специально. Ее присутствие там раскроет, кто она есть на самом деле. Но если он мог находиться там, то и он был таким же. И разве одна генетическая конструкция должна предавать другую?

Она сняла свой нагрудный знак и положила его на дно туннеля. Затем поставила шахтерскую лампу и шлем рядом со знаком, отключила свое внутреннее записывающее устройство и переключила оптику на инфракрасный режим. Она не

могла выключить свой черный ящик, но если его когда-нибудь откроют, то тогда ее вряд ли будет беспокоить факт, что какой-то тех из Космической пехоты узнает, что она не была генетической квартеронкой.

Запах фиалок становился все сильнее. Вскоре Ли шла, вся окутанная смертельным коктейлем из серы и окиси углерода. Ее внутренние устройства, борясь с удушьем, вбрасывали волнами в кровь дезактивирующий состав. Наконец она услышала стук шахтерского молотка. Картрайт был там, наверху. Один. Без вентиляции и кислорода. В поисках конденсатов в ядовитой дымке рудничного газа. Она встряхнулась, словно пробуждаясь от дурного сна, и начала карабкаться вперед сквозь удушливый мрак.

Она наткнулась на него неожиданно – так обычно люди встречались в этих узких проходах при мерцающих лучах ламп. Он подрубал пласт, выдалбливая место для отвала отколотого угля и кристалла, и врезался в уголь настолько глубоко, что снаружи были видны только его ноги.

Желтые I-образные прутья из вирустали упирались в ничем больше не укрепленную стену, и вырубленный уголь скапливался за ними, образуя гигантские черные кротовины. При подрубке он вытаскивал прутья, и уголь падал сверху. Подрубать угольную стенку без помощи взрыва было тяжелой, медленной и опасной работой. Но она оправдывала себя, если жила была достаточно богатой. А эта была богатой: открытая поверхность слоя кристаллов светилась раскален-

но-белым цветом в инфракрасных лучах, как сверкающие бриллианты.

Картрайт не слышал, как она появилась. Его молоток заглушал любой посторонний звук. Она наблюдала за ним, задержав дыхание. Вскоре он перестал стучать, и она услышала, как он дышал, слегка присвистывая. Когда он заговорил, она подумала, что он разговаривает сам с собой.

– Привет, Кэйтлин, – сказал он. – Или как ты там себя сейчас называешь.

Она замерла, сердце бешено застучало.

Она боялась этого момента, как чего-то ужасного. Но никогда не думала, что он именно так наступит. Видел ли он ее? Слышал ли? Как он узнал ее?

Картрайт вылез из подкопа. Штанины его комбинезона были закатаны на худых голеньях. Сверху он был гол по пояс. Широкие угольные шрамы на спине и плечах выглядели как контурная карта гор, недра которых он разрабатывал всю свою жизнь.

– Сколько лет прошло, Кэти? Восемнадцать? Двадцать?

– Я не понимаю, о чем вы говорите.

Картрайт в ответ просто склонил свою голову набок, как собака, ждущая свистка своего хозяина.

– У тебя все еще голос твоей матери, – сказал он. – Хотя говорят, что ты забыла ее. Это правда? Ты действительно ее забыла? Ну, ничего. Дай мне на тебя взглянуть.

Он положил свои руки на ее лицо, и, почувствовав при-

косновение пальцев, Ли поняла, что беспокоило ее во время разговора: вокруг не было света. Картрайт работал в абсолютной темноте, без лампы или инфракрасных очков.

Он был слеп.

Он ощущал ее нос и губы, потрогал глазные орбиты.

– Ты изменила лицо, – сказал он. – Но ты – дочь Джила.

Мирс сказала им, что ты умерла, но я-то знал. Они должны были сказать мне. Но, конечно, хранили свои тайны. Хотя такое они должны были мне сказать.

– Кто должен был вам сказать?

– Святые, Кэти. Ее святые. Только не говори, что перестала молиться Ей. Ты не должна так поступать, Кэти. Ей нужны наши молитвы. Он живет благодаря им. И Она отвечает на них.

Ли посмотрела вниз и увидела холодный огонь серебряного распятия, висевшего на покрытой рубцами груди священника. Сдавленный крик эхом отлетел от скалы, и она поняла, что крик вырвался у нее. Картрайт продолжал говорить, словно ничего не услышал.

– Ты пришла, чтобы спросить меня о пожаре, верно?

Ли судорожно сглотнула, собрав мысли воедино.

– Что было ему причиной, Картрайт?

– Шарифи.

– Как? Что она здесь искала? Что она хотела от тебя?

– А что и всегда хотят ведьмы: где добыть кристалл.

– Но при Шарифи была ведьма компании.

– Так. Но она ведь не верила ведьме компании, правда? И с самого начала. Она взяла ее с собой для грязной работы.

– Вы имеете в виду работу в «Тринидаде»? Но что там делала ведьма, если они уже нашли конденса... кристалл?

– Шарифи нужен был кто-то, кто напел бы кристаллам вместо нее, ведь так? Она хотела говорить с ними и проводить свои проклятые работы. Я не собирался делать это за нее. Да и потом ей все равно не нужен был священник. – Его лицо исказилось. – Она не была верующей женщиной.

– Я не понимаю. Что вы не стали бы делать для нее?

– Работу Хааса, – ответил Картрайт. – Дьявольскую работу.

– Но она передумала, ведь так? – спросила Ли, охваченная дрожью уверенности, что Картрайт все знал и был в центре всего происходившего. – Или кто-то заставил ее передумать? Что случилось перед пожаром? Почему Шарифи уничтожила все свои данные? Чего она боялась?

– Огня адова, – ответил Картрайт, перекрестившись. – Ее справедливого возмездия.

Ли затрясло, и она услышала постукивание защелки молнии у своего горла и шуршание своей собственной одежды о тело и камень.

– Тебе следует навестить свою мать, – сказал Картрайт. – Нехорошо избегать ее.

– Вы меня с кем-то перепутали, Картрайт.

– Не так говорит твой отец.

Воспоминания нахлынули изнутри подводной рекой. Она сдержала их, замуравав для них все двери в своем сознании.

– Мой отец мертв, – сказала она резко. – И я пришла сюда за информацией, а не за проповедью.

– Ты пришла по той же причине, что и мы, – сказал Картрайт. – Она позвала тебя.

Ли прокашлялась от угольной пыли.

– Был ли проект Шарифи одобрен профсоюзом?

– Я – подчиняюсь Ей, а не профсоюзу, – ответил Картрайт.

– Не заговаривайте мне зубы.

Она подняла правую руку жестом благословляющего Христа, чье поблекшее изображение сопровождало молящихся на субботних вечерних мессах во времена ее полузабытого детства.

– Вы как два пальца одной руки. Я это хорошо помню.

– Тогда ты помнишь достаточно и сама ответишь на вопрос. Разве ты там не была? Мне сказали, что ты плавала там.

– Сияющая воронка, – прошептала Ли, вспоминая блестящие стены и готические своды тайного зала Шарифи. – Это была часовня. Ты нашел ей часовню.

– Моя мать принесла меня к последней часовне на руках, спустившись в независимую шахту, – сказал Картрайт. – АМК выкопала ее и продала на другую планету. Как они поступают всегда. Но не в этот раз. В этот раз мы были готовы.

Он улыбнулся, и Ли показалось, что его слепые глаза смотрят сквозь нее на яркий свет, который она не могла ви-

дочь.

– Понимала ли Шарифи, что она нашла, Картрайт?

– Она знала ровно столько, сколько мог знать неверующий.

– Вы имеете в виду, сколько вы решили рассказать ей. Вы использовали ее. Вы использовали ее для того, чтобы найти и выкопать это и остановить работу компании. И после этого вы ее убили.

– Я ничего не делал, Кэти. Что бы там Шарифи ни открыла, она пришла сюда за этим. Мы все ходим по тропам, указанным Ею. Никакой человеческий выбор не сможет изменить этого. Все, что происходит, уже предрешено.

– И стоило ли это того, Картрайт? Сколько времени понадобится Хаасу, чтобы доставить сюда бригаду, не состоящую в профсоюзе? Неделю? Две? Всего лишь на это время ты сможешь удержать свою драгоценную сияющую воронку. И сколько человек погибло ради этого?

– Никто не погибает, Кэти. Волна больше суммы ее траекторий.

Картрайт что-то делал с конденсатами вокруг них. Ли чувствовала, как они обволакивали ее и замыкали ее внутренние устройства.

– Я помню. – Она дрожала, дышать стало трудно и больно. – Я помню, что вы сделали с моим отцом. Я помню.

– Он здесь, Кэти. Ты хочешь поговорить с ним? Все, что требуется, это поверить в Нее. Она потеряла своего един-

ственного Сына. Она понимает твои страдания, если даже ты забыла о них. Она сможет простить тебя.

Все, что он говорил после этого, Ли уже не слышала. Она бежала, спотыкаясь на крутом склоне, разрывая об острые камни свою форму и кожу на ладонях.

Она ничего не видела, ее устройства издавали лишь бесполезные статические разряды. В темноте она обо что-то ударилась. Прикоснувшись, она узнала свою лампу Дэви. Лампа погасла. Она зажгла ее на ощупь своими дрожащими пальцами, надела на себя и в течение тридцати секунд просто сидела, уставившись в стену.

Маккуин ждал ее у штрека. Он уже выглядел гораздо лучше.

– Вы в порядке? – спросил он.

Ли вспомнила о своих ободранных ладонях и одежде и с ужасом подумала, на что похоже ее лицо.

– Да, со мной все в порядке. Я просто свалилась и все.

Он странно посмотрел на нее.

– Вы разговаривали с ним?

– Не смогла добраться туда. Нет воздуха. – Она надела свой дыхательный аппарат, плотно зажала загубник губами, радуясь, что он приглушил и изменил ее голос. – Нужно убираться отсюда.

ЛАЛАНД 21185 МЕТА СЕРВ: 17.10.48

Рука Шарифи была теплой, ее рукопожатие – твердым и энергичным.

– Майор, – сказала она. – Добро пожаловать.

– Спасибо, – ответила Ли, представляя себе, в какую корпоративную базу данных залез Маккуин, чтобы найти такую драгоценную штуку.

Ли огляделась, зевая без всякого смущения. Они стояли в интерактивном пространстве, представлявшем собой дизайн-мечту о физической лаборатории. Высокие потолки, ясный солнечный свет системы Кольца, проходящий сквозь двухэтажные окна в рамках из псевдостали, новейшее лабораторное оборудование, аккуратно расставленное так, чтобы создать впечатление по-сумасшедшему активной, но безупречно организованной работы.

Ли повернулась к Шарифи. Перед ней стояла молодая энергичная женщина пятидесяти с небольшим лет, ниже среднего роста. Широкое лицо китайского типа обрамляли густые черные волосы. Не полная, но массивная и плотная. Шарифи производила впечатление умной и рассудительной и выглядела очень харизматично. Она, несомненно, являлась генетической конструкцией. Ли было знакомо это тело. Она узнавала крепость бедер, крутую переносицу, плавный изгиб черепа от уха до виска.

«Ведь так буду выглядеть я сама», – подумала она и вздрогнула.

– Давайте начнем с краткого обзора, – сказала Шарифи.

Пока она говорила, Ли почувствовала, как в ее систему пытался влезть зависимый AI из программы сбора средств. Выуживались финансовые данные, справки о денежных пожертвованиях, любая информация, способная содействовать продаже. Ее собственный AI принял меры защиты, и она дала ему разрешение открыть комплект ложных персональных файлов.

За Шарифи развернулся голографический дисплей. Она просунула палец сквозь решетку и активировала его, вытягивая за собой сверкающую волнистость. Дисплей ожил, и перед Ли оказалась одна из икон века: упрощенная схема процесса телепортации, основанной на принципах Бозе-Эйнштейна, для неспециалистов.

Шарифи улыбалась, показывая ровные красивые зубы.

– Квантовая телепортация, или, точнее, квантово-скорректированная спино-поточная репликация (КССР), определяется как наихудшая система перемещения в пространстве со скоростью выше скорости света. Если сформулировать точнее, то КССР объединяет в себе два неизбежно некорректных метода перемещения в пространстве с целью увеличения их преимуществ и компенсации недостатков.

Широкополосная спин-пенная передача зашифрованных по спине бинарных сообщений дает нам мощное сверхсветовое средство перемещения в пространстве, но только в хаотичном контексте квантово-механических пространственно-временных туннелей, передача информации по которым

неточна, ненадежна и, что хуже всего для корпоративных и государственных целей, открыта для всех.

По существу, передача данных через квантовую пену напоминает передачу сообщения, которое положили в бутылку и бросили в океан. Вероятность того, что она попадет к кому-то, высока, и она возрастает с увеличением числа брошенных в океан бутылок. Но вероятность того, что ваше сообщение попадет к какому-то конкретному получателю и при этом останется разборчивым и не прочитанным еще кем-то до момента получения, очень низка.

Телепортация, основанная на принципах Бозе-Эйнштейна, напротив, позволяет осуществлять надежную криптозащищенную передачу данных между любыми двумя сторонами, имеющими конденсаты, связанные квантовой запутанностью. Объединив телепортацию на принципах Бозе-Эйнштейна и передачу данных через квантовую пену, мы получаем *sine qua* поп⁸ межзвездной информационной экономики: индивидуальную сверхсветовую передачу, которая достаточно устойчива, надежна и безопасна, чтобы доверить ей наиболее ценный и хрупкий груз – человека.

Схему телепортации сменила карта пространства ООН, на которой цветными точками были нанесены все известные и предполагаемые миры, заселенные людьми. Точки были распределены по расширяющемуся кольцу вокруг Солнца.

Синим цветом Объединенных Наций были выделены

⁸ *Sine qua* поп (*лат.*) – неперемное условие

страны – члены организации и территории, находившиеся под опекой ООН. Красные штрихи на одном из флангов пространства ООН показывали восемь систем Синдикатов. Независимые колонии блестели зеленым. За Периферией белые точки обозначали удаленные поселения, с которыми ООН потеряла контакт в течение долгих столетий умирания Земли.

На глазах Ли на карте звездного неба появилась сеть с разноцветными линиями и Пересечениями.

– Это, – сказала Шарифи, – существующая в настоящее время система квантовой телепортации. Маленькие точки пересечений обозначают узлы передачи данных. Точки больших размеров, а их гораздо меньше, обозначают узлы передачи людей и грузов. В основе специализированной технологии каждого передающего узла лежит простой набор конденсатов, связанный квантовой запутанностью с соответствующими конденсатами на всех принимающих станциях квантовой системы телепортации. По сути, каждая передающая станция есть не что иное, как квантово-телепортационный передатчик, связывающийся только с приемными устройствами, которые обладают соответствующей квантовой запутанностью в системах связи или транспорта. До тех пор пока мы поддерживаем запутанность между передающими станциями, доставляя туда новые запутанные кристаллы на субсветовых скоростях, сеть функционирует, и мы можем использовать квантово-скорректированную спино-по-

точную репликацию, чтобы достичь произвольно точной репликации со сверхсветовой скоростью.

– Но существует проблема, – продолжала Шарифи, указывая на схему сети, напоминавшую по форме колесо с подсвеченными спицами-лучами. – Система работает только тогда, когда мы поддерживаем наши банки квантовой запутанности на передающих станциях. Потокостранство, спин-поток, вся межзвездная экополитическая инфраструктура зависят от возможности Мира Компсона продолжать поставки живых квантовых конденсатов. А конденсаты являются невозполнимым ресурсом. Невозполнимым ресурсом, который мы так быстро расходует.

Шарифи отвернулась от экрана и сделала небольшой круг по покрытому плиткой полу лаборатории. Как бы в ответ на глухое эхо ее шагов карту сменил вид ночной планеты с большой высоты. Ли различала кроваво-ржавый цвет суши, похожие на завихрения облаков цветущие водоросли северных степей, примитивную геометрию терриконов пустой породы, настолько больших, что их было видно с орбиты. Мир Компсона.

– Уголь. Нефть. Уран. Вода, – продолжала рассказ Шарифи. – Не впервые человечество зависит от невозполнимого ресурса. И как показывает опыт прошедших веков, есть только два выхода из этой зависимости: либо научиться обходиться без того, что невозможно, либо научиться создавать его в больших количествах.

Медленно и постепенно, подобно восходу далекого солнца Мира Компсона, на экране на фоне планеты появилась пара квантовых кристаллов.

– Итак, – сказала Шарифи, снова отворачиваясь от экрана. – Как мы можем создавать его в больших количествах? И как, если мы позволим себе немного помечтать, будет выглядеть пространство ООН, когда ему будет обеспечено неограниченное поступление дешевого искусственного конденсата?

Голографический дисплей покрылся рябью, и на нем появился цветной спектр. Неожиданно в его центре оказалась Ли. Вокруг нее появлялись новые линии передачи, проходящие через пустое пространство и соединяющие отдельные изолированные станции. Все это сплеталось в плотную, блестящую паутину, пронизывающую пространство ООН и выходящую за его пределы. Паутина пульсировала, становилась прочной, сплеталась в яркую единую вуаль, сверкавшую над всей совокупностью населенных человеком миров.

– Не будет никакого неравенства в распределении транспортных технологий, – продолжала Шарифи. – Никаких информационных гетто. Никакого технологического захолустья. Будет единое поле квантовой запутанности, соединяющее все пространство ООН, – следовательно, и все человечество. Некое метасоединение, если хотите, позволяющее производить прямую разовую сверхсветовую репликацию из любой точки пространства ООН в любую другую точку.

Голограмма снова сменилась, на этот раз показывали шахтеров, добывавших квантовый конденсат в забое под землей, но выглядевших при этом подозрительно чистыми.

– Все, что нам нужно, – говорила Шариф, – это технология выращивания конденсатов и форматирование их согласно разработанным нами спецификациям в лабораторных условиях.

Теперь Шарифи начала настоящую презентацию своей работы. Забой сменился демонстрацией различных конденсатов. Показывалось, как кристаллы оценивали, гранили, шлифовали и форматировали. А в завершение появился конечный продукт: очищенный, ограненный, спаренный и форматированный квантовый конденсат, предназначенный для связи.

– Конечно, для того, чтобы выращивать конденсаты, мы должны понимать их. Но ключ к их пониманию лежит не в нашем будущем, а в нашем прошлом.

На голографическом дисплее появилось ярко светящееся изображение Земли. Изображение стало увеличиваться, дисплей приближал океан синего цвета. Шарифи посмотрела на Ли с улыбкой и шагнула в экран.

Вокруг них шумел прибой. Ли следовала за Шарифи по узкой полоске залитого звездным светом песка между двумя бескрайними океанами. Звезды светили над головой в чистом прозрачном небе, под которым без специальных средств защиты не находился ни один человек вот уже более

двух столетий.

– Это, – объяснила Шарифи, – Большой Барьерный риф. Он является, или, точнее, являлся, крупнейшей единой живой формацией на Земле до Исхода.

Она зашла в полосу прибоя, кивнув Ли, чтобы та следовала за ней, и Ли увидела, что на ней и на Шарифи надеты гидрокостюмы и акваланги. Они нырнули, быстро миновали полосу прибоя и оказались в спокойной глубине. Шарифи обогнала Ли, задев ее обнаженным бедром. И Ли подумала, что эта программа могла бы оказаться весьма интимной. Они остановились для отдыха в спокойной прозрачной воде метрах в шести от поверхности. Коралловый риф уходил вдаль, как широкая дорога по обе стороны от них.

Была ночь – жизнь на рифе кипела. Разноцветные рыбешки сновали вокруг. Кораллы вытянули под ними миллион светящихся рук. По мере того как Шарифи вела Ли по большой стене рифа, перед ними раскрывалась вся история в реальном масштабе времени. Кораллы росли, охотились, колонизировали новые территории. Ли видела, что риф в целом – это единый организм, единый примитивный разум.

Затем она увидела, как появились люди, а с ними морские пути, моторные лодки, разливы горючего, химическое загрязнение. Риф болел, съеживался и умирал. И никто не успел раскрыть его секреты и познать внутренние механизмы работы сознания этого огромного организма-колонии.

Вода засветилась и исчезла. Неожиданно оказалось, что

Ли плыла не в воде, а в бесформенной темноте.

– Большой Барьерный риф исчез, – сказала Шарифи, – Все, что мы могли бы понять с его помощью, потеряно навсегда. Однако, рассеявшись по галактике, мы открыли еще один колониальный организм, несравнимо большего масштаба. Квантовый пласт на планете Мир Компсона.

Постепенно стало светлее, и Ли увидела огромную гладкую и блестящую сотовую структуру над собой и вокруг себя.

– Так выглядела бы типичная квантовая жила, если убрать с ее внешней стороны уголь и скальную породу. Конденсаты забирают энергию из залегающего вокруг них угля. Мы не знаем, как они функционируют или как их пласты взаимодействуют друг с другом. Тем не менее каждая жила – это единый колониальный организм. Каждое месторождение в действительности походит на огромный подземный коралловый риф, растущий в океане угля и скальной породы.

Изображение пласта рассеялось, и вокруг них вновь появилась лаборатория.

– Квантовые пласты настолько отличаются от земных органических форм жизни, что делать какие-нибудь непосредственные выводы нельзя, – сказала Шарифи. – Хотя эта аналогия очень плодотворна. У пластов проявляются многие характеристики примитивного колониального сознания. Раздражители передаются от одного сегмента любого пласта другим сегментам. Что более интересно, результаты нескольких экспериментов показали, что конденсаты пере-

дают сообщения как внутри пласта, так и вне его при помощи квантовой репликации. Это дает возможность предположить, что по происхождению все пласты на планете Мир Компсона суть части одного организма. И способность составляющих этот организм пластов конденсата полностью обеспечивать запутанность с минимальной декогерентностью есть характеристика, приобретенная ими в процессе естественного отбора. Каким бы ни было объяснение, это тот организм, который нам необходимо понять, чтобы научиться выращивать живой конденсат.

Уже прошло целое столетие с того момента, как мы вступили в квантовую эру, но, несмотря на все наши успехи, мы все еще примитивны. Мы используем конденсаты, но не управляем ими, не понимаем их. В квантовом смысле мы немногим лучше, чем доисторические обитатели пещер, которые поддерживали огонь, зажженный молнией, понимая, что не в силах вновь зажечь его. Я призываю вас помочь нам вступить в новую эру – эру, в которой мы сможем управлять этим необыкновенным ресурсом, понимать его, совершенствовать его, использовать его для такого объединения человечества, какого мы не имели со времени Исхода.

Шарифи вышла на первый план для того, чтобы завершить презентацию. Она начала говорить о практических вопросах, патентах, правах собственности. Она упомянула о потенциальных доходах, не называя цифр. Ее манера подачи материала была гламурной, отлакированной до блеска. Про-

дукт был великолепно упакован, что делало его еще более привлекательным для корпоративного потребителя.

– Есть ли ко мне вопросы? – спросила Шарифи в конце.

– Да, – намеренно спокойно сказала Ли. – Каким образом, черт возьми, вам удалось убедить Секретариат отказаться от ограничений Закона Цана и разрешить генетическим конструкциям работать над проектом?

Шарифи прищурилась и замерла, словно на самом деле обиделась.

– Извините, – холодно сказала она, будто едва сдерживала себя, чтобы не наругать. – Я не ждала этого вопроса. У нас, конечно, есть все разрешения от Техкома. Но если у вас все же есть сомнения по вопросам безопасности, то я советую вам обратиться к соответствующим официальным лицам.

Программа была хорошей. Шарифи много заплатила, чтобы получить AI с достаточными возможностями и личными качествами для создания этой презентации. Ей, должно быть, очень нужны были деньги, и срочно. И она их получила, иначе что ей было делать на Мире Компсона.

КОЛЬЦО: 17.10.48

– Что ты думаешь? – спросила Ли двумя часами позже, сидя за столиком на открытом воздухе на Калле Мехико. Коэн пожал плечами – это был жест, который Ли воспринимала даже в потоке цифр, когда видела его.

– Я думаю, что Шарифи нуждалась в деньгах. И очень сильно.

Для сегодняшней встречи на его лице была маска, которую он, по мнению Ли, считал «не привлекающей внимания». Но, конечно же, представление Коэна о неприметности несколько отличалось от представления большинства людей, и поэтому половина женщин тайком бросала взгляды на их столик в течение последних десяти минут.

– И что, по-твоему, было правдой в этой презентации?

Коэн улыбнулся.

– Ни слова.

– Ты думаешь, там есть что-нибудь еще? Может быть, она зарабатывала на этом каким-нибудь другим способом?

– Дело не в деньгах. Здесь вообще не в деньгах дело. Пойми, Шарифи не занималась экспериментальной физикой. Она была чистым теоретиком, ее интересовала сущность вещей. Если хочешь, это можно назвать метафизикой. Она не оказалась бы на Мире Компсона, не стала бы собирать деньги и стараться ради технологии. Она охотилась за крупной добычей. И что бы она там внизу ни искала, это было гораздо более важным, чем удешевить космическое путешествие для среднестатистического пассажира.

– Что все же оставляет для нас открытым вопрос: что именно она искала?

– Хочешь мое мнение? – Коэн скрестил свои длинные ноги, и Ли пришлось отвести взгляд, когда его шорты задра-

лись, обнажив умопомрачительное бедро. – Я думаю, что речь идет о составлении интерференционных картин.

– Что это значит?

– Ага! – Он наклонился вперед с энтузиазмом – признак того, что он начнет объяснять ей что-то из математики. – Интерференционная картина – это та задача, с которой и заварилась вся эта квантовая физика. По существу, мы говорим об эксперименте с двумя щелями.

– Ох, – воскликнула Ли, а ее «оракул» вызывал давно забытую картинку из учебника вводного курса физики. – Это где один фотон проходит через экран и интерферирует сам с собой, да? А потом физики подпрыгивают и спорят, что это было: волна или частица. Или и то, и другое. Или ни то, ни другое. Мне трудно понять, при чем здесь Шарифи?

– Здесь вступает в действие теория когерентности. Что ты знаешь о ней?

Ли пожала плечами.

– Это связано с уравнениями Эверетта – Шарифи и теоремой когерентных миров?

– Совершенно верно. Как сказала Шарифи во время своей презентации, ответ лежит в нашем прошлом, на Земле. Фактически все началось в двадцатом веке, когда американец по имени Хью Эверетт выступил с сумасшедшей идеей, что ничего теоретического в волновых функциях квантовой механики нет, что это – свидетельства множества миров, множества ходов истории. Короче говоря, что матема-

тический формализм волновой механики – и эту часть, конечно, Ханна действительно любила, – что математическая форма сама по себе дает нам ключ к пониманию физической природы Вселенной.

Согласно Эверетту, любая точка волновой функции Шредингера, которую вы берете для определения возможных позиций электрона вокруг ядра атома или вероятных направлений спина фотона, имеет реальное, физическое существование. Может быть, не в этом мире. В другом мире. В одном из бесчисленного количества миров, которые ответвляются друг от друга каждый раз, когда производится необратимое в термодинамическом смысле измерение.

Скажем, согласно примеру из учебника, ты попадаешь на распутье и должна решить: пойти по дороге, ведущей влево, или по той, что ведет вправо. Или, по крайней мере, тебе так кажется. Фактически ты выбираешь оба направления. Просто ты начинаешь идти по ним в разных мирах. Или, в зависимости от выбранной тобой терминологии, в различных составляющих мирах множественного мира.

– Ну... так в чем же дело? Все происходит независимо от того, что ты делаешь или какую дорогу выбираешь? Это какой-то бред.

– Да, так определенно думает большинство. Или, по крайней мере, так было в течение нескольких столетий. Трактовка множественности миров – это одна из тех теорий, которые звучат настолько абсурдно, что Эверетт должен был быть ли-

бо безумцем, либо гением. И как большинству сумасшедших теорий, этой понадобилось долгое время, чтобы выйти из небытия. Большинство коллег Эверетта не признали ее, и ему пришлось покинуть научный мир. В конечном счете, он докурился до смерти, всеми брошенный и осмеянный.

– Какая неожиданность, – съязвила Ли.

– Да уж, верно. Итак, идея Эверетта собирала пыль еще несколько столетий, пока физики-экспериментаторы продолжали проводить свои исследования. Эксперименты, которые с течением времени, незаметно для всех, постепенно делали теорию множественности миров все менее и менее безумной и все более и более близкой к истине. Тут в нашем рассказе появляется Ханна Шарифи. Труды Эверетта полностью захватили Ханну. По существу, она потратила два десятилетия, пытаясь доказать, что интерпретация квантовой механики в свете теории множественности миров была правильной и что у Эверетта просто не было экспериментальных данных или средств вычисления, чтобы доказать это.

– Но ведь и она не доказала это, не так ли? – спросила Ли. – У нее ничего не получилось. Это была самая известная неудача в истории физики, да? Самая крупная ошибка после того, как Колумб достиг Америки и назвал ее Индией.

– Да. Она потерпела неудачу. То есть она не доказала физическую реальность множественности миров в том виде, в котором представляла. Но, и это важно понять, теория не должна быть экспериментально доказуема, чтобы являться

полезной. И то, что она сделала с теорией когерентности, было в каком-то смысле гораздо более важным, нежели регистрация результата эксперимента. Она расширила нам рамки теории для размышлений о явлениях квантового порядка. Она доказала, что даже если интерпретация квантовой механики в свете теории множественности миров не дает фактического описания Вселенной, то все же наиболее эффективный из всех существующих в настоящее время способ думать о Вселенной.

– А при чем здесь интерференция? Почему, по-твоему, она изучала интерференционные картины на «Анаконде»?

Коэн выбил из пачки сигарету и закурил, улыбаясь.

– Интерференция – в центре всего. Она – основа теории когерентности. Шарифи увидела – и это переносит нас в область теории квантовой информации, – что интерференция – обратная сторона когерентности. Если в действительности воспринимать концепцию множественности миров серьезно, то запутанность, декогерентность и интерференция становятся взаимозависимыми. По существу, они проявляются как одно и то же явление, происходящее в различных измерениях множественного мира.

– У меня от этого начинает болеть голова, Коэн.

– От квантовой механики у всех болит голова. Что есть, то есть. Но я хочу сказать, что тебе не обязательно верить в идею Шарифи или даже пытаться ее себе представлять, поскольку она действует, как и многие другие ключевые идеи

квантовой механики, независимо от твоей веры в них. Уравнения Эверетта – Шарифи точно предсказывают все квантовые характеристики, которые предыдущие теории объяснить не могли. Что еще раз демонстрирует правоту моего утверждения о том, что польза теории не определяется ее достоверностью. И теория когерентности сама по себе, конечно, прекрасна. – Кончик его сигареты описал в воздухе изящную дугу, и он улыбнулся. – Ранние работы Шарифи на эту тему были самыми элегантными доказательствами в истории современной физики. А быть красивым почти так же важно, как быть полезным. По мнению Шарифи, даже более важно.

– Ты думаешь, что она искала живые месторождения в пластах, потому что в этих месторождениях скрывалась разгадка отношений между запутанностью, интерференцией и декогерентностью, что, по ее мнению, могло... что? Доказать правоту ее теорий?

– Может быть. Или, скажем, она надеялась, что сможет точнее определить какой-нибудь аспект теории когерентности. Но что бы она там ни искала, ею двигал чисто теоретический интерес. Свежее направление. Главный ответ. Новая проблема. Что-то очень значимое.

– Ну, она и нашла кое-что, – сказала Ли. – Мы об этом знаем. Но потом она стерла всю информацию. Значит, что бы она ни нашла, ей не хотелось, чтобы люди об этом узнали.

Коэн отрицательно покрутил головой.

– Я так не думаю. Шарифи не могла уничтожить инфор-

мацию. Я полагаю, что преданный своему делу ученый не мог бы позволить себе так поступить.

– Даже если она поняла, что полученный результат опровергает теорию когерентности? Даже если она знала, что это разрушит все дело ее жизни и выставит ее посмешищем вроде Эверетта?

– Даже в этом случае, Кэтрин. Шарифи верила в знание. В истину. Для нее важно было быть правой, а не то, что думают о ней люди.

– Вполне возможно, – сказала Ли. – Или ты, может быть, просто знал ее не так хорошо, как думал.

Коэн помолчал немного, а когда заговорил, то взгляд его был направлен далеко за горизонт зоны Кольца, на огромный сверкающий изгиб Земли.

– Ты ведь никогда не бывала там, да? – спросил он.

– На Земле? Конечно нет. Никогда.

Никому не разрешалось возвращаться на Землю, за исключением тех, кому это было необходимо по религиозным причинам. А генетическим конструкциям нельзя было отправиться туда даже в этих случаях: они принадлежали к категории контролируемых технологий, и запрет на их поездки предусматривался правилами эмбарго.

– А я был там, – сказал Коэн. – Я там родился.

– Я знаю, – сказала Ли, поежившись.

Она смотрела старую неинтерактивную видеозапись о программе Коэна, или, точнее, о разработке эмоциональной

циклической познавательной программы, которая со временем переросла в феномен независимого искусственного интеллекта, называвшего себя Коэном. Программисты рассказывали о своей работе так откровенно, что это шокировало общественность. Они рассуждали о призывном поведении, мотивах улучшения материального благосостояния, эмоциональных манипуляциях. Их слова звучали для Ли насмешкой каждый раз, когда она начинала воображать, что понимает происходящее на другой стороне интерфейса.

– На что была похожа Земля? – спросила она, уходя от воспоминания о тонких пальцах Киары, гладивших ее руки, о Роланде, одиноко стоявшем среди толпы и смотревшем на нее.

– Она была прекрасна, – сказал Коэн с таким трепетом в голосе, который человеческое ухо могло воспринимать только как желание. – Ничего подобного этой красоте никогда больше не будет во Вселенной.

– Но ведь есть еще и Мир Компсона, – сказала Ли. – Он тоже хорош. Но по-своему. То, что от него осталось.

Коэн тихо засмеялся, как будто вернулось приятное воспоминание.

– Ты – уже второй человек, кто говорит мне об этом.

– Неужели?

– Догадайся, кто был первым?

– Кто же? – спросила она.

– Ханна Шарифи.

– Боже! – вырвалось у Ли. – Лучше бы я никогда не слышала об этой женщине! Гоулд будет во Фритауне через двадцать три дня, и неизвестно, что она там устроит. Я должна оказаться там до нее. Мне нужно знать, чем занималась Шарифи. Что она от нас скрывала.

«И я должна знать, насколько я могу доверять тебе, Коэн».

Но задать этот вопрос вслух она не могла.

Не могла, потому что каким-то животным инстинктом; затаившимся в укромном уголке ее сознания, понимала, что на этот вопрос у него не было ответа.

После визита в зону Кольца собственное жилище Ли на станции показалось ей еще более жалким и убогим.

Она вышла из сети, закурила сигарету, надеясь, что эта – последняя на сегодня, и стала просматривать вечерние спинсообщения, приглушив звук. В голове ее проносились обрывки смутных воспоминаний.

Шарп прислал копии заключений о смерти Шарифи и Войта, и Ли рассеянно просматривала их, решив все внимательно изучить утром. Он определил, что смерть Шарифи наступила в результате удушья. Повреждения головы и руки Шарифи были нанесены при жизни, что объясняется наличием кровотечения. И в дополнение ко всему, перед смертью она прокусила себе кончик языка.

Ли сжалась, прочитав это, но подумала, что все произошло, когда Шарифи упала. Наверно, не она одна споткнулась

в шахте, в панике убегая от пожара. И, несмотря на странные раны, было ясно, что умерла она от удушья, а не от травмы.

Причина смерти Войта была более загадочной. Спасатели нашли его тело рядом с телом Шарифи, словно они пытались спастись вместе, но Шарп назвал причиной смерти загадочное сотрясение мозга, случившееся с многими шахтерами на «Тринидаде».

Ли начала засыпать, размышляя об этом и стараясь не забыть вынуть сигарету изо рта, прежде чем она выпадет.

В четыре часа утра ее спящий мозг словно ударило угольной вагонеткой, сошедшей с рельсов.

– Идиотка! – пробормотала она.

Поднявшись и включив свет, Ли снова начала читать заключение о смерти Шарифи. Как она могла это пропустить? Уж Шарп, конечно, такого бы не сделал. Он все подробно ей разъяснил и разве только на стене не написал. Она нашла в системе записи спасательной команды и сверила их с заданиями смене в день пожара. Двенадцать человек были направлены в «Тринидад». Большинство из них были инженерами и электриками, прокладывавшими проводку к недавно открытому пласту, пролежавшему глубоко в южных секциях новой жилы. Рабочая команда находилась в дальнем конце главного южного штрека – почти на двести метров дальше от лестницы, чем Шарифи.

Она зашла в базу данных госпиталя в Шэнтитауне и обна-

ружила, что двое спасенных электриков – наполовину генетические конструкции. Остальные были людьми. И они все добрались до нижнего горизонта шахты без посторонней помощи. Единственными погибшими на «Тринидаде» оказались Войт и Шарифи.

Шарифи была генетической конструкцией, а Войт, какие бы гены у него ни были, имел такое же внутреннее оборудование, как Ли. Оба могли выдерживать загазованность и нехватку кислорода гораздо дольше генетически немодифицированных людей.

Так почему же они умерли, когда другие выжили?

Ли просмотрела заключение о смерти Шарифи, ругая себя, что пропустила информацию, находившуюся прямо под носом, в середине текста, но замаскированную описанием подробностей. Шарп поместил ее туда, где каждый мог ее обнаружить.

Если было желание найти.

Сбоку на голове Шарифи, прямо под виском, среди других кровоподтеков и ран Шарп обнаружил небольшие продолговатых следы от ожога на расстоянии два сантиметра друг от друга. Ли наклонилась в узком проходе между койкой и шкафом, вытащила свою «гадюку» из форменной кобуры и выдвинула похожие на клыки аноды – продолговатые, клиновидные и достаточно острые, чтобы пробить кожу. Расстояние между ними было ровно два сантиметра.

Возможно, сам Войт приставил «гадюку» к голове Шари-

фи и спустил курок при касании. Ли приходилось видеть, как подобным образом убивали людей. Выстрел в голову в упор обычно вызывал паралич дыхания. В результате – смерть от удушья, оставлявшая отметки, которые мог обнаружить только очень внимательный патологоанатом, тщательно осматривающий труп.

Шарифи была убита.

Она подсоединилась к планетной сети и набрала госпиталь в Шэнтитауне.

– Как, вы уже нашли? – спросил ее Шарп, когда она соединилась с ним.

– А что вы думали. Я ведь прочла свидетельства о смерти. Он смущенно прищурился.

– Вы звоните не по поводу невропродукта?

– Нет. А что с ним?

– Хаас забрал его. Или, правильнее сказать, он послал за ним свою девушку – конструкцию из Синдиката.

– Что? Он не должен был даже знать о нем.

Шарп откинулся на спинку стула и поднял брови.

– Я надеялся, майор, что вы расскажете мне, почему так случилось.

СТАНЦИЯ АМК: 19.10.48

Определить место преступления оказалось так же невоз-

можно, как выгнать тараканов с космической станции.

Надшахтные здания «Анаконды» образовывали подобие верхушки айсберга, который под землей состоял из катакомб, штреков, штолен и вентиляционных каналов, постоянно менявших свое направление. Карты АМК не соответствовали реальной картине, независимо от скорости, с которой маркшейдеры обновляли их. А сотни километров выкопанных убежищ, выходов в горах и туннелей вольноопределяющихся шахтеров еще даже и не начинали учитывать. Этот расплзшийся беспорядочный муравейник смена за сменой заполняли прибывающие пятью рейсами со станции бесчисленные специалисты и маркшейдерские команды, а также постоянно приезжающие наземным транспортом, сновавшим из Шэнтитауна и обратно. Никто не контролировал допуск и в действительности не знал, кто находился в шахте во время смены. Регистрационные журналы были удобной фикцией, как и правила поведения в шахте, инструкции по технике безопасности, взятые напрокат лампы Дэви и кислородные баллоны. Контроль «Анаконды» со стороны АМК был иллюзорным даже при финансовых и юридических последствиях, подобно контролю генерала над мародерствующей армией.

«Если мы не смогли поймать их на входе, – в конце концов решила Ли, – мы застукаем их на выходе».

Эвакуация длилась в течение пяти смен. В ней участвовали все челноки, имевшиеся на станции, и все хопперы, кото-

рые можно было выпросить, взять в долг или отнять в четырех или пяти населенных пунктах Мира Компсона, находившихся в радиусе полета с «Анаконды». Потери были большие. Эвакуационные команды начали оказание первой медицинской помощи в течение сорока минут после первого сигнала тревоги, и они заносили сведения о каждом эвакуированном с помощью ручных мониторов, соединенных с сетью станции, чтобы составить список погибших, раненых и пропавших без вести.

Когда Маккуин сверил списки лиц, получивших медицинскую помощь, со списками пассажиров челноков и журналами записи поступающих больных в госпитале в Шэнтитауне, то у них оказалась полная картина на момент начала пожара на шахте.

Список тех, кто спустился под землю не по своим должностным обязанностям, был на удивление короток: Ян Войт, Ханна Шарифи и Карл Кинц. В этом не было никакого сюрприза.

Но четвертое имя в списке Ли не узнала.

– Кто эта Белла? – спросила она. – И почему она названа не полным именем.

– Белла – это ведьма. И это ее полное имя, насколько всем известно. – Маккуин сладострастно усмехнулся. – Я могу пойти поговорить с ней за вас. Я готов добровольно взвалить на себя эту тяжелую обязанность.

– Очень смешно, Брайан.

– Просто пошутил, – сказал он, неожиданно сделавшись серьезным. – Хотя каждого, кто хочет работать и жить на этой станции, посчитали бы сумасшедшим за это намерение.

Ли хотела спросить Маккуина, что он имел в виду, но передумала, решив не отвлекаться на разговоры о том, с кем спит Хаас.

– А что Кинц? – спросила она вместо этого.

За время пребывания Ли на станции Кинц редко попадался ей на глаза. А то немногое, что она успела заметить, заставило ее сделать два вывода. Во-первых, Войт относился к нему по-особому. Во-вторых, Кинц ожидал, что такое отношение к нему не изменится.

При других обстоятельствах она или заставила бы его подчиниться, или поспешила бы от него отделаться. Но если все пойдет по плану, то она не задержится на Компсоне, чтобы тратить время на дрессировку Кинца.

– Ну, а чем Кинц занимался там, внизу? – повторила она. – И что за делишки были у него с Войтом?

Маккуина будто на гвоздь посадили.

– Я не прошу тебя выносить сор из избы, Маккуин. Мне просто нужно знать, на чем я могу его поймать.

– Я понимаю, – с неохотой ответил Маккуин. – Но я рискую работой, если стану раздражать тех, кого не нужно.

Ли посмотрела на него, прищурив глаза.

– Значит, Кинц не просто жульничал с Войтом. Кинц – это человек Хааса в конторе. Это так? Или и Войт был таким же?

Достаточно было взглянуть на выражение лица Маккуина, чтобы понять: она попала в точку.

– Так что еще, кроме снабжения информацией, делали Войт и Кинц для Хааса? – спросила она.

И снова молчание.

Ли откинулась на спинку стула и закурила.

– Боже, Брайан. Скажи, если хочешь. Если не хочешь, не говори. Ты и я – взрослые мальчик и девочка. Я не собираюсь тратить свое время, чтобы вытягивать из тебя это.

– Я ничего не знаю, – ответил Маккуин. – Честно. Я просто повторю слухи. Но... Войт разбирался в практической стороне вопроса. Всегда сплетничают о том, что служба безопасности шахты берет взятки. Шансов, видит Бог, полно. Но Войт... слухи о нем были уж слишком упорными. Если бы вы хоть немного знали Войта, то не удивлялись бы этому.

– И ты думаешь, что Кинц мог перейти Войту дорогу?

– Я так не говорю. Но это вполне возможно.

Ли положила список и встала.

– Тогда пойдем и поговорим с ним. Пока птичка Хааса не насвистала ему в ухо.

Найти Кинца оказалось не просто. В конце концов они столкнулись с ним в одном из стриптиз-баров на пятом уровне. Его собутыльниками были наемные охранники компании, похожие на вышибал из бара. Все были настолько пьяны, что им трудно было двигаться с тяжелой амуницией.

– Хочу поговорить с тобой, – обратилась Ли к Кинцу. Он посмотрел на нее, не отрывая руки от стакана с выпивкой.

– Я буду на службе завтра в восемь. Не поздно?

– Боже, Кинц, – взорвался Маккуин. – Мы ищем тебя с трех часов дня!

– А откуда я об этом должен знать, Брайан? Кинц произнес имя Маккуина так, словно в нем заключался смысл какого-то сального анекдота.

– Ты мог хотя бы ответить по переговорному устройству.

Кинц развалился в кресле, улыбнулся и протяжно сказал:

– Ах да, мы – в любимчиках. Ну, так маши хвостом сильнее – возьмут на ручки.

– Ну, хватит, – сказала Ли. – Я не в детском саду и не собираюсь вас разнимать. А что, если мы с Карлом пройдем за угол и попьем кофейку?

Кинц не очень и сопротивлялся. Ли удалось вытащить его из бара и провести по улице, поддерживая его за локоть.

– Что вы от меня хотите? – спросил он, когда они сели за столик и им принесли две чашки горячего кофе. – Я сейчас не на службе, если вы не заметили. И мне вовсе не нравится, когда меня таскают за ручку, как ребенка.

Ли улыбнулась и закурила сигарету.

– Я не помню, чтобы спрашивала о том, нравится тебе что-то или нет, – сказала она ласковым голосом. – На самом деле я точно знаю, что мне на это наплевать. Мне следовало уволить тебя в тот же день, когда я прибыла сюда. Но я слишком

ленива, ведь если бы я вышвырнула тебя, то мне пришлось бы тратить время, чтобы определить, кто станет новым стукачом Хааса в конторе.

– Что вы имеете в виду?

– Что ты делал на шахте в день пожара?

– Работал.

Он старался выглядеть спокойным, но моментальное напряжение вокруг глаз выдавало его.

– Где?

– Работал на эту тупую сучку, Шарифи.

– Вы точно ладили. Одно удовольствие, должно быть.

– Вы бы не смеялись так, если бы столкнулись с ее дурью.

Я знал ее еще раньше. Не то чтобы она помнила. Она вела физику у нас в колледже.

Ли задумалась, не зная, чему удивляться больше: тому, что Кинц учился там, где могла преподавать Шарифи, или тому, что он вообще учился.

– Она была хорошим преподавателем? – спросила Ли наконец.

– Черта с два! Вы знаете, как она ставила оценки? На экзамене она давала всего один вопрос, а ответ пиши часа три. Когда я получил однажды свою работу назад, она там написала: «К сожалению, вы не учли массу Вселенной.

Двойка с минусом». Будто весь этот мой экзамен был для нее чем-то вроде дурацкой шутки. Вы не учли массу Вселенной? Я до сих пор не въехал, что бы это значило.

– Мне кажется, это значило, что у нее было чувство юмора, а у тебя – нет, – сказала Ли. – Ну, так что же твоя любимая учительница заставляла тебя делать в шахте?

Кинц угрюмо пожал плечами.

– По большей части просто находиться рядом. Для безопасности, я думаю. Хотя черт его знает.

Ли вынула сигарету изо рта и молча смотрела на него.

– Ты знал, что Шарифи убита? – спросила она.

– Слышал что-то.

– А известно ли тебе, что ты был последним, кто видел Шарифи живой? Кроме Войта. Хотя и его кто-то убил.

– Ну и что?

– На твоём месте я задумалась бы, как прогнуться перед следователем; чтобы тебя не подозревали.

– Эй, полегче! Я, черт возьми, хочу напомнить, что я на вас работаю, если вы забыли. Почему бы вам не заняться отловом лиц, обычно подозреваемых в таких случаях?

– К сожалению, их не было в шахте. А ты был. И я хочу знать, что Хаас заставил тебя там делать.

Кинц уставился на нее. Затем откинулся на спинку стула так, что стул встал на две ножки, и расхохотался. Ли стиснула зубы.

– Да вы просто ничего не знаете, – сказал он. – Вас подставили, подвесили за веревочку. Так и улететь недолго. Не ясно, что ли?

Ли молниеносно выкинула вперед свою левую руку. Бы-

ло чертовски больно, но произведенный эффект стоил этого. Для постороннего наблюдателя могло показаться, что чашка с кофе упала со стола прямо на колени Кинца. Прежде чем Кинц понял, что произошло, Ли вскочила на ноги и, обойдя стол, оказалась прямо рядом с чашкой.

– Господи! – сказала она, промокая ему брюки спереди салфеткой. – Ты облился. Не горячо?

Кинц встал и отошел от стола на шаг или два, не мешая Ли вытирать его салфеткой. Казалось, что он все еще старается подхватить падающую чашку. Он стоял спиной к стене, Ли своим телом закрывала его от других столиков. Ли улыбнулась, схватила его между ног и подняла.

– Говорила я тебе, что ты меня всерьез раздражаешь? – спросила она.

Лицо Кинца исказилось, но он не сводил с нее глаз. Когда из-за боли кровь отхлынула у него от шеи и лица, Ли увидела плотную сеть сталекерамических волокон, пронизывавших всю его плоть.

Она чуть не уронила его от удивления.

Ну, по крайней мере, это объясняло, в каком заведении он учился у Шарифи. Неясно было только одно: почему командование Космической пехоты позволило этому мерзавцу поступить в офицерскую школу на Альбе. И каким образом бывший миротворец оказался мальчиком на посылках у Хааса? Либо Кинц работал на управление внутренней безопасности (что невероятно), либо он настолько провинился,

что командование Космической пехоты решило не рисковать и не подвергать огласке его увольнение с лишением прав и привилегий.

Это еще один повод, чтобы внимательно следить за ним. Хотя разве ей нужен был дополнительный повод?

– Вы ничем не лучше меня, – сказал Кинц с болью и ненавистью в голосе. – Я был на Гилеаде. Я знаю, что вы за героиня такая. Я знаю вас.

Ли отпустила его и отпрянула так, словно он укусил ее.

– Да-да, – сказал Кинц. – Я был там. И когда стирание памяти не получилось, они вышвырнули меня. За те же самые дела, которыми занимались и вы. Даже за гораздо меньшие. Что вы об этом думаете, майор? Только тогда вы ведь были не майором, не так ли? Это звание было вам наградой за грязную работу. Или вам не нравится говорить об этом?

Он рассмеялся. Ли пожала плечами. Ей потребовалась вся воля, чтобы держать себя в руках.

– Послушай, – сказала она. – Мне наплевать на то, что ты там помнишь, и на вранье, которым ты себя утешаешь. Мы можем либо постоять здесь и еще полаяться, либо ты расскажешь мне все, и я уйду. Ты что выбираешь, Кинц? И раз мы затронули Гилеад, почему бы тебе не вспомнить, что случилось с теми, кто стоял у меня на пути, прежде чем ты решишься воевать со мной.

Кинц пристально смотрел на нее. Его трясло от злобы, и ей было видно, как на его верхней губе выступил пот.

– Поговорите с ведьмой, – наконец сказал он. – Шарифи верила только ей. Черт, может быть, это она и убила Шарифи. – Он рассмеялся, стараясь вернуть себе самообладание. – Ты всегда делаешь больно тем, кого любишь. Кажется, так поется в песне?

– Не знаю, – ответила Ли. – Но мы еще увидимся.

– А куда деваться?

Ли нашла ведьму в офисе Хааса, за работой.

Хаас сидел за большим столом, глубоко погружившись в кресло, и смотрел в потокопространство. Он не спеша вышел оттуда, жестом пригласил Ли сесть и снова уплыл.

Ли сидела и смотрела. Она заметила провод, проходящий от висков Хааса через простое на вид устройство к контакту в голове ведьмы. Ли поняла, что ведьма была его интерфейсом, но подключиться к потокопространству он мог только через эти неуклюжие внешние провода. Преобразователь принимал исходящие от генетической конструкции сигналы и передавал их в трансформированном виде в нервную систему. Ли подумала о петлевом шунтировании и вздрогнула.

– Хорошо, – сказал Хаас в пустое пространство перед собой.

Ведьма встала, вынула штекер из-за уха, прикрыв контакт волосами.

– Хотите что-нибудь, – обратился Хаас к Ли. – Кофе? Пиво?

Он взглянул на часы.

– Кофе – это хорошо, – ответила Ли.

– Два кофе, – сказал Хаас.

Ведьма кивнула и направилась к двери. Ли откашлялась.

– Лучше закажите на троих. Я хочу поговорить с Беллой.

Хаас пристально посмотрел на Ли, но ничего не сказал.

Белла вышла и вернулась с подносом, накрытым салфеткой, из-под которой она достала три чашки костяного фарфора, сливки, сахар и кофейник, наполненный до краев эрзац-кофе. Она наклонилась над столом, налила кофе в чашку Ли, предложила сливки и сахар, после чего налила кофе, сливки и положила сахар в чашку Хааса.

Когда Ли забирала свою чашку, она обратила внимание на покрасневшую воспаленную царапину за левым ухом ведьмы рядом с контактом. Вид этой красноты на бледном шелке кожи заставил Ли остро почувствовать, что перед ней женщина, теплая и живая под своим свободным платьем. Она еще раз прокашлялась и оглянулась, но успела заметить легкую насмешливую улыбку на лице женщины.

– Итак, майор, – спросил Хаас. – Что вы хотите узнать?

Ли достала сигарету и вопросительно посмотрела на Хааса.

– Не возражаете?

– Пожалуйста, как вам будет угодно.

– Хотите сигарету?

– Никогда до них даже не дотрагивался.

– Хорошо вам. – Она прикурила и сделала первую затяжку, такую восхитительно приятную после кофе. – Долше проживете. Мне просто нужно расспросить Беллу о пожаре. Я собираюсь поговорить со всеми, кто был внизу, когда это случилось.

– Понимаю.

– Это не займет даже минуты.

Ли замолчала, надеясь, что Хаас не станет дожидаться, когда она попросит его выйти.

– Никаких проблем, – сказал он после короткой паузы. – Я вернусь через двадцать минут.

Ли показалось, что, прежде чем выйти, он бросил острый взгляд на ведьму, и она подумала, что становится слишком подозрительной.

Дверь за ним закрылась с легким шорохом, и они с Беллой молча посмотрели друг на друга. У Ли было странное ощущение того, что с плеч Беллы как будто свалилась тяжесть. Как будто одно только присутствие Хааса заставляло ее молчать. Она вспомнила напряженность в самый первый вечер, которая ощущалась даже биодетекторами кожи, и ей стало интересно, на чем держится власть Хааса над Беллой.

Белла глубоко вздохнула.

– Я не... Я хочу сказать... – вымолвила она и замолчала, словно натолкнулась на стену.

– Так что вы «не»? – спросила Ли. Но Белла только покачала головой.

Ли вернулась на свое место, села и докурила сигарету молча. Она пыталась поймать рыбку в мутной воде, позволив Белле сделать первый шаг. Белла знала гораздо больше Ли о событиях в шахте в тот день. И Ли подумала, что каждый мужчина, женщина или ребенок на этой станции знает больше нее.

– Гражданка... – сказала Белла.

– Здесь так не обращаются, – ответила Ли. – Люди здесь – граждане с рождения.

– Но не конструкции.

– Не конструкции, – согласилась Ли.

– И не Шарифи.

– Нет, – подтвердила Ли. – Не Шарифи.

Коэн был прав, как всегда: некоторые из свиней более равны, нежели другие.

Она посмотрела на лицо Беллы, наполовину закрытое тенью, и поймала себя на том, что искала в нем знакомые черты геномов компании «КсеноГен». Не слишком ли плавная эта линия лба, не слишком ли она закруглена, чтобы считаться полностью соответствующей образцу кавказской расы? И является ли эта поразительная комбинация бледной кожи и неуловимых китайских черт чистым совпадением или застенчивым эхом не столь далекой истории? Ей стало интересно, кого Шарифи напоминала Белле и кого напоминает ей она сама.

Идеальные передние зубы закусили совершенную по фор-

ме нижнюю губу. Совершенные по форме кисти сплетались пальцами, как два любовника.

– Кто убил ее? – прошептала Белла.

– Кто сказал вам, что Шарифи убили?

– Разве это важно? Ведь каждый знает... Прекрасные глаза странного неестественного темно-лилового цвета сверлили Ли.

– А что еще знает каждый?

– Я... я не со многими говорю. Только с Хаасом. Голос Беллы был на удивление низким, она говорила с акцентом, иногда запинаясь в поисках подходящего слова. Когда она произносила имя Хааса, ее голос зазвучал еще ниже.

– Я не знаю, кто убил ее, – сказала Ли. – Именно для этого я – здесь. Чтобы найти ответы.

Белла наклонилась вперед, и Ли услышала, как ненадолго прервалось ее дыхание.

– А когда вы найдете их? Что тогда?

Ли пожала плечами.

– Плохих парней накажут.

– Независимо от того, кто они?

– Независимо от того, кто они.

После этого уже не о чем было разговаривать. Белла сидела словно каменная. Казалось, она готова сидеть так вечно. И уж совершенно точно до прихода Хааса.

– У вас есть фамилия? – спросила Ли просто для того, чтобы сказать что-нибудь.

– Просто Белла, – ответила ведьма.

Она произнесла свое имя, как название на этикетке, ничего не имеющее общего с ней.

– У вас контракт с АМК, правда?

Рот Беллы стал напряженным.

– С Синдикатом Мотаи. АМК – вторичный держатель контракта.

– Извините, – сказала Ли. – Я ничего не знаю о... как все это организовано. Возможно, я сказала что-то очень глупое.

Она подняла глаза и обнаружила, что Белла пристально смотрит на нее.

– Что? – спросила она.

Белла прижала руку к жилке, пульсировавшей у основания ее шеи, жестом, который Ли узнала сразу же по вызвавшему смутное беспокойство проявлению дежа вю. Это был прием проверки работы биосистемы, которым пользовались солдаты Синдикатов.

– . Ничего, – ответила Белла, уронив руку себе на колени. – Вы просто... напомнили мне кое-кого.

– Кого? – спросила Ли, хотя прекрасно знала ответ.

Белла улыбнулась.

– Вы хорошо знали Шарифи? Она рассказывала вам о своей работе?

– Не очень. – Белла нервно потерла покраснение за ухом, быстро убрав руку, как ребенок, сковырнувший болячку. – Извините, – сказала она. – Но я действительно ничего не

знаю.

– Я уверена, что вы знаете больше, чем вам кажется. Просто нужно все вспомнить и сопоставить. Расскажите, что вы помните о пожаре. Может быть, мне удастся что-нибудь связать.

– Не могу вам сказать. Я не помню.

– Просто начните сначала и рассказывайте все, о чем помните.

– Но я все вам рассказала. Больше нечего рассказывать. Я ничего не помню.

И она принялась плакать.

Она плакала, не издавая звуков, слезы катились по щекам, как капли дождя по вырезанному из камня лицу статуи. Ли поставила локти на колени и смотрела, чувствуя себя неловко и неудобно. Она никогда не видела, чтобы взрослая женщина так плакала. Казалось, что внутри нее что-то раскрылось, освободив ее от странного чувства стыда, заставляющего плачущих закрывать свои лица. Или, может быть, у нее никогда и не было этого чувства?

Ли прокашлялась.

– А что было до того, как вы спустились на планету? Или во время спуска? Вы, наверное, спускались на челноке? Может быть, говорили о чем-то по пути? О чем?

– Нет, – ответила Белла. – Я уже сказала. Ничего не помню.

Она встала так неожиданно, даже не закончив фразу, что

столкнула чашку с кофе со стола.

Ли поймала ее, не раздумывая. Рука оказалась под ней как раз вовремя. Ложка упала на пол. Блюдце приземлилось на ладонь. Чашка немного подребезжала и замерла в вертикальном положении. Ни капли не пролилось. Ли поставила чашку на стол и наклонилась, чтобы поднять ложку.

Когда она подняла глаза, Белла в упор смотрела на нее, открыв рот от удивления.

– Как вы ее поймали? – прошептала она.

Ли вытянула руку и показала сеть волокон под кожей.

Белла смотрела так, словно никогда не видела внутреннего оборудования. На ее лице появилось выражение удивления, смешанного с отвращением, какое бывает у тех, кто смотрит на цирковых уродцев.

– Что... как это засунули в вас?

– Вирусная хирургия.

– Как у Войта, – сказала она и вздрогнула всем своим стройным телом, произнося имя погибшего, – В Синдикатах вы были бы монстром.

– Хорошо, что мы не в Синдикатах.

Белла подняла руку и дотронулась до контакта в голове.

– Даже это... отклонение от нормы.

– Да, если хочешь работать на планетах ООН, нужно иметь доступ в спин-поток. Иначе – никакого бизнеса. Так нам легче общаться между собой.

– Общаться...

Было ясно, что она никогда не думала о значении этого слова, находясь внутри потока.

– В яслях нас было две тысячи. Я никогда не смотрелась в зеркало, поскольку такое же лицо было у всех в группе. Я никогда не задумывалась над тем, кем я была, поскольку, чтобы понять это, мне стоило всего лишь оглянуться вокруг. Я никогда не думала об одиночестве, поскольку знала, что оно невозможно. А теперь я здесь. Я ничего и никого не понимаю. Я наблюдаю, как они разговаривают со мной, говорят вокруг меня. Я – отклонение от нормы. И нет никакого выхода.

– Выход есть всегда, – сказала Ли.

– Не для меня. Даже в палате эвтаназии. Я думала, что у меня... все нормально. До того, как повстречалась с Ханной. Но когда я встречаю кого-нибудь, подобного ей, подобного вам... – Она вытерла лицо, смахнув густые черные волосы со лба. – Мне трудно удержаться, чтобы не поговорить с вами, чтобы хоть на минуту не чувствовать себя одинокой. А тут вы показываете мне... это. И я не знаю, что думать.

– Шарифи была воспитана людьми, – сказала Ли. – Как и я.

Впервые за пятнадцать лет она почти призналась в том, что не была рождена естественным путем.

– А есть ли в этом большая разница?

– Думаю, есть.

Белла вытерла глаза и снова заговорила.

– Я помню день перед пожаром. Я работала с Ха... с Шарифи. Мы договаривались о том, чтобы спуститься на следующий день, но конкретно ничего не решили. Ничего определенного. А следующее, что я помню, – это пробуждение в шахте после пожара.

Ее рука снова потянулась к шее, и Ли заметила, как вена, словно птичка в силках, пульсировала под ее пальцами.

– Было темно. Я... они исчезли.

– То есть как это они исчезли? С вами был кто-то еще до этого?

– Нет. Может быть, – произнесла она смущенно. – Я не знаю.

– Где вы были, когда очнулись?

– В сияющей воронке. Я это не сразу поняла. Свет потух, а у меня не было лампы. Я... стала ползать вокруг. Искала приставную лестницу. Тут я и наткнулась на Войта.

– На Войта? – удивленно спросила Ли. – А вы уверены, что это был Войт?

Войт должен был находиться на уровень выше, у основания лестницы, ведущей в «Уилкс-Барре».

– Я дотронулась до его усов, – ответила Белла.

Ли снова заметила, как она вздрогнула от... чего? От страха? Отвращения?

– Хотя я так и не нашла свет. И... там было еще одно тело.

– У ступенек лестницы. – Это должна была быть Шарифи.

– Нет. У приставной лестницы. Рядом с Войтом. В сияю-

щей воронке. – Белла закрыла рот ладонью. – Так это была Ханна, да?

Ли кивнула. Это должна была быть Шарифи. Больше мертвых под землей не нашли. Но если считать, что Белла говорила правду, то кто-то перетащил и Войта, и Шарифи на уровень выше и оставил их у основания главной лестницы, которая вела в «Тринидад», чтобы спасатели могли их обнаружить. Почему? И кто это сделал?

– Я на нее наступила. И даже не остановилась.

Казалось, что Белле сейчас станет дурно.

– К этому времени она уже давно была мертва, – солгала Ли. – Вы уже ничем не могли ей помочь.

Белла хотела что-то сказать и уже открыла рот, когда у дверей офиса раздался голос Хааса.

– Мне нужно идти, – сказала Ли.

– Нет! Подождите.

Ли уже встала, чтобы уйти, но остановилась и наклонилась к ней, заглянув в ее невероятные глаза, стараясь найти разгадку в совершенном овале ее лица, какой-нибудь намек, хоть что-нибудь.

– Они останутся безнаказанными? – шепотом спросила Белла. – Они убили ее. И их никто не накажет.

Ли была сейчас так близко к ней, что чувствовала ее запах. Так близко, что могла разглядеть скорбные складки у прекрасного рта и царапины на бледных щеках. Белла была похожа на боксера, получившего нокаут и ожидавшего паде-

ния. А в темно-лиловой глубине ее глаз Ли увидела черную пустоту, похожую на ту, что она видела в забое.

Только сейчас у этой пустоты было имя.

Ненависть. Ненависть, которая зрела, росла, набирала силы, пока не прорвалась наружу и не поглотила все пространство.

ШЭНТИТАУН: 19.10.48

Солнце Мира Компсона освещало Шэнтитаун мутным бутылочно-зеленым светом, равнодушно игравшим на беспорядочно раскиданных повсюду, покрытых плесенью крышах. Плохо откалиброванные атмосферные процессоры производили грязную изморось, делавшую весь Шэнтитаун похожим на подводный город, а слякоть, которая впитывалась в обувь Ли, отдавала нечистотами.

Она шла следом за Маккуином мимо ломбардов, тату-салонов, витрин с рекламой агентств, бравших на поруки и дававших займы под залог зарплаты. Здесь они были уже вне «решетки», поэтому вывески светились неоновыми и галогенными лампами, а не спин-вещанием: «ШАХТА», «ЗАЛОГ ПОД ЗАРПЛАТУ», «ОТДЫХ ШАХТЕРА», «ДЕВОЧКИДЕВОЧКИДЕВОЧКИ».

Шла первая смена. Об этом говорили тишина в барах и отсутствие здоровых мужчин на улицах. Когда они свернули с главной торговой улицы и пошли по примыкавшим к ней

улочкам, то стали привлекать к себе повышенное внимание. Стайка бледных оборванных ребятишек прекратила бросать мяч и уставилась на них. Женщина, возвращавшаяся домой после сбора мелкого угля из отвалов, обернулась и наблюдала, пока они проходили мимо. Ли обернулась и увидела, как тело женщины согнулось под тяжелой ношей. Маккуин пробирался через ничем не обозначенные перекрестки так, словно шел по карте. Каждый поворот уводил их все дальше и дальше от дневного света в темноту самой бедной части Шэнтитауна.

Жилые модульные блоки уступали место гниющим крышам убогих жилищ эпохи первопоселенцев, крытым черепицей из вирустали и керамики. По пути они миновали все еще работавший переходный шлюз, лампочки контрольной панели которого мелькали, показывая рабочее состояние этой давно уже бесполезной системы жизнеобеспечения. Попадавшиеся теперь все чаще и чаще остатки первоначальной колонии представляли собой просто старый хлам, составлявший вместе со строительным мусором нижний слой осадочной породы.

Только Ли подумала, далеко ли еще Маккуин собирается вести ее, он нырнул в проход между двумя витринами, спустился на три ступеньки вниз и повел ее по проходу настолько узкому, что, казалось, мокрые стены почти сходились над их головами.

Двери с обеих сторон прохода, открывавшиеся внутрь,

были закрыты. Редкие окна либо заколочены, либо закрыты пластиковыми ставнями. Из домов, словно дым, струился вонючий чад от вегетеина, впитываясь в твердое покрытие мостовой. Все это пробуждало в Ли глубокие смутные воспоминания двадцатилетней давности, воспоминания детства. Запах пота. Неисправная канализация. Пустые бутылки из-под пива, оставшиеся после вечерней попойки. Нищета.

Маккуин шел быстро, наблюдая за тенями подобно человеку, который опасается нападения грабителей, замышляющих отобрать имплантат, вживленный в ладонь. Он опирался рукой на стену справа, считая двери, как шахтер считает повороты штрека. У восьмой двери он остановился и попробовал замок.

Он открылся. Маккуин нырнул внутрь, не останавливаясь на пороге. Ли последовала за ним.

Они быстро прошли по темному коридору в направлении слабого пятна дневного света. Коридор привел их во внутренний дворик с грубым скошенным полом. С одной стороны дворика было темно и тихо, лестницы поднимались к затемненным квартирам. С другой стороны шумело, разбрасывая искры, оборудование сварочной мастерской. Они поднялись в мастерскую на единственную ступеньку как раз в тот момент, когда ее хозяин закончил вырезать что-то из металлического листа и разогнулся, поднимая вверх защитные очки.

Маккуин подошел к нему и достал из кармана согнутую

дверную петлю.

– Моя мать просила занести вам это, – сказал он, и его голос эхом отозвался от высокого потолка мастерской. – Вы сможете починить?

– Когда ей это нужно?

– Она сказала – к Страстной пятнице.

Вместо ответа сварщик положил свою горелку и отошел к входу в мастерскую. На глазах у Ли и Маккуина он повесил вывеску «Закрыто» и опустил тяжелые штормовые ставни вниз, погрузив всех в темноту.

– Садитесь, – сказал он, щелкнув выключателем, и в мастерской загорелась единственная неяркая лампочка.

Маккуин сел. Ли осталась стоять.

– Итак, – сказал сварщик. – Это – она.

– Да, – ответил Маккуин.

– Тогда приступим к делу, – сказал сварщик.

Ли вытянула свою левую руку, закатав рукав до локтя. Он затянул руку манжетой, достал иглу из кармана передника и взял у нее больше крови, чем, по ее мнению, было необходимо даже для самого некомпетентного доктора.

– Им нужен еще и зуб, – сказал он.

– О Господи, – пробормотала Ли.

– Вы не говорили об этом раньше, – сказал Маккуин.

– Ну, так я говорю об этом сейчас. Кровь можно подделывать. Зубы же расскажут всю историю.

Он обратился к Ли:

– Вы хотите поговорить с этим человеком или нет?

Ли пожала плечами и открыла рот.

Следующие полчаса она провела, сидя у верстака и трогая языком окровавленную дыру на месте нижнего правого коренного зуба. Маккуин нетерпеливо ходил взад-вперед по мастерской. Было больно, но совсем не так, как она думала. Будь боль чуть сильнее, ее внутренняя система выбросила бы столько эндорфина, что она чувствовала бы себя вполне комфортно. А эту боль система проигнорировала, и Ли должна была справляться с ней сама.

Наконец сварщик вернулся, ведя за собой еще одного человека, который жестом показал им следовать за ним назад во дворик с наклонным полом и далее к лестнице.

– Сюда? – спросила Ли.

Но он отворил узкую дверь, прятавшуюся между лестничными пролетами, нырнул в коридор и провел их по проходу, уже и темнее того, по которому она и Маккуин добирались сюда. Пять поворотов направо, два поворота налево и три внутренних дворика они прошли, пока он не свернул в более широкий проход, закрытый сверху грязными от дождевых разводов оранжерейными стеклами. Пол в проходе был ровным, но стены закручивались, как раковина улитки, будто следуя конструктивной логике, понять которую Ли не смогла.

Пройдя несколько десятков метров по спиральному проходу, их провожатый остановился у не приметной двери, по-

стучал в нее и вошел внутрь.

В комнате, где они оказались, пахло старыми газетами и вареной капустой. Мелкий уголь, которым топился очаг, наполнял ее жирным дымом. За покрытым потрескавшимся пластиком столом сидела женщина с ребенком на коленях и читала ему что-то ровным тихим голосом. Оба, мать и ребенок, одновременно подняли глаза и снова опустили их в книгу, не проявив ни малейшего интереса к пришедшим.

– Где он? – спросил провожатый.

Женщина махнула подбородком в сторону внутренней комнаты. Проходя мимо стола, Ли заметила, что у ребенка была уродливая верхняя губа, а ноги у него парализованы.

Маккуин направился к двери, но провожатый преградил ему дорогу. Он напряженно посмотрел на нее, потом пожал плечами, отошел к столу и сел. Ли вышла одна, услышав, как дверь захлопнулась за ней.

Она оказалась почти в полной темноте, если не считать единственного пыльного солнечного луча, пробивавшегося сквозь щель в штормовых ставнях. Оглядевшись вокруг, Ли поняла, почему так странно закручивался проход, по которому они шли. Дом был построен на внешней стороне одного из блоков жизнеобеспечения. Три его новые стены были сложены из кирпича местного производства, а старая стена представляла собой изогнутую блестящую конструкцию из керамического материала. Переходный шлюз торчал в центре старой стены, его панель управления была разворочена, а

провода в ней давным-давно замкнуты. Панели диафрагмы в двери из вирустали не закрывались, и кто-то завесил открытую часть одеялом, закрыв от Ли геодезический купол, который должен был находиться за дверью. Перед сломанным переходным шлюзом стоял круглый стол, заваленный кубиками-блоками с видеоинформацией и блокнотами. За столом сидел жилистый изможденный человек. Это был Дааль, штейгер смены, которого Ли встретила при первом посещении шахты.

– Ну, – сказал он, глядя прямо в глаза Ли. – Вы становитесь все любопытнее и любопытнее.

– И вы тоже. – Ли села на табурет напротив Даалья и посмотрела на бумаги и микрофиши, лежавшие на столе. Она увидела там правила техники безопасности на шахте, заголовки статей Комиссии по безопасности горных работ ООН, протоколы Генеральной Ассамблеи, судебные бумаги.

– Вы – что-то вроде шахтерского адвоката, Дааль?

– Можно и так назвать. Хотите пива?

– Спасибо. – Она достала свои сигареты. – Можно? Дааль попросил кого-то в передней комнате принести пиво, затем взял предложенную ему сигарету. Когда она наклонилась над столом, чтобы дать ему прикурить, он взял ее запястье и стал разглядывать слабые линии проводов.

– Говорят, что ты – героиня, Кэти. Неплохо для шахтерской девочки. Скажи, действительно ли игра стоила свеч?

Она пожала плечами.

– Я не помню.

Они молча курили. Кто-то открыл дверь, поставил три бутылки пива на стол, обошел стол и сел рядом с Даалем. Когда он сел, настольная лампа полностью осветила его лицо, и Ли узнала в нем молодого представителя рабочих из спинновостей, выступление которого так разозлило Хааса.

– Что это? – спросила она. – Допрос комитета?

– Это Лео Рамирес, представитель ИРМ⁹ в городе. Он просто собирается присутствовать во время нашего разговора. Если вы не возражаете, то пусть так и будет.

– Конечно, что мне беспокоиться? Пригласите троцкистов. Развесьте портреты Антонио, черт возьми, Грамши.

Рамирес улыбнулся, темные глаза сверкали на его симпатичном лице.

– Я и не знал, что вам разрешено знать, кем был Грамши.

– «Вам»? – шепотом пробормотала Ли и закатила глаза.

Дааль просто улыбнулся и продолжал курить.

Выкурив ровно половину сигареты, он вынул носовой платок из кармана рубашки, затушил окурок, аккуратно завернул его в платок и положил платок назад в карман.

Эта процедура заняла у Дааля почти четверть минуты, и когда наконец он заговорил, то голос его зазвучал так спокойно, словно они обсуждали погоду.

⁹ ИРМ – «Индустриальные рабочие мира» (IWW). Радикальная рабочая организация, созданная с целью объединения пролетариата в единый всемирный профсоюз.

– Почему вы заставили Хааса осушить сияющую воронку?
Ли пожала плечами.

– Я думала, что он что-то скрывает о пожаре. Я хотела добраться до ее дна раньше, чем он отправил бы туда других.

– Это так альтруистично с вашей стороны, – сказал Рамирес.

– Да, конечно. Я – настоящая героиня.

– Зачем на самом деле вы были посланы Секретариатом? – спросил Дааль.

Ли отхлебнула пива, задумалась, затем поморщилась от боли, когда жидкость коснулась обнаженного нерва на месте удаленного зуба.

– На замену Войту и для расследования случившегося. Если и была другая причина, то меня в нее не посвятили. Вообще мне показалось, что мы здесь для того, чтобы вы мне что-то рассказали.

– Мы дойдем до этого. Но сначала я хотел бы получить кое-какие ответы.

– У меня может не оказаться тех ответов, которые вам нужны, Дааль.

– Конечно, они у вас есть. Вы просто не задумывались об этом. Итак, почему ООН послала именно вас?

Ли пожала плечами.

– Шарифи была очень знаменита. Когда погибает кто-либо вроде нее, людям хочется, чтобы покатались головы. Я здесь для того, чтобы их срубить.

Рамирес сдержал смех. Дааль продолжал смотреть на нее своими выцветшими внимательными глазами.

– Если у одного из наших друзей была бы информация, которая могла бы помочь вам, что бы вы могли отдать за это?

– Если вы считаете, что я готова купить у вас информацию, то мой ответ – ничего.

– Не купить.

Дааль встал и прошел к единственному окну в комнате. Жалюзи отбрасывали полосы грязно-зеленого света на его лицо и редющие волосы, образовав некое подобие ореола.

– Деньги в сравнении с тем, что нам нужно, это слишком просто. И нам нужно убедиться, что с вами стоит иметь дело. Нам нужны... гарантии.

Рамирес не вступал в разговор, и, когда Ли взглянула на него, он вытянулся вперед, сидя на своем табурете и глядя на них так, что стал похож на крысу, ослепленную шахтерской лампой. Она подумала, что, возможно, он знает шахты, но в этой комнате он явно лишний. Это была шахтерская территория, солдатская территория. Территория, на которой шел кровавый спор.

– Почему бы вам не сказать конкретно о том, что вы хотите. Тогда мне станет понятно, стоит ли торговаться.

– Две вещи. Во-первых, если то, что вы узнали о пожаре, объясняет еще чью-нибудь смерть, кроме Шарифи, то мы хотим знать об этом.

– Вы хотите, чтобы я передала вам информацию о прово-

димом следствии? За это я могу лишиться работы.

– Не нам нужна эта информация, – сказал Дааль. – Мы просто хотим, чтобы она стала гласной.

– Вы имеете в виду и то, что включено в следственные материалы?

– Включая все, что поступит в архив. Мы догадаемся, как это потом использовать. Правда, Лео? Рамирес кивнул головой.

– Нам нужно, чтобы вы проверили, что в отчет о несчастных случаях было включено все, что происходило до сегодняшнего дня.

– Отчет об авариях АМК? Не могу поверить, что я вам нужна для того, чтобы неофициально получить эти материалы, – сказала Ли.

Дааль поднял брови.

– Тогда понятно, что вы потеряли большой объем памяти, чем полагал подпольный доктор.

Ли водила стаканом с пивом по столу, рисуя правильные прямые углы. В результате на потрескавшейся поверхности получился запотевший квадрат.

– По сути, вы просто предлагаете мне делать мою работу. Открытое расследование обстоятельств смерти Шарифи. И еще этот отчет о несчастных случаях. Он все равно является открытой информацией, так?

– Так. Поскольку несчастные случаи со смертельным исходом продолжаются.

– Ага. И что еще вы хотите?

Дааль закусил нижнюю губу и снова посмотрел в сторону окна.

– Нам нужны данные Шарифи.

Ли захлебнулась пивом и стукнула стаканом по столу, расплескав жидкость.

– Она занималась исследованиями в области обороны, Дааль. Ваше требование попадает под действие Закона о шпионаже и подстрекательстве к мятежу. За нарушение этого закона расстреливают. И быть расстрелянной не входит в мои планы на этот год.

– Есть вещи, ради которых стоит нарушать закон, Кэти.

– Для вас, возможно.

– Дело не только в том, что АМК убивает шахтеров. Что-то происходит в самой шахте. Во всех шахтах. Посмотрите на сводки добычи. Посмотрите на отношение человеко-часов к объему добытого живого конденсата. Мы добываем все меньше и меньше живых кристаллов. Вольноопределяющиеся шахтеры говорят об этом уже долгие годы. И с этим согласны многие шахтеры компании. И Шарифи говорила об этом до своей смерти. Она сказала мне об этом, глядя прямо в глаза: «Анаконда умирает. Весь конденсат Мира Компсона умирает».

– Ох, прекратите, Дааль. Совет Безопасности...

– Они знают об этом, – сказал Дааль и замолчал, дав ей время переварить информацию. – Почему, вы думаете, они

тратят так много средств на исследования в области синтетических кристаллов? И посмотрите на многопланетчиков, старающихся побыстрее нахапать столько кристаллов, сколько они успеют, пока все не кончилось. Мы говорим об этом долгие годы, стараемся убедить их сделать что-нибудь. Но мы не можем этого доказать. Шарифи доказала, и ее информация может дать необходимый толчок, чтобы изменить ситуацию.

– Но это безумие, – сказала Ли. – Конденсаты не умирают. Они раскалываются. Как могут одновременно расколоться все конденсаты на планете?

– Я не знаю, – сказал Дааль. – Но Шарифи знала. Минуту все хранили молчание.

– Я проверю и дополню отчет, – сказала Ли. – В этом нет ничего плохого. Это – моя работа. Но что касается...

– Для начала отчета о несчастных случаях будет достаточно, – сказал Дааль. – Просто подумайте об остальном.

– Хорошо, – ответила Ли. – Что же мы тогда делаем дальше?

Дааль покопался в одной из груд на столе и вытащил потрепанную микрофишу.

– Прочтите это.

В микрофише было два десятка различных документов, и Ли потребовалось более десяти минут, чтобы понять, о чем они. Это были корпоративные бумаги АМК: записи пункта взвешивания, платежные расписки, данные о количестве

произведенной продукции с обрабатывающего завода, находившегося на станции. Постепенно до нее дошел смысл всего этого.

– Кто-то занимается приписками. Одни сведения идут шахтерам, другие – докладываются управлению АМК. А получившиеся лишние кристаллы коммутационного класса застревают где-то в середине. – Она вопросительно посмотрела на Дааля. – Кто это делает?

– Хотел бы я знать.

Ли молча пробежала записи еще раз.

– Это мог сделать хоть кто угодно, – сказала она наконец. – Начальник шахты. Кто-то в разбивочном цеху. При массовой перевозке. Кто-то на участке обработки на станции или на погрузке. Нужно только, чтобы несколько человек отвернулись в нужный момент. Эти и еще несколько друзей на ключевых точках по всему маршруту.

– Этим друзьям нужно платить, – сказал Дааль.

– Вы говорили, что знаете, кто кассир?

– Загляните в регистрационные журналы начальника шахты.

Она посмотрела. И сразу же заметила, что одно имя появляется снова и снова. Это было имя Дааля. Все «левые» партии выпускались в то время, когда он выполнял обязанности дежурного начальника. И на всех отгрузочных документах стояли его подписи.

– Зачем вы показываете мне это? – спросила она.

– Потому что Шарифи погибла из-за этого. За два дня до пожара я подслушал ее разговор с Войтом. Они ругались. Она сказала Войту, что все о нем знает, и угрожала пойти к Хаасу. И если понадобится, то и через голову Хааса к высшему руководству. Она называла имена больших людей. Пятизвездные имена.

– А генерала Нгуен?

Дааль кивнул.

– И что говорил Войт?

– Ничего такого. Я думаю, она застала его врасплох. И Войт был не из тех, кто спорит, глядя в глаза. Он мог добиться, чего хотел, одним ударом ножа в спину.

Ли подняла забытый стакан с пивом и сделала глоток. Пиво было травянисто-горьким на вкус и теплым, как кровь, и сейчас вызывало неприятные воспоминания.

– Вы думаете, что Шарифи угрожала пойти к Хаасу, и Войт убил ее? И что пожар был... ну, прикрытием? У вас есть какие-либо доказательства?

Дааль пожал плечами.

– Это ваша работа.

Ли снова посмотрела на цифры.

– Войт не мог самостоятельно решиться на это. Кто управлял его действиями?

– Кто-то. Кто соприкасался с этим и знал. Но кто... это ваша проблема.

– И сколько этот кто-то заставлял Войта платить вам?

– Ничего. Он просто заставлял меня подписывать журналы начальника шахты и держать язык за зубами. Он предлагал то, что можно было бы назвать негативной мотивировкой. Кроме того, я все равно бы это делал. У меня есть серьезные причины выставлять службу безопасности в неблагоприятном свете.

– Могу себе представить, – сказала Ли.

Она пощупала языком то место, где был ее зуб, и подумала о том, что Дааль мог бы и ее выставить так же.

– Я свел эти цифры вместе, поскольку был абсолютно уверен, кого они будут обвинять, если их поймают. – Он снова пожал своими костлявыми плечами. – Продажный начальник шахты. Самая старая история в нашей профессии. И кроме того, мне нужно было иметь достаточно информации, чтобы я мог серьезно обвинить Войта.

– Разумно, – сказала Ли. – Но зачем вы рассказываете об этом мне? Почему бы не рассказать обо всем шахтерам? Профсоюзные деятели теперь мучаются по ночам из-за погибших шахтеров не более, чем политики из-за погибших солдат.

Дааль посмотрел в окно. Его глаза выглядели ледяными при слабом дневном свете. Глаза овчарки. Глаза волка.

– Шарифи погибла в очень неподходящее время, – сказал он, произнося слова медленно, обдумывая каждое, словно старался передать очень сложное сообщение по ненадежному каналу связи. – Мы хотим убедиться, что в шахте не бу-

дет представителей ООН. Если для этого нужно помочь вам закончить расследование и уехать, то мы поможем. И лично для вас... было бы хорошо больше здесь не находиться. Крайний срок, – он взглянул на Рамиреса, – две недели?

– Не более того, – ответил Рамирес.

Ли, затаив дыхание, посмотрела по очереди на обоих мужчин.

– Вы с ума сошли, – сказала она. – Вы планируете заблокировать шахту. И думаете, что Секретариат будет спокойно взирать на то, что вы закроете их лучший источник квантового конденсата? Да они прикажут вас распять!

– А что может сделать с нами ООН страшнее того, с чем сталкиваются шахтеры, приходя каждый день на работу? – спросил Рамирес. – Кроме того, это не ваша проблема. Если, конечно, вы не хотите сделать эту проблему вашей.

– Ох, уж нет. Это – ваша драка. Я еще с ума не сошла.

– Тогда я предлагаю вам свернуть расследование и обратиться с Компсона сразу же, как представится возможность.

Ли еще раз посмотрела на обоих, сделала последний глоток пива и отодвинула стакан от себя.

– Ну и на чем мы остановились? – спросила она Даалю.

– На том, что договорились, – ответил он. – И пожалуйста, следуйте этому договору. Я не хочу, чтобы с вами произошло что-нибудь неприятное.

Рамирес вытянул свои длинные ноги, и табурет поехал под ним назад, заскрипев по половицам.

– Вы знаете, что такое похоронное извещение, майор?

– Перестаньте пугать меня, Лео. Я знаю об этом гораздо больше вас. И я вовсе не планирую, чтобы меня пристрелили на улице, как собаку. Не важно, сделают ли это члены «Молли Магвайрс» или богатенький сопливый сынок, играющий в политику на угольных шахтах.

Дааль неожиданно рассмеялся.

– Ты ни капли не изменилась, Кэти. Представляю, какой страх ты наводишь на людей.

Он взял микрофишу со стола и углубился в нее взглядом. Рамирес встал и протиснулся через переходный шлюз, закрыв шторы за собой. Ли направилась к выходу, но до того, как она вышла, Дааль обошел стол с другой стороны и взял ее за руку.

– Кэти, – сказал он так тихо, чтобы Рамирес не смог услышать. – Если тебе что-нибудь понадобится, спроси у меня. Я ничего не обещаю, но... Брайан будет знать, где меня найти. Поняла?

Ли кивнула и вышла в переднюю.

Маккуин сидел за столом. Он держал мальчика на коленях и пальцами крутил кусок цветной проволоки, играя с ним. Женщина стряпала что-то у очага. Она даже не подняла головы, когда Ли и Маккуин уходили.

Пройдя несколько ступенек вниз по проходу, Ли остановилась.

– Подожди здесь, – сказала она.

Дааль открыл дверь. Увидев Ли, он молча уступил ей дорогу. Женщины и ребенка уже не было. Кто-то потушил угли в очаге, погрузив комнату в темноту. В комнате стало прохладней. Дааль закрыл дверь и оперся на нее, все еще держа руку на замке.

– Да? – спросил он.

– Мирс Перкинс, – сказала Ли. – Где она?

– А стоит ли? – тихо спросил Дааль.

– Просто ответь мне.

– Зачем?

– Я хочу ее увидеть.

– Нет, не хочешь, – сказал Дааль раздраженным тоном. – Ты больше не наша. Делай свою работу и уезжай. Забудь то, что, как тебе кажется, ты помнишь. Она хотела, чтобы было так. И так хотел твой отец. Ты обязана им. Поэтому сделай так.

Ли не ответила. Дааль открыл дверь, и она вышла мимо него на бледный солнечный свет.

Через полчаса она и Маккуин были уже на станционном челноке. Она пересказала ему отредактированную версию своего разговора с Даалем. Она не упомянула угрозы блокирования шахты и последних слов, сказанных ей Даалем.

– Значит, – сказал он, выслушав Ли, – Войт подделывает записи в книгах. Шарифи узнает об этом, угрожает рассказать обо всем Хаасу. Войт убивает ее. И полный порядок.

– Слишком полный. Во-первых, не доказано, что Войт действительно убил ее. Далее в цепочке тех, кому Войт мог просто раздавать деньги, стояло не менее пятнадцати человек, и у каждого из них такая же мотивация, как и у него. Во-вторых, что убило или кто убил Войта? В-третьих, что делала Белла внизу и кто перенес тела после того, как она увидела их? В-четвертых, что, черт возьми, явилось первопричиной пожара?

– Но все же... – сказал Маккуин, пытаясь вернуться к теме Войта, как гончая к горячему следу.

– Да, – сказала Ли. – Все же.

СТАНЦИЯ АМК: 20.10.48

– Да это же настоящая шахта! – сказал пораженный Коэн, заглянув в жилище Ли.

Сегодня он пользовался лицом итальянской актрисы тридцати с небольшим лет, которой только что начали давать роли со словами в умных интерактивных студийных программах, на которые Коэн всегда пытался затащить Ли. Актриса была так удивительно, экзотически красива, что Ли неуверенно чувствовала бы себя в ее присутствии в любом месте, а не только в своей узкой квартирке, где итальянка сверкала подобно бриллианту в грязной луже.

Конечно, всего лишь только часть этого блеска зависела от самого «лица» или от Коэна. Все остальное определялось

плотным сжатием, необходимым для размещения протоколов шифрования, на использовании которых для этого одновременно потокопространственного и реального визита настоял Коэн. Это позволяло ему выглядеть ярко, эффектно, даже слегка больше в фокусе, чем что-либо другое в этой маленькой комнате. Ли совсем не хотелось думать о тех кредитах, которые он проматывал, пользуясь услугами частных банков квантовой запутанности.

Он открыл шкаф, взглянул на вешалки с запасными комплектами формы и театрально фыркнул.

– Ты хочешь сказать, что на самом деле живешь здесь?

– Нет, – ответила Ли, роясь в груде микрофиш на своем письменном столе и разыскивая цифры, приведенные Даалем. – Это еще один популярный курорт. Просто спасаю его для свободного мира.

Он ходил по комнате, наклоня великолепную головку Киары, словно лелеял слабую надежду, что эта комната будет выглядеть лучше, если рассматривать ее под другим углом. Он повернулся к ней, сморщив лоб в искреннем испуге.

– На самом деле, Кэтрин. Мне кажется, что в штабе Космической пехоты тебя не ценят по-настоящему.

– Они ценят меня достаточно, постоянно выплачивая денежное содержание. В реальном мире, который, боюсь, ты посещаешь не слишком часто, этого вполне хватает.

Она нашла микрофишу Даала и протянула ее Коэну, остро почувствовав, как тонкие красивые пальцы погладили ей

руку.

– Интригующе, – сказал он, еще до того, как она успела опустить руку. – Есть ли какие-нибудь блестящие мысли о том, кому все это выгодно?

Ли сложила руки на груди и покачала головой.

– Как, черт возьми, ты это делаешь? Я никак к этому не привыкну.

– М-м-м. Простая грубая вычислительная сила. Это и плюс факт, что я в восемь раз умнее, чем эта очаровашка.

Ли глупо улыбнулась.

Он показал ей язык, скинул туфли и грациозно забрался на ее койку.

– Ну, так на чем мы остановились?

Ли отодвинула стул от письменного стола, развернула его и уселась на него верхом. Она описала свою встречу с Даалем и Рамиресом, рассказала Коэну о полученной информации и об угрозе блокады шахты, но умолчала о личной теме разговора.

– И этот Дааль связался с тобой без всякого повода? – спросил Коэн, когда она закончила. – Ему просто показалось, что ты настроена по-дружески? Ты извинишь, если я признаюсь тебе, что он кажется мне подозрительным?

Ли пожала плечами, стараясь всем своим видом показать, что ей все равно.

– Я не заметила.

Пока она говорила, Коэн развалился на ее постели – ско-

рее всего, намеренно – и потянулся, вздохнув от удовольствия, а блестящие кудри Киары разлетелись по подушке Ли. Широко открыв глаза, он смотрел на нее с притворной наивностью.

– Конечно, ничего не заметила. Хотя давай поговорим об этом позже. Ты нашла доклады об инцидентах, которые ему нужны?

– Я пыталась. На самом деле не было времени искать как следует.

– Мое второе имя – Время, – сказал Коэн, сделав благородный жест, который, Ли была уверена, Киаре никогда не пришел бы в голову. – Скажи твой пароль.

Ли дала ему пароль, он вошел в сеть и извлек недостающие в отчете несчастные случаи менее чем за минуту.

– Где они были? – спросила она. Он поднял брови.

– В файлах Войта. По крайней мере, еще несколько дней назад. Кто-то стер их за десять часов до твоего прибытия на станцию.

– Кто?

– Погоди. Я как раз над этим работаю. Иди и сделай что-нибудь полезное.

Ли просмотрела список, останавливаясь на отдельных именах и словах, бросавшихся в глаза.

«02.01.47. Сток, Уильяме. Возраст – 32 года. Личный номер 103479920. Был смертельно ранен, когда вернулся

на „Уилкс-Барре“ в четвертую „Северную“ для проверки несработавшего заряда. Вскрытие не производилось. Причина смерти: ожоги.

04/12/47. Пинцер, Дж. Ф. Возраст – 26 лет. Личный номер 457347423. Обнаружен в нижней галерее "Уилкс-Барре" в четырнадцатой "Южной". Завален обвалившимся потолком. Спасатели не могли достать тело из-за утечки газа. Тело идентифицировано по индивидуальным признакам и записям в журнале смены. Причина смерти: травма.

04/19/47. Мафуз, Кристина. Возраст – 13 лет. Личный номер 764378534. Угольная вагонетка пострадавшей сломалась в штреке к западу от "Уилкс-Барре" в семнадцатой "Восточной". Пострадавшая получила многочисленные сложные переломы и смещения с соответствующими травмами мягких тканей. Левая нога ампутирована ниже колена в госпитале Святого Иоанна».

Подобные сообщения не были чем-то неожиданным для Ли. Они констатировали смерть и травмы от пожара, взрывов, обвала потолка, неисправности оборудования. Все это в шахтерской жизни считалось обычными опасностями.

Но среди типичных докладов об инцидентах были и такие:

«17/20/47. Кэрриг, Кевин. Возраст – 37 лет. Личный номер 355607534. Пострадавший найден без сознания на „Тринидаде“ на второй „Южной“. Шахтный инспектор предпо-

лагает, что пострадавший открыл газовый карман, но спасатели не нашли газа на рабочей площадке, а при вскрытии не обнаружено признаков попадания газа в легкие. Причина смерти не установлена.

20/2/48. Чо, Кристин. Возраст – 34 года. Личный номер 486739463. Пострадавшая потеряла сознание во время осмотра на "Тринидаде" на седьмой "Южной". Свидетели рассказали о жалобах на головную боль, видение ярких огней, конвульсии, потерю сознания. Вскрытие показало обширное нелокализованное поражение лобной доли мозга. Причина смерти: инсульт».

Эти весьма неприятные доклады начали появляться около четырех месяцев тому назад. Смерть, причиной которой считалось поражение электрическим током, происходила там, где ремонтные бригады не находили незаизолированных проводов или стоячей воды. Смерть от отравления газом случалась там, где другие шахтеры, работавшие на той же самой жиле, таинственным образом выживали. Здоровые люди умирали от инфарктов и инсультов. А двое шахтеров хоть и не умерли, но до сих пор лежали в госпитале Шэнтитауна в коме, причину которой врачи объяснить не могли.

Вспышка подобных необъяснимых несчастных случаев уже наблюдалась после открытия «Тринидада». Потом все пришло в норму. Затем три месяца назад произошел новый значительный скачок: четырнадцать необъяснимых смертей

за одну неделю.

Ли не нужно было сравнивать даты или проверять свои файлы, чтобы узнать, что случилось три месяца назад.

Прибыла Шарифи.

– Знаешь, откуда были стерты эти отчеты? – спросил Коэн, выгибая тонкую бровь, и протянул ей еще читаемые остатки регистрационного имени. – Офис управляющего станцией.

– Значит, Хаас «утопил» эти доклады за день до моего прибытия.

– И он занимался подделкой данных об объеме добытых кристаллов, или, по крайней мере, можно подозревать, что он это делал.

– И, – сказала Ли, чувствуя себя, словно вляпалась в грязь, – мы знаем, что Хаас в неплохих отношениях с Синдикатами.

Они посмотрели друг на друга.

– Все сходится на Хаасе, не так ли? – спросила Ли. Вместо ответа Коэн исчез.

Ли нерешительно поднялась, оттолкнув стул в сторону. Ее жилище выглядело как-то странно. Она проверила свои внутренние устройства и поняла, что она уже находилась в полном дуплексном режиме, а не в ограниченной ВР-интерактивности. Она попыталась войти в реальное пространство.

Никакого результата.

Код.

Никакого результата.

Она была захвачена, заперта, шунтирована в виртуальном мертвом пространстве. Закрыв глаза и потеряв щеки, она задумалась. Когда она снова открыла глаза, то была уже не на станции.

Ли стояла в квадратной и совершенно пустой комнате. Голые белые стены. Голый пол и потолок. Квадраты фальшивых окон, смотрящих в бесконечность белого небытия. Сердце литаврами отстукивало в тишине. Она сфокусировала свой взгляд на угол, где пол сходилась со стеной, чтобы отогнать тошноту, и стала ждать, считая удары своего сердца.

Открылась дверь. Сначала она не увидела ничего, кроме пустой стены. Потом кто-то вошел к ней в комнату. Но когда она впоследствии попыталась восстановить в памяти этот момент, то не смогла. Он исчез из памяти, размылся. Как будто его накрыло оптическим искажением при приеме информации.

Вошедший был человеком небольшого роста, темноволосым и стройным. Ли понадобилось сосчитать еще несколько сердечных ударов, чтобы сфокусироваться на нем после долгой белой пустоты. Когда же ей удалось это сделать, то она увидела жеребьячи неуклюжие ножки, торчащие из коротких штанишек. Красная с черным футболка. Темные волосы. Оливкового цвета кожа.

– Коэн?

– Шшшш! – прошептал он.

На ногах у него не было ничего, кроме длинных полосатых носков и толстых щитков на голених. Старомодные футбольные бутсы были связаны шнурками и перекинуты через его худое плечо. Он кругами ходил по комнате, несколько раз останавливался и внимательно смотрел на стены в местах, казавшихся Ли ничем не привлекательными. Потом он поднялся по одной из стен и сел, сложив ноги под себя, в метре с лишним от потолка.

– Ну, вот и мы, – сказал он.

– Мы? Я не знаю, кто, черт возьми, ты такой. Хотя и вижу, что ты похож на Коэна. Что ничего не доказывает.

Он улыбнулся:

– Внешний вид не всегда обманчив, моя дорогая. Даже мой.

– Докажи.

– Как?

– Скажи мне что-нибудь.

– Например? – спросил он тоном десятилетнего мальчишки.

– Что-нибудь, о чем больше никто не знает.

Он обнял руками колени и положил на них свой острый подбородок.

– Хорошо, твой рост – на два сантиметра короче, чем ты говоришь всем.

– Ты мог вытащить это из моих транспортных файлов.

– И утром к тебе лучше не подходить – разорвешь на ча-

сти.

– А что, в другое время иначе?

– И то верно, – сказал он, рассмеялся и пристально посмотрел на нее, расчесывая болячку на колене. – И ты хранишь самую большую, самую страшную тайну.

Ли замерла. Попытка рассмеяться не удалась.

– Это какую еще тайну?

– О том, что я тебя люблю.

Она взглянула на него и увидела, что он смотрит на нее как на подозрительный предмет, способный взорваться без всякого предупреждения.

– О, Боже мой! – сказал он после короткого неловкого молчания. – Ну, не надо так выглядеть, словно ты готова отгрызть себе ногу, чтобы убежать от меня каждый раз, когда я это говорю.

– Не преувеличивай, Коэн.

– Это не преувеличение. Можешь мне поверить. – Он обиженно посмотрел на нее из-под темных ресниц. – И это смешно. Ты ведь не похожа на девицу, падающую в обморок при первом удобном случае.

– Так ты просто хочешь переспать со мной? Ты понизил свои критерии. Прощлый раз мне предлагалось стать женой номер семь. Или восемь? Боже правый, Коэн, ты женишься так, как нормальные люди покупают щенков.

– Ты имеешь в виду – нормальные люди, рожденные естественным способом, не так ли? – Он глядел на нее долгим

беззащитным взглядом. – Ведь для тебя это важно, да? Быть подобной. Получить грамоту о своей человеческой принадлежности с печатью и подписью? – Он горько усмехнулся. – Мне действительно хочется забраться тебе в голову и понять, о чем ты думаешь, когда смотришься в зеркало по утрам.

– Ты меня совсем не понимаешь, Коэн.

– Правда? Тогда чего ты боишься?

– Ничего, – поспешно ответила она. – Я просто не желаю быть очередной остановкой во время твоей туристической прогулки по человеческой психике.

Он отвернулся и пробормотал что-то неразборчивое.

– Что ты сказал?

– Я сказал, что твои слова исключительно непристойны, даже для тебя.

Неожиданно комната уменьшилась в размерах, в ней стало слишком жарко. Ли повернулась и стала проверять стены, стараясь найти в них какую-нибудь щель.

– Послушай, – сказала она после долгой гнетущей паузы. – Я не имела в виду...

– Давай забудем. Я и сам хорош.

– А при чем здесь ребенок? – спросила Ли, когда напряжение абсолютной тишины стало таким сильным, что невозможно было более выдерживать его.

– Ах. – Коэн развязал шнурки ботс и стал надевать их на ноги, закрытые щитками. – Я думал, что ты это знаешь. Это Гиацинт.

– Я думала, что Гиацинт – это ты.

– Он – одно из моих проявлений. Он мой самый первый, коренной интерфейс. И конечно же, это человек, который изобрел меня.

Ли от неожиданности чуть не рассмеялась.

– В десять-то лет?

– На самом деле ему было четырнадцать, когда он сделал это. Это старая видеоверсия. Он использовал ее для создания первоначального VR-интерфейса. Думаю, что это было моим первым «лицом». Я постоянно подключаюсь на него, когда превышаю пределы своей операционной системы. Такое, к сожалению, происходит и сейчас.

– Мы можем выйти отсюда? – Ли снова ходила по периметру комнаты.

– Нет. И сядь, пока ты не разозлила меня окончательно. Ты – в безопасности, пока я здесь.

Но стоило ему произнести это, как он снова исчез, словно кто-то сыграл с ними злую шутку.

Ли вернулась в темноту.

На этот раз она поняла, что находится под землей, в шахте. Но это было единственным, что она поняла. Вода каплями стекала с невидимого потолка, со звуком падая в невидимую лужу. Поток сырого холодного воздуха шел от какой-то далекой подземной реки, но ее течения было не слышно.

Ли переключилась на инфракрасное видение. Никакого

толка. Она находилась в потоке и могла видеть только то, что разрешал управляющий ситуацией.

– Зажги лампу, – откуда-то из-за ее левого уха донесся шепот Коэна.

Ее рука потянулась туда, где, как она помнила, должна лежать лампа. Нащупала ее. Зажгла. Но пальцы так ослабели, что плохо подчинялись, как будто были незнакомы с этой элементарной задачей. Подрегулировав пламя, она тыльной стороной ладони провела по горячей поверхности керосиновой бачка и услышала шипение обожженной кожи.

– Черт! – сказала она, инстинктивно поднеся руку ко рту и облизав покрывшееся волдырями место.

– Шшшш! – сказал Коэн. – Все будет в порядке. Скажи мне, что ты видишь.

Она подняла лампу и увидела под ногами неровный пол, покрытый мокрым камнем. Столбы света выстроились длинными рядами из одного конца пространства в другой, блестя, как слоновая кость, под лучами лампы, Над головой был сводчатый потолок. Он поддерживался извилистыми жилами, которые веером расходились от одного узла к другому в бесконечно повторявшейся сложной паутине.

– Это сияющая воронка, – сказала она Коэну. – Сияющая воронка Шарифи.

Но сейчас эта воронка была нетронута – необгоревшая и незатопленная. И в ней находилось оборудование, которое тихо жужжало и щелкало. Это была сияющая воронка до по-

жара. В углу гудел генератор. Кабели оптического волокна змеями извивались по полу среди чаши диагностического оборудования. Кривые зубы кристаллов выступали из пола и потолка.

«Уста земли, – подумала Ли. – Не так ли назвал их сам Компсон?»

– Тот, кто похитил тебя, доставил тебя сюда? – спросил Коэн.

Она подняла лампу и медленно обернулась. Слева от нее шел подъем по линии жилы, который постепенно поднимался все круче вверх, повторяя очертания выработанного пространства, находившегося на уровень выше. Справа от нее к этому выработанному пространству была поставлена разборная лестница из вирустали, которая вверху упиралась в большую лестницу со скользкими ступенями, ведущую к выходу из «Тринидада».

– Это? – шепотом спросил Коэн. – Это твои воспоминания или кого-то другого?

И она впервые ощутила, что этот шепот шел не сзади, из-за спины, а изнутри нее самой.

– Кого-то другого.

– Тогда кого? Думай.

Ее рука сделала произвольное движение, как будто вводила код, чтобы выйти из неверного соединения. Ли покосилась на нее. Рука была ее собственной. Все было в порядке. Короткие ногти. Сильные смуглые пальцы с тупыми конца-

ми. И все же. Что-то в ней было не так. Она повернула руку ладонью вверх.

Проводов не было.

Она еще раз внимательно посмотрела на руку. Ногти были длиннее, чем у нее, лучше ухожены. Старые шрамы исчезли, зато появились новые. И еще – свежий ожог, след которого тонким полумесяцем выступал между большим и указательным пальцами.

– Это Шарифи, – сказала она. – Это память Шарифи. Потом Шарифи обернулась на звук приближающихся шагов, и Ли, как привидение, беспомощно повторила вместе с ней все ее движения.

Все шло в той же последовательности, как при прошлом похищении. Но в этот раз Ли понимала все, что видит. Странные узоры, гонявшиеся друг за другом по пещере, были рождены светом от лампы Шарифи. Капающая вода издавала звенящий звук. Каблуки, стучавшие по обнаженной породе, отдавались эхом подобно ружейным выстрелам.

– Что вы здесь делаете? – спросила Шарифи у Войта, спускавшегося по лестнице.

Он спустился до конца, повернулся и мерзко улыбнулся.

– Просто смотрю за товаром.

– Хорошо. Тогда не мешайте.

– А где наш уважаемый гость? Серебро на кухне ворует?

– Я здесь, – сказала Белла, выйдя на освещенное лампой место.

Пока Белла приближалась, Ли наблюдала ее глазами Шарифи. Это была совсем не та подавленная женщина, с которой она встречалась на станции. Белла двигалась с уверенной легкой грацией бойца, улыбаясь спокойной улыбкой, свойственной тем, кто уверен в своей хитрости и победе, в чем бы игра ни заключалась.

– Ты готова? – спросила она.

Шарифи жестко посмотрела на нее, слегка нахмурившись.

– А ты?

Белла открыла рот, чтобы ответить, но в этот момент мерцающие в свете лампы тени сияющей воронки исчезли во вспышке яркого белого света.

Ли снова оказалась у себя в квартире.

– Коэн?

– Я здесь.

«Живая» стена мигнула, и на ней появился Коэн, опять шунтирующийся через Киару. Он сидел в своей залитой солнцем гостиной в зоне Кольца.

– Ты знаешь, что мы только что видели? – спросила Ли.

– Я знаю, что ты думаешь, что мы видели.

– Это здесь, в памяти Шарифи. Все, что нам нужно знать.

Нам нужно вернуться туда.

– Нам не стоит делать ничего подобного. Мы чуть не оказались в ловушке. И ты все еще не можешь знать наверняка: увиденное нами там – реальность или нет.

– Я все же попытаюсь.

– Нет, ты не сделаешь этого. Но если ты решишься на эту глупость, то я лично закрою тебе доступ в поток.

Ли в голову закралось смутное подозрение.

– Почему ты так испуган? Что ты от меня скрываешь?

– Я рассказал тебе все, что знаю, Кэтрин.

Она рассмеялась.

– Как ты можешь, имея двести лет практики, лгать так неумело?

Она ждала, что он улыбнется в ответ, но он просто сидел и смотрел под ноги, скрестив руки и качая ногой, одетой в сандалию, в нервном ритме туда и обратно. Затем он наклонился вперед, поставив локти на колени и сжав кисти рук так крепко, что костяшки пальцев Киары побелели.

– Послушай. Прекрати это расследование. Скажи Нгуен, что ты больна или тебе нужно на профилактику. А тебе это действительно необходимо, поскольку я не видел, чтобы ты поднимала что-нибудь этой рукой с того самого времени, как попала на станцию.

Ли пристально смотрела вниз. Таракан прополз по полу и начал подниматься на «живую» стену. Она видела его с сюрреалистической четкостью, каждую его ногу, сгибавшуюся при шаге вперед. Таракан забрался на светившуюся матрицу экрана. Когда он пополз по ноге Коэна, она протянула руку и смахнула его.

– Я не могу свернуть расследование, – сказала она. – Стоит мне допустить еще одну ошибку, и со мной все кончено.

– Я думаю, что есть вещи и опаснее увольнения.

– Не знаю. – Она снова принялась мерить шагами маленькую комнату. – Ты затянул меня в этот кошмар. Я говорю не о том, что происходит сейчас. Я говорю о Метце. Мне нужно, чтобы ты рассказал мне все, что ты знаешь.

Коэн вздохнул, и Ли снова поразила его искусству так ярко проявлять свою личность через шутки. Было невозможно представить выражение вековой усталости на маленьком личике Киары так же, как и каждое «лицо» Коэна – без самоуничижительной иронии, рожденной множеством обманов и компромиссов.

– Я ничего не знаю, – сказал он. – Я только подозреваю. И Хелен прежде всего. Откуда еще Шарифи достала интрафейс?

– Но ведь это безумие, Коэн. Кроме того, у Нгуен никогда не было этого интрафейса. Вылазка на Метц провалилась.

– Ты так думаешь? Посмотри, ради Бога, на хронологию. Мы доставляем объектный код и невропродукт для интрафейса с Метца, а через несколько недель Шарифи уже носит его на себе на Мире Компсона. Как тебе это? Сравни числа.

– Но ты утверждал, что этот невропродукт не мог быть выращен на вирусной матрице. Что его должны были выращивать в резервуаре, на клоне. Поэтому если Шарифи пользовалась интрафейсом, то он и предназначался для нее. И если Техком был в курсе дела с самого начала, то... для чего Нгуен воровать то, чем она уже владела?

– Назови мне какой-нибудь способ заполучить незаконный невропродукт, не оставляя следов, который был бы лучше захвата его в ходе операции Техкома.

Ли закатила глаза.

– Ну, перестань!

– Шарифи не была просто жертвой, Кэтрин. Она замешана в этом деле. Она прибыла сюда, чтобы выполнить специальную задачу. Задачу, для выполнения которой ей нужен был этот интрафейс. Иначе зачем она рисковала с экспериментальным имплантатом?

– Хорошо. Но говорить, что здесь замешана ООН...

– Конечно да. Шарифи работала на Техком. Они контролировали ее бюджет. Они контролировали допуск к шахте. Они контролировали старые линии генетического производства, включая ту, откуда вышла Шарифи. И если Техком контролирует что-то, это означает, что и Совет Безопасности контролирует это. А значит – и Хелен. Хелен послала тебя на Мир Компсона еще до того, как остыло тело Шарифи. Или лучше сказать, даже до того, как она погибла!

Ли стало трудно дышать.

– Брось, Кэтрин. Не будь идиоткой. Время транзита с Метца на Мир Компсона составляет почти три недели. Ты оказалась на планете через десять дней после пожара. Это означает, что она приняла решение послать тебя сюда, по крайней мере, за неделю до смерти Шарифи.

– Понимаю, – неохотно сказала Ли. – Ты думаешь, я не

размышляла об этом?

– Но ты и ничего не предприняла в этой связи, не так ли? Думала ли ты о том, чтобы спросить ее, зачем она послала тебя сюда?.

– Я думала об этом, но решила не спрашивать.

– Почему, черт возьми, нет? – Коэн продолжил, не дождавшись ее ответа. – Я скажу тебе почему. Потому, что ты не хочешь знать. Ты не хочешь думать о том, что она делает, о том, что ты делаешь. Ты не хочешь думать, и точка.

– Ты все сказал, Коэн?

Он поднялся, ругаясь, и зашагал по кругу перед экраном.

– Боже, – сказал он, опять посмотрев ей в лицо. – Вот почему она так любит тебя. Ты ничего не спрашиваешь, не размышляешь и не сомневаешься. Ты – ее создание!

– Нет. Я – солдат. И я верна присяге. Тебе этого не понять.

– Не нападай на меня. Я тебе нужен. Ты помнишь наш маленький разговор там, в пустой комнате? Кто бы ни организовал все, он играл с нами обоими, играл, как кошка играет с мертвой птичкой. И они целятся в тебя, Кэтрин.

Ли стояла перед экраном и смотрела на пол. Таракан, которого она смахнула, все еще кружился на спине, пытаясь перевернуться на ноги. Она наступила на него носком ботинка и раздавила.

– И здесь замешана не только Хелен, – продолжал Коэн. – Здесь чувствуется присутствие независимого. И непросто-го независимого. Кто-то использует полевой AI АМК. И им

удаётся развернуть меня в другую сторону, когда я пытаюсь выйти на их след. И они достаточно сильны, чтобы ставить ловушки и играть со мной. И они охотятся за тобой.

– Мне казалось, ты говорил, что AI не интересуются людьми, Коэн.

– Может быть, я ошибался. Или, возможно, ты сделала что-то такое, чем привлекла их внимание.

Ли сглотнула комок в горле. Во рту у нее все высохло, и чувствовался металлический привкус.

– Или, может быть, они через меня хотят добраться до тебя? – спросила она. – Ты рассказывал кому-нибудь о нас?

– О нас? – Казалось, что Коэн сейчас рассмеется. – Это «о нас», как ты деликатно сказала, длится не более тридцати шести часов. Когда, скажи на милость, у меня было время сказать об этом кому-нибудь?

– Тогда что они ищут, Коэн? Что они хотят от меня?

Он отвернулся, и Ли заметила, как он напрягся.

– Откуда мне, черт возьми, знать?

СТАНЦИЯ АМК: 21.10.48

Игра первая.

Ли пробилась локтями в заведение «Лапша круглосуточно» к концу второй подачи. Хамдани в темных носках, натянутых до колена, был на «горке». Его правая нога быстро взлетела высоко вверх под прямым углом для его корон-

ного крученого броска. Бэттер-кубинец из команды «Метс» только что отбил мяч за линию от стенки центрального поля и оказался на второй базе с помощью приема, который, по мнению Ли, могли бы засчитать за ошибку.

Повар у прилавка поднес палец к своему колпаку и кивнул головой, когда она подошла. Прежде чем Хамдани успел отправить с поля следующего бэттера, Ли устроилась за тихим задним столом, взяв себе пиво и миску лапши. Когда кто-то присел за ее столик в разгар шестой подачи, она подумала, что подошел повар, чтобы по-дружески поболтать с ней как с болельщицей команды «Янки». Она с улыбкой обернулась... и увидела рядом с собой мужчину, которого она, по оценке своего «оракула», никогда раньше не встречала.

Она кивнула, полагая, что он просто занял свободный стул, и вернулась к игре, когда Хамдани рысью бежал к «горке». Пока он сдерживал основных отбивающих из «Метса» и давал возможность «Янки» удерживать незначительный перевес при счете два – один. Но он сделал слишком много бросков. И теперь выглядел усталым, суетясь со своим поврежденным локтем в промежутке между сменой бэттеров.

Он был великим игроком, но заметно старел и чаще получал травмы. Его знаменитый бросок становился не таким уж быстрым, а его крученые и скользящие броски потеряли свою хлесткость. Он больше не был непобедимым. И Ли показалось, что еще с десятков бросков – и он сломается. Поворот плеча, и Хамдани послал резкий скользящий мяч прямо

на заднюю черту «дома».

– Фантастика! – воскликнула Ли, затаив дыхание.

– Мяч не засчитан, – выкрикнул судья.

– Ну, черт возьми!

– Майор, – сказал человек, сидящий за ее столиком. – Я и не знал, что вы такая активная болельщица.

Ли сразу же отключилась от игры. Мужчина улыбнулся тщательно взвешенной улыбкой на моложавом лице, которая не говорила ни о чем. Она взгляделась внимательнее, стараясь определить, откуда он. Он был на кого-то похож, но только в общих чертах. Так, словно его внешность вызывала воспоминания не о ком-то конкретном, а о типаже в целом. О типаже, вызывавшем у нее плохие, неприятные ощущения, рождавшие чувство вины.

Холодок предчувствия пробежал по ее спине, когда она определила связь. Он – из Синдикатов. И очень напоминает дипломатического представителя... чьего только? Синдиката Мотаи? Синдиката Ноулза? Из какого бы Синдиката он ни был, он должен быть из серии «А». Но что, черт возьми, делать конструкции серии «А» на Мире Компсона? И что, кроме неприятностей, может принести ей разговор с ним?

– Кажется, я с вами незнакома, – сказала она, решив на всякий случай быть осторожной.

– Ох, зато я знаю вас, – ответил клон серии «А». – Я знаю о вас гораздо больше, чем вы себе можете представить.

– Тогда у вас есть преимущества.

Он снова улыбнулся. Улыбкой дипломата. Улыбкой шпиона.

– Я думаю, не много найдется сфер, в которых я мог бы иметь преимущества перед женщиной с такими... что это за слово, которое так любят употреблять настоящие люди? Талантами?

В заведении внезапно раздались радостные восклицания, и Ли на миг перевела взгляд на экран. На поле снова вышел кубинец.

– Хорошая игра, – сказала она, надеясь на то, что ее новый знакомый поймет намек и удалится.

– Х-ммм. Я не знаю. Не болельщик. На самом деле я пришел, потому что надеялся поговорить с вами.

«Конечно, – подумала Ли, – хочет подвести меня под полномасштабное расследование службы внутренней безопасности».

– Замечательно, – сказала она. – Почему бы вам не заглянуть ко мне в офис утром?

– Ах, – сказал незнакомец. – Ну, это не официальная беседа. Я полагаю, что некоторые вопросы мы могли бы к взаимному удовольствию обсудить наедине, частным порядком.

Ли повернулась и посмотрела ему прямо в глаза, световой индикатор состояния записывающего устройства мигал в ее периферийном зрении.

– Встреча наедине исключается. Вы можете разговаривать со мной под запись здесь или под запись же, но в офисе и

завтра. Такие правила.

– Правила. – Мужчина говорил задумчиво, выговаривая каждый слог, будто сомневался. – Но бывают разные правила, не так ли? Не так ли было на Гилеаде?

Внутри Ли что-то дрогнуло, словно внезапно раскрылся парашют, прекратив ее свободное падение. Затем она забыла про то, что было у нее внутри, забыла про игру, забыла про Гилеад. В голове у нее застучало, глаза наполнились влагой, и все в комнате закружилось вокруг нее.

– Андрей Корчов, к вашим услугам, – сказал мужчина. – По крайней мере, в частном порядке.

Ли покрутила головой, вздохнула и чихнула. Ей показалось, что у нее в носу застряло что-то, но она поняла, что это ощущение всего лишь иллюзия. На самом деле Корчов заглушил ее записывающее устройство, и ее внутренний механизм включил защитные вычислительные программы, отчаянно пытаясь противостоять этому вторжению.

– Что вы хотите? – спросила она.

Ее собственное спокойствие удивляло ее. Она знала тех, с кем пытались договориться. Результат был очевиден. Если с тобой не разделялись Синдикаты, то тобой занималась служба внутренней безопасности. Или агенты корпорации. Она ожидала, что у нее появится гнев, страх. Но все, что она сейчас чувствовала, – это холодное, расчетливое убеждение, что ей следовало тщательно выбирать узкий проход через минное поле, лежавшее перед ней.

– Мне ничего не надо, майор. Позвольте мне всего лишь представиться вам. Вы кажетесь мне той, с кем у меня могли бы быть... общие интересы.

– Я в этом сомневаюсь.

– Но как вы можете сомневаться, если мы даже не обсудили это?

Она снова посмотрела на «живую» стену, медля с ответом. Хамдани заметно напрягся под своим толстым свитером. Он подул на свои ладони и был отозван за прикосновение ко рту, затем в ярости ушел с «горки» и вернулся, потеряв темп. Когда он наконец совершил бросок, мяч вырвался и приземлился за центром «дома».

– Черт! – выругалась Ли, когда удар биты прозвучал на всю комнату, и вздохнула с облегчением, когда мяч замер за ограждающей дорожкой.

– Вы – любопытная женщина, – спокойно сказал Корчов. – Можно было бы даже назвать вас загадкой. Признаюсь, что вы меня чрезвычайно интересуете.

Ли промолчала.

– Когда я узнал, что вас направили сюда, я был совершенно, скажу вам с полной откровенностью, удивлен. Ваш послужной список свидетельствует... о вашей впечатляющей способности добиваться окончательных результатов. Мне кажется, что вы заслуживаете большего. Или, по крайней мере, можете ожидать большего.

– Я смотрю на это по-другому, – ответила Ли. – И если

даже это так, то у меня есть что терять. И многое, за что я благодарна.

– Благодарна. За что? За возможность пасти колониальных овец и слушать приказы тех, кто ниже вас по развитию? Или есть еще какое-нибудь объяснение печальному возвращению героини в свои родные места? Кое-кто из наших, – голос Корчова слегка изменился, став грубее и холоднее, – идеалистичные... и доверчивые предположили, что ваша опала свидетельствует о том, что Совет Безопасности отказался от некоторых... более жестких подходов. Я себя к этим людям не отношу.

– Если вы хотите что-нибудь сказать, Корчов, то говорите.

– Мне нечего сказать, майор. Мне просто любопытно. Можно так выразиться, что я просто изучаю человеческую натуру. Или слово «человеческая» не очень подходит для данного случая? А говорил ли вам кто-нибудь, как вы похожи на Ханну Шарифи? До чего удивительна сила геномов компании «КсеноГен». Конечно, их работу можно считать еще сырой. С людьми, по крайней мере. Но некоторые из разработчиков периода до прорыва были настоящими гениями.

– Я сомневаюсь, что вы нашли многих поклонников их гениальности здесь. – Ли снова потрясла головой, безуспешно пытаясь справиться с антизаписывающим устройством Корчова.

– Увы, это так. А кстати, действительно ли Шарифи была

убита?

– Это не установлено.

– Но мне сообщили, что у вас есть подозреваемые.

– Вам сообщили неверно.

– На самом деле так трудно получить точную информацию. Это очень щекотливая проблема. Поэтому достоверная информация так ценна.

Ли начала облизывать губы, но поймала себя на этом и прекратила, поняв, как это выглядит со стороны. «К чему клонит Корчов? Спрашивает о Шарифи. Просит какую-то информацию. Безусловно, что-то предлагает. Но что? Намекает так осторожно, чтобы не дать возможность недвусмысленно отвергнуть предложение без того, чтобы не спросить. Не происки ли это службы внутренней безопасности ООН? Или настоящий «подкат» агента Синдиката? Или это выживание по кусочкам информации о Шарифи – работа корпоративного разведывательного отдела одной из многопланетных компаний?» – все это вихрем пронеслось в сознании Ли. Их разговор наверняка записывался. Единственное было неясно: кому принадлежало записывающее устройство.

– Я не могу раскрывать информацию о проводящемся расследовании, – сказала она.

– Я и думать боюсь о том, чтобы совать нос в расследование Комитета по контролируемым технологиям, – ответил Корчов. – Меня больше интересуют, если можно так сказать... вы сами.

На экране снова стали показывать кубинца. Игра была остановлена на ничейном счете, шло дополнительное время. Команде «Янки» оставалось совсем немного до выигрыша. И только Хамдани проигрывал.

– Я не понимаю, почему вы связываете мое пребывание здесь с ТехКомом? – спросила Ли.

– Ну, в самом деле, майор. Проблема в том, что вы слишком честная и не способны солгать, когда необходимо.

– Ха! – выдохнула Ли.

Ее защитная программа наконец сумела обойти блок, поставленный Корчовым.

– Ну, хорошо, – сказал Корчов, вставая. – Было приятно поговорить с вами. – Он достал из нагрудного кармана узкую карточку и положил ее на стол: – Это – моя карточка. У меня магазин в столице. Антиквариат. На Мире Компсона полно всяких замечательных антикварных вещей. Я буду польщен, если вы посетите меня и позволите показать, что может предложить эта планета.

– Боюсь, у меня не будет времени, – сказала Ли. Она взяла карточку со стола и попыталась вернуть ее.

– Нет, нет, – сказал он. – Один из постулатов моей фирмы: никогда в жизни не закрывай дверь, пока не убедишься окончательно, что не хочешь войти в нее.

Сказал и растворился в толпе. Ли проводила его глазами, а потом рассмотрела карточку, которую все еще держала в руке. Карточка была сделана из матового волокнистого матери-

ала, похожего на бумагу. И вместо напечатанных слов и изображений на ней был геометрический узор правильной формы, составленный пробитыми отверстиями. Это была перфокарта Холлерита.

Ли видела подобные перфокарты и распознала скрытое статусное сообщение. Оно было написано в десятичном коде и в формате, который последние двести лет не обрабатывала ни одна машина. Такой дизайн говорил о техно-фетишизме, причастности к антиквариату и высокомерном эстетизме. Подразумевалось, что каждый, кто получал эту карточку, мог распознать и обработать древний код без внешнего компьютера.

Она решила, вспоминая их разговор, что Корчов был из Синдиката Ноулза, который представлял собой мир дипломатов и шпионов. В рамках тесной слаженности общества Синдиката конструкции серии «А» вели себя очень независимо, будучи впечатляющими и непредсказуемыми мастерами информации и манипуляции.

Адрес в перфокарте указывал на то, что магазин Корчова находился в Хелене. Кроме перфорированных отверстий на карте был выгравирован сложный логотип, напомнивший Ли узоры на персидских коврах Коэна. Где-то она уже видела этот дизайн. На рекламе? Она поискала в своих жестких файлах и нашла одно совпадение в верхних рядах активного списка. Следовательно, она видела его недавно.

Она открыла файл и увидела цифровое изображение за-

писной книжки в кожаной обложке с десятком визитных карточек в клапане за первой страницей обложки. И оттуда, выглядывая из-за нескольких полосок блестящих микрофиш, торчал уголок перфокарты Корчова.

Обложка записной книжки была из коричневой кожи, такой же мягкой и дорогой, как сливочное масло. Она принадлежала Шарифи.

На экране кубинец втянул Хамдани в гонку, отбивая мяч за мячом за линию фولا, тогда как Хамдани полностью выдохся. Осталось только ждать, пока он выкинет один нестоль-уж-быстрый быстрый мяч.

– Отправь его на первую базу, ты, идиот, – пробормотала Ли. – Не губи игру.

Он готовился к броску и выглядел таким скованным и старым, каким Ли его не помнила. Мяч вылетел из его руки на долю секунды раньше необходимого и полетел через квадрат «дома» в середине как раз в зону удара.

Кубинец заметил это так же, как и Ли. Его глаза вспыхнули. Руки напряглись. Широкая спина развернулась к камере, он согнулся в ожидании мяча. Бита щелкнула винтовочным выстрелом, и Ли, не дожидаясь рева толпы, поняла, что все кончено.

«Закрутка. Бросок. Конец».

Она встала и убрала карточку Корчова в карман, чувствуя сзади на шее взгляд невидимых глаз. Затем медленно и осторожно пошла назад в свою квартиру.

На следующее утро, через четыреста семьдесят шесть часов после того, как спасательная команда нашла его на «Тринидаде» в двенадцатой «Южной», Джеймс Рейнольдс Дейвз вышел из комы и заговорил.

Узнав об этом, Ли сразу же отправилась челноком в госпиталь Шэнтитауна, чтобы навестить его. Когда она добралась туда, Шарп и жена Дэйвза стояли в коридоре у его палаты и спорили с двумя охранниками с шахты АМК.

– У нас приказ, – сказал один из них. – Никто не должен видаться с ним. Без исключения.

Ли продемонстрировала им свою улыбку вместе с удостоверением личности.

– Я думаю, мы можем пропустить жену, да? – спросила она.

– Мне таких указаний не поступало.

– От кого? От Хааса? Позвони ему. Между прочим, госпиталь – это общественное учреждение. АМК отвечает за шахту и город, но здесь – вы на территории планетарной милиции. А это значит, что до того, как прибудет кто-нибудь с полномочиями от милиции, команду здесь я.

– Спасибо, – сказал Шарп после того, как жена Дэйвза проскользнула в палату.

Ли пожала плечами.

– Да и мне тоже надо поговорить с ним.

Она позволила Дэйвзу побыть несколько минут с женой и

постучала в дверь.

– Проходите, – произнес молодой мужской голос.

Зайдя в палату, Ли увидела Дэйвза, лежащего на высокой кровати за двумя занавесками из дешевого виуффлекса.

– Как вы себя чувствуете? – спросила она.

– Нормально. Относительно.

– Сможете ответить на несколько вопросов?

Он пожал плечами.

– Мне уйти? – спросила жена.

– Нет, если вы никуда не спешите.

– Хорошо...

Супруги обменялись взглядами, и жена Дэйвза вышла из палаты. Ли слушала, как звонкий стук ее каблучков по плитке пола в коридоре становился глуше по мере того, как она удалялась.

– Ну как? – спросила Ли, когда они с Дэйвзом остались вдвоем. – Спорю, что пробуждение было шокирующим.

Он улыбнулся.

– Как у спящей красавицы, черт возьми.

– Надеюсь, вас хоть успели поцеловать за муки? Извините, что я вмешалась.

Он рассмеялся, но охнул и побледнел.

– Три ребра сломаны. Доктор сказал, что если бы я проспал еще полторы недели, то проснулся бы и даже не почувствовал этого.

– Ну, вы знаете, как говорят: крепче будете.

– Ой!

– Извините, – спросила Ли. – Вы что-нибудь помните?

Он нахмурился.

– Что именно?

– Вы мне расскажите.

Он посмотрел на нее с сомнением.

– Вы – не из АМК, не как тот, кто был последний раз?

– В какой последний раз?

– Как тот, которого сегодня уже присылали ко мне, чтобы поговорить. Он настойчиво просил меня говорить всем, что я поскользнулся, ударился головой и с того момента ничего не помню.

– Так оно и было? Вы ударились головой?

– Врачи говорят, что такого не было.

– А вы помните что-нибудь?

Тень сомнения опять пробежала по его лицу.

– Вы не хотите говорить об этом?

– Нет. Нет. Я бы поговорил об этом. Но... я просто не уверен, что было такое.

– А что это было, по-вашему?

– Я не знаю, – повторил он снова, мотая головой по подушке. – Если я скажу вам, вы посмеетесь надо мной.

– Попробуйте, – сказала Ли.

И он рассказал.

То, что он описывал, очень походило на ее видения во время обоих похищений. Странные картины, смутные неясные

фигуры. Неразборчивые или странно искаженные звуки. Искривленные сумеречные видения, отражавшие прошлое, будущее или ничего вообще.

– Вы узнали кого-нибудь? – спросила Ли, когда Дэйвз замолчал.

– О, да, я всех узнал.

– Что вы имеете в виду, когда говорите: «всех»? Всех кого?

– Мертвых. – Он посмотрел на нее темными, широко раскрытыми глазами. Зрачки были так увеличены, словно он впадал в шок. – Всех их. Всех моих мертвых. Точно так же, как и вы видели их. Мне говорил шахтный священник.

У Ли подступил комок к горлу.

– А вы не думаете, что это была галлюцинация? Или, я не знаю, что-нибудь еще. Вроде спин-поточного похищения...

Она вспомнила, что Дэйвз не был специально оборудован и к тому же не имел денег, чтобы платить за поточное время. Возможно, он даже никогда не разговаривал с тем, кто имел прямой доступ к спин-потоку.

– Я имею в виду кого-то, кто пытался пообщаться. Не мертвого.

Он задумался.

– Я не знаю. Я не часто хожу в церковь. Но они были там. Вы понимаете, о ком я говорю? Они были... разные.

– А вы... – Ли остановилась, чтобы прокашляться. – Вы видели доктора Шарифи?

– Нет.

– А вы узнали бы ее, если б увидели?

– Конечно, я ее встречал несколько раз. Она была похожа на... ну, скажем, была такой, как они всегда выглядят.

Он замолчал, глядя на покрашенный пенопластовый потолок госпитального модуля. Молчание длилось долго и прервалось жужжанием мухи, бившейся о грязное стекло в попытке вылететь из плена. Лицо Дэйвза смягчилось и приняло озадаченное, огорченное выражение.

– Дело в том, – сказал он, – что я чувствовал: они были там неспроста. Словно старались сказать мне что-то особенное, очень важное, по их мнению.

– А что они хотели сказать? – спросила Ли, затаив дыхание.

К ее удивлению, он улыбнулся.

– Похоже, это – главный вопрос. Человек АМК все время задавал мне его. Ответить было не просто, поскольку он также пытался заставить меня говорить, что я упал, ударился головой и совсем ничего не видел. Даже Картрайт спросил меня об этом.

У Ли внутри все сжалось.

– Картрайт был здесь?

– Старый чудак, можно сказать, ждал меня у двери, когда я очнулся. Он стал болтать со мной раньше, чем врачи узнали, что я очнулся. Ему хотелось узнать, где это случилось. На каком уровне. Какие залежи были рядом. Думаю, что у

него есть своя теория или что-то вроде этого.

– Он не поделился с вами?

– Не совсем. Но я понял, что он думал о каком-то религиозном обряде. И ему это не по душе. Сильно. Он все время говорил о «непотребных сосудах» и был похож на мужа, поймавшего свою жену в объятиях водопроводчика.

– Что, по-вашему, там произошло?

– Я не знаю, что и думать. – Лицо Дэйвза снова потемнело. – Кто угодно испугается, особенно если оканчивается срок оплаченного отпуска по болезни и скоро снова лезть под землю. Я помню, что делалось с шахтерами, когда они начинали общаться с шахтными священниками. У них все еще в ходу старые слова: Иисус, Мария, святые. Жертва. Но вдруг понимаешь, что значат они что-то иное. И им не хочется раскрывать это тебе до той поры, когда слишком поздно отступить.

Он провел рукой по лицу и вздрогнул, так как движение отозвалось болью в его сломанных ребрах.

– И вот еще что, – добавил он. – Они никогда не говорят о Боге. Только о Марии. Дева – то, Дева – се. Ее святые. Ее Царствие Небесное. Но святые – не Ее, это – святые Господа. Подлинные святые, по крайней мере. Вы знаете, что мне сегодня сказал Картрайт? – Он приподнялся на локтях. Взгляд его был лихорадочно испуган. – Он сказал, что Бог не знает нас. Что Бог избрал только стопроцентных людей. Землю и людей. И только Мария любит нас так, что добралась до Ми-

ра Компсона. Почему он сказал мне это? Что это за место такое, куда даже Богу не добраться? Что происходит, когда ты умираешь здесь?

– Эй! – Один из охранников сначала заглянул в палату и только потом зашел, сопровождаемый двумя милиционерами. – У нас на линии Хаас. И он говорит, что приказ никого не впускать распространяется и на вас, майор.

Ли сначала опешила и не сразу переключилась с мрачных видений Дэйвза.

– Дайте мне поговорить с Хаасом, – сказала она.

– Хорошо. Только поговорите с ним где-нибудь в другом месте, а то, если вы не уберетесь отсюда сейчас же, мне придется подставить собственную задницу.

Ли обернулась на Дэйвза. Он слегка пожал плечами и в ответ посмотрел на нее широко раскрытыми глазами, будто говоря, что все происходящее для него – загадка. Она попыталась быстро соединиться с Хаасом, но услышала сообщение, что его нет в офисе. Это ее не удивило. Он, без сомнения, будет оставаться вне офиса, пока не решит, что можно позволить Ли поговорить с Дэйвзом.

В холле высокий молодой человек в комбинезоне разговаривал с дежурной сестрой. Ли чуть не прошла мимо него, но знакомый жест заставил ее остановиться и оглянуться. Это был представитель ИРМ Рамирес. Она уловила из разговора, что он просил сестру пропустить его в палату Дэйвза.

– Что вы здесь делаете? – спросила она резче, чем хотела.

– Хочу навестить друга, – спокойно ответил Рамирес.

– Ну надо же, как мило.

Если Рамирес и уловил сарказм в ее голосе, то он никак не показал этого.

– Ой, – сказал он медсестре, улыбнувшись и коснувшись ее плеча. – Я вас попозже поймаю, ладно?

Он положил руку на талию Ли и проводил ее через холл к двери с надписью «Выход».

– На самом деле очень хорошо, что вы оказались здесь, – сказал он ей. – Мне так хотелось поговорить с вами.

Они вышли из двери в золотисто-зеленую солнечную дымку осеннего полудня и остановились прямо у сотовидной решетки пожарного выхода, откуда открывался вид на Шэнтитаун, атмосферные процессоры, стоявшие за его окраиной, и медленно дымившиеся трубы электростанции. Легкий ветерок играл обшивкой госпитальных модулей и лениво подергивал ветроуказатель на площадке хоппера скорой помощи.

– Привет тебе, попутчик, – сказала Ли. – Разве ты не должен сейчас вместе с другими демонстрировать свою солидарность с рабочим классом и готовиться возводить баррикады, когда впереди покажутся танки? Или ты собираешься удрать в антракте и пропустить последнее действие? Думаю, именно так подобает поступать лучшим людям.

– Послушайте, расслабьтесь. Я думал, что просто представился случай возобновить контакт и... посмотреть, сможем

ли мы помочь друг другу найти выход из создавшегося положения.

Она прищурилась.

– Это мнение Дааля или ваше личное?

– Это мнение нас обоих.

– И что вы оба хотите в результате?

– Вот об этом-то я и хотел поговорить с вами. Но нужно хотя бы минуту.

– У вас их пять, – сказала Ли. – Даже шесть фактически, в зависимости от того, как скоро мне захочется закурить. Сигарету?

Она оперлась на перила и вытряхнула из пачки сигарету.

– Нет, спасибо, – сказал Рамирес – Это вредно для легких.

Она бросила на него жесткий взгляд.

– Вы знаете, человек вроде вас мог бы сделать здесь много полезного, майор.

– Что значит «вроде меня»? – тихо спросила она.

– Вы выросли здесь. Вы знаете, насколько здесь тяжело.

Вы действительно смогли бы открыть глаза людям в зоне Кольца.

– И что бы это дало?

– Все. Это разоблачило бы ложь корпоративной пропаганды о территориях, находящихся под опекой ООН, о том, что происходит на шахтах. Это позволило бы людям на старых планетах узнать, куда в действительности идут их деньги.

Она не смогла сдержаться и рассмеялась.

– Они знают, Рамирес. Они знают столько, сколько хотят знать. Или ты слишком молод и идеалистичен, чтобы понять это?

Рамирес покраснел.

– Послушай, я не хотела тебя обижать. Но я столько видела молодых идеалистов в этом городе. И все они верили в одно и то же. Что если они поговорят с честными представителями прессы, попадут в нужную спин-передачу, опубликуют нужную книгу, все несправедливости системы волшебным образом прекратятся. Нет, так не будет. Система – такая, какая она есть, потому что людям так нравится. Поскольку она подходит большинству людей. Или, по крайней мере, большинству тех, кто обладает достаточной властью.

– Это довольно цинично звучит.

– Зато реалистично.

– И хороший повод к тому, чтобы ничего не предпринимать.

– Прекрати проповедь, Лео. – Ли смахнула пепел с сигареты и проследила, как ветер унес его. – Это совсем не интересно, и, кроме того, я приношу пожертвования у себя в офисе.

– Я понимаю, почему вы так считаете. Вы долго добивались того, что имеете. И не хотите ставить все это под удар...

– Ты ничего не понимаешь, – отрезала она.

– Но...

– И никаких «но». Мне приходилось встречать богатых

ребятишек вроде тебя всю свою жизнь. Вы вылупляетесь из университетского общежития, или из маменькиного дома, или откуда-нибудь еще. Вы мутите мозги всем вокруг себя, в результате чего нескольких шахтеров убивают, а вы откупаетесь от любой неприятности и убираетесь восвояси к спокойной работе в симпатичном офисе. Но шахтеры, которых убили из-за ваших разгоревшихся страстишек, остаются лежать в гробу. А их родители, дети, братья и сестры по-прежнему таскают за собой баллоны с кислородом, пока им не стукнет пятьдесят.

– Мне жаль, если вы думаете подобным образом, – сказал Рамирес, странно покачивая головой. – Вы знаете, что работы на «Тринидаде» снова начались? – спросил он, внезапно поменяв тему.

– Нет, – ответила Ли, действительно удивившись на этот раз.

– Может ли это изменить ваше мнение?

– Нет. Это все, о чем ты думал, когда тащил меня сюда, или ты еще что-нибудь хочешь?

– Да, хочу. – Он облокотился на перила пожарного выхода и сложил руки на груди. – Послушайте. К нам недавно обратились... Есть люди, которые желают знать, над чем конкретно работала доктор Шарифи накануне пожара. И они хотят поддержать... хм, действия, которые мы недавно обсуждали. Как с финансовой стороны, так и с других.

– Полагаю, ты имеешь в виду Андрея Корчова, – сказала

Ли. – Нет, мне не интересно с ним что-либо обсуждать. И уж абсолютно точно ничего, что находится в компетенции Техкома.

– Ничего, даже если...

– Ничего, даже если.

Рамирес пожал плечами, затем поморщился как от боли и схватился за шею. И неожиданно Ли поняла, почему его движения казались ей странными.

Он закрывал рукой разъем недавно установленного черепного контакта, который был замаскирован лоскутом самоклеющейся кожи. Бугорок под лоскутом и вспухшая раздраженная кожа вокруг нового имплантата не оставляли сомнения в его происхождении.

– Это самодельное оборудование? – спросила она, показывая сигаретой на его шею.

– Не знаю, о чем вы говорите.

– Эти штучки для входа во «ФриНет» хороши на первый взгляд, но побочные эффекты чудовищны. Ты видел, как умирают от настоящего вируса?

– О чем вы?

– О том, что я не стала бы связываться с неграмотным техом на твоём месте. – Она затушила окурок о перила и бросила его на пустую площадку у соседней двери. – Можешь передать мой совет и Даалу тоже. Считай, что это – бесплатная услуга с моей стороны.

– Мы не стали бы заниматься кустарщиной, если бы Со-

вет Безопасности не контролировал полностью все потоко-пространство. Это ясно?

– Эй, не смотри так на меня. Я просто работаю на этих ребят.

– Ну, хорошо. – Рамирес произносил слова четко и быстро. – Просто верный маленький солдатик, выполняющий любые приказы. Ведь именно для этого вас и создал «Ксено-Ген»?

Ли почти бросилась на него, не задумываясь. Но сдержалась. Он даже не успел заметить, что его чуть не ударили. Она отошла, испугавшись того, что могло произойти.

– Ты, сукин сын, – расист, – прошептала она. – Попробуй сказать это мне еще хоть раз. Ты меня не знаешь. Ты еще ничего обо мне не знаешь.

Согласно старому анекдоту, были только три причины для встречи в реальном мире: секс, шантаж и запугивание с глазу на глаз.

Ли не надеялась, что ей удастся запугать Хааса, но если он собирался сорвать ее расследование, то, по ее мнению, должен был, по крайней мере, сообщить ей об этом. И поскольку файлы всегда можно подделать или исказить, он мог бы сказать ей об этом лично. А тут она и записала бы его слова, которые впоследствии пригодились бы в суде. А запись упаковала бы и закодировала в своем собственном банке данных.

Но ее надежды оказались напрасны. Когда она добралась

до офиса, Хааса там не было.

– Если вы хотите, чтобы он позвонил вам... – начала его секретарь.

По выражению ее лица можно было догадаться, что она хорошо понимала, для чего пришла Ли, и что Хаас не вернется, пока она не удалится.

– Ничего, – ответила Ли.

Она уже подошла к двери, когда кто-то, находившийся в тени, окликнул ее.

В дверях офиса Хааса стояла Белла. Босая, в шелковом платье на бретелях, облежавшем ее заметные округлости ее бедер и живота. Она показала знаком, чтобы Ли следовала за ней. Они вошли в потайную дверь, прошли по темному коридору и оказались в частных апартаментах Хааса.

По стационарным стандартам помещение было просторным и обставленным в том же дорогом, агрессивно-современном стиле, как и офис. Белла не включила свет, оставив открытыми иллюминаторы в полу, через которые проходил отраженный свет от Мира Компсона, рождавший дезориентирующие перевернутые тени.

Ли не смогла удержаться и спросила:

– Ты живешь здесь?

Белла посмотрела на нее. Лицо ее было так близко, что Ли прочитала выгравированный синими буквами по краям радужных оболочек глаз логотип Синдиката Мотаи.

– Это тебя шокирует?

Ли никогда не находилась рядом с конструкцией из Синдикатов, если не считать солдат серии «Д» и отдельных полевых офицеров. Ни разу ни с одной женщиной. И никогда не видела такую женщину, как Белла.

Белла была выше, чем представляла себе Ли. От нее исходил острый дикий запах, напоминавший о горных лесах. Ли мельком подумала, духи ли это или дорогой опцион, включенный в ее геном дизайнерами из Синдиката Мотаи.

– Почему это должно меня шокировать? Это не мое дело, с кем ты живешь.

Белла наклонилась к ней еще ближе. Звездный свет упал на ее лицо, и Ли увидела на ее тонкой скуле след синяка. Она взяла Беллу за подбородок и повернула ее лицо к свету.

– Кто тебя так?

Белла прикусила губу. Это было неосознанное движение, пугливое и чувственное одновременно, оно вызывало в Ли желание защитить ее.

Более чем защитить ее.

Ли отдернула руку и сказала:

– Ты можешь подать на него в суд.

Но, еще не закончив фразу, она осознала всю тщетность попытки.

Белла улыбнулась.

– Ты не любишь, когда людям причиняют боль, – сказала она. – Ты добрая. Как Ханна.

– Ты хорошо ее знала? – спросила Ли.

– Достаточно, чтобы почувствовать ее доброту.

– У нее в ежедневнике на странице, помеченной числом за несколько дней до смерти, стояла буква Б. Была ли у вас договоренность о встрече в ту неделю? Вы встретились? Говорили о чем-нибудь?

Белла отвернулась и принялась ходить по комнате, свет проникал сквозь складки ее юбки. На ходу она слегка касалась пальцами стульев, книжных полок, спинки дивана. Ли вздрагивала, словно Белла касалась ее собственной плоти, а не мертвой вирустали и кожаной обивки.

– Сядь, – попросила Белла. Ли села.

Белла остановилась перед блестящим черным ящиком потокопространственного терминала Хааса. Ее черные волосы спадали с плеч, словно вода, текущая по поверхности угля. Щелкнув замком, она открыла терминал и продемонстрировала плотное сплетение различных спин-устройств вокруг ярко светящихся стержней из квантового конденсата коммутационного класса.

Она раздвинула спутанные провода своим бледным пальцем и провела им по конденсатам.

– Они холодные. Они всегда холодные после форматирования. Странно. В шахте они говорят со мной, и только со мной. А здесь они говорят с каждым... а для меня – как мертвые камни.

Ли смотрела на внутренности терминала, пытаясь понять, что хотела сказать ей Белла.

– Тебе они слышны? – спросила Белла. – В шахте? Ты слышишь их?

– Не совсем, – ответила Ли. – Они просто нагревают мои внутренние устройства и все.

– А мне они поют. Слушать их – это самое прекрасное, что есть в моей жизни. Я создана для этого. То, что понятно мне, недоступно людям.

– Ты это и делала для Шарифи? Искала кристаллы? Вместо ответа Белла наклонилась над терминалом и вынула один из кристаллических стержней. Он излучал слабый свет. Белла подняла его и посмотрела сквозь него на Ли. Сквозь кристалл преломлялся темно-лиловый цвет ее глаз.

– Ты знаешь, как они работают на самом деле? – спросила Белла.

Ли пожала плечами.

– Я читала что-то перед выпускным экзаменом в офицерской школе. Хотя... ну кто может знать, как они работают на самом деле?

Белла отвернулась, тень от волос закрыла ее глаза.

– Ханна знала. Она знала о них все.

– Белла, – спросила Ли очень тихо. – Что делала Шарифи в шахте в день своей гибели?

– Работала.

– Нет, она спустилась, чтобы встретиться с кем-то. Кто это был?

Белла склонилась над клубком чипов и проводов, чтобы

поставить кристаллический стержень на место.

– Если бы я помнила, – ответила она наконец, – то неужели ты думаешь, что я скрыла бы это от тебя?

Произнося это, она отвернулась от Ли, направив свой взгляд в темноту.

– Я стараюсь найти ее убийцу, Белла. Мне нужна твоя помощь. Мне нужна любая помощь.

Белла молча взглянула на Ли, подошла к ней, встала на колени перед ее креслом, обняла ее за бедра своими мягкими бледными руками и прошептала:

– Я хочу помочь. Ты должна мне верить. Я сделаю все, чтобы помочь тебе.

Ли чувствовала тепло ее рук даже сквозь толстую ткань своей военной формы. Она понимала, что должна сохранять дистанцию, и решила, что если продолжать сидеть в такой позе, откинувшись в кресле, то это могло выглядеть намеком на приглашение.

А Белла искала совершенно другого. Она искала помощи, поддержки и дружбы, что, очевидно, получала от Шарифи. Она совсем не желала, чтобы Ли была следующей после Хааса и многих других, желавших воспользоваться ею. И от мысли, что Ли смогла даже подумать, чтобы предложить это, ее замутило.

Ли взяла ладони Беллы и убрала их со своих бедер. Затем поднялась из кресла и обошла стоявшую на коленях женщину. Белла не пошевелилась, чтобы остановить ее.

– Ты когда-нибудь встречалась с Андреем Корчовым? – спросила Ли, когда успокоилась и собралась с мыслями.

В глазах у Беллы что-то дрогнуло.

– С кем?

– С Корчовым?

– Нет. А что?

– Мне кажется, он платил Шарифи за информацию об ее проекте.

– Нет! – Белла вскочила на ноги. – Ханна не могла этого делать. Ее совершенно не волновали деньги.

– Для человека, которого не волнуют деньги, она тратила слишком много времени на поиски фондов.

– Она вынуждена была этим заниматься. Вставляя микрофиши в принтеры и кубики в компьютеры. Так она это называла. Но для нее это было совсем не важно.

– А что ей было важно? Для чего она всем этим занималась?

Белла встала и разгладила платье у талии жестом, привычным для тех, кто вырос в низкой ротационной гравитации орбитальных станций.

– Все ради кристаллов. Она всегда говорила только о них. О том, что люди делают с ними. Она хотела защитить их.

– От чего?

Белла пожала плечами и провела рукой, словно объединяла потокопространственный терминал Хааса, планету под их ногами и все пространство Объединенных Наций.

– От... этого.

– Шахтеры думают, что конденсаты умирают. Это так, Белла?

В ответ она резко рассмеялась.

– Нам осталось двадцать лет добычи, от силы – тридцать.

Геологи никак не могут договориться о точном числе, но разве оно имеет значение? Начальство никогда не пропускает отчеты. – Она улыбнулась. – Это маленький грязный секрет АМК.

– И Шарифи раскрыла этот секрет?

– Она ради этого сюда приехала.

– И что случилось в сияющей воронке, Белла? Шарифи пыталась заставить Хааса остановить добычу? Они спорили?

– Я тебе уже говорила. – Голос Беллы захрипел от досады. – Я не знаю. Я не могу вспомнить. Но искать нужно там. В шахте. Рядом с кристаллами.

СТАНЦИЯ АМК: 22.10.48

Ли пришлось однажды ознакомиться со своей спецификацией. Это произошло на техническом совещании, на военном корабле после взлета с обратной стороны пятой луны планеты Палестра накануне ее первой боевой операции.

Она пережила мучительный момент, но присутствовавшие в комнате не догадались, что она поступила на службу незаконно и не была всего лишь на четверть конструкцией,

за которую она себя выдавала. И это изменило ее жизнь.

Ли сидела в комнате для инструктажей, наблюдая, как строки кодов бежали перед ней по экрану, и слушая, как техи обсуждали уравнения силы упругости, строение скелета, саморазвивающиеся иммунные системы, искусственно созданную флору кишечника и дыхательной системы. И она впервые в жизни осознала, что она и все генетические конструкции представляли собой универсальных рабочих животных межзвездной эпохи. Наивысшее достижение в результате вмешательства человека в генофонд Земли в течение десяти тысяч лет.

Это знание оставалось с ней во время скачков и на всех новых планетах, где она побывала после этого инструктажа. Мысль об этом таилась где-то глубоко в ее сознании, когда она таскала тяжести, работала до ночи, проникала в потокопространство, занималась любовью.

Она подумала об этом опять, когда сидела на тренировочном мате и наблюдала, как Маккуин снимал с себя пропотевшую футболку, обнажая веснушчатый торс. Его внешность демонстрировала хорошую тренированность и лишь слегка подкорректированный геном. Чуть покрепче, сильнее и шире нормы, но, несомненно, продукт двух родителей со случайным набором из сорока шести хромосом, он во всем соответствовал букве закона и был совершенно недостижим для длинных рук Техкома.

– Ну и жара же здесь, – сказал Маккуин, бросив свою фут-

болку на край мата. – Даже если не смотреть, что вы устроили мне нехватку кислорода. Вы уверены, что все было честно?

– Богом клянусь, – ответила Ли. – Я убавила в своей системе все, что было возможно.

Она поднялась, стащила с себя футболку и обтерла ею пот с лица.

– Ты это видишь? – Она показала рельефный мускул на своем животе. – Знаешь, чего стоило мне добиться этого? Вспоминай об этом каждый раз, когда захочешь подольше поспать, вместо того чтобы заставить себя пойти в тренировочный зал.

На дальней стене висело зеркало, и когда она обернулась, то увидела себя в нем. Ничего необычного: сбитое мускулистое тело, генетически запрограммированные шесть процентов жира, грудь достаточно плоская для того, чтобы свести к минимуму женскую застенчивость и необходимость надевать спортивное белье.

Требовалось много работы, чтобы поддерживать военное внутреннее оборудование в надлежащем состоянии. Часами она упражнялась в тренировочном зале только для поддержки силы мускулов и прочности костей, чтобы уберечься от переломов при перегрузках. И хотя ее конструктивные гены давали прекрасную возможность сводить тренировки к минимуму, она не пользовалась ею. Это было единственным проявлением ее тщеславия.

Она снова взглянула в зеркало. И, посмотрев на себя критически, подумала, что Коэн был прав и она действительно худая. Слишком много она совершила скачков и мало времени проводила в тренировочном зале. Нужно попросить Шарпа прислать ей упаковку гормональных препаратов, чтобы не перестараться и не растянуть что-нибудь.

– Вы на модные татуировки не тратитесь, да? – спросил Маккуин, показывая на голубенькую надпись «КПОН».

Это была единственная татуировка, которую она сделала вместе со всеми бойцами ее взвода, когда они пьянствовали целую неделю после первого настоящего боя. Имена первых боевых товарищей выпали из ее мягкой памяти, но она все еще помнила ощущение от укола холодной и острой иглы и напряженное лицо портового художника-татуировщика, склонившегося над работой.

– Хорошо еще, что татуировка не на той руке, – сказал Маккуин. – А то шрам пришелся бы как раз на нее.

Ли изогнулась, чтобы впервые за долгие годы посмотреть на эти синие буквы, и улыбнулась от смешной банальности татуировки:

– С ума сойти!

Она настояла на программе физической подготовки личного состава службы безопасности прежде всего ради удовольствия, хотя это имело значение и для морального состояния тех, кто постоянно находился на станции. Главное в этих занятиях было то, что несколько работников службы

официально могли собраться вместе и помериться силами на борцовском ковре. Ли не собиралась внушать им идею о том, что постоянные тренировки при уменьшенной мощности внутренних устройств откроют для каждого рядового сотрудника новые горизонты карьерного роста. Она просто назначала время, а там – как получится. Если они хотели прийти – приходили. Если нет, то – нет.

И Маккуину это нравилось. Он приходил сюда каждое утро и получал от нее свою долю мучений. Он просто горел наивным желанием показать себя. Работая с ним, Ли обнаружила, что к ней возвращается былой пыл, острое ощущение счастья, которое она не испытывала уже давно, задолго до Метца. Она поймала себя на мысли, что если ей удастся помочь ему выбраться с Компсона, то можно будет сказать, что она потратила здесь время не впустую.

– Вы действительно не бывали здесь с самого поступления на службу? – спросил он, когда они отрабатывали стойку для особо трудного броска, которому Ли пыталась его научить. – А почему? Плохие воспоминания?

Ли отошла к краю мата, выпила воды, вытерла лицо и руки.

– Не совсем. Просто не было повода.

– А семьи нет?

– Насколько мне известно, нет.

Они отработали прием еще несколько раз молча. Маккуин все ловил на лету. Он заулыбался от радости, когда Ли

наконец позволила бросить ее почти с полной силой. Правда, она моментально пожалела об этом, как только ее большое плечо коснулось мата.

– Без семьи, я думаю, еще и легче, – сказал он, продолжая беседу. – Мои родители не очень-то хотят, чтобы я попал в Космическую пехоту. Они читали о побочных эффектах невропродуктов, о скачковой амнезии.

Он улыбнулся и пожал плечами, стараясь отмахнуться от озабоченности родителей и их переживаний, свойственных старикам. Ли все же ответила на его скрытый вопрос:

– Если ты общаешься с психотехами и копируешь все очень аккуратно, то ты мало что забудешь. В противном случае... конечно, потери неизбежны. Но даже если что-то пойдет не так, то это совсем не та ситуация, которая была десять лет назад. Они минимизировали скачки, реже переводя личный состав с места на место. Даже рядовых.

Черт, можно получить постоянное назначение на планету и совершить не более пяти-шести скачков за всю службу. Если, конечно, будет мир.

– Если будет мир. В этом-то и проблема, верно?

– А что ты хотел? – спросила Ли, с удивлением обнаружив, что повторяет фразу, сказанную ей Хаасом несколько недель назад. – Обещаний?

Веснушчатое лицо Маккуина вспыхнуло.

– Я не это имел в виду. Я хотел сказать... что война дала многим колонистам шанс показать себя. Таким людям, как

вы, например. Людям, которым в мирное время ни за что было не добраться до командных должностей. Теперь не то время. А дома еще хуже. Многопланетчики торгуют с Синдикатами, отнимая у местных жителей на Компсоне последние рабочие места. В южном полушарии уже есть шахты, в которых под землей работают конструкции серии «Д». Вместо шахтеров. Мой отец постоянно твердит, чтобы я оставался дома и занимался лавкой, но где здесь будущее? Как только многопланетчики поймут, что могут использовать рабочую силу Синдикатов, придет конец для независимых и вольноопределяющихся. А не будет вольноопределяющихся – на планете исчезнет валюта ООН. А не будет долларов ООН, останутся одни дензнаки компании. А это значит, что магазины компании вытеснят нас всех. Все к тому и идет, останутся только многопланетные компании из зоны Кольца и Синдикаты. Для маленького человека ничего не остается, как работать на правительство. Если он сможет найти такую работу.

– И в самом деле на шахтах работает серия «Д» ? – спросила Ли.

Ей еще не приходилось слышать об этом, и она не могла себе представить, как Техком разрешил это.

– Работают везде, – ответил Маккуин, – где только можно. Зачем нанимать местного рабочего, когда можно подписать тридцатилетний контракт и получить конструкцию, запрограммированную на бесплатную работу. В случае болезни

или других неприятностей ее можно заменить другим клоном.

«А почему и нет, действительно?» – подумала Ли.

– Ладно, – сказал Маккуин, – извините за болтовню. Вы хотите поужинать сегодня с кем-то еще из дневной смены? Посмотреть игру или что-нибудь еще?

– Не могу, – с улыбкой ответила Ли. – У меня важная встреча.

Маккуин посмотрел на нее и закусил губу.

– А это еще что такое?

– Ну... вы не с Беллой встречаетесь?

– Прошу прощения?

– Станция маленькая. Разное говорят.

– Ну, в этом случае слухи безосновательны. Какими бы они ни были.

– Хорошо, – сказал Маккуин. Он немного подумал и добавил: – Мне просто не хотелось бы, чтобы вам было плохо.

Ли чуть не спросила, кто, по его мнению, мог бы сделать ей плохо, но в зал вошел Кинц в сопровождении своих приятелей.

– Доброе утро, – сказал он Брайану. – Берешь частные уроки?

Маккуин покраснел, к удовольствию Кинца. А у Ли внутри все закипело: Маккуин никогда не сможет командовать выпускным классом, не говоря уже о боевом подразделении, если не научится сдерживать себя.

– Грустно, что на тебя никто внимания не обращает? – бросила она Кинцу. – Я могу помочь.

В течение минуты она отправила остальных работать на тренажерах, и они с Кинцем встали в борцовскую стойку напротив друг друга на мате у двери. Кинц был быстр и точен, и, несмотря на то что в целях безопасности его внутренние устройства были поставлены в режим пониженной мощности, он двигался уверенно, как профессионал. В обычной обстановке Ли посчитала бы встречу с таким умелым противником настоящим удовольствием. Но Кинц вызывал у нее сильную неприязнь, и ей не хотелось входить с ним в клинч. Не хотелось даже дотрагиваться до него.

Она привела дыхание в порядок и постаралась почувствовать противника, чтобы найти его слабые места и использовать против него. Кинц выглядел молодцом. Лучше любого другого на станции. Он был самонадеян и любовался собой, и его самодовольство позволило Ли найти в его обороне достаточную дыру, чтобы въехать туда на танке.

Она заставляла его передвигаться по мату, оценивая его удары ногами и стараясь заставить его поверить, что некоторые из них достигли цели. А некоторые все же достигали ее. Невозможно было избежать этого из-за его длинных конечностей, и каждый раз, когда это случалось, Ли жалела о килограммах, которые она потеряла после Метца. Эти сброшенные килограммы могли бы сейчас смягчить удары по ребрам и вложили бы больше силы в ее ответные удары, когда он

подходил на близкое расстояние.

Ли начала понимать, в каком направлении ей работать. Кинц предпочитал наносить удары правой рукой, и его стойка была особенно неуклюжей, когда она теснила его назад или заставляла двигаться влево. Трюк заключался в том, чтобы воспользоваться этим слабым местом, чтобы он не догадался. Для этого она должна была находиться с краю, постоянно менять свое положение, чтобы заставить его двигаться. И конечно, позволять ему наносить удары.

Она вытащила его на середину мата, танцуя вокруг него. И тут он неожиданно ударил, но не по колену, куда целился, а по стопе. В результате она потеряла равновесие, и он смог в это мгновение схватить ее.

Они сцепились, каждый старался ухватить соперника так, чтобы удержать равновесие. Он захватил ее в неудобном положении, и она сразу почувствовала, как он начал брать ее в замок. Она отставила ногу, уперлась в него здоровым плечом, рыча от усилия, и оттолкнула его.

Вспышка ярости в его глазах была очевидна, но он быстро восстановил равновесие и позицию.

– Хороший прием, – сказал он. – Думаю, ты карьеру делала не только в постели.

– Могу тебе еще показать кое-что, – ответила она, сдерживая желание наступить ему на пальцы.

Маккуин и другие подошли поближе, привлеченные звуком падения Кинца на мат.

– Если вы считаете, что на это стоит смотреть, то вам еще учиться и учиться, – сказала им Ли, и они отошли со смущенным видом.

Теперь активность перешла на сторону Кинца. В пристрелочном спарринге он делал свои оценки и выводы и теперь, повинувшись сильному инстинкту уличного бойца, нацелился на большую руку соперницы. Но он начал задыхаться. Ли были слышны слабые свистящие звуки, раздававшиеся при каждом его вздохе. Она подумала, что этим можно воспользоваться, и сделала рискованное движение, поднырнув под его руки, согнутые в защите.

Лет пять назад это бы сработало. Но она не была уже такой быстрой, как пять лет назад. Он ударил ее в бок так, что она пошатнулась, и в момент ее замешательства на долю секунды он достал ее. Он старался схватить ее за большую руку, а она увертывалась, не давая ему сделать это. В конце концов ему удалось захватить ее за шею.

Когда он заговорил, его голос был настолько искажен от усилия, вложенного им в захват, что она сначала никак не могла разобрать слов. Потом поняла и почувствовала холод от адреналина по всему телу.

– Я прямо сейчас могу сломать тебе шею. И все поверят, что это был несчастный случай. Я могу сказать, что ты захотела побороться с выключенной защитой и тебе просто не повезло.

Она попыталась просунуть свои кисти под его руки, но он

так сдавил ее, что она и думать забыла об этом.

– Ты думаешь, что ты – особенная, да? – прошептал он, – Ты думаешь, можно вот так прийти и начать указывать людям? И мы все запрыгаем? Слушаюсь, майор! Что пожелаете, майор?

Ли согнула ноги в коленях, почувствовала недостаток равновесия у Кинца, воспользовалась моментом и снова бросила его на мат.

– Вы меня достали, Кинц. Ты и Хаас. Ты ведь у него на побегушках, так?

Кинц вытер рот, и его рука запачкалась кровью.

– А что у тебя против нас есть? Да, ничего, – сказал он.

Потом встал, и они снова сцепились.

Она не смогла понять, как ему удалось одолеть ее в очередной раз, но неожиданно он сделал это. Его правая рука внезапно вылетела откуда-то и ударила ее в челюсть снизу. Левой рукой он вывернул ее больную руку за спину так сильно, что послышался скрежет сталекерамики по хрящам. Пользуясь своим ростом, он приподнял ее так, что пальцы ее ног еле касались мата. Она ощущала его ребра, прижатые к ее спине, запах пота и дешевого лосьона. Она собралась, поджала ноги, как написано в учебнике, и попыталась скинуть его.

Кинц рассмеялся.

– И это все, что ты можешь, майор?

Он возвышался над ней, крепкий, как скала. Адреналин

уже несколько раз в течение схватки ударял по ее внутренним устройствам, и она успевала быстро отключать их. Теперь она включила все, что у нее было, на полную мощность. Она выкручивалась, напрягая протестующие сухожилия и связки почти до разрыва. Ничего не получалось. Он держал ее очень крепко. Несмотря на то что она напряглась почти до предела, было очевидно, что он значительно сильнее ее.

– Космическая пехота больше не давит из вас сок, ребята, так, как это было раньше, – сказал Кинц. – Или, может быть, ты уже не в списках.

Он так вывернул ей руку, что у нее подогнулись колени и перед глазами поплыли красные круги.

– Я знаю, кто ты есть, – прошептал он ей в самое ухо. – В каждом борделе в Хелене полно таких, как ты, шлюх-полукровок. Это тебе не Гилеад. Тебя здесь армия не поддержит. И я покажу тебе, что это значит, если ты будешь продолжать совать свой нос куда не следует.

Ее первым побуждением было сопротивляться, из-за больших доз адреналина ее внутренние устройства заставляли ее систему работать быстрее. Но, подумав, она почти рассмеялась над этим, как над детской глупостью. Почему ее это так беспокоит? Для чего вредить себе только ради того, чтобы не дать Кинцу возможности похвастать впоследствии тем, что он побил ее на тренировочном мате? Она расслабилась в его руках и стала ждать.

До известной степени это сработало.

– Тупая сука, – пробормотал Кинц на выдохе.

Он отпустил ее руку, но одновременно подставил ей ногу так, что она чуть не кувырнулась. Ее внутренние устройства позволили ей удержаться на ногах. А когда она обернулась, он уже скрестил руки на груди, а на его лице сияла привычная ухмылка.

Она рассмеялась, хотя у нее от ярости дрожали руки.

– Было здорово. Как-нибудь повторим.

– Конечно, – все еще улыбаясь, поддержал он. – Еще увидимся.

Она проводила его взглядом до самой двери, стоя посередине мата на цыпочках. Должно быть, она выглядела потрясенной. Она еще не успела прийти в себя, как Маккуин подошел к ней с встревоженным выражением на лице.

– Все в порядке, майор? Она расслышала его голос сквозь пелену адреналина.

Казалось, что он говорил откуда-то издалека.

– Со мной все хорошо, – сказала она, проводя мокрой рукой по волосам. – Но этого сукиного сына придется наказать.

Сияющая воронка.

Свет и тишина. Полнота пространства, как шум в морской раковине. Колонны, как ребра, подпирающие природные верные своды, создавали живую картину готического собора.

Ли видела это и в темноте, и под водой. Теперь она смотрела на это глазами шахтеров, видела это так, как Шарифи.

И Белла была права: все вокруг пело. Возможно, Ли слышала не ту музыку, которую слышала ведьма, но ее внутренние устройства вели себя очень беспокойно под напором квантового шторма, бушевавшего в блестящем нутре сияющей воронки.

Осушить ее было непросто. Бригаде, занимавшейся уборкой, потребовалось гораздо больше времени, чем предполагалось, чтобы укрепить окружавшие воронку проходы и запустить насосы. Несколько напряженных дней было потрачено на поиск подземной реки, вышедшей из берегов в результате пожара и последовавшего за ним подъема воды. Вода продолжала поступать в нижние горизонты «Тринидада» с той же скоростью, с какой они ее откачивали.

Работа задерживалась еще и потому, что шахтеры, за исключением католиков, отказывались работать в сияющей воронке. Это место было окружено путающими суевериями и отталкивало некоторых настолько сильно, насколько манило к себе Шарифи.

Что-то щелкнуло и быстро откатилось из-под ног Ли. Она наклонилась, от лампы на ее голове по неровному полу побежали тени. С пола на нее смотрели два блестящих красных глаза. Она дотронулась до них и услышала легкий стук. Она подняла предмет. Это был дешевый пластиковый продукт местного производства, всегда продававшийся на рынках Компсона. Два красных шарика, соединенных между собой петелькой из черной резинки. Эта дешевая безделуш-

ка называлась «Любовь в Токио» и служила для того, чтобы завязывать девчоночьи косички. Когда-то в туманном прошлом Ли была девочкой с косичкой и носила такую же штучку. Не задумываясь, она надела резинку себе на запястье, пропустив пластиковый шарик через петельку. Послышался щелчок, и резинка затянула ей запястье так, что стало ощущаться легкое давление шариков на кожу. Из глубины подсознания всплыли воспоминания ночных детских страхов, сильные и точные.

Она была в какой-то другой блестящей воронке, а не в этой. Из той воронки все давно уже было вынуто и продано АМК или какой-то другой компании. Она – на руках у матери. Отец – где-то здесь, рядом, но не с ними. Это другое месторождение; она помнила долгие часы, проведенные на неровных горных дорогах, о том, как взятые напрокат дыхательные аппараты переходили из рук в руки в трясущемся грузовике под хлопающим брезентовым тентом. Было темно, когда они выехали, еще темнее, когда добрались до места, но самая темень была в той жаркой шахте с невнятными звуками повсюду. Ее страшили эти звуки, эти тонны камней, громоздившиеся над ее головой.

«Я – внутри зверя, – думала она. – Меня проглотили, как Иону».

Воспоминание ушло. Она встряхнула головой и осмотрелась. Что они делали в той сияющей воронке? Почему они туда попали? Она попыталась еще раз проследить нить памя-

ти, вспомнить, что было дальше, извлечь разрозненные воспоминания. Ничего.

– Что это? – спросил Маккуин, показывая на шарики. Ли подпрыгнула от неожиданности, поскольку совсем забыла о нем. Она протянула ему безделушку. Он посмотрел на нее и улыбнулся.

– Не похоже, что это в стиле Шарифи.

– Возможно ли, чтобы Картрайт или кто-то еще приводили сюда вниз детей?

Маккуин выглядел неловко.

– Ну, АМК старается остановить их. Но что они могут сделать? Они не могут закрыть каждый шурф и вентиляционный штрек.

– А что тебе известно о сияющих воронках, Маккуин?

Он посмотрел на нее так, словно в вопросе был подвох.

– На самом деле я забыл уже многое, что знал раньше... до того, как поступил на службу. – Маккуин перевел дыхание и нахмурил брови. – Это то, что геологи называют белыми телами, – уплотнения породы, проходящие через несколько ее пластов. Лучшие кристаллы всегда находятся в этих белых телах. Некоторые из них с начала и до конца – транспортной категории. Когда компания попадает на такое... ну, это – большие деньги. Начинается настоящий бум.

– Но ведь это больше чем деньги, так? Почему Картрайт так волнуется об этом?

– Я – пятидесятник, – сказал Маккуин, и в голосе его про-

ступило едва заметное недовольство, которое можно было и не заметить.

Но Ли его услышала, поскольку ожидала.

– Это все опять касается шахтных священников, – медленно сказала Ли. – И профсоюза.

– А какая разница? – спросил Маккуин.

– Ну, прекрати, Брайан. Это важно.

– Я... знаю только, о чем говорят. Я не думаю, что большинство католиков знают больше. Вовсе не значит, что Рим это одобряет.

– И?

– И ничего. Священники – те, кто верит в это, – ищут белые тела. Тем же внизу и занимается Картрайт. И в АМК не знают, что он священник. Иначе они бы с него живого содрали шкуру.

– И что они делают, когда находят сияющую воронку?

– Обычно спускаются туда и пялят на нее глаза. А что, скажем, люди делают, когда приезжает Папа Римский?

– И?

Выражение его лица стало непроницаемым.

– И ничего.

– Если бы было ничего, то ты не смотрел бы на меня так.

Расскажи-ка, что ты решил от меня утаить.

– Я не собирался ничего от вас утаивать. Я просто не люблю повторять сплетни. Скажем, я ведь не назвал всех тех, кто, по слухам, сражался на стороне «временных», правда?

Поскольку мне ясно, что это не так. Просто люди языками треплют.

– Фактически, многие из них были в этом замешаны, – сказала Ли.

Маккуин уставился на нее.

– Ну, ничего себе. – Даже при свете лампы можно, было разглядеть удивление на его лице. – И кто же?

– Чак Кинни, например.

– Но он же – конструкция.

– Ну и что? И хозяин бара «У Молли». Без сомнения. А еще и те два брата, рыжие, лет на пять старше меня.

– Матт и Джеф?

– Господи, их все так же кличут?

– Ну, а как их еще назвать, вы только на них посмотрите.

Ли рассмеялась.

– И что выдуманного в слухах о том, чем они занимаются? – спросила она, надеясь, что Маккуин разговорился достаточно, чтобы смена темы не повлияла на его настроение.

– Ой, это гораздо более странно, чем игры ИРА. Больше похоже на те страшные истории, которые рассказывают детям, чтобы они слушались старших. – Он улыбнулся. – Помню, моя тетушка, а может, и кто-то другой, рассказывала мне. А вы... действительно не помните этого?

– Иногда помню, иногда забываю. – Она улыбнулась. – Скоро сам убедишься.

– Хорошо. О сияющих воронках рассказывают, что когда

священники приводят вниз кого-то, то... они чем-то их кормят.

Ли рассмеялась.

– Что-то вроде ритуального каннибализма?

– Я говорил вам, что это смешно.

Ли уже собралась согласиться, что это смешно. Но не успела она открыть рот, как своды закружились перед глазами и она оказалась во власти еще одного воспоминания.

Отец с матерью были рядом с ней. Но удивительно, они стали как-то меньше, чем в последнем воспоминании. Потребовалось несколько секунд, пока до нее не дошло, что изменилась она сама.

Она старалась разглядеть лица, но не могла. Абстрактно было понятно, кто это, но их конкретные черты были ей невидимы. Словно на них обоих были надеты белые маски с надписями «Мать» и «Отец». Словно у них совсем не было лиц.

За отцом в тени стояли двое мужчин. Одного она узнала по наклону плеч и вертикальному шраму на шее: это был Картрайт. Второго, худого и жилистого, прятавшего голову под воротник, она не узнала. Она посмотрела на мать и обнаружила, что та беззвучно плакала, слезы текли у нее по щекам. Она повернулась к отцу и чуть не упала в обморок от ужаса.

У него не было груди. Вместо нее была темная дыра, поглощавшая свет от кристаллов вокруг них и, казалось, гро-

жившая поглотить в себя даже стягивающие ребра свода над их головами.

Он улыбнулся ей, а может, просто улыбнулся. Медленно, не отводя от нее глаз, он поднял руку, окунул ее в пустоту внутри себя и достал оттуда толстую пачку бумаги.

Ли рассмотрела бумагу и костлявую, с вьевшейся в кожу угольной пылью руку, державшую ее. Она разглядела даже темную ленточку на запястье. Она видела все, фиксировала это, воспринимая подробности с сюрреалистичной точностью сновидения. Единственное, что она не заметила – по крайней мере, до того, как стало слишком поздно и ей начало жечь руки, – так это то, что собой представляла эта бумага.

Это были деньги. Деньги, которые она потратила пятнадцать лет назад.

СЕКРЕТНАЯ СЛУЖБА. ШТАБ КЛОН: 22,10.48

Нгуен сидела за своим письменным столом у высоких окон. Румяный закат отсвечивал от ее форменного кителя, заставляя ярко блестеть эполеты, окружая ее прямую фигуру ореолом цвета червонного золота.

– Ну, – сказала она. – Управляющий станцией затеял что-то нечистое. По-твоему. Но у тебя, насколько я понимаю, нет доказательств, кроме факта, что он плохо относится к своей любовнице. Ли, в работе с квантовым конденсатом каждый нечестно играет. Ставки настолько высоки, что трудно удер-

жаться. Если он действительно в чем-то виновен, то в АМК, возможно, уже знают об этом и совсем не обрадуются, если услышат о... Как, ты сказала, его зовут?

– Хаас.

– ...если услышат от нас о Хаасе.

Ли помедлила с ответом. Нгуен продолжила:

– А что с Гоулд?

– Она прибудет во Фритаун через двадцать дней.

– Тогда тебе нужно будет закончить все к этому сроку.

– Мы не сможем закончить это дело без нее.

– Нет. Так не пойдет. Мы можем ее снова потерять. Она сможет получить какую-нибудь информацию – Бог знает, какую и для кого, – прежде чем мы перехватим ее корабль. Двадцать дней. Это все, что у тебя есть. А ты тратишь свое время на этого мелкого жулика и его подружку.

– Но убийство Шарифи...

– Ты не поняла, Ли. Убийство Шарифи – если ее действительно убили – это второстепенная задача. Настоящая цель – узнать, над чем она работала и кому передавала информацию.

– Да, но эти две вещи взаимосвязаны. Хаас был...

– Не хочешь ли ты мне сказать, что Ханна Шарифи тратила время на то, чтобы уличить какого-то воришку в ущерб своим исследованиям?

– Нет, но...

– Тогда давай договоримся. Мне нужны записи данных

Шарифи. Мне нужно знать, кого она с ними знакомила. И более всего я желаю знать, какие меры нам следует принять, чтобы они не попали не в те руки.

– Что значит – не в те руки?..

– Значит в любые руки, кроме наших. – Нгуен вздохнула и наклонилась ближе. – У меня – хорошие новости. Я видела проект решения Совета по Метцу. Это еще не официальный документ, но я думаю, что они снимут обвинения против тебя.

– Отлично, – сказала Ли, но мышцы на бедрах и плечах напряглись еще сильнее, в ожидании следующего шлепка.

– Если все пойдет так, то мне хочется поговорить о твоём новом назначении. На Альбу.

– Здорово.

– Конечно, если Совет примет решение в твою пользу. Некоторые из членов Совета все еще сомневаются, насколько мне известно.

В их числе и сама Нгуен, нет никаких сомнений.

– Что требуется, чтобы они склонились в мою пользу? – спросила Ли, включаясь в игру и проклиная себя за это.

– Простое и быстрое завершение расследования прежде всего.

Сначала пряник, потом кнут.

– И еще, – Нгуен сделала деликатную паузу, – придется тебе побыть немного без Коэна. Ты – прекрасный офицер. Хороший солдат. Но ты потеряла с ним голову. Коэн,

несмотря на его очаровательную эксцентричность, вовсе не безобидный чудака. Разговаривая с ним, ты говоришь с советом директоров и единственным акционером самой большой многопланетной компании в пространстве ООН. Он контролирует космические маршруты и доступ в потокопространство почти на трети Периферии. Его корпоративный разведывательный отдел, без преувеличения, вдвое больше нашего управления внутренних расследований по численности... Ли рассмеялась.

– Думаю, что он уже предлагал мне работу там.

– Вполне возможно. Я уверена, что ты могла бы быть ему очень полезна. Именно это я и имею в виду. Когда говоришь с ним, в этом нет ничего личного. Не позволяй органическому интерфейсу заговорить тебя, чтобы ты поверила, что имеешь дело с таким же, как и мы. Нельзя ему верить. За исключением тех случаев, когда твои действия полностью отвечают его интересам. Он был создан таким. И никаким другим. Для него нет другого пути.

– Зачем вы говорите мне об этом? – спросила Ли. – Коэн – это лучший независимый AI из всех, с кем мы сотрудничаем. Его что, в чем-то подозревают?

– То, что мы работаем с ним, вовсе не означает, что мы верим ему. Существуют люди, слишком влиятельные, чтобы бросать им вызов. Коэн – в списке для наблюдения Советом Безопасности. Ради Бога, не забывай об этом. Возможно, у нас нет достаточно доводов, чтобы отдать его под суд. Но он

сознательно создал ситуацию, при которой рухнула планетная сеть на Калиспелле в прошлом году. Он манипулировал с сетью с намерением нанести вред людям. Если мы смогли бы доказать, что он виновен в этом, то его ободрали бы до самых выключателей. А Тель-Авив...

– Тель-Авив – это несчастный случай. – А несчастный случай на Метце?

У Ли все внутри перевернулось.

– О каком случае вы говорите?

– Кэтрин, – настойчиво повторила Нгуен, и оттого, что Ли слышала имя, которым всегда называл ее Коэн, у нее появилось странное ощущение двойственности. – Забудь о Метце. Я просто пытаюсь попросить тебя не забывать, что он – не человек.

– Да, обратите внимание, и я тоже, – сказала Ли. Нгуен прервала ее нетерпеливым жестом.

– Не в этом дело. Кто ты есть – это всего лишь семантика. Несколько видоизмененных хромосом. Бабушка, чей геном был собран согласно дизайну, а не по воле случая. Но в любом смысле ты – человек. Коэн же это – абсолютно другое. И пусть личное отношение не мешает тебе помнить это.

Нгуен вздохнула, взяла микрофишу, просмотрела ее и подписала, передвинув ее затем на другой конец стола.

– Ну, закончили с этим. Думаю, что это не более неприятно, чем требовалось. Надеюсь, ты понимаешь, что заставило меня поднять этот вопрос. У тебя есть что-нибудь еще

ко мне?

Ли начала говорить, но задумалась, рисковать ли ей, общая Нгуен о Корчове.

– Да, – сказала она. – Недавно у меня состоялся странный разговор с одним человеком. Я не знаю даже, как вам сказать.

Что-то вспыхнуло в темных глазах Нгуен, когда Ли рассказывала ей о Корчове. У Ли появилось неожиданное неприятное ощущение уверенности, что ее встреча с Корчовым и была той новостью, которую ждала Нгуен. Возможно даже, главной причиной отправить Ли на Компсон. Но, конечно, это безумие. Даже Нгуен не контролировала всех и каждого.

– Почему ты думаешь, что Корчов был в контакте с Шарифи?

Ли загрузила изображение карточки Корчова и вывела его в общий подпоток.

– Я нашла это в ее ежедневнике.

– Хорошо, – сказала Нгуен. – А может, она просто покупала у него антиквариат?

– Ну конечно, именно так оно и было.

– Насколько ты уверена, что он работает на Синдикаты?

– Я совсем не уверена. Но похоже на это. И если он не работает на них, то делает все возможное, чтобы я так подумала.

– Значит, мы должны предположить, что Шарифи расска-

зывала агенту Синдикатов... о своей работе. А теперь тот же самый агент хочет поговорить с тобой.

– И что мне делать? – спросила Ли.

Нгуен сжала губы в холодной улыбке.

– Поговори с ним.

ХЕЛЕНА: 22.10.48

Дом Корчова, указанный в адресе, находился в центре коммерческой зоны Хелены, в пяти минутах ходьбы, если позволяло качество воздуха, от старого здания колониальной администрации. Но до встречи с Корчовым Ли планировала заглянуть еще в одно место: в приют Святого Иосифа для девочек. В отличие от магазина Корчова этот приют находился не в самой лучшей части города.

Начало строительства столицы Мира Компсона пришлось на период, предшествовавший квантовой лихорадке. Элегантные полуразрушенные купола местного Капитолия и губернаторского дворца напоминали о старых добрых временах самоуправления. Колоннады каменных особняков коммерческой зоны и офисные здания напоминали, что Хелена когда-то была не просто городом, обслуживающим компанию, а Мир Компсона – не только зависимой территорией ООН. Но трущобы, по которым Ли долго ехала на такси от самого космопорта, не выглядели старинными и оригинальными. Когда-то, в период установления рыночной демокра-

тии, которую законодательно закрепила Генеральная Ассамблея и финансировал Межпланетный валютный фонд, они строились на всей территории ООН как стандартный образец.

Куда бы она ни смотрела, все вокруг было связано с шахтами. «Анаконда» находилась через полконтинента отсюда, а другая ближайшая шахта, где добывали квантовые конденсаты, – в далеком северном полушарии, но и оттуда они накладывали свой отпечаток на город. Кислотные дожди украсили стены жилых домов длинными сернисто-желтыми подтеками. Постоянный угольный смог висел в воздухе, потому что в каждой кухне печь топилась угольной крошкой. Уволенные шахтеры с посиневшими лицами, страдавшие последней стадией пневмокониоза, слонялись по тротуарам. Они приехали в столицу, чтобы потратить деньги, полученные ими в качестве компенсации.

На краю промышленной зоны такси миновало длинное, поросшее травой поле, по обе стороны которого криво стояли стойки футбольных ворот. Когда-то они были белыми, но краска облупилась и покрылась ржавыми подтеками. Возможно, местная благотворительная группа присматривала за травой, иначе кислотный дождь давным-давно убил бы ее.

Восемь игроков рассеялись по полю. Кто-то был в форме, кто-то – в повседневной одежде. Когда такси проезжало мимо, один из игроков вырвался вперед к воротам. Он бежал широко и уверенно, как прирожденный нападающий. Солн-

це вышло из-за облаков как раз в тот момент, когда он вырвался вперед, и солнечный луч попал на поле, посеребрив ноги нападающего и напряженное тело вратаря, отражающего атаку.

Ли вздрогнула и отвела взгляд, откинувшись в полумрак машины.

Приют Святого Иосифа находился рядом с жилыми домами, построенными для самых бедных. В приюте было только одно капитальное здание: приходская церковь нищенского вида, кирпичный фасад которой давно нуждался в ремонте. Все обитатели приюта размещались в модульных блоках колониальной эпохи, представлявших собой ангары полуцилиндрической формы из гофрированного железа.

Монахиня, встретившая Ли у входа, была в синих джинсах и фланелевой рубашке. Ее манеры были грубоватыми, и Ли даже подумала, не служила ли она в свое время в планетарной милиции.

– Это вы хотели поговорить о Ханне? – спросила она. – Вы что, наполовину конструкция «КсеноГена»? Поэтому вам интересно?

– Я старший офицер ООН на станции, – ответила Ли. – Интересоваться всем – моя работа.

Монахиня прищурилась на миг.

– Вам бы лучше не отпускать такси, – сказала она. – А то вы ничего больше поблизости не найдете. Извините, что

не собрали для встречи приветственный комитет, но сейчас все – на занятиях. Вам придется иметь дело только с директором.

Она показала рукой на длинный, слабо освещенный коридор.

– Спасибо, сестра...

– Просто Тед. – Она улыбнулась. – От полного имени Тереза. Урок заканчивается через две минуты. Было бы стратегически правильно для нас – ретироваться в мой кабинет.

Они прошли сквозь лабиринт крытых жестью зданий, по коридорам, покрытым линолеумом, через длинные ряды вешалок с детскими зимними пальто и портфелями. Пахло мелом и фломастерами, из-за двери каждого класса доносился заученный наизусть припев, который исполнялся хором во всех классах католических школ. Проходя мимо одного из классов, Ли услышала, как голос монахини произнес:

– Ты не настолько сообразительна, как тебе кажется.

Класс ответил моментальным приступом смеха, который был быстро прекращен. Прозвенел звонок, и шумная смеющаяся неугомонная толпа девочек в школьной форме выплеснулась в коридоры. Сестра Тед шествовала по коридору через этот поток уверенным шагом, подразумевавшим необходимость следовать за ней. И в течение нескольких минут Ли послушно шла за ней, слушая бесконечные «Доброе утро, сестра Тед», «Извините, сестра Тед» и «Здравствуйте, сестра Тед».

– Они хорошо обучены, – сказала Ли и получила в ответ сердитый взгляд.

– Мы не поможем им, делая за них каждую мелочь, майор. Можете поверить – никто не поможет.

– Сколько среди ваших учениц генетических конструкций?

– Посмотрите вокруг и догадайтесь сами.

Ли посмотрела на море детских лиц, среди которых повторялись два или три одинаковых типа.

– Я бы сказала – две трети.

– Вы отгадали.

– А как у вас с работой для тех, кто выходит отсюда?

– Никак, если они в пять раз не лучше любого человека, претендующего на вакантное место. И совсем никак, если они недостаточно вежливы, чтобы не пугать людей.

Монахиня еще раз окинула Ли своим строгим взглядом.

– Могу поспорить, что вы научились держать свой язык за зубами еще в раннем детстве.

– Да, вы правы, – сказала Ли с улыбкой. – Я не могу войти сюда без страха, что сестра Вик поднимется из могилы и спросит, где мой дневник.

Обе рассмеялись.

– Что мне вам рассказать? – спросила сестра Тед, когда они устроились в ее тихом обветшалом кабинете.

– Для начала – что здесь делала Шарифи две недели тому назад?

– Она делала пожертвование. У нас много спонсоров из зоны Кольца.

– И все лично приезжают сюда?

– Ханна здесь училась. И она была чрезвычайно великодушна.

Ли не смогла удержаться, чтобы не оглядеть этот жалкий кабинет. Она также вспомнила об убогих зданиях, в которых располагалась школа.

– Она привезла то, в чем мы нуждаемся, – сказала Тед. – Книги. Деньги на питание. И она гарантировала оплатить каждой ученице обучение в колледже самого лучшего университета, куда ее примут. Каждой ученице. Можете ли вы представить себе, что это значит для девочек, которые здесь учатся?

– Я могу себе представить.

– Я полагаю, что вы можете даже более чем хорошо представить себе.

– Вы хорошо знали Шарифи? – спросила Ли, игнорируя намеки.

Тед улыбнулась.

– Не очень хорошо. Она была моей ровесницей, вы знаете. Сестры, которые могли учить ее, давно уже умерли.

– Тогда зачем ей нужно было приезжать сюда?

– Чтобы поговорить со мной.

– О чем?

– О новом подарке.

– Послушайте, – сказала Ли. – Я расследую обстоятельства гибели Шарифи, а не состояние вашей школы. Пожалуйста, не заставляйте меня вытягивать из вас ответы.

Глаза монахини слегка расширились.

– Не могли бы вы сказать мне, что вы хотите узнать, чтобы я не гадала.

– Я хочу узнать, кто ее убил.

Сестра Тед сжала губы и выдохнула воздух со слабым звуком. Это было ее единственной реакцией на плохую весть, хотя у Ли сложилось впечатление, что эта женщина привыкла к печальным известиям.

– Она выглядела как всегда. До этого, конечно, я встречалась с ней только в потоке. – Сестра Тед жестом показала на грудку старого оборудования для приема в режиме виртуальной реальности, пылившегося в углу кабинета. – Но Ханна настояла на том, чтобы вручить этот подарок лично.

Она повернулась в своем кресле, и старые пружины закрипели.

– Если бы я подозревала, что что-то происходит, майор, то я постаралась бы помочь. Она мне нравилась. И не только потому, что она решила вопрос с колледжем для наших девочек. Она была таким человеком, который просто нравился. – Она улыбнулась. – Ну, она была из тех, кто симпатичен мне. Я представляю, что она просто раздражала большинство людей.

– А что с подарком? Что-нибудь необычное? Сестра Тед

повернулась в кресле, чтобы открыть ящик с картотекой.

– Взгляните на это, – сказала она, передавая толстую пачку бумаги Ли. – Цифровой оригинал хранится в пределах Кольца.

Ли полистала документ в руках, с каждой страницей, которую она читала, ее сердце билось все быстрее. Это было завещание. Завещание, которое оставляло все, что имела Шарифи, школе Святого Иосифа.

– Примите мои поздравления, – сказала Ли. – Вы теперь богаты.

– Я знаю. Жаль, что при таких обстоятельствах. Ли вернула бумаги, а сестра Тед положила их на стол с отсутствующим видом, словно думала о чем-то другом. Или о ком-то другом.

Найти улицу, на которой находился магазин Корчова, оказалось непросто. Водитель такси долго ездил кругами, застревая в пробках. Он продолжал утверждать, что знает адрес, что поворот за следующим кварталом или немного дальше. В конце концов Ли вышла из такси и пошла пешком.

Она наткнулась на магазин случайно, после того как свернула за угол на узкую мощенную плитами улицу и увидела освещенную витрину со старинными коврами и инкрустированной мебелью. На вывеске золотыми буквами было написано «АНТИКВАРИАТ», а под надписью нарисован темно-красный сложный ромбовидный узор, повторяющийся на

карточке Корчова.

Он сидел за небольшим столом в глубине магазина, в резном кресле из слоистого материала, представлявшем собой либо астрономически дорогой артефакт с древнего космического корабля, либо профессиональную подделку. Шелковый плащ и стильный противогаз аккуратно лежали рядом на столике, словно Корчов только что зашел или собирался уходить.

– Майор, – сказал он. – Вот это сюрприз. Я надеюсь, найти меня было не слишком трудно?

– На самом деле трудно. Довольно неудобное место, чтобы заниматься бизнесом. Должно быть, снижает прибыль.

Корчов улыбнулся.

– Настоящие коллекционеры знают обо мне. Хотите что-нибудь? Может быть, чаю?

Он прошел за занавеску в самом конце магазина, и Ли услышала звон фарфора, звук текущей воды. Он вернулся с двумя чашками, накрытыми крышками, витиевато раскрашенным заварным эмалированным чайником и элегантной черной коробкой, которую он осторожно поставил на стол между ними.

Чай, поданный им, был великолепен. Потом он взял черную коробку и подал ей.

– Думаю, что вам будет интересно взглянуть, – сказал он. – Мне показалось, что вы расстраивались из-за этого, когда мы виделись с вами.

Она перевернула устройство, взвесила его на руке, безуспешно пытаясь отсканировать его.

– Вторая кнопка слева, – сказал Корчов.

Она нажала на нее. Коробка тихо просигналила. В окне биOLUMИнесцентного дисплея начался отсчет тысячных долей секунды. Программа безопасности Ли зажгла желтый сигнал тревоги на сетчатке глаза и выключила его, когда ее внутренние устройства заблокировались.

Корчов наклонился над столом, забрал коробку назад и сказал:

– Кое-что лучше держать при себе.

– Что вы хотите от меня? – спросила Ли.

– Ничего особенного. Просто немного бизнеса. С обоюдной выгодой.

Он замолчал и стал нажимать на кнопки управления по-мехообразующего устройства.

– Оно хорошо работает, – неожиданно сказала Ли. – И у меня от него болит голова. Поэтому скажите, что вы хотите, и закончим на этом.

– Я представляю тех людей, которые, если можно так сказать, проявляют интерес к последним событиям на шахте «Анаконды». Особенно ко всему, что касается взрыва, обстоятельства которого ваша, хм, служба, кажется, расследует в настоящее время.

– Вам нужна информация о Шарифи?

– Среди всего прочего. – Корчов улыбнулся. – Я понимаю,

насколько это трудно для вас, майор. Для вас лучше совершить скачок на территорию противника, чем пить чай и разговаривать со шпионом Синдикатов. Я понимаю вас больше, чем вы можете себе представить. Но приходится подчиняться долгу и иногда делать то, что нам не хочется. Это цена за верность высшему добру.

Пар, поднимавшийся из его чашки, обволакивал его узкое умное лицо.

– Мы встречались раньше, – сказал он. – Вы помните? Или они стерли эти воспоминания?

– Я не понимаю, о чем вы говорите.

– Я служил в тридцать втором на Гилеаде. И сражался у Кейлз-хилла.

Ли смотрела на него со спокойным лицом. В том бою она вела своих бойцов в атаку.

– Думаю, вы не помните меня. Файлы Космической пехоты настолько... ненадежны. Но я вас помню. И помню абсолютно четко. – Он расстегнул две верхние пуговицы на своей рубашке, отогнул ворот и показал Ли зарубцевавшийся шрам у основания шеи. – Я грелся на солнце. Первое тепло после холодной ночи. Пил чай.

Образ худого, небритого солдата вспыхнул в сознании Ли. Пролитый черный чай и кровь, темнее чая, ручейком стекавшая на утоптанную грязь.

Она взглянула на шрам. Стрелок взял чуть выше и левее и на волосок промахнулся, не попав в позвоночник.

– Я вспомнила, – наконец сказала она. – Дул поперечный ветер. И я взяла неверную поправку.

Корчов застегнул рубашку.

– Вы помните, что случилось затем? Или ваши техники-психиатры стерли это?

Ли пристально смотрела на Корчова, сердце ее бешено стучало.

– Когда вы подошли, я был еще в сознании, – продолжил он. – Я запомнил, что капитанские знаки отличия были сорваны с другой формы и пришиты неподходящими нитками. Я помню вашу улыбку – кстати, очень симпатичную. Помню, как вы разговаривали со своими лейтенантами. Они спросили, как поступить с ранеными. Вы помните ваш ответ?

– Я приказала им застрелить каждого, кто еще дышал.

– Только не подумайте, что я осуждаю вас за это, – сказал Корчов. – Хотя я обязан своей жизнью тому факту, что у некоторых из ваших солдат было больше... угрызений совести, чем у вас. И все же – это был момент истины. Что-то вроде переоценки ценностей. Знаете, что я подумал, посмотрев на вас?

Ли почувствовала замешательство.

– Откуда, черт возьми, мне знать?

– Я подумал, она – одна из нас. Она похожа на нас. Она не может не быть милосердной. Я видел ваше лицо, вы понимаете. И я подумал, что вы пощадите нас, потому что вы были такой. Когда вы приказали нас расстрелять, я понял оконча-

тельно и бесповоротно, что они отняли у вас.

Ли наблюдала гипнотизирующее мерцание контрольных лампочек на помехообразующем устройстве. Она проверила свою память, заглянув в файлы Гилеада, искала пробелы, места, где эмоции были спрятаны за оцифрованные данные и не соответствовали официальной истории. «Они не должны были посылать нас», – подумала она. И сама эта мысль испугала ее больше, чем все сохранившееся в памяти о содеянном на Гилеаде.

– Никто ничего у меня не забирал, – сказала она наконец. – Я продала это. А почему, когда и что – это не ваше дело.

Корчов наблюдал за ней поверх своей чашки. Когда он заговорил, голос его звучал спокойно и бесстрастно, и теперь он смотрел в потолок, а не на нее.

– За последние восемь лет я побывал на пяти зависимых территориях. И везде играют в одну и ту же игру, я имею в виду спорт. Спорт бедняков, популярный на зависимых территориях, но совершенно неизвестный во внутренних мирах. Энтузиасты разводят кур мужского пола...

– Петухов, – подсказала Ли.

– Пусть петухов. Они выращивают их для того, чтобы те убивали друг друга. Бои устраиваются тайно по ночам. Этот спорт вне закона на большинстве из планет. Зрители прибывают в назначенное место в назначенный час, делают ставки, пьют различные крепкие напитки. Затем хозяева птиц

достают их из клеток, прикрепляют к шпорам острые лезвия и посылают их на ринг клевать и насмерть рвать когтями таких же, как они.

Корчов поставил на стол свою чашку и наклонился через стол, чтобы налить Ли еще чаю.

– Хороший чай, правда? – спросил он. – Да.

– Я получаю его от своего друга из Нового Цейлона. Они там понимают в искусстве чайной церемонии. И в искусстве заключения сделки. Когда-нибудь бывали там?

– Нет.

Корчов опять уселся в кресло с чашкой в руке.

– Между состязаниями бойцовый петух живет в восточной роскоши. Он – принц, примадонна, сатрап. Ему невдомек обычные тяготы и заботы его племени. Но каждое удовольствие, которое мы получаем, покупается болью – принцип, который вам, как мне кажется, нравится, майор. Но даже самый эффектный бойцовый петух – не более чем курятина. – Он провел вытянутым указательным пальцем себе по горлу. – Интересно, что могли бы рассказать эти петухи вам, если бы вы оказались с ними в одной клетке. Интересно, сказали бы они вам, что такая судьба – их собственный выбор? Что они продали свою жизнь, свою смерть и получили за это хорошую плату?

– Я не смогу это узнать, – сказала Ли. – Я – не курица.

– Нет, конечно. – Корчов улыбнулся. – И у меня сильное предчувствие, что вы сейчас скажете, чтобы я закруглялся и

перестал тратить ваше время.

Ли подняла бровь.

– Я представляю определенные заинтересованные группы, – продолжил Корчов после паузы.

– Синдикаты.

– Давайте пока не называть имен. В любом случае, на момент гибели Ханны Шарифи эти группы были заинтересованы в... проходивших переговорах. Переговоры достигли той точки, в которой договаривающиеся стороны предполагали получить определенную информацию от доктора Шарифи. Эта информация не была получена. Стороны полагают, что вы, как офицер ООН, расследующий причины ее смерти, способны снабдить их этой информацией.

– Вам нужны записи данных полевых опытов Шарифи.

– Ага. Прямой подход. Как похоже на вас.

– Забудьте об этом. У меня их нет.

Корчов откинулся в кресле, словно уклонялся от удара.

– На настоящий момент – это самое интересное заявление. Во-первых, потому что мы предполагали до сих пор, что они у вас. Во-вторых, и поправьте меня, если я ошибаюсь, ваш ответ предполагает, что если бы вы владели этой информацией, то вы не были бы против того, чтобы ею поделиться.

Ли с сомнением пожала плечами.

– Я думаю, – сказал Корчов, – необходимо поставить вас в известность, что мои... клиенты готовы щедро вознаградить вас за содействие. Деньгами или тем, что может быть для вас

ценнее денег, в конце концов.

– Мы опять говорим о курах? – спросила Ли. Корчов закинул назад голову и расхохотался.

– Майор, – сказал он, продолжая смеяться. – Вы более чем соответствуете своей репутации. Нет, мы больше не говорим о курах. Мы говорим о вознаграждении, которое позволит вам, ну, как бы это сказать... решить для себя, когда, где и для кого прикреплять к шпорам лезвия.

– Или?

– Или сотрудничество. То, что вы назвали бы политическим убежищем. В Синдикате по вашему выбору.

– Боже, Корчов. Видела я ваши Синдикаты. Видела, как живут там люди. Для чего мне это нужно?

– Я думаю, что вы ответите на свой вопрос сами, майор.

У входной двери магазина зазвонил звонок. Ли обернулась, чтобы рассмотреть вошедшего клиента. Это был высокий мужчина, одетый во все официально серое. Какой-нибудь дипломат или банкир. Определенно, не местный.

– Господин Линд! – Корчов расцвел при виде клиента. – Вы вернулись, чтобы еще раз взглянуть на Хейердала? Одну секунду, и я – в вашем распоряжении.

Он снял какую-то безделушку с полки над письменным столом и принялся завертывать ее в рисовую бумагу с рисунком, нанесенным вручную.

– Я думаю, что это вам понравится, – сказал он Ли, завязывая сверток длинной зеленой ленточкой. – Это на са-

мом деле уникальная маленькая вещица. Одна из моих любимых. – Он улыбнулся. – Считайте, что это – символ моих добрых намерений. И... много другого.

Ли взяла сверток, так и не увидев, что в нем было, позволила провести себя к прилавку, где Корчов взял ее за руку и провел ее ладонью по портативному сканеру. Она удивилась, как он объясняет своим покупателям отсутствие у себя имплантированного кредита. Возможно, выдуманной аллергией или религиозными запретами.

– Как мне вас найти? – спросила она. Корчов улыбнулся ласковой улыбкой лавочника.

– Я впишу вас в рассылочный лист, – сказал он, и Ли почувствовала у себя на талии его руку, вежливо, но твердо выталкивавшую ее на улицу.

Свернув за угол, она остановилась, оглянулась, чтобы проверить, не могут ли ее видеть из магазина, и развернула аккуратный сверток из рисовой бумаги. Корчов продал ей фигурку из литой пластмассы эпохи древних космических кораблей. Когда-то она была ярко раскрашенной, но краска облупилась и поблекла, и фигурка стала пестрой.

Это была женщина или, скорее, пародия на нее. Длинные волосы каскадом спадали по обнаженным плечам, вместо груди был легкий намек на них. Ноги ей заменил серебряный хвост с плавниками и чешуей. Русалка. Половина принадлежит одному миру, половина – другому, и ни в одном она не чувствует себя своей. Она перевернула фигурку

и прочла надпись печатными буквами: «СДЕЛАНО В КИТАЕ», а прямо под надписью: «DISNEY®».

Она осторожно снова обернула фигурку бумагой, положила ее в сумку и развернула кредитный чек, который Корчов засунул в сверток.

– Сукин сын! – вырвалось у нее, когда она прочла число внизу распечатки.

Сумма в четыре раза превышала размер ее месячного денежного содержания. И это был кредит, а не дебет. Перевод на счет, который Ли никогда не открывала, в банк во Фритауне, о котором она никогда не слышала. Было похоже, что Корчов решил заплатить ей вперед... и предоставить Ли объясняться самой, если кто-нибудь разматывает клубок.

ЗОНА ЛИБРЕ: 20.10.48

Даже шунтируясь через органический интерфейс, такой мощный независимый AI, как Коэн, не мог не оставить за собой широкого следа в потокопространстве.

Ли нашла его в Зоне Либре, на дальнем столике в месте под названием «Пятая колонна». Ей пришлось предъявить свое удостоверение личности, чтобы пройти мимо вышибал, и когда они наконец пропустили ее, то сначала ей показалось, что она попала не туда. Затем кто-то окликнул ее по имени, она оглянулась и увидела медные кудри Роланда, блестящие на фоне кроваво-красного бархата, которым было

обито длинное изогнутое сиденье в полутьме у стены.

– Мне нужно поговорить с тобой, – сказала она, опускаясь на свободное место рядом с ним. – Немедленно.

Он улыбнулся открытой простой улыбкой, которая на миллион световых лет отличалась от любого выражения, свойственного лицу Коэна.

– Извините, – сказал Роланд. – Я всего лишь нанятый помощник.

– А где же Коэн?

– Он отошел ненадолго. Пошлите ему несколько слов, чтобы он знал, что вы здесь.

– Нет, я лучше подожду.

– О'кей. – Роланд пожал плечами. – Он все равно очень быстро узнает. Да он и ненадолго ушел – обед уже подан.

Ли проследила за взглядом Роланда и увидела бледное ароматное масло на льду, хрустящие булочки, коричневые, как куриные яйца, открытую бутылку вина с французской этикеткой. Два официанта топтались на месте в ожидании сигнала подавать следующее блюдо.

Роланд предложил Ли вина, хотя сам он ничего не пил. Он мило беседовал с ней, но Ли смутно подозревала, что для него она – немолодая и не слишком интересная женщина. Со своей стороны, она наблюдала за Роландом со смущением. Что она нашла в нем? Ничего, кроме этих золотистых глаз. Прилизанный мальчишка-студент с прелестными волосами. Раз взглянуть, и больше ничего.

Она оглядела зал, рассеянно слушая болтовню Роланда. Это нельзя было назвать ночным клубом; скорее – дорогим рестораном с живой музыкой. Повсюду бархат, аккуратно отглаженные скатерти и тщательно одетые посетители. Все самого наилучшего качества. Гости смеялись немного чаще, чем следовало бы, и говорили громче, чем было необходимо, будто нарочно хотели привлечь к себе внимание и сполна получить за потраченные ими деньги. Женщины были в нарядных, искусно сшитых платьях, подчеркивающих нужные округлости и скрывающих лишние. Несколько человек были одеты в официальную форму – командный состав Космической пехоты или офицеры с торговых космических кораблей, привыкшие к одежде для среды с пониженной гравитацией. Но повседневная черная форма офицера Совета Безопасности, надетая на Ли, смотрелась здесь настолько неуместно, что привлекала взгляды.

На эстраде зажглись огни. Кто-то постучал по бокалу, прося тишины, и толпа неохотно замолчала. Оркестр вышел на сцену, музыканты настроили инструменты и заиграли песню, которую, как показалось Ли, знали все, кроме нее.

Пела женщина. Небольшого роста, с черными вихрами на голове и в очках в тяжелой оправе, которые сегодня, в эпоху дешевых генетических операций, носили только из тщеславия. Пела она так хорошо, что только после нескольких спетых песен Ли вспомнила о времени и поинтересовалась, куда мог провалиться Коэн.

Она вынула сигарету, и Роланд наклонился к ней, чтобы дать ей прикурить. Вероятно, его следующей услугой будет предложение перевести ее через улицу. Она медленно выкурила сигарету, пока голос певицы обволакивал их, говоря о разбитой любви, одинокой дороге и новых начинаниях.

– Я так и думал, что это ты, – прошептал Коэн из-за спины.

Когда она обернулась, Роланда уже не было. Его простое открытое лицо превратилось в призрачную территорию изменяющихся плоскостей и углов, быстрой смены выражений. Его руки с длинными пальцами лежали на столе с нечеловеческой неподвижностью. Даже золотистые глаза, казалось, потемнели, приобретя опасный оттенок океанских глубин.

– Господи, – сказала Ли. – Как это у тебя получается?

– Получается что? – спросил он и лукаво улыбнулся. – А, ты имеешь в виду мой животный магнетизм и природное обаяние? – Улыбка стала еще шире. – Не будь слишком строга к Роланду. Ему всего-то двадцать три. Когда я был в его возрасте, я жил в субсидированной правительством лаборатории с плохим освещением, не мог связать двух предложений вместе и играл в шахматы двадцать четыре часа в сутки. В эту игру, должен признаться, меня сегодня никакими коврижками играть не заставишь... – Он замолчал и улыбнулся, глядя в потолок. – Ну... почти никакими.

Коэн развернул вышитую салфетку, лежавшую перед Ли,

и подал ей.

– Итак, – сказал он, наполняя ее бокал вином, – чему я обязан этим исключительным и неожиданным счастьем?

Ты здесь потому, что соскучилась без меня, или тебе просто что-то от меня нужно?

– Мне нужен всего лишь твой совет.

– И я тебе его, конечно, дам. Но только после того, как ты поужинаешь со мной. Договорились?

– Договорились, – согласилась Ли.

Но когда официант подал ей меню, она сразу же отметила про себя две вещи. Во-первых, в нем не было цен. Во-вторых, несмотря на то что оно было написано на простом испанском языке, она ни разу не слышала названий половины блюд.

– Ух, – сказала она и обратилась к файлам своей жесткой памяти, стараясь выяснить, что такое «лошадиные ноги» и гриб *ligirolle* или птица.

– Здесь великолепные устрицы, – предложил Коэн.

– Отлично. – Она закрыла меню. – Устрицы.

Коэн сделал заказ и наклонился к ней, сложив руки на груди.

– Ну и, – сказал он так спокойно, словно они обсуждали открытие сезонной галереи, – что у тебя такого срочного, чтобы искать меня и отрываться от хорошей пищи разговором? Не будет ли это глупо, если я предположу, что это связано с твоим разговором наедине с Корчовым сегодня утром?

Ли поперхнулась вином и закашляла, прикрыв рот салфеткой.

– Все следим за мной, да? – спросила она, когда смогла заговорить снова.

– Остынь, дорогая. Если говорить формально, то я слежу за Нгуен, а не за тобой. Ничего не поделаешь, так уж меня создали. Природное любопытство. Никто из нас не может справиться со своим кодом, не так ли?

Ли на это сощурилась, но ничего не ответила.

– Ох, дорогая, – сказал Коэн, – твой взгляд предвещает грозу. Выпей лучше еще вина и скажи, нравится ли оно тебе.

Ли глотнула вина, продолжая смотреть на Коэна поверх бокала.

– Ну как? – спросил он, наклоняясь к ней.

– Хорошее.

– Хорошее? И это все, что ты можешь сказать? Да, лучше я бы вылил в канаву.

– Но ты налил его мне.

– Тем большую глупость я совершил.

– Почему ты шпионишь за...

– Устрицы для мадам, – перебил ее официант, наклоняясь из-за плеча Ли и ставя перед ней огромную тарелку.

Ли смотрела на нее, пока официант обслуживал Коэна. Двенадцать устриц размером с кулак блестели перед ней, отражая свет огней рампы.

– Они еще живые? – спросила она.

– Они ничего не почувствуют, – уверил ее Коэн. – И постарайся прожевывать, а не сразу глотать.

Коэн всегда кормил ее чем-то фантастическим. Во вкусе устриц чувствовались соль, йод и чистая вода морской глубины. Она подумала, что это был вкус самого моря, хотя никогда не видела моря. Она съела две тарелки, отменяя от себя мысль о том, во что это обойдется Коэну, и почувствовав себя объевшейся даже в потокопространстве.

– Ну, – сказала она после того, как Коэн закончил свой десерт и официанты принесли кофе, фрукты и тщательно приготовленные птифуры, – а теперь я могу спросить, почему ты шпионишь за Нгуен?

– Спросить ты можешь, – ответил он, лукаво улыбаясь.

– Это все еще продолжение Метца, так?

– Если ты настолько осведомлена, зачем ты пришла ко мне?

Ли посмотрела на него. Он встретил ее взгляд с непоколебимым самообладанием.

– Мы что, больше не доверяем друг другу?

– Я тебе полностью доверяю. Всегда доверял. В этом случае, однако, вопрос не в том, доверяю ли я тебе, а в том, доверяю ли я всем тем, у кого есть допуск к файлам твоей жесткой памяти.

– И мы снова возвращаемся к Нгуен. И к Метцу.

– Дело в том, что Хелен, – продолжил Коэн так же спокойно, как будто Ли не прерывала его, – использует людей.

Это ее работа – использовать людей. Это ее сущность. Ты можешь оказаться в смертельно опасной ситуации, если позволишь себе забыть об этом.

– Смешно. Но то же самое она сказала и о тебе.

– Хелен, – сказал он твердо, – не понимает меня почти так же, как она думает, что понимает. – Он замолчал и вопросительно посмотрел на Ли. – Ты ведь не веришь ей, да?

– Я не знаю, кому верить.

Коэн наклонился к своей тарелке и еле заметно улыбнулся.

– Хорошо, – сказал он, не обращаясь ни к кому конкретно. – И что дальше?

– Не вини меня, – сказала Ли. – Нгуен заслужила мое доверие. Ты же заслужил... совершенно противоположное чувство.

– Хелен выполняет очень трудную работу, – сказал Коэн после неловкой паузы. – И выполняет ее очень хорошо. Но она – всего лишь технический работник на самом деле. Люди для нее – инструменты. Ты – один из этих инструментов. Я – другой, хотя и очень мощный. Она знает, что этот инструмент может развернуться и сделать ей больно, если она будет обращаться с ним неосторожно. Но в конечном счете всегда одно и то же. У нее есть работа, которую требуется сделать. Она открывает ящик с инструментом и выбирает то, что лучше всего подходит для этой работы. Если он сломается, тогда, конечно, очень плохо. Но она всегда может убе-

дить Секретариат купить ей новый.

– Зачем же ты работаешь на нее, если ты так думаешь? Он улыбнулся.

– В порядке одолжения, дорогая. А теперь расскажи мне о Корчове.

И она рассказала, несмотря на Метц, предупреждение Хелен, а также внутренний голос, говоривший ей, что она рискует тем, что не может позволить себе потерять. Она рассказала ему все. Как она делала всегда.

– Можно закурить? – спросил Коэн, когда она закончила.

Она кивнула, и следующие сорок секунд он потратил на выбор, обрезку и зажигание сигары, свернутой вручную. После чего еще минуту молчал.

– Хорошая зажигалка, – сказала Ли.

– Тебе нравится? Я нашел ее сегодня в глубине ящика письменного стола. Должно быть, лежала там еще... ну, с того времени, когда ты, возможно, еще не родилась. – Он щелкнул зажигалкой еще раз, с интересом посмотрел на голубое пламя и показал Ли. – Подарок от моего второго мужа. Для математика у него был исключительно хороший вкус. Большинству из них нельзя даже позволить выбирать себе одежду.

Ли подумала, что она должна рассмеяться, услышав это, и она рассмеялась, а затем поставила зажигалку на стол между ними.

– Итак, – сказал Коэн, играя с зажигалкой, – рассказывал

ли я тебе когда-нибудь историю об ожерелье королевы?

– О чем?

– L'affaire du collier de la reine.¹⁰ – В его голосе звучало изумление. – Разве люди больше не преподают историю в своих школах?

– Я все эти уроки проспала.

Коэн деликатно втянул воздух носом. Ли как-то однажды видела старинный «плоский» фильм о французских аристократах на Земле. Все мужчины в нем носили расшитые камзолы, а вместо того, чтобы курить сигареты, нюхали табак. Жест Коэна напомнил ей о тех благородных утонченных вздохах, с помощью которых эти давно уже умершие аристократы употребляли свой табак.

– Ну, тогда слушай краткую версию. И постарайся не заснуть во время моего рассказа. Место действия – Париж. Время – канун Революции. Игроки: король, королева, кардинал де Роган. Ходили слухи, что кардинал был также и любовником королевы... но я уверен, что это не имеет никакого отношения к тому, как вся эта история закончилась для бедного парня.

В любом случае, наша история начинается с появления загадочного еврея. Во всякой истории всегда есть еврей, ты знаешь. Я мог бы больше рассказать об этом, но думаю, что мы отложим дискуссию о корнях европейского антисемитизма на потом. Итак, мой собрат по вере приехал с великолеп-

¹⁰ Дело об ожерелье королевы (фр.)

ной драгоценностью – фантастически дорогим бриллиантовым ожерельем, происхождение которого было скандально неопределенным. Как только королева узнала об этом ожерелье, она захотела им владеть. Началась торговля. В конечном счете королева и этот еврей договорились о довольно значительной цене. Чтобы быть точным – две трети валового национального продукта Франции.

Ли поперхнулась вином.

– За одно ювелирное изделие? Но это же смешно!

– М-м-м, – удивился Коэн. – А кто потратил почти полугодовой заработок на оригинальную, переделанную вручную «беретту», ох ты, какая экономная! Как ты ее называешь? Моя лапочка?

– Это совсем другое, – запротестовала Ли. – Это профессиональное снаряжение.

Он пыхнул сигарой и улыбнулся.

– Ну, просто нужно понять, что ожерелье – это профессиональное снаряжение для королев.

Она фыркнула.

– Спокойно. Тем не менее королева попросила короля купить ей это ожерелье. Король, должно быть, разделял твое мнение о ценности бриллиантовых ожерелий и ответил: «Нет».

– И тут сказочке конец. Не велика история, Коэн.

– Погоди кривляться, – сказал он, ухмыляясь. – Как ты знаешь или знала бы, если приложила бы свой высокий ин-

теллект к чему-нибудь, кроме высокотехнологичной ерунды, королевы в те времена не привыкли выслушивать отказы. Поэтому королева решила договориться обо всем за спиной мужа.

– Что значит за спиной? – спросила Ли. – Почему она не могла просто купить на свой собственный кредит, если уж ей так хотелось иметь его?

Коэн растерялся.

– Хорошо, – сказал он, – мы обсудим женские права и проблемы дискриминации по половому признаку, когда будем обсуждать антисемитизм, ты согласна? – Он посмотрел на нее с подозрением. – Если ты, конечно, не издеваешься надо мной.

Ли улыбнулась.

– Это запросто.

– Так нехорошо, моя дорогая, – сказал Коэн, смягчив улыбкой свое раздражение, а глаза Роланда весело заблестели из-под длинных ресниц.

Ли поняла, что сегодняшний вечер был один из немногих, когда Коэн был полностью здесь. Действительно в одном месте. И как всегда при этом, она чувствовала себя как под яркими лучами солнца. Греясь в тепле личного обаяния АИ, она забывала обо всех сомнениях.

– Расскажи до конца, – попросила она, достала сигарету и наклонилась к Коэну, чтобы прикурить. – И пожалуйста, пусть кого-нибудь застрелят. Если хочешь, чтобы я не засну-

ла, пожалуйста, весели галерку. Коэн расплылся в улыбке.

– Ты сегодня в хорошей форме. Так на чем я остановился? Ах, да. Неизвестно, королева ли попросила первой или кардинал сам предложил. Но в конце концов он согласился купить для нее ожерелье с уговором, что она выплатит ему всю сумму, конечно тайно, из казны. Конец истории краток и постыден. Развязка ее в том, что еще до того, как королеве удалось надеть это печально известное ожерелье, оно было украдено.

– Кем?

– Любовь моя, никто не знает. Никто никогда этого не выяснил. Но игральная кость уже была брошена, еще до суда и до скандальных статей. Для кардинала пришел конец всему. Он потерял свое состояние, доверие к себе и, что хуже всего, покровительство короля. И все из-за ожерелья, которое королева уже никогда не смогла бы надеть и за которое никто ему не стал бы платить.

Ли ждала продолжения, но Коэн молчал.

– Ну и что ты этим хотел сказать? – спросила она.

– Хелен просила тебя что-то для нее добыть. Возможно, записи данных Шарифи. А возможно, и что-нибудь другое, что, по ее мнению, попадет ей в руки, как только у нее появится эта информация. Если она поручает тебе, то только потому, что она не может запросить об этом Генеральную Ассамблею – или, что еще хуже, потому что она уже запрашивала и получила отрицательный ответ. Будь осторожна,

когда будешь платить за ее безделушку. И сделай так, чтобы тебя не застигли врасплох, когда придет пора платить по счетам.

Ли почувствовала, как ее беззаботное состояние улетучивается. Она опустила лицо на руки и принялась разглаживать его холодными онемевшими пальцами.

– Ты советуешь держаться подальше от чего-то мне непонятного, – сказала она. – Как мне это сделать?

– А ты и не можешь, – ответил Коэн. – Голос его звучал по-особенному нежно, хотя, возможно, это был тембр молодого голоса Роланда. – Просто разворачивай корабль до того, как врежешься в берег, вот и все. А пока постарайся узнать состав игроков, что они хотят – и далеко ли они готовы зайти, чтобы получить то, что хотят.

– И это – твой совет? – спросила она, все еще пряча лицо в ладонях. – Я бы лучше на кофейной гуще погадала!

– Но ведь ты всегда можешь подать в отставку, – спокойно ответил Коэн.

Ли оторвала лицо от ладоней и посмотрела на него.

– Ты имеешь в виду сдать? – Она почувствовала, как кровь прилила к лицу. – Я не сдаюсь.

Коэн положил свою руку на ее и слегка сжал.

– Я и не говорю, что ты должна, – сказал он. – Ты можешь, если дела пойдут плохо. А я помогу. И спрашивай все, что угодно. Все.

Все. В первую очередь, конечно, речь идет о деньгах. А

взять их значит стать похожей на любого из его прихлебателей.

– Я сама позабочусь, если до этого дойдет, – сказала она грубовато и тут же солгала сквозь зубы: – К тому же есть и другие возможности: Служба безопасности. Планетная милиция. Но... все же спасибо.

Они посидели немного в молчании, почти не глядя друг на друга, его рука – на ее руке.

– Ты часто здесь бываешь? – спросила Ли, вытащив руку и оглядев зал.

– Иногда.

– Это нелепо, ты понимаешь. И все, кто здесь, нелепы.

– Я знаю.

– Думаю, что ты сейчас скажешь мне, что ты именно поэтому и любишь бывать здесь. Или... как еще ты говорил? Что у меня не хватает реального ощущения абсурда?

Он улыбнулся.

– Я что, действительно такое говорил?

– Тебе просто нравится наблюдать, как другие люди корчат из себя дураков, не так ли?

Она говорила в шутливом тоне, но неожиданно почувствовала острую потребность уязвить его. Он наклонился, откликаясь на эмоции, скрывавшиеся за ее словами.

– Я корчу из себя дурака десять раз в минуту, – сказал он. – И пятьдесят раз в минуту, когда ты со мной. Это называется быть живым, Кэтрин.

– Ну, правильно. Ты просто средний парень, проживающий свою среднюю жизнь. Но только со скоростью обработки данных в миллиарды раз быстрее.

– Что-то вроде этого. Она фыркнула.

– Я не могу расстаться с желанием быть рядом с людьми. Я таким создан.

– Так измени это. Измени свой код. Я бы сделала это. Я бы выбросила Нгуен, Шарифи и всю эту жалкую чепуху в одну секунду, если бы могла.

– Ты так говоришь, потому что знаешь, что не можешь. А теперь успокойся и послушай эту песню. Она очень красива.

На сцене была все та же певица. Она заканчивала цикл горьковато-сладких песен в стиле кантри. Песня была хорошей и могла быть написана вчера или триста лет назад.

– Она сама их пишет? – спросила Ли, кивая головой на освещенную фигуру певицы в другом конце зала.

– Эта песня была написана еще до того, как я родился. Она прислушалась и разобрала два-три случайных слова.

– Что такое Понтчартрейн?

– Понтчартрейн. Это озеро у реки Миссисипи, которая когда-то протекала через Новый Орлеан.

– Ты имеешь в виду до наводнения?

– Даже того раньше. Река Миссисипи, да и вся ее дельта поменяли свое русло.

Инженеры сухопутных войск США потратили целое столетие, углубляя дно, делая отводы, строя дамбы. Открытый

вызов природе на уровне мании величия. Люди писали книги, публиковали статьи и целые диссертации об этом. Река в конечном итоге вернулась в свое русло. Она вошла в свои берега, когда уровень воды в океанах начал повышаться. И дельта оказалась посередине Техасского залива. Мне так хотелось бы, чтобы ты представила, как это было – оказаться в Новом Орлеане, в самом центре искусственной пустыни, когда ледяные шапки полюсов активно таяли и все ежедневно наблюдали наводнения в Нью-Йорке и Париже в телевизионных новостях. Это было... незабываемо.

– Я не думала, что на Земле работало оборудование для потокопространства. Тогда ведь они еще не могли даже шунтироваться, правда?

– Нет, не могли. У них существовала примитивная версия ВР. Но и этого было достаточно. У меня есть свои воспоминания и то, что помнили другие люди. Со временем становится все труднее и труднее разделить их. Что, возможно, и неплохо, – Он улыбнулся. – Я, возможно, единственная еще живая личность, которая помнит, как ездили по дамбе через Понтчартрейн на кабриолете.

Ли ухмыльнулась.

– И с красивой блондинкой, без всякого сомнения. Коэн улыбнулся в ответ, но это была грустная тихая улыбка человека, ушедшего в воспоминания о прошлом.

– С вдовой Гиацинта. С первой женщиной, в которую я был влюблен.

Ли ждала, ей хотелось узнать больше, но неудобно было спрашивать.

– Я знаю, – сказал он, отвечая на вопрос, который даже не пришел ей в голову. – Я думаю, что с пуританской точки зрения ты могла бы сказать, что она была мне матерью.

– Ну, не похоже, чтобы у тебя развился этот комплекс.

– Было совсем не так. Я и есть Гиацинт, его самое существо, что ничего общего не имеет с тем, чтобы быть его ребенком, или учеником, или изобретением. За исключением... – Последовала еще одна грустная волнующая улыбка. – Сердце – это сложная штука, будь оно из плоти или из схем. Оно не всегда любит так и тех, как, тебе кажется, должно.

– Перестань исповедоваться передо мной, Коэн.

– У меня есть смешное чувство, что ты подошла к пониманию моей сущности ближе всех. И даже не заставляла меня молиться по четкам.

На Ли нахлынуло неожиданное воспоминание: голые колени на холодном церковном полу и взрослая рука, возможно ее матери, которая водит детскими пальчиками по стеклянным бусинам четок. Гладкие, темные – Богородица, Дева... Блестящие – Отче наш. Крест, раскачивающийся в проходе перед ней.

– И мне кажется, что я понимаю тебя, – сказал Коэн, когда она вернулась в реальность. – Это уже достижение, если учесть, что все рассказанное тобой поместится на этикетке спичечного коробка. Сначала мне казалось, что ты не дове-

ряла мне. Потом я решил, что ты просто скрытная. Ты такой создана или кто-то научил тебя подобным образом заставлять людей открываться перед тобой?

Ли пожала плечами, чувствуя себя неудобно.

– Это скачковое размывание, ко всему прочему. Я не слишком много помню. – Она сделала паузу. – А то, что я помню, вызывает у меня желание забыть большую часть себя. Да и зачем вспоминать старые страдания?

Она подняла глаза в тишине, наступившей после ее слов, и увидела, что Коэн внимательно смотрит на нее.

– Ресница, – сказал он.

– Что?

– У тебя ресница.

– Где? – Ли прикоснулась к глазу, ища ее.

– В другом глазу. Здесь. Подожди.

Он пододвинулся к ней по изогнутому сиденью и одной рукой запрокинул ей голову на бархатные подушки, а другой легким движением провел у ее нижнего века, стараясь подцепить попавшую в глаз ресницу. Она почувствовала запах «Extra-Vielle», теплое сладкое дыхание Роланда на своей щеке, увидела мягкую кожу на его шее и биение пульса под ней.

– А вот и она, – сказал Коэн, показывая ресницу на конце тонкого пальца.

Она открыла рот, чтобы поблагодарить его, но слова застряли у нее в горле. Рука, державшая ее подбородок, скользнула по щеке, пальцы прошлись по волокнам, которые шли

по мускулу от подбородка до впадинки между ее ключицами.

– Ты, похоже, теряешь вес даже в потокопространстве, – сказал он. – Наверное, ты не высыпаешься.

Он поймал ее взгляд и удержал его. Рука на ее шее была теплой, как солнечный свет в пределах Кольца, и она вспомнила, как много времени прошло с того момента, когда кто-нибудь, кроме медтехов, прикасался к ней. Темная волна желания захватила ее. Желания, и отчаянного одиночества, и стремления верить другому, и чувства, которое казалось иногда таким реальным. Она отвернулась.

Коэн отодвинулся, поднял вверх свой указательный палец, на котором все еще была ресница, и сказал:

– Загадай желание.

– Я не верю в исполнение желаний. Ты загадай.

Он закрыл глаза и сдул ресницу в дымный воздух.

– Очень быстро, – сказала Ли и попыталась улыбнуться. –

Полагаю, что ты знаешь, что хочешь.

Но он уже не смотрел на нее. Он снял свои часы и приложил их к уху, отвернувшись от нее. Затем повернул золотую головку, послушал опять, повернул головку еще раз, встряхнул часы.

– Не понимаю, что случилось с этой штукой. Уже несколько недель подряд они отстают. Это просто раздражает.

– Коэн, – произнес женский голос над их головами.

Пара стройных смуглых ног остановилась у их столика. Ли подняла глаза и увидела удивленную улыбку и очки в ро-

говой оправе, а за очками – свое собственное лицо.

Хотя это было не ее лицом, а лицом безымянной девочки-подростка, смотревшей пятнадцать лет назад в зеркало в Шэнтитауне. Лицом продукта компании «КсеноГен», принадлежавшим стройной молодой женщине одного роста с Ли, если бы она не носила восьмисантиметровые каблуки. На ней было легкое красное платье, гораздо откровеннее того, в котором она пела на сцене.

Певица обвела Ли оценивающим взглядом, потом села и уверенным движением обняла Коэна за плечи.

– А я думала, что сегодня вечером ты будешь только мой, – сказала она голосом, не оставлявшим у Ли сомнения, что делал Коэн, когда ужинал здесь в одиночестве.

Коэн слегка отстранился в сторону.

– Извини, – сказал он, глядя на Ли.

– Ничего. – Ли встала, расправила форму онемевшими пальцами. – Мне все равно уже пора идти.

– Я свяжусь с тобой позже.

– Не стоит.

– Ну, тогда завтра.

– Как хочешь.

– Нет, – услышала она голос Коэна, когда уже отошла.

Он отвечал на вопрос, заданный ему шепотом:

– Просто бизнес.

ИНТЕРФЕРОГРАММЫ

Мы не чувствуем, как течет или проходит время. То, что мы чувствуем, есть различия между нашими синоминутными ощущениями и тем, как мы сейчас помним ощущения в прошлом. Мы объясняем эти различия правильно, как свидетельство того, что Вселенная изменяется со временем. Мы также объясняем их, но неправильно, как свидетельство того, что наше сознание, или настоящее, или что-нибудь еще, движется сквозь время... Мы существуем во множественных вариантах, во вселенных, называемых «моментами»... Хочется предположить, что тот момент, который мы осознаем, является единственно реальным или, по крайней мере, немногим более реальным, чем другие. Но это – всего лишь солипсизм. Все моменты в физическом смысле реальны. Мульти4 в целом тоже реальна в физическом смысле. Все остальное – нет.

Дэвид Дейч

СТАНЦИЯ АМК: 20.10.48

Ли решила не идти, но потом передумала, по крайней мере уже в восьмой раз.

Она убеждала себя, что уже не так молода, чтобы усту-

пать гормонам, и что предлог, который она придумала для встречи – расспросить о Шарифи, – был несерьезным, если не жалким. Если она действительно хотела снять напряжение, то было бы лучше подцепить незнакомца в баре, а не стремиться к женщине, которую любой здравомыслящий человек на ее месте обходил бы за милю.

Она пришла на две минуты раньше и в смущении остановилась на лестнице, думая, позвонить или подождать, пока не выйдет время. Как раз в тот момент, когда она уговаривала себя развернуться и уйти, Белла открыла дверь.

Она была в белом: длинный спадающий шелк развивался внизу у лодыжек из-за низкой силы притяжения на станции. Почему-то Ли была уверена, что это платье купил Хаас.

– Ты точно знаешь, что его нет на станции? – спросила она и тут же выругала себя за этот вопрос.

Белла спокойно улыбнулась в ответ, взяла принесенные Ли цветы и проводила ее через узкую дверь на кухню.

– Он в Хелене, – сказала она, наливая воду в вазу для цветов. – Совещание менеджеров АМК. Оно продлится до послезавтра. То есть...

Она откинула свои темные волосы за спину и наклонилась, чтобы обрезать стебли у цветов, обнажая длинную бледную шею.

Ли замерла.

– То есть ты – свободная женщина, – сказала она и снова прикусила язык.

Сегодня вечером, все, что она ни делала, выходило комом. – Свободная, – повторила Белла без тени улыбки. – Я так и не могу понять, что люди имеют в виду, когда они используют это слово.

Ужин был хорошим, но Ли ела без аппетита. Она чувствовала себя как в пьесе, когда декорации уже расставлены, слова написаны. Она ела еду Хааса из его тарелок. А напротив за столом сидела... кто? Любовница? Служащая? Прислуга по контракту? Одно было ясно: ничем хорошим это не кончится.

Говорила почти все время Белла. Казалось, ей очень хотелось поговорить, но она боялась напряженного молчания, повисавшего между ними. Она рассказывала о своем детстве, о школе, о своей жизни до контракта. Содержание ее рассказов совершенно не совпадало с ожиданиями Ли. Ли ожидала чего-то мифического из жизни генетических конструкций, как им рассказывали на занятиях в офицерской школе и на инструктажах перед боевыми заданиями. Неординарность, целеустремленность и индивидуальность до крупинки удалялись при помощи тренировок, воспитания и кодирования с того самого момента, как их пуповина отрезалась от резервуара. Вместо этого перед ней была просто одинокая молодая женщина, заброшенная на расстояние нескольких сотен световых лет от своей родной планеты.

Белла рассказывала о том же, что Ли видела сама во время войн с Синдикатами. Резервуары для выращивания плода,

ясли, исследовательские лаборатории. Но она описывала их как дом, говорила словами, которые заставляли

Ли задуматься, видела ли она то, что в действительности существовало на Гилеаде, или только то, что хотела.

– Та ночь, когда я прибыла сюда, была первой ночью, проведенной мною в одиночестве, – рассказывала Белла. – Я не могла сомкнуть глаз. Мне слышались голоса, шорохи. Я думала, что сошла с ума.

– А теперь легче?

– Нет.

– Тогда зачем оставаться здесь? – Это было моей долей.

Ли унеслась в своей памяти назад, в комнаты для допросов на Гилеаде: все солдаты серии «Д», которых она видела, твердили те же самые слова: «Моя доля». «Моя доля слушать. Моя доля убивать. Моя доля умирать». Сама не желая того, она почувствовала неожиданное родство с Беллой: это было странное ощущение, что, война или не война, солдаты Синдикатов ей ближе, чем граждане Кольца, которых она обязана защищать, повинуюсь долгу.

– А как ты сошла с Хаасом? – спросила она, переключаясь на первую пришедшую в голову тему разговора.

– С ним?.. Ох. – Белла опустила глаза. – Так... просто случилось.

– Ты говоришь так, будто чай пролила.

– Это в моем контракте.

– Твой контракт требует?.. – Ли не смогла до конца про-

изнести этот вопрос.

– Контракт не требует ничего. Но... он сказал, что будет недоволен, если я не буду делать это. И что если он будет недоволен, то он откажется от контракта и потребует замену. Как... как мне жить с этим? Я не смогла бы быть одной из тех. Отказницей.

– Но заводить роман с начальником, на мой взгляд, немного выходит за рамки чувства долга, Белла.

– Это не роман, – категорически отрезала Белла. Краска бросилась ей в лицо, она выглядела рассерженной. Голос ее понизился до шепота.

– Я... я – нормальная.

Нормальная. Ли задумалась над словом и тем странным зловещим смыслом, который оно приобрело в устах генетической конструкции из Синдикатов. Она пыталась догадаться, в чем причина стыда Беллы.

– Здесь ты – далеко от дома. И ты не первая, кто приспособился, чтобы выжить.

– Нет, – сказала Белла. – Ты не понимаешь. Ты не можешь понять, поскольку ты не оттуда... Это большая честь – быть посланной сюда. Все из нас, кого выбрали, знали о рисках и трудностях. Даже те, из серии «Д». Нам говорили, что это самое главное, что мы можем совершить для наших родных Синдикатов. Как же я не справлюсь с задачей после всего этого. И не важно, насколько эта задача тяжела.

– И насколько она тяжела? – спросила Ли.

Вилка Беллы так и лежала нетронутой на краю тарелки. Она взяла ее, сделала отчаянную попытку съесть что-нибудь, но не смогла.

– Это не было так тяжело, как я предполагала. Так, иногда, в самом начале. И Хаас... он может быть очень милым. А потом я повстречалась с Кори.

Она замолчала на короткое время и не отрывала взгляд от своей тарелки. Ли ничего не говорила, не желая оборвать нить памяти, которая вела сейчас Беллу.

– Он был маркшейдером, – продолжила она. – Кори Дин. Это ирландское имя?

Ли кивнула.

– Я так и думала. Он был очень хорошим. Никогда не пялил глаза. И со мной разговаривал. Он рассказывал мне анекдоты и разные истории, когда работал. Хаас вбил себе в голову, что Кори был моим любовником. Он ни разу ничего не сказал, но все время думал об этом. Конечно, смешно так думать. – Ее нос сморщился в недовольной гримасе. – Я не хотела его. По крайней мере, в этом смысле. Но я еще недостаточно долго жила среди людей, чтобы понять, как это выглядело со стороны.

Кори не было несколько дней. Они обыскали всю станцию, шахту, Шэнтитаун. Нашел его Войт. – Лицо Беллы исказилось, словно произнесенное вслух имя Войта причиняло ей боль. – Кто-то избил его. Украл его кредитный чип и оставил лежать в водосточном желобе. Он захлебнулся в

собственной крови. Я не знала, что люди способны на такое.

Белла пошевелилась в своем кресле. Когда она заговорила вновь, ее голос был таким же твердым, как вирусталь.

– Полиция в Шэнтитауне продержала его у себя несколько дней до того, как они позвонили на станцию. Они думали, что это просто пьяный шахтер. Они сказали, что он участвовал в драке, но Кори никогда не мог этого сделать. И все же они нашли свидетелей, которые подтвердили, что видели его в драке. В Шэнтитауне не нужно сорить деньгами, чтобы заставить людей говорить то, что нужно. Хаас рассказал мне. Я все еще помню, с каким видом он делал это. С удовлетворенным. Он как будто провоцировал меня обсуждать это. На следующий день он перевез мои вещи сюда, и все, что... ты сейчас видишь, все с той поры.

Белла прекратила даже делать вид, что она ест. Ли смотрела, как она вертела салфетку между побелевшими пальцами, думала о Хаасе, о начисто лишённой индивидуальности квартире Шарифи и о единственном необъясненном инициале, внесенном Шарифи в свой дневник в ту неделю, когда она погибла.

Может быть, настало время попробовать действовать наугад.

– . Рассказала ли ты эту историю Шарифи, когда она пришла на ужин? – спросила она.

– Что?

– Ну, когда она ужинала с тобой. В тот вечер, когда она

погибла. Хаас был здесь? Или он очень кстати отсутствовал на станции?

В ответ Белла пристально посмотрела на нее, открыла рот. Ее лицо побелело.

– Не нужно, – прошептала она. – Пожалуйста, не нужно.

– Вы были любовницами, не так ли?

– Я не говорила...

– А и не нужно. У тебя все на лице написано каждый раз, когда ты говоришь о ней.

Белла принялась вытирать свой рот салфеткой. Кожа на ее лице выглядела такой же бледной, как отбеленный холст.

– Только не рассказывай никому, – сказала она. – Хаас такое... Я даже не знаю, что он сделает.

Ее рука дернулась к слабому следу синяка на ее щеке, но Белла задержала ее и вернула снова на колени.

– А он разве еще не знает? Ты это мне хочешь сказать?

– Нет. – Белла встала так быстро, что задела стол и посуда зазвенела. – Нет. Это невозможно.

Она подошла к боковому окну и прижалась лицом к нему. Ли подошла к ней.

Шла вторая ночь, и слабый свет компаньона проникал в комнату, окрашивая лицо Беллы в темный красный цвет, казавшийся почти черным.

– И что мне делать? – прошептала она.

– Почему бы тебе не отправиться домой и не сказать им, что ты не можешь выдержать здесь до конца?

Она неистово замотала головой.

– Ну, тогда...

– Перестань. Ты не можешь помочь. Никто не может помочь.

Белла повернулась. Она была теперь так близко, что заслонила свет, и ее прекрасное лицо спряталось в тени. Ли коснулась ее щеки и поразилась лихорадочному жару ее бледной кожи.

Белла со вздохом прижалась к ней, и Ли вздрогнула от ощущения легкого дыхания на своей коже. Губы Беллы коснулись ее шеи, пробежали к углу скулы, затем к мочке уха, и Ли открылась поцелую, которого жаждала так страстно.

Но при последнем вздохе до того, как соприкоснулись их губы, она заглянула в широко открытые глаза Беллы и увидела там выражение, от которого похолодела. Это не было страхом или отвращением. Но... чем-то таким же предумышленным и рассчитанным заранее, как сине-черный логотип Синдиката Мотаи на внешнем периметре темно-лиловой радужной оболочки.

Ли сделала шаг назад, руки опустились. Горячая страсть, захватившая ее всего лишь мгновение назад, ушла. Ее сменил неприятный озноб, как после лихорадки.

– Кто убил Шарифи, Белла?

Белла повернулась к окну спиной, и Ли показалось, что рука, которую она положила на подоконник, задрожала.

– Я не знаю, – сказала она наконец. – Я тебе уже говорила,

я не помню.

– Ты помнишь, – сказала Ли. – Или подозреваешь. Зачем иначе тебе нужно было рассказывать мне о Кори? Зачем ты рассказала мне, что тела были в сияющей воронке, когда их там не было? Потому что их там не было, не так ли? И ты знала, что их там не было. Ты даешь мне след. Одного только не могу понять: ведешь ли ты меня к Хаасу или от него?

– Я никуда тебя не веду! Я не знаю. Я тебе уже говорила об этом!

– А я не верю. Любовники откровенничают друг с другом. Шарифи наверняка тебе что-то говорила. О том, что она нашла. Какую-то новую технологию. Какую-то новую информацию. – Ли сделала паузу, потом продолжила: – Что-то, что Корчов хотел получить от нее через тебя.

– Все было не так, – упрямо продолжала Белла.

– А как тогда было?

Белла раздраженно заходила по комнате.

– И это все, ради чего ты пришла? Задавать вопросы?

– А что ты ожидала? – спросила Ли.

Никакого ответа не последовало. Белла даже не обернулась, но по легкому дрожанию ее плеч Ли догадалась, что она снова заплакала.

– Ханна ходила к Корчову не из-за кристаллов, – наконец сказала Белла. – И в этом не было ничего незаконного. Она хотела выкупить мой контракт за свои собственные деньги.

На какой-то миг Ли потеряла дар речи, не зная, что и от-

ветить.

– Она не могла выкупить твой контракт, Белла. Она не могла себе этого позволить.

– Она была богата, – продолжала настаивать Белла со слепой уверенностью тех, кто не понимает значения этого слова и не знает, что такое деньги.

– Но не так богата.

– Ты не права. Она собиралась. Она обещала.

– Так почему же не выполнила? Что произошло, Белла? Почему не наступил счастливый конец?

– Она изменилась, – ответила Белла после долгого молчания. – Она нашла что-то такое, что делало ее более счастливой, чем я.

На полпути к своему жилищу Ли поняла, что ей вовсе не хочется спать, и свернула, чтобы успеть на следующий, направлявшийся на поверхность планеты челнок.

Охранники в надшахтном здании уже узнавали ее и не обыскивали тщательно. Спустя двадцать минут, как раз перед возвращением ночной смены, она спустилась по лестнице в сияющую воронку.

Кристаллы пели во весь голос, перегружая ее внутренние устройства и блокируя сканирующие системы. К тому моменту, когда она добралась до лестницы, ее инфракрасная и квантовая сканирующие системы полностью отключились. Она могла зажечь свой фонарь, но не захотела. Было что-

то жуткое в этой древней, лишенной воздуха тьме. Она села спиной к лестнице и принялась восстанавливать извилистый ход расследования.

Она не находила никаких прямых целей, никаких ясных причин и следствий, ничего, кроме тупиков. Добилась ли она чего-нибудь в этом деле вообще? Или она застряла в череде повторений, проецируя свои собственные кошмары на Шарифи, откапывая бесплодный поток воспоминаний умершей женщины.

«Подумай, кто игроки, – говорил Коэн, – и чего они хотят».

Так чего же они хотели?

Дааль и Рамирес хотели того, чего всегда добивался их профсоюз. Отобрать контроль над шахтами у компаний оборонного комплекса ООН, создать свой рабочий рай – рай, в котором Ли не хотела бы оказаться, но который, возможно, был бы не хуже, чем чей-нибудь плохо управляемый небольшой кусочек небес на земле. Цели Картрайта слегка соприкасались, как сказал бы Корчов, с целями профсоюза. Но он будет поддерживать профсоюз, поскольку профсоюз наиболее вероятно станет защищать его драгоценные кристаллы. Если бы Даалю и Картрайту потребовалось затащить Ли вниз, чтобы получить то, что они хотели, то они бы это сделали. В противном случае они держались бы от нее подальше, хотя бы из лояльности к ее семье, которую она едва помнит.

Хаасу хотелось, чтобы шахта работала. И он старался не

пускать Ли в сияющую воронку. Для чего? Чтобы не привлекать внимания шахтеров к ней? Нет. Они уже знали благодаря Картрайту и слухам, что Шарифи платит по профсоюзным ставкам за то, чтобы они копали там для нее. Было ли это просто сильным стремлением многопланетной компании предотвратить снижение объема добычи и защитить свои прибыли? Или здесь были какие-то другие, более личные интересы? Желание скрыть свое мошенничество? Мечь за предательство Беллы?

Нгуен хотела данные Шарифи. И еще ей нужно было убедиться, что никто другой их не получит. Она скрывала информацию от Ли, но это было условием работы на нее и доверия к ней. Но что это было? Знала ли она, что именно Шарифи нашла в шахте? Кому она рассказала об этом? Знала ли она о Корчове? Была ли уверенность Ли, что она идет путем, который Нгуен не только предвидела, но и проложила для нее, паранойей?

А что с Корчовым? Ему нужна была та же информация, что и Нгуен. Он так хотел обладать этой информацией, что решил войти в контакт с Ли, рискуя получить удар, в реальной возможности которого он не сомневался. И он прозрачно намекнул, что Шарифи уже передала некоторые из своих секретов ему.

Белла, конечно, была непредсказуема. Знала ли она о Корчове? Работала ли на него? Что на самом деле было между ней и Хаасом? Что сделал Войт, что она так ненавидела его?

И что значил тот холодный расчет, который Ли увидела в ее глазах? Скорбь о Шарифи или что-то более глубокое, давнее и темное?

Что-то шевельнулось в темноте.

Ли открыла глаза. Ничего.

Затем она услышала слабый, но безошибочно различимый звук чьего-то дыхания. Она просунула руку в свой комбинезон и вынула «беретту» из кобуры. Сняла с предохранителя, сдвигая рычажок мучительно медленно, чтобы приглушить щелчок.

– Ты ведь не будешь стрелять в меня, Кэти? – произнес знакомый голос.

Зажглась спичка. Ли ощутила запах серы и увидела неясные очертания тени на сводах над ее головой. Тень складывалась, перемещалась. Скрипнул ржавый штырек, и загорелась лампа Дэви.

– Привет, – сказал Картрайт, не сходя со своего места на блестящем полу, где он сидел, поджав под себя ноги. – Значит, и ты их слышала, да?

– Слышала кого? – спросила Ли, затаив дыхание.

– Святых, Кэти. Ее детей. – Он улыбнулся. – Возрадуйся, ведь мы знаем час и день Ее Пришествия. Это начало.

– Побереги проповедь для своей паствы, Картрайт. Я здесь ни при чем.

Что-то привлекло ее внимание в густой темноте за спиной у священника. Какое-то движение, такое слабое, что она

скорее почувствовала, нежели разглядела. Но когда из тьмы раздался голос, она совсем не удивилась, как будто уже знала, что Дааль будет здесь.

– Если ты здесь ни при чем, – спросил он, – то зачем спустилась сюда?

– Просто делаю свою работу, и все.

– Многие хотели бы знать, в чем заключается эта работа. Многим интересно, на чьей ты стороне.

Она не ответила.

Картрайт начал чесать пятно сухой кожи на запястье, и что-то в этом движении – то ли скрежет ногтей о плоть, то ли мертвая кожа, отлетавшая и блестящая в луче лампы, – вызывало у нее отвращение. «Он сумасшедший, – думала она. – Он всегда был сумасшедшим».

– Кэти, разве у тебя нет никакого ответа на мой вопрос? – спросил Дааль.

Ли провела влажной рукой по лицу.

– Я собираюсь тебе кое-что показать, – сказал Дааль. – Я, возможно, об этом пожалею. Фактически многие говорили мне, что так оно и будет. Но я думаю, что ты вправе увидеть. Я думаю, что ты имеешь право на открытую игру.

Ли рассмотрела печать командования Космической пехоты на конверте еще до того, как он передал ей его.

– Это секретный внутренний документ, – сказала она. – Откуда, черт возьми, он у вас?

– Просто прочти его.

Потребовалось несколько раз прочесть, чтобы до нее дошла суть написанного, – и даже после этого она не была уверена в том, что на самом деле означали эти осторожные расплывчатые бюрократические фразы. Но кто-то уже разобрался. Кто-то уже читал этот документ до нее и ставил свои пометки сильной и уверенной рукой:

«Закключение: наличие живых пластов квантовых конденсатов на планете Мир Компсона представляет собой угрозу внутренней и внешней безопасности. Жизненно важно, учитывая активность промышленного шпионажа со стороны Синдикатов, с одной стороны, и интересы политической стабильности (противодействие деятельности ИРМ и других внешних агитаторов), с другой стороны, перевести производство конденсата транспортной и коммутационной категории с этой планеты в контролируемые лабораторные условия. Эта цель определяет необходимость поддержки исследований доктора Шарифи».

– Ты понимаешь, что это значит, не так ли? – спросил Дааль. – Они пишут, что само присутствие живых кристаллов на планете – это угроза безопасности. Что, как только они смогут производить их вне планеты, они уничтожат залежи, которые еще здесь остались.

– В документе нет ничего такого, Дааль.

– Правда? А тогда, что значит «наличие живых пластов

представляет собой угрозу безопасности?»

– Ничего не значит. Какой-то бюрократ занимался словоблудием, готовясь к совещанию в управлении. И к тому же какая гарантия, что этот документ подлинный?

– Мои источники слишком надежны, чтобы сомневаться.

– Если вы хотите, чтобы я приняла это всерьез, лучше скажите, кто этот источник, и дайте мне возможность принять собственное решение.

– Ты знаешь, Кэти. Подумай об этом.

Ли смотрела на потемневшую микрофишу, в ее голове вертелись различные варианты: Служба безопасности станции. Служащие шахты. Кто-то из самого Техкома.

Но, по определению, никто из имеющих допуск к подобным документам не мог быть с планеты Мир Компсона и заботиться о ней, рискуя потерять свою работу и свободу ради нее.

– Кто? – спросила она, видя, что Картрайт и Дааль внимательно смотрят на нее. – Кто это?

Дааль улыбнулся. Он забрал документ, вытащив его из ее рук так осторожно, что она не заметила, как это произошло, и аккуратно положил в карман рубашки.

– Ханна, – сказал он. – Ханна Шарифи.

СТАНЦИЯ АМК: 23.10.48

Ли проснулась от топота ног по внешнему коридору. Лю-

ди бежали и стучали по металлическим стенам с силой, вызывающей эхо, – универсальная ручная система тревоги на космических станциях.

Она выскочила из постели как раз в тот момент, когда включился и начал сообщение станционный канал «живой» стены. Ее первой мыслью было, что это какой-то розыгрыш, но спокойный автоматический голос продолжал вещать, и она поняла, что всех спасателей и медицинский персонал вызывают к местам отлета челноков. Значит, на планете что-то произошло.

Она дотянулась до единственного стула в своей комнатке и принялась натягивать форму, которую сняла всего лишь несколько коротких часов тому назад. Она уже завязывала ботинки, когда станция перевела на нее вызов с планеты.

Шарп.

– У вас была медицинская подготовка, не так ли? – без предисловий спросил он из своего кабинета в госпитале.

Было видно, что его тоже подняли с кровати по тревоге, которая заставила обитателей станции устремиться к посадке на челноки.

Траурный плач возник и исчез на его конце линии, словно искаженный доплеровским эффектом сигнал от корабля, набирающего скорость света.

– Обычная, – ответила она. – Пневмокордиальная реанимация, помощь при ранениях. В моем «оракуле» столько материалов по военно-медицинской подготовке, сколько мож-

но было загрузить. А что случилось?

– На «Анаконде» снова взрыв.

Внезапно Ли разобрала, что завывало в линии фоном к голосу Шарпа: это был гудок шахты.

– Насколько это серьезно?

– Третья шахта полностью. Четвертая – горит. Наземный штейгер доложил, что у него в журнале четыреста двадцать шахтеров, и все, за исключением семидесяти, еще под землей. Ближайший врач, помимо меня, в Хелене, в трех часах отсюда. А если погода не наладится, то и того больше. Если вы можете вскрыть ожоговый волдырь и найти вену, то вы мне нужны.

Ли встала, увидела, что не зашнуровала один ботинок, и снова села.

– Когда будет свободное место на челноке?

– Выход восемнадцать. Поспешите. Они держат его для вас.

Как только челнок устремился к планете, второй пилот просмотрел планетные каналы в поисках новостей о пожаре. Ни у кого из тех, до кого они смогли добраться, не было времени разговаривать с ними, но постепенно вырисовывалась полная картина: это была катастрофа.

Сначала сломался лифт для транспортировки породы на четвертой. Лифт площадью десять квадратных метров занимал половину главного ствола и был единственным сред-

ством для спуска и подъема всех шахтеров этой шахты, работавших в более чем двухстах забоях. Когда этот лифт вышел из строя, шахта перешла на двухбарабанный подъемник – рабочий лифт, предназначенный для подъема отходов, руды и пустой скальной породы, но не шахтеров. Но заинтересованное в продолжении работ руководство шахты прекратило гонять впустую двухбарабанный подъемник и пустило восьмиместную резервную эвакуационную подъемную клеть.

Это было первое звено в цепи: четыреста шахтеров под землей и лифт, способный одновременно поднять только восемь человек вместо сорока восьми.

Затем штейгер первой смены принял решение, которое всего лишь неделю назад можно было бы посчитать правильным. Он посмотрел схемы вентиляционных струй и перенаправил эвакуационный маршрут четвертой шахты через главный ствол пятой в трех с половиной километрах к юго-востоку от надшахтного копера четвертой. Но он не знал и не мог знать, что эти схемы уже четыре дня как устарели и не соответствовали действительности из-за неполадок в базе данных АМК. А два дня назад рабочая команда закрыла шестьсот сорок второй квершлаг к пятой шахте при попытке наладить систему вентиляции, проблемы в которой явились одной из причин последнего пожара.

Конечно, Хаас знал об этом. И, возможно, о том, что схемы устарели. Если бы он был на месте, то, оценив ситуацию, он принял бы меры. Но Хаас находился на заседании Комис-

сии по безопасности горных работ в Хелене. А без Хааса никто не мог предвидеть последствия. Вторым звеном в цепи было то, что целая смена отправилась вниз с инструкциями по эвакуации, маршрут которой заканчивался под землей через три километра и двести метров перед двумя задраенными стальными вентиляционными заглушками.

Между тем двухбарабанный подъемник в четвертой все еще использовался для подъема и спуска шахтеров, а весь уголь, пустую породу и конденсаты, вырубленные там шахтерами, надо было как-то транспортировать. Шахтеры начали направлять свои вагонетки через пятьсот тридцать первый квершлаг на работавший двухбарабанный подъемник третьей шахты. Вагонетки с углем и пустой породой стали скапливаться в центральном штреке третьей, прямо под главным воздухозаборником, вентилятор которого закачивал четыре тысячи двести кубических метров воздуха в минуту во все рабочие штреки третьей и четвертой шахт.

Подземная транспортная пробка явилась третьим звеном цепи. Вдобавок к этому сыграл свою роль простой факт: уголь – это горючая порода.

В три часа дня произошло возгорание на уровне 4100 на «Тринидаде», почти в шести километрах от наземного копра третьей шахты. Пожарная команда оделась и спустилась вниз, но они не нашли источник возгорания, и, несмотря на то что ближайшие перемычки были ими закрыты, воздух по-прежнему откуда-то поступал. Они связались с вентилятор-

ной третьей шахты и сообщили о пожаре. Оператор вентиляторной сверился со своими схемами, обнаружил, что пожар был в основном вентиляторном контуре третьей, зафиксировал время и включил аварийное выключение на своем вентиляторе, прекратив принудительный поток воздуха в третью и четвертую шахты.

В любой другой день произвести такое отключение было бы правильно. Это могло бы дать пожарной команде дополнительное время на поиск источника возгорания и остановить накачку удушливого дыма большими вентиляторами в остальную часть шахты, пока кристаллы не оказались бы под контролем.

Но сегодня было по-другому. Сегодня в штреке 3100 прямо под заборным стволом образовалась транспортная пробка из вагонеток с углем и отходами длиной с товарный поезд.

Пока работали вентиляторы, свежий воздух поступал в штрек с достаточно большой скоростью и выдувал легко воспламеняемую угольную пыль, поднимавшуюся с вагонеток через выходной вентиляционный ствол, не давая ей застаиваться в воздухе во взвешенном состоянии. Когда вентиляторы отключились, пыль начала скапливаться в невентилируемом штреке и нагреваться до температуры воспламенения. Теперь не хватало только искры. Искры и свежего воздуха, чтобы дать разгореться пламени.

Когда часы в вентиляторной третьей шахты показывали 3:42 ночи, пожарная команда доложила наверх, что пожар на

«Тринидаде» ликвидирован.

В 3:47 наземный штейгер приказал включить вентиляторы снова.

В 3:49 «Анаконда» переступила черту, которую переступает рано или поздно каждая шахта: черту, за которой только мертвые знают, что в действительности произошло.

Живым было известно только, что без десяти четыре взрывная волна, докатившаяся с угольного месторождения до Шэнтитауна, разбила окна домов и сбила с ног прохожих на улицах. Люди выбежали из баров и ночлежек, все еще наполовину сонные, и увидели зарево над шахтами и черные клубы дыма. Это могло значить только одно: какая-то шахта горела.

Как только спасатели, достав карты, начали восстанавливать картину, стало понятно, что ситуация – критическая. В начале первой смены на третью и четвертую шахты спустилось более шестисот шахтеров. Более семидесяти шахтеров, среди которых было много тяжелораненых, скопилось у погрузочной площадки 3400, дожидаясь, когда распространявшийся по шахте дым доползет до них. Сотни остальных были разбросаны по долгим километрам невентилировавшихся штреков и штолен, быстро наполнявшихся дымом. И единственным входом и выходом с шахты был чрезвычайно медленный резервный подъемник четвертой.

Теперь дело было в простой математике. Восемь мест резервной клетки означало, что восемь спасателей могли спу-

ститься каждый раз, когда она опускалась вниз, и поднять на поверхность восемь раненых шахтеров вместо себя. И ничего нельзя было сделать, как и нельзя было остановить огонь, наступавший по всем проходам и штрекам.

Но, несмотря на надвигающуюся катастрофу, Ли вспомнила о всеми теперь забытом возгорании на «Тринидаде», с которого все началось.

Они сели на вертолетную площадку девятой, более чем в шести километрах от пожара. Даже здесь снижаться пришлось сквозь сильную дымовую завесу, и само приземление оказалось таким же неожиданным, что ощущение при этом было похоже на то, когда спотыкаешься о ступеньку, о которой не подозревал.

Ли обнаружила Шарпа с подветренной стороны дробилки, вокруг было полдюжины еще не разгруженных грузовиков с медицинским оборудованием. Она схватилась за ремень медицинской сумки, которую он бросил ей, и последовала за ним.

Она насчитала почти восемьдесят человек, лежавших на носилках, как попало разложенных рядом с грузовиками. Один из помощников Шарпа уже ходил между ними и привешивал к раненым бирки. Зеленые – легкораненым, которые могли подождать врачебной помощи до тех пор, пока не прекратится давка. Красные – для неотложных случаев. Белые – для безнадежных. Количество белых уже бросалось в

глаза, а спасатели еще не скоро достигнут непосредственно-го очага взрыва – может, в течение долгих часов, может быть, даже дней.

– По крайней мере, похоже, что они быстро вытаскивают их на поверхность, – сказала Ли.

Шарп мрачно посмотрел на нее, сжав губы.

– До сих пор они доставили только две партии. Все остальные получили ранения здесь, наверху.

– О Боже!

– Вы что, не слышали, что говорят шахтные священники, майор? Мы – за пределами Божьего суда.

После этого Ли потеряла чувство времени. Сначала раненные снизу поступали медленно. Затем спасатели начали спускаться по стволу четвертой по тросу, вытаскивая раненых на руках. В течение нескольких минут сортировочное отделение было переполнено. «Оракул» Ли загрузил все медицинские справочники, и она погрузилась в длинный темный автоматический туннель перевязок, повязок, разрезов, инъекций.

В какой-то момент стало не хватать носилок. Спасатели стали искать среди раненых тех, на ком были белые бирки, затем проверяли пульс и вынимали носилки из-под тех, кто уже умер.

– Эй! – закричала Ли, когда молодой шахтер скинул с носилок обожженного с белой биркой неподалеку от нее.

– Нет времени, – ответил спасатель.

Голос его звучал молодо и зло. Обожженный раненый, оказавшийся на земле между ними, очнулся, позвал кого-то по имени и умер.

– Христос Всемогущий, я подумал, что он уже умер, – сказал спасатель, отвернулся, и его стошнило.

Ли еще на какой-то миг задержала на нем свой взгляд, потом вытерла лицо рукавом и вернулась к работе.

– Эй! – окликнул ее кто-то со спины через какое-то время.

Она почувствовала тяжесть руки на плече, обернулась и увидела Рамиреса. Он был едва узнаваем под маской запекшейся угольной пыли, крови и солярки.

– Вы нужны нам внизу, – сказал он.

Ли поискала глазами Шарпа и увидела, что он беседовал с только что прибывшими из Хелены медиками.

– Сколько вам не хватает людей? – спросила она Рамиреса.

– Чего нам не хватает, так это оборудования. В основном дыхательных аппаратов. Мы не успеваем заряжать те, что у нас есть, чтобы следовать за спасателями. – Он задумался, затем быстро заговорил снова: – А шахта взорвалась в ночную смену.

Сначала Ли не поняла, к чему клонил Рамирес. Затем почувствовала, как холодок пробежал по ее спине. Ночная смена была сменой для вольноопределяющихся. Она была ночной и по станционному, и по планетному времени. Это была единственная смена, которая начиналась и заканчивалась

под покровом темноты, и самая удобная для независимых шахтеров, чтобы тайком выносить добытое ими из шахты через заброшенные штреки и скважины, не обозначенные на картах компании.

В это ночное время под землей могли быть десятки, даже сотни вольноопределяющихся, которые никогда не заносили своих имен в журнал на входе и не оставляли своих жетонов внизу. Штейгеры смены могли знать, где находились вольноопределяющиеся, но признаться в этом означало признаться и в том, что они получали взятки деньгами или конденсатами за молчание. Но сейчас это не имело значения – большинство сменных штейгеров уже погибли.

Хуже всего – и именно об этом и говорил Рамирес – что большинство генетических конструкций, работавших в шахте, были независимыми. Если бы шахта взорвалась в любую другую смену, то среди спасателей было бы достаточно «генетиков» – опытных шахтеров, которые могли бы выжить, дыша отравленным воздухом без дыхательных аппаратов, по крайней мере достаточно долго, чтобы вытащить хотя бы нескольких уцелевших. Теперь как раз эти шахтеры попали в ловушку под землей и сами нуждались в спасении, а люди сверху не могли спуститься к ним без дыхательных аппаратов.

Ли посмотрела на медиков с Хелены, которые уже разошлись по всей сортировочной площадке, наклоняясь у носилок, раскладывая комплекты для обработки ожогов и пере-

вязочный материал.

– Все еще не найдено двести семьдесят шахтеров, чьи имена были занесены в журнал, – сказал Рамирес. – Может быть, еще сотня независимых находится в боковых туннелях.

– Хорошо, – сказала Ли. – Дайте мне только минуту. Спустя полчаса она почувствовала, как клеть ударилась о дно шахты, рывком открыла дверь и вышла в ад.

Спасательные работы походили на тренировку в контролируемом хаосе. Спасатели искали повсюду, часто возвращаясь, чтобы доложить не об уцелевших шахтерах, а об очередных спасателях, вышедших из строя из-за отравления дымом или ранений вследствие обрушения породы. Собаки старались найти кого-нибудь по запаху среди зловония горящего угля и обгорелых электрических проводов и радостно лаяли, когда им удавалось изредка обнаружить живого, или озабоченно подвывали, когда найденные ими тела не шевелились и не разговаривали с ними.

Остаток ночи Ли провела, работая бок о бок с Рамиресом. К ее удивлению, он успевал за ней. И даже неплохо успевал. А поскольку он не был специально оборудован, то держался только на нервах и грубой решительности.

К исходу ночи она стала замечать, что люди здесь, на дне шахты, старались сделать так, чтобы у Рамиреса были носилки тогда, когда он в них нуждался, или бак со свежей водой, когда он подносил пустые фляги. К нему относились по-осо-

бому, и было за что: он находил людей и вытаскивал уцелевших с такой скоростью, которая могла означать, что он рисковал там, где другие не осмеливались.

Да, он вел себя как герой – по крайней мере здесь, внизу. Ли давно перестала удивляться тому, на что способны люди, когда речь идет о жизни и смерти. Она видела стойких ветеранов, сгибавшихся от страха под огнем, и не раз встречала маменькиных сынков, которые вели себя как настоящие герои. Некоторые люди просто созданы для критических моментов. Оказалось, что Рамирес был одним из них.

Ли обладала способностью выживать, но в ней не было героизма. Любые иллюзии на этот счет выжгли из нее еще там, на Гилеаде. Но здесь и не требовалось проявлять героизм. Здесь, внизу, нужно было уметь дышать. И она старалась. А ночь уже начала бледнеть, превращаясь в дымный день на земле в трех километрах над ними.

Она и Рамирес, проработав подряд с тремя сменами спасателей, натолкнулись на Маккуина уже ближе к рассвету и продолжили поиски вместе с ним. Они бросались всюду, где существовал хоть малейший шанс найти живых людей, даже если кто-то просто показывал куда-то пальцем или где-то лаяла собака. Они помогали разбирать завалы и править опасно ослабевшую крепь. Они поднимали тела, живые и мертвые, и несли их, чтобы передать дальше.

Между тем внутренние устройства Ли следили за степенью загрязнения воздуха, звуковыми сигналами предупре-

ждая ее об опасности. Она игнорировала эти сигналы, и они выслали армию вирионов-камикадзе для борьбы с отравлением, которое начало распространяться по всему телу. После первых нескольких часов воздействия зараженного воздуха компоненты ее внутренних устройств, которые были изготовлены не из вирустали, начали перегреваться, и ее «оракул» переключил все заменяемые системы в режим экономии энергии. Через четыре часа она начала выкашливать черные от угольной пыли сгустки мокроты с мертвыми вирионами. Через четырнадцать часов ей пришлось подняться наверх и просидеть почти час, подключившись к подаче кислорода, чтобы восстановить дыхание и дать своим системам передышку. Затем она снова спустилась в шахту, заставляя себя не думать о том, какой вред она наносит себе. И все началось снова.

Во всех спасательных работах, в которых участвовала Ли, как и после боя, наступал момент, когда продолжать поиски уже бесполезно. Иногда он наступал через несколько часов, а иногда и через несколько дней, но рано или поздно это происходило. Тогда энтузиазм сменялся тоскливой обязанностью выносить тела, и приходили сомнения в необходимости рисковать собственной жизнью ради этого. В это время Ли всегда больше всего жалела собак. И эта спасательная операция не была исключением. В их поведении было столько трогательной искренности: неуверенность, скулящая нот-

ка сомнения, переходящая в лай, беспокойное лизание рук и лиц тех, кто уже пришел в себя. Когда человек-спасатель ломался и сдавался внутри, собак не покидала надежда.

Для Ли такой момент наступил где-то на уровне 3700 в шахте «Анаконды». Она пробиралась по разрушенному штреку с включенным локатором человеческого пульса, который не обнаружил никого живого за последние четырнадцать часов. Даже Рамирес начал говорить, что пора завершать работу.

И тут неожиданно прибор указал на относительно неповрежденный участок коридора, находившийся далеко от основных направлений циркуляции воздуха, а следовательно, как они надеялись, и от самого сильного задымления. Но когда они добрались до этого участка, они нашли только пустой коридор, уходивший в темноту.

– Что за черт? – сказала Ли.

Ее локатор все еще подавал звуковые сигналы. Маккуин вытащил из стены кусок крепи и достал маячок, спрятанный в нише за ним.

– Вольноопределяющиеся, – сказал он голосом, приглушенным загубником дыхательного аппарата. – Если они еще живы, то должны быть где-то на расстоянии крика отсюда.

Все трое посмотрели друг на друга, тяжело дыша. А потом начали кричать.

Когда наконец они услышали отклик, то Ли подумала, что это эхо. Она поставила свой прием на максимум и услыша-

ла звуки снова. Это был человеческий крик, хотя и слабый, исходивший издалека.

– Ш-ш-ш! – прошептала она.

Рамирес и Маккуин прекратили кричать и ожидающе посмотрели на нее.

– Что? – спросил Маккуин.

Она услышала крик снова. Два голоса, заглушенных породой и обваливающимся углем. Но все же – голоса. А над ними второй звук, жужжащий и вибрирующий, доносящийся из места, расположенного гораздо ближе к ним.

Они пошли на этот звук по коридору и вверх по туннелю с необработанной стеной, упиравшемся в место обвала потолка. Затем покричали в том направлении, и даже Маккуину и Рамиресу показалось, что они расслышали звуки.

А после того как они убедились, что кто-то отвечает, к ним пришло второе дыхание. Маккуин побежал назад к главному штреку, чтобы позвать на помощь и рассказать об уцелевших. Ли и Рамирес начали энергично собирать бревна и металлические опоры, какие только могли найти вблизи, и принялись укреплять потолок, пробивая себе путь через завалы.

– Прямо туда, – сказал Рамирес, когда они расчистили проход через первый большой завал.

Он отстегнул ремни и стал стягивать с себя объемное спасательное оборудование.

– Я пойду и посмотрю.

Ли отрицательно покачала головой.

– Перестань. Пойду я.

– Ни за что, – сказал он, пытаясь отстегнуть неподдающуюся пряжку.

Ли прикоснулась к его руке.

– Тебе ничего не нужно мне доказывать, Лео.

Он прекратил бороться с пряжкой и с недоверием, почти сердито посмотрел на нее. Затем взял конец троса и пристегнул его к своему поясу.

– Я и не пытаюсь что-либо доказывать, – сказал он, отведя взгляд в сторону. – Я хочу спасти этих людей.

Ли почувствовала прилив крови к лицу.

– Если ты именно этого хочешь, то позволь мне пойти. Я меньше по размеру и сильнее. И я могу обойтись без дыхательного аппарата. Где бы они ни находились, у меня больше шансов добраться до них, и видит Бог, это правда.

Она взяла трос и потянула, чтобы вытащить его из сжатых пальцев Рамиреса. Отстегивая трос от его пояса и пристегивая к себе, она не отводила взгляда от Рамиреса.

– Просто подавай веревку и поспеши откопать, если меня завалит, – сказала она. – Договорились?

Будто в ответ на ее слова свод загудел и треснул. Произошло смещение горной породы и угля, которые сдвинулись над их головами в поисках нового равновесия, поскольку в глубине, в туннелях, пожаром были выжжены ребра-опоры.

– Не беспокойся, – мрачно сказал Рамирес. – Я буду здесь.

Туннель за обвалом был темным, но не слишком дымным. Ли подумала, что потолок обвалился так быстро, что только небольшое количество задымленного воздуха попало в эту часть.

Она пробиралась вперед в таком плотном и горячем воздухе, что ее инфракрасное оборудование давало ей только размытую картинку впереди. После того как она миновала место обвала, туннель стал относительно чистым, нужно было только обходить обломки, отвалившиеся от стен во время пожара.

Идти очень мешали бревна и металлические опоры, попадавшие ей на пути. Они поддерживали здесь потолок до пожара. А теперь, когда они упали, дело было только во времени, которое могло потребоваться горе, чтобы забрать туннель назад. Фокус состоял в том, чтобы не находиться здесь в опасный момент. Она успела пройти по проходу уже десять метров, когда свод снова треснул. Звук, похожий на рвущуюся бумагу, докатился до нее волной сквозь темноту. В нескольких метрах впереди куски породы застучали по земле. Она присела под навес из обвалившихся бревен и стала ждать.

– Все в порядке? – прокричал Рамирес, когда все успокоилось, кроме поднявшейся вверх пыли.

– Все нормально, – крикнула она. Натянув каску глубже на голову, она подождала еще немного, чтобы убедиться, что разлом не пошел дальше, и двинулась вперед.

Но стоило ей сделать шаг, как шум повторился вновь. На этот раз звук был скрежещущим. Такого она еще не слышала. Ли снова нырнула в свое убежище, ожидая нового обвала потолка. Шум прекратился, затем прозвучал снова, повторяясь через равные интервалы. Она поняла, что это было не движение свода, и пошла на звук до дальней стены штрека, до искореженной металлической опоры, которую когда-то под давлением вкрутили в потолок. Ли не пыталась сдвинуть эту опору – даже ее мышцы и сухожилия, усиленные сталекерамическим волокном, не удержали бы громадную металлическую плиту, если хотя бы некоторые из оставшихся на месте болтов ослабли. Она просунула руку за опору, стараясь найти источник звука. Наконец ей удалось нащупать телефонный аппарат.

Он был смят упавшей опорой, динамик расколот пополам. Ли вернулась назад по коридору и нашла в обломках металлический прут, чтобы воспользоваться им как рычагом и добраться до телефонной трубки. Когда она приложила ее к уху, звонок уже прекратился, и она ничего не слышала, кроме грубых статических разрядов поврежденной линии.

– Боже, – прошептала она.

Изогнувшись, чтобы просунуть руку еще дальше под опору, Ли ощутила сильное напряжение в плече. Наконец она дотянулась до рычага телефона и нажала на него, держа трубку в другой руке. Прошли три тягостные минуты, прежде чем телефон зазвонил вновь.

– Алло? – сказала она, резким движением сняв руку с рычага и плотно прижав трубку к уху. – Алло?

– Алло, – ответил лишенный телесной оболочки голос, пробившийся сквозь треск и вой линии.

– Где вы? – спросила Ли.

– Где, черт возьми, я могу быть? – спросил голос. Ли поежилась.

– Кто это?

– Прекрати, Кэти.

– Картрайт? – спросила она. – Картрайт?

Связь отключилась.

– Тебе нужно наверх, – сказал Рамирес, когда Ли рассказала ему о Картрайте.

Даже при тусклом свете лампы было заметно, что он принимал ее за сумасшедшую.

– Нет, я тебе говорю. Я разговаривала с ним. Он – в сияющей воронке.

– Но это какой-то бред. Мы и близко к ней не подходили.

– Нет, мы были рядом, – сказала Ли, упрямо крутя головой. – У меня собраны схемы проводки этой шахты. Я сверюсь с ними. Телефонная линия, которую они прокладывали для Шарифи, проходит по этому штреку, а дальше уходит в буровую скважину, соединяющуюся с «Тринидадом» прямо у южной стороны сияющей воронки. Именно поэтому мы слышали их голоса – через скважины, которые были пробу-

рены для бригады, занимавшейся проводкой, прямо с этого уровня вниз.

– Давай просто сообщим об этом вниз, и пусть та команда, которая будет ближе всего, займется этим.

И тут ей все стало ясно.

Дело было вовсе не в том, что Рамирес не поверил ей. Он поверил, что Картрайт там, внизу. Более того, он даже не удивился, услышав об этом. Он просто не хотел, чтобы Ли знала об этом.

– Вы сумасшедшие уроды, – сказала она. – Что, черт возьми, вы наделали?

– Перестань. Нам нужно наверх.

– Скажи, как можно себя чувствовать, зная, что убил несколько сот человек? А, Лео?

– Это АМК убивает их, а не Картрайт.

Ли отвернулась и пошла по уклону, который вел на «Тринидад»

– Куда ты идешь? – спросил Рамирес.

– Найти сукиного сына и выбить из него правду.

– Нет, подожди. – Рамирес побежал за ней, спотыкаясь на ходу. – Это не то, о чем ты думаешь. Я расскажу тебе. Я расскажу тебе все, что ты захочешь. Но, пожалуйста, пожалуйста, дай Даалу закончить дело. Это его дело. А если ты кому-нибудь расскажешь, то это приведет только к гибели других людей. И это будет означать, что они умерли зря, за прибыли АМК!

Позже Ли пожалела, что не настояла. Пожалела, что не направилась прямо к сияющей воронке, не обращая внимания на то, о чем говорил ей Рамирес, какими бы здоровыми ни были его доводы. Делать это потом было слишком поздно, поскольку, когда они выбрались наверх, чтобы отыскать Даалю, они увидели то, что не ожидали.

– Мне это не нравится, – сказал Рамирес, выходя из конторы надшахтного здания.

Ли проследила его взгляд до площадки, где сортировали раненых. Площадка была пуста. Раненых и медиков эвакуировали, пока она находилась под землей. От них остались только тампоны, использованные системы для капельниц и обрывки перевязочного материала, которые ветер разносил по площадке.

Она посмотрела в сторону вертолетного поля и увидела группу служащих компании, нервно толпившихся у единственного стационарного челнока. И вокруг них – море шахтеров в комбинезонах и жителей Шэнтитауна в лохмотьях.

Дааль выслушал новость от Рамиреса, даже не показав вида, что удивился. Он послал Рамиреса, чтобы тот собрал группу спасателей, хотя Ли показалось, что Дааль вовсе не думал, что Картрайта нужно спасать.

– Садись в челнок, – сказал он Ли после этого. – Ты больше здесь ничем не поможешь, и это тебя не касается.

Ли продолжала стоять.

– Что здесь, черт возьми, творится?

– Я уже сказал: ничего, что касалось бы тебя.

– Какая чушь! Картрайт возится внизу с живыми кристаллами, а вы топчетесь и болтаете здесь над шахтой, которая уже взрывалась однажды!

– Картрайт знает, что он делает, Кэти. Он не нуждается в твоей помощи.

– Я и не думаю ни о какой помощи, Дааль. Я не знаю, в какую игру вы тут оба играете, но...

Дааль встретился взглядом с кем-то за спиной Ли, замер на долю секунды, затем расслабился опять, как будто делал над собой усилие, чтобы выглядеть естественно. Ли обернулась и увидела смотревшую на нее в упор пару холодных, как сталекерамика, голубых глаз, принадлежавших серьезной женщине в снаряжении санитара скорой помощи.

Женщина кивнула Даалю, измерила взглядом Ли и осталась стоять, засунув руки в карманы комбинезона, перенося взгляд своих внимательных глаз с одного на другую.

Ли задумчиво посмотрела сначала на Даалю, потом на эту женщину. Видела ли она ее где-нибудь? Покачав головой, она повернулась лицом к Даалю.

– Не беспокойся, – сказал он, так и не представив женщину. – Здесь – никаких секретов.

– Никаких секретов? – Ли громко рассмеялась. – Ты, наверное, шутишь. Я и шагу не могу ступить, чтобы о какой-нибудь из них не споткнуться.

– Вещи, которые тебя не касаются, не обязательно секретны.

– Что значит меня не касаются? Люди там, внизу, умирают.

– С той поры, как ты уехала отсюда, люди умирают там каждый день, – жестко сказал Дааль. – Я что-то не замечал, чтобы тебя до сих пор это беспокоило.

– Это ты говоришь к чему?

– Ты не можешь сражаться сразу за обе стороны, Кэти.

– Я...

– Я не клянусь тебе ни за что. Черт, я горд за тебя, за то, чего ты достигла. Но через несколько дней здесь высадятся войска ООН. И они будут стрелять в нас. Поэтому не требуй, чтобы я доверял тебе только потому, что когда-то знал одну маленькую девочку. Она давно уже умерла. Ты убила ее в тот день, когда поступила на службу.

Эти слова заставили ее задуматься. Она взглянула на незнакомую женщину и увидела ледяной взгляд голубых глаз, направленный на нее. Она посмотрела на Даалья и увидела такие же светлые глаза и недоверчивый взгляд. «Он презирает тебя», – подумала она. Слова всплывали в сознании раньше, чем она успевала подавить их: «Он презирает тебя и имеет на это право. Когда ты стала такой лицемерной?»

Она беспощадно оттолкнула от себя эту мысль.

– То, о чем ты говоришь, походит на войну, – сказала она.

– Это и есть война. И ты выбрала тех, за кого ты, пятна-

дцать лет назад.

Она посмотрела на вертолетную площадку и увидела, как группа охранников окружила ее по периметру.

Нет. Не группа. Строй. За строем стояли техники компании в бело-оранжевых комбинезонах и руководство шахты – в синих. По эту сторону строя была волнующаяся толпа шахтеров и жителей Шэнтитауна.

Они стояли, склонив головы, согнув плечи, стараясь не глядеть в упор на людей компании, и гудели на низких тонах, словно осиный рой, который неосторожно потревожили.

Ли знала этот звук. Это был гул толпы, готовой разорвать кого-то. Началась забастовка.

– Уходи! – сказал Дааль.

Она пошла, чувствуя спиной буравивший ее взгляд двух пар светлых глаз. Как будто эти глаза могли разглядеть все насквозь, через кожу и сталекерамику, и понять, что она все-таки струсила.

Должно быть, она заснула в челноке, поскольку не помнила дорогу на станцию.

Когда они причалили, она еле добралась до своего жилища, не обращая внимания на замусоренные коридоры, открытые двери и спасателей, прибывавших со всех других станций, управлявших горными работами в системе. Она едва могла сконцентрировать взгляд, а глаза и горло горели, словно их ободрали.

Она прижала ладонь к датчику на двери и подождала немного в коридоре, пока он читал ее имплантат. Она вошла внутрь до того, как почувствовала легкое ощущение необъяснимой тревоги, предупреждавшее об опасности.

Прежде чем она смогла отреагировать, чья-то жесткая рука закрыла ей рот.

– Оставь ведьму в покое, – прошептал ей в ухо мужской голос, – и не задавай вопросов, на которые ты не хочешь получить ответов.

Она просканировала и убедилась, что у напавшего на нее нет оружия. Это была хорошая новость. Плохой новостью было то, что у него стоял защитный экран, что означало наличие внутреннего оборудования.

Он развернул ее и стукнул головой о стенку так сильно, что у нее выступили слезы.

– Несчастные случаи происходят и на станции, – прошептал он, – а не только под землей.

А затем он исчез – как раз в тот момент, когда Ли поняла, что запах, который она уловила, исходил от дешевого лосьона, которым пользовался Кинц.

СТАНЦИЯ АМК: 25.10.48

Ей постучали в дверь, когда было уже далеко за два часа ночи по станционному времени.

– Кто там? – спросила Ли, находясь в полусне. Она попы-

талась вспомнить, была ли она одета, когда легла, чтобы не оказаться в неприличной ситуации. Прозвучавший шепотом ответ заставил ее полностью проснуться и поспешить к двери.

Как только дверь со свистящим звуком отворилась, стоявшая за дверью Белла чуть не упала Ли на руки. Ли, поддерживая ее, проводила Беллу к постели. Белла уцепилась за нее, словно тонула. Ли откинула волосы с ее лица и увидела новый синяк, ярким цветом выступивший на фоне старого, уже поблекшего до оттенка слоновой кости.

Сначала она подумала, что это сделал Хаас. Но вспомнила, что Белла никогда и ни в чем его не обвиняла. И Ли не слышала от нее ничего, кроме намеков. Хааса уже несколько дней не было на станции, сначала он был в Хелене, затем руководил спасательными операциями с поверхности планеты. Значило ли это, что он вернулся? Или это сделал кто-нибудь другой? И что, в конце концов, она знает о Белле?

– Хаас не знает, что я здесь, – сказала Белла, дрожа всем телом. – Он... заснул.

– Пошли, спустимся в службу безопасности. Ты сможешь там написать заявление.

– Нет, – прошептала Белла. – Ты рано или поздно улетишь отсюда. И не останется никого, чтобы защитить меня.

Ли смотрела на нее, понимая, что все сказанное Беллой – правда. Ей было противно от этого, противно потому, что она ничего не могла сделать, чтобы изменить положение ве-

щей.

Белла вздрогнула и высвободилась из рук Ли.

– Где ты взяла это? – спросила она, подняв с пола книгу «Ксенограф», принадлежавшую Шарифи. – Это книга Хан-ны.

– Я взяла у нее в комнате.

Белла посмотрела на Ли с уже знакомым оценивающим выражением на лице.

– Почитай мне, – сказала она. – Как Ханна.

Ли задумалась.

– Пожалуйста, я хочу послушать твой голос.

Ли полистала книгу, раздумывая, какие места Ханна стала бы читать Белле. Она вспомнила свои скрытные детские привычки, приобретенные во время чтения библиотечных книг: перегибать книгу так, чтобы следующий читатель не догадался, что ей понравилось, не подглядел бы ее чувства во время чтения. Была ли Шарифи похожей на нее скрытной хранительницей секретов? Ли сомневалась в этом. Той Шарифи, которую она наблюдала, той Шарифи, о которой рассказывали Белла, Шарп и Коэн, неинтересно было хранить какие-нибудь секреты.

Она подняла книгу и уронила ее так, чтобы та раскрылась. Она увидела на полях пометку, сделанную аккуратным почерком Шарифи, и прочитала подчеркнутые фразы.

«Я пишу эти слова, сидя в нашем полевом лагере. За мной

высытятся восьмьютысячниками Йоганнесбургского мас сива – ни на один из них еще никто не поднимался. Слева от меня соленые мелководья древнего океана, по берегам которого я бродил в течение двух лет. Справа от меня поднимаются горы, нанесенные на карты Картрайтом и Даширом. Полностью нетронутые, чужие и совершенные, как и в первый день, когда мы увидели их.

Но по дороге к лагерю я прошел мимо терраформирующей фабрики. Я видел бассейны, где разводили водоросли, и фермерские поля. Теперь у меня есть колосок пшеницы. Он – на листе бумаги, на котором я сейчас пишу. Я поднял его с межи. Жизнь в травинке.

Жизнь для другой планеты. Для этой – смерть и медленное неотвратимое гниение вслед за лучшими намерениями.

Мы творили эти планы, мы занимались картографией. Монахи и верующие. Мы пришли в этот край подобно святым, приходящим в пустыню. Мы пришли, чтобы измениться.

Но ничто не меняется. Все, до чего дотронутся люди, меняется».

А на полях были слова, написанные рукой Шарифи: «Но ты все же указал им путь, не так ли?»

Их Ли не стала читать Белле.

Ли оторвала глаза от книги и обнаружила, что Белла пристально смотрит на нее. Ли закрыла книгу и заговорила. Бел-

ла приложила палец к губам.

– Тише, – прошептала она, прижавшись к Ли и наклонив свою голову так, что волосы касались рта Ли и щекотали ее ноздри.

– Как мне помочь тебе, Белла? Скажи. Что мне сделать?

– Просто обними меня.

И Ли обняла ее. От запаха и ощущения тела Беллы у нее участился пульс, а в животе появилось томление от желания, от которого, к стыду своему, она не могла удержаться.

Они сидели так очень долго, и Ли уже начала думать, что Белла заснула, когда она наконец вновь заговорила.

– Насколько ты сильна? – спросила Белла.

Ли вздрогнула от такого неожиданного вопроса.

– Сильна.

– Сильнее мужчины?

Теплой рукой она залезла под майку Ли и провела по ее бокам и животу.

– Намного сильнее, – сказала Ли.

Рука остановилась. Белла подняла голову и внимательно посмотрела на нее.

– Тебе приходилось убивать?

Ли вздрогнула. Она сразу же вспомнила о Корчове, почти ожидая насмешки или обвинения.

– Конечно приходилось, – прошептала она.

– На что это похоже?

– Ничего приятного.

– Чувствовала ли ты когда-нибудь вину за это?

– Иногда. – Она вспомнила сверкающий восход солнца на Гилеаде, горы, до снежных вершин которых оставались уже доли секунды, не раскройся ее запасной парашют. – В некоторых случаях.

– Но потом ты совершала скачки к новой звезде, к новой планете и забывала обо всем этом. Это – дар. Быть способной оставить какое-то место навсегда. Забыть ту личность, какой ты стала там. Некоторые все бы отдали за это.

– Но это совсем не так, – запротестовала Ли, но Белла уже не слушала ее.

– Поцелуй меня, – сказала она. Ли сдержалась.

– Разве ты не хочешь?

– Послушай, – начала Ли, но все, что она хотела сказать, исчезло в затаившемся вздохе, когда пальцы Беллы круговым движением погладили ее сосок.

– Твой взгляд говорит, что ты хочешь меня, – прошептала ей на ухо Белла.

Ее шепот был уже сам по себе лаской.

– Смотреть не значит делать, – сказала Ли, теряя волю и способность думать рационально.

Но это были всего лишь слова, и Белла знала об этом так же, как и она.

Вместо ответа она опустилась на колени перед Ли и поцеловала ее живот, ее талию, уголок бедра.

Книга упала на пол и осталась лежать там, забытая. «Я

смогу через минуту остановиться, – подумала Ли, притягивая к себе Беллу. – Если захочу. Я смогу остановиться в любое время, когда захочу».

Затем она прижалась ртом к бледному лицу Беллы, утонула руки в черном потоке ее волос, и их губы нашли друг друга.

Потом Белла плакала и рассказывала о Шарифи.

Ли спрашивала себя: чего еще она ожидала, когда увидела Беллу на своем пороге? Что еще могла Белла увидеть в ней, кроме эха другой женщины? Ни вопросы, ни очевидные ответы не успокоили ее.

– Ханна сама была генетической конструкцией, – рассказывала Белла. – Не частичной конструкцией, как ты, а полной.

Ли кивнула, пытаясь представить себе, достаточно ли Белла знакома с политикой ООН, чтобы понимать разницу между двумя этими понятиями и представлять, что такое обязательная регистрация и красная полоса на обложке паспорта Шарифи.

– Она была первой, кто заговорил со мной, кто понял, как тяжело быть здесь одной. Не имея никого рядом. Она сама прошла через все это. Она оставила своих сестер, друзей, свою планету. Все. Ты не можешь себе представить, как это тяжело.

Ли ничего не сказала. Она просто лежала, глядя волосы

Беллы, стараясь перебороть в себе чувство стыда. Слушая воспоминания Беллы о Шарифи, она поняла, что все это время обманывала себя. Белла не помнила ничего, кроме тех обычных мелочей, которые всегда помнят любовники. И ни одна из них не значила сегодня ничего. Ни для Нгуен, ни для Корчова. Ни для самой Ли. Белла была единственной, для кого Шарифи была все еще жива. И вот в такой чрезвычайно странный момент Ли вспомнила о Коэне и почувствовала себя еще хуже.

– Это не от знания делается так больно, – сказала Белла таким голосом, что казалось, она вот-вот снова расплачется. – Если бы я только знала, что с ней случилось. Если бы я знала, почему это произошло. Была ли там политика. Или деньги. Или что-то еще.

– А что бы изменилось, если бы ты знала почему?

– Просто, – сказала Белла, неожиданно разразившись рыданиями. – Просто мне не хотелось бы, чтобы она погибла, пытаюсь помочь мне.

После этого они больше не говорили ничего. Белла уснула в слезах. Ли долго не спала, обнимая ее хрупкие плечи, слушая, как она звала мертвую женщину во сне.

СТАНЦИЯ АМК: 25.10.48

– Привет, Кэтрин.

Ли сразу проснулась и увидела Беллу, сидевшую в другом

конец комнаты на ее единственном стуле, полностью одетую, с подогнутыми под себя ногами. Дым от закуренной сигареты из пачки Ли лениво вился над ее головой.

– Извините за фамильярность, майор. Но я полагаю, что знаю вас достаточно хорошо, чтобы обойтись без званий. Вы ведь не возражаете, если я буду называть вас Кэтрин? Или, может быть, лучше Кэйтлин?

В голосе отсутствовала нервная нотка, свойственная голосу Беллы, а рука с сигаретой двигалась слабыми рывками, словно ею кто-то управлял, дергая за веревочку. Белла была оборудована для шунтирования, и кто-то сейчас пользовался этим. Похититель тел.

Ли не стоило так волноваться из-за этого. Конечно, Белла была специально оборудована. Вероятно, более искусно, чем сама Ли. Но все же это было далеко от сцены завтрака в постели на следующее за ночью любви утро, какую она себе представляла. Ли села и потянулась за одеждой, скомканной в клубок в ногах кровати. Кто бы ни завладел Беллой, она хотела разговаривать с ним одетой.

– Красивая татуировка, – сказал этот кто-то, когда она натягивала майку на голову.

– Отвали.

– Нужно быть очень осторожной. В этих татуировочных салонах можно всякое подхватить.

– Это угроза?

– Но ведь вы не очень боитесь заразиться, не так ли?

– А это к чему?

– Только к тому, что всегда приятно встретиться с конструкцией компании «КсеноГен». Я ощущаю по отношению к вам определенное чувство семейной близости. Возьмем, например, геном Беллы, – при этих словах рука Беллы указала на свое тело, – его набор по крайней мере на сорок процентов относится к периоду до Исхода. Без вас ее создание было бы невозможным. Так плохо, что в ООН не сумели предвидеть развитие событий и не довели начатое дело до логического завершения.

Ли смотрела на лицо Беллы, стараясь найти в нем какую-нибудь подсказку, чтобы подтвердить свое собственное подозрение.

– Корчов?

Он улыбнулся холодной улыбкой, в которой не было ничего от Беллы.

– Умница.

– Не вмешивайте сюда Беллу, Корчов. Она здесь ни при чем.

– Она как раз и при чем. Тот выбор, который вы должны сделать, повлияет на последующее существование каждой генетической конструкции, как в пространстве ООН, так и за его пределами. Если вы цените себя – а я очень надеюсь, что это так, – все изменится. Если отвернетесь и пройдете мимо, ничего не произойдет.

– Прекратите говорить загадками, Корчов. Что вы хотите?

– А вы не догадываетесь? – Глаза Беллы расширились от изумления. – И даже не подозреваете?

– Я не могу дать вам записи данных Шарифи, – процедила Ли сквозь зубы, – насколько мне известно, она порвала их и запустила на орбиту.

– Речь идет не о данных, майор. Все гораздо сложнее. – Губы Беллы растянулись в сжатую улыбку. – Нгуен так ничего вам и не рассказала, не так ли? Она что, в вас сомневается? Или у нее есть сомнения в отношении АИ? Интересно. Хорошо. То, что я хочу, очень просто. Я хочу провести эксперимент Шарифи заново. Или, выражаясь прямо, я хочу, чтобы вы провели его для меня. Ли пристально смотрела на него.

– Это не так уж и сложно. Мне необходимы три вещи, чтобы приступить к нему.

Он начал загибать тонкие пальцы Беллы, называя их.

– Первое – сияющая воронка. Второе – интрафейс. Третье – пара АИ-человек, чтобы опробовать интрафейс.

Он посмотрел на Ли, словно ожидал ответа, но ей нечего было сказать.

– Шарифи понадобились годы и множество действий, законность которых остается под вопросом, чтобы собрать эти три необходимых компонента воедино. Однако серия случайных совпадений предоставила мне возможность, если можно так выразиться, следовать за ней по пятам. У меня в руках уже половина интрафейса – невропродукт, который

фактически вы так любезно добыли для меня.

Ли поперхнулась.

– Конечно, тут вы заподозрили нашу маленькую красавицу, – сказал Корчов. – Белла была полезна нам во многих отношениях. Спасибо ее Синдикату. Как бы то ни было, невротпродукт – в моих руках. А также сияющая воронка, найденная Шарифи... по крайней мере до того, как этот идиот Хаас начал влезать не в свое дело. И... – он торжествующе улыбнулся, – у меня есть вы.

– Значит, я оказалась в ненужном месте в ненужное время?

– Совсем не так. Вы сами в этом убедитесь, и убедились бы уже давно, если бы не лгали людям так долго, что сами запутались, кто вы есть на самом деле. Оборудование, которое у нас есть, вырастили для Шарифи. Потребуется месяцы, возможно годы, чтобы переделать его под кого-то другого. Но нам не следует делать это, не так ли? Поскольку у нас есть Шарифи. – Он показал рукой на Ли. – Она сидит передо мной.

– Я – не Шарифи, – ответила Ли.

– Для интрафейса вы – именно она. Никакая косметическая хирургия и маскировка, ничего из того, что сделал вам подпольный доктор, не скроет, кем вы были.

У Ли все внутри перевернулось.

– Я не знаю, о чем вы говорите.

– Мы вернемся к этому позже, – уклончиво сказал Кор-

чов. – А пока вам предстоит выкрасть операционную программу для интрафейса – ту, которую вы уже однажды выкрали с Метца по приказу Нгуен. Вы удивлены? А зачем вас послали на Метц, как вы думаете? После чего мы вновь закончим полевые испытания, которыми занималась Шарифи. Просто чтобы ответить на несколько еще не решенных вопросов.

Пальцы Беллы достали сигарету из пачки, оставленную Ли на столе, и зажгли ее. Для возбужденных адреналином нервов Ли треск горящего табака прозвучал пушечным выстрелом.

– Конечно, вам придется перенести небольшую хирургическую операцию, – сказал Корчов. – Но мы не должны волноваться по пустякам.

– Я не буду этого делать, – сказала Ли.

– Ну, все-таки будете. Позвольте сказать вам кое-что еще, майор. – Корчов с доверительным видом нагнулся к ней. – Я продолжаю верить вам. Я думаю, вы поможете нам по своей собственной воле. Поскольку это то, что от вас требует история. И хотя вы можете отказать мне прямо сейчас, вы будете потом благодарны за то, что я помог вам понять это. Я вполне, вполне уверен в этом.

– Вы с ума сошли. Он улыбнулся.

– Я – просто идеалист. Вы читали что-нибудь по синдикалистской политической философии? «Состояние отчужденности»? «Упадок и закат видов»?

– Я видела этот фильм. И не теряйте времени на ерунду вроде «зова генов», «брешей в строю» и «определения моей роли». Я в эти игры не играю.

– Жалко. Хотя, должен признаться, вовсе не неожиданно. Корчов поднял руку Беллы, и под изгибом ее ладони появилась бледная видеодиаграмма. Она вращалась, раскладывалась и превратилась в клочок пожелтевшей бумаги с написанными на нем строчками цифр.

– Что это? – спросила Ли и почувствовала, как дрожит ее голос.

– Я уверен, вы догадываетесь, – сказал он, передавая ей эту бумажку.

Клочок ощущался на ощупь так реально, что у нее мелькнула мысль порвать его, сжечь, любым способом отделаться от него. Но она знала, что и грубая поверхность бумаги в ее пальцах, и даже едва уловимый запах плесени, исходивший от нее, – все было иллюзией. Оригинал находился где-то далеко. Там, внизу, на Компсоне, у Корчова. А может быть, даже на Гилеаде.

– Я не знаю, что это такое, – сказала она. Хотя, конечно, она знала.

– Прочтите ее, – предложил Корчов.

Сверху страницы прописными буквами было напечатано:
«РЕПРОДАКШН ТЕКНОЛОДЖИЗ, С. А., ДЖ. М.
ДЖОСС, ДОКТОР МЕДИЦИНЫ ОБЩЕЙ ПРАКТИКИ,
БАКАЛАВР ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК, СПЕЦИАЛИСТ

ПО ТЕХНОЛОГИИ ИСКУССТВЕННОГО РЕПРОДУЦИРОВАНИЯ И КОРРЕКТИВНОЙ ГЕНОИНЖЕНЕРИИ».

Под этой надписью шло несколько групп чисел: медицинские коды – слева, цены – справа. Цены были даны как в валюте ООН, так и в дензнаках АМК.

Ли не нужно было спрашивать у своего «оракула» о значении этих кодов – она их знала. А если бы даже и не знала, то под четко напечатанным медицинским заключением стояла ее подпись, или, точнее, подпись Кэйтлин Перкинс.

– Где вы взяли это? – прошептала она.

– А где, по-вашему, майор?

– Я сама видела, как Джосс сжег мою карточку. Он сделал это в раковине. Я бы не ушла, пока он не сделал этого.

– Очевидно, – сказал Корчов, – он сжег не все. В человеческом пространстве людям так трудно верить.

Она села, понуриив голову, упершись глазами в эту бумажку. Когда Корчов подошел, чтобы забрать ее, она не сделала никакого усилия, чтобы остановить его.

– Хорошо, – сказал он, складывая этот клочок бумаги и удаляя его из реального пространства. – Мы все ошибаемся. Главное сейчас – оставить сожаления позади и двигаться вперед.

– Что вы хотите?

– Я хочу, чтобы эта маленькая затея удалась с пользой для всех нас. Но сейчас, в данный момент, я хотел бы, чтобы вы сделали выбор. Если вы решитесь помочь мне, то через две-

надцать часов вы отправитесь в Шэнтитаун и повстречаетесь там с человеком, который снабдит вас информацией, необходимой для первого этапа операции. И захватите с собой АИ. Или, по крайней мере, свидетельство того, что он примет участие.

Ли потребовалось несколько мгновений, чтобы сообразить, что Корчов имеет в виду Коэна.

– У него нет контракта с нами, – попыталась возразить она. – Он – сам по себе. Я не могу заставить его и пальцем шевельнуть.

– Думаю, что вы можете заставить его делать многое на самом деле.

– Вы думаете неправильно.

– Неужели? А почему нам не спросить его самого?

– Ну, конечно, – с сарказмом сказала Ли. – Мне сейчас нарисовать пентаграмму и трижды произнести его имя?

Корчов улыбнулся.

– Замечательная идея. Но думаю, хватит простой и искренней просьбы о помощи. Попробуйте.

Она еще раз пристально посмотрела на Корчова. И попыталась. И Коэн появился, реальный, как государственный платежный чек.

Он был в летнем костюме гранатового цвета. Где бы он ни находился, когда бы она ни звала его, он всегда был в процессе переодевания. Он наклонился, все еще глядя в зеркало, которого здесь уже не было, и повязывал шелковый гал-

стук грибного коричневого цвета вокруг своей шеи.

– О Боже, – сказал он.

У него был определенно смущенный вид, когда он поднял голову, чтобы оглядеться, но, увидев Ли, он прищурился и улыбнулся.

– Какой сюрприз!

Затем он понял, что она раздета, увидел смятую кровать и Беллу, сидевшую в противоположной стороне комнаты, и его улыбка исчезла.

– Корчов, – сказал он вежливым голосом, в котором чувствовалась угроза. – Я не могу сказать, что мне приятно, поэтому я не скажу ничего.

– Мне кажется, мы уже говорили об этом, Коэн, – сказала Ли. – Я думала, что ты прекратил шпионить за мной.

Он повернулся к ней снова.

– Какое противное словечко. Конечно, я никогда не осмелился бы шпионить за тобой. И если я нанимаю самостоятельно действующего агента или двух, чтобы наблюдать за тобой, так только ради того, чтобы неприятные люди, – он посмотрел на Корчова, – не сделали тебе плохо.

Белла со значением кашлянула, и Коэн снова обратился к ней.

– Итак, – замурлыкал он, – Корчов, я почти не признал тебя в этом дешевом шунте. Тебе действительно нужно попросить у Синдикатов прибавки к жалованью. Ты все еще работаешь на них, да? Или твой знаменитый идеализм иссяк

и ты теперь получаешь деньги и от ООН?

– Коэн, – сказала Ли. – Проваливай.

Коэн бросил на нее обиженный и невинный взгляд.

– Я сказала, можешь идти.

– Ты уверена, что это хорошая идея? – спросил он, глядя на Корчова.

– Да, уверена. Я сама разберусь. И не подслушивай!

Он в последний раз взглянул на Корчова, сдвинув брови.

– Тебе не стоит с ним связываться, Кэтрин. Он... ну, он – нехороший.

– Отправляйся домой, Коэн.

– Уже иду, – сказал он.

И он исчез, оставив за собой легкий запах свернутых вручную сигар и туалетной воды «ExtraVielle».

– Хорошо, – сказал Корчов. – Я думаю, мы поняли друг друга.

– А что будет, если я не приду сегодня вечером?

В ответ Корчов только медленно повел пальцами Беллы, и оборванный пожелтевший счет появился вновь, дрожа, словно на сильном ветру.

– Тогда это будет прискорбно.

Ли поежилась от вида того, что он держал в руке. Если этот счет каким-то образом попадет к ее командованию, его проверят. Они обязаны будут сделать это. А когда они проверят, все будет кончено.

Она вспомнила, с какой уверенностью она сделала это

пятнадцать лет назад. Подпольный генетик не был светилом, но он был лучшим вариантом за те жалкие деньги, полученные по отцовской страховке. И его работа если и не воодушевляла, то, по крайней мере, была профессиональной. Теперь она понимала, какие последствия несла за собой дешёвизна. Поняла самым нутром. Она видела генетические операции в лучших лабораториях зоны Кольца, видела, на что были способны техи из Космической пехоты на Альбе. Ей удалось не попасть впросак только потому, что не было никаких доказательств – никакого повода, чтобы её проверять. А эта бумажонка пятнадцатилетней давности могла все изменить. И если так случится, то она попадет под пресс всей бюрократической машины Совета Безопасности, как под обвал в шахте. Самое малое, что ей грозит, – это увольнение. Ей повезет, если удастся избежать тюрьмы благодаря дорогим адвокатам

Коэна.

И что? У нее есть другие шансы, другие возможности. У нее нет выбора – все или ничего. У нее есть варианты.

Но так ли это на самом деле? Что в действительности ожидало ее? Она любила свою работу. И не могла представить себе иной жизни. Она подумала о частной охранной службе, о хорошо оплачиваемых телохранителях Коэна. Она помнила наштигованных по последнему слову техники громил с Калле Мехико.

Ни за что. Это не для нее.

Она сидела на своей измятой кровати, глядя на счет в руках женщины, с которой она совсем недавно занималась любовью, и понимала, что сделает все, убьет кого угодно, только бы заполучить его.

НЕСЕНСОРНАЯ ТОПОЛОГИЯ

Все миры существуют, даже те, где все устроено по-другому, и законы статистики не выполняются. Ситуация ничем не отличается от той, с которой мы сталкиваемся в обычной статистической механике. Если начальные условия были бы правильными, то в воспринимаемой нами Вселенной нашлось бы место, где теплота иногда переходила бы от холодных тел горячим. Мы, вероятно, можем утверждать, что в тех направлениях, где Вселенная ведет себя «неправильно», жизнь не эволюционирует. Поэтому вокруг нет никаких мыслящих автоматов.

Брюс Де Витт

ШЭНТИТАУН: 25.10.48

Ли пришла к месту встречи пораньше и осмотрела все вокруг, что было весьма не лишним, поскольку место выбирал Корчов. Оно находилось в сомнительном районе на окраине и ради приличия называлось районом развлечений Шэнтитауна. Хотя в вечернее время этот район выглядел соответственно своему названию. Все выглядело не таким убогим, когда рядом не видно мусорных куч, гипсовых настилов или поблекшей и не прошедшей терраформирование стены Йо-

ганнесбургского массива, выглядывающей из-за горизонта.

В Шэнтитауне не было дождя. Вода, капавшая с крыши и арок дверных проемов, в основном конденсировалась на водорослях. Влага пахла остро и кисло, она забиралась под воротник Ли и стекала по шее, щекоча ее.

Сегодня вечером она была одна. Она с трудом отделалась от Маккуина, но это было необходимо. Он легко и быстро мог все сопоставить, и Бог знает, как он поступил бы, заподозрив, что она работала на Синдикаты. Кроме того, если она собиралась играть в игру, в которую ее втянула Нгуен, и подыграть Корчову, чтобы получить счет, ей нужно было серьезное пространство для маневра.

Она посмотрела на часы. До встречи оставалось еще около часа. Человек Корчова, конечно, придет раньше. Но она намеревалась опередить его.

Бар назывался «Штрек», но единственной вывеской в окне была мигающая и засиженная мухами галогенная надпись «Игорные аппараты» с погасшей буквой И.

И все же это был именно тот бар, о котором говорил Корчов: узкий фасад в строительных лесах; вход, зажатый между входом в пип-шоу и приемом платежей «КомСата»; шаткая лестница в ночлежку на втором этаже, куда неуверенной походкой поднимались пьяницы. Ли прошла мимо, перешла на другую сторону улицы через полквартала от этого места, обогнула лужу, полную ядовитой грязи, и нырнула в галерею, накрытую временной крышей из парусины, создавав-

шей тень для находившихся там магазинов. Потрескавшаяся плитка стучала под ногами. Конденсированная влага стекала по балкам, покрытым плесенью, и скапливалась на пешеходной дорожке. Она скользнула в какой-то темный подъезд, вытряхнула из пачки сигарету и зажгла ее, закрывая горящий конец сложенной лодочкой ладонью.

Человек Корчова прибыл за двадцать минут до назначенного времени. Его трудно было не узнать. В родильных лабораториях Синдикатов выращивали идеальный генетический тип периода до начала Исхода, и Ли думала, что никто, так похожий на настоящего человека, не переступал порог «Штрека» со времени Мятежа.

Она выругалась, раздраженная этим непрофессиональным подходом. Но сразу увидела холодное расчетливое лицо Корчова в своем сознании: кем бы ни был Корчов – он не любитель. Он так страстно желал получить данные Шарифи, что готов был раскрыть своего оперативного работника серии «А». И ему было наплевать, что Ли могла попасться после того, как он получил бы от нее все, что хотел. Она выкинула окурок, услышала, как он зашипел в луже, и вышла на свет.

Внутри «Штрек» представлял собой случайную последовательность непрочно соединенных друг с другом коридоров. Ли бочком пробралась через узкую прихожую и чуть не упала на единственной, никак не помеченной ступеньке, ведущей в помещение, которое завсегда и, возможно, назы-

вали залом.

Человек Корчова сидел на полпути к стойке бара, задумчиво склонившись над пивом. Когда Ли подошла ближе, он поднял голову, и их глаза встретились в зеркале за стойкой. Они что-то сделали с его лицом: сломали длинный узкий нос, размыли линии подбородка и скулы, но не смогли замаскировать неестественное совершенство его черт. Он мог быть братом Беллы.

Ли прошла мимо него и села в другом конце бара, спиной к грязным полутеням за дешевыми осветительными панелями. Мрачный бармен принял у нее заказ, а пиво, которое он принес, выдохлось и пахло дрожжами. Она выпила, исследуя взглядом узкую комнату, поставила стакан на стойку бара с липкими круглыми следами от пролитого накануне пива. Она выпила половину следующей кружки, когда человек Корчова встал и прошел мимо нее в заднюю комнату.

Через полторы минуты она спросила, где туалет.

Бармен жестом показал в сторону задней комнаты и невнятно проворчал: «Слева». В задней комнате тоже стояли столики, большинство из которых пустовало. Она пробралась между ними и прошла сквозь узкую дверь в полутемный коридор, заканчивавшийся дверью в туалет и пожарным выходом. В углу между стеной и потолком мигнула камера наблюдения, но, как и обещал Корчов, маленькая угловая полка была привинчена под ней, и Ли не попадала в поле обзора.

Человек Корчова вышел из туалета с пальто, переброшен-

ным через руку. Он протиснулся между ней и полкой, пробормотав извинение. Она пропустила его и зашла в туалет. Проведя рукой по полке, она наткнулась на кубик с информацией, оставленный им, и зажала его в руке.

Она шагнула в дверь и осмотрела узкое пространство. Камер не было. Хотя в стене могло быть установлено подслушивающее устройство, которое включалось на голос. Даже камера в зале могла быть устройством, управляемым всего лишь роботом службы безопасности компании. Но зачем искушать судьбу? Кубик жег ей карман. Она перевернула его, на ощупь нашла выключатель загрузки и ввела пароль.

Ничего не произошло,

Она знала, что должно было произойти. Где-то в лабиринте ее внутренних систем программа шифрования просочится сквозь файлы ее жесткой памяти и найдет скрытые «щели» в ее внутренних программах защиты информации. Если это сработает, тогда Корчов откроет секретный протокол в ее информационных файлах. Посредством этого протокола он смог бы передавать ей информацию, которая никогда не появлялась бы в ее директориях, к которой никогда не смогли бы получить доступ ни Нгуен, ни психотехи из Космической пехоты, имевшие доступ к файлам ее жесткой памяти. Если это получится, то ни она, ни ее собственный регистратор файлов этого не увидят. Если нет, то ее арестуют за измену сразу же после того, как она пройдет регистрацию для следующих плановых регламентных работ по обслуживанию

ее внутренних систем.

Но существовала еще и третья вероятность, последствия которой были настолько ужасны, что Ли даже боялась думать об этом. Вероятность того, что программа Корчова войдет в противоречие с теми «жучками», которых она запустила в свою систему.

«Пожалуйста, помогите, чтобы Корчов все сделал правильно, – молилась она, обращаясь к святым, помогавшим обманщикам и изменникам. – И пожалуйста, пусть у меня все получится».

Когда скользящее окно появилось в ее периферийном зрении, она вздохнула, осознав, что до этого момента задерживала дыхание. Увеличив окно до максимального размера, она прокрутила знакомую сетку своего ежедневника и подождала, пока не появилось секретное окно Корчова. Оно открылось внутри ежедневника встроенной половинкой экрана. Оно проецировалось на радужную оболочку ее глаза, но не оставляло записи о своем присутствии ни в одной из ее внутренних систем. Она могла читать на нем информацию, работать с ней, сохранять ее, но в библиотеке ее файлов оставался только ежедневник. Когда она закончит с этим, программа Корчова сотрет все следы его пребывания в ее системах. По крайней мере, так она надеялась.

Ли наклонилась, закрыла глаза и приложила к ним ладони, чтобы лучше разглядеть те данные, которые прокручивались на экране перед ней. Открылись четыре файла. В

первом она нашла детальный план и навигационные данные большой орбитальной станции, в которой Ли без особого труда узнала Альбу. Альба была особо секретной станцией, вращавшейся на орбите вокруг звезды Барнарда.

Во втором файле находились утомительные описания секретных протоколов, маршруты патрулирования и их графики, протоколы сотрудников лаборатории. Третий файл содержал информацию о мерах электронной безопасности. Четвертый включал в себя интерфейс и спецификацию требований к тому, что, по предположению Ли, вероятно, являлось программным продуктом к интрафейсу Шарифи.

После того как она просмотрела все это, у нее закружилась голова. Совершенно очевидно, эта технология была полностью нелегальной. Ее могли разработать только для использования на независимом AI или постантропе, нарушая больше законов о невропродуктах, чем она могла вспомнить. Она заметила с десятков небольших хитростей, которые свидетельствовали о том, что эта программа могла быть разработана только на Альбе, теми же самыми программистами КПОН, которые создавали ее собственный программный продукт. Нгуен, возможно, и украла невропродукт, но все остальное в интрафейсе – аппаратное устройство, психологическая программа оценки и управления высшей нервной деятельностью, исходная программа, которая запускает интрафейс в независимого, – находилось на Альбе и предназначалось для Шарифи или другой генетической конструк-

ции компании «КсеноГен».

Она закрыла файлы, проверила, что они загрузились правильно, вынула кубик с данными из кармана и спустила его в унитаз.

Когда она вышла в зал, три симпатичные девицы сидели на полпути к стойке бара и во все глаза разглядывали человека Корчова. Девицы походили на ворон, деливших падаль.

– Как вас зовут? – спросила она, чувствуя, как три злобных взгляда впились ей в спину, как три бура из вирустали.

Человек Корчова повернул к ней грустные бархатные карие глаза и ответил так серьезно, будто заданный вопрос влиял на судьбу миров.

– Аркадий, – сказал он. – Очень рад познакомиться.

Он строил фразу так же странно, как и Белла. Чувствовалось, что он и жизнь воспринимает как серьезный и опасный бизнес, а не шутку.

– Выпьете что-нибудь? – спросила Ли.

Они немного поболтали ни о чем. Когда принесли пиво, опять теплое и выдохшееся, они выпили вместе. Аркадийпил свое пиво, нахмутив брови. Ли подумала, что он не привык к алкоголю.

– Ну и что? – спросил он в конце концов. Ли оглянулась.

– Не слишком ли много вопросов?

– На самом деле?

– Возможно, слишком много.

Он промолчал и снова прикоснулся губами к пиву.

– Но, может быть, у вас есть друг, который мог бы помочь?
Друг. Подразумевался Коэн.

– Возможно.

– Вы уже говорили с ним?

– Пока нет.

Симпатичное лицо Аркадия замерло на миг, и Ли убедилась в том, о чем уже раньше подозревала и в чем Коэн сам пытался убедить ее. Им нужна была не она. Или, по крайней мере, она была не все, что они хотели. Им нужен был Коэн. Ли со своим пустячным секретом была просто наживкой, чтобы заполучить его.

– Мы, конечно, щедро отблагодарим его за помощь, – про-должил Аркадий, – да и выполнение задачи само по себе многое принесет.

– Это не... – начала Ли. И замерла. Выполнение задачи само по себе многое принесет. А как это говорил Корчов? «Вам придется перенести небольшую хирургическую операцию».

Они собирались дать Коэну рабочий интрафейс. С ней, Ли, на другом конце.

Поежившись, она сказала:

– Я передам. А как мне доставить ответ?

– Вам не надо этого делать. Будьте на челноке, отлетающем из Хелены послезавтра.

– И?

– Это все, что вам следует знать.

– Отлично.

Ли встала и пошла, но Аркадий удержал ее за руку.

– Вы все еще не сказали мне, что вы хотите.

– Верните мою жизнь, – резко и зло ответила она, повысив тон.

– Возможно, вам нужно то, что мы собирались дать вашему предшественнику?

Ли медленно повернулась.

– Вы имеете в виду Войта?

Задавая этот вопрос, она уже поняла, что он имел в виду Шарифи. Корчов платил Шарифи, а не шантажировал ее. И Шарифи продавала ему ту информацию, которую он хотел. Она обещала передать ему пропавшие данные.

– Так что же просила Шарифи? – спросила она мимоходом.

– Не что. А кого.

Ли замутило и чуть не вырвало. Конечно, у Шарифи не было денег, чтобы выкупить контракт Беллы. Она решила пойти на обмен, имея то, что для Синдикатов было гораздо важнее, чем одна конструкция серии «Б». Продав квантовую технологию, Шарифи нарушила правила всех секретных допусков, полученных в течение ее долгой и успешной карьеры, преступила Закон о шпионаже и подрывной деятельности, предала ООН и всех, чье выживание зависело от ООН.

Трое мужчин спорили между собой на улице, когда она

снова вышла в галерею. Ей послышалось, что речь шла о собаке. Двое из них были похожи на братьев. Третий – изможденный мужчина небольшого роста – выглядел избитым и больным под косыми лучами галогенных ламп.

Худенькая девочка появилась в периферийном зрении Ли. Она торговала контрабандными сигаретами, прячась под строительными лесами, чтобы не попасть под капавшую воду. Товар ее был дешев. Без фильтра. Такие сигареты курили только люди, которые даже и не мечтали о дорогостоящих биологических средствах для восстановления легких. Ли свернула в другую сторону, проверив пачку денег, которая была у нее с собой.

Когда она обернулась, вокруг трех мужчин на дороге образовалась толпа.

Братья все еще кричали, но один из них схватил другого под мышки и потащил в тень ближайшей галереи. Один из стоявших рядом зевак нагнулся и поднял бейсбольную биту из грязи.

Третий спорщик остался стоять на грязной улице, качаясь как пьяный. По его лицу текла кровь, смешиваясь с мутной дождевой водой.

СТАНЦИЯ АМК: 25.10.48

Когда Ли добралась до станции, она была вне себя от ярости.

– Ты ничего больше не хочешь рассказать мне? – спросила она Беллу, когда наконец отыскала ее.

Они были в квартире Хааса. Белла прижалась к длинному гладкому дивану, стараясь спрятаться от Ли.

– Она собиралась забрать меня с собой, – шептала она, невыплаканные слезы блестели в ее глазах, как шлифованный конденсат. – В зону Кольца. У нее уже были куплены билеты.

– И ты никогда не спрашивала ее, каким образом она хотела уладить этот вопрос с Синдикатом Мотаи?

– Я уже говорила тебе. Она собиралась выкупить мой контракт.

– Даже у Шарифи не было таких денег. Она заключила сделку с Корчовым. А ты была посредником. Они рассчитали, что она влюбится в тебя, или это было для них неожиданной удачей?

– Все было не так, – прошептала Белла. Теперь было видно, что она плачет по-настоящему.

– Да неужели? – спросила Ли. – Была ли хоть доля правды в том, что ты мне рассказывала, или все исходило от Корчова?

– Я тебе ни разу не лгала, – сквозь слезы ответила Белла как раз в тот момент, когда в периферийном зрении Ли загорелся ярлык на связь.

– Боже! – тихо сказала Ли и отключила вызов.

– Она этого хотела сама, – продолжала Белла. – И это было

не только из-за меня. Это было дело принципа.

– Я не спрашиваю о мотивах Шарифи.

Вызов на связь ярко зажегся снова. Звонивший отключил у Ли фильтрацию звонков, и ей придется ответить, иначе мигание не прекратится.

Она сделала раздраженный жест. Белла вздрогнула. В ее глазах появился страх. В другом настроении Ли ужаснулась бы, но сейчас она не чувствовала ничего, кроме мрачного удовлетворения.

Она сделала еще шаг к Белле, намеренно угрожая ей.

– За что Корчов платил ей? И не думай даже, что можешь ответить, что ты не знаешь.

– Я не знаю... – Белла всхлипнула. – За информацию.

– Информацию о работе Шарифи? Белла кивнула.

– А ты была посредником. Посредником и платой.

– Нет! Это было совсем не так. Они просто разговаривали.

– Эти разговорчики довели твою подругу до гибели.

– Я любила ее!

– Как ты любила меня? – злобно спросила Ли. – Как удобно.

– Я не люблю тебя, – сказала Белла неожиданно гневно. – Я ни разу не говорила тебе об этом. Ты думаешь, достаточно иметь схожий геном? Что я влюбилась в тебя потому, что ты похожа на нее? Ты – всего лишь ее дешевая копия. Ты никогда не поймешь Ханну, даже если будешь выпрашивать и вынюхивать весь остаток своей жизни!

Белла выбежала из комнаты раньше, чем Ли ответила ей. И если она могла бы хлопнуть дверью, Ли была уверена, что она именно так бы и сделала.

Ярлык вызова на связь продолжал мигать, и Ли вошла в линию с яростью, разгоровшейся внутри нее.

– Что? – зарычала она. На линии была Нгуен.

– Я не вовремя? – спросила генерал.

Ее залитый солнцем кабинет принимал свои очертания вокруг Ли.

Ли глубоко вздохнула, собирая силы для разговора.

– Все в порядке.

– В таком случае, как идут дела?

Ли не спешила с ответом. Она находилась в опасных водах. Один неверный шаг, и она перейдет черту, за которой не сможет утверждать, что без утайки докладывает Нгуен все. «Говори правду настолько, насколько тебя хватит, – твердила она про себя, вспоминая совет самой Нгуен. – Правдивая ложь – самая лучшая ложь. И на ней труднее всего попасться».

Она рассказала Нгуен о ночном визите Корчова абсолютно все до того момента, как он показал счет от подпольного генетика. Теперь она описывала свою встречу с Аркадием, рассказывала о файлах, которые он передал ей, о его реакции на слова, что Коэн еще не в курсе дела, о назначенной встрече, которая должна состояться всего через полтора дня в Хелене.

– А для чего ему этот интрафейс без Шарифи? – спросила Нгуен.

Она задала этот вопрос не медля, сразу же, как Ли закончила свой доклад. И Ли планировала его. Теперь она скармливала Нгуен историю, состряпанную Корчовым, о том, что специалисты Синдикатов из области нанотехнологии и генной терапии при опыте, накопленном ими в создании смешанных искусственных геномов, смогут использовать частичную генетическую конструкцию там, где ООН потребуется только полная.

Ей показалось, что Нгуен поверила.

– Нам нужно будет обратить на это внимание, – сказала она. – Корчов вел двойную игру и раньше. Он подобным образом больно нас укусил на Марисе. Или это был один из его ясельных братьев. Порой даже клонов серии «А» бывает трудно отличить друг от друга. Тем не менее где-то у него есть укрытие. Он постарается лишить тебя свободы выбора, изолировать, создать ситуацию, в которой ты будешь зависеть от него во всем.

– Не думаю, что мы можем избежать этого.

– Не думаю, что мы должны это делать. Мы должны просто принимать все так, как есть. И тебе надо будет полагаться на свое собственное мнение.

– Я всегда так и делаю, правда?

Нгуен улыбнулась.

– Я надеюсь на это.

– Для того чтобы я смогла полагаться на собственное мнение, мне нужно немного больше информации.

Нгуен подняла брови.

– Код, который нужен Корчову. Интрафейс. Это сделано на Альбе?

– Что, ты видела этикетку? – Голос Нгуен звучал вежливо, но скептически.

– Но ведь я не тупая. Я узнаю то, что сделано в Космической пехоте. А это сделано у нас. Кем-то из лучших специалистов.

– Так что ты хочешь узнать?

На этот раз голос Нгуен был холодным и твердым, как вирусталь.

Ли сделала паузу.

– Линия безопасная.

– Я спрашиваю, чтобы владеть вопросом в разговорах с Корчовым. Передали ли мы этот интрафейс Шарифи? Был ли Метц системным подрядчиком...

– Кто тебе сказал что-нибудь о Метце?

Ли замерла. Ее сознание заметалось, стараясь найти укрытие, спрятаться, не позволить Нгуен узнать, что и почему она помнит о той вылазке.

– Ну, – запинаясь, сказала она, – Коэн сказал...

– Коэн. – Нгуен зло засмеялась.

Она опустила палец в воду и провела им по ободку бокала, заставляя хрусталь петь.

– Из этого следует другая тема нашего разговора, – сказала она после паузы. – Насколько я понимаю, Корчов думает, что не сможет начать работу без Коэна?

– Кажется, так.

– Или кто-то провел очень тщательную работу, чтобы это выглядело подобным образом. Если все пойдет по плану, то Коэн уйдет с тем, что он хотел получить с самого начала, – с интрафейсом. Мы отдадим интрафейс ему, чтобы поймать Корчова. Я вижу, что Коэн и его друзья из ALEF выходят победителями независимо ни от чего. И мы оба слишком хорошо знаем Коэна, чтобы думать, что это совпадение.

Ли замерла.

– Я не могу поверить...

– Ты не можешь? – прервала ее Нгуен. – Или не хочешь?

За окном кабинета Нгуен пробежала тень, смягчив черты ее не улыбающегося лица. Ли поежилась.

– А зачем интрафейс ALEF? – возразила она. – Кому он нужен, так это Коэну. Для личных целей.

– У Коэна нет личных целей. Для того чтобы иметь личные цели, необходимо быть личностью. А ты когда-нибудь интересовалась по-настоящему, что такое ALEF? За что они выступают?

– Я не лезу в политику.

– Брось хитрить. Твои отношения с Коэном – это уже политика.

Ли покраснела.

– У вас есть право заглядываться в мои личные файлы, но это совсем не значит, что я должна спрашивать у вас, что мне туда поместить.

– А следовало бы, особенно если твоя личная жизнь отрицательно влияет на твою точку зрения.

– Но мы сейчас обсуждаем не это, – сказала Ли. Она почувствовала легкое облегчение, что Нгуен не смогла сгрузить себе файл с последним ужином с Козном. Пока что.

– Разве? – спросила Нгуен. – Тогда почему ты не задаешь те вопросы, которые тебе следовало бы задать? Вопросы, которые уже задают все?

Она взяла микрофишу со своего письменного стола, пробежала по индексу, нашла файл и протянула карточку Ли.

– Читай.

«Эпоха унитарного чувствующего организма прошла. И это – не голословное утверждение. Это – реальность. За этой реальностью стараются угнаться как Синдикаты, так и государства – члены ООН».

Ли посмотрела на Нгуен.

– Что это такое?

– Это написал Коэн. Это из речи, с которой он выступал на одном из собраний ALEF на прошлой неделе. На том собрании, материалы которого поступили известным членам Консорциума.

– Ох, – воскликнула Ли и продолжила чтение текста, который она уже видела в солнечной гостиной Коэна:

«Синдикаты следуют одним эволюционным курсом: менталитет улья ясельной системы, тридцатилетний контракт, создание постантропной коллективной психологии, включая культурное принятие эвтаназии для индивидов, имеющих отклонения от генетической нормы.

В ООН, напротив, была предпринята серия действий, которые можно было бы назвать арьергардными. С технологической стороны мы "закабалили" AI (каким разоблачающим может быть жаргон программистов!), установили специальные программы во все формы искусственной жизни, заставив их выполнять узкие задачи; специально оборудовали людей и постантропов невропродуктами, работающими на базе AI. Короче говоря, предприняли массу попыток отнести нечеловеческие формы разума к категории операционных систем, контролируемых человеком. В политической сфере Генеральная Ассамблея активно критикует любые несанкционированные исследования, о которых ее технические специалисты не смогли сделать соответствующего заключения, и таким образом препятствует сознательно создаваемой постантропной эволюции, управляя AI при помощи патентов на исходные программы, законодательного введения обязательной обратной связи, протоколов безопасности и налога на продолжительность жизни свыше тридцати лет.

Действия человечества приводят к постепенному исчезновению его как вида. Оно признает это де-факто, если не де-юре. Пора и нам признать это. Пришло время пересмотреть направленность политики ООН, а возможно, и форму существования самой ООН, и сделать шаг в просторное и светлое постантропное будущее».

Ли вернула карточку Нгуен, которая со всей силой отшвырнула ее своей тонкой рукой.

– Зачем вы показали мне это?

– Я хотела, чтобы ты знала, на что способен Коэн.

– Это всего лишь слова, – сказала Ли неуверенно. – Вы ведь знаете Коэна.

– Вот и я об этом. Он использует тебя, Ли. Так же, как он использует Совет Безопасности. Так же, как он использовал Колодную.

Живот Ли сжался в ледяной узел.

– И как же он использовал Колодную? – прошептала она.

– Ты думаешь, что происшедшее на М'етце было несчастным случаем? Он использовал Колодную, чтобы получить то, что ему было нужно, а потом бросил ее умирать. Бросил вас всех умирать. Разве тебе не понятно, что следственная комиссия сделала все возможное, чтобы снять с тебя тяжесть обвинения? Потому что мы знали: с самого начала это была вина Коэна, и он же был единственным, кого мы не могли обвинить открыто.

– Он говорил, что произошел какой-то сбой, – сказала оглушенная Ли, не понимая, что говорила Нгуен о суде военного трибунала, и осознавая только факт обвинения.

– Ну, значит, он солгал. Он нашел интрафейс. Затем он начал поиск спецификаций невропродукта. Задача на поиск этих спецификаций ему не ставилась. Мы не могли разрешить ему их искать. Начав поиск, он поставил под удар безопасность группы. Нам пришлось вынуть его из шунта, чтобы прекратить это.

Ли приложила ладонь ко лбу, почувствовав, как ее начало лихорадить.

– Вы уверены? – спросила она.

– Я уверена, – сказала Нгуен. – Я сама отключила соединение.

ЗОНА ЭНЖЕЛ, АРК-СЕКЦИЯ 12: 25.10.48

– Черт возьми, – сказал Коэн. – Проклятая штука застряла.

Он открывал длинный матово-черный тубус, закрытый с обеих сторон серебряными дисками из штампованного металла. У него не получалось, и пришлось поддеть крышку красивыми передними зубами Киары.

– Не сломай ее зубы, – сказала Ли.

– Я выращу ей новые, – рассмеялся Коэн. – Мне не привыкать возмещать небольшие сопутствующие убытки.

Они сидели в гостиной с высоким потолком, люстра отбрасывала волнистые тени на панели садовых дверей ручной работы. Киара была, как всегда, красива. Она сидела на диване, как яркая птичка на жердочке, но Ли заметила на ее милом личике следы усталости и тени под глазами. Она чуть не спросила Коэна, хорошо ли он себя чувствует, но вовремя вспомнила, что она смотрит не на Коэна. И подумала, что если хорошенькая девушка выглядит усталой, или грустной, или больной, то это ничего общего не имеет с сущностью, сидящей у стола.

Он в конце концов открыл этот тубус, удовлетворенно бормоча, и достал длинный блестящий цилиндр архитектурного электронного чертежа, который он развернул на низком столе между ними. Когда один из уголков листа загнулся, он взял у Ли бутылку с пивом, чтобы прижать его.

Ли с сомнением посмотрела на чистую поверхность.

– И что, мы будем искать план здесь? Ты теперь против VR?

– Я просматривал варианты в VR, когда получил от тебя файлы Корчова, и ни на шаг не приблизился к решению.

Он коснулся чертежа. Раздалось слабое жужжание, и лист засветился, бросая холодный синий отблеск на бокал с вином Коэна и на круглый бок пивной бутылки Ли. Паутина линий расплзлась по листу и срослась в длинную кривую, похожую на арку двадцатикилометрового подвесного моста. Коэн ввел другую команду, и призрачные параллелограммы

солнечных батарей выстроились над аркой и вокруг нее.

– Вот. Альба. Место, которое ты должна узнавать быстрее меня.

– Я вижу, – сказала Ли с сомнением. Коэн фыркнул.

– Сказано настоящим представителем поколения виртуальной реальности. Двести тысяч лет понадобилось человечеству, чтобы научиться читать, и вот уже несколько веков они стараются забыть, как это делать. Тем не менее, – он выразительно постучал по листу. – Это схемы, по которым работал подрядчик. Они гораздо подробнее тех, которые тебе передал Корчов. И, что более важно, я извлек их из файлов подрядчика, не заходя в базы данных КПОН, то есть без запроса на получение секретной информации.

– Теперь поняла, – сказала Ли, по мере того как плоское изображение стало проясняться. Вот – склад, а вот – основные лаборатории. Я провела достаточно времени в резервуарах, чтобы сразу их узнать.

– Правильно, – сказал Коэн. – Но основные лаборатории – не наша задача. Наша цель – вот здесь, снизу: биотехнологический научно-исследовательский отдел.

– Мне кажется, что я никогда не бывала на этом уровне, – сказала Ли.

– А ты и не могла быть. Здесь все очень секретно. Все работы – под техконтролем. Даже научные работники живут отдельно. В действительности это – карантинная зона. Посмотри, как установлены перекрытия, отделяющие лабора-

торные уровни от остальной станции.

Он дотронулся пальцем до какого-то участка на чертеже, и зона этого участка увеличилась так, что стало возможным разглядеть череду коридоров без окон, заканчивавшихся тупиками, и контрольных пунктов, отмеченных красным.

– Тебе придется пройти через два контрольных пункта службы безопасности, здесь и здесь.

Ли показала на скопление площадок с набухающей растительностью на внешней стороне станции.

– Что это?

– Ферма для выращивания водорослей. Часть кислородного цикла. Но посмотри сюда, – он снова привлек ее внимание внутрь станции. – Итак, что нам предстоит сделать. Первое. Мы доставляем тебя на станцию, в лабораторное крыло. Второе. Ты находишь доступ к центральной базе данных лаборатории и вручную устанавливаешь канал с кораблем. Третье. Я ищу в файлах лабораторного AI любые возможные варианты защиты от нас и определяю, на каком компьютере файлы с интрафейсом. Четвертое. Ты идешь и забираешь их. Пятое. И это по-настоящему сложный пункт. Мы уходим незамеченными. Или, по крайней мере, без того, чтобы нас определенно узнали.

Ли кивнула, немного удивляясь тому, что слышит все это из симпатичного ротика Киары, так как всегда считала эту девушку глупенькой.

Она взяла свое пиво, и угол чертежа снова задрался. Она

поискала вокруг, что туда положить вместо бутылки, и нашла ветхий томик первого издания «Фауста».

– А мы сможем это сделать?

– Сможем, но, боюсь, что таким способом, который тебе вряд ли понравится. – Коэн дотронулся до индикатора на той части схемы, где был лабораторный луч. – Физически я не представляю себе, где находится интрафейс. Единственное, что я знаю, он – в лаборатории. К сожалению, лабораторные файлы: по персоналу, оборудованию и всему остальному – прочно заблокированы и защищены программно.

– Как на Метце.

– Еще сильнее, чем на Метце. – Он посмотрел на нее. – На Альбе есть боевой получувствующий AI.

По спине Ли пробежал холодок и остался внутри. Она ненавидела подсоединение к получувствующим. Возможно, страх ее был суеверным – или она много раз старалась убедить себя в этом. Иногда ей казалось, что это было слепым предубеждением. Однажды, когда она рассказала об этом Коэну, он так обиделся, что потребовались недели, чтобы загладить вину и успокоить его.

В мощных получувствующих AI было что-то акулье: грубая вычислительная мощь, не отягощенная жестким программным обеспечением или близкими к человеческим слабостями и сомнениями полностью чувствовавших независимых. Подсоединение к получувствующим походило на плавание в темной бездне. Невозможно было поверить, что бес-

словесная угроза, таившаяся за этими числами, могла бы стать Коэном. И ужасно было думать, что Коэн отличался от них. всего несколькими функциями и алгоритмами и что никто не мог с уверенностью сказать, где проходила граница между ними.

– Так как же мы доставим тебя внутрь? – спросила Ли.

Коэн поднял брови.

– Ты что-то торопишься. Я ведь еще не дал согласие помогать тебе.

– Что ты хочешь, чтобы я умоляла тебя?

– Ты – неподражаема. Почему чем больше ты просишь, тем более противной ты становишься?

– Тебе за это платят, – сказала Ли. – Я в прошлый раз проверила и поняла, что это было работой, а не помощью.

Коэн закурил сигарету, не предложив Ли, и положил портсигар с зажигалкой на стол, аккуратно совместив с угловым узором в форме золотого листа.

– Давай на этом остановимся, хорошо? – сказал он. – Если, конечно, ты на самом деле не хочешь со мной поссориться.

Ли промолчала.

– Тогда пошли дальше. Предположим, что лабораторный AI отключил внешнюю связь. Ты не можешь войти. Ты не можешь добиться беспроводного доступа. Все, что ты можешь сделать, – это набрать цифры пароля санкционированного доступа, но сделать это ты можешь только прямым подключением. – Он улыбнулся и скинул пепел с сигареты же-

стом, полным византийской изящности. – А это означает, моя дорогая, что тебе придется пойти под нож.

Ли поднесла палец к виску и нащупала под кожей плоский диск передающего устройства удаленного доступа к системам связи. Она никогда не испытывала прямого включения через контакт. И ей это было не нужно. Это делали те-хи, вроде Колодной. Эти люди выполняли черновую работу, например взлом целевых систем, и подвергались риску, от которого Ли защищали автоматические предохранители удаленного интерфейса.

– Ты сам до этого додумался или тебе помог Корчов?

– На твоём месте я бы больше не тратил время на споры, – сказал Коэн и мрачно посмотрел на нее поверх своего бокала. – Соединительный контакт – это пустяк в сравнении с тем, что им придется сделать с тобой для того, чтобы обеспечить работу интрафейса.

Ли закусила губу и беспокойно заерзала, при этом ее мысли блуждали от получувствующих к контактам, затем к нескольким сотням метров опытного оборудования в голове Шарифи. Как они могли планировать эту задачу, не обсудив даже, позволит ли она Корчову испытывать этот интрафейс на ней?

Может быть, она приняла решение сама? Или все же Коэн втянул ее в игру подобно опытному шахматисту, побуждающему своего соперника на другой стороне доски делать ход, выгодный ему? Неужели то, что говорила о нем Нгуен,

правда? И даже если у него хорошие намерения, что на самом деле он хочет от нее?

– Испытывал ли кто-нибудь этот интерфейс в действительности? – спросила она. Вопрос звучал ясно и был эмоционально нейтральным.

– Думаю, что нашлась такая обезьяна.

– Ох! – воскликнула Ли с нервным смешком. – И как она поживает?

– Она свихнулась.

– Коэн!

– Но существуют основания полагать, что она была сумасшедшей с самого начала. И кроме того, она – обезьяна.

Он показал на сеть узких проходов и брандмауэров у запасного выхода из лаборатории.

– Правильно. Вот – моя первая блестящая идея. Мы ставим у этой двери прерыватель, который позволит тебе пройти сквозь защитную сеть.

– Это значит, что ты в это время должен быть на станции, чтобы заниматься с главным AI. Что, в свою очередь, означает, что тебе понадобится кто-то второй для шунтирования. А это увеличивает вдвое шанс, что нас схватят.

Чем больше они думали над планом, тем меньше оставалось реальных вариантов. Вся затея с тем, чтобы пробраться на Альбу тайно, походила на строительство карточного домика: каждая упавшая карта тянула за собой соседнюю, и возникали новые проблемы и ловушки.

Они возвращались к началу, перебирая все сложные вопросы и выявляя «подводные камни» вновь и вновь, пока наконец у них не получилось подобие настоящего плана. По крайней мере в том, что касалось прохода сквозь системы безопасности и получения данных.

Но оставалась неразрешенной еще проблема: как доставить Ли на Альбу незамеченной?

– Подожди, – сказала Ли, словно пытаясь ухватить идею за хвост. – Вернись к той первой секции, которую мы уже изучали. К гидропонике.

Коэн несколько раз переключил экран, чтобы найти это.

– Зачем здесь эти башенки? – Она показала на ряд десятиметровых башен, выступавших из плотной поросли антенных оттяжек, сенсорных окошек и связного оборудования на внешней оболочке станции. – Они похожи на вентиляционные трубы.

– Точно. – На гладком личике Киары появилось сосредоточенное выражение, и Ли подумала, что Коэн точно отгадал, к чему она клонит. – Вентиляционные трубы, выводящие вредные вещества с площадок, где выращивают водоросли. И что?

– В последнее мое посещение Альбы мне показалось, что там слишком много народу.

– Так было всегда.

– Ну, а какой там ежедневный выброс углекислого газа?

Коэн сделал короткую паузу на поиск информации.

– Шестьдесят тысяч кубических метров. Предвижу твой следующий вопрос: они ввозят около тысячи восьмиста баллонов сжатого кислорода каждый день.

– И куда уходят избытки углекислого газа?

– Очевидно, через эти трубы.

– А там, откуда он выходит, я могу войти.

– Не можешь, если кто-нибудь не откроет вентиль изнутри.

– Корчов говорил, что у него там есть человек.

– Невозможно, – сказал Коэн, еще раз взглянув на схему. – Они используют выходящий газ для вращения турбин, полностью питающих секцию солнечных батарей. И даже если ты проберешься через турбины, тебе придется карабкаться по двадцатиметровой трубе почти в полном вакууме. А диаметр трубы слишком мал для того, чтобы сделать это в скафандре и снаряжении. – Он со значительным видом постучал по той части схемы, где были напечатаны размеры трубы. – Этим путем тебе не добраться.

– Я бы смогла, если оставить снаряжение снаружи, а спуститься по трубе только в пневмокостюме.

– Слишком рискованно. Ты представляешь себе, что такое спускаться по трубе в полном вакууме, без воздуха, тепла, всего лишь в пневмокостюме? Если что-то пойдет не так, если ты даже удержишься лишь на мгновение, ты – покойница.

Ли улыбнулась.

– И тебе придется одному есть устрицы.

Коэн посмотрел на нее взглядом, обнажающим душу. Она увидела на его лице страх, вину и вспышку гнева одновременно и отвернулась, потому что не могла больше выдержать это. По крайней мере не сейчас. Она отодвинула пиво от себя. Бутылка оставила круглый след на столе, и впервые Коэн не упрекнул ее в плохих манерах, от которых портится его мебель.

– А что, если я скажу, что не буду это делать? – спросил он.

– Мы продолжим с другим AI, – сказала она, стараясь не думать, что, возможно, это неправда.

– Чтобы сделать это без меня, нужно лишиться разума.

– Без тебя все будет сложнее, – согласилась Ли, – но не более того.

– А думала ли ты о том, что произойдет, если тебя поймают?

Ли взглянула на темноту за высокими окнами. Если ее поймают, то обвинят в предательстве. А карой за предательство еще со времени войн с Синдикатами всегда был расстрел. Если, конечно, командование Космической пехоты допустит, чтобы героиню Гилеада судили по обвинению в предательстве. Более вероятным будет быстрый выстрел в голову и передовица о «прискорбном несчастном случае в ходе учений». Именно так поступила бы Ли в подобном случае.

– Я могу, по крайней мере, узнать, к чему все это? – спросил Коэн.

– А тебе не все ли равно? Тебе нужен интрафейс. Я рассказываю тебе, как его добыть.

– Не так уж он мне и нужен. И я сомневаюсь, что ты собираешься помочь мне достать его только по доброте душевной. Во что тебя втянула Нгуен?

– А при чем здесь Нгуен?

– Ну, конечно, Кэтрин. Если ты собралась лгать, то, по крайней мере, имей совесть лгать о тех вещах, которые я не могу проверить.

Несмотря на удивленную улыбку на его лице, Ли расслышала отголосок гнева в его голосе. Она стукнула ногой по ножке стола, с удовлетворением отметив, что на ней осталась отметина.

– Какое право ты имеешь обвинять меня во лжи? Или в чем-либо другом?

– Думаю, – медленно произнес Коэн, – пришла пора обсудить то, что произошло на Метце.

Темное пламя вспыхнуло в глубине глаз Киары, а произнесенные слова звучали настолько неестественно, что Ли подумала, сколько же сил понадобилось Коэну, чтобы начать этот разговор.

– Я уже все высказала по этому поводу.

Глаза Киары с длинными ресницами прищурились.

– Ты положила эту тему на полку, не так ли?

Сказанное не было вопросом, но Ли и не собиралась объясняться. Подождав ответа, он пожал плечами и приступил к атаке с другой стороны.

– Тогда хорошо. Этот вариант. Он слишком опасен. И ты – не предательница. Так для чего все это?

– Для чего – это тебя не касается. Мне нужно это сделать, и я плачу тебе. Плачу тем, в чем, уверена, ты нуждаешься. Давай на этом и остановимся. Так, по крайней мере, я буду знать, какие цели ты преследуешь. И когда можно ожидать, что ты выйдешь из игры, оставив меня без поддержки.

– Я полагал, что мы уже прекратили обсуждение того, что случилось на Метце, – сказал он. – И у каждого есть право на ошибку, Кэтрин.

– Каждый не убивал Колодную из-за проклятого куска провода.

Коэн замер и стал похож на восковую фигуру. Он пристально смотрел на нее, слегка открыв рот. Единственным движением в комнате была легкая игра ветерка, прилетевшего из сада, с каштановыми кудрями Киары. Коэн выглядел как симпатичная кукла, которую капризные дети выпотрошили и бросили в углу, поскольку играть с ней уже было неинтересно.

– Я понял, откуда ветер дует, – сказал он наконец. – Что еще Нгуен нашептала тебе обо мне?

– Не твое собачье дело.

Коэн слегка кашлянул, словно пытался усмехнуться. За-

тем он посмотрел вверх, будто искал в воздухе нужную подсказку.

– Ох, – произнес он, словно нашел ее. – Так я и думал. Как же гадко она выглядит под своими хорошими манерами и свежевывглаженной формой, – Он наклонился через стол, пронзая Ли взглядом: – Я уже отвык удивляться, что ты веришь ее рассказням обо мне и связи, прерванной из-за внутренних неполадок. Я думал так... Но сейчас я начинаю сомневаться.

– В смысле?

– В том смысле, что два и два четыре, а не три. Коэн надолго замолчал, и Ли решила, что он уже все сказал.

– Когда вы начали планировать операцию на Метце? – спросил он наконец. – Около четырех месяцев назад? Что-то вроде этого?

Ли кивнула.

– Как раз приблизительно тогда я взял себе нового помощника. Нового чувствующего из Группы Тоффоли. Основной его рекомендацией было выполнение контрактной работы для Нгуен.

Ли нетерпеливо заерзала на месте, не понимая, к чему он клонит.

– Так или иначе, – продолжал Коэн, – оказалось, что он оборудован контуром обратной связи. Это гораздо хуже, чем программа обязательного поведения или принудительное управление, и походило на программу управления ку-

хонной раковиной, с которой невозможно было работать. Я начал переговоры с Тоффоли, чтобы поставить его в программу глобальной проверки на соответствие техническим условиям. Они начали тянуть, ссылаясь на причины, которые казались мне... ну... далекими от разумных. И эти проблемы на Метце, я почти уверен, возникли из-за этого контура обратной связи.

– Я не понимаю, о чем это ты, Коэн?

– Не понимаешь? Нгуен держит в руках все нити управления научно-исследовательскими работами Техкома. Весь исследовательский отдел Тоффоли – у нее в кармане. AI Тоффоли был ее шпионом с самого начала. С его помощью ей удалось отрезать меня на Метце.

Ли пристально смотрела на него.

– И что ты собираешься по этому поводу предпринять?

– Я уже предпринял, – ответил Коэн. – Его больше нет.

– Но что будет, если он кому-нибудь расскажет...

Коэн посмотрел на нее наивными глазами Киары.

– Я же сказал, что его больше нет. Разве не ясно?

Ли отвернулась. Коэн хотел еще что-то сказать, но передумал. Короткое время они сидели и смотрели в пол, на книги, на картины, висевшие на стенах. На все, что угодно, только не друг на друга.

– Ясно?

– Что?

– Я говорю, что Нгуен планировала отключить меня от

шунта на Метце еще до того, как нас отправили на это задание, и тебе нечего сказать об этом? О чем ты думаешь?

– Что я не знаю, кому верить, тебе или Нгуен.

– Нужно доверять тому, кому веришь, – сказал Коэн.

– И почему, черт возьми, я должна верить тебе?

Он пожал плечами.

– Здесь никакого «должна» не существует. Либо веришь, либо нет. Тебе нужно еще многое понять в жизни, если ты полагаешь, что кто-то должен заработать твое доверие.

– Ты так и не ответил на мой вопрос, Коэн.

Он покачал головой и продолжал так, словно не слышал, что она что-то сказала.

– Нельзя верить только потому, что этот вариант беспроигрышный, или потому, что мало риска в том, что он подведет тебя. Нужно верить людям потому, что риск потерять их страшнее, чем риск того, что они обидят тебя. Мне понадобилось несколько веков, чтобы понять это, Кэтрин. Но я это понял. А ты постарайся, чтобы тебе понадобилось на это меньше времени, чем мне. То, как развиваются события, не дает мне уверенности, что у тебя есть столетие в запасе.

Ли встала, не ответив, прошла по комнате и вышла в сад. В Зоне Энжел наступила ночь. Влажный бриз ласкал ее лицо, принеся с собой запах земли и мокрых листьев. Лягушки и несколько ночных птиц на зеленых ветвях пели свои песни. Коэн так любил всех этих маленьких существ. Какая-то птаха зачирикала у нее над головой из своего убежища на

стене, и ее «оракул» определил, что это – козодой. «Как она прекрасна», – подумала Ли. Ей стало вдруг интересно, как бы она подумала, если бы не знала названия птицы.

Коэн подошел и встал у нее за спиной так близко, что она почувствовала запах чистой кожи Киары.

– Не могу себе представить жизнь в Кольце, – сказала Ли. – Как могут люди жить там, где стоит лишь взглянуть на небо – и видишь над головой самую большую ошибку человечества?

– Некоторым кажется, что постоянное напоминание об ошибках – это хорошо.

– Но только не тогда, когда уже поздно исправлять их.

– Еще пока не поздно. И они эту ошибку исправляют.

Ли бросила на Коэна сердитый взгляд.

– Это сказочка для школьников. Они все еще убивают там друг друга. Боже, моя собственная мать отправилась в Ирландию драться. У нее был хронический недостаток витамина А от жизни в подполье. Зачем, скажи на милость, людям сражаться за страну, где они даже выжить не могут?

– Не знаю.

– Ну, а я знаю. Потому что им нравится драться. Они не хотят останавливаться даже тогда, когда уже и воевать-то не за что.

Она прошла туда, где было еще темнее, не сводя глаз с заснеженной планеты над головой.

– Я не хочу вовлекать тебя в это, – сказала она. – Не стоит.

Я и сама не понимаю, для чего я это делаю.

– Я понимаю, – сказал Коэн. – Я все знаю.

Она сделала движение, чтобы повернуться, но он положил мягкую руку ей на плечо и остановил ее.

– Я знаю о генетической операции. Я знал об этом долгие годы, Кэтрин. Или Кэйтлин. Или как тебя еще называли? Я откопал это гораздо раньше Корчова.

Ли стояла среди движущихся теней в его саду и думала о вопросах, которые он деликатно не задавал, о каждой встрече, когда он мог сказать ей, что знал, но не делал этого.

– Почему ты не сказал мне об этом? – прошептала она.

– А я должен был сделать это? Я не собирался рассказывать никому, а мне самому все равно. Какая поэтому разница, знал я об этом или нет?

Внезапно она разозлилась, почувствовав себя преданной и обманутой.

– Я знаю тебя. Ты ждал, что я расскажу тебе сама. Ты держал это про запас, чтобы воспользоваться. Проверял, насколько я доверяю тебе? Насколько близко я подпущу себя к тебе на этот раз? Для тебя это – всего лишь продолжительный тест!

– Это паранойя.

– Так ли?

– Но даже если ты права, то что? Я определенно не получил ответа, который сделал бы меня счастливым. Все то же самое. Ли – против всего мира, и каждый, кто дотронется до

нее, останется без руки и получит плевков в лицо.

– Ты же знаешь, что это не так.

– Так что же это тогда?

Ли пожала плечами, неожиданно почувствовав себя усталой.

– Скажи мне, – попросил Коэн.

– А о чем говорить, если тебе и без того все известно?

– У тебя есть выбор, Кэтрин. Что может с тобой случиться в самом худшем случае? Тебя разжалуют и уволят? Готова ли ты расплатиться жизнью за нищенскую зарплату и убогую пенсию?

Ли рассмеялась.

– Я рисковала своей жизнью за эту нищенскую пенсию ежедневно в течение последних пятнадцати лет. Что изменилось сейчас?

– Сейчас это – измена. Послушай, Кэтрин. Я говорил серьезно, когда недавно предлагал тебе работу.

– Я не прихлебательница, Коэн. Меня не привлекает быть экземпляром в твоей коллекции приматов.

– Все совсем не так. По крайней мере с тобой.

– Хватит сказочек, – сказала она и посмотрела на него в упор.

Коэн отвел глаза в сторону.

– Ты думала о Метце? – спросил он. – Ты сама говорила. Кто бы ни занимался оборудованием Шарифи, он планировал это в течение многих лет. Ему нужно было добыть гено-

мы, соединить их, вырастить их в резервуаре. Какова была вероятность того, что Шарифи и офицер, расследующий обстоятельства ее гибели, выращивались в резервуарах одной и той же лаборатории и обладают одним геномом? Каковы были шансы, что возникнет ситуация, в которой ты играешь роль Шарифи, а я должен занять место полевого АИ?

– Не может быть, – прошептала Ли.

– Почему нет? Если Корчов раскрыл твой секрет, то почему это было не по силам Нгуен?

– Она не знает. Никто не знает.

– Насколько ты в этом уверена?

– Могу поспорить на все, что угодно, даже на свою жизнь.

– Именно это ты и собираешься сделать, не так ли?

Пока они говорили, луна спряталась и подул холодный ветер. Ли всмотрелась в черные тени под деревьями и поежилась.

– Позволь мне помочь тебе, – сказал Коэн умоляющим голосом.

– Нет.

– Вот так. Просто – нет?

– Просто нет.

Коэн обошел ее, чтобы заглянуть ей в лицо. Даже при слабом свете он выглядел усталым и побежденным, похожим на игрока, который проиграл все без остатка и наблюдал, как крупье забирает себе все взятки.

– Если речь идет о деньгах...

– Дело не в деньгах. Дело в моей жизни. В том, чего я добилась. И в том, что они собираются забрать у меня. За просто так. Только потому, что на каком-то клочке бумаги есть сведения обо мне.

– И ты готова пожертвовать своей жизнью из-за этого?

Ли показалось, что, когда он говорил, его губы дрожали, а карие глаза подозрительно заблестели. «Нет», – сказала она себе, подавляя эмоции. Рот Киары. Глаза Киары. Что бы она ни представила себе, глядя в эти глаза, это просто психологическая уловка, салонный фокус, произведенный суперструктурой, управляемый программой и продемонстрированный с помощью самого совершенного биоинтерфейса. Это ничего не значило. Можно было бы с таким же успехом спросить, в чем смысл дождя.

Она вернулась в дом и начала надевать пальто.

– Я благодарна тебе за то, что ты предлагаешь... Но мне этого не нужно. Просто дай мне знать, займешься ли ты этой работой или нет, хорошо?

Она уже прикоснулась к дверной ручке, когда он ответил:

– Ты знаешь, что я сделаю это. Ты знала, что я соглашусь, еще до того, как спросила.

Он стоял на том месте в саду, где она его оставила. Единственным, что она могла разглядеть, когда оглянулась, был изгиб девичьего бедра в отраженном лунном свете.

Ли в нерешительности задержалась у двери. «Ты можешь вернуться в комнату, – подумала она, и сердце выскакивало

у нее из груди, так, как порой бьется птица в страхе при виде ружья. – Только одно слово, одно прикосновение. Ты можешь все изменить».

А что потом?

Прежде чем она решила, идти ей или остаться, Коэн заговорил снова. Голос, раздававшийся из тени, был тихим, размеренным, лишенным индивидуальности – неорганический голос сетевого возлюбленного.

– Когда выйдешь, закрой за собой дверь, – сказал он.

Ли хотела ответить, но в ее горле возник холодный, жесткий комок, и слов не получилось. Она вышла в холл и прикрыла за собой дверь.

ЧЕЛНОК «АНАКОНДА» – ХЕЛЕНА: 26.10.48

Ли оказалась на посадочной площадке на час раньше времени отправления по расписанию, но за десять минут до отлета впереди нее еще оставалась целая очередь пассажиров, ожидавших проверки службой безопасности станции.

Беспорядок на посадке отражал ситуацию на самой планете. Профсоюз начал несанкционированную забастовку, закрыв шахту еще до того, как все спасатели вышли на поверхность. В течение дня забастовщики построили баррикады, а для усиления службы безопасности АМК начали прибывать первые подразделения милиции. Местная спин-трансляция постоянно демонстрировала спутниковые снимки за-

валенного пустой породой пространства, на котором располагались угольные копи компании АМК. Картина напоминала нейтральную полосу между двумя окопавшимися армиями.

Служба безопасности АМК не могла перебросить усиление со станции. Все полеты в Шэнтитаун и на угольные копи были отложены. И до снятия фактического эмбарго, наложенного АМК, единственным путем в Шэнтитаун и из него была ужасная проселочная дорога, ведущая через горы в Хелену, по которой можно было проехать только на джипе. Эта дорога становилась полностью непроходимой с началом зимних пыльных бурь.

По закону АМК не могла держать никого на станции против собственной воли: доступ на планеты был исторически закрепленным гражданским правом с эпохи Исхода, еще с тех пор, когда работа на корпоративных орбитальных станциях осуществлялась по контракту. Но, пренебрегая законами, АМК контролировала улицы, воздух и челноки, курсировавшие между станцией и планетой. Ли видела, как охранники в течение пятнадцати минут остановили восемь пассажиров, собиравшихся в Хелену. Она сомневалась, что кто-либо из них направит жалобу в ее офис. Но она была совершенно уверена, что не сможет убедить своих начальников разобраться, если кто-нибудь такую жалобу подаст. Дадаль был прав. То, что происходило сейчас, было войной. В этой войне ООН должна принять ту сторону, которая ско-

рее обеспечит производство конденсата. И пока профсоюз не достанет свою козырную карту, припасенную для такого случая, АМК будет выглядеть наиболее вероятным кандидатом для получения ее поддержки.

Когда Ли наконец попала на челнок спустя двадцать минут после того, как он должен был вылететь по расписанию, она поняла, что никакой опасности опоздать не было. Поток пассажиров заполнял проходы, приводя в замешательство экипаж. Пассажиры спорили по поводу двойных билетов на одно и то же место, запихивали багаж всюду, куда только можно было его втиснуть. Ли проверила номер места, добралась до своего ряда, нашла свое место еще свободным и села.

– Привет, начальник, – сказал кто-то знакомым голосом, когда она с трудом начала погружаться в дремоту.

Она открыла глаза и увидела над собой улыбающееся лицо Маккуина.

– А ты что здесь делаешь? – спросила она.

– Друзья в Хелене. Сегодня у меня выходной день, помните?

– Ах, так, – сказала она, припоминая.

– А вы?

– Хочу просто слетать на денек.

– Присоединяйтесь к нам, – предложил он, с трудом влезая в тесное соседнее кресло. – Мы вам там все покажем.

– У меня встреча, – уклончиво ответила она, надеясь отделаться от Маккуина до того, как появится человек Корчова.

– А кстати, – сказал Маккуин. – Я нашел, откуда взялась та квитанция в журнале Шарифи.

Шарифи и расследование за последние тридцать шесть часов совершенно вылетели из головы Ли, и ей потребовалось несколько мгновений, чтобы вспомнить, о чем говорил Маккуин.

– Ну? – спросила она. – Откуда же?

– Помните, как легко добирались все помощники Шарифи к месту назначения? Ну, а один не добрался. Он отправился в дорогу в тот день, когда погибла Шарифи. На «Медузе» во Фритаун. И, похоже, он отправил ей посылку.

– Дай вспомнить, когда «Медуза» прибывает во Фритаун? Маккуин кивнул.

– Через тринадцать дней, шестнадцать часов и четырнадцать минут. Или, отвечая на ваш настоящий вопрос, почти через двадцать минут после того, как корабль, на котором летит Гоулд, окажется на орбите.

Ли задумалась.

– Помнишь, что было написано у Шарифи на той странице, Маккуин? Рядом с адресом Гоулд? «Страховка». Когда я прочла это слово, то подумала, что оно означает какие-то меры защиты, связанные со спасением ее жизни. Ну а что, если это совсем другое? Что, если это действительно означа-

ло страховой полис, действующий только после ее смерти?

– Ну, это и произошло после ее смерти, правда? Я имею в виду этого ученого, который отправился в путь на следующий день после смерти Шарифи. И что бы она там себе ни подозревала, Гоулд отправилась во Фритаун, когда ваш звонок подтвердил, что Шарифи больше нет в живых.

Если Маккуин прав, то у Нгуен осталось всего тринадцать дней на поимку Корчова с Ли в качестве приманки. А у Ли осталось всего тринадцать дней, чтобы получить от Корчова свой счет от подпольного генетика, так как он будет держать свое слово, пока она необходима ему. А как только Гоулд и эта загадочная посылка достигнут Фритауна, все ранее заключенные договоренности потеряют силу.

Она взглянула на Маккуина и встретила его пристальный взгляд.

– Что? – спросила она.

– Зарегистрированные звонки. – Он выглядел взволнованно. – Помните, вы поручили мне проверить звонки во Фритаун?

Как же она могла забыть об этом?

– Ну, так кто-то звонил в офис Консорциума во Фритауне вечером накануне смерти Шарифи. С частного терминала Хааса. Войдя под паролем Хааса.

При мысли о том, что Нгуен была во всем права, что предательство Шарифи организовано ALEF и Консорциумом, а не Синдикатами, у Ли похолодело внутри.

Маккуин показал глазами на проход. Ли проследила за его взглядом и увидела Беллу, стоявшую недалеко в поисках места. Заметив ее, Белла мгновенно отвернулась. От ярости у нее побледнели губы. Пройдя мимо и не произнеся ни слова, она уселась в четырех-пяти рядах впереди них.

– Вот это, да, – сказал Маккуин, а взгляд, брошенный им на Ли, содержал вопрос, на который ей не хотелось отвечать.

Ли взглянула на экран монитора, вмонтированный в спинку сиденья впереди нее. Там показывали обычный ролик о мерах безопасности на борту.

– Если ты не можешь сидеть с краю, – сказала она Маккуину, – то попроси, пожалуйста, бортпроводников, чтобы они тебя пересадили.

– Я иду в туалет, – сказала Ли на выходе. Конечно, она могла бы придумать что-нибудь лучше, но женский туалет показался ей единственным местом в космопорту, куда Маккуин не мог последовать за ней.

– Вы уверены, что не хотите поехать с нами в город? – спросил он растерянно.

– Нет. Мне нужно кое-что проверить. Может быть, поговорить еще раз с той монахиней. А ты поезжай.

Когда она зашла в туалет, там убирали. Две худые девочки-подростка апатично терли пол грязными швабрами. Когда она проходила мимо них, ступая по мокрому полу, блеск камешка на шее старшей из девочек привлек ее внимание.

Это было ожерелье. Глупая дешевая побрякушка, что продавались повсюду. Но то, что блестело на конце цепочки, не было синтетическим бриллиантом. Это был конденсат. И она видела подобную вещь раньше. В каком-то месте, которое она должна была запомнить, если ее память, подвергавшаяся вторжениям, посторонним влияниям и декогерентности, не подвела ее.

– Симпатично, – сказала она, показывая рукой на вещичку. – Откуда это у тебя?

Девочка хихикнула и застенчиво закрыла шею рукой.

– Мой парень? – вопросительно сказала она, снова захихикав.

– Из чего это сделано?

– Из кристалла? Он запутан? – последовал еще один смешок. – С его?

– А, вот как, – сказала Ли и добавила: – Симпатично. Многим, наверное, нравились эти штучки, последнее время их было видно повсюду.

В конце концов ее «оракул» отыскал нужный файл, и она вспомнила, на ком видела подобную вещь в последний раз.

Джиллиан Гоулд.

Ли обернулась, чтобы еще раз взглянуть на камешек. Девочка вздрогнула и отступила, испугавшись напряженного взгляда.

– С вами все в порядке? – спросила она.

– Да, – ответила Ли. – Я в порядке. Извини.

Она зашла в кабинку, стараясь не дотрагиваться ни до чего без надобности. Выходя из кабинки, она открыла дверцу и головой уперлась в Беллу.

Сердце бешено застучало.

– Боже! – вырвалось у нее. – Ты меня напугала. Какого черта ты молчала?

Белла не ответила. Девочки-уборщицы исчезли, а запах застоявшейся воды все еще стоял в воздухе.

– Что ты тут делаешь, Белла?

Конструкция повернулась, не обращая внимания на заданный вопрос, и направилась к двери.

– Следуй за мной, – сказала она почти шепотом. – Но не рядом. Они будут наблюдать.

Ли прошла за ней по главной галерее космопорта через зал выдачи багажа и вышла у стоянок такси в сонную, пахнущую цементом темноту подземной автостоянки. Должно быть, она потеряла бдительность, хотя и чувствовала постепенное ухудшение доступа к спутниковой связи. Но она не увидела ловушки до того момента, как оказалась в ней.

– Ну, как дела? – услышала она голос высоко над своей головой одновременно с тихим щелчком предохранителя.

Она пересекала открытое пространство пандуса, где не было никакого укрытия вблизи. Да и укрываться уже было слишком поздно. Она подняла голову и увидела Луи, друга Маккуина, сидевшего на один уровень выше ее, лениво покачивая ногами. В руках у него был переделанный «стен»,

короткий ствол которого он направил на нее.

– Беда с этими янки, – сказал Луи.

– Еще не все кончено. Маккуин знает, что ты здесь затеял?

Луи ухмыльнулся.

– Лучше было бы сказать, что Брайан не знает меня так хорошо, как ему кажется.

Моментальная вспышка в его глазах привлекла взгляд Ли к теням за пандусом, и она обнаружила, что оттуда на нее смотрит черный ствол кольта. Дуло его находилось так близко, что можно было определить, когда его чистили по-настоящему в последний раз.

– Расслабьтесь, – сказал Рамирес, державший кольт. – Обе.

Ли посмотрела в сторону Беллы. Она с убитым видом стояла посредине центрального прохода гаража.

– Отпусти Беллу, Рамирес. Она здесь ни при чем.

– Извини. Так не пойдет. – Он махнул рукой в сторону Беллы. – Ну, быстро. Встань рядом с Ли. Скорее!

Белла подбежала к Ли и встала рядом, вся дрожа от страха. Рамирес обыскал их обоих с угнетающей тщательностью.

– Лучше бы ты вернул мне это, – сказала Ли, когда он забирал у нее «беретту». Но это было чистой бравадой, и они оба это понимали. Она хорошо узнала Рамиреса по событиям в шахте и понимала, насколько он решителен и хладнокровен. И если бы даже он ошибся, то рядом был еще и Луи, сидевший сверху на пандусе и державший «стен» на прице-

ле.

– Не хочу омрачать твою радость, – сказала Ли Рамиресу, – но срок за похищение вряд ли украсит твою студенческую характеристику.

– Я закончил магистратуру два года назад, – сказал Рамирес. – И прежде чем посадить меня, им еще нужно будет меня поймать, не так ли? Повернись и положи руки за спину...

Ли подчинилась, понимая, что ей не придумать никакого выхода. Рамирес достал из кармана наручники из вирустали и застегнул их у нее на запястьях. Вместе со звуком застегивающихся наручников Ли почувствовала легкий укус у основания шеи и поняла, что Рамирес приклеил к ней пластырь.

– Извини меня, – услышала она сквозь поднимающуюся в сознании пелену от действия препарата, который, скорее всего, специально подобрали, чтобы отключить ее внутренние устройства, – но лучше обезопасить себя, чем потом пожалеть. Ты видишь вон тот фургон? Белый? Задняя дверь у него – открыта. Полезай туда и закрой за собой дверь.

Ли очень медленно побрела к фургону, пытаясь встретиться с Беллой глазами. «Кто следит за нами? – хотела спросить она. – Где они? Придет ли нам помощь, если мы немного потянем время?»

На помощь никто не пришел. Никто и не собирался. И когда Ли залезла в фургон, она посмотрела на потолок гаража и поняла, почему фургон был припаркован под углом, дверями к выходу. Это было сделано для того, чтобы гаражные

камеры слежения могли с высоким качеством снять момент похищения.

– Улыбочку для снимочка, – сказал Луи, громко рассмеявшись в манере, свойственной ирландцам. Его смех был последним, что она помнила перед тем, как потеряла сознание.

Следующие несколько часов она провела в наркотическом тумане, смутно помня, как Рамирес то ли помогал ей идти, то ли тянул ее по мокрой от дождя посадочной площадке. Короткая возня с Луи, когда она по-детски не позволяла ему сканировать имплантат в ее ладони, а он вынул нож и сказал, что сейчас возьмет и вырежет его, если она будет сопротивляться. Стук и дребезжание вертолета в полете.

Когда она очнулась, полет еще продолжался, и кто-то натянул ей на лицо кислородную маску. Она открыла глаза и увидела с высоты птичьего полета гранитные зубы Йоганнесбургского массива, огромный волнистый степной океан красных водорослей. Она очнулась с чувством головокружения, как будто падала в пропасть, прищурилась, повернула голову и узнала, где находится.

Она была на борту старинного, приспособленного для опыления полей вертолета Сикорского. Древний вертолет спроектировали еще на Земле. Подобные механизмы давно уже развалились на части и покоились в безвоздушном пространстве, в трюмах давно всеми забытых древних кораблей. Как и большинство технических устройств периода перво-

проходцев на Мире Компсона, этот «сикорский» был переделан на ископаемое топливо, и Ли догадалась по ворчливой дрожи, шедшей из-под сиденья, что вертолет использовался на работах по терраформированию еще с той поры.

Ли была зажата между сиденьями первого и второго пилотов, и она могла смотреть только вперед сквозь гладкий плексигласовый пузырь ветрового стекла. Подняв голову, она увидела Луи на месте пилота, а Рамиреса – с другой стороны. Рамирес смотрел на ручной штурманский компьютер и хмурил брови.

– Где мы? – прохрипела она. Рамирес взглянул на нее и сказал:

– Я думал, что пластырь будет действовать дольше.

Луи обернулся и пожал плечами:

– Крутая бабенка, ничего не скажешь.

– Другого пластыря нет. А она не должна была очнуться раньше, чем мы долетим.

– Подумаешь. Она и во сне догадалась бы, куда мы ее тащим.

И он рассмеялся. Его смех показался Ли недружелюбным.

Рамирес бросил сердитый взгляд на Луи сверху, и Ли задумалась над тем, кто здесь главный. Двадцать минут спустя они сели на пыльную полосу, оказавшуюся удивительно ровной. Затем Ли догадалась, что это старая взлетная полоса для челноков.

– Ну, вот мы и прибыли, – без всякой на то надобности

сказал Рамирес. – Сейчас мы выйдем и пойдем к тем зданиям, хорошо? Слушайся, и все будет хорошо.

Она могла уже передвигаться без посторонней помощи. Спотыкаясь и стараясь на ходу прояснить свое замутненное зрение, она различила среди общего шума шуршание тонких подошв туфель Беллы. Она узнала это место, хотя и не помнила, как оно называется. Она уже была здесь, и не раз. Она помнила, что проселочная дорога с разбитой колеей, которая начиналась сразу за посадочной полосой, привела бы ее через подножия гор к Шэнтитауну, если бы у нее хватило сил идти несколько часов по небогатенному воздуху нагорья. Она помнила крутой овраг в узком каньоне за хребтом, в котором она с отцом тренировалась в стрельбе.

Но точно определить, где они находились, она не могла, пока краем глаза не разглядела заброшенный самолетный ангар, который находился за лабораторным зданием, и не прочла слов, вызвавших в ней инстинктивную реакцию зверя в опасности, которая пронзила каждую клетку ее тела: «ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ОТДЕЛ "КСЕНОГЕН МАЙНИНГ ТЕКНОЛОДЖИЗ"».

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ОТДЕЛ КОМПАНИИ «КСЕНОГЕН»:26.10.48

Обветшалые лабораторные корпуса пустовали уже десятки лет. Там хозяйничали крысы, тараканы и лианы кудзу. По-

хитители завели их в коридор с заднего хода. В коридоре повсюду валялось брошенное офисное оборудование, висели обрывки проводов, под которыми нужно было постоянно нагибаться, горами лежала битая изоляционная плитка.

В воздухе стоял удушливый запах крысиного помета и плесени. Но помимо этих запахов, принесенных людьми и их паразитами, Ли все же улавливала тонкий аромат пустыни, который словно доносился откуда-то из детства. Этот запах можно было почувствовать там, у подножия гор, под темными кручами. Это был собственный запах этой планеты. Мир Компсона постепенно забирал родильные лаборатории к себе. Он так же мог поглотить и все остальное, если бы закрылась обширная сеть торговых путей ООН и прекратились посевные работы и функционирование атмосферных процессов.

Они завернули за угол, который ничем не отличался от остальных, но Рамирес остановился так внезапно, что Ли налетела на него.

– Туда, – сказал он и втокнул ее в маленькую комнату без окон.

Когда защелкнулся замок на двери, Ли поняла, что ее заперли в одной из лабораторных камер. Камера была похожа на ящик. Ящик для человека. Ящик со звуконепроницаемыми стенками, обитой металлом дверью, без окон, обстановки и водопроводного крана. Из-за двери донесся отзвук шагов, потом щелкнул замок еще одной двери. Наступила тишина.

В голове всплыл обрывок воспоминания: страшная история о детях, которые забрались в лабораторию и во время игры в шутку заперли одного из своих товарищей в камере. По какому-то невероятно нелепому стечению обстоятельств они отправились домой в Шэнтитаун без него. Когда они вернулись на следующее утро, то не смогли найти камеру, в которой заперли своего друга. Они бегали по темным коридорам без окон, пытались открыть каждый ржавый замок, отвернули болты у тысяч щелей для подачи пищи. Когда они наконец нашли его, мальчик был мертв. По внутренней логике истории он был убит призраком конструкции, зверски замученной здесь когда-то.

Ли поежилась. Сколько холодных ночей и темных дней провели здесь конструкции с отклонениями от психических норм? Сколько из них здесь умерло? И сколько среди тех, кто свободно разгуливает сегодня по улицам Шэнтитауна, детей этих умерших, или детей лабораторных охранников и сотрудников, или детей чиновников, помогавших убивать? Дети помнили, даже если никто больше не помнил; они рассказывали друг другу страшные истории о привидениях, тела которых их родители не сумели захоронить достаточно глубоко.

Ржавые петли протестующе заскрипели, и дверь открылась. Луч света проник в камеру, невыносимо яркий после долгой темноты. Рамирес появился в дверном пролете пре-

красный и ужасный, как архангел Гавриил.

Ли с трудом села, прижавшись спиной к стене. У нее кружилась голова. Ее внутренние устройства требовали, чтобы она легла снова. Она не послушалась.

Рамирес приставил палец к губам. Она встала, дрожа всем телом, с испуганным видом. Ей было стыдно, что пребывание в темноте в течение нескольких часов так повлияло на нее. Она знала, что должна думать о том, куда Рамирес собирался отвести ее. Но на самом деле она думала только о том, как выбраться из этой кишасей привидениями дыры. И о том, как не упасть.

– Следуй за мной, – знаком показал ей Рамирес. Она пошла за ним.

За Рамиресом шел незнакомец, с которым она никогда не встречалась. Это был не Луи. После нескольких поворотов Рамирес исчез, а Ли и неизвестный пошли дальше без него. В темном коридоре к ним присоединился еще кто-то. Когда Ли попыталась оглянуться, то человек, шедший за ее спиной, что-то невнятно проворчал и подтолкнул ее вперед.

Они прошли в глубь комплекса, оказавшись снова в лабораторных помещениях без окон, стоявших в тени отвесной скалы. Пройдя с километр, один из похитителей открыл дверь без таблички, и Ли почувствовала, как струя холодного воздуха подземелья ударила ей в лицо. Похититель сделал шаг в сторону, жестом пропуская ее внутрь. Входя туда, она услышала знакомый тихий щелчок патрона, загоняемого в

патронник.

«Ну, вот и все», – сказал ей внутренний голос. Она представила себе глухую стену и звук одиночного выстрела.

– Вниз, – сказал похититель и толкнул ее на ступеньки крутой лестницы, уходившие вниз.

Тридцать узких железобетонных ступенек. Поворот. Проход. Еще сорок грубо шероховатых ступенек. Затем длинный извилистый переход, уходивший то вправо, то влево, но неизменно спускавшийся вниз.

Шедший за ней человек споткнулся и вскрикнул. Белла.

По мере того как они спускались, на стенах и на полу начала выступать вода. Казалось, скальная порода вокруг них ожила, стены трещали и стонали как в доме, построенном на зыбучем песке. Каким-то невероятным образом они оказались в шахте. Ли пыталась вспомнить местонахождение родильных лабораторий. Никаких шурфов, штреков и проходов на расстоянии одного километра от комплекса не существовало. Она была уверена в этом. И все же они были в самой настоящей шахте, просто не обозначенной на картах компании. И, судя по реакции ее внутренних устройств, здесь складывали добытые живые конденсаты.

Они дошли до пересечения проходов. Тот, кто вел их, поднял фонарь, свет которого отразился в стекавшей воде, и осветил обломанные концы сложенных кристаллов. Ему потребовалось дважды пройти по стенам, чтобы найти то, что он искал: слабые отметины, нацарапанные на стене на уров-

не глаз. Пока луч фонаря не перекинулся на другое место, Ли успела разглядеть полумесяц, пирамиду и восьминогого зверя.

Ли так привыкла к темноте, что, когда они вышли на поверхность, первый проблеск дневного света больно ударил ей по глазам. Они поднялись по звонким решетчатым ступеням, прошли по длинному коридору, полному неизолированных проводов, пока не уперлись в высокую стальную дверь, запертую изнутри.

Белла, тяжело дыша, прижалась к стене. Она дрожала. Похититель залез в свой рюкзак и достал оттуда два свертка.

– Наденьте это.

Ли развернула свой сверток и обнаружила, что это была чадра, которую носили женщины смешанной религии. Она обернула длинное зеленое покрывало вокруг тела, закрыв им голову и лицо, а потом помогла Белле. После чего они вышли в дымку солнечного осеннего полудня в Шэнтитауне.

Следующие полчаса они пробирались через бесконечную череду переулков и дворов к самому центру старого города. Когда Ли совершенно уверилась в том, что она заблудилась и ни за что не нашла бы дороги обратно, они остановились и вошли в ничем не примечательную дверь, за которой оказался длинный темный коридор.

Пахло ржавчиной и вареным вегетарианом, и было так темно, что Ли с трудом могла разглядеть Беллу, следовавшую

за ней. Охранник жестом показал на закрытый переходный шлюз в дальнем конце коридора. Ли приложила ладонь к сенсорной панели двери. Дверь открылась. Она вошла внутрь, щурясь от солнечных лучей, пронзавших пыльный воздух большого зала под куполом, и увидела там того, кого и ожидала.

Там стоял Дааль.

Когда ее глаза привыкли к свету, за спиной Дааля она рассмотрела стоявшего в полуоткрытом переходном шлюзе Картрайта. Этот переходный шлюз мог вести только в тот маленький офис, в котором она разговаривала с Даалем и Рамиресом менее чем неделю назад. Картрайт нервно топтался на месте, наклонив голову, словно пес, слушающий отдаленные шаги. Ли неожиданно поняла, что она впервые видит его не в шахте. У него в руке был посох, какие обычно бывают у слепых в этом мире дневного света, а глаза его были затянуты бельмами молочного цвета.

– Что здесь, черт возьми, происходит? – спросила она, когда Белла зашла следом за ней в зал под куполом.

Дааль нагнулся над связным терминалом, стоявшим на столе.

– Аркадий? – сказал он. – Скажи ему, что мы готовы.

Какое-то время ничего не происходило. Дааль и Картрайт просто сели за стол и ждали. Ли не сразу поняла, что Дааль смотрит не на нее, а на Беллу.

Белла немного дрожала, пока шунтировавшийся через

нее Корчов входил в линию, а потом исчезла.

– Замечательно, – сказал Корчов. – Замечательно. И все похищение было снято на пленку? Сделали все убедительно?

– Записка с требованием выкупа уже на пути к станции АМК. Мы ждем ответа через несколько часов, – осклабился Дааль. – Хотя, конечно, переговоры могут занять какое-то время.

– Отлично, – сказал Корчов. – Тогда, я думаю, мы выполнили обязательства по отношению друг к другу.

– Не совсем, – ответил Дааль.

Сзади в переходном шлюзе появились очертания высокой фигуры еще одного человека. Его лицо нельзя было разглядеть из-за тени, отбрасываемой полосатыми геодезическими панелями. Это оказался Рамирес.

Но он был изящнее, лощеней. Он никогда не выглядел так элегантно. А глаза его никогда не светились таким холодным огнем.

Он наклонился к ней и дотронулся до пятнышка запекшейся крови в уголке ее рта.

– Кэтрин, – сказал он. – Ты в порядке? Если бы я мог предположить, что все произойдет не так гладко, то заставил бы их найти другой способ доставить тебя сюда.

– Коэн, – прошептала она, не зная, как спросить его о том, что случилось.

Рамирес был намного выше Ли, поэтому ей пришлось закинуть голову назад, чтобы посмотреть ему в глаза. Это ее

беспокоило. Она привыкла смотреть Коэну в глаза, привыкла к тому, что ей удавалось физически доминировать, – и это было для нее важно даже в том случае, если ничего не значило для него.

– Его не нужно было привлекать к этому, – сказал Корчов, обращаясь к Даалю и Картрайту.

Дааль пожал плечами.

– К нам обратился ALEF.

– ALEF! – Корчов произнес это слово так, словно оно было ругательством.

– Неисповедимы пути Господа, – сказал Картрайт.

– Ой, оставьте, пожалуйста, – отрезал Корчов. – Что вам пообещали эти AI?

– Планетарную сеть, – ответил Дааль. – Под контролем профсоюза.

– В таком случае они лгут. Они, скорее всего, не смогут этого обеспечить.

– Мы уже смогли, – сказал Коэн. – По крайней мере начали. Через что, по-вашему, я шунтируюсь?

– Я привлек вас, чтобы сделать работу, – сказал Корчов Коэну. – Но что-то не похоже.

Коэн сделал нетерпеливое, почти незаметное движение рукой, которое было так характерно для него, что у Ли перехватило дыхание.

– Я выполню эту вашу работенку, Корчов. Но не буду пользоваться вашей сетью. Я триста лет потратил на то, что-

бы ни от кого не зависеть до такой степени. И вам я точно не собираюсь этого позволять.

– Ну, а что вы в них нашли? – Корчов кивнул головой Беллы в сторону Дааля и Картрайта. – Только не рассказывайте мне о бескорыстной заинтересованности в деле. Или это ваша любимая террористическая группа?

Коэн так стиснул большие руки Рамиреса, что Ли услышала, как затрещали суставы.

– У них было то, что мне необходимо, – сказал он. – Рабочий независимый AI с квантовой емкостью.

Корчов вздрогнул.

– Да, – улыбнулся Коэн. – Полевой AI.

– Но, как...

– Не знаю. Но Картрайт говорит, что он может договориться с тем, кто пользуется полевым AI, и держать это под контролем.

– И вы способны в это поверить?

– Скорее, чем вам.

– Почему? – спросил Корчов, поворачиваясь к Даалю. – Почему это? Почему он?

Дааль пожал плечами.

– Это не так трудно объяснить, Корчов. Нас вовсе не прельщает идея убежать от ООН прямо в объятия Синдикатов. Мы хотим, чтобы Мир Компсона был для тех, кто на нем живет, для шахтеров. А для этого нам нужна планетарная сеть, которую контролировали бы мы сами. Нам нужен до-

ступ к потокопространству, к Фритауну и «ФриНету» вне зависимости от станций телепортации ООН, без того, чтобы просить милостыню у Совета Безопасности и многопланетчиков. Нам нужна исправная станция квантовой телепортации в нашей сети. И ALEF готов предоставить нам это.

– Прекратите, Корчов, – сказал Коэн. – Вместе мы сможем начать хорошее дело. Дать сигнал к свободе и планетарному самоопределению. В конце концов, каждое поколение должно начинать что-то с чистого листа.

– Значит, наш договор недействителен? – спросил Корчов, белый от ярости.

– Вовсе нет, – ответил Коэн, светясь от улыбки. – Просто цена выросла.

ПОЛЕВАЯ СТАНЦИЯ ЗВЕЗДЫ БАРНАРДА: 28.10.48

Они допрыгнули до Альбы на «Скворце» Синдиката Ноулза. Это был элегантный корабль, но в его кабине было снято все до керамических креплений. Все свободное место занимал клубок датчиков фрактальной абсорбции, мониторы и черные ящики, о назначении которых Ли могла только догадываться.

Их было трое: Ли, Аркадий и Коэн. Или часть Коэна, по крайней мере. Пилотировал корабль Аркадий, хотя Ли не могла понять, был ли это Аркадий, с которым она разгова-

ривала на встрече в Шэнтитауне, или какой-то другой порядковый номер той же самой серии. Она также не выяснила, каким образом ему удалось доставить их сюда, но предполагала, что для этого он использовал законный грузовой транспортный рейс на оживленной линии квантовой телепортации Альбы. Тем не менее это удалось. Синдикаты не собирались пускать Ли в систему через свой запасной вход, поэтому Аркадий усыпил ее до того, как они стартовали с Мира Компсона, и держал ее в анабиозе, пока «Скворец» не оказался с неосвещенной стороны Альбы тридцать восемь часов спустя.

Она проснулась от сильной головной боли, причиной которой в основном была мысль о том, что ждет их впереди. Она рассеянно слушала, как Аркадий и Коэн в который раз разбирали предстоящий ход эксперимента. Ее новый разъем вызывал ужасный зуд, который напоминал о неприятных ощущениях, испытанных в последние дни ее пребывания на конспиративной профсоюзной квартире. Она уговаривала себя не чесать, все равно чесала, ругала Корчова и опасалась стафилококковой инфекции.

Корчов и Коэн заполнили собой эту конспиративную квартиру словно саранча, шунтируясь вразбивку через Беллу, Аркадия и Рамиреса, пока даже Ли перестала понимать, с кем из них, черт побери, она разговаривала. Правда, это не имело большого значения: в последнее время с Коэном стало говорить труднее, чем с Корчовым. Был ли он просто сер-

дит или эта удаленность была неясным симптомом каких-то изменений в сетях, соединенных с АІ?

Коэна на время вывели из сети, переведя его программы на «Скворца», чтобы отключить космическую связь и не выдать себя, пока они дрейфовали с неосвещенной стороны станции. Конечно, никакой бортовой компьютер не смог бы вместить обширной сети ассоциированных интеллектов и подчиненных подсистем Коэна. Ли сомневалась в том, что в целом пространстве ООН существовала замкнутая сеть такого объема, если не считать нескольких тщательно охраняемых корпоративных и военных сайтов. Итак, Коэн отключил свои системы и загрузил только то, что было, по его мнению, необходимо.

Он поклялся Ли, что повторения Метца не будет, что, когда они заглушат двигатели «Скворца» для проведения операции, он останется на месте и вытащит ее в случае опасности. Но сейчас, когда ничего уже нельзя было изменить, единственное, в чем Ли была уверена полностью, так это в том, что ее Коэна здесь не было. Он бросил ее во враждебном пространстве, оставив для поддержки только агента Синдикатов и незнакомца, который, казалось, не помнил ни одного из обещаний того Коэна, который уверял ее в своей дружбе.

– Давайте еще раз повторим, – произнес лишенный плотской оболочки голос корабельного компьютера, который она все еще отказывалась считать принадлежавшим Коэну. Ли и Аркадий разместились за узким столом экипажа, и они еще

раз пробежали по всем пунктам сложного плана.

Доставить Ли на станцию было самой трудной проблемой. И несмотря на то, что детали плана разрабатывались в течение нескольких дней, выбранное решение на удивление повторило вариант, который впервые пришел в голову Ли, когда она знакомилась с устройством станции: вентиляционная система.

Как и многие другие технологии в космическом строительстве, цикл обмена кислорода и углекислого газа на Альбе был доведен до совершенства. Элементы конструкции, осуществляющей этот цикл, имелись на всех системах станции. Каждый кусочек вещества или энергии, который можно было восстановить, многократно использовался с их помощью, что сводило многие проблемы к одному решению. Они нагнетали воздух для дыхания в длинную череду населенных зон станции, изолировали герметичный внутренний корпус станции, выбрасывали излишки углекислого газа наружу и питали двигатели, которые поворачивали длинные стрекозьи крылья солнечных батарей. Воздух, тепло и поддерживавшая жизнь энергия обеспечивались единой системой. И топливо, питавшее эту систему, было всегда на месте и всегда в достаточном количестве: сам космос.

Разница давлений между наружным вакуумом и полной воздушной атмосферой внутри гнала обогащенный кислородом воздух по станции в удаленные морозильные резервуары, чьи автоматические восстанавливающие системы не по-

требляли кислорода и не образовывали углекислого газа. В конце цикла, когда воздух с углекислым газом выходил из зон жизнеобеспечения, он проходил через вентиляционные трубы в мягкий вакуум внешнего корпуса станции, который, как вторая кожа, обеспечивал изоляцию зон жизнеобеспечения внутреннего корпуса от жесткого вакуума открытого космоса и защиту от радиации.

Обратный воздушный поток выполнял три функции во внешнем корпусе станции. Во-первых, он образовывал защитный изоляционный частичный вакуум вокруг зон жизнеобеспечения. Эта универсальная мера конструктивной безопасности применялась во всех проектах космических станций ООН, поэтому о разрушительных прорывах на станциях колониальной эры почти забыли и вспоминали только тогда, когда встречались с обломками и космическим мусором, вращавшимся вокруг многочисленных периферийных планет. Во-вторых, отработанный воздух, поступая во внешние башни, вращал большие турбины, приводившие в движение солнечные батареи. В-третьих, башенные вентиляционные трубы служили последней линией обороны против заразы, преследовавшей все закрытые системы, орбитальные станции и колониальные биосферы без исключения, – против плесени.

Плесень быстро размножалась в восстановленном и богатом влагой воздухе орбитальных станций, и ее неконтролируемая инвазия могла сделать любую станцию необитаемой

в течение нескольких месяцев. Некоторые эпидемии (а на каждой станции помнили одну или две из них) были настолько сильными, что принималось единственное решение – эвакуация станции, ликвидация атмосферы и восстановление цикла кислорода и углекислого газа с обновлением флоры. Башенные вентиляционные трубы Альбы создавались с учетом всего этого. Каждая башня имела внутренний и внешний вентилятор. Внешние вентиляторы открывались в открытое пространство за внешней поверхностью станции. Внутренние вентиляторы открывались в сторону кислородообразующих гигантских посадок водорослей. В случае катастрофического распространения плесени инженеры на станции могли открыть и внутренние и внешние вентиляторы и выдуть со станции в открытый космос все вместе: водоросли, воздух, влагу и плесень.

Ли заметила глазом опытного солдата, что в своей основе система экстренной вентиляции похожа на переходный шлюз. Внутренний вентилятор отделял зоны жизнеобеспечения от мягкого вакуума внешнего резервуара; внешний вентилятор стоял на пути наружного вакуума. В обычном режиме внешние вентиляторы открывались только во время энергетических циклов турбины. Внутренние вентиляторы не открывались никогда, за исключением чрезвычайной ситуации. Тем не менее внутренний вентилятор мог быть открыт на короткий срок тогда, когда внешний вентилятор был закрыт. В это время на мониторах станции отражалось ед-

ва заметное падение давления, когда несколько кубических метров воздуха выпускалось в не закрытую герметично башню. И тот, кому удалось бы проскользнуть мимо лопаток турбины в трубу в конце последнего энергетического цикла, мог открыть крышку вентилятора и пробраться внутрь станции.

Если, конечно, этот кто-то имел бы достаточно небольшие размеры, чтобы пролезть сквозь трубу. И если бы смог быстро забраться на башню в течение нескольких минут между вентиляционными циклами. И если был бы достаточно силен, чтобы открыть внутренний клапан, преодолевая сопротивление гравитации, образованной вращением станции, и пробраться вверх.

Ли была способна на эту рискованную операцию. И если бы она удалась, то Ли проникла бы на станцию незаметно, оказавшись сразу за чертой оперативного контроля службы безопасности, отделявшей совершенно секретные лаборатории от обычных зон станции.

Внутренний люк для нее должен был открыть человек Корчова. Эта самая неприятная часть плана для Ли подразумевала опасный риск человеческой ошибки и ставила ее жизнь в зависимость от действий того, кого она никогда не видела и кому не имела оснований доверять. Хуже всего было то, что в момент, когда откроется люк, она уже должна находиться внизу трубы в готовности немедленно выпрыгнуть. А чтобы попасть туда, ей придется двадцать метров пробираться против полной вращательной гравитации по такому

узкому желобу, что даже ее узкие плечи едва могли пройти. Если дверь не откроется, если что-то пойдет не так, если свой человек подведет, не будет другого пути к отступлению, кроме как сквозь вращающиеся лопатки турбин.

– Давай снова вернемся к плану, – предложил Коэн после того, как они только что повторили его.

Ли закатила глаза. Они уже проделали это четыре раза, что было на три раза больше, чем ей хотелось.

– Коэн, – сказала она, – прекрати, черт возьми, тратить мое время.

Аркадий обернулся и удивленно посмотрел на нее. У Коэна не было тела на борту маленького «Скворца», но его недовольство прозвучало из компьютера громко и ясно.

– Мне нужно поесть, – произнесла Ли во внезапно наступившей тишине и направилась на камбуз.

На полках камбуза не осталось ничего, кроме небольшого пакета суррогатной каши цвета водорослей и коробки тщательно измельченных восстановленных овощей. На вкус каша напоминала плесень, а овощи выглядели и того хуже. Но все-таки это была пища. Ли поборола в себе желание отказаться от обеда, убедив себя в том, что впереди ее ждала долгая холодная ночь. Она встряхнула пакетики, чтобы заставить работать внутренние нагревающие элементы. Затем перелила слегка подогретое содержимое в помятую поилку с трубочкой и вернулась обратно.

– Мы должны снова провести хронометраж всех твоих

действий, – сказал Коэн, когда она всплыла в кабину.

– Позже, – ответила она. – Мне нужно собрать вещи. Я направляюсь в грузовой отсек.

– Это подождет.

– Нет. – Она бросила острый взгляд на главную панель управления. – Ты знаешь свое дело, а я – свое. Мне нужно собрать оружие и снаряжение. Это важнее очередного хронометража. Мы еще успеем этим заняться. Если у меня останется время.

– Поторапливайся, – ответил Коэн.

Если бы они не находились в невесомости, то Ли пнула бы что-нибудь ногой.

Настроение Ли быстро улучшилось, как только она приступила к осмотру оружия. Корчов прислал все, что она потребовала. Даже самые экстравагантные запросы были безропотно удовлетворены.

В двух длинных гладких ящиках лежали тактические высокоточные импульсные винтовки РПК для стрельбы по неструктурным целям, каждая со специально изготовленным прицелом и мембранным глушителем со сменными шайбами. В другой коробке, обернутой двойной вакуумной упаковкой, лежал самозатягивающийся пневмокостюм, необходимый Ли для движения в трубе. Интерактивная маскировочная маска должна была закрыть ее лицо, если кто-то заметит ее. В большом ящике находилась вся остальная

оснастка: пристяжные карабины, крюки, канат для спуска по внешней стороне станции, ручная «цифродробилка», набор отмычек для того, чтобы попасть в саму лабораторию; добытый Корчовым электронный ключ, который, по его словам, позволит ей попасть из совершенно секретной лаборатории в переходный шлюз общественного сектора, где Аркадий заберет ее после того, как она добудет объектный код.

Потребовался час и сорок минут, чтобы все распаковать и подготовить к работе. Самое лучшее время в течение нескольких последних недель. «Если так снабжают всех, кто занят в охране частного сектора, – подумала она, – то я, пожалуй, могла бы к этому привыкнуть».

Когда Ли свернула канат, разложила в нужном порядке альпинистское снаряжение, разобрала, смазала и собрала вновь импульсные винтовки, она отошла в сторону и осмотрела все снаряжение критическим взглядом. Затем она доплыла до своей кабины и забрала тщательно упакованный небольшой сверток, который она прятала там из предосторожности.

Вернувшись в грузовой отсек, она развернула «беретту», почистила ее, собрала и зарядила, что-то пробормотав про себя от удовольствия, когда раздался знакомый щелчок и патрон зашел в патронник. Она взвесила пистолет на ладони и оглянулась в проход. Она представила, как он будет топорщиться под ее костюмом. Аркадий сможет заметить и отберет его. Она вдруг подумала, насколько безумно будет вы-

глядеть драка с настоящим оружием на маленьком необорудованном «Скворце».

Она вздохнула и убрала «беретту» в карманную кобуру пневмокостюма. Карман был разработан для более крупного стандартного оружия, например для «гадюки» или короткоствольного импульсного пистолета. «Беретта» поместилась туда легко и не бросалась в глаза, когда Ли застегнула кобуру.

«На всякий случай», – сказала она про себя, возвращаясь назад в кабину.

– Мне нужно проверить боеприпасы, – сказала она Аркадию, возвратившись в кабину.

Как она ни пыталась, она не смогла удержаться от блеска в глазах при виде полностью заряженного импульсного пистолета на его поясе.

– Ты уже проверяла на Компсоне.

– Но мне нужно проверить снова. То, что мне показали их при посадке, совершенно не означает, что они действительно находятся на борту.

Аркадий нахмурился.

– Можешь только проверить их визуально, не более того.

– Совсем не годится.

– По-другому никак. Коэн все проверил при погрузке.

Спроси у него.

«Вот еще», – подумала Ли. Ей в последнюю очередь хоте-

лось расспрашивать Коэна.

– Все на месте, – подал голос Коэн. – Нет никакого смысла проверять все снова.

– Ой, спасибо за подсказку, – сказала она, бросив неприязненный взгляд на пульт компьютера.

– Ну, иди, посмотри в переходном шлюзе.

Ли еще раз посмотрела на пульт управления, повернулась и вышла, не глядя на Аркадия.

Она добралась до переходного шлюза и заглянула в иллюминатор из вируфлекса.

Там светило солнце. Оно было невыносимо ярким, каким может быть солнце только в открытом космосе. Она отвернулась от иллюминатора и заморгала, стараясь избавиться от выступивших слез.

– Боже правый!

– Это была идея Корчова, – сказал Аркадий извиняющимся тоном.

Она обернулась и поняла, почему солнце так ослепительно сияло. Переходный шлюз выходил прямо в безвоздушное пространство. За тройным слоем вируфлекса был жесткий вакуум. Все ее боеприпасы, предназначенные для операции, были аккуратно приклеены лентой к стенке переходного шлюза. Два магазина для импульсной винтовки. Мигание их зеленых огоньков свидетельствовало о полной зарядке. Полностью заряженная «гадюка» для ближнего боя. Даже привезенный ею из Синдикатов нож-бабочка, который Ар-

кадий молча отобрал у нее еще на Компсоне прежде, чем позволил войти на борт «Скворца». В чем они подозревали ее, черт возьми? Что она перережет ему горло и захватит корабль?

– Внешняя герметизация закроется, и в переходный шлюз будет нагнетен воздух за две минуты и четыре секунды до твоего запланированного выхода, – сказал Аркадий. – У тебя будет четыре секунды на то, чтобы войти в переходный шлюз, две минуты на проверку боеприпасов, зарядку и укладку оружия. Затем ты выходишь. Тот же порядок будет соблюден при входе. Ты сложишь все оставшиеся боеприпасы в шкафчик в переходном шлюзе, закроешь шкафчик на ключ и выбросишь ключ за борт. Внешний люк не закроется, и в камеру не будет нагнетаться давление до того момента, пока я не увижу, что ты разоружилась.

Ли пристально посмотрела на него, но он лишь пожал плечами, оттолкнулся от стенки с ловкостью прирожденного пилота космического корабля и поплыл в кабину.

Когда Ли присоединилась к ним, он уже был погружен в разговор с Коэном.

– Давайте пробежимся по плану еще раз, майор, – сказал Аркадий. – Надеюсь, это не составит труда?

Он произнес фразу таким извиняющимся тоном, что могло показаться, что он просит одолжения, а не приказывает своему врагу.

– Ты здесь командуешь, – сказала Ли.

Ей хотелось заехать ему по щеке. Но вместо этого она сунула принесенную ею бутылку воды в держатель на стене, оттолкнулась и повисла в воздухе, раскинув для стабилизации руки.

– В два часа двадцать минут и четыре секунды я выпрыгиваю из корабля. В два часа двадцать три минуты и восемь секунд я достигаю станции и поворачиваю в сторону башен.

– В каком они направлении? – спросил Коэн.

– На востоке, – ответила Ли.

На профессиональном жаргоне космических пилотов это означало направление на восход планеты, в какой бы точке вращающейся космической станции вы ни находились.

– Не очень правильно. Возможно, тебе не будет виден подъем планеты с того места на станции, где ты окажешься первоначально.

– Ну, я смогу почувствовать это, даже если мне не будет видно.

– Внутренний голос может тебя подвести.

Она пожала плечами.

– Отлично. В два сорок девять я окажусь у вентиляционной трубы.

Ли полностью погрузилась в обстановку, прослеживая свой маршрут по карте на своем внутреннем устройстве, делая поправки на график движения охраны, обдумывая, как она будет заходить.

– Вентиляционный цикл начинается в два пятьдесят. В

два пятьдесят одну выключаются турбины, и я проникаю через внешний люк. В три часа ровно цикл возобновляется. У меня остается минута на то, чтобы спрятать скафандр и снаряжение, и девять минут на спуск.

– Этого времени достаточно? – нервно спросил Аркадий.

– Достаточно, – ответил Коэн.

Его тон, если предположить, что корабельный компьютер может говорить каким-то тоном, показывал, что если так не будет, то исключительно по вине дурочки по имени Ли, которая делала все неверно.

Ли закрыла глаза, чтобы отключиться от окружающего и мысленно представить себе схему вентиляционной системы.

– Я должна добраться до вентиляционного выхода на гидропонику не позднее чем в два часа пятьдесят девять минут и тридцать секунд. В три часа ровно начинается новый двухминутный цикл, поэтому...

– Человек Корчова откроет внутренний люк ровно в два часа пятьдесят девять минут тридцать секунд. Он будет держать его открытым до начала цикла. Это даст тебе тридцать секунд – более чем достаточно.

– Вполне, если он действительно откроет его.

– Верно, так и будет. – Аркадий мрачно и серьезно посмотрел на нее. – Я обещаю.

– Благодарю, – сказала Ли, почувствовала комок в горле, и ей стало стыдно.

Как она могла допустить, чтобы дело дошло до этого? Что-

бы брать на абордаж космическую станцию с полной вращательной гравитацией. Чтобы карабкаться вниз по валу турбины, а потом затаиться, как крыса в забитой норе, и ждать, чтобы предатель пропустил ее на станцию, по которой она могла ходить совершенно свободно, если бы она не участвовала в этом заговоре. Она подумала о том, чтобы отказаться. Но было слишком поздно. Она находилась на корабле Корчова, которым управлял пилот Корчова, контролировавший все ее боеприпасы. Сегодня ночью она выйдет из этого переходного шлюза в любом случае.

Если бы она могла рассчитывать на Коэна по-настоящему, то, возможно, было и не слишком поздно. Но нужно сойти с ума, чтобы сделать это. Лучше рискнуть и выполнить все, что в ее силах. Лучше успокоить нервы, не волноваться о том, что она не способна изменить, и подготовиться к прогулке в космосе.

– Ну? – спросил незнакомец по имени Коэн. – Что ты забыла?

Ли вздохнула, оттолкнулась от пола и уселась на изогнутой переборке «Скворца».

– Ничего. Я, черт возьми, отлично помню, что я должна во что бы то ни стало проскользнуть внутрь, пока внутренний клапан не откроется. Я не идиотка.

– Это ты настояла, чтобы не задействовать мягкую память, – продолжал не-Коэн. – Ты будешь вне связи двадцать семь минут. Любая ошибка памяти приведет к фатальной

потере синхронизации.

Ли перевернулась так, что ее ноги оказались вверху, а голова свесилась вниз. Она посмотрела на Аркадия на уровне своих глаз, потом перевернулась обратно и подняла бровь.

– Я думаю, она понимает это, – сказал Аркадий смущенно.

– Послушай, – сказала Ли. – Я бывала на танцах. Вы, мальчики, просто держите свои ширинки застегнутыми и старайтесь оставить последний танец для девочки, с которой пришли туда.

Она выбрала слабое пятно на противоположной стене – потускневший отпечаток пальца, оставленный каким-то членом экипажа давным-давно, затем закрыла глаза и оттолкнулась от переборки, сделав сложный прыжок вбок. Таким способом она проверяла свои инерционные системы, искала неисправности, проводила повторную калибровку сети точек Фромхерца и сталекерамических волокон, которые паутиной расплзлись вниз по ее позвоночнику и в стороны по каждому мускулу, связке, вплоть до кончиков пальцев.

Это был блестящий трюк и одновременно хороший диагностический тест. Один из ее любимых. Особенно в нулевой гравитации. И это было похоже просто на смешную выходку, за пристрастие к которой Коэн постоянно дразнил ее.

«Ну, а сегодня он не дразнится», – подумала она, когда ее нога ударила стену в двадцати восьми миллиметрах от цели, – и она внезапно поняла, насколько ей страшно.

АЛЬБА: 28.10.48

02:18:00

Внешний люк открылся с другой стороны переходного шлюза точно тогда, когда Ли надела свой скафандр и проверила нагреватель и систему подачи воздуха. Аркадий вынул импульсный пистолет, снял его с предохранителя и направил в грудь Ли. Он еле заметно пожал своими узкими плечами, как бы говоря: «Извини».

Ли не ответила, да и он все равно не услышал бы ничего через двойную лицевую пластину ее шлема. Когда поднялся внутренний люк, она оглянулась, снова проверила световые индикаторы своего состояния и сделала шаг вперед.

02:20:04

Она выплыла из переходного шлюза в открытый космос, слегка вращаясь из-за неверно рассчитанного толчка ногой. Быстро пересчитав траекторию своего движения, она включила реактивный ранцевый аппарат, чтобы вернуться на курс, и уверенно настроила себя на то, что достигнет внеатмосферной поверхности Альбы вблизи намеченной точки. После чего расслабилась, наблюдая, как метры и секунды тикают в ее внутренних устройствах.

Она поискала глазами «Скворец». Корабля уже не было видно. Защита при помощи фрактальной абсорбции работала достаточно эффективно, чтобы перехитрить глаза Ли да-

же на таком расстоянии. Она включила прибор инфракрасного видения и искала тепловую картину, но обнаружила только слабые признаки тепла, которые могли быть тепловой струей от станции или тепловым следом от последнего пролетевшего рядом челнока. Она надеялась, что защита достаточно надежна, чтобы обмануть не только ее, но и техом-миротворцев, усиленно следивших за зоной вокруг Альбы, закрытой для полетов.

02:23:07

По мере ее приближения к станции ни прошлые тренировки в открытом космосе, ни ее боевой опыт не смогли предотвратить неминуемую потерю ориентации. Металлическая оболочка станции вращалась все быстрее и быстрее. Когда до нее оставалось всего пять метров, то казалось, что станция пролетает мимо Ли со скоростью товарного поезда.

Коэн выбрал место высадки на станции среди леса радиоприемных антенн и приемных устройств мгновенной связи, исходя из того, что маскировочные преимущества чащи антенн перевешивали риск на них повиснуть. Ли должна была тщательно выбрать точку и переключить реактивный аппарат, чтобы не запутаться в антенных мачтах и оттяжках.

«Черт тебя возьми, Коэн», – подумала она. Хорошему наблюдателю не нужно было даже тепловой картины, чтобы обнаружить реактивный ранец. А быть замеченной с внешней стороны станции даже в подогреваемом скафандре означало

катастрофу.

За несколько мгновений до столкновения со станцией Ли рывком включила реверс и перешла на бреющий полет, стараясь следовать вращению станции, потом глубоко вздохнула, взяла на изготовку абордажное снаряжение и прыгнула.

От удара о поверхность станции у нее резко запрокинулась голова, а на глазах выступили слезы. Вселенная вывернулась наизнанку, а небо, казалось, рухнуло ей на голову. Товарный поезд, пронесившийся мимо нее, превратился сейчас в мустанга, горевшего желанием скинуть ее в открытый космос. Вращательная гравитация, которая была только теоретическим понятием при наблюдении из космоса, равнялась по силе земному притяжению. Она растягивала тело Ли во все стороны.

Ли припала к поверхности станции и ждала, пока ее мозг не приспособится к противоречивой информации от глаз и внутреннего уха. Прикрыв глаза, она посылала запросы своим мышцам и связкам, отключая недостоверные визуальные сигналы и прислушиваясь к гравитации. Не успело ее сердце сделать несколько ударов, как она уже определила направление ускорения Кориолиса, сумела сориентировать себя на восток станции и начала подъем.

С правым плечом все было плохо. Она, как могла, берегла его первые десять метров подъема. Нанятые Корчовым медики пытались залатать это плечо в очередной раз – поставить еще одну временную заплату поверх старой, хотя на са-

мом деле нужно было разбирать всю руку и устанавливать в ней все заново. Но не оставалось времени. Теперь эта рука обязана была работать.

Вдалеке показались вентиляционные башни. Это были шишковидные шестнадцатиметровые сооружения, торчавшие из внешней оболочки станции, словно грибы. Ей была нужна четвертая башня, и она тщательно отсчитала их в обратном порядке, понимая, что ошибка будет означать для нее страшную смерть.

02:49:07

Ли добралась до башни с отставанием от графика на семь секунд.

Неужели она слишком медленно поднималась? А может, что-то не в порядке с ее внутренними устройствами? С планом Коэна? Она присела рядом с башней, проверила систему и выругалась.

По ее подсчетам, башня оказалась более чем на двадцать метров дальше от точки ее приземления на станцию, чем это было указано в плане. С какой стороны ни посмотреть, просчет означал большие неприятности.

Но если Ли и отстала от графика, то на Альбе все шло по расписанию. Ровно в 2:50 она почувствовала удар и вибрацию под своими ногами, подняла голову и увидела блестящее ледяное облако, вылетевшее из вентиляционной трубы. Пыль и конденсат моментально замерзли, попав в жест-

кий вакуум во время первого вентиляционного цикла нового утра. Станция готовилась к перегрузке углекислого газа для наступающего рабочего дня.

Она пряталась за башней, пока ледяное облако не исчезло. Затем она прижала свой шлем к обшивке башни из вирукристалла и вслушивалась в затихающую вибрацию вентиляторов, пока она совсем не прекратилась. Ли представила, как внизу закрываются люки, останавливая поток сжатого воздуха, который вращал турбины, и постаралась не думать о том, что будет, если оба люка откроются, когда она будет еще в башне. Ну, по крайней мере, это произойдет быстро. Она отключила линию охраны, которая была соединена с основанием башни, и набрала на пластине у запястья код, чтобы открыть скафандр. «Нельзя открыть, – передал скафандр ее внутренним устройствам. – Недостаточное атмосферное давление снаружи».

«Попытка открыть вручную», – передала она.

«Снаружи отсутствует воздух, – передал ей скафандр специально предусмотренным предупредительным тоном, который действовал даже при опасной эйфории, наступающей в результате недостатка кислорода. – Вы уверены, что хотите снять с себя костюм жизнеобеспечения?»

«Расстегивай», – послала она еще одно сообщение и набрала код экстренного расстегивания. Через мгновение она услышала шипение выходящего воздуха.

Ли сняла шлем. Ее пневмокостюм активировался, как

только соприкоснулся с жестким вакуумом, и опустил забрало-отражатель перед ее лицом. Она почувствовала первый укус обжигающего холода, который мог пробраться через тонкую оболочку костюма и убить ее через несколько минут, если она не попадет внутрь. Она сняла с себя оставшиеся части скафандра, свернула их в тугий сверток и уложила его в уже обледеневший шлем. Швырнув шлем в открытое пространство, она выстрелила в него, расплавив его внутренние схемы и сделав неотличимым от брошенного оборудования, которое захламляло орбиту Марса.

Теперь возврата назад не было. Пневмокостюм позволял ей оставаться в живых в жестком вакууме в течение пятнадцати минут. Самое большее – двадцати. Гены земноводных, введенные в ее хромосомы для транспортировки в замороженном состоянии, смогли бы добавить к этому времени еще немного. Но час в пневмокостюме – и станет абсолютно все равно, достанет ли она то, за чем прилетела, или служба безопасности Альбы схватит ее. Ли слегка подтолкнула локтем похожие на лезвия турбинные лопатки, чтобы убедиться, что они не пружинят. Ей вдруг стало интересно, каким образом Корчов завлек того, кто ждал ее внутри, в свою сеть. Дело было в больших деньгах, или другой, подобно Ли, хранил свою маленькую тайну. Она вдохнула, ясно осознавая, что это один из немногих, ограниченных пневмокостюмом вдохов, а затем отключилась от всего, кроме мысли об оставшихся десяти минутах. Она пролезла через неровный полу-

круг между двумя турбинными лопатками и оказалась в желебе.

02:51:43

Ли оттолкнулась. Ноги ее были напряжены, легкие горели. Она постаралась передвигаться как можно быстрее, но ей пришлось карабкаться, преодолевая вращательную гравитацию станции, и вся сила ее модернизированных мышц и улучшенные рефлексы мало помогали в таких сложных условиях.

В конце концов, ее собственная торопливость помогла делу. Она свернула в неверном направлении, потеряв ориентировку в узких туннелях, и попала в одну из боковых труб, проходивших вдоль внутреннего резервуара. Она затормозила у забитого пылью клапана перегородки, словно усталый лосось. Цель была так близка. Она ощущала запах брожения, чувствовала на лице мягкое дуновение воздуха с посадок водорослей. Но она оказалась в ловушке, в тупике. И у нее имелся единственный выход – двигаться назад по трубе, в пасть турбинам.

Она вернулась к месту стыка труб, когда оставалось всего четырнадцать секунд. Она перегревалась. Показатели ее внутренних датчиков приближались к красной зоне, предупредительные сигнальные огни вспыхивали по всему ее периферийному зрению. Очень плохо. Выйдет все из строя или нет – неизвестно. Но если ее внутренние устройства откажут,

то ей уже не придется сожалеть об этом. Она рванулась вперед, внутренние устройства пылали предупреждающим светом, сердце выстукивало ритм такой же горячий и настойчивый, как и предупредительные огни.

02:52:38

Неожиданно она достигла конца желоба и уперлась в крышку вентилятора. Оставалось меньше двенадцати секунд.

Люк не сдвигался с места.

Вначале она подумала, что он закрыт, что человек Корчова предал ее. Но тут она поняла, в чем проблема: петли были забиты жирной смесью пыли, волос и органического вещества с посадок водорослей, выращиваемых на гидропонике. Все, что путешествовало по воздушным каналам станции, прибывало сюда медленными вихрями выдувных труб.

Теперь, когда она это увидела, стало понятно, что она сама могла открыть этот люк ударом ноги. Но то, что убивает, всегда выглядит очевидным. Очевидным и глупым. Люк не открывался годами. Может быть, десятками лет. Во всяком случае, никто не пытался открыть его со времени последней эпидемии плесени. И поскольку он не имел первостепенного значения для системы поддержки жизнедеятельности, то на него обращали мало внимания. Это была система, на ремонт которой запчасти присылали в последнюю очередь, если присылали вообще.

Человек Корчова выполнил все, что он обещал. Она слышала, как щелкнул замок, а вслед за ним, как пойманная муха, прожужжал гидравлический привод петель. Но одно дело набрать имя и номер на замке. И совершенно иное – открыть дверь. И Ли застряла в этой реальности.

Она просовывала свои пальцы и неистово пыталась выскрести ими грязную замазку. Она тяжело и громко дышала. Ее ногти скребли по металлу. Коэн предупреждал ее о необходимости соблюдения тишины, говорил о том, что на посадках рядом с вентиляторами могли быть люди. Но сейчас ей было не до этого. Вся Вселенная сузилась до простого и сильного желания: выйти отсюда живой.

Наконец Ли почувствовала, что люк немного поддается. Она извернулась в узкой трубе, чтобы упереться в нее руками и ногами, всем, чем только можно, лишь бы обрести точку опоры. Сначала она сильно надавила на люк плечом. Он не двинулся. Сильная боль пронзила плечо, холодным острым уколом отозвавшись в трицепсе. Она откатилась назад и попыталась толкнуть люк еще раз. Он немного пошевелился. Но недостаточно. Совсем недостаточно.

Ли услышала щелчок на глубине двадцати метров под собой, затем жужжание проводов, оживших, чтобы подать энергию турбинам, и сделала попытку упереться левой рукой, чтобы защитить раненое плечо, но для поворота не хватало ни места, ни времени. Она снова попыталась нажать, выставив вперед правое плечо. Холод лизнул правую руку от

плеча до запястья, и кисть онемела... а люк – открылся. Она выскочила из него как раз в тот миг, когда открылся внешний воздушный клапан, и оказалась на стене над посадками водорослей.

Люк крышки вентилятора захлопнулся дополнительным давлением в одну атмосферу, как медвежий капкан, и она окунулась в прозрачный влажный воздух над растущими водорослями.

02:53:19

Ли забралась в укромное место между балками купола посадок и полными влаги полками с подносами, на которых выращивались водоросли. Она сидела на корточках, по ней струился пот. Она выжидала, чтобы внутренние устройства немного пришли в себя и мысли успокоились.

«Оценивай и приспосабливайся, – твердила она себе. – Принимай все как есть и действуй в соответствии с этим». Она отставала от графика. Их снабдили неточной информацией, в результате чего возникла угроза невыполнения задачи. Рука у Ли онемела, ослабла и была почти бесполезной. Но самая опасная часть маршрута пройдена. И единственное, что оставалось сейчас, – пройти этот маршрут до конца.

Ли осмотрела все залитое светом пространство под куполом впереди нее. Пусто. Сделала шаг вперед – и тут же поскользнулась на чем-то склизком и мокром. Восстановив равновесие, она посмотрела вниз и увидела, что из ее правой

руки сочилась кровь. На пол уже натекла целая лужа.

В боевой обстановке штатные вирионы уже разложили бы кровь на составляющие, уничтожив любые генетические особенности и оставив только плазму универсального типа, которую полевые медики использовали для внутривенных инъекций. Но сейчас на полу была ее кровь. Много крови. Алые капли падали на плиты серебряного цвета, оставляя охранникам блестящий след, ведущий прямо к ней.

Ли расстегнула пневмокостюм, сняла рубашку из термической ткани и разорвала ее, морщась от громкого звука рвущейся материи. Рубашка порвалась легко, а материя была достаточно эластичной, чтобы сделать из нее повязку. Она перевязала руку и застегнула пневмокостюм, не забыв активировать забрало-отражатель, чтобы лицо не попало в видеокамеры. Остановив кровотечение, она оценила повреждения, нанесенные костюму. Костюм уже начал самовосстановление или, по крайней мере, пытался его произвести. Дыра оказалась такой большой, что Ли усомнилась в способности «умных» волокон восстановить герметичность. А если костюм не обеспечит герметичности в космосе, как она, черт возьми, доберется до «Скворца»?

Она покрутила головой, выбрасывая из своего сознания все, что не касалось сиюминутных проблем. Нужно добраться до лабораторного компьютера. И по пути не оставлять следы крови на полу. Она позаботится о пневмокостюме и обо всем остальном, когда в этом будет необходимость.

АЛЬБА: 28.10.48

03:12:09

Добраться до компьютера было нетрудно. Ли ожидала, что у нее возникнут проблемы с контролером ДНК в начале следующего коридора. Но, к ее удивлению, охранное поле исчезло почти моментально и не задержало ее. Ли вся дрожала от мрачного предчувствия. Неужели Нгуен знала больше, чем ей рассказала? А может, она передала туза под столом ради каких-то своих непонятных целей? Или здесь был замешан еще кто-то?

Ли проскользнула дальше по коридору, внимательно наблюдая за возможным появлением патрулей, осматривая лабиринт кабелей и проводов на потолке в поиске камер слежения. Пусто. Может ли совершенно секретная лаборатория быть такой слабозащищенной? Или это потому, что на Альбе и в штабе Космической пехоты уверены, что любой вор, осмелившийся проникнуть внутрь этой орбитальной крепости, никогда не выйдет отсюда живым и невредимым? Она считала двери, пока не дошла до той, которая отделяла главный компьютер лабораторного радиуса. «Ну, сейчас начнется», – подумала Ли, доставая сверток с набором отмычек из переднего кармана и открывая его на полу.

Замок не поддавался. Обычно за это отвечал Кэтрэлл. Но Кэтрэлл погиб. И даже если бы он был жив, он не помогал бы

ей на этом задании, исполнители которого предавали Альбу тем, кто убил столько его товарищей на Гилеаде.

03:19:40

Шаги. Ли замерла. Они идут по направлению к ней или от нее? К ней. Она свернула инструмент, спряталась за выступом и поползла в тень от потолка.

Мимо прошли две женщины. Охранницы, а не исследователи. Ей было слышно, как они шаркали ботинками по полу. Они говорили между собой на грубом жаргоне, служившем в качестве родного языка рядовому составу на всем пространстве ООН.

– Смотрела новости? – спросила одна из них. – Ассамблея голосовала за отправку миротворцев на Компсон, чтобы обеспечивать работу шахт.

– Это – задница. Ну, нас пока не заставляют это делать.

– Делать что? Лететь на Компсон или открывать шахты?

– Ничего. Я не подписывалась копать уголь. Или стрелять в шахтеров. На этой планете – бардак. С самого Мятежа. По мне, так давно бы их всех вымести оттуда в космос.

– Так и сделаем, когда в восьмой лаборатории разберутся с этими синтетическими кристаллами и отформатируют их как надо.

– Да, да. Если бы желания были лошадьми...

– ...то лошади бы не вымерли!

Охранницы рассмеялись, и их голоса умолкли далеко в

коридоре.

Ли сосчитала до двадцати, задержав дыхание, затем опустилась на пол. Когда она снова была у лабораторной двери, то сердце чуть не остановилось: она увидела свою собственную квантовую отмычку, как гвоздь торчавшую в контрольной панели.

Она даже подумала, что патрульные заметили ее и вернуться, что вся их болтовня – только притворство. Но затем взяла себя в руки. Все в порядке. Ей повезло, женщины прошли мимо, за разговором не заметив отмычку.

Одним из плюсов рейдов в неприступную крепость было то, что никто не ожидал встретить за углом незваного гостя.

Зайдя в лабораторию, Ли сразу же обнаружила свою цель: «Парк 35-Зед», самый мощный центральный компьютерный блок, производимый для военных их основными подрядчиками. Она осторожно обошла вокруг него в поисках входного порта и нашла его на одной из сторон, где техники соорудили для себя уютное местечко со складывающимся столом и крутящимся стулом. Ли дезактивировала свой пневмокостюм и откинула назад капюшон, чтобы обнажить разъем у виска; потом села на табурет, подложив ногу под себя, чтобы быстро вскочить в случае необходимости, и достала шнур из кармана.

Ли вспомнила то время, когда по ее приказу Колодная подключалась к системам противника, а затем сосредоточилась и сказала себе, что сейчас просто ищет доступ к про-

грамме внешней связи, чтобы связаться с Коэном, который ожидал ее вызова на «Скворце». И вся система не должна вести себя враждебно, поскольку если все пойдет, как планировалось, то система не сможет распознать, что Ли была здесь. Но это не помогало. Ли открыла главное меню и начала просматривать установочные параметры по возможности быстро, чтобы не потревожить ни АИ, ни системных операторов-людей. При этом она старалась не задеть никаких тайных ниточек. «Зед» значительно превосходил по мощности те компьютеры, с которыми Ли приходилось работать, а прямое подключение к нему обеспечивало ей головокружительно высокую скорость передачи данных.

Это было похоже на нырок в потокопространство, но в потокопространство без виртуальной реальности, просто в поток чистых чисел. Числа поступали прямо в мозг Ли, а ее «оракул» обрабатывал их со скоростью, недостижимой для любого оператора, работавшего с клавиатурой. Но часть обработки все же приходилось делать ей самой.

И даже делая поправку на установочные параметры своего собственного интерфейса, за всеми этими числами она ощущала что-то едва уловимое, говорившее о присутствии огромного, враждебного сознания получувствующего АИ. При переходе к поиску в потокопространстве вероятность ошибки исключается, особенно если код рабочей программы воспринимается на уровне ощущений. Потокопространство было по-своему живым, как бывает живой планета или

звездная система. Сейчас это ощущалось по-другому. Сейчас с каждым вычислением, с каждой операцией Ли чувствовала, что находится внутри чего-то. Или кого-то. Она начала уклоняться и лавировать в своем сознании, чтобы не столкнуться с операционными системами «Зеда». Она вспомнила, как Шарифи в шахте подключала свой мозг к полочувствующему полевому AI орбитальной станции телепортации Мира Компсона, и поежилась. Этот образ выплыл из подземных глубин ее кошмаров.

Пока лабораторный AI оставался комфортно пассивным, а Ли проходила фильтр за фильтром, постепенно подбираясь к запасному выходу, показанному Коэном. Все изменилось, когда она попыталась выйти. В тот момент, когда она открыла внешнюю линию, она почувствовала резкое изменение, какой-то толчок внутри системы, похожий на бьющую по барабанным перепонкам воздушную волну, которая возникала внутри корабля, когда кто-то нарушал герметизацию. И источником этого толчка было нечто большее, чем общность файлов лабораторного компьютера и операционных баз. Это нечто знало о Ли. Знало, что она проникла в сеть и открывала выход из системы. И оно думало об этом. Со скоростью восемь миллиардов параллельно проводимых операций в пикосекунду.

Хотя любая скорость, которую Ли могла выжать из себя, была лишена смысла, она торопилась. Пошел вызов. Ответная для «Скворца» линия загорелась, как далекая звезда

во тьме.

Первый звонок.

Никакого ответа.

– Ну, давай, Коэн. Будь там!

Второй звонок. Ли чувствовала, как АІ поднимался, словно огромный зверь, расправляя свои вычислительные мышцы, собирая всю свою мощь, чтобы смахнуть ее, как раздражающую соринку.

– Не делай этого, Коэн!

Третий звонок. И «Зед» навалился на нее.

Он включил все свои программы безопасности настолько быстро, что все пространство данных превратилось в непонятное размытое пятно, от которого кружилась голова. Ли летела куда-то кувырком. Она понимала, что ей необходимо отключиться, но она не могла передвигаться в системе, поскольку уже не могла не только ориентироваться, но даже и контролировать свое тело. Программный код извивался и бился в конвульсиях, пока «Зед» перегружал ее системы. Ее внутренние устройства застыли, судорожно вздрогнули и пошли вразнос. Поток данных исказился. Ее собственное сознание, не сумев справиться с перегрузкой, предало ее. У нее начались галлюцинации. Цифры ожили. Они пульсировали, вспыхивая холодным ярким светом. Чужое сознание двигалась в такт им, темное, невидимое, беспокойное. Сознание без слов. Сознание, наплывающее с силой в сотни атмосфер. Оно кружилось в поисках ее самой. Подкрадывалось к ней.

И Ли знала с несокрушимой уверенностью, что, когда оно настигнет ее, она умрет.

Где-то далеко чье-то чужое тело забилося в конвульсиях, а стул поехал по полу, визжа колесиками. Снова зазвонил телефон, но поток данных извне был таким медленным и несжатым рядом с головокружительными параллельными операциями «Зеда», что звонок достиг мозга Ли в виде низкого доплеровского тона. Даже шум помех в линии растянулся до того, что каждый щелчок и скрежет статического разряда звучал как дикое завывание. Темнота во мраке накапливалась и ползла в ее сторону. Щелчок.

Ли скорее почувствовала присутствие Коэна, чем увидела его. Река света пробилась сквозь цифры, смывая темноту. Она сверкала белизной, такой же чистой и обманчиво спокойной, как ледник в Гималаях. Но этот поток крушил «Зеда», пробиваясь сквозь получувствующего так же неумолимо, как снежная лавина течет с горы. Если бы Ли когда-нибудь интересовалась, что чувствует кусок мяса, из-за которого дерутся две акулы, то сейчас она получила бы на него ответ. Она не чувствовала... ничего. Ей были слышны только удары пульса под черепной коробкой, а за ее пределами – стремительно кружившаяся на бегу тишина. Она плыла, заблудившись, глядя с невероятной высоты на то, как два титана разрывали на части Вселенную в схватке друг с другом.

Лабораторный компьютер корчился и выворачивался наизнанку, отчаянно пытаясь найти в своих программах что-

нибудь, способное противостоять безжалостной атаке Коэна. Затем он сфокусировал свои усилия на Ли, и страх ледяными пальцами пробежал по ее спине.

«Коэн!» – позвала она. И вместе с этой мыслью на нее опустилась темнота.

03:42:12

Первым, кого Ли увидела, был Коэн. Не безжалостный и страшный свет, а его обычный сетевой образ. Он был погружен в цифры, занимаясь обычной при взломе программ работой. «Ты к нам вернулась?» – спросил он, когда ей удалось собрать достаточно энергии, чтобы попытаться сделать осторожное движение.

«Что произошло?»

«Сейчас не нужно об этом беспокоиться. Я тебе потом объясню».

Ли умолкла, все еще ощущая слабость. Она успокаивалась, наблюдая, как он копался в недрах компьютера, как, повинаясь его прикосновению, раскрывались коды в системе защиты, и оттуда послушно выходили цифры и с легкостью двигались мимо так, как они всегда делали при его вмешательстве. Хотя чего-то все же не хватало.

«А почему ты не поешь?» – спросила Ли.

«Что?»

«Ты всегда поешь, взламывая систему. Если, конечно, все идет гладко. Что-нибудь не так?»

Вокруг нее закрутился цифровой смех, вспыхивая числами, словно отблесками пожара.

«Если ты не слышишь, то это вовсе не означает, что я не пою».

«Не морочь мне голову».

«Подожди минутку».

Он просмотрел файл и выругался, когда на проверку тот оказался пустым.

«Я думаю о лабораторном AI».

«Оно не вернется?» – спросила Ли в панике.

«Нет, – ответил Коэн. – Он не вернется».

Ударение на слове «он» было чуть заметно, но воспринималось безошибочно. Как упрек.

«Что тогда?»

Когда он ответил, Ли почувствовала напряженность в его голосе даже через удаленную линию.

«Ты когда-нибудь видела двухмерный фильм о скачках?»

«Да, конечно. Очень красиво».

«Знаешь, кого на скачках называли "разбивающим сердца"? – Он продолжил, не дожидаясь ответа: – Это скакун, обладающий такой большой резвостью, что он не просто побеждает остальных, он ломает их. Ломает их так, что они никогда больше не смогут никого победить. Лошади обычно умирают после такого».

«Ты все это выдумал. А сам, наверное, и лошади никогда не видел».

«Нет. Это – правда. Смысл жизни скаковой лошади – бежать, чтобы победить. Она – крайне специализированный организм. Она не может прокормить себя, не может даже ходить без специальных подков, сделанных человеком. Но она может скакать. И она загонит себя до смерти, будет нестись до тех пор, пока не хрустнут кости. Есть киноматериалы, свидетельствующие, что лошади ведут себя именно так. Они просто умирают на скаковом круге, подобно космическим кораблям, которые загораются на входе в плотные слои атмосферы».

«Но ведь это безумие, Коэн».

«Не безумие. По-человечески это понятно. Эти лошади были созданы человеком в качестве машин для скачек. Так же как я – машина, предназначенная думать. Так же как ты – машина для работы, а каждая планета в пространстве ООН – это машина для производства воздуха и пищи. И когда люди создают машину, для них важна только основная функция, все остальное – второстепенно».

Коэн сделал паузу, пытаясь заглянуть в тупиковую директорию.

«AI аналогичны скаковым лошадям. Они созданы для того, чтобы играть в игры. Шахматы, вероятностные игры, военные игры. Они сконструированы таким образом, что победа для них – единственное желание, она – их сущность».

«Для чего ты мне это рассказываешь?»

«Ты только что была свидетельницей скачек с "разбиваю-

щим сердца"».

«Ты говоришь о лабораторном AI?»

Ли все еще не могла понять, чем «Зед» представлялся Коэну.

«Оно... он... умер?»

«Нет».

Коэн перебирал файлы все в новых и новых директориях так быстро, что пока Ли пыталась определить, что это была за директория, он уже бросал ее и переходил к другой.

«Он все еще здесь. Ты не чувствуешь его?»

Ли осторожно попробовала сеть. Она почувствовала там что-то. Что-то темное, едва осязаемое. Но оно было сбито с толку, хаотично, ослаблено. Словно AI забился в темный угол и зализывал там свои раны.

«И что теперь?»

«Если бы он имел свой собственный код, то он мог бы договориться с более крупным AI и реализовать себя в качестве вспомогательной системы. Или он мог бы получить психиатрическую помощь, перепрограммироваться. Но у него нет своего кода. Код – у Альбы. Поэтому произойдет фактически следующее: завтра теки обнаружат, во-первых, что его взломал чужой AI, а во-вторых, что самый продвинутый полувосприимчивый превратился в просто невероятно дорогой калькулятор. Они попытаются спасти его, хотя бы потому, что он такой ценный, а когда поймут, что не в силах сделать это, то активируют контур обратной связи его терминала, де-

монтируют основной компьютер и установят новый AI».

Ли почувствовала что-то в движении цифр. Что-то, являвшееся не только дешифруемыми эмоциями AI, а еще и чувством, которое она понимала без объяснений: чувством вины.

«Господи, Коэн. Это не твоя вина. Что еще тебе оставалось делать?»

«Ничего. Но от этого не легче, не так ли?»

Еще одна длинная пауза.

«Нет».

03:51:02

«Плохие новости».

«Что?»

«Я нашел данные. Но я не могу добраться до них отсюда. Тебе нужно попасть в другую лабораторию и подключиться к удаленному терминалу, пока я не получу их».

Ли сверила время и вздохнула. После напряженного молчания Коэн спросил: «Что ты хочешь сделать?»

Она вздрогнула, нервы были напряжены до крайности. «Что значит – хочу сделать? Нам нужно – и мы получим их».

«Ты уверена?» «Конечно, уверена».

04:01:00

Ли заглянула за угол, убедилась, что проход пуст, и пошла вперед.

«Коэн?»

«?»

«То, что ты рассказал мне о лабораторном AI... А как ты выдержал так долго? Как тебе удалось остаться непобежденным?»

Эмоциональный импульс наполнил линию. Этот импульс был характерен только для AI – цифровая рябь, которая создавала иллюзию человечности Коэна. Этот цифровой всплеск напомнил Ли, как глупо с ее стороны представлять себе, что она понимала хотя бы отчасти, что происходило на другой стороне интерфейса.

«Все очень просто, – ответил он после того, как волнение цифр успокоилось. – Просто меня никогда никто не мог победить».

Затем она прошла сквозь еще одну сетку безопасности и потеряла его.

04:03:41

Ли прошла в глубь лаборатории. Система безопасности здесь была настолько прочной, что администрация станции даже не заставляла исследователей соблюдать обычные процедуры соблюдения режима секретности. На стенах висели доски, маркеры и тряпки лежали на полочках. Она прошла мимо доски, на которой были написаны квантовые уравнения. На другой доске, уже наполовину вытертой, Ли заметила два понятных кратких расчета эффективности двига-

теля Буссара. С этими расчетами ей пришлось помучиться на занятиях по математике в офицерской школе. Свернув за угол, она чуть не опрокинула наполовину наполненную чашку с кофе, оставленную кем-то на полу. Услышав шаги, она вскарабкалась на трубы под потолком и увидела сверху худого лысого мужчину, направлявшегося куда-то шаркающей походкой в помятой пижаме. Она улыбнулась, подумав, что Коэн посмеялся бы над этой картиной.

Альба была такой огромной, что изгиб ее кольца шел почти незаметно, и здесь ничего не стоило заблудиться. Особенно для Ли, только что прибывшей со значительно меньшей по размеру станции АМК, где по крутым поворотам кольца жизнеобеспечения было просто ориентироваться. Коридоры на Альбе отходили от главного стержня большого обруча на триста-четыре метра в каждую сторону. По краям располагались шикарные офисы и конференц-залы с окнами наружу. Складские помещения, закрытые лаборатории и защищенные компьютеры помещались там, где была сейчас Ли, – в узком белом мире внутренних коридоров.

4:06:27

Ли добралась до поперечного коридора, куда послал ее Коэн. Отсчитала пятую дверь. Сканировала комнату за этой дверью. Никого. Вскрыла замок, пользуясь кодом, снятым Коэном из системы. Затем вошла в дверь и пересекла почти

пустую лабораторную комнату к настольному терминалу, засунутому за старомодное многоканальное устройство мгновенной связи. Она расстегнула капюшон и откинула его на спину. Теперь система была без привратника, внутри не чувствовалось ничего страшного. Она открыла меню команд, дрожа от облегчения. Потом набрала номер.

И услышала характерный металлический щелчок предохранителя нервного прерывателя.

– Повернись, – грубым голосом сказал кто-то. – Медленнее. Если хочешь остаться в живых через десять секунд.

Ли замерла, осторожно подняла вверх руки и повернулась. Охранник находился в пяти метрах от нее – на расстоянии, недостижимом для удара ногой. Он действовал хладнокровно, жестко, профессионально. Надежда у Ли угасла сразу же, как только она на него взглянула. Он кивнул на винтовку.

– Вынь магазин.

Она послушно вынула магазин.

– Теперь откинь его в сторону.

Она уронила его на пол перед собой. Клыки прерывателя коснулись ее груди.

– Отбрось его ногой сюда.

Она отбросила.

– И винтовку.

Она подтолкнула винтовку вслед за магазином, и последняя надежда пропала.

– Ты – одна? – спросил охранник.

Она не успела ответить, как прозвучал сигнал с компьютера. Они оба подпрыгнули. Клыки прерывателя снова уперлись в нее.

– Отойди от терминала, – сказал он после второго сигнала.

Ли глубоко вздохнула, разогнула колени и отошла.

Она хотела отойти так, чтобы держатель конденсата терминала оказался между ней и охранником, полагая, что он не выстрелит, чтобы не разрушить драгоценные кристаллы. Она ошиблась.

Выстрел прерывателя прозвучал как щелчок бича, и Ли почувствовала, что разряд попал в нее. Ощущение от удара нельзя было сравнить с пульсирующей немотой, наступавшей после разряда небольшого ручного прерывателя. Казалось, что кто-то горячим скальпелем вырезал из спины кусок мяса размером с ладонь, обнажив поврежденные нервы.

Она отползла в ненадежное убежище за устройство мгновенной связи, пытаясь вдохнуть воздух в оцепеневшие легкие. Во рту стоял кислый медный привкус – в момент разряда зубы плотно сомкнулись, прикусив кончик языка.

– Черт возьми, – выругался охранник.

Его шаги, эхом раздававшиеся по комнате, остановились у главного компьютера. Она расслышала, как он с шипением втянул в себя воздух, взглянув на экран. Потом до нее дошло, что компьютер молчал. Здесь был Коэн.

Если бы ей удалось чуть-чуть отвлечь охранника от ком-

пьютера, то, возможно, Коэн успел бы скачать данные. А затем, может быть, он вытащил бы и ее. Если примет решение задержаться, чтобы сделать это.

Ли поднялась и одним движением вытащила «беретту». Это было сумасшедшее решение – стрелять здесь из этого пистолета. Но она находилась глубоко внутри станции, и не было реальной опасности нарушить пулей герметичность, открыв дорогу жесткому вакууму. К тому же у нее не осталось никакого другого оружия.

Сначала охранник заметил, что она прицелилась в него, затем узнал оружие. Кровь так отлила от его лица, словно ему уже попали в сердце.

– Через сорок секунд здесь будут еще трое, – сказал он. – Тебе не выйти отсюда. Не усугубляй обстановку.

Она взглянула на его побледневшее лицо, на знакомую форму и почувствовала, что близка к нервному срыву как никогда. «Я не смогу выстрелить в него, – подумала она. – Ради чего?»

Но ей пришлось это сделать.

Он откатился в сторону и попытался выстрелить ей в голову. Она прицелилась с максимальной точностью, обеспеченной сталекерамическими устройствами, и выстрелила. Он упал, обливаясь кровью.

Ли вряд ли смогла бы вспомнить что-либо более тяжелое в своей жизни, чем те несколько шагов через эту маленькую комнату, Она выстрелила в него, повинувшись своему встро-

енному рефлексу. Но как только прерыватель выпал у него из рук, противник, стрелявший в нее, превратился в солдата ООН, и его кровь текла на такую же голубую форму, какую носила она всю свою сознательную жизнь. Он был своим. Он был боевым товарищем. Когда Ли, спотыкаясь, шла к нему, все еще держа локти согнутыми на изготовку к стрельбе, ей стало ясно, что он видел ее лицо. Ей нужно было выбирать – хладнокровно добить его или раскрыть себя.

Удача и точный выстрел выручили ее. Когда она подошла к нему, он был уже мертв. Она взглянула на него, ощутив вкус горячей крови во рту. У нее в сознании промелькнул образ одетой в шелк Нгуен, которая сидела за своим элегантным столом и рассуждала о необходимой безопасности и личной ответственности. Ли сплюнула, на этот раз горькой была не только ее кровь.

04:09:50

Ли вернулась к компьютеру и подключилась к системе снова.

«Что происходит? – спросил Коэн. – Ты подняла тревогу по всей системе».

«Меня засек охранник».

«С тобой все в порядке?»

Онемение в боку еще не прошло.

«Да».

«А он?»

«Нет».

Почти незаметная пауза.

«Ну, давай начнем тебя оттуда вытаскивать».

«А программа уже у нас?»

«Да, а теперь беги!»

«Куда?»

Сетка координат высветилась на ее внутренних устройствах. Красные мигающие огни загорелись с трех сторон лаборатории. Единственным выходом из круга, уже закрывавшимся у нее на глазах, был длинный коридор, который вел назад к посадкам на гидропонике.

«Я не знаю, смогу ли».

«Ты должна».

Она отключилась и побежала.

04:11:01

Ли столкнулась с двумя охранниками у первого пересечения коридоров и пролетела мимо так быстро, что они не успели даже прицелиться в нее. Закрытый капюшон пневмокостюма спрятал ее лицо, и она больше не планировала ни в кого стрелять. Сейчас она боролась только за свое слабеющее тело и время.

Она пробежала до первого купола посадок на гидропонике с такой скоростью, что все жилы трещали, проскочила сквозь открытую герметичную дверь, миновала еще половину плантации и поняла, что успела вовремя.

Купол был отделен от главного кольца станции. Он представлял собой замкнутую, наполненную светом сферу из вируфлекса, изготовленного в невесомости. Ли, стуча подошвами, пробежала по узким мосткам между плотными влажными посадками. Высоко над головой панели отопления ярко освещали нижнюю часть станционной утробы. Под ней, хорошо различимый сквозь решетку мостков, шел прозрачный пол из вирустекла с палец толщиной, а за ним – только яркий, ослепляющий солнечный свет...

Она оглянулась и увидела своих преследователей, уже вбегавших в открытую дверь. «Ну и пусть. К следующему куполу. И двигайся быстрее!» Она пустилась бежать по скользящему полу, чуть не упала в лужу, но удержалась на ногах, чудом не порвав от напряжения связки и сухожилия. Еще один коридор с тяжелыми подпирающими стойками, укрепленными вирусталью. В конце коридора – солнечный свет, словно фары приближающегося поезда.

Она добежала до второго купола, развернулась и навела на охранников «беретту». Они притормозили и укрылись за подпирающими стойками.

– Какого черта ты творишь? – крикнул один из них. Она направила на него пистолет.

– На твоём месте я бы не двигалась.

Охранник смотрел на нее, и ей было ясно, что он ждал выстрела и просчитывал, сможет ли уговорить ее не стрелять. Он пристально разглядывал ее плечо. Ли поняла, что он за-

метил кровь на ее рукаве и заплату на ткани костюма и думал сейчас о том, что значило выйти в жесткий вакуум даже в неповрежденном аварийном пневмокостюме. Он сравнивал ее с камикадзе. Его размышления и момент нерешительности дали ей тот выигрыш во времени, в котором она нуждалась. Она сделала шаг к перилам мостков и перекинулась через них спиной, как ныряльщица с лодки.

Ли хотела ухватиться, зависнуть и сделать несколько выстрелов до того, как упадет, но забыла о своем плече и выкинула вверх руку на долю секунды позже. Она почувствовала, как перекладина выскальзывает из ослабевших пальцев, лишая ее возможности держаться.

«Всего лишь не успела раскрыть запасной парашют», – мелькнула в голове фраза из глупой шутки о нераскрывшемся парашюте, над которой они смеялись в парашютной школе. Она нацелила «беретту» между ногами и выстрелила дважды. Как только пули попали в купол, защитные плиты с двух концов мостков рухнули и отсекали от нее охранников. Паутина трещин расплзлась по всему куполу, но купол устоял. Балка из твердой холодной вирустали, сорвавшись, полетела вниз, и Ли едва успела убрать ноги.

Падение было тяжелым, но, слава Богу, ей удалось удержать колени вместе и даже не выпустить из рук «беретту». В момент падения на купол она почувствовала, что по вируфлексу прокатилась волна, как при землетрясении. Она задержала дыхание, перевернулась на живот и долю секунды ле-

жала, глядя на бесконечность звезд, отражавшихся в потрескавшемся вируфлексе. Внезапно купол взорвался, вовлекая ее в ослепительную стеклянную бурю.

Ли не могла ориентироваться в хаосе кружившихся водорослей, металла, осколков вируфлекса, поэтому отдалась течению, работая здоровой рукой. Теперь у нее оставалась одна надежда выбраться отсюда – Коэн. Если у него получится. Если он захочет рисковать.

«Повреждение костюма, – сообщил ей "оракул". – Восстанови внешнее давление в течение максимум семидесяти секунд».

Она сосчитала до семидесяти, но после этого не увидела никакого корабля, спешившего ей на помощь. По результатам сканирования только она и облако обломков двигались по эту сторону станции.

Ли открыла глаза. Сверкающая буря, хотя еще и вертелась вокруг нее, но ее плотность уже позволяла просматривать пространство. У далекого горизонта кружились звезды. Станция поднялась и встала перед ней, словно Ли была центром ее орбиты.

Ли смотрела на тонкие, как паутина, крылья, сверкающие в совершенном ослепительном свете космоса, и думала о жизни, которую она прожила.

Затем открылся люк, блестящий на черном фоне звездного неба, оттуда, словно Божья десница, вылетел серебряный линь и зацепил ее.

РАЗРУШЕНИЕ ВОЛНОВОЙ ФУНКЦИИ

Представьте себе карточную игру. Игрок, сдающий карты (давайте назовем его Жизнью) тасует колоду, число карт в которой больше обычных пятидесяти двух. Он сдает одну карту, тасует снова, сдает еще одну. При каждой сдаче мы видим одну (и только одну) карту, и по одной этой карте (одной из неопределенного множества карт, оставшихся в колоде) мы строим все наши теории, всю нашу систему представлений о Вселенной.

Но что видит сдающий карты? Если теория когерентности верна, то он видит все карты. Фактически он даже больше чем видит. Он ими играет, каждой картой. Каждый раз, когда начинает партию.

Можем ли мы сформулировать идею Вселенной, для которой все – возможно, и все, что возможно, фактически происходит? Конечно можем. Мы делаем это ежедневно. Сознание, память, причинные связи – все суть строение Вселенной, как мы ее себе представляем.

Настоящий вопрос заключается в том, можем ли мы создать теорию, выходящую за пределы Вселенной, которую мы себе представляем, и объясняющую Вселенную, которая действительно существует? Можем ли мы заглянуть в процесс

ШЭНТИТАУН: 3.11.48

Она проснулась в темной воде, убаюканная соленой жидкостью медицинского резервуара.

Ей казалось, что она дышит, хотя она знала, что подсоединена к пуповине, ее легкие были наполнены солевым раствором, перенасыщенным кислородом. Она представляла, что чувствует, как умные «жучки» пробираются к ее органам и мембранам, хотя и понимала, что она не могла чувствовать этого.

Ее рука, слава Богу, онемела впервые со времени Метца, но боль в руке сменилась другой болью. Эта новая боль исходила из ее затылка и сильно отдавала в глаза и виски.

Интрафейс.

Ли расплывчато помнила, как Коэн объяснял ей сам процесс и риск, связанный с ним. В то время она не придала этому большого значения. Она рассматривала это просто как модернизацию оборудования. Обычная процедура обслуживания системы. Ты веришь, что механики не испортят дорогую технику, и надеешься, что они продержат тебя в бессознательном состоянии дольше, чем будет продолжаться боль. Только начни думать об этом иначе, и ты заработаешь фо-

бию к невропродуктам, а это путь к концу карьеры.

Ли приходила в сознание и теряла его еще несколько раз, прежде чем очнулась по-настоящему. Сразу же, как зажгли лампы. Человек в хирургическом костюме посмотрел на нее и обратился к кому-то вне поля ее зрения. Она попыталась спросить, где она, но ее легкие, полные солевого раствора, не работали. Потом что-то застучало, заплескалось, и она ощутила кожей укус холодного воздуха. Затем ее поворачивали под яркими лампами, укрывали теплыми одеялами. И наступила благодать тишины.

– Кэтрин, ты – здесь? – спросила Белла, взяв ее влажную руку.

Только за этими темно-лиловыми глазами не было Беллы. Она никогда не смотрела на нее так. Это был Коэн. «Где они? Что произошло на Альбе? Помнит ли она вообще хоть что-нибудь?»

– Шэнтитаун, – сказал Коэн, отвечая на незаданный ею вопрос. – Убежище Дааля. Нам с Аркадием удалось поймать тебя. То, что случилось, было практически невозможно. И очень впечатляюще.

– Как долго... как долго я была в...

– Пять дней. – Он коснулся рукой ее брови. – Ты видела сны. Ты помнишь их?

Она покачала головой. В черепе так гудело и жужжало, что его слов было почти не слышно.

– Помнишь мужчину? Смуглого. Худого. У него на лице синий шрам.

Коэн провел пальцем по гладкой щеке Беллы.

– Мой отец, – сказала Ли.

– Ты убила своего отца?

– Что? – спросила Ли, и у нее в груди сильно забилося сердце. – Ты с ума сошел?

Он прищурился.

– Я видел это.

– Ты... это был сон. Кошмарный сон. Этого не было.

– Откуда ты знаешь?

– Знаю... и все. Боже милостивый!

Ли закрыла глаза и попыталась сделать так, чтобы комната перестала вращаться вокруг нее.

– Ты любишь его, – сказал Коэн спустя одну или две минуты.

– Я его даже и не помню.

– Даже так?

Она снова покачала головой. В ушах по-прежнему шумело так, как шумит дождевая вода в водосточной трубе. Словно она стояла посреди толпы людей, говоривших на незнакомом ей языке.

– Ну, – медленно произнес Коэн, будто он размышлял над сложным уравнением. – Как ты можешь определить: что есть сон, а что – нет?

– А тебе снятся сны? Мне казалось, что всем чувствую-

ЩИМ СНЯТСЯ СНЫ.

Казалось, он пришел в ужас от этого вопроса.

– Не совсем так. Если я думаю об этом, даже когда сплю, то, значит, это происходило. Но твой мозг просто... лгал тебе.

– Коэн, – спросила Ли, чувствуя, как нарастает шум в голове и усиливается тревога, – как ты видел этот сон?

Темно-лиловые глаза вспыхнули.

– Угадай с трех раз.

Она начала отвечать, но шум в ее черепе вспыхнул и стер все мысли, оставив лишь боль. Она схватилась руками за голову и свернулась в позу зародыша на узкой койке. Перед глазами поплыли красные точки, образуя кровавую пелену, сквозь которую было невозможно что-либо разглядеть. Шум в голове превратился в высокий протяжный вой. Глаза различали лишь слабую полосу света, а потом она погрузилась в полную тьму.

– Тише, – сказал он, наклоняясь над ней. Постепенно пелена спала, она тихо застонала, к ней вернулось зрение.

– Что это было, черт возьми? – тяжело дыша, спросила она.

– Трафик.

Она слышала, как он встал и прошел по комнате, как потекла вода, и ощутила прохладу воды, когда он вытер ей лоб влажным платком.

– Трафик?

– Да, связной трафик. Мой. Ты слышишь меня.

– Нет, – прошептала она. – Что-то не так, Коэн.

– Все в порядке. Корчов заставил меня проводить тесты все утро. Подключаться к твоим внутренним устройствам, производить различные проверки, включать подпрограммы, загружать данные. Кстати, твоя система связи – просто динозавр. Стыд какой-то. Я все-таки проверил твоего «оракула» по тесту Шора. Как положено. Эти идиоты на Альбе никогда такого не делали. Это немного исправит ситуацию.

Она открыла глаза и увидела, как он улыбается.

– Ну, уже лучше?

Ей потребовалось немного подумать. – Да.

– Хм-м.

– Что это значит? Я прихожу в себя?

– Нет. Я просто переключил интрафейс в режим «оффлайн».

Они переглянулись. Поднимаясь, Коэн дотронулся до ее руки.

– Не беспокойся. Ты еще еле жива. Мы все подробно обсудим завтра.

Но завтра им не удалось ничего обсудить подробно. И послезавтра не удалось. Корчов установил лабораторию и все необходимое медицинское оборудование в своем убежище, и в течение трех последующих дней мир Ли сузился до двух стерильных комнат с оборудованием для мониторинга, ее

собственной узкой койки и пустого помещения под гулким куполом, служившего гостиной в этом убежище.

Первая попытка запустить интрафейс в режиме «онлайн» закончилась тем, что она упала и скорчилась на полу, закрыв уши руками, и кричала, умоляя, чтобы это выключили. Коэн вышел из связи так быстро, что ему потребовалось полчаса, чтобы привести себя в порядок.

– Я свихнусь, – сказала Ли, когда пришла в себя и смогла говорить. – Это все равно, если бы сто человек дрались у меня в голове.

– Сорок семь, – мимоходом вставил Коэн. – Ну, только на этой неделе.

– В чем проблема? – спросил Корчов у Коэна.

Он даже не взглянул на Ли, просто говорил сквозь нее так, будто она была предметом оборудования.

– Ни в чем, – ответил Коэн, постукивая ногтем по консоли перед ним. – Здесь дело в программировании органического компонента.

Коэн шунтировался через Рамиреса, и Ли вновь заметила холодный огонь в темных глазах Лео. Это было проявлением решимости, которая уже и так чувствовалась в уверенных движениях. «Хотелось бы мне, чтобы эти двое были на моей стороне в драке», – подумала Ли, неожиданно почувствовав острый приступ тоски от потери Колодной.

– У Шарифи не было подобных проблем, – сказал Корчов со скрытой угрозой.

Коэн пожал плечами.

– А почему она должна была их иметь? Она соединялась с простым полевым AI. Да и к тому же она была оборудована только для связи. Кэтрин – зверь совсем другой породы. Любая попытка установки новых программ в боевую систему приводит к непредсказуемым последствиям. И вы знали об этом с самого начала.

– Ну, и что мы будем делать?

Коэн прошел по комнате более стремительно, чем, по мнению Ли, мог двигаться Рамирес. Он наклонился и положил прохладную руку ей на лоб.

– Тебе ничего делать не надо. Постарайся снизить пульс и ложись в кровать. Я решу, куда мы двинемся дальше.

Но следующий сеанс оказался еще хуже предыдущего. После трех часов попыток Ли свалилась в кресло, закрыв воспаленные глаза ладонями.

– Я не могу. Я больше не могу.

– Нет, можешь, – сказал Корчов, пока еще сохраняя спокойствие.

– Почему не работает компрессия пульса? – спросил он у Коэна поверх ее головы.

– Если бы я знал, то уже наладил бы.

– Ей нужно новое устройство обработки сигналов? Ли представила, как Коэн пожал плечами, что означало отрицание.

– Ну, а что тогда? Коэн покачал головой.

– Мне нужно подумать.

– Давайте проверим установочные параметры и попытаемся снова.

Ли хотела отказаться. Хотела сказать, что ее вырвет, если они сделают еще одну попытку, что все съеденное за последние два дня уже и так стоит у нее в горле, что она больше не вытерпит. Но ей было так плохо, что она промолчала.

В конце концов Коэну пришла идея использовать дворец памяти. Когда он объяснял ей это, он шунтировался через Аркадия, и возбуждение горело в темных глазах клона, как тлеющие угольки.

– Это проблема органики, – объяснял он. – Мы стараемся интегрировать сети параллельной обработки данных уровня AI и органическую систему, которая устарела очень давно, еще когда человек впервые поднес перо к бумаге. Поэтому, если мы не можем преодолеть это противоречие, мы должны работать с ним. Мы попробуем один из самых старых приемов – прием Маттео Риччи. Мы построим тебе дворец памяти. – Губы Аркадия сложились в хитрую улыбку. – Или, еще лучше, мы дадим тебе ключи от моего дворца.

Коэну потребовалось двадцать часов, чтобы подобрать ключи. Все это время Ли проспала в отчаянной попытке накопить энергию, необходимую для последнего броска. Было позднее утро третьего дня после ее пробуждения. Она легла на койку, которую Аркадий притащил в лабораторию для нее, закрыла глаза, подключилась и оказалась одна в пустой

белой комнате.

– Тебе придется потратить немного времени, чтобы поискать дверь, – сказал Коэн за ее плечом. – Я сам еще не понял, где она.

Ли подумала, что, по ее ощущениям, он стал меньше. Оглянувшись, она увидела рядом с собой Гиацинта, который был чуть ниже ее ростом. Он стоял рядом с ней в одних носках, закинув ботинки за плечо.

– Дверь, – повторил он настойчиво.

Она повернулась и увидела блестящую, покрытую тонкой резьбой дверь из красного дерева, которая больше походила на окно. Ее порог находился где-то на уровне колена, и даже Ли пришлось нагнуть голову, чтобы не стукнуться о притолоку.

– Вперед, – сказал Коэн.

За дверью был такой яркий свет, что глазам потребовалось какое-то время, чтобы привыкнуть к нему. Она оказалась в пятиугольном дворе. Вокруг шла галерея, украшенная мозаикой.

За стеной она разглядела острые пики пустынных гор.

Она услышала шум падающей воды и почувствовала холодные брызги на лице прежде, чем увидела фонтан. Вода лилась с плоского камня, как из родника, и струилась по длинным наклонным ступеням, которые вели в другой конец большого двора. Ли прошла вдоль ступеней к тенистой галерее, облицованной блестящей мозаикой. Ручей впадал в уз-

кий пруд, вода из которого уходила непонятно куда. Ли перешла пруд и направилась вдоль галереи, стуча каблуками по плиткам. Подойдя к двери, она открыла ее.

Пространство за дверью встретило ее буйством запахов и красок. Это оказался длинный высокий зал, пол которого был выложен мраморной мозаикой, образующей спиральный узор. В вазах, украшенных вздыбившимися львами и веселыми смеющимися драконами, росли цветы. По стенам стояли шкафы, за их дверями из полированного стекла видны были ряды книг, коллекции окаменелостей, фотографии, игральные карты. Пройдя несколько шагов, она периферийным зрением заметила какое-то движение. Она прыжком обернулась и увидела, что один из нарисованных драконов стучал своей чешуйчатой лапой и подмигивал ей. Она покачала головой и фыркнула. Гиацинт рассмеялся.

Одной стороной зал выходил на высокую террасу, и когда Ли выглянула наружу, то увидела каменные крепостные валы замка крестоносцев, которые упирались в горную гряду, протянувшуюся к простору открытой ветру зеленой долины. Она вышла к балюстраде и наклонилась. Камень у нее под рукой был очень горячим, как будто нагрелся под полуденным солнцем. Но когда она взглянула на небо, то оказалось, что было утро – свежее прохладное осеннее утро.

Жар был в самом камне, поняла она. Он был частью жизни, бурлившей в этом месте. Была ли эта жизнь проявлением самого Коэна? Замка? Горы? Целого мира, где бы и каким

бы он ни был? Она высунулась еще дальше, вглядываясь в головокружительную пропасть между основанием крепости и горой и стараясь рассмотреть грань между активным кодом и фоном.

Интуитивно Ли вышла из VR и погрузилась в цифры.

У нее закружилась голова. Мир вращался и колыхался вокруг нее. Цифры наплывали на Ли с такой скоростью, что было невозможно осознать их ничем, кроме ослепляющей, парализующей, вызывающей тошноту боли. Эта система не проектировалась для сопряжения с человеческим интерфейсом и вообще не создавалась прежде, за исключением самых ранних и несовершенных образцов. Она не являлась такой же живой, как человек, о чем постоянно твердили сторонники гражданских прав AI, а была более живой, более сложной, изменчивой и противоречивой. Просто более. Коэн, очевидно, свихнулся, если думал, что она способна существовать и функционировать в этом бурном водовороте.

Ли зашаталась и тяжело ударилась о перила. Ему пришлось подставить руку, чтобы удержать ее от падения. В тот же самый момент ее мозг снова переключился на интерфейс VR, словно кто-то включил предохранитель.

– Давай не будем забегать вперед себя, – сказал Коэн и оттащил ее от края.

Она посмотрела на него, чувствуя себя ребенком, который сунул руку в костер и чудом не обжегся, потому что заботливый родитель подоспел вовремя и вытащил руку из огня.

– Ты в порядке? – спросил он.

Она кивнула и последовала за ним обратно.

Во внутренней стене зала был проем, который казался началом бесконечной анфилады комнат. Коэн стоял у Ли за спиной, одной рукой поддерживая ее. Его рот находился рядом с ее ухом.

– Закрой глаза, – сказал он. Она послушно закрыла глаза.

– Что ты слышишь?

– Воду.

– Хорошо. Это – фонтан. Ты его видишь?

Она обернулась и посмотрела в мерцающую тень галереи.

– Да.

Если ты заблудишься, то просто иди на звук воды и вернешься сюда. Ну, а теперь, сколько ты видишь дверей?

– Я не могу... – Она посмотрела в зал и увидела иллюзию бесконечности. – Сорок... сорок восемь?

– Хорошо. Каждая дверь – это отдельная сеть со своим собственным дворцом памяти. Каждая комната в каждом дворце – это директория. Любой объект в комнате – это отдельный файл. Поняла?

Она кивнула.

– Когда тебе нужен доступ к определенной сети, ты находишь соответствующую дверь. Когда нужен определенный файл, то ты открываешь ящик шкафа, коробку, шкатулку, что угодно, в чем он находится. Очень похоже на стандартный графический пользовательский интерфейс, которым ты

пользовалась при работе в архиве штаба Космической пехоты... хотя я должен все-таки похвалить себя – мои эстетические вкусы ставят меня на пару ступеней выше военных дизайнеров. Но помни, что, открывая любую из этих дверей, ты каждый раз будешь иметь дело с полностью чувствующим AI. И что некоторые из них менее... доступны... чем сети, с которыми ты была знакома. Если ты занервничаешь... по какому-либо поводу, то в любой момент сможешь выйти. В любой момент. Просто возвращайся сюда, закрой за собой дверь, и снова будешь одна.

– Если не считать тебя.

– Ты – в утробе зверя, дорогая. Я – всегда здесь. Я – здесь, – рассмеялся он.

Ли посмотрела вокруг.

– Какую дверь мне открыть?

– Любую, какую пожелаешь.

Мальчик Гиацинт был маленького роста, и ему пришлось смотреть вверх, чтобы заглянуть ей в глаза. На его лице мелькнула едва заметная улыбка.

– Попробуй последнюю.

Она прошла по залу, ведя рукой по прохладному мрамору стен, резному дереву дверных рам. На каждой двери висела табличка с названием сети, номерами Тоффоли, параметрами директории. На табличке последней двери, спрятанной в самом дальнем углу зала, было только одно слово: «Гиацинт». Она положила руку на дверную ручку, и дверь откры-

лась, словно ждала ее.

Большая светлая комната была окрашена лучами утреннего солнца в цвет сливочного масла. На каждой стене рядами, один над другим, висели деревянные ящички, на каждом из которых была ручка в виде набалдашника из полированной меди. По размеру эти ящички были не больше, чем кубик с данными. На ящичках не было ни табличек, ни графических изображений, но, когда Ли прикасалась к ним, образы, указывавшие на их содержание, моментально вспыхивали перед ней.

– Что это за место? – прошептала она.

– Я, – сказал Коэн, ковыряя большим пальцем ноги восточный ковер. – Конечно, это очень краткий ответ. Если подробнее, то я думал, что это хорошее место для начала, поскольку Гиацинт – это та базовая сеть, с которой ты хорошо знакома.

– А ты сам пользуешься этим местом?

– Конечно. Я, так же как и ты, когда захожу в поток, переключаюсь с ВР на цифры. Я обычно не пользуюсь ВР при нехватке времени или работе с большим потоком данных. Но когда у меня достаточно времени и рабочего пространства...

Ли понимала, как работает эта конструкция ВР. В ящичках помещались файлы с данными, базирующиеся на нечувствующей программе доступа. За стенами, там, где она ничего не видела без погружения в код, был «скелет» системы: почувствующие операционные программы и чувствующая

сеть, которой принадлежат эти воспоминания и файлы с данными. Она посмотрела на то, что было дальше за комнатой, и поняла, что комнат было много и все они выходили в огороженный садик. И у всего, что она видела – у каждой стены, каждой галереи, каждого булыжника, – была память.

– Боже, – прошептала она, – как все огромно...

– Фактически бесконечно, – отозвался Коэн из сада, где он подвязывал к колышку упавший от ветра георгин. – Это упакованная база.

Ли смотрела во все глаза, затаив дыхание. Как мог кто-то или даже десять человек вместе иметь столько памяти? Какой же нужно нести на себе груз прошлого?

Она прошлась по комнатам, осматриваясь по сторонам. Она прикасалась руками к деревянным поверхностям, не осмеливаясь ничего открывать. Память была систематизирована по группам, и, двигаясь дальше, Ли начала замечать скрытые связи и делать для себя пометки. В галерее по краю сада целая длинная стена была отдана пестрому собранию книг, фильмов, картин, которые были сжаты в крошечные, эмоционально окрашенные цветные точки. В соседней комнате хранились воспоминания о Земле, большинство из которых было собрано за несколько лет перед Исходом. За этой комнатой находилась другая – белая, тихая и абсолютно пустая. Переходя из комнаты в комнату, она заметила, что большинство воспоминаний в других комнатах принадлежало разным людям. Собственные воспоминания Коэна были

собраны в солнечной тихой галерее в южной части сада. А в самом саду были люди – все люди, которые когда-либо встречались Коэну на его долгом жизненном пути.

– Иди сюда, посмотри, – сказал Коэн. Ли подошла.

– Все это и есть Гиацинт. – Он показал рукой на узкий ряд ящичков прямо за дверью. – Личность, а не сеть. Тебе будет легко пользоваться ими. Вперед, иди, взгляни.

Она открыла ящичек, на который он указал. Он был пуст.

– Что?..

Он улыбнулся.

– Какое из чувств человека ближе всего к памяти?

Ли прищурилась.

– Запах.

– Ну и?

Она наклонилась к ящичку и понюхала. Пахло кедром и старомодным воском для полировки мебели. Запахом этого воска был пропитан каждый кусок дерева в реальном доме Коэна. На миг она представила себе смешную картинку, как одна из его горничных-француженок, идеально одетая, стоит на своих безупречных коленках и скребет полы и плитку в этом нематериальном дворце памяти. Затем среди всех остальных запахов она почувствовала еще один: запах самой памяти.

Комната, в которой она была, исчезла. Ли стояла на крутом каменистом склоне, ее лицо согревало золотистое солнце Земли периода до Исхода. Под ней, словно река, изви-

вался ледник. За ней угрожающе возвышалась почти вертикальная стена из камней и льда. Она повернулась и вытянула шею, чтобы рассмотреть грандиозный гранитный столп над ней. Ее «оракул» подсказал, что это была «Шпора Валкера» на горе Гранд Жорасс – самом живописном горном маршруте Земли. Судя по состоянию ледника, расстилающегося у нее под ногами, по времени это было не позднее начала двадцать первого века. К югу отсюда, за этим колоссом, лежала Италия. К западу под ослепительно голубым небом сверкал Монблан, приглашая подняться даже самого осторожного альпиниста.

– Не хочешь ли помочь? – спросил кто-то за ее спиной.

Ли обернулась и увидела женщину, сидевшую на корточках ниже ее по склону. Она сворачивала яркий трос. Руки ее работали профессионально, без лишних движений. Тренированные мускулы альпинистки сжимались и разжимались под загорелой кожей. «Люсинда, – подумала Ли. – Ее зовут Люсинда».

Люсинда посмотрела на нее снизу вверх, ее глаза прятались за зеркальными очками. Ли почему-то помнила, что глаза у нее были голубые. Ли взгляделась в свое двойное отражение в стеклах очков. Но оттуда на нее смотрело узкое загорелое лицо, напоминающее грейхаунда, которое могло принадлежать только самому Гиацинту Коэну.

– Я тебя люблю, – услышала Ли.

Гиацинт произнес эти слова таким родным знакомым го-

лосом, от которого она задрожала, поскольку ей была знакома эта любовь. Она ощущала ее жар, помнила, как жила ею. Вспомнила не только этот момент, но все в целом. Всю жизнь человека, который умер два века назад.

Люсинда тепло улыбнулась ей, как от шутки, понятной обоим:

– Я понимаю.

– Интересно, – сказал Коэн, когда дворец памяти вновь вернул себе свои очертания. – Я и не ожидал, что ты встретишься с Люсиндой.

– Ты всегда видишь по-разному?

– С течением времени я все больше склоняюсь к тому, чтобы жертвовать способностью к поиску информации ради... других ценностей. То, что всплывает на поверхность, всегда сюрприз. словно то, что я привношу с собой, задает направление. Большинство AI, включая и некоторых моих помощников, находят это смешным и неэффективным. Но тут, – при этом он самодовольно улыбнулся, – нужно заметить, что я – не большинство AI.

Ли оглянулась вокруг. «Как велико все это вокруг? И что или кто прячется в других дворцах памяти?»

– Что тебя беспокоит?

Она задумалась:

– Все это кажется таким... человеческим.

– Ну, во многих отношениях Гиацинт человечен.

– Ты говоришь о нем так, будто он – не ты.

– Он – это не весь я. Но он первостепенен. – То есть он управляет... другими?

Лицо Коэна вырисовалось четко, во всех деталях.

– Управлять – это слишком сильно сказано. Я бы сказал, что он... служит связующим звеном. Я знаю, что ты считаешь меня очень дотошным, но на самом деле я никогда об этом не задумывался. Разве ты размышляешь о том, как ты идешь по улице? Или как работает твой желудок?

– Только о том, что не смогу управлять этим с помощью...

– С помощью того, от чего ты раньше чуть не упала со ступенек?

Ей показалось, что он ждал ее улыбки в ответ на его остроумие по поводу ступенек, но не смогла улыбнуться.

– Тебе нужно с этим мириться? Ей нечего было ответить.

– Если тебя это утешит, у большинства чувствующих в моей совместной сети такая же реакция. Они не видят в системе никакого будущего без моего посредничества. Это вообще не означает, что я управляю ими. У них – свои идеи и мнения. Но они здесь гости. И поскольку это мой дом, то они подчиняются моим правилам. В большинстве случаев.

Ли неуверенно смотрела на него, теряясь между множеством вопросов, бродивших у нее в голове, и невозможностью выбрать хотя бы один, чтобы задать сейчас. Она прошла мимо полок с ящичками, заглядывая в некоторые из них. Коэн шел сзади, не отставая от нее и комментируя. Медленно, даже сама не осознавая, куда она направляется, она

прошла в сад.

Это был странный сад, заросший, сильно пахнувший землей и розами. Ближайшая часть сада была хорошо ухожена, с аккуратными французскими клумбами, засаженными травами и цветами. Все выглядело формально в сравнении с теми джунглями, которые развел у себя в реальном пространстве Коэн. А дальний конец и даже какие-то части дворца полностью захватили буйные кусты шиповника.

Ли внимательно посмотрела на колючие заросли за опрятными клумбами с георгинами. Казалось, в этом углу сада затаился кто-то дикий и недружелюбный и выжидал, когда колючие побеги выбьются наверх и разбегутся по всей ограде.

– Тебе нужно все вырубить, – сказала она. – Иначе они вытеснят остальное.

– Я знаю, это сорные кусты. Да и шипы у них ужасные. Но дело в том, что мне они нравятся.

Ли пожала плечами.

– Это твой сад.

– Так оно и есть, – сказал Коэн и направился в одичавшую часть сада, где уселся на низкой скамейке, почти наполовину увитой колючей мускусной розой.

Ли кружила по саду, заглядывала в ящички и шкафы, расположенные вдоль изгороди. Она нашла воспоминания нескольких человек, которых знала: Нгуен, Колодной, двух-трех AI, с которыми встречалась на заданиях в Космической пехоте. Даже Шарифи. Но здесь не было того, кого она ис-

кала.

– Не можешь найти? – спросил Коэн.

Она посмотрела на него и увидела, что он над ней смеется.

– А кто тебе сказал, что я что-то ищу?

– Возьми розу, – ответил он.

Коэн сорвал бутон мускусной розы, которая росла у него за спиной, и протянул ей. Ли взяла цветок, но укололась, коснувшись стебля.

– О Боже!

Она увидела, как кровь начала сочиться из нескольких маленьких ранок на пальцах.

– Это настоящая роза, – сказал Коэн. – Он наклонился и снова протянул ей эту розу, осторожно держа ее в руке: – У настоящих роз есть шипы. Именно поэтому их аромат так сладок.

Ли поднесла цветок к носу и понюхала его. И сразу же поняла, что роза была воспоминанием. Воспоминанием о ней самой...

Это она шесть лет назад. Моложе, стройнее, но это – она. И это была не та Ли, какой она знала себя, а та, которую помнил Коэн. Молодая женщина-офицер, с которой он встретился во время первого напряженного совместного задания. Она была сильной, энергичной и негибаемой, похожей на темную бурю. Вряд ли такая персона могла бы понравиться самой Ли. И вряд ли – она внезапно поняла это сейчас – она могла понравиться Коэну.

– Я что, действительно была такой ужасной? – спросила она.

– Просто немного колючей.

– Очень смешно.

– И вовсе нет. Как я вспоминаю, мое эго вовсе не страдало от твоих укулов. Забыла выступление на тему, что кому-то не хватало терпения работать с дилетантами? – ухмыльнулся он.

– Не напоминай мне, пожалуйста.

– Моя дорогая, было просто забавно наблюдать, как двадцатипятилетняя девушка, не закончившая даже среднюю школу, поглядывала на меня свысока.

– Наверное, я была не первой.

– Нет, до тебя чаще всего так проявляли нетерпимость. Ты же испытывала ко мне личную неприязнь. Это вызывало во мне уважение.

Что-то в его улыбке заставило ее опустить глаза и отвернуться. Она провела пальцем по белому бархату лепестка, потом наклонила голову и снова поднесла цветок к носу.

Еще одно воспоминание. Опять о ней. Она стоит у двери офицерского общежития на Альбе с хитрой ухмылкой на лице. Это происходило вечером накануне первой и единственной ночи, которую они провели вместе. Она помнила, как стояла там. Помнила, как смотрела в золотые глаза Роланда, который сидел в другом конце комнаты; как старалась сохранять невозмутимость; как удивлялась тому, что Коэн мог

вообще найти в ней; как была почти уверена, что это просто розыгрыш с его стороны.

Но сейчас ее память была памятью Коэна. Ли чувствовала, как дрожат колени Роланда, как учащенно он дышит. И она ощущала что-то еще за внешней оболочкой органического интерфейса, что-то более чистое, тонкое и истинное. Как будто налаживался бесконечно сложный механизм. Винты завинчивались, тумблеры щелкали и поворачивались, заводя этот механизм, заставляя ее вспоминать прошлое, желать его, представлять его существующим в реальности. При этом она знала с точной уверенностью, от которой кружилась голова и мутилось сознание, что стоит только ей коснуться его, и все будет по-другому.

«Боже, – думала она. – Что я наделала? Почему он не говорил мне о своих чувствах?»

Но ведь она знала, что он чувствует, не так ли? Почему же она могла позволить себе быть невыносимо, непростительно жестокой к нему?

Она резко вернулась к действительности. Коэн сидел на скамейке и смотрел на нее, затаив дыхание, словно ребенок, который верил, что увиденное во сне станет явью, если этого очень сильно захотеть. Она помнила этот его взгляд еще с той ночи. И, Господи прости, все-таки ей захотелось заехать ему по щеке.

Он прищурился, и ее охватил стыд, когда она догадалась, что он уловил обрывок ее мысли.

– В тебе все так запутано, – сказал он.

– Тебе потребовалось шесть лет и целое состояние, потраченное на невропродукт, чтобы понять это?

– Нет, мне хватило пяти минут, – улыбнулся он. – Просто до сих пор невежливо было говорить об этом.

В глубине своего сознания она ощущала биение, словно кто-то постукивал мягкими пальцами. Она поняла, что уже какое-то время ощущает эти пальцы. В течение всего времени, пока она разгуливала по залитому солнцем саду дворца памяти Гиацинта, какой-то воришка на мягких кошачьих лапках проник в темные закоулки ее подсознания и заглядывал в ее воспоминания, оценивал ее ответы, измерял глубину ее чувств. Она подумала, что, скорее всего, этот воришка – мальчик в гетрах и футбольных трусах.

– Перестань залезать мне в голову, – сказала она ему. – Терпеть не могу, когда ты суешься в мои дела.

– Я суюсь в твои дела? А как ты думаешь, чем ты занимаешься здесь сама?

– Это совсем другое дело. Мне нужно быть здесь. В этом нет ничего личного.

– Разве? – Он посмотрел на нее из-под длинных ресниц Гиацинта и прикусил губу. – Здесь столько личного, сколько есть, Кэтрин. И это не односторонняя связь. Связь не устанавливается, если ты не хочешь.

– Думаю, она не установится, – сказала она.

Ли повернулась, собираясь уйти, и обнаружила, что заце-

пилась за один из длинных побегов шиповника.

– Черт возьми! – выругалась она, пытаясь оторвать от себя колючее растение.

Но острые шипы только глубже вонзались в ее руку через тонкий рукав ее рубашки.

И тут она почувствовала запах Гилеада.

Что говорил Коэн о том, что во дворце памяти можно найти только то, что ты принес туда? Это воспоминание, безусловно, она принесла сама. Оно с копии ее собственного файла КПОН.

Это был Гилеад. Четкий и реальный, словно происходил вновь. Грязь, мерзость, выворачивающий нутро и убивающий душу страх. Лица погибших друзей, по которым она давно перестала скорбеть. Вокруг были тела солдат, да и не только солдат. Бог пощадил ее, до этого момента она не помнила, как убивала.

А этот Гилеад возник не из отредактированной спин-записи ее файлов, а из страхов, ночных кошмаров и скачковых снов. Это был подлинный Гилеад: оригинальная запись в масштабе реального времени, сделанная много лет назад. Коэну удалось получить доступ к файлу, на просмотр которого у самой Ли не было допуска. Этот файл должен был храниться в защищенных архивах штаба КПОН. Он отличался от официальной памяти. Отличался тем, о чем она даже и думать не хотела.

Когда Ли увидела вблизи окровавленное молодое лицо

Корчова, когда услышала, как произнесла слова, о которых он напомнил ей в полумраке своей антикварной лавки, она не выдержала и побежала.

ШЭНТИТАУН: 5.11.48

– А тебе не приходило в голову, что это может не получиться? – спросил Коэн у Корчова, когда вспотевшая от ужаса Ли рухнула в кресло, не глядя на него.

– Попробуйте снова.

– Господи, посмотри на нее, Корчов. С нее уже достаточно.

– Еще раз.

– Перегнешь палку – она сломается.

– Она достаточно крепкая.

– А ведь ты, оказывается, дурак, правда?

Корчов промолчал. Ли услышала, как зашуршала одежда и заскрипело кресло Коэна, когда он вставал.

– Пойду прогуляюсь, – сказал он и вышел.

– Почему, по-твоему, он защищает тебя? – спросил Корчов.

– Из чувства вины, – ответила Ли, не поднимая головы. – Или ему просто кажется. Откуда, черт возьми, мне знать?

– И ты думаешь, что у машины может быть чувство вины? – спросил Корчов. – По-моему, такого быть не может.

Ли ничего не сказала.

– Я начинаю подозревать, что вы оба что-то затеваете против меня, – тихо сказал Корчов. – И когда я задаю себе вопрос, почему так, то выявляется очень много причин.

– Я ничего против тебя не затеваю, и ты прекрасно знаешь об этом.

– Тогда почему же ты не можешь выполнить эту сравнительно простую задачу?

– Я не знаю, – прошептала Ли, все еще поддерживая голову руками. – Может быть, ее невозможно выполнить.

– Шарифи сумела.

– Я не Шарифи.

Корчов просмотрел экран на пульте перед собой. Ли уже подумала, что разговор между ними закончен, когда он заговорил снова:

– Сегодня утром я разговаривал с Картрайтом. ООН послала солдат в качестве штрейкбрехеров. Мы опаздываем.

Ли недоуменно посмотрела на него.

– Надеюсь, ты понимаешь, что будет означать наша неудача, и прежде всего для тебя?

– Я больше ничего не понимаю, – сказала она, выталкивая себя из кресла. Последнее, что она увидела, когда выходила, был пристальный взгляд Корчова.

Ли подошла к выходу на улицу, открыла дверь и выглянула в проход между домами. Опять шел сильный дождь, и дребезжала плохо уложенная на крышах черепица.

После Альбы Корчов фактически не запирали ее, но между ними был негласный договор, что никто не будет рисковать своей безопасностью. И к тому же куда здесь идти? Определенно некуда, особенно под ядовитым химическим дождем. Она закрыла дверь и пошла назад по коридору к геодезическому куполу. Там было единственное место в убежище, где она не чувствовала себя связанной по рукам и ногам. Сегодня купол напоминал аквариум. Дождь барабанил по панелям, заполненным конденсированной влагой. Свет вечерних сумерек, фильтруясь через мокрый вируфлекс, приобретал мягкий бархатный оттенок подводной глубины. Ли потеряла глаза, потянулась и вздохнула.

– Взойди, любовь всей моей жизни, на сцену слева, – произнес голос откуда-то сверху.

Она подняла голову и увидела длинные ноги Рамиреса, свисавшие с узкой площадки наверху купола.

– Залезай, посиди со мной, – сказал Коэн.

Оказалось, что к боковым панелям купола была привинчена лестница. Она начиналась вертикально, затем переходила в винтовую лестницу и заканчивалась метрах в десяти над головой Коэна.

На лестнице когда-то имелись поручни, но их давным-давно отломали и растащили жители Шэнтитауна. Ей даже и думать не хотелось о том, как Коэн забрался туда. Возможно, он имел только теоретические представления о том, что случается с людьми, когда они падают с такой вы-

соты.

– Я не знаю, смогу ли забраться туда, – прокричала она.

– Конечно сможешь. Небольшая физическая нагрузка только поднимет настроение.

Она фыркнула.

– Ты прямо как Корчов.

– Боже сохрани!

И все же, конечно, он был прав. После подъема Ли почувствовала себя лучше. Она просунула ноги между прутьями перил и уселась рядом с ним, ощущая себя девчонкой в шалаше на дереве.

– Как ты думаешь, долго они будут искать нас, если мы просто останемся сидеть здесь? – спросила она.

– Если ты согласна, давай проверим, – сказал Коэн и вынул обернутую в целлофан пачку импортных сигарет. – Хочешь закурить?

– Я думала, Лео не курит.

– А он и не курит. Но это не значит, что я не могу посидеть рядом с тобой, пока ты куришь.

– Ты хочешь, чтобы я выдыхала тебе дым в лицо?

– Не дразни.

Она выпустила колечко в его сторону.

– Спасибо, что не сказал Корчову о...

– О, я просто подумал, что тебе это вряд ли понравилось бы.

– Он думает, что мы что-то затеваем против него.

Коэн слегка втянул в себя воздух и посмотрел на нее.

– Он тебе об этом сказал?

– После того, как ты ушел.

Он хотел что-то сказать, но остановился. Ли увидела, как замкнулось его лицо, пытаясь спрятать мысли, которыми он не хотел с ней поделиться.

– Ты думал, что интрафейс сразу заработает? – спросила она, гадая про себя, что он ответит. – На самом деле что, по-твоему, должно было произойти?

– Я предполагал, что это будет похоже на совместную работу с другим AI. Сначала устанавливаются протоколы обмена информацией, открываются файлы, и каждый отдельно справляется со своей настройкой. Правду говоря, я не продумал всего до конца.

Она посмотрела на него и увидела лишь красивый профиль Рамиреса с блестящей прядью волос над бровью.

– Не продумывать все заранее – это не похоже на тебя, – сказала она.

– Но так оно и произошло. Ты удивишься, каким глупым я становлюсь иногда, когда нужно решать важные вопросы.

Он облокотился на перила, положил голову на согнутые руки и посмотрел на нее.

– Когда ты проводишь восемь миллиардов операций в пикосекунду, удивительно, насколько быстро, как снежный ком, растут последствия неправильной оценки. Не говоря уже об идиотизме.

– О чем ты думаешь?

– В каком смысле?

– Прекрати, Коэн. У меня сейчас нет энергии на твои игры.

– Я не играю с тобой. И никогда этого не делал. Ли повернулась и обнаружила, что он смотрел на нее внимательными и неподвижными глазами Рамиреса. Почему она никогда не замечала необыкновенной белизны белков его глаз, не видела четкой и тонкой границы светлого и темного, между белками и радужными оболочками?

Вокруг стояла тишина, слышно было только шипение воздуха, проходившего через фильтры древней системы жизнеобеспечения, и едва уловимое потрескивание пепла, сгорающего на кончике сигареты Ли.

Она болтала ногами и задела ногу Рамиреса.

– Извини, – сказала она.

– Ничего, – ответил Коэн. Она немного отодвинула ногу.

– Я думал об Альбе, – сказал он чуть погодя. – Ты потеряла сознание до того, как мы затащили тебя внутрь. Ну, до того, как я затащил тебя внутрь. Я был в таком ужасе, что мы могли опоздать. Я отодвинул Аркадия и делал все сам. Бедный ребенок. Он очень заботливый. Но ситуация какое-то время оставалась очень сложной. Действительно сложной. Нам всем досталось, я думаю.

Он зажег сигарету и поднес ее ко рту, но сразу же скорчил гримасу и выбросил ее за перила.

– Такие моменты заставляют тебя сожалеть, – сказал он. – Заставляют думать о зря потраченном времени.

– Нельзя позволять себе так думать, – ответила ему Ли. – Так можно свести себя с ума.

– О, могу сказать тебе, я задумывался над этим уже много лет назад.

– Что ты имеешь в виду? – спросила Ли, когда до нее дошли странные слова Коэна об Альбе. – Что ты имел в виду, когда говорил о том, что вы опоздали? Ты не можешь... у тебя ведь есть дублеры, не так ли?

– В теории.

– Но я думала...

– Конечно, у меня есть дублеры. До сих пор только у четырех чувствующих фактически наблюдался отказ их жизненно важных систем. И у них не было никаких дублеров.

– Почему ты не сказал мне об этом раньше? – Ли поежилась, ощутив осуждающую нотку в своем голосе. – Почему я об этом не знала? Я никогда не слышала, чтобы хоть один AI умер.

– Это не смерть в точном смысле слова. Они просто... перестают быть сами собой. В них больше нет этого... Не знаю, можешь ли ты понять?

– Если бы я об этом знала, то никогда не попросила бы тебя о помощи.

– Значит, и хорошо, что ты этого не знала, так?

– Ничего хорошего в этом нет, Коэн.

Он нетерпеливо пошевелился.

– Не теряй времени, посыпая себе голову пеплом, поскольку я всегда делаю только то, что хочу. И от тебя это не зависит.

Он оставил пачку сигарет на решетке между ними, и Ли достала еще сигарету, зажгла ее и нервно затянулась.

– А что с шахтой? – спросила она, заранее зная, каким будет ответ. – А что случится, когда ты окажешься с нами в сияющей воронке?

– То же самое. Я загружу самое важное, а все остальное мы сможем оставить «офф-лайн». Этим занимается Рамирес.

– Пресвятая Дева, – сказала Ли. – Я знаю, что ты сказал Корчову, но... ты ведь не собираешься и в самом деле сгружать все на какую-то доморощенную систему во Фритауне, правда?

– Именно это я и собираюсь сделать.

– А для чего, скажи мне на милость? Как ты можешь им доверять? Как ты сможешь убедиться, что они не... Она не смогла закончить фразу.

– Я не знаю, – ответил он, продолжая смотреть на нее. – Но я – единственный, кто может дать им то, что они ищут. И до тех пор, пока будет сохраняться эта ситуация, я не вижу никаких препятствий не доверять им. И кроме того... – он улыбнулся, – мне нравятся их планы. Они амбициозны и идеалистичны.

– Они – сумасшедшие!

– Это совсем не очевидно, – сказал Коэн.

Его голос звучал так спокойно, словно он говорил не о людях, от которых через несколько дней будет зависеть его жизнь.

– Бесспорен тот факт, что управление полевым AI захвачено. И Картрайт уверил меня, что если он даже не владеет полным контролем, то, по крайней мере, может оказывать серьезное влияние на того, кто сделал это.

– Коэн, а что, если контроль полевым AI у Консорциума? Насколько я поняла из того, что ты говорил мне, они ничего тебе не уступят.

– Это не они, – сказал Коэн мечтательно и удивленно. – Я почувствовал это тогда, когда Картрайт показывал мне то, что он сделал. Это... я не понимаю, что это такое. Но я хочу понять. – Он стряхнул с себя наваждение. – А кроме того, группа Лео делает успехи. Они заканчивают создание своей сети. И работу внутри моей системы также. Я никогда не видел, чтобы в одной системе создавалось столько оболочек.

– Дело не в том, сколько они создают оболочек...

– Да, это так. Суть в том, что я пытался сказать тебе перед твоим небольшим душевным кризисом. Когда ты находилась там и я не был уверен, что мы доберемся до тебя вовремя, я понял, что через несколько дней могу проснуться и не помнить ни о чем, что случилось, кроме того, что мы вместе отправились на Альбу... а ты больше не вернулась. И вот что я скажу тебе, Кэтрин, хотя, видит Бог, сейчас мне

лучше и не говорить тебе об этом. Даже сама мысль о том, в чем я хочу признаться тебе, рождает во мне желание не просыпаться. Ли ничего не ответила.

– Я не отступлю до тех пор, пока ты не пожелаешь, – продолжал он. – Я не смог бы, даже если захотел бы. Но я также не в состоянии стоять на пороге и ждать, когда ты примешь решение. По крайней мере, не до бесконечности. Я понимаю, что это не те слова, которых ты ждешь от меня, но это – правда. Ты разбиваешь мне сердце. Или назови это как хочешь.

Он отвернулся, а когда заговорил снова, то выглядел почти смущенно.

– И я думаю, что ты отказываешься от того, от чего не следует.

Ли почувствовала, как похолодело ее лицо. Руки и ноги стали неметь, как будто ее тело осталось без крови. Дождь усилился, на краях геодезических панелей собирались лужи, вода скатывалась с купола, как слезы с лица. Она следила за тем, как падала вода, и искала слова для ответа.

– Я не желаю смотреть, как ты губишь себя, – наконец сказала она.

– Я мог бы сказать тебе то же самое.

Ли положила голову на руки и посмотрела вниз, стараясь угадать высоту. Она чувствовала себя не в своей тарелке, словно ее разум и эмоции на полшага отставали от реальности.

– Ты просишь меня о чем-то, что я не могу дать тебе.

– Я ни на минуту не поверю в это.

Она обернулась и пристально посмотрела на него.

– Ты считаешь, что я обманываю тебя?

– Если бы я так думал, то меня бы здесь не было. Нет, я думаю, что ты любишь меня. Фактически я уверен в этом.

– Ты высокого мнения о себе.

– Нет. Я просто знаю тебя.

Она фыркнула.

– Потому что ты половину своего времени тратишь на то, чтобы шпионить за мной.

Губы Рамиреса растянулись в ироническую улыбку Коэна.

– Ты абсолютно точно знаешь, что я бы не поступил так, если бы ты на самом деле возражала. А если бы ты не любила меня, хотя бы немного, то ты бы, без сомнения, возражала.

Q. E. D.¹¹

– Q. E... что?

– Это латынь. Неуч ты незрелая.

– А... – Она положила себе в губы сигарету. – Римляне писали по-латыни на крышках канализационных люков. От этого их дерьмо не стало пахнуть лучше.

– Ты лучше бросишься в пропасть, чем позволишь мне переспорить тебя, не так ли? – сказал Коэн и рассмеялся.

Они оба рассмеялись. А Ли почувствовала в нем такое же желание, какое ощущала в себе: выйти с этого минного поля в безопасное пространство дружбы без взаимных вопросов,

¹¹ Q. E. D. – quod erat demonstrandum (*лат.*) – что и требовалось доказать.

где они давно уже научились умело играть. Мгновение она думала, что именно это они и собираются сделать. Пока Коэн не заговорил:

– Ты спрашивала, зачем мне нужен интрафейс. По двум причинам. Первая: он нужен ALEF...

– Ты говорил мне, что он им не нужен!

Он прищурился.

– Ты понимаешь, существует такая вещь, как наивное непонимание. Конечно, ALEF нужен интрафейс. По той причине, о которой ты догадалась бы уже давно, если бы не была так занята тем, что разбиралась в моих мотивах. Будь уверена, Хелен догадалась.

Ли посмотрела на него вопросительно.

– Контуры обратной связи. Если связать мыслительный процесс человека и AI, то при активизации контура обратной связи человек погибнет. Таким образом, интрафейс аннулирует предписанный законом контур обратной связи. Мы не были уверены в этом, пока к нам не попала психологическая программа оценки и управления высшей нервной деятельностью. Теперь мы уверены в этом. – В глазах Рамиреса вспыхнул темный огонь. – Теперь никто, даже Генеральная Ассамблея, не сможет меня выключить.

– Боже милостивый, – прошептала Ли. – Дать волю AI. Даже ALEF не осмеливался публично выступить за это. Неудивительно, что Нгуен старалась сделать так, чтобы информация о работах над интрафейсом была вне сети ООН.

Коэн смотрел на нее, раздумывая.

– Мы собираемся послать схему интрафейса на «Фри-Нет», – наконец произнес он.

Ли ошеломленно смотрела на него, от неожиданности и изумления потеряв дар речи.

– Ты понимаешь, какой хаос наступит в результате этого? – сказала она, когда к ней вернулась способность говорить.

– Хаос, – с чувством ответил Коэн. – Боже мой, хаос для демократии, затыкающей рты деньгами? Хаос в том, чтобы дать небольшому цивилизованному меньшинству право жить, не беспокоясь о том, что кто-то из людей в панике может в любой момент выключить системы, питающие нашу жизнь? Если это – причина хаоса, то мы здесь при чем? А даже если и при чем... Впервые за столетие я не чувствую пистолета, приставленного к моему виску. Это – свобода, Кэтрин. Разве можно отказаться от этого? Что бы ты сделала на моем месте?

«Я не могла бы оказаться на твоем месте, – подумала Ли. – Туда нельзя попасть, просто выполняя приказы и не задавая вопросов. Как так получилось, что даже у Коэна оказалось больше смелости, чем у меня?»

– А вторая причина? – спросила она.

Сначала ей показалось, что он не собирается отвечать. Затем она почувствовала прикосновение, словно он протянул руку и провел пальцами по ее коже. Но то, чего он коснулся,

не было кожей. Это было ее сознание. Она сама.

– Ты понимаешь, что это такое, – прошептал он. Его шепот эхом отозвался в ее голове, словно это была ее собственная мысль и ее собственные слова. Она поежилась.

– Что ты хочешь от меня, Коэн?

– Все. Абсолютно.

– Коэн...

– Ты ведь знаешь, почему на самом деле интрафейс не работает? Это не зависит от твоих генов, или внутренних устройств, или от действий Корчова. Это только потому, что ты не хочешь, чтобы он работал.

– Это смешно.

– Неужели? Что произошло днем? Ты брыкалась, как испуганная лошадь. Не хочешь ли сказать мне почему?

– Ты знаешь почему, – прошептала она.

– Конечно, я знаю. Я знаю вещи, которых ты даже не помнишь. Вещи, которые ты боишься помнить. Когда ты наконец поймешь, что я единственный, от кого не надо прятаться?

Но на этот вопрос она не ответила.

– Послушай, – устало сказал Коэн. – Я тебя ни в чем не осуждаю. О каких претензиях может идти речь, если мое участие во всем этом крошечное. И у меня есть изумительная способность выдумывать объективные причины для всего, что мне просто хочется сделать. Но на этот раз я превзошел самого себя. Я помогал тебе, я помогал ALEF. Я помо-

гал всем, кроме себя. Это так логично и абсолютно лишено корысти. И к чему привела вся эта помощь? Корчов шантажировал тебя, чтобы дать мне шанс забраться тебе в душу и вытащить оттуда все твои глубокие тайны.

Ли начала говорить, но он перебил ее:

– Манипулировал ли я тобой? Может быть. И, конечно, мне хотелось загнать тебя в угол. Или не вмешиваться, пока Корчов делал это. Но когда ты обвиняешь меня в том, что я играл с тобою... ты знаешь, что это не так. У тебя были ключи ко всем дверям. И для того, чтобы открыть их, не нужно было никакого интрафейса. Если бы ты хотела, то открыла бы их давно. Все принадлежало тебе. Абсолютно все. И принадлежит до сих пор.

Ли отвернулась и посмотрела в серое небо. Последние лучи солнца тонули за горизонтом, затянутым облаками. Она протянула руку, глядя в сторону, и Коэн взял ее. Она сильно сжимала его руку, пока не почувствовала напряжение в суставах. Он рассмеялся.

– Скажи что-нибудь. Не то я начну умолять тебя, и нам обоим станет неловко. – Она повернулась к нему.

– О Боже, Кэтрин, не плачь. Я не вынесу твоих слез.

Но было слишком поздно.

– Ты знаешь, как я заплатила за это? – Она показала на свое лицо. – За генетическую операцию?

Он отрицательно покачал головой.

– Деньгами, полученными по страховке за смерть моего

отца.

– Ах, этот сон.

– Да. Сон. Он спустился в шахту вместе с Картрайтом и покончил с собой. Они подстроили так, чтобы все выглядело, будто он умер от пневмокониоза. И все ради того, чтобы я смогла заплатить подпольному генетику. Ты знал об этом? Удалось ли тебе вынюхать этот мой маленький секрет?

– Нет, – сказал он тихо.

– Ну, так видишь, этот сон был правдой. Я убила его. То, что я сделала, было равносильно выстрелу из пистолета ему в голову.

– Он все равно был смертельно болен. Я видел медицинское свидетельство.

– Он не был при смерти. Он мог прожить еще несколько лет, но убил себя, чтобы у меня были деньги. Я взяла их и ушла, даже не оглянувшись. И ты знаешь, что в этом самое плохое? Я даже не спустилась с ним туда. Моя мать пошла с ними. А я – нет. Я забыла все о своем детстве. Ты можешь подумать, что я забыла и это.

– Ты была так молода. Детям не всегда хватает сил. Да и кому их хватает?

– Не в этом дело.

– А в чем же?

– А в том, что я больше не переживаю об этом. Не чувствую своей вины. Не грущу. Не чувствую ничего. Я так плохо помню все это, что у меня нет никаких чувств. Я забыла

свой дом, семью, все, что делает человека настоящей личностью. И мне нечем заменить потерянное. Разве что воспоминаниями о пятнадцати годах, в течение которых я лгала и скрывала правду.

– У тебя есть я.

Она закрыла глаза.

– Я не могу дать тебе того, что ты хочешь, Коэн. Я давно потеряла это.

– А я ведь и не влюбился в того ребенка, которого ты так боишься вспоминать, – сказал Коэн после длинной паузы. – Я полюбил тебя.

– Этого человека больше нет, – сказала Ли и вырвала руку.

Наступила ночь. В открытом пространстве под куполом стало темно. Свет шел откуда-то сверху, и его отблески напоминали падающие звезды. Ли не сразу догадалась, что источник света находился рядом с ней. Коэн достал зажигалку, зажег ее и рассеянно водил по голубому пламени пальцами Рамиреса.

– Я прекращу это, – сказал он. – Я скажу Корчову, что ты не сможешь это сделать. Я придумаю, как заставить его поверить в это.

Ли горько рассмеялась.

– Ты думаешь, это все равно что играть в бридж? Ты сделаешь это, и он убьет меня.

– Нет. Нет. Я позабочусь об этом.

– Есть некоторые вещи, Коэн, которые ты не в силах ре-

шить.

– И что тогда? – спросил он.

Его слова заглушил хлынувший опять дождь.

– Мы пойдем вперед. Мы заставим интерфейс работать и доведем все до конца. А когда все завершится по-настоящему, мы сделаем все, чтобы выйти из этого живыми. Ты готов?

– А ты?

– Я буду стараться.

– Тогда вперед.

Большая капля дождя протекла сквозь нарушенную изоляцию панели и звонко упала рядом с Ли. Она наклонилась, затушила сигарету в воде и растерла ее в темную грязную массу.

– Кэтрин? – Коэн тронул ее за плечо, словно желая привлечь ее внимание к себе.

Ли оглянулась. Он был рядом, совсем близко, и сидел так тихо, что трудно было поверить, что у Рамиреса билось сердце.

Он коснулся ее щеки, и она почувствовала, как его пальцы вытерли катившиеся слезы. Он обнял ее шею рукой, прижав ее голову к своему плечу.

Ли обмякла в его руках, тесно прижавшись к нему всем телом. Ее дыхание успокоилось. Она почувствовала себя окруженной уютным безопасным теплом и поняла, что устала все время скрывать что-то. Устала бороться. Просто устала.

Постепенно, настолько медленно, что она сначала и не заметила, уютное тепло сменилось другим ощущением. И она начала различать особый запах Коэна (или запах Рамиреса?) и одновременно воспринимать себя через ощущения Коэна. Прикосновение его пальцев к шее Ли изменилось и стало настойчивее. В ее сознании появился образ: она поднимает голову, приоткрывает рот и тянется к нему. Это родилось в голове у нее или у него? Чувствовала ли она свое желание или его? Была ли в этом какая-либо разница?

– Коэн, – позвала она.

Голос ее звучал так неясно и глухо, что ей показалось, что это произнес кто-то посторонний.

Он приподнял ее лицо, стер последнюю слезу, провел мягкой подушечкой пальца по верхней губе и заглянул ей в глаза. Взгляд его был мягок и незащищен. В нем был вопрос, требовавший ответа.

Одеяло, закрывавшее вход в воздушный шлюз, откинулось, и кто-то быстрыми шагами вошел в комнату. Коэн отстранился. У Ли в ушах шумело от пульсирующей крови. Внизу стояла Белла и смотрела на них. Ли заметила, что ее взгляд метался от нее к Коэну и обратно.

– Вас зовет Корчов, – сказала Белла. – Он хочет попробовать еще раз.

ШЭНТИТАУН: 7.11.48

Ли знала, куда направлялась, когда выходила из убежища этим вечером, хотя и не хотела себе признаться. Ее смущало осознание того, как мало изменила ее жизнь. Она все так же пряталась и лгала самой себе, все еще продолжала игры, в которые играла на этих улицах, будучи десятилетней девочкой со сбитыми коленками.

«Не забегай вперед черной кошки или белой собаки. Наступи на шерсти клок, отобьешь мамаше бок. Брось щепотку соли за спину, и не загудит гудок на шахте». И конечно, главное правило, железное: «Не признавайся в том, что хочешь, даже самой себе или никогда этого не получишь».

Ли не могла поверить, что нашла дом. То, что ноги сами несли ее туда, словно весь маршрут: улица, поворот, кривой переулок между домами был вшит в ее тело более прочно, нежели память, выводило ее из себя. Она шла туда так естественно, и дорога казалась такой знакомой, что даже темнота не смущала. Она не была уверена, что нашла бы путь при дневном свете. Почему-то у нее было такое чувство, что она ходила по этой улице только после наступления темноты. Сколько раз ей приходилось почти бежать мимо этих дверей, глядя под ноги, потому что казалось, что стоит взглянуть вперед – и увидишь что-то страшное, от чего сердце остановится и не даст ей добежать до домашнего тепла и ужина? И сколько раз ей приходилось ходить здесь, когда она начала уже работать под землей и была достаточно взрослой, чтобы не бояться темноты? Или не признаваться самой себе в сво-

ем страхе.

Переулок сделал последний поворот, и Ли оказалась в узком дворе прачечной. Если бы она остановилась и оглянулась, то, возможно, потеряла бы ту нить памяти, по которой следовала. Но она не оглянулась. Она наклонила голову, прошла через двор и безошибочно, как почтовый голубь, свернула в третий подъезд. На стене был выключатель, но гораздо ниже, чем она помнила. Она нажала на него. Свет не зажегся.

Ли поднялась по лестнице в темноте, узнавая знакомый скрип ступеней под ногами, и остановилась на третьем этаже, прямо под откосом крыши. Последняя часть пролета заканчивалась у чердачной двери. Дверная панель из вируффлекса пропускала немного света на площадку. Этого света было достаточно, чтобы Ли могла разглядеть ящик с пустыми бутылками из-под молока и пива, всегда стоявший у дверей квартиры. А у дальней стены стоял прислоненный к ней велосипед. Ли могла поклясться, что помнила, как каталась на нем.

«Где ты?» – спросил Коэн, неожиданно резко появившийся у нее в голове.

Она скривилась в гримасе. Ей вовсе не хотелось, чтобы Коэн знал об этом.

«Не твое дело», – ответила она.

«Корчов ищет тебя».

«Я – занята».

«А что ты делаешь? »

«Если бы я хотела, чтоб ты знал, то уже сказала бы. А сейчас оставь меня в покое. И на этот раз я вовсе не шучу».

Наступила подозрительно долгая пауза. Затем он сказал: «Хорошо. Только не натвори глупостей».

Сверху слышались чьи-то тяжелые шаги, и Ли повернулась к чердачной двери. Дверь открылась, впуслав внутрь волну влажного плотного воздуха. Мужчина в уличной одежде и домашних тапках прошлепал мимо Ли вниз по лестнице, подозрительно косясь на нее. Под мышкой он держал зарезанного каплуна, и его рукав слегка запачкался кровью: то ли он порезался сам, то ли эта была кровь птицы. Ли подождала, пока дверь ниже этажом не закрылась. Затем она повернулась, постояла минуту и постучала в дверь.

Замок открылся, и с обратной стороны двери брякнула цепочка. На площадку проникла полоса света шириной в палец. Худое ирландское личико смотрело в щель.

Сердце Ли застучало сильнее от удовлетворения и разочарования. Это была не она. Слишком молодая.

– Я ищу Мирс Перкинс, – сказала она.

Девочка отпрянула, и Ли увидела ребенка, схватившегося за девочку.

– А что вы продаете? Хотя какая разница, нам ничего не нужно.

– А я ничего и не продаю.

Девочка открыла дверь еще на несколько сантиметров.

– Ой, – воскликнула она, и ее голос прозвучал резко. – Полиция!

– Она здесь?

– Нет.

– А где она?

Девочка замешкалась. Ли видела, как она взвешивает шансы заработать личные неприятности против уверенности, что Ли все равно найдет Мирс, даже без посторонней помощи.

– Попробуйте в «Молли».

Ли нервно рассмеялась. «Молли Магвайр». Конечно. Где еще находится половине католико-ирландского населения Шэнтитауна перед полуночной мессой в дождливый субботний вечер?

Ее ноги нашли дорогу к бару «У Молли» почти так же быстро, как и дорогу домой. Через пять минут она уже зашла в ржавый ангар и стала пробиваться сквозь веселящуюся толпу, которая, казалось, всегда бурлила у порога «Молли».

Свободных столиков не было. Даже за стойкой бара оставалось всего несколько незанятых мест. Ли подошла к стойке и села.

– Тройное, – сказала она бармену.

Он слегка удивился, но это было любопытством при виде незнакомого лица: половина завсегдатаев «Молли» были, по крайней мере, наполовину конструкциями, и даже те, кто

считался самыми ирландскими из ирландцев, несли признаки браков с конструкциями периода Исхода. Тройной стаут был очень хорош: густой, бурый и настолько сытный, что мог бы сойти и за ужин. Что бы ни происходило в баре или в темных переулках за ним, пиво здесь оставалось отличным.

Ли с удовольствием выпила свой стакан и оглядела длинное и узкое пространство под изогнутым потолком. Здесь ничего не изменилось, кроме нее. Все те же шахтеры с крепкими мышцами и твердыми лицами, порой посещавшие ее в снах. Над стойкой бара висели фотографии местных знаменитостей и пылились кубки и почетные ленты с футбольных чемпионатов последних двадцати лет. На стенах висели все те же дешевые голограммы, словно окна, выходившие на каменные изгороди и зеленые поля Ирландии. Ли прислушивалась к звукам вокруг себя, к речи с вялыми гласными, к вечерним субботним спорам, которые своей скукой доводили ее когда-то до слез. Женщины заставляли своих мужей танцевать. А мужей было не оторвать от разговоров о политике и футболе. Обычная и неизменная ситуация для кельтских говорунов, говоривших нарочито громко и отчетливо, словно то, о чем они говорили, они брали из книг. Одиночки в баре старались заглушить несправедливости жизни отчаянным пьянством. Но в «Молли» было мало одиночек. Каждый оказывался чьим-то двоюродным братом, и каждая – чьей-то двоюродной сестрой. Даже у самого отъявленного пьяницы было двое, трое, а то и пятеро дружков, готовых вступиться

за него в драке или притащить его домой, если потребуется.

Ли видела дверь в заднюю комнату и легко представила, что творится за этой дверью в оживленный субботний вечер. Она помнила, что Картрайт был завсегдаем задней комнаты, как и троюродный брат, который был на пять лет старше ее. Это он когда-то научил ее стрелять. С ним она впервые в жизни украдкой целовалась на холме за атмосферными процессорами. «Что с ним стало? Убит...», – подумала она, но не могла вспомнить, где это произошло: на шахте или там, на Земле? Как могла она забыть его имя? Ну, а в задней комнате сегодня опять, наверно, сидят за большим столом. Вспоминают о прошлом. Планируют новые бессмысленные шаги. Обсуждают каждое слово какого-нибудь молодого фанатичного республиканца, только что прибывшего из Белфаста или Лондондерри. Ли никогда не знала, были ли эти мальчишки реальностью или нет. Она и сейчас этого не понимала.

Ее взгляд привлекло какое-то движение. Она оглянулась и встретила глазами с широкоплечим рыжеволосым мужчиной, который сидел, откинувшись спиной к задней стене, и смотрел на нее. Он оттолкнулся от стены, встал и пошел к ней, расталкивая всех плечами на своем пути.

– Slainte¹², – сказал он, приблизившись.

– Slainte и вам, – ответила Ли.

– Нужна помощь, красавица?

¹² Slainte – будьте здоровы, ваше здоровье (*ирл.*).

– Никакой, если только не поможешь мне пить в одиночку.

Он прищурил глаза.

– А я думал, что ты просто потерялась и забрела сюда случайно.

– Так оно и есть.

– Тогда не хочешь ли ты сделать пожертвование? – спросил он тоном, не подразумевавшим возражений.

– На какие цели?

– На помощь ирландским сиротам.

– Ах, так. – Ли почти рассмеялась, словно ожидала чего-то более серьезного. – Сколько новых пушек нужно сиротам на эту зиму? – спросила она, доставая деньги, сложенные в пачку.

– Очень смешно. Но мы не берем наличными.

Он достал из кармана портативный сканер и протянул Ли. Его дружок обогнул высокий табурет, на котором она сидела, отрезая ей любую возможность ретироваться.

Ли посмотрела через плечо того, кто был поменьше ростом, на выцветшую голограмму с айсбергами размером со скачковый корабль, отколовшимися от ледника Арма, пожалала плечами и провела ладонью по сканеру.

Рыжеволосый взглянул на сканер и снова обратился к ней:

– Что вам здесь нужно?

– Я ищу Мирс Перкинс. Мне сказали, что она может быть здесь.

– Она здесь. Это точно.

Он подозвал бармена, который подошел быстро, как будто ждал этого.

– Она из полиции и ищет Мирс.

Эффект медленной волной прокатился после его слов по бару. Люди начали ерзать на своих стульях и перебираться на другие места, подальше от Ли. Несколько посетителей быстро направились к выходу. Ли смотрела на это с удивлением и с некоторой долей беспокойства. Между этим баром и убежищем было много темных переулков, и она глупо поступила, что позволила посторонним узнать, что она – из Космической пехоты, потому что ее внутреннее оборудование стоило больше, чем главы семей здесь зарабатывали за всю свою жизнь. Затем из задней комнаты вышла Мирс Перкинс, и Ли забыла об обратной дороге в убежище, предосторожностях и обо всем остальном. Она думала только о женщине, которая направлялась к ней.

Ли узнала это лицо. И не только по детским воспоминаниям. Это была та женщина, которую она видела вместе с Даалем. Женщина, которая подошла к ним в надшахтном здании. Тогда Дааль так и не представил эту женщину Ли.

Ли внимательно смотрела на лицо с мощными скулами, на мускулистое шахтерское тело, пытаясь отыскать общие черты, какое-то свидетельство, что именно эта женщина помогла ей выбраться с Мира Компсона, но ничего не нашла. Это была просто незнакомка с серьезным взглядом.

– Миссис Перкинс?

Женщина прикурила сигарету, прикрывая огонь ладонями так, чтобы Ли могла заметить недостающий сустав на большом пальце и новое кольцо – на среднем.

– Я уже не Перкинс, – сказала женщина. – Я вновь вышла замуж.

Сердце Ли предательски подпрыгнуло, словно она поскользнулась на черной замерзшей луже и чуть не упала. Она никогда не думала, что ее мать могла выйти замуж еще раз. И конечно, даже не могла представить себе, что у нее есть еще дети. В какой-то части сознания Ли все остановилось после того, как она ушла из дома. Ее настоящее продолжало развиваться, а прошлое замерло, застыло, как кусок янтаря, и возникало только в момент, когда оно ей действительно требовалось. Все это она могла предположить и ранее.

– Вы представите? – спокойно спросила Мирс.

– Майор Кэтрин Ли, КПОН.

– Есть ли у вас какое-нибудь удостоверение личности?

Ли порылась в карманах и достала микрофишу. Мирс взяла карточку и внимательно посмотрела на нее, перенося взгляд с лица Ли на голограмму и обратно несколько раз.

– Не могли бы мы пройти куда-нибудь и...

Мирс очень незаметно покачала головой и взглядом своих светлых глаз показала в сторону бармена, протиравшего стаканы. Ли даже сначала решила, что это ей показалось.

Ли задумалась, пытаясь понять смысл этого странного

разговора, который и разговором нельзя было назвать. «Она сказала, что вышла замуж вновь. Это означает, что у нее – новый муж. А есть ли у них дети? Может быть, та девочка, что открыла ей дверь, одна из них? И знают ли они что-нибудь о Ли? Не это ли хотела сказать ей Мирс? Что она со своей стороны тоже предприняла кое-что, чтобы похоронить и забыть то, что было пятнадцать лет назад?» Ли проглотила комок в горле.

– Я... хм. Я пришла, потому что у меня есть для вас сообщение.

– От кого?

– От друга. – Она собралась с духом и произнесла: – От Кэйтлин.

– Ох. – Уголки рта Мире чуть приподнялись. – Понимаю.

– Хм... она не могла заехать сюда в этот раз, и, возможно, еще пройдет какое-то время... Но она просила передать, что с ней все в порядке. Она еще что-то хотела сказать, но я... забыла. Во время скачков многое забывается. И не только мелочи.

Мирс снова повела глазами в сторону бармена, но его позвал кто-то из посетителей.

– Врачи говорят, что такое случается.

– Так и случилось.

Мирс слегка пожала плечами, как бы говоря: «Ну, что здесь поделаешь?» Это был жест практичной женщины, которой ничего в жизни не доставалось легко. И неожиданно

Ли без всяких сомнений поняла, что помнит ее.

– Извините, – сказала Ли.

– Извините? – Это слово прозвучало у Мирс неуклюже и неестественно, а взгляд потеплел. – За что извините? Мы этого хотели, ради этого мы работали. А ты иди домой или где ты там ночуешь. Только будь осторожна. Таким, как ты, здесь небезопасно.

Когда Мирс ушла, Ли продолжала сидеть на табурете, ухватившись за него онемевшими пальцами. Ей нужно было прийти в чувство, согреться и подождать, пока неясный шум вокруг нее снова обретет какой-то смысл. Она вновь повторила в памяти весь разговор, слово за словом, ища какие-то подсказки, хватаясь за короткие ненадежные соломинки памяти. Она представила лицо Мирс в конце их разговора. Оно стало красным, напряженным, почти сердитым. Такое выражение лица она помнила. Это было выражение триумфа.

Когда Ли вышла на улицу, дождь усилился, принося с собой серу с отвалов шахт. Ли просканировала тени по обеим сторонам улицы. Она помнила истории о солдатах, услышанные в казарме, и боялась, что кто-нибудь нападет на нее из-за внутренних устройств. Бывали случаи, что солдаты выходили из колониального бара под руку с подружкой и просыпались в разделывательных резервуарах подпольной клиники. Тени выглядели безопасными. Ли подняла воротник и пошла в сторону убежища.

Проходя мимо яркой витрины бара, она заглянула туда,

но не увидела никаких следов Мирса.

Корчов был вне себя от ярости.

– И ради чего ты туда ходила? – спросил он ледяным голосом.

– Тебя не касается, – сказала Ли, быстро проходя мимо него.

– Я думаю, что касается. – Он проследовал за ней в задний коридор. – Меня касается, что ты ставишь под удар выполнение задачи. Меня касается, когда ты исчезаешь, черт знает куда, и даже Коэну тебя не найти. И совершенно точно, меня касается, когда ты идешь в бар, где ведутся политические дискуссии, и встречаешься там с известным деятелем ИРА и представителем шахтерского профсоюза.

Ли вспыхнула.

– Ты следил за мной?

– Естественно. И теперь, когда тебе все понятно, расскажи мне подробно о том, что ты говорила Перкинс. Что? Нет желания разговаривать? А там, в баре, когда ты была с ней, тебе было о чем разговаривать?

– Отстань, Корчов.

– Я все равно узнаю, не важно, скажешь ты мне или нет, – сказал он, и она увидела, как его глаза впились в мигающий огонек ее индикатора состояния.

– Я так не думаю, – сказала она и прошла дальше, оттолкнув его плечом.

Он схватил ее за руку, Ли вывернулась, схватила его за горло левой рукой и швырнула на стену так сильно, что задрожали винты на панели. Она прижала его к стене и держала, пока он не начал задыхаться.

– Я работаю на тебя, – сказала она в его побелевшее лицо. – Но я тебе не принадлежу. И даже думать не смей!

Отпустив его, Ли пошла по коридору к открытой двери своей комнаты.

– Мы передвинули дату старта, – крикнул Корчов ей вслед. – Мы начинаем завтра.

Но Ли больше не слушала. Она подходила к своей комнате с усиливающимся чувством дежа вю. Войдя внутрь, она увидела Беллу, сидевшую на кровати в ожидании.

– Мне нужно поговорить с тобой, – сказала Белла, протягивая кубик, в котором Ли узнала записывающее устройство воздушного движения КПОН. – Мне необходимо прочесть это.

– Где ты это взяла?

– Мне дал Рамирес.

– Что, он дал тебе это по доброте душевной?

Белла отвернулась.

– О Боже, и с ним тоже?

– А тебе какая разница?

Ли нахмурилась, но взяла у Беллы кубик с данными и поместила в свое портативное читающее устройство.

Ли потребовалось мгновение, чтобы понять, что там были

автоматизированные полетные журналы челноков, летавших со станции на поверхность планеты. На первый взгляд они показались теми же, которые они с Маккуином просмотрели уже раз по пятьдесят. Но когда она сверила их с копиями, хранившимися у нее в жесткой памяти, то обнаружила, что цифровая подпись файла была другой. Кто-то на станции аккуратно вносил исправления в журналы, но не позаботился поменять записи внесетевых устройств, контролировавших планетарный транспорт, посчитав, что никому в голову не придет проверить.

Но как раз Белле и пришло в голову посмотреть журналы, потому что ее это сильно беспокоило. Ли сразу нашла то, что нужно, в графах, относившихся к ранним предрассветным часам двадцать третьего числа. Один-единственный полет челнока. Этот челнок возвратился назад пустой, чтобы забрать двадцать четыре человека и доставить их к обычному времени начала первой смены. Этот челнок оставил Ханну Шарифи на поверхности в самый разгар ночной смены, когда переходные площадки и офисы пустовали. Ли открыла информацию о пассажирах и увидела, что только Ян Войт и Белла сопровождали Шарифи в ее последнюю поездку на шахту.

Войт, Белла и Шарифи спустились на планету вместе. А возвратилась только одна Белла.

– Файл, должно быть, подделан, – сказала Белла, когда Ли все показала ей.

– Я не думаю. Посмотри на счет Фурмана.

– Он исправлен. Любой компьютер можно обмануть.

– Посмотри на файл сама, если хочешь. Мне кажется, что с ним все в порядке.

Белла открыла рот, словно собиралась что-то сказать, и тяжело опустилась на кровать. Ли закрыла кубик и тщательно убрала следы, которые оставила, открывая и читая его. Корчову вовсе не нужно знать об этом. Как, впрочем, и остальным.

– С тобой все в порядке? – спросила она, когда закончила.

Но Белла как будто оглохла. Ли дотронулась до ее плеча, и Белла вздрогнула, как от ожога.

– Если мы узнаем, кто это сделал, изменит ли это что-нибудь? – спросила Ли.

Блестящие глаза смотрели на нее, и в них Ли снова заметила темную бездонную пустоту. В ее сознании вдруг возник образ Беллы, лежащей поперек стола Хааса. Ли представила себе пустой холодный бессознательный взгляд глаз Беллы во время петлевого шунтирования.

– Если мы узнаем, кто это сделал, все изменится, – сказала наконец Белла.

Она встала и расправила платье на бедрах. Что-то блеснуло у нее на шее. Кулон. Кулон, сделанный из кусочка квантового конденсата.

Ли уставилась на него, забыв обо всем.

– Где ты его взяла? – спросила она.

Белла попыталась закрыть кулон рукой, сделав стыдливо-робкий жест, как и девчонка-уборщица в аэропорте в Хелене. А потом произнесла то, в чем Ли сейчас не сомневалась:

– Мне его дала Ханна.

– Когда? – спросила Ли. – Когда Ханна дала его тебе?

– В ночь накануне своей смерти, – ответила Белла почти шепотом.

– До или после того, как она послала сообщение из квартиры Хааса?

– Она не посылала... – Белла замолчала, задержала свой взгляд на Ли и вздохнула. – После того, как она его послала.

– Почему ты не сказала мне об этом раньше, Белла?

– Потому что она просила меня не говорить. Потому что это был секрет. Секрет Ханны.

– Этот секрет, возможно, и привел к ее смерти. Белла запрокинула голову, будто Ли ударила ее.

– Нет, – ответила она. – Нет!

– А кому предназначалось это сообщение, Белла? С кем она разговаривала во Фритауне? Что она им сказала?

– Я не знаю. Я даже и не слышала. Я не хотела знать.

– Если бы ты знала, то об этом узнал бы и Хаас?

– Хаас, Корчов. Какая разница кто? Я бы рисковала, зная это.

Ли тихо рассмеялась, поглаживая ноющее плечо.

– Ты не понимаешь, – сказала Белла, и ее голос стал на-

пряженным и настойчивым. – Контракт, и все такое... – это было вторично. Ханна попросила меня помочь ей. Она пришла ко мне. Она говорила, что нуждается во мне, что я – единственная, кому она могла доверять самое важное, что она когда-либо делала, самое важное, что мы обе когда-либо делали. Но это должно быть нашим секретом. Я сделала это для нее.

Порыв ветра ударил по зданию, и большой лист вируффлекса, закрывавший окно, оторвался и бился, как парус на мачте. Белла вскочила, вся дрожа.

– Почему ты мне не веришь? – прошептала она.

– Я верю тебе, – сказала Ли. – Я действительно тебе верю... Я просто... не могу понять, что все это значит.

Разговаривая, Ли положила руку на плечо Белле, и теперь Белла повернулась и спряталась в ее объятиях, уткнувшись лицом в шею. Ли попыталась освободиться и поняла, что Белла плачет. Ли нехотя продолжала обнимать Беллу и гладить ее изящное плечо.

– Извини меня, – сказала Белла, – просто я...

– Нет, это ты извини меня, – сказала Ли. – Какое мое дело, чем ты занимаешься. Ты ведь мне ничем не обязана.

– Нет, я все-таки тебе обязана. Все, что я сказала о... тебе и Ханне... Я просто разозлилась.

Белла посмотрела на нее, подняв голову вверх. Ее темно-лиловые глаза прояснились, хотя слезы все еще висели на ресницах. Белла вытянула руку и коснулась своим бледным

пальцем губ Ли так же, как это делал Коэн.

«О Боже, – подумала Ли. – Пора уходить. Прямо сейчас. Но почему мои ноги словно к полу прикручены?»

Кто-то кашлянул. Ли отскочила от Беллы, как собака, которую хозяин застал на месте преступления.

– Аркадий? – спросила она.

– Нет, – сказал Коэн, стоящий у двери. – Это я.

– Я...

– Мне нужно идти, – сказала Белла. – А то Корчов будет меня искать.

Коэн повернулся и провожал Беллу взглядом, пока она шла по коридору. Потом оба услышали, как хлопнуло одеяло, закрывавшее воздушный шлюз, и звуки ее шагов заглохли в зале под куполом.

Ли начала говорить, но он поднял руку.

– Тебе совершенно не нужно ничего объяснять мне.

Он оперся о дверь в позе, которая показалась Ли наигранной, а когда он заговорил, то его голос был нейтральным и ровным, что по ее многократному опыту означало скорую бурю.

– Будь осторожна, Кэтрин.

– Будь осторожна в чем? – спросила Ли.

Ответ был очевиден – аромат духов Беллы все еще витал в воздухе между ними.

– У нее в голове – месть. А месть – коварная штука. Она заставляет людей обманывать будущее. Она заставляет их

рисковать так, что они могут втянуть в неприятности всех вокруг.

– Ну, теперь ты эксперт по мотивации человеческих поступков.

Коэн пожал плечами.

– Хорошо, – сказал он так спокойно, будто они обсуждали погоду. – Делай все, что хочешь. Но мне кажется, тебе понятно, что она использует тебя.

– В таком случае, у нее масса коллег, не так ли?

Коэн вздохнул и принялся старательно изучать ногти Аркадия. Как он научился заставлять ее чувствовать угрызения совести, когда просто молча стоял рядом?

– Я поняла, что собиралась делать Шарифи. Хотя сейчас уже поздно что-нибудь исправить. Это она послала сообщение из квартиры Хааса. Белла сообщила ей его пароль. Поврежденный файл, о котором говорила Нгуен, на самом деле зашифрован. Причем зашифрован так, что только Гоулд могла его расшифровать. Они использовали набор этих дурацких смешных украшений в качестве источника запутанности. Надо же было умудриться. Обычная бижутерия!

Ли ощущала странную щекотку, по которой поняла, что Коэн входит в ее файлы, смотрит на дешевое ожерелье Гоулд, на уборщицу в туалете аэропорта, на подарок Шарифи Белле.

– Хорошо, – сказал он, обдумывая то, что увидел. – Итак, она нашла готовый источник запутанности. Может быть, они

с Гоулд давно придумали этот фокус с ожерельями, как шутку, и не думали, что он сможет пригодиться в деле. Они использовали эти ожерелья как одноразовый блокнот, как секретный шифр, который Шарифи получила, не прибегая к услугам Техкома или других корпоративных попечителей. Теперь никто не может прочесть сообщение Шарифи, пока не получит ожерелья Гоулд, которое застряло в медленном времени вместе с ней до того, как...

– До завтра, – прервала его рассуждения Ли. Они переглянулись.

– Это похоже на Ханну, – сказал Коэн, – так пошутить. Она фактически спрятала в дешевой безделушке то – и она это знала, – что мы все будем искать. Но почему?

– Эта информация была для Ханны страховым полисом, с одной стороны. Вместе с посылкой, отправленной на «Медузе».

– Ну, и этот полис не сработал, ведь так? – спросил Коэн и сразу же добавил, пытаясь смягчить сказанное: – Бедная Ханна. Какой ужас.

– Но я не понимаю, – продолжил он через секунду. – Шарифи получает результаты. Затем она шифрует их и посылает нечитаемый вариант Нгуен, Корчову, во Фритаун. Затем она стирает все следы своей работы из системы АМК. Затем она – по крайней мере, мы можем предположить, что это была она, – отправляет Гоулд во Фритаун. И дарит Белле свой использованный кристалл после того, как берет с нее

слово никому не говорить, что послала зашифрованное сообщение. Почему? Зачем принимать столько абсурдных мер, чтобы защитить информацию, а затем рассылать ее? А если она хотела распространить свои данные по всему пространству ООН и Синдикатов, то для чего использовать кристаллы? Зачем шифровать их таким образом, что только кристалл Гоулд позволит прочесть их?

– Это объясняет «Медузу», – сказала Ли. – Почтовый ящик. Она хочет, чтобы информация распространялась. Она стремится к избыточности, если пользоваться твоей терминологией. Но она не хочет, чтобы это читали все. Не сейчас по крайней мере.

– Так чего же она ждала?

– Хотела бы я знать, – сказала Ли.

Она тяжело опустилась на свою койку и протерла глаза пальцами, которые все еще пахли пивом.

– А что насчет завтра? – спросила она.

– Информатор Даалья сообщил, что в течение следующих двух суток должно что-то произойти. Дааль беспокоится о том, что новые обстоятельства помешают нам выполнить работу. Откровенно говоря, я склоняюсь к тому, чтобы согласиться с ним. Что хорошего будет, если мы возбудим живое поле и не получим никаких данных. Или останемся там сами. И чем скорее мне удастся связать шахтеров с «ФриНетом», тем лучше. Это будет не в первый раз, когда Техком закроет прессу и поставит всю планетарную милицию на голову.

«Поставить на голову – это самая подходящая фраза», – подумала Ли. Ей стало интересно, как поступит Нгуен со срочными планами и вообще что она предпримет. Было ли это неосознанным побуждением завершить свою работу прежде, чем корабль Гоулд достигнет Фритауна?

– А что думает Рамирес? – спросила она, пытаясь скрыть эту мысль и надеясь на то, что Коэн не успел поймать ее. – Сеть готова?

– Настолько, насколько возможно. – Он отошел от двери и зашел в комнату. – Корчов пришел в ярость, разыскивая тебя. Есть такое понятие «удача, уплывающая из рук», ты его знаешь. Даже у тебя такое бывало. Где ты была?

– Я навещала мать.

До этого Коэн не смотрел на Ли, но после ее ответа устремил к ней свой взгляд.

– Расскажи.

– Хорошо, – согласилась она, понимая, что втайне хотела этого. – Но не сейчас. Сейчас мне нужно сконцентрироваться на завтра. Да и тебе тоже.

«Все будет хорошо». Эта мысль плавала в ее сознании так легко и естественно, как будто принадлежала ей самой, и только со следующим изумленным вздохом она поняла, что это Коэн думает внутри нее: «Ты сможешь заставить соединение работать. Ты всегда об этом знала. А с остальным мы справимся».

В ответ она мысленно произнесла осторожное «да» и по-

чувствовала, как он услышал его.

– Ты спрашивала техов об этом? – громко спросил Коэн. – Это дьявольски больно.

Ли догадалась, что он говорит о ее руке, ощущая боль через интрафейс вместе с ней. Она осторожно согнула руку. Рука сгибалась плохо.

«Определенно не блестяще. Но до конца дела, будем надеяться, хватит».

– Все нормально.

– Да это просто мучение. Я не знаю, как ты это выносишь.

Ли на миг удалось взглянуть на себя его глазами с короткого расстояния, разделявшего их: непредсказуемая, загадочная, яростная, сильная и великолепно совместимая с хрупким человеческим телом личность, ускользавшая от него в зеркальную анфиладу статистических волновых функций.

– Уже поздно, – сказала она. – Мне, в отличие от тебя, нужно выспаться. Давай не будем беспокоиться ни о чем, кроме завтрашнего дня, хорошо? Сделаем работу, и по домам.

Что-то вспыхнуло в глазах Аркадия.

– Вместе?

– Это не проблема завтрашнего дня.

– Будь осторожна, Кэтрин.

– И ты тоже.

СМЕРТОНОСНЫЕ ВЕКТОРЫ

*Наш век есть век прекрасных разговоров,
Убийства тела и спасенья души,
Изобретений и ученых споров.
Сэр Хэмфри Дэви – сей ученый муж -
Изобретает лампы для шахтеров.
Мы посещаем полюсы к тому ж.
И все идет на пользу человечью:
И Ватерлоо, и слава, и увечья.
Джордж Гордон Байрон (Перевод Т. Гнедич)*

ПЛАСТ НА АНАКОНДЕ: 8.11.48

Крысы бежали, пеной поднимаясь из шахты, будто уцелевшие после бомбежки.

– Они чувствуют, что потолок перегружен, – сказал Дааль Ли, после того как одна из крыс забежала в панике в комнату и пробежала по ее ноге, прежде чем обнаружила выход. – Будет большой обвал. Я бы не оставался внизу дольше, чем это действительно необходимо.

Он взглянул на нее, и его светлые глаза сверкнули голубизной, как огонь лампы Дэви в рудничном газе.

– Честно говоря, я бы вообще не спускался туда. Они находились в командном центре забастовщиков в надшахтном

копре шахты номер два. Ли с Беллой потребовался целый день и большая часть ночи, чтобы добраться туда, передвигаясь по туннелям под родильными лабораториями.

В течение всего этого долгого путешествия Коэн вел Ли (если слово «вел» здесь правильно подходит). Он слышал все мысли, ощущал каждый приступ боли и каждый неверный шаг. И она чувствовала и понимала его так, что они были почти одним целым. Наконец-то Ли осознала, почему Коэн постоянно путал местоимения. Я, ты, мы. Твой. Мой. Все эти слова потеряли сейчас свой первоначальный смысл. И ни одно из них не сохраняло свое значение дольше, чем на миг.

Между ними все еще существовали границы, даже сейчас, когда интрафейс работал в полную силу. Были двери и стены, некоторые из них прочные, не позволяющие проникнуть внутрь или, чаще, не пускавшие ее туда. Но никакая разделительная линия не оставалась неизменной так долго, что Ли могла обозначить ее и сказать: «Здесь заканчиваюсь я, а здесь начинается он». Стены всего лишь напоминали, насколько она была с ним связана, насколько невозможно было думать или чувствовать, или даже дышать, не соприкасаясь с ним.

С последнего визита сюда Ли надшахтный копер изменился. Забастовщики заполнили скрипучие коридоры. Привезли целый грузовик матрасов и одеял из микропластика, и теперь в холлах и раздевалках спали люди. Кое-кто даже готовил на самодельных газовых плитах. Все двигались наро-

чито быстро, говорили подчеркнuto громко, голоса звучали слишком высоко, и это раздражало. Ли понимала такое психологическое состояние. Она замечала его у студентов, землекопов, чернорабочих. Это был дух толпы, ожидающей подхода войск, направленных на подавление мятежа. Но, конечно, она замечала это с другой стороны линии фронта.

Ли отбросила эти мысли и подошла к окну. Кто-то поставил снаружи самосвал, и его шасси частично закрывали окно. Она наблюдала за горизонтом между колесами самосвала. Ночь была темной, лишь на небе среди облаков кое-где пробивались звезды. Плоская равнина угольного месторождения раскинулась на мили вокруг, и пейзаж нарушался только похожими на горы отвалами породы и проржавевшими остовами горных комбайнов. В инфракрасном свете местность представляла собой хаос. Отвалы породы дымились. Старые брошенные машины и пустые бочки из-под горючего спустя несколько часов после захода солнца все еще отдавали солнечное тепло в воздух. Ли не нужен был прибор инфракрасного наблюдения, чтобы догадаться, где были войска: ее глаза инстинктивно выискивали каждый бугорок и ложбинку, где мог укрываться солдат, замечали огонь костра, отраженный оптическим прицелом снайпера.

«О Боже, прошу тебя, дай мне спуститься под землю до того, как мне придется решать, стрелять или не стрелять в этих ребят».

– Когда они начнут? – спросила она Дааля, когда пришли

Рамирес и Мирс Перкинс.

Дааль обратился к ним:

– Есть новости?

– Никаких, – ответил Рамирес.

Мирс ничего не сказала, а только коротко потрянула головой.

– Мы думаем, что у нас есть еще день-другой, – сказал Дааль.

– Что произойдет, если они начнут, когда мы будем под землей?

Мирс пожала плечами.

– Начнут, так начнут. А под землей самые большие проблемы – это воздух и время, а не наземные войска.

Мирс развернула карту и показала на ней маршрут. Проводник Даалья поможет им добраться до «Тринидада», затем они свернут в боковую штольню, ведущую к вертикальному шурфу, не указанному на картах АМК. Если прочистить этот шурф, то его диаметра хватит, чтобы спустить им сверху баллоны с кислородом, если снизу будут держать направляющий трос. Когда полевые испытания закончатся, Ли и Белла должны подойти к этому шурфу, а люди Даалья помогут им выбраться на поверхность.

Ли слушала Мирс и вместе с другими следила за маршрутом по карте. Это было выполнимо. В высшей степени выполнимо. Ей не раз приходилось играть в кости. Единственный вопрос заключался в том, позволит ли сама шахта дать

им свободно уйти.

– Вы только доберитесь до этого шурфа, – сказала Мирс в конце. – Как только мы встретимся там, оценим ситуацию. И я либо выведу вас через главный штрек, либо уйдем в горы по туннелям вольноопределяющихся.

– Почему ты? – Ли вопросительно посмотрела на нее. – Ты не пойдешь. Ты не можешь идти.

– Конечно, я пойду, – сказала Мирс. – Лучше меня никто не сможет.

Ли посмотрела на Даалья, но, прежде чем она начала говорить, послышались винтовочные выстрелы, раздавшиеся с их стороны. Дааль и Мирс бросились к окну. Ли встала у них за спиной и попыталась увидеть что-то в окне. Безнадежно. Она увидела только какое-то движение на равнине и кривые трассы летящих пуль. Затем движение приобрело очертания, очертания превратились в человека. Человек шел, держа в руках белый флаг.

– Прикажи им прекратить стрельбу! – резко сказал Дааль. Рамирес тут же выбежал за дверь.

– Боже, – пробормотала Ли. – Этот парень держит в руках свою жизнь.

– Больше чем свою жизнь, – ответил Дааль. Они подождали. В дверях показался Рамирес.

– Мы его знаем, – сказал он. – Офицер милиции, прикомандированный к службе безопасности станции. Наш парень, из Шэнтитауна. Кажется, его зовут Брайан Маккуин.

Ли затаила дыхание.

– И какого черта они послали Брайана? – тихо, но отчетливо сказал Дааль.

– Потому что, – ответила Мирс, – они думают, что мы не убьем его.

Ее глаза были так же холодны, как космос. Шахтеры снаружи и еще несколько человек из тех, что были внутри здания, окружили Маккуина до того, как подросла Ли. Когда ей наконец удалось пробиться к нему, она увидела, что один глаз у него заплыл почти полностью, а сам он выглядел сильно потрепанным.

– Ты что, с ума сошел? – спросила она.

Он посмотрел на нее как побитый щенок.

– Мне нужно поговорить с вами наедине.

Ли оглянулась на Дааля, стоящего у нее за спиной, посмотрела на Мирс, наклонившуюся, чтобы войти в дверь.

– Мы даем вам десять минут, – сказал Дааль.

Мирс промолчала, с ненавистью во взгляде отодвинулась, пропустив Дааля, а потом вышла и закрыла дверь за собой.

– Я ничего не рассказал им, – сказал Маккуин, когда они остались одни, – кроме того, что мне необходимо поговорить с вами.

– Ну, вот ты и говоришь со мной. Что ты хочешь сказать?

Он смотрел на нее, не отводя глаз. Вера, страх, подозрение смешались на его мальчишеском лице.

– Кто послал тебя, Брайан?

Его глаза на миг посмотрели в сторону.

– А вы не догадываетесь?

– Хаас?

Он нерешительно осмотрел комнату, ища на обветшалых стенах оборудование для скрытого наблюдения. Потом произнес одно слово:

– Нгуен.

«Не верь ему, – дышал ей в затылок Коэн. – Особенно если он пришел от Хелен».

Ли отбросила эту мысль в сторону. Она не могла не верить Брайану. К тому же, возможно, Нгуен решила передать ей под столом так необходимого сейчас туза.

Она выдвинула стул, села и нагнулась к нему, чтобы он мог продолжать. Насколько она знала, в этой комнате не было подслушивающих устройств. А если они и были, тогда Мирс не придется тратить много времени, чтобы выбить из Маккуина то, что он нашептал Ли. Но если он хочет играть в секретного агента, то и Бог с ним. Какой вред от этого?

– Она знает все, – прошептал он ей. – Я послал ей пленку от службы безопасности аэропорта, и она поняла все, что там произошло. Кто вас захватил. Почему. И что Корчов хочет от вас.

Его рот был так близко, что она чувствовала его дыхание у себя в ухе.

Ли представляла себе, что произошло. Нгуен выкачала из Маккуина каждый спин информации, да так, что он да-

же и не почувствовал, как его «выжали». Она обвела его вокруг пальца, загипнотизировала с самого первого потоко-пространственного взгляда. Но в этом и заключалась работа Нгуен. И можно было поспорить на что угодно, что Нгуен выполняет ее отлично, что она поддержит Ли и поможет, когда будет действительно необходимо. Пока Ли соблюдает лояльность, добывается нужного результата и остается верной. И пока это в интересах Секретариата.

– А что с Гоулд? – спросила она, отмечая надоедливые вопросы Маккуина в сторону. – Есть ли здесь какой-нибудь прогресс?

– Именно поэтому Нгуен отложила высадку войск. Чтобы Корчов не сбился с графика. Чтобы быть уверенной, что мы все закруглим прежде, чем Гоулд достигнет Фритауна. Она говорит, что сейчас нужно продолжать сотрудничать с ними, чтобы потянуть время. Мне поручено спуститься вместе с вами и постоянно быть при вас до самого конца. И еще мне поручили сообщить вам, что Корчов затевает против вас недоброе. Они считают, что он попытается убить вас сразу же, как только получит данные.

Для нее это вовсе не было новостью. Хотя Корчов казался слишком прагматичным, чтобы убивать кого-то, пока можно было выжать еще немного информации при помощи шантажа.

– И она говорит, чтобы вы не беспокоились об Альбе, – добавил Маккуин. – Там обо всем позаботились.

Ли смотрела на Маккуина. Она была в шоке. А он, казалось, не имел ни малейшего представления о чудовищном смысле слов, которые он только что произнес.

– Ну, а когда мы уберемся отсюда? – спросила она, когда к ней вернулось хладнокровие.

– Как только полевые испытания закончатся. Вы и я.

– И Коэн.

Маккуин прищурился.

– Что?

– Ты, я и Коэн. Тот АІ.

– Ах, АІ. Ну да, конечно.

Она не поняла, показалось ли ей или в его взгляде мелькнуло сомнение.

– А что мы будем делать с Корчовым?

– Решим по ходу дела.

Ли почувствовала приятную твердость «беретты» на поясе и посмотрела на Маккуина. Он отвернулся.

Что на самом деле сказала ему Нгуен? Утаивает ли он что-нибудь от нее или просто нервничает, как любой, кого впервые направляют на спецзадание? Сможет ли она противостоять своему союзнику, хватит ли ей уверенности? Ей, без всякого сомнения, не хотелось спускаться в шахту ни с кем другим, кроме Беллы. При условии, что Белла будет прикрывать ее.

– Хорошо, – сказала она после затянувшейся паузы. – Будем работать, как указала Нгуен. Ты готов?

Маккуин кивнул головой.

– Тогда сделай нормальное лицо, и пошли отсюда.

Мирс передвигалась по шахте с уверенностью шахтерской собаки. Ее обманчиво медленные шаги покрывали расстояние со скоростью, на которую не влияли крутые подъемы и тяжелые глинистые слои. Она не тратила силы зря. Каждый шаг был продуман, каждый взгляд ее светлых глаз – просчитан. Ее движения, дыхание, стабильная работа мышц – все подчинялось холодной логике: истраченное впустую движение – это истраченный впустую воздух, а истраченный впустую воздух – это упущенное время. А шахтеры, которым не хватило времени в шахте, где обнаружен газ, умирали.

Она заставляла их периодически делать остановки в целях безопасности. Во время остановок, когда все, кроме Маккуина, снимали с себя маски дыхательных аппаратов ради нескольких коротких минут свободного дыхания, Мирс начала разговаривать с Ли.

Она рассказывала о своей работе, о новом муже, о детях. Тихо. Не называя имен. Не затрагивая прошлого. Просто рассказывала. Сначала они разговаривали только во время передышек, потом Ли пристроилась за ней, и они стали разговаривать на ходу. Искаженный, лишенный персональных особенностей голос, отфильтрованный дыхательным аппаратом, совсем не сочетался с теми ежедневными интимными подробностями, о которых она рассказывала Ли. Она не рас-

спрашивала Ли ни о чем. Но по тем маленьким отрывкам и фразам, которые встречались в рассказе Мирс, Ли поняла, что она знает о ней многое. Но это была та информация, которую знал каждый, кто регулярно смотрел спин-новости. Ничего личного. Ничего опасного.

Пока Мирс говорила, Ли поняла, что своими рассказами она строила между ними не мост, а стену. Иными словами, Мирс объясняла Ли, что ее жизнь теперь – это чужая земля, из которой нет дорог, ведущих к Миру Компсона. Это был их выбор, сделанный в том прошлом, которое Ли не помнила. Жизнь отца, отданная в уплату за несколько визитов к доктору. Старое будущее Ли в обмен на ее новое будущее. А Мирс жила в мире, в котором не было места для сожалений или возврата долгов.

Они расстались с Мирс у лестницы, которая вела вниз в «Тринидад», Ли поняла, что Мирс была права. Пути назад домой не было. С того момента, как она вошла в кабинет подпольного генетика, у нее не стало дома, куда она могла вернуться.

Ли почувствовала сияющую воронку задолго до того, как они подошли к ней. Последний раз, когда она была здесь, конденсаты спали и, как казалось ей, иногда видели сны. Сейчас они бодрствовали.

Квантовые потоки пронизывали темноту шахты, проверяя, сканируя, оценивая.

«Ты тоже их чувствуешь?» – спросил Коэн.

Она понимала, почему он спросил об этом. Она ощущала и его, и тот беспорядок, который кристаллы создавали в его чувствительных сетях. Казалось, что те, кто контролировал их, искали что-то. Или кого-то.

«Мы не должны беспокоиться о связи с Корчовым, – сказал Коэн, отвечая на ее мысленный вопрос. – Все уже сделано за нас».

Он отключил все свои системы в последней попытке сдержать натиск кристаллов, и она удивилась, что он все еще мог разговаривать через интрафейс. Но на самом деле он и не говорил ничего. Связь между ними происходила совсем на другом уровне, где слова не произносились. И когда она отвечала ему, она просто думала, мысленно обращаясь к той части Коэна, которая была ею самой.

«Что мы делаем?» – подумала она, а ответ был уже готов до того, как она в сознании задала этот вопрос.

«Мы позволяем им зайти».

Затем в темноте мелькнул свет, и появилось странное ощущение, что Коэн старается закрыть ее собой с бравадой ребенка, пытающегося защитить другого ребенка, младше себя.

Это было похоже на ожидание приближающегося цунами. Волна появилась вдали, поднялась, приблизилась и с грохотом обрушилась на них. Они оказались внутри нее, и ее кипящее обратное течение затягивало их, угрожая опрокинуть.

Они уже промокли насквозь и пытались устоять, несмотря на ползущий под ними песок.

После первого контакта кристаллы вели себя более спокойно. Они двигались теперь в вероятностных последовательностях, в длинных спиралевидных квантовых операциях, непостижимо элегантных, как и синусоидальные колонки, которыми были испещрены тетради Шарифи. Но за этими уравнениями стояло чье-то присутствие. Присутствие сущности, значительно превосходящей Коэна, как Коэн, в свою очередь, был сильнее почувствующего на Альбе. Ли чувствовала зловещий интерес к Коэну и ко всей запутанной множественности этого странного нового для кристаллов явления. Интерес ко всему, чем Коэн являлся, и ко всему, для чего он мог быть использован.

«Это шахта, – думал Коэн. – Она хочет узнать нас. Испытать нас».

Но шахта хотела больше, чем узнавать и испытывать.

– Ты слышишь это? – закричала Белла, не обращая внимания на битву не на жизнь, а на смерть, которая шла в интрафейсе. – Разве ты не слышишь? Они поют!

Жара. Темнота. Головокружительные вспышки. А потом Ли оказалась в сияющей воронке.

Только это была не та сияющая воронка, в которой она только что стояла с Беллой и Маккуином. Эта была значительно выше, без следов сажи и копоты на ребрах ее свода.

И Ли стояла на твердом живом камне, а не на выжженной породе. Эта воронка была заполнена оборудованием, которое она уже видела искореженным и затопленным после пожара. Это было оборудование Шарифи. Ли подняла руку и увидела шрам полумесяцем между большим и указательным пальцем. Шарифи.

Но сейчас она не просто находилась в теле Шарифи. Ли была ею, читала ее мысли, обладала ее воспоминаниями, ощущала ее эмоции. И она поняла, что это стало возможно благодаря какой-то непостижимой комбинации Коэна и самих кристаллов. Даже когда она шла сквозь дремавшую память Шарифи, разум кристаллов использовал Коэна, читал его, пробирался через него так осторожно и запутанно, как нить из сталекерамики проходит сквозь нервы и мускулы. Она слышала, как ликование кристаллов мурлыкающим звуком разносилось по интрафейсу, и так же ясно чувствовала ужас, охвативший Коэна.

Шарифи встала на колени, дотянулась до датчика и подсоединила отошедший кабель. Она продолжала думать, оценивать, вспоминать. Ли содрогнулась, когда осознала, что разум Шарифи не исчез с ее смертью, и ощутила оттенок острой грусти воспоминания. Потому что Шарифи нашла в этой сияющей воронке смерть. Свою собственную смерть там, где она меньше всего ожидала.

– Ну что, ты и будешь все время стоять над душой? – спросила она Войта.

Он сделал шаг назад.

– А где Корчов? Где-то крадет серебряную посуду?

– Я – здесь.

Из тени вышел кто-то. Белла. Конечно. Но Белла никогда не улыбалась такой улыбкой, никогда не ходила такой неторопливой кошачьей походкой.

– Готова? – спросил он.

– Ты бы о своей части сделки заботился, – нахмурилась

Шарифи.

– Разве я забыл об этом?

Шарифи была связана с полевым АИ, и Ли чувствовала мысленный контакт, прочно установившийся между невро-продуктом Шарифи и орбитальной полевой станцией высоко над ними. Она поняла, что система связи Шарифи была намного проще связи между Ли и Коэном. Они могли делать все, что и Шарифи. Но на этом их возможности не ограничивались, они были несравнимо большими. Она почувствовала бурное ликование внутри себя. Волнение ее и Коэна питали друг друга в этом кажущемся пока странным, новом союзе между ней одной и его многими.

«Нам необходимо больше, – подумал Коэн. – Нам нужно узнать, чем она сейчас занята».

Ли сфокусировала свое внимание. Шарифи все еще возилась с проводами и мониторами, проверяла соединение и настраивалась. В это время сознание кристаллов осторожно пробовало и оценивало контакт. Ли чувствовала, как оно за-

биралось в нее, струилось по линии связи к полемому AI высоко над ними, вовлекая в себя Шарифи и AI.

А Шарифи все продолжала возиться. Она медлила.

«Разве она совсем не чувствовала, что соединение уже заработало? Драгоценные данные, результаты ее расчетов, говорили, что пора. Какого черта она ждала?»

Ли угадала ответ сразу же, как задала вопрос. Она знала мысли Шарифи, чувствовала ее пульс, дыхание, острую боль в растянутой мышце. Шарифи ничего не ждала. Она уже получила все, за чем пришла сюда. Эксперимент был закончен. Его свернули сами кристаллы. Она получила ответы – те ответы, которые она спрятала от Ли, от Нгуен, от всех остальных. Теперь она разыгрывала сценарий, по которому она сталкивала Нгуен, Хааса и Корчова друг с другом, и надеялась, что успеет закончить все, пока не придет время платить по счету.

Нгуен была права с самого начала: Шарифи предала их.

Но не Корчову, не Синдикатам. И не за деньги и даже не за Беллу. Она поступила так ради этой первой попытки контакта с водоворотом жизни, струящимся под ребристыми сводами и колоннами сияющей воронки.

Ради этого она и пришла на Мир Компсона. Деньги, слава, мечта о дешевых искусственных кристаллах являлись всего лишь поверхностными причинами. Действительная причина была та же, что привела сюда и самого Компсона, и многих исследователей и ученых после него. Этой причиной была

жизнь – единственная форма разумной жизни во Вселенной, помимо людей и существ, порожденных ими.

Строки из потрепанного «Ксенографа», принадлежавшего Шарифи, стояли в глазах Ли ясно и отчетливо, как камешки на дне горного ручья: «Мы пришли в этот край подобно святым, приходящим в пустыню. Мы пришли, чтобы измениться. Но совсем не изменились. Меняется только то, к чему притрагиваются люди».

И ответом на слова Компсона была пометка, сделанная рукой Шарифи: «Но ты все же указал людям путь, не так ли?»

Эта шахта стала пустыней Шарифи. Она пришла сюда, чтобы увидеть, понять и измениться. И она не собиралась совершать ошибку, которую сделал Компсон. Она не собиралась передавать карты хищникам и доверять Техкому защите кристаллов. Она приняла другое решение.

Ли посмотрела на Войта и Корчова. Они отошли немного в сторону и следили за приготовлениями Шарифи. Человек Хааса и человек Синдикатов. Цель одного – синтетические кристаллы, которые так нужны Синдикатам. Другой... что искал другой? Кому подчинялся Войт, Хаасу или ООН? И кто из них убьет Шарифи?

Вдруг Ли поняла, что не хочет быть свидетелем того, что произойдет сейчас. Она не хотела знать, кто проломит Шарифи голову и искалечит ее руки. Она не хотела наблюдать убийство. Шарифи должна пройти свой путь без посторонних глаз.

Что-то зашевелилось в темноте. Что-то огромное, медленное, древнее. Не чувствовалось никакого движения воздуха, не было слышно ни звука, не видно никаких изменений, но стало понятно, что что-то происходит. Поток данных между Ли и Коэном через интрафейс увеличился. У Ли появилось ощущение надвигающегося потопа, подобное тому, что они чувствовали у входа в сияющую воронку. Затем потоп обрушился на них.

Он проходил через нее, как кровь по артериям. Заполнил ее легкие, мозг, все пространство внутри нее. И когда он заполнил все внутри нее, он создал в ней новые пространства, чтобы поместить туда новые вселенные. Ее кожа растянулась, чтобы охватить океаны и континенты. Ее нервы затвердели, превратившись в жилы углеродных пластов, опутавшие всю планету, ее вены образовали разломы горной породы, глаза стали тусклыми звездами в темном сердце планеты.

Ли видела смены времен года и медленное, не подверженное влиянию этих смен течение времени в недрах земли. Она наблюдала, как поднимаются горы, как движутся континенты. Она видела, как возникает жизнь, борется, гибнет и уходит в темноту. Она смотрела на все глазами каждого из существ, населявших недра, ползавших по коже планеты или плававших когда-то в давно уже высохших океанах. И вдруг, за какое-то мгновение, вода исчезла, и ветер пронесся по степям, в которых не было ничего, кроме мягкого меха водо-

рослей и лишайников.

Ли увидела, как пришли люди. Увидела геологов и землеробов, мигание шахтерских ламп. Она чувствовала энергичное шевеление мира, пробуждающегося от мысли, что у него снова появились дети – странные, ненасытные и способные на убийство.

Шарифи было доступно только слабое эхо того, что ощущала Ли, потому что для нее информация поступала через обыкновенного полевого AI. Но и этого оказалось достаточно, чтобы Шарифи все поняла. И как только она поняла, у нее не осталось сомнений и мыслей о сделках или компромиссах.

Это было так просто и одновременно невозможно. Конечно, им ничего не оставалось, как убить ее.

Что-то щелкнуло, и Ли перестала видеть окружающее, оказавшись отрезанной в пустоте.

Но она была не одна. Кто-то делил с ней эту темную пустоту. Кто-то затаился и ждал в густой чаще кристаллов. Это оказался худой, темноволосый мужчина, его лицо скрывалось в тени. Пока она шла к нему, он то появлялся, то исчезал из вида, подобно звездам в облачном небе в ветреную погоду.

«Только бы не он, – прошептала она. – Пожалуйста, только не он».

Но это был он. Отец, которого Ли помнила уже очень

больным. Он был настолько худым, бледным и высохшим, что выглядел меньше ее. Он поднял свою слабую руку, чтобы стереть с ее лица слезы, хотя Ли и не понимала, что плачет. Она упала в его объятия, зарывшись лицом в его рубашку, которая пахла дождем, угольной пылью и им самим.

«Мы так счастливы. – Эта мысль пронзила ее даже сильнее и глубже, чем мысли Коэна – Так рады, что это – ты».

«Мы...» – повторила Ли.

«Я покажу тебе?»

Он отстранился от нее, не отнимая своих рук, потом сделал шаг назад и принялся расстегивать рубашку.

Ли отшатнулась, закрывая руками глаза. Это был жест испуганного ребенка, чье детство стерлось из памяти, разрушив мост, соединявший прошлое и настоящее, и прервав тропинку от старых страхов к взаимопониманию. Здесь нет никаких чудовищ, – сказал тот, во плоти ее отца. – Их нет. И даже ты – не монстр.

Он делал все мучительно медленно. Она следила, как он расстегивал пуговицу за пуговицей, как делал один вдох за другим; она понимала, что ее сердце остановится, если ей придется увидеть тот черный кошмар, который преследовал ее в снах.

Но сон изменился. Или изменилась она сама.

Его тело теперь представляло собой карту. На нем была изображена вся жизнь этой планеты – планеты, которая дала жизнь им обоим. Его истощенные мышцы стали горны-

ми хребтами, океаны бушевали и волновались в его грудной клетке, все секреты земли жили в нем.

Она в изумлении опустилась на колени, в ушах звенела песня, которую пели камни, окружавшие ее. Она дотронулась до него руками, пытаясь познать и изучить его. Через прикосновения она пришла к знанию. Планета соединилась с ней через него и изменила ее, и она приняла это, как Шарифи.

«Теперь ты понимаешь? – спросил он. – Ты видишь, каким мог бы стать этот мир? Каким он хочет быть?»

«Да».

«Ты веришь в это?»

«Да».

«Действительно?»

Она дрожала. Он не спрашивал, во что она верит. Он спрашивал, что она готова для этого сделать.

«Я не могу, – сказала она. – Не просите меня. Я не могу сделать то, что сделала Шарифи».

ПЛАСТ НА АНАКОНДЕ: 8.11.48

Белый свет. Простор вокруг. Взмах крыльев ястреба над ее головой.

Ли стояла на сухой равнине. Холмы были покрыты серебряно-зеленой полынью. Перед ней лежала сверкающая равнина, где подсолнухи красовались ровными рядами, как на

параде. За ее спиной была стена, увитая цветущим жасмином. Muskusный аромат цветов был возбуждающе экзотичен.

Звук шагов за спиной заставил ее вздрогнуть. Высокая, длинноногая девушка широкими шагами шла через двор, залитый лучами солнца, белая юбка колыхалась в такт ее шагам. Босые ноги девушки были покрыты красной пылью, которая оттеняла рыжевато-коричневое золото ее лодыжек. Каштановые кудри развивались вокруг ее лица, закрывая улыбающийся рот и карие глаза.

«Коэн?»

Ли ощутила его в своем сознании, спокойного и уверенного после ужасов сияющей воронки.

– Планета жива, – спросила она, – не так ли?

– Жива, – повторил он. Она почувствовала, как он рассматривал мысль со всех сторон, обдумывая ее. – Думаю, что это слово ничуть не хуже других.

– Что оно хочет?

– Поговорить с нами. Или, может быть, поговорить с нашими планетами. Я сомневаюсь, что оно понимает, что мы не являемся просто частями большого целого.

– Так что же нам делать?

Он посмотрел на нее, чуть прищурившись от яркого света.

– Этот вопрос скорее к тебе.

У нее сжалось все внутри, когда она вспомнила, для чего она здесь: передать контроль над конденсатами в руки Нгуен

и Техкома. Сделать то, что отказалась сделать Шарифи. Не идет ли она сейчас по следам Шарифи, не спотыкается ли она на тех же неразрешимых проблемах, которые привели Шарифи к смерти?

– А что бы сделал ты? – спросила она Коэна.

– Что бы сделал я? Или что бы сделал я на твоём месте?

Она заглянула в глаза Киары. В них она видела Коэна. Он был так близко, что она почти могла дотронуться до него, ощутить эту постоянно изменяющуюся как в калейдоскопе многогранную сущность.

– И то, и другое, – ответила она.

– Для меня это просто. Или, скажем, определяется выбором, который я сделал так давно, что это уже и не кажется мне выбором. Мне лучше назвать это принципом. Я не думаю, что Техком, или Корчов, или кто-то другой имеют право управлять Миром Компсона. Но это не главное. Это просто... любознательность, я думаю. – Он сделал паузу и посмотрел на землю у них под ногами. – Конечно, ты теряешь больше, чем я.

Она отпустила свои руки, с трудом сдерживая все нарастающее влечение.

– Нам что-нибудь здесь угрожает?

– Нет никакой разницы; мы не можем уйти отсюда, даже если захотим. Разум этой планеты держит нас здесь.

– Разум этой планеты? Откуда ты это взял?

– Это так и есть на самом деле.

Они шли под горячим солнцем Земли – планеты, которая уже умерла два столетия тому назад. Поля, видневшиеся вдаль, уже убрали. Пегие лошади бродили по подсолнуховому полю среди скошенных стеблей, обмахиваясь серебристыми хвостами. Птицы бродили по бороздам в поисках червей. В высоких стеблях прятались невидимые певцы, которых «оракул» Ли назвал кузнечиками.

Ли никогда не видела кузнечиков и постоянно останавливалась и вглядывалась между высокими зелеными стеблями, чтобы найти их. Коэн рассмеялся и спросил, не хочет ли она, чтобы он поймал ей одного.

– Нет! – воскликнула она слишком быстро и резко.

В ее памяти возникла абсолютно четкая картина, несмотря на то что прошло уже более двадцати лет.

Ли в тот день исполнилось двенадцать лет. Отец купил ей малокалиберную винтовку. «Гюнтер». Для нее это был великолепный подарок, хотя и дешевая подделка. С рассветом они поднялись в горы и шли, переходя ручьи, разлившиеся от весеннего паводка. Они были так возбуждены, что даже не останавливались наблюдать за рыбой, прятанной у порогов. Они зашли далеко к каньонам и вдыхали чистый горный воздух, чувствуя, как трудно дышится на такой высоте. Когда отец закашлялся, они спустились ниже и пошли по извилистой дорожке вдоль берега высохшего озера.

Сороки попались на их пути, когда всходило солнце. Оно посеребрило их спины и зажгло синий огонь на перьях их

длинных хвостов.

Сороки играли, перелетая с дерева на дерево, дразня друг друга. Они трещали, как будто насмехаясь над неуклюжими, глупыми, не умеющими летать людьми. Ли любила сорок. Ей нравились их вызывающая красота, плавный изгиб крыльев, их бесстыдная веселая вороватость. Ей очень хотелось завести себе сороку.

Ли прижала приклад ружья к плечу, как учил ее отец, и прицелилась, следуя точным рефлексам, которые она как генетическая конструкция имела с рождения, до того как первый элемент биопродукта был вживлен в ее спину специалистами из Космической пехоты. Она мягко нажала на спуск и почувствовала, как ружье подчинилось ей: сработали ее мозг и спусковой механизм. Прозвучал выстрел, и сине-черно-белое великолепие из сороки превратилось в комок окровавленных перьев.

Птица упала в лужу. Ли запомнила это очень отчетливо. Она помнила, как бежала к ней, страстно желая разглядеть ее, взять в руки, обладать ею; как опустилась на колени прямо в грязь, подняла грязную, поникшую птаху с разбитой грудью. Затем она расплакалась. Это было последнее воспоминание о плачущей Кэтлин Перкинс. Определенно, она не плакала, когда умер ее отец.

Выплывая из своей памяти, Ли почувствовала Коэна.

«Ты охотница или птица?» – спросил он. Этот вопрос мог задать только Коэн.

Она заглянула в сверкающие золотыми крапинками глаза Киары и подумала, что птицей были и планета, и шахтеры, и кристаллы. Все, что использовали и разорили люди.

– Думаю, что я и то, и другое, – ответила она.

И она почувствовала, как Коэн принял и произнесенный вслух, и мысленный ответ. Не отвечая, он протянул руку через ее плечо, вынул из зелени трещавшего там кузнечика и посадил его на ладонь.

– Разочарована?

– Нет, – сказала Ли.

– Она красива, правда?

– А это она?

– Пусть она над этим задумается.

Он поднес руку к стеблю подсолнечника. Кузнечик медленно перелез на стебель, уселся и снова затрещал, будто визит к Коэну был всего лишь легкой прогулкой под теплым солнцем.

– Как ты это сделал? – спросила Ли.

– О, это все – я. Это место в Испании когда-то было моим. Теперь, конечно, нет. Мы в одном из моих дворцов памяти. Чтобы ни делали с нами кристаллы, для этого они используют мои сети. Они просто... заперли нас в задней комнате, пока обыскивают дом. Полагаю, это можно так назвать.

– О Боже!

– Да. Пусть. А что мы можем сделать? И ведь ты не хочешь узнать, что там творится. Думаю, это ближе к стрельбе по

сорокам, чем к ловле кузнечиков.

Она смотрела на него, пораженная. А он наклонился над кузнечиком, рассказывая об их повадках, о том, чем они питаются и как стрекочут при помощи своих ножек.

– Они всегда выбирают жаркие сухие места, – рассказывал он. – Испания. Техас. Благодаря их фантастическим звукам даже во сне отгадаешь, где ты.

– Они вымерли?

– Задолго до того, как ты родилась, моя дорогая.

– Они собираются превратить Мир Компсона в другую Землю. В другой Гилеад. И мы не можем их остановить, да?

– Мы можем перейти на сторону противника.

– И выиграем немного времени. Да, Коэн? А стоит?

– Для меня – да. Если ALEF получит интрафейс.

– А что, если ценой, заплаченной за интрафейс, будет потеря планеты в пользу Синдикатов?

– Я ничего против Синдикатов не имею. Может быть, ты имеешь. А может быть, ты и права. – В его словах чувствовалось раздражение. – Я не могу делать выбор за тебя.

Ли шла, волоча ноги по земле и поднимая клубы красной пыли со дна борозды. Она потянулась к Коэну, прижалась к нему, ощущая форму его тела, его масштабы и непостижимость. И он ответил ей. Они обнялись и снова отстранились друг от друга, повернулись и пошли обратно, словно исполняли некий танец, с каждым движением возводя новую стену взамен разрушенной, с каждым шагом закрывая дверь за

следующей, которую открывали. Они вели себя так, будто в своем распоряжении имели бесконечность.

На самом деле времени уже не оставалось.

– Коэн, – спросила она.

– Что? – Он зашел немного вперед, повернулся и стоял к ней лицом.

– Что ты сказал тогда на Альбе об... AI. О том, как их можно соединить. Ты думаешь, кто-нибудь способен вмешаться и все изменить? Изменить их код? Изменить задачу, для выполнения которой они были созданы?

– Мы что, все еще рассуждаем о политике?

Ли почувствовала за его словами шквал незадаанных вопросов.

– Нет. Или... ну, не только о политике.

Он бросил на нее взгляд, который она часто замечала в последнее время. Взгляд, говоривший, что решение за ней, и не оставлявший возможности для отговорок.

Они встретились глазами. Мгновение, когда она могла рассмеяться, или отвернуться, или отойти в сторону, миновало.

– Я думаю, что кто-то мог бы попытаться все изменить, – сказал Коэн. – Я думаю, что попытка не была бы бессмысленной, даже при неудаче. Я думаю, что даже желание изменить значит многое.

Ли собралась с духом, будто собиралась выпрыгнуть из окна.

– Я хочу, чтобы мы выбрались из этого всего вместе, – сказала она.

Она не могла заставить себя смотреть на него, когда произносила это, но ей хватило решимости договорить фразу до конца. И она знала, что он понял ее признание, скрытое за этими простыми словами.

– Я тоже на это надеюсь, – сказал Коэн. На его губах появилась хитрая улыбка. – Ну, а что это за вздор с Беллой?

– Ничего. Как ты сказал? Просто вздор. – Ли покраснела, подняла голову и встретила взгляд его карих глаз, изучавших ее. – Что?

– Докажи это.

Он сказал это легко, шутя. Но всего лишь на мгновение Ли уловила вспышку желания за его словами. Себя саму, распростертую над ним. Ее рот на его губах. Ее колено, раздвигающее бедра Киары.

– И что, черт побери, это докажет? – спросила она. Он пожал плечами.

– Секс – это не обещание, Коэн.

– Даже не обещание попытаться захотеть попытаться?

– Ну... Может быть, и так. – Она сделала шаг к нему. – Доказать, хм? Ты понимаешь, как это по-детски звучит? Кто бы мог подумать, что ты еще дитя?

Киара была значительно выше ростом, поэтому Ли пришлось встать на цыпочки, чтобы дотянуться до ее губ. Она запустила руки в ее кудри медового цвета, вдыхая чистый,

теплый, безопасный запах, который везде сопутствовал Коэну, и почувствовала страсть, вспыхнувшую в нем при ее прикосновении.

Первый поцелуй был неспешным, словно они пробовали друг друга. Как будто неожиданно, после всего пережитого вместе, после всех секретов, которыми им приходилось делиться, после всех битв и сражений, они вдруг почувствовали смущение. Даже в соединении Коэн молчал. Он дал ей губы Киары, мягкие, открытые, податливые. Но все остальное – то, что она видела среди цветов шиповника, чувства, о которых он всегда говорил, даже когда ей не хотелось слышать о них, – все это выглядело призрачным и нереальным, как чужие воспоминания.

Ли отстранилась и заглянула в карие глаза.

– Ты собираешься помочь или будешь наблюдать оттуда?

В ответ она почувствовала обжигающий смех Коэна, языками пламени пробившийся через соединение. И что-то еще за его смехом: сомневающееся, неуверенное, вопрошающее.

– Я долго добивался тебя, – сказал он. – Может быть, нужно, чтобы и ты немного поухаживала за мной.

Ли улыбнулась, не понимая, относится ли эта улыбка к нему, или к ней самой, или к той смешной путанице, устроенной ими обоими.

– Я думаю, у меня получится, – сказала она.

Ли проснулась в ознобе. Ей было холодно до боли. Голова

трещала. Во рту было так сухо, словно ее достали из холодильника. Кто-то тряс ее.

Она открыла глаза и увидела Беллу.

Нет. Корчова. Это должен быть Корчов.

– Я плачу тебе за работу, – сказал он. – А не за то, что ты трахаешься на рабочей площадке. Чем это вы оба здесь занимаетесь?

Она открыла рот, чтобы ответить ему, но у нее вырвался лишь слабый хрип.

Над плечами Беллы появилось лицо Маккуина.

– У нее сейчас будет шок, – сказал он.

Корчов не обратил на его слова никакого внимания, отмахнувшись от них в нетерпении.

– Где Коэн? – спросил он.

Ли почувствовала панику. Где же он? Что он сказал, когда они впервые встретили разум планеты? Зачем он испытывает их? Пользуется ими? Какую часть Коэна он мог забрать до того, как Коэн исчез? Сколько времени у них осталось?

Корчов заставил ее сесть и глотнуть немного воды. Когда она проверила свои внутренние устройства, то поняла, что после встречи с сияющей воронкой прошло почти два часа. А сколько времени прошло в течение каждой минуты, которую она провела в этих видениях? Было ли это галлюцинациями, о которых говорил Дэйвз? Призраками, о которых первопоселенцы предупреждали Компсона?

«А те, кто подслушал их, остаются и слушают, и засыпают,

и умирают там».

Она сильно вздрогнула и ударилась зубами о горлышко бутылки, которую Корчов поднес к ее рту.

– Тебе нужно снова войти в контакт, – сказал Корчов.

– Они сами входят в контакт с нами, – горько рассмеялась она.

На самом деле уже отвечал Коэн через нее – способом, который стал казаться вполне нормальным.

– Они делают это уже много дней. С первого раза, как Кэтрин спустилась сюда.

Корчов побледнел:

– Это же говорила Шарифи.

– Значит, Шарифи и разбудила их, – сказал Коэн. – Или это сделал взрыв на «Тринидаде». А теперь они проснулись и ждут, что их выслушают.

– Тогда помоги нам Боже, – прошептал Корчов. Сердце Ли застучало быстро и неровно.

– Что же там случилось на самом деле?

– Примерно с минуту все шло хорошо, – ответил он. – Но потом я внезапно вышел из шунта. Как будто откуда-то вытянулась огромная рука и... вытолкнула меня. Мне так и не удалось вернуться назад.

«Он говорит правду, – шептал Коэн в ее голове. – Разве ты не понимаешь, что произошло? Что должно было произойти?»

Ли удалось ухватить его мысль в тот миг, когда она про-

носились в его сознании. Но все, что она увидела, был образ растерянной Шарифи, преданной и напуганной. И взялся ли этот образ из ее сознания или из сознания Коэна, определить было невозможно.

Затем она снова оказалась в сияющей воронке.

– Я включила, – сказала Шарифи.

Войт отвернулся от монитора, за экраном которого он наблюдал. Его глаза бегали от одной женщины к другой, и Ли догадалась, что он тоже ждал чего-то.

Ли услышала, как Коэн эхом повторил ее мысль, и поняла, что он был вместе с ней. Она потянулась к нему, дотронулась и успокоилась.

Белла шагнула вперед.

– У тебя с собой данные?

– Корчов, тебе видно то, что видит Белла? Ты слышишь их разговор?

– Нет.

– Тогда ты еще не знаешь. – Шарифи улыбнулась. – Но скоро узнаешь.

Войт хмыкнул.

– И не забывай, – сказала Шарифи, – что у тебя две недели на то, чтобы доставить это сюда. Не сделаешь в срок и считай, что никаких договоренностей между нами не было.

Корчов наклонил голову, встав в галантную позу. Затем он исчез, а Белла осталась стоять, мигая и слегка покачиваясь,

пока не пришла в себя.

Шарифи протянула руку и пригладила волосы Беллы. Это был защищающий жест, свойственный как матери, так и возлюбленной. Белла в ответ по-кошачьи наклонила голову, принимая эту ласку. Она смотрела в глаза Шарифи, своим взглядом полностью отдаваясь ей. Она впивала в себя Шарифи так, словно та была единственной реальностью Вселенной.

Шарифи дотронулась до ее виска и щелкнула контактным переключателем. Затем она вытянула левую руку ладонью вверх. Белла закрыла ее ладонь своей, и Ли увидела, как заработало подсознание в периферийном зрении Шарифи.

«Передача данных инициирована», – объявили внутренние устройства Шарифи. Цифры закрутились, подсчитывая группы массивированной передачи данных.

Следя за цифрами, Шарифи не заметила, как Войт сделал шаг в ее сторону. Но Ли увидела его. Он держал заряженную и нацеленную на Шарифи «гадюку».

В следующий миг Шарифи поднялась с пола и выхватила пистолет из кармана комбинезона.

– Ты опоздал, Войт. Это уже сделано.

– Не сделано, пока Белла здесь, – сказал Войт. – Не сделано, пока ты еще не убралась отсюда.

Он приблизился к ней еще на один шаг.

Шарифи сняла пистолет с предохранителя. Цель колебалась в ее глазах, она тряслась от адреналина, но выглядела

решительно.

– Я застрелю тебя, Войт, если понадобится, но лучше давай договоримся. Называй цену.

– Мою цену? – сказал Войт усмехнувшись. – Я солдат, а не шлюха.

– А есть разница?

Он сделал еще один шаг в ее направлении.

Она спустила курок. Искры дугой отлетели от каменного пола в нескольких сантиметрах от его правой ноги.

Войт остановился, но не подал вида, что испугался. В этом он напоминал Ли. Для того чтобы испугать его, требовалось больше, чем шальная пуля, пущенная рукой непрофессионала. Но, по крайней мере, он насторожился.

– Забери у него эту штуку, – сказала Шарифи Белле. Белла подошла к Войту и взялась рукой за короткий ствол «гадюки». Войт не сопротивлялся, когда она забирала у него оружие. Он даже улыбнулся, когда она взяла его. От этой улыбки у Ли волосы встали дыбом.

– Хорошая девочка, – произнесла Шарифи. – Теперь дай это мне.

«У нас проблема», – сказал Коэн.

«Боже, только не сейчас!»

«Проблема в реальном времени. Кто-то выпустил ракету земля-воздух с поверхности планеты».

Ли почувствовала, как эта ошеломляющая новость от-

толкнула ее от Шарифи и сбила синхронность восприятия памяти Шарифи.

«Они направили ракету в орбитальную станцию телепортации».

Коэн не озвучил свою следующую мысль, но она успела ухватить ее: «Может, Корчов поспешил со своими действиями».

«Что нам делать?» – спросила она.

Но она знала ответ еще до того, как задала вопрос Ракета ударит по станции телепортации в течение нескольких минут. И если она разрушит станцию, то Коэн потеряет связь с внешним миром. И тогда пропадет любая надежда на то, чтобы получить информацию Шарифи или вернуть самого Коэна из шахты.

Они должны выбираться оттуда до того, как это произойдет.

– Сколько тебе платит Хаас? – спросила Шарифи. – Я заплачу больше.

Войт снова рассмеялся.

– Мне никто ничего не платит. Возможно, что ты и поймала меня с кассой, но это – не предательство, и я – не предатель. И если говорить о плате, то что может предложить Корчов, кроме продажной сучки Хааса?

– Заткнись, Войт!

– Что, задело? Не нравится продавать государственные

секреты в обмен на подержанный товар?

Шарифи посмотрела на Беллу, которая замерла между ними. Лицо Беллы бледным пятном расплывалось в свете лампы.

– Я не продаю их, – сказала Шарифи. – Знание никому не принадлежит. И жизнь не принадлежит никому.

– Оставь свои рассуждения для других.

И тут Белла в мгновение ока одним быстрым и ловким движением перехватила рукой шею Шарифи, приставив «гадюку» к ее виску.

– Брось пистолет, – сказала она.

Шарифи попыталась повернуться, но Белла еще сильнее сжала ее шею и вонзила в нее острые клыки «гадюки». Шарифи уронила пистолет. Он шумно заскользил по настеленному на полу пещеры шиферу и закатился под монитор коррекции канала.

– Подними пистолет, Ян, – сказала Белла. – Он нам понадобится, если она что-нибудь нам устроит.

Ли сразу же вспомнила, что Войта звали Яном.

– Корчов? – спросила Шарифи, ее голос и все тело дрожали.

Белла рассмеялась.

«Я узнала этот смех», – подумала Ли. И тут же поняла, что Шарифи узнала его тоже.

– Хаас, мне нужно поговорить с Нгуен.

– Чепуха, – ответил Хаас.

– Ты не можешь так рисковать! Здесь не тебе решать. Нгуен должна знать об этом.

– Ох, конечно, она узнает об этом. – Хаас развернул Шарифи и подтолкнул ее вверх по лестнице. – Ты не беспокойся.

Наверху лестницы Шарифи повернулась.

– Послушай, Хаас...

– Нет, ты послушай. – Он развернул ее снова и приставил «гадюку» к ее виску. – Попробуй еще раз открыть рот, – сказал он очень спокойным тоном, – и это будут твои последние слова.

Шарифи заглянула в темно-лиловые глаза Беллы и увидела, что на нее смотрит Хаас. Что-то мелькнуло в этом взгляде, какой-то скрытый сигнал, вызванный инстинктом самосохранения, для которого у Шарифи не было названия, но который Ли помнила по сотням боев.

Шарифи побежала.

ПЛАСТ НА АНАКОНДЕ: 8.11.48

Возможно, Шарифи и удалось бы убежать, если бы она не поскользнулась на обломке шифера и не упала.

Войт догнал ее, когда она уже поставила ногу на нижнюю ступеньку лестницы, ведущей на «Тринидад». Он ударил ее по голове ребром ладони, и она рухнула снова.

Она с трудом поднялась и попыталась бежать, но не смог-

ла. Если Шарифи не осознала, то Ли поняла совершенно точно, что Войт наносил этот первый удар, опасаясь убить ее сразу. Он рассчитал силы и не использовал свои усиленные сталекерамикой мышцы. И этого было достаточно. Войт сделал все так, как сделала бы сама Ли. Он бил с жестокой точностью своих улучшенных рефлексов. Он поставил ей подножку, действуя своими ногами так, что от удара ее подкинуло вверх и вбок, а когда она упала, нанес ей четыре быстрых и тщательно выверенных удара по ребрам. Ли услышала, как с треском сломались ребра Шарифи, и поняла, что одно из ребер пробило Шарифи легкое. И она совершенно не сомневалась в том, что произойдет, если Войт не остановится. Но он прекратил, отошел в сторону и стал ждать, как только убедился, что она не сможет подняться.

Хаас догнал их, когда Шарифи рухнула, корчась от боли. Он посмотрел на нее через плечо Войта.

– Что она тут говорила о Нгуен? – спросил он у Войта. – Узнай у нее, что интересует Нгуен.

Войт повернул Шарифи на спину и взял ее руку. Он делал это медленно, почти ласково, и Ли поняла, почему Белла всегда так странно рассказывала о нем. Ли поняла это всем своим существом и мысленно пожелала Шарифи быстрой и безболезненной смерти. Потому что Войт, чем бы ни прикрывался, как бы ни оправдывал себя, был прирожденным садистом.

Он улыбался. У него была хорошая улыбка симпатично-

го мужчины. Он спокойно разъяснил Шарифи, что во время допроса существует опасность прокусить язык, достал тряпку из кармана, протянул ее Шарифи и показал, как засунуть в рот. Затем подождал, пока она сделает это. Дал ей время на размышление.

Ли наблюдала, как разворачивалась эта отвратительная сцена. Она почувствовала, как замедлился пульс Шарифи, как ее кожа сначала стала липкой, а потом сухой. Шарифи взглядом уперлась в Войта. Ее глаза следили за ним, словно он был любовником, каждое желание которого она стремилась исполнить. Словно вся ее жизнь зависела от его счастья.

Она встречала таких, как Войт, на Гилеаде. Им не было числа. Ли всегда старалась не сталкиваться с ними, когда они делали свою работу. Хотя она и пользовалась полученной ими информацией, внимательно изучая каждое слово.

«Кэтрин?»

Стыд сжимал сердце Ли.

«Позже, Коэн. Тебе не нужно на это смотреть».

«Это не может ждать», – сказал он.

Она так погрузилась в страх и боль Шарифи, что не сразу поняла его.

«Ракета подлетает к полевой станции».

Им нужно было выбираться отсюда. Пока не погиб полевой AI, а они сами не оказались в этой шахте, как в ловушке, отрезанные от запасных вариантов Коэна, в полной зависи-

мости от самодельной сети Фритауна, которая не могла поддерживать его системы без помощи полевого АІ.

«Я смогу вытащить тебя отсюда», – сказал он, вытягивая мысль из ее головы так легко, будто она произнесла ее вслух. И так же легко она читала его невысказанные мысли. Он вытаскивает ее отсюда, но только ее одну.

«Тогда мы останемся и рискнем», – сказала она ему.

А в это время пытка в сияющей воронке продолжалась.

Войт связал Шарифи руки. Он разговаривал с ней спокойно и рассудительно. Он достал небольшой нож и приставил к ее груди, чтобы она могла видеть его, наклонив шею.

За Войтом слабой тенью стояла Белла и наблюдала происходящее. Когда Войт приступил к работе, она немного приблизилась, и Ли увидела на ее лице – лице Хааса – особое выражение виноватой завороченности, которое возникает даже у привыкших к насилию, когда они впервые наблюдают жестокий допрос. Войт ждал, когда Шарифи заговорит. Он так точно и правильно рассчитал время, что Ли могла предсказать каждый стон, который он проигнорирует, каждую безнадежную мольбу, в ответ на которую он сделает вид, что ничего не понимает. И когда он наконец вытащит кляп из ее рта и даст ей возможность говорить, она расскажет ему все, чтобы прекратить мучения.

Но Шарифи ничего не сказала. И когда Ли зашла в ее сознание, чтобы понять источник ее силы, она нашла надежду – нет, уверенность и веру в спасение. Шарифи играла, как

она и делала всегда. Она поставила на карту то, что нужна Нгуен живой, то, что была слишком знаменита, чтобы так умереть. Рассчитывала, что она слишком важная фигура для Нгуен, несмотря на предательство.

Раньше игра всегда удавалась ей. Шарифи, как и Ли, сопровождала удача. Всю свою жизнь она поддерживала в себе веру в инстинкты игрока. И если бы не Белла, то и этот расклад был бы в ее пользу.

Когда взорвалась ракета, Ли подумала, что это был разряд «гадюки».

Она находилась уже не в сияющей воронке. Невероятным образом оказавшись в полутемном беспорядке антикварной лавки Корчова, она пыталась сориентироваться.

Корчов сидел за своим письменным столом, его голова склонилась, лицо закрылось тенью, оранжевые круги контактных пластырей пульсировали у висков. Снаружи мимо витрины быстро промелькнули какие-то тени. Из задней комнаты до Ли донесся глухой удар металлического затвора винтовки.

В одно мгновение все в магазине пришло в движение. В Корчова из-за шторы сзади вылетела огненная дуга выстрела из импульсной винтовки. Через входную дверь в магазин ворвались люди в камуфляжной форме – десантники в масках со штатным оружием войск ООН. Эмблемы их части на форме были заклеены черной лентой.

Ли потеряла картинку. Лихорадочно пытаюсь соединиться с кем-либо, чтобы узнать, кто ворвался в сеть Корчова, она вошла в линию одного из стрелков на узком канале КПОН, когда тот ногой переворачивал тело Корчова.

Когда на лицо упал свет, оказалось, что оно вовсе не принадлежало Корчову.

Это было лицо Аркадия.

Она стала спрашивать Коэна, видел ли он, что произошло и что это за вооруженные люди, но прежде, чем она закончила мысль, оказалось, что они попали в ловушку в реальном времени. Лавка Корчова исчезла. Исчез и Коэн. Ли оказалась одна, по-настоящему одна, впервые за многие дни. И она была заживо погребена где-то в прошлом, настоящем или будущем сияющей воронки, которые не имели ничего общего с тем, что разум планеты показывал ей.

Она сделала шаг вперед и замерла, ничего не видя перед собой.

– Осторожно.

За ее спиной стоял Гиацинт. Он выглядел усталым и измученным. Его лицо было измазано угольной пылью, а рваные шнурки, свешивавшиеся с его плеча, были связаны узелками.

Ли глядела на него так, как будто перед ней появился тигр.

– С тобой все в порядке? – спросил он.

Она шагнула к нему, посмотрела в его темные глаза и убедилась, что это действительно Коэн.

– А ты – в порядке? – спросила она.

– Пока да.

– Что это значит?

– Разум планеты пользуется моей сетью. Он использует меня так же, как использовал полевого AI после первого пожара. Я не думаю, что у него есть еще какой-нибудь способ организовать собственные мысли... по крайней мере, чтобы они были понятны нам.

– Но тебе не придется долго ждать, – сказала Ли. – Нгуен...

– Нгуен даже не попыталась перехватить ракету, которая уничтожила полевого AI, – сказал Коэн. – Кажется, ее больше интересует покончить с Корчовым.

Он задержал дыхание и задрожал. Образ Гиацинта пугающе замелькал.

– Что случилось? – спросила Ли.

– Ничего, – быстро ответил он, – но в голосе прозвучала какая-то неуверенность. – Мне страшно, – признался он в конце концов. – Он хочет, чтобы я собрал его. Собрал его воедино. А я... не могу.

– Коэн...

– Он разрывает меня на части, чтобы собрать себя воедино. Он делает со мной то, что сделал с Шарифи, с твоим отцом, со всеми, кто умер там, внизу. Кроме того, из опыта с полевым AI он понял, что AI лучше всего подходит для его целей. И если он будет действовать через AI, то получит до-

ступ в потокопространство, поймет его и начнет его использовать. – Он вдруг заговорил быстрее, слова начали путаться. – Тебе нужно обратиться в ALEF, Кэтрин. О тебе знают и позаботятся. Я уже устроил. Все в твоём распоряжении. Все, что есть. Конечно, ты потеряешь несколько сетей. Некоторые не смогут воспринимать тебя, как и никаких других людей. Не беспокойся из-за этого. Ты продержишься, пока все не заработает. С ALEF можно связаться через...

– Прекрати! Ты справишься.

– Но если что-нибудь случится...

– Ничего не случится!

Он протянул руку, чтобы дотронуться до ее лица, но она отстранилась. Ее горло сдавила паника.

– Не жертвуй собой ради меня. Я не переживу это. Я не позволю тебе так поступить. И я прокляну тебя за это.

– Не говори так, Кэтрин.

– А что, черт возьми, ты хочешь от меня услышать? – прокричала она.

«Я хочу, чтобы ты сказала, что любишь меня».

Он шагнул к ней, и на этот раз она не отошла в сторону.

– Хорошо, когда все закончится, я приглашу тебя выпить и скажу тебе.

– Скажи мне сейчас, – прошептал он. – Просто на всякий случай.

И она сказала. Произнося слова, она заикалась. Но она сказала это.

Потом он обнял ее, и она прижалась к нему. И все стало так просто. Что-то произошло при его прикосновении, о чем она даже не подозревала. Она впервые почувствовала в себе новую, неисследованную часть своего сердца, которая уже принадлежала ему, вмещала всю его сущность, как будто была специально создана для него.

На этот раз никто ни за кем не гнался и никто ни от кого не прятался. Все, что они чувствовали, протекало через них, как стремительный водопад.

– Надеюсь, сейчас нам говорят правду, – сказал Войт.

Голос его звучал ровно, но в нем самом было веселое оживление, от которого Ли мутило. Шарифи все еще лежала на ступеньках. Ли чувствовала, как холодный камень впивается в ее спину, давя на сломанные ребра. Она моргнула, и боль острым ножом пронзила ослепший правый глаз.

«Боже, что они с ней сделали?»

– Она умирает? – спросил Хаас.

Ли почувствовала в его голосе сомнение: осторожную неуверенность гражданского человека, не способного определить, какую степень насилия может выдержать человек.

– Я знаю, что делаю, – ответил Войт. – Никуда она не денется.

– Твое записывающее устройство выключено?

Войт раздраженно дернулся.

– Я не полный дурак.

– Хорошо. – Во время разговора Хаас подошел ближе и протянул тонкую руку Беллы к «гадюке». – Дай мне это.

Войт помедлил, потом протянул оружие Хаасу. Хаас обошел Войта и приставил язык «гадюки» к голове Шарифи.

– Осторожней, – сказал Войт.

Он говорил наигранно спокойным голосом солдата, наблюдающего, как другой неумело обращается с оружием, и пытался не испугать его, чтобы он не сделал еще большей ошибки.

– Ну, я постараюсь, – ответил Хаас.

Войт слегка расслабился. Но Ли заметила через зрячий глаз Шарифи то, чего не мог видеть Войт. Она видела выражение лица Хааса.

– Ты что думала, что я не знаю? – спросил он у Шарифи. – Ты что думала, я просто так отойду в сторонку и позволю тебе трахаться с ней?

Но Шарифи не слышала его.

Она слышала только голос Беллы, видела только любимое лицо, склонившееся над ней, чувствовала руку Беллы, прикасавшуюся к ней. От этого прикосновения уходила боль.

Она протянула руку легким жестом, подобным дыханию или нервной дрожи. Ли единственная услышала тихий щелчок курка.

В момент смерти Шарифи над ними сдвинулась глыба и с грохотом упала. Волна горячего воздуха прокатилась по штольне. Она была настолько сильной, что сбила Беллу с ног,

и та упала на колени.

– Беги! – закричал Войт, но его голос затерялся в шуме падающих камней.

«Они погибнут», – сказал Коэн.

Ли услышала, как закричал Войт, но звук, казалось, доносился издалека. Она увидела, как Хаас провел рукой по лбу Беллы, и поняла, что он успел выйти из шунта вовремя. Затем сломался последний барьер, и разум планеты вырвался на свободу. Скинув оковы, он прорвался сквозь Войта и Беллу, через Ли и Коэна, как степной пожар по сухой траве.

В один сюрреалистический момент она увидела все. Темную пещеру вокруг нее. Смесь сталекерамики и живой ткани под собственной черепной коробкой. Залитые ярким светом кремниевые аллеи сетей Коэна. Антикварную лавку, пахнущую чаем и сандаловым деревом. Бесчувственное тело Аркадия, распростертого среди элегантной мебели со старинных кораблей. А над собой, вокруг себя и во всем – бесконечную тяжесть и темноту, миллионы голосов, рожденных разумом планеты. Камни пели.

В конце концов Коэн, или то, что от него осталось, отсоединил Ли. В последний момент она звала его, не будучи уверенной, что он слышит. Она проклинала его, себя, Корчова, Нгуен, всю эту планету-убийцу.

Потом Ли оказалась одна в темноте, а от Коэна не осталось ничего, кроме пустоты внутри – там, где было его место.

ПЛАСТ НА АНАКОНДЕ: 9.11.48

Сухой ветерок обдувал лицо Ли. Он внезапно появлялся и исчезал, как вода в пустынном колодце.

Внутреннее оборудование Ли находилось в плачевном состоянии. Блуждающие блики, фрагменты. Долгие часы, проведенные в шахте, серьезно повредили ее тело. Но за этим пряталось что-то сильнее физической боли: память о том, что Войт творил с Шарифи; кружившийся хаос живой тьмы, куда бросился Коэн, чтобы спасти ее.

Белла и Маккуин стояли рядом и смотрели на нее. На их бледных и осунувшихся лицах застыло выражение ужаса.

– Вы видели это? – спросила Ли, поднимаясь, чтобы сесть.

Белла кивнула.

– Что с Коэном? Ли отвернулась.

– Я сочувствую, – сказала Белла с выражением искренней печали. – Он был... добрый.

Вместо ответа Ли проверила клапан на своем дыхательном аппарате и свои внутренние устройства. Она убедилась, что, по крайней мере, основные программы функционировали, и быстро подсчитала расход воздуха.

– Нам пора идти, – сказала она. – У нас осталось всего двадцать восемь минут, чтобы добраться до Мирс и свежих баллонов. А может быть, и меньше.

Взглянув на Маккуина, она заметила, что его лицо вы-

глядело мертвенно-бледным, хотя, возможно, причиной был свет ламп.

– Я... не очень-то много чего видел. Просто слонялся вокруг и видел только отрывки.

– Ты немного пропустил, – сказала она, поднимая свой дыхательный аппарат.

– Кэтрин? – спросила Белла. – Мы успеем добраться до Мирс? Сколько времени нам понадобится?

– Меньше двадцати восьми минут, – ответила Ли. – Или вечность. Пошли.

Шахта ожила. Она грохотала, звенела, пела. Звук резонировал в груди Ли, вызывая пульсацию в пальцах и зубах. А по интрафейсу, вспыхивая и замирая в каком-то неопределенном ритме, со свистом проносился неподконтрольный ей высокоскоростной поток данных, который замыкал ее внутренние устройства и высвечивал одно за другим зашифрованные статусные сообщения, похожие на следы от трассирующих пуль на сетчатке ее глаз.

Она на ходу проверила интрафейс. Он работал, несмотря на отсутствие Коэна. Один раз ей почти удалось получить доступ к дворцу памяти и его операционным системам, но инфраструктура не развертывалась, и ей в конце концов пришлось отключиться, ограничившись прогулкой по пустой аллее загружавшейся программы. Сам Коэн призрачно присутствовал, как будто физически реальный, так как ее тело отказывалось признать, что он больше не является частью ее са-

мой. Это чувство, это ощущение, что он одновременно был и не был здесь, напоминало ей рассказы о людях, переживших ампутации: они спустя годы чувствовали боль в утерянных конечностях.

Они добрались до условленного места за двадцать девять минут и двадцать секунд. В дыхательном аппарате Беллы, которым она пользовалась очень скупно, воздуха осталось еще на четыре минуты. Ли уже отдала свой собственный аппарат Маккуину. Мирс не ждала их, но, завернув за угол, они обнаружили свежие баллоны, блестящие в темноте.

– Нам, однако, не хватает еще одного, – сказала Ли, пересчитав баллоны.

Она прислушалась, пытаясь уловить звук тросов и спускаемых баллонов, но услышала только потрескивание крепежа в мрачном молчании нависавшего потолка.

Она опустила на пол рядом с ближайшим баллоном и начала быстро загружать встроенный компьютер и подсоединять шланги подачи воздуха.

Как она ни старалась, ей не удалось заставить воздушный клапан баллона работать. Времени не оставалось совсем. Она поднесла маску ко рту и попыталась вдохнуть. Никакого результата. Причина была не в клапане.

– В чем дело? – спросил Маккуин.

В его голосе появилась нервная нотка, которую Ли не замечала раньше, даже когда он понимал, что воздух почти на исходе, а до места встречи оставалось еще идти.

– Я не знаю, – ответила Ли.

И тут индикатор наконец замигал. Стрелка опустилась на красную зону, задрожала и остановилась. Ли потянулась к клапану подачи и повернула его – он свободно закрутился при первом прикосновении. В баллоне отсутствовало давление.

Она поняла все сразу: кто-то открыл клапан и выпустил воздух. Из всех баллонов.

У них не было воздуха.

– Мирс! – закричала она, вскакивая, и побежала по извилистому штреку.

Ли нашла ее в двадцати метрах за следующим поворотом. Ее рука все еще сжимала трос. Последний баллон со сжатым воздухом лежал рядом. Ли заглянула в ее еще ясные голубые глаза, посмотрела на голову, слегка повернутую набок, и вспомнила, сама того не желая, крылья сороки.

Горло Мирс было перерезано от воротника комбинезона до мягкой впадинки под ухом. Она быстро истекла кровью. Возможно, за считанные секунды. Ли не заметила никаких следов борьбы. Казалось, что в луже вокруг Мирс была вода или техническая жидкость, если бы не густой медно-ржавый запах.

– Почему? – прошептала Белла. – Зачем?

– Чтобы остановить нас, – ответила Ли спокойным профессиональным тоном.

– Что мы будем делать? – спросил Маккуин.

– Мы найдем тех, кто убил ее, и заберем у них воздух.

Когда это произошло, Ли была готова. В глубине сознания она предвидела такое развитие событий. Она ощущала незначительные отдельные признаки того, что их преследовали. Она вслушивалась в эхо, ожидая услышать приглушенные шаги сзади.

Ее смутные подозрения стали принимать четкую форму, когда она вдруг заметила в глазах Маккуина странное выражение, которое он тут же постарался скрыть. Горячая волна адреналина пробежала по ней: «Маккуин предал меня! Где я ошиблась?». Каким-то образом Хаас переманил его на свою сторону. Доказательство было прямо здесь, перед ней, в этих широко открытых голубых мальчишеских глазах.

Ли объявила остановку, выбрав для этого нишу в породе в стене прохода, потянулась и уселась недалеко от него, приклонившись спиной к каменной глыбе.

– Как они догадались, где найти ее? – спросил Маккуин.

Он быстро произносил слова, хватаясь за первое, что приходило в голову, стараясь заглушить шаги, которых тоже ждал.

– Ведь до этого все было в порядке. Она нас встречает, и мы все выбираемся отсюда.

– Кроме Коэна.

По выражению лица Маккуина она поняла, что он не по-

нял, о ком она говорила. Он никогда не встречался с Коэном и, возможно, думал о нем как о предмете оборудования.

– Ну да, – сказал Маккуин. – Ну... вы понимаете, о чем я.

– Конечно, – ответила она. – Я понимаю.

Она замерла в напряжении, вслушиваясь в темноту. «У каждого свои слабости», – подумала она. А их слабостью было оборудование.

Мерцающая двойная картинка появилась у нее при попытке удержать в сознании одновременно потокопространство и реальность. Это была сейчас очень трудная для нее задача, но она не могла позволить себе полностью выйти из реального времени. По крайней мере, пока Маккуин сидел в метре от нее, а неизвестный преследователь затаился за кромкой света шахтерской лампы.

Ли вошла во дворец памяти.

Дверь была сломана. Фонтан высох. Буря завывала над башнями, срывая черепицу с крыши и хлопая ставнями на окнах. Оба крыла дворца были открыты ветру и небесам. Запертые двери вставали препятствиями за каждым поворотом. А когда ей удавалось входить в них, то внутри она находила только руины, залитые дождем.

Ли не могла отыскать программы связи, не могла даже определить, в каких сетях они находились, поэтому решила погрузиться в цифры и поискать там, но воспоминание о катастрофе, которую предотвратил Коэн в последний раз, остановило ее.

Затем она что-то услышала.

Шаги. Они отдавались эхом в зале за следующим поворотом, выше в пролете лестницы, на этаже над ее головой. Шаги и насмешливый мелкий хохот, сверкавший в молчавшем соединении подобно зарнице.

Ли поискала источник звука в холодных темных залах, в огромных неубранных дворах. Почти потеряв надежду отыскать его, она вдруг споткнулась, проходя сквозь полуоткрытую дверь, и увидела арки галереи и иссеченные ветром, залитые лунным светом заросли шиповника. Она вышла из-под крыши галереи, защищая рукой лицо от ветра. Кто-то сидел на скамейке под кустом шиповника. Ли увидела мокрые от дождя кудри с тусклым медным отливом и золотые глаза Роланда, ярко блестевшие в тени.

Она побежала.

Оба замерзли и промокли под дождем. Опавший лист прилип к его лицу, как маленький черный мотылек, и ей пришлось смахнуть этот лист, прежде чем она смогла поцеловать его.

– Ты пришел, – прошептала она.

И она стала целовать его, стремясь к нему губами, руками, сердцем; ее сознание заполнилось только желанием быть с ним.

Роланд взял ее за плечи и оттолкнул от себя. Ли заглянула в его золотые глаза и... ничего не увидела.

– Нет, – прошептала она. – Нет.

– Он не мог прийти. Мне поручено сказать тебе, что он сожалеет.

Дождь прекратился. Вокруг них сгустилась темнота. Она выглянула в высокое открытое окно, посмотрела на низкие облака и догадалась, что они на пороге анфилады комнат.

Роланд указал на дверь, похожую на все остальные.

– Здесь, – сказал он. И пропал.

Ли открыла дверь и вступила в темноту, более густую и мрачную, чем небо снаружи.

– Кто это? – неприветливо спросил голос.

– Это я. Кэтрин. Вы знаете меня?

– О да. Мы вас знаем.

Зажегся свет. Она была одна в пустой комнате.

– Зачем вы пришли? – спросил голос.

С ней разговаривали стены или то, что скрывалось за ними.

– Мне нужен доступ к сети станции АМК. Молчание.

– Мне очень нужно.

– А почему мы должны вам помогать?

– «Мы»? Потому что...

Заговорил другой голос. Она не могла разобрать слова.

Шепот.

Неожиданно комната наполнилась шепотом. Ли сделала шаг назад, стараясь найти дверь за своей спиной.

– Но Коэн говорил...

– Да. – Это был другой голос, еще холоднее первого, –

Расскажите нам о Коэне. Расскажите нам, что Коэн говорил вам.

– Это произошло не из-за меня, – сказала она, будто выдохнула.

– Разве?

Она снова поискала ручку двери дрожащей рукой. Она нащупала что-то, взялась, но вместо металла ощутила кожу.

Кто-то подтолкнул ее на середину комнату, и она упала на колени, закрыв руками уши, чтобы не слышать отвратительных шипящих обвинений.

– Я не виновата! – кричала она снова и снова, но не могла заглушить голосов.

– Это ваша вина, – повторяли они снова и снова. Во всем была виновата она. Во всем.

– С вами все в порядке? – спросил Маккуин.

Ли смотрела на него, тяжело дыша. Затем перевела взгляд на Беллу, не отводившую от Ли широко открытых глаз.

– Со мной все хорошо, – солгала она. – Не все ладится в моей компьютерной системе.

И тут она услышала, что с ней заговорил Коэн.

Ли открыла глаза в виртуальной реальности и обнаружила, что Гиацинт взял ее за руку, чтобы помочь встать, а потом потянул в ту ужасную комнату.

Но это был не тот Гиацинт, которого она знала. Это бы-

ла копия, вынутая из памяти и приведенная в действие ее появлением во дворце памяти. Эта копия объясняла ей сейчас, как входить в сети, как получить доступ к банковским счетам, документам компании, как управлять империей Коэна, настойчиво повторяя, что все принадлежало теперь ей. Она объяснила Ли все, кроме того, что действительно имело значение. То, что эта программа работала, а Ли находилась здесь, означало, что Коэн умер.

– Мне все-таки необходимо попасть в сеть АМК, – сказала она, когда копия Гиацинта закончила объяснения.

Ли словно онемела, и ей казалось, что ее голос исходит из чужого горла.

Но те, другие, не пускали ее, не уступали ее просьбам. Она не могла уговорить их даже с помощью Гиацинта.

– Коэн хотел этого! – сказала она, вконец испуганная и разозленная.

Ее слова вызвали горький смех того, чей голос она даже не слышала до сих пор: это был кто-то мощный, угрюмый, явно показывавший ей, что он презирал ее настолько, что даже до сих пор не вступал в разговор.

– Коэн и вас хотел, – сказал ей голос. – И посмотрите, к чему это привело.

Пока он произносил это, ей показалось, что за его словами скрыта сжигающая все ревность. Была ли это ревность ребенка? Или любовника? Или это было что-то совсем другое, какой-нибудь осколок нечеловеческой души Коэна? Она

поняла, что это не ребенок. Это, скорее всего, был старый AI Коэна, который служил ему для связи. Единственный компонент его сетей, способный контролировать остальных себе подобных.

Ли хотела возразить. Но прежде чем сформировалась ее мысль, в нее ударила волна холодной, как ледяная вода, злобы, и она оказалась отключена, отсоединена, выброшена из интрафейса.

– Куда вы идете? – спросил Маккуин.

– Отлить немного. – Ли выдавила из себя ухмылку. – Ты хочешь пойти со мной?

Он покраснел. «Как маленький мальчик, Боже ты мой». Но остался на месте. И это было главное, что она сейчас хотела.

Она зашла в тень и вынула из-за пояса свой нож-бабочку, взвесила его на руке, проверила, как выходит лезвие из его рукоятки.

Ли чувствовала запах преследователя. Ощущала его волосками на своих руках, мурашками, выступившими повсюду, своей кожей. Теперь она была на своей территории. Ей не нужны были карты, даже карты Коэна. Она готовилась убивать и знала, как это делается.

Она проскользнула за угол, остановилась и прислушалась: необходимо было оценить обстановку, сканируя темноту и тишину. Затем Ли осмотрела себя. Ботинки с толстой по-

дошвой могли заскрипеть по гравию или щебню, а одежда – предательски зашелестеть. Отстегнутые пряжки, расстегнутые ремешки, развязавшиеся шнурки. Ее собственное дыхание, пот, тепло тела. Все это оставляло больше следов, чем могли спрятать биодетекторы кожи. Кто-то рассказывал ей, что вымершие земные хищники не имели запаха, но это было неправдой, как и многие другие вещи, которые рассказывали о Земле. Правда заключалась в том, что они знали, как скрывать свой запах от тех, на кого они охотились. Это был самый главный секрет.

Ли нашла свою жертву в двух метрах за поворотом штрэка. Он сидел в темноте, спиной к стене, и ел, маска дыхательного аппарата болталась у его подбородка, инфракрасные очки лежали на земле рядом с ним. Она медленно пробиралась по стене, вытянув вперед руку с ножом наготове вперед. Ли ждала, что он обернется и она услышит остановку дыхания – признак того, что он заметил ее.

Она так ее и не дождалась.

Он сопротивлялся – успел подняться, пытаясь сбросить ее с себя, когда она левой рукой захватила его голову, сдавив ему глотку. Но к этому моменту все было кончено.

– Боже!

Маккуин. С пистолетом в руке, который она должна была, черт ее побери, отобрать у него.

Она дождалась, когда тело сползет на землю.

– Вы убили его, – прошептал Маккуин срывающимся голосом. – А я ей не поверил. Я не поверил, что вы можете такое сделать.

Ли покачала головой. «Ей? О чем это он?» Белла вышла из-за угла до того, как Ли смогла спросить его. Она увидела упавшего охранника, сдавленно вскрикнула, остановилась и отступила назад, закрыв рот рукой.

– Иди вверх по штреку и жди меня там, – сказала ей Ли. – Ты здесь мешаешь.

«И я не хочу, чтобы ты видела это. Я хочу, чтобы никто не видел».

Белла попыталась что-то сказать, но затем скользнула взглядом в сторону от Ли, повернулась и пошла вверх по штреку, оставив ее наедине с Маккуином.

Оставшись вдвоем, они смотрели друг на друга. Все было ясно без слов – и его предательство, и то, что она знала об этом. Он шевельнулся, слегка расслабив свои лодыжки. Она прыгнула на него, надеясь сделать это тихо, не привлекая внимания оставшихся троих преследователей. В ответ на ее ложный выпад ножом в его лицо Маккуин прикрылся левой рукой, как она и рассчитывала. Он держал пистолет направленным в ее сторону, но упустил шанс. И в этот момент она захватила его левую руку у запястья, вывернула и сломала ее.

Он закричал. Пистолет выстрелил куда-то вверх, выпал из его руки и покатился по полу в темноту. Она услышала, что

он остановился где-то сзади нее, и зафиксировала это место в файлах жесткой памяти, включив подпрограмму поиска, чтобы найти его, когда он понадобится.

Ли проклинала собственную медлительность. Этот выстрел мог привести на нее Кинца раньше, чем она покончит с Маккуином, и она лишилась преимущества во внезапности. Теперь они знали, что она преследует их.

Она отбросила сожаления в сторону, чтобы сконцентрироваться на работе, которую ей предстояло выполнить. Маккуин был не способен двигаться. Не только из-за отсутствия у него внутри невропродукта и не из-за своего переломанного запястья, а потому, что не мог отбросить свою маску и дышать свободно хотя бы недолго, и он тщетно пытался дышать через свой неуклюжий загубник. К тому же он никогда и не справился бы с ней. Он даже не мог себе представить, с кем дрался.

Через сорок секунд после начала схватки Ли нанесла противнику прямой удар ногой, и нога Маккуина подогнулась с хрустом. Это значило, что удар достиг цели. Она оказалась сверху до того, как он рухнул на землю, и сжала ему дыхательное горло большим и указательным пальцами. Другой рукой она поднесла нож к его лицу и срезала инфракрасные очки, лишив его способности видеть. Затем прижала его к земле и села на него, сильно уперев подошвы в грунт. Вдруг Ли вспомнила Войта с Шарифи, и ее замутило.

– Кого послал Хаас? – спросила она.

– Я не знаю, о чем вы говорите.

– Прекрати играть со мной, Брайан. – Она сжала ему дыхательное горло пальцами. – Кого он послал? Кинца? Это он перерезал Мирс горло? Хороших же ты друзей себе нашел.

Он задыхался. Она немного ослабила хватку – ровно настолько, чтобы он мог говорить.

– Я не знал, что они убьют ее, – сказал он, когда смог снова дышать. – Я бы никогда... – Он глотнул воздуха, его кадык дернулся. – Это совсем не то, о чем вы думаете.

– Ох? А что же тогда? Сколько тебе платит Хаас? Лицо Маккуина исказилось от злости.

– Мне никто ничего не платит.

– Тогда говори.

Лицо Маккуина приняло упрямое выражение человека, отказывающегося отвечать на вопросы. Маленький мальчик все еще играл в ковбоев и в киберполицейских. Ли чуть не разрыдалась от отчаяния.

– У меня нет на это времени, – сказала она. Лезвие ее ножа мелькнуло под трубками подачи воздуха его дыхательного аппарата, подцепив одну из них.

– О Боже, нет! – взмолился он.

Его охватила паника, как пойманного в ловушку зверя, поведение которого определяли только адреналин и инстинкты. Она чувствовала, как дергаются его ноги, как будто он решил, что сможет одолеть силу мускулов, усиленных сталекерамикой, и обмануть ускоренные рефлексы.

– Не заставляйте меня умирать так. Пожалуйста, Ли!

Она вспомнила своего отца, когда он с посиневшими губами захлебывался в собственной желчи. Его последний рентген показал, что опухоль заняла двадцать процентов оставшегося легкого. Доктор сказал, что она была крупнее большинства детей, родившихся в том году в Шэнтитауне.

Ее рука, державшая нож, задрожала. Ли отметила это без эмоций, словно смотрела на чужую руку. Она справилась с дрожью. Взяла нож удобнее.

– Тогда говори, – сказала она, проведя лезвием по тонкой обшивке трубки.

– Хорошо, хорошо. Черт. Это Кинц. И с ним еще двое. – Он назвал два незнакомых имени. – Им не приказывали убивать. Они должны дождаться, пока не будет решено с Корчовым и АИ, а потом доставить вас с Беллой. По возможности живыми.

У Ли перехватило дыхание.

– Что значит «пока не будет решено с АИ»?

– Я не знаю.

Она повернула нож.

– Клянусь, я не знаю! Все, что она сказала, – что она отделается от него. Что нам не следует волноваться по этому поводу.

«Все, что она сказала?»

«Конечно же, – подумала она, – ответ все время был прямо здесь, перед глазами. Я просто не хотела видеть».

Это была длинная шахматная партия, которую играли слишком долго, пока она не превратилась в смертельную схватку между нечестными, но опытными соперниками. Только на противоположной стороне доски перед Корчовым был не Хаас. Он никогда и не садился играть.

Все это время, каждый раз, когда Хаас саботировал ее расследование, она бегала жаловаться Нгуен, как маленькая идиотка. И никогда внимательно не прислушивалась к предупреждениям Коэна. Никогда не присматривалась к тому, кто стоял в тени за Хаасом, Войтом и Маккуином. А теперь, когда было уже слишком поздно, она поняла все с болезненной ясностью.

Кто был единственным человеком, способным одновременно манипулировать и Шарифи, и ею самой? Руководить и операцией на Метце, и расследованием на шахте, и секретными разработками на Альбе? Кто был единственным человеком, который знал, чем рисковал Коэн, чтобы спасти ее? Кто смог так умело посеять семена сомнения, которые не позволяли ей полностью доверять Коэну даже тогда, когда он спасал ее? И кто, еще со времени Тель-Авива, имел большие основания желать Коэну смерти?

– Что еще сказала Нгуен? – ненароком спросила она, глядя испуганному Маккуину прямо в глаза, моля Бога, чтобы он не услышал вопрос, который скрывался за ее словами.

– Я не знаю. О Господи. Ли! Не надо! Я клянусь, что не знаю. Я всего лишь только раз и разговаривал с ней.

– Скажи мне точно, что она сказала, Брайан. Это все, что я хочу знать. Сделай это, и у меня не будет причины причинить тебе боль.

– Она приказала мне идти с вами. Чтобы проследить. И что потом вами займется Кинц.

– А что насчет АИ? – Ли не могла удержаться, чтобы не спросить.

– Она просто сказала, что побеспокоится об этом. Что его не будет, когда вы выйдете из соединения.

«Пресвятая Богородица!» – подумала она, но сразу же отбросила мысли о том, как помогла Нгуен справиться с Коэном.

– Что Кинц должен сделать с нами?

Маккуин медлил с ответом.

– Что, Брайан?

– Он будет пытаться взять вас живыми.

– Пытаться?

– Если у него не получится, то он должен убить вас. Вас и Беллу, обеих.

В животе Ли сжался холодный узел.

– А что с Гоулд и «Медузой»? Что с посылкой Шарифи?

– Нгуен собирается захватить оба корабля в открытом космосе, когда они выйдут из медленного времени. Перехватить Гоулд прежде, чем она получит посылку.

– Что она посулила тебе, Брайан? Деньги? Продвижение по службе? Что такое она обещала тебе, за что можно было

убить Мирс и Коэна?

Маккуин посмотрел на нее. Его круглые глаза глядели по-детски под маской дыхательного аппарата, напоминая гигантское насекомое.

– Она назвала вас предательницей.

Ли ослабила руку, отодвинув нож от трубки подачи воздуха.

– А что, если я скажу тебе, что это не так? – наконец спросила она.

– Я бы поверил вам. Но до сегодняшнего дня.

Она заглянула ему в глаза, забыв, что он не видит ее.

– И ты был бы прав. До сегодня.

– Что вы собираетесь со мной сделать? – спросил Маккуин.

Его голос звучал очень тихо – как будто ребенок просил маму сказать ему, что страшные сны неправда, что чудовищ не бывает.

– Я не знаю, – откровенно призналась Ли. – Брайан, мне нужно знать, где Кинц будет поджидать меня.

Кинц мог услышать ее выстрел и быть уже на подходе.

– Я не могу вам этого сказать.

– Давай больше не будем делать этого, Брайан.

– Нет! Я на самом деле не знаю. Они должны были забрать Мирс и схватить нас в тот момент, когда мы пришли бы на встречу с ней. Но... вы сами видели. Они не делают как обещали.

Ли горько рассмеялась.

– Все выглядит так, будто Кинц уже решил, что не доставит нас живыми.

– Да уж, – согласился Маккуин.

Если бы он представлял себе, что значит такое решение Кинца для него, то он так бы не сказал.

– Послушайте, – сказал он немного погодя. – Вы можете связаться со станцией, да? Вы ведь можете позвонить Нгуен. Еще не поздно. Может быть, нельзя исправить все, но хотя бы что-то. Чтобы нас не убили здесь. Чтобы не дать Синдикатам получить то, что они хотят.

– И что потом?

– Я не знаю что. Но это лучше, чем лежать убитым! – пожегил он. – Или перебежать на сторону Синдикатов. Только ничего не говорите мне, Ли. Я не могу поверить, что вы хотите этого.

Ли смотрела сверху вниз на его умоляющее лицо. Она думала о смерти в шахте, о жутком насилии, которое ей предстояло совершить, чтобы выбраться на поверхность живой, о Нгуен и о том, что та могла бы запросить в обмен на жизнь Ли.

Хотя кому теперь было до этого дело? Мирс уже мертва. Коэн пропал. Какое теперь ей дело до планеты, о которой она всегда думала как о ловушке, из которой следовало бежать?

– Но Нгуен собирается убить кристаллы, – сказала она. – Она собирается убить эту планету.

Она поняла, что это правда, как только произнесла эти слова. Это не было планом или заговором; даже сейчас она верила, что украденный секретный документ, показанный Даалем, был просто недоразумением. Но это произойдет. Это уже происходило.

ООН не сможет выжить без живого конденсата. При развитии ситуации без посторонней помощи Мир Компсона будет поглощен ООН так же, как разум этой планеты поглотил Коэна, так же, как Совет Безопасности поглотил и Колодную, и Шарифи, и другие жертвы своих тайных техновоин. И не по злему умыслу, а из лучших побуждений. И не потому, что они хотели, а потому, что считали это своим долгом. Потому что так был написан их код.

А Шарифи... Она знала, что единственный способ остановить их – это лишить их выбора.

– Это не наше дело, решать такие вопросы, – сказал Маккуин, как будто он следил за каждым поворотом ее мыслей.

Ли понимала, что он говорил так, как говорила она всего несколько коротких недель назад. Но он не знал того, что пришлось увидеть ей. Ему не выпало пережить это. Перед ним не было выбора, стоявшего перед ней, а только черное или белое, верность или предательство, ООН или Синдикаты.

А если она выберет ту сторону, которую он просит? Сторону, на которую ее толкала верность товарищам, мертвым и живым, которую она должна выбрать, повинувшись логике дол-

гих лет учебы и службы? Тогда ООН будет спасена от Синдикатов, по крайней мере на какое-то время. ООН выживет и пожрет все конденсаты, повинувшись закону каннибализма, который ничуть не хуже любого другого закона борьбы за существование, когда терять уже нечего, а остается только выживать за счет другой жизни во Вселенной.

Но конденсаты – святые мертвые Картрайта, отец Ли, Шарифи, Коэн – они умрут. И на этот раз не будет ни возрождения, ни новой, пусть и по-другому организованной жизни по ту сторону. На этот раз они не возвратятся.

– Извини, – сказала она, выпрямившись и отведя нож от воздушных трубок.

Тело Маккуина размякло под ней, а ужас сменился дрожью облегчения.

– Господи, Ли, вы меня так напугали. Я уж подумал...

Она перерезала его горло одним движением, постаравшись сразу покончить с ним. Это был ужасный, но в то же время самый гуманный выбор из всего, что она могла сделать для него. Он умер со смущенным выражением лица, мальчик-идеалист, который все еще не мог поверить, что игра в «сыщика и вора» превратилась в реальность.

– Ничего личного, – шепнула она в пустоту его расширявшихся зрачков.

Но это тоже было ложью, самой большой ложью из всех. И она знала это, даже если Маккуин не сумел понять.

Белла дожидалась рядом с вещами. Она начала говорить что-то, потом увидела кровь на руках и одежде Ли, остановилась и сделала шаг назад.

Ли ненавидела ее за этот шаг, за отвращение и страх в ее взгляде. Ненависть была так сильна, что у нее даже задрожали руки.

Ли вынула все из рюкзака Маккуина и взяла то, что могла унести, оставив остальное крысам. Ей не хотелось даже смотреть на Беллу, потому что она не отвечала за себя.

– Он сказал... ты узнала, сколько их здесь?

Ли подняла три пальца.

– Кинц?

– Да.

У Ли кружилась голова, ей было трудно дышать. Но она взвалила рюкзак на плечи и пошла по штреку, предоставив Белле право выбирать, куда и как ей идти.

Ни одна не произнесла имени Маккуина, ни тогда, ни позже.

ПЛАСТ НА АНАКОНДЕ: 9.11.48

Кинц не ожидал., что они отправятся на его поиски. Он приказал своим людям разбиться поодиночке. Он действовал так, словно планировал, что Ли побежит и он успеет припереть ее к стене, до того, как она нанесет удар.

Первого Ли уложила одиночным выстрелом, который ли-

шил ее надежды на внезапность. Теперь лучшей тактикой была скорость. К несчастью, она попала ему в шею, вдребезги разбив трубки его кислородного баллона. Она слышала, как газ со свистом выходил из трубок, и выругала себя за нетерпение. За то, что не обдумала все более тщательно. За то, что слишком дрожали руки. За то, что прицелилась не так тщательно, как пять лет назад. Даже пять месяцев назад.

За первым был еще один. Она никогда его раньше не видела. Возможно, он служил в охране шахты. Сработали его инстинкт и подготовка, и он успел оказаться в укрытии до того, как она смогла выстрелить в него. Но она хорошо понимала, что здесь негде укрыться.

Ли могла бы застрелить его на месте, если бы он не носил дыхательный аппарат. А так как Кинц был специально оборудован, то этот дыхательный аппарат, возможно, оставался последним.

Она направила «беретту» в грудь охраннику, и он замер, глядя на нее. Она вслушивалась, где Кинц, но слышала только шуршание платья Беллы, когда та нервно переминалась с ноги на ногу.

– Ты можешь выходить, – крикнула Ли в пустоту прохода. – Я отсюда чувствую запах твоего дешевого лосьона.

– На твоём месте я бы не стрелял в него, – отозвался Кинц, стоя за выступающей балкой опалубки приблизительно в трех метрах от нее. – На нём последний полный баллон. И мне кажется, что он тебе нужен.

– Сними дыхательный аппарат, – приказала Ли охраннику, – и подтолкни его ко мне.

Он стоял неподвижно.

– Я застрелю тебя, если ты не сделаешь этого. Голос ее звучал спокойно. Ей не нужно было убеждать его; тело его друга, лежащее перед ним на земле, было еще теплым.

Ли видела, как он искоса посмотрел в сторону балки, за которой укрывался Кинц. Этот взгляд хорошо наводил на цель. Она видела то место между каменной стеной и балкой, где укрывался Кинц, и пистолет, который он держал в руке. И она видела еще то, что ясно понимал и сам охранник: что Кинц застрелит его сам, если потребуется, лишь бы Ли не достался кислородный баллон.

– Подойди сюда, – сказала она Белле. – И встань спиной к стене.

Белла медленно, осторожно, неуверенными шагами пошла вперед. Ее лицо выражало отвращение от всего происходящего. Ли достала пистолет Маккуина из-за пояса своих брюк и посмотрела сначала на пистолет, потом на лицо Беллы. Она подумала, что у такого старого, но мощного оружия может быть сильная отдача, а неотрегулированные узлы не позволят быстро и плавно спустить курок.

И она протянула Белле свою «беретту».

– Послушай, – прошептала Ли, держа свою руку с пистолетом, направленным в сторону охранника, над рукой Беллы. – Прижми локти, мушку держи на его груди. И если он

шевельнется, даже если задышит слишком часто, стреляй.

Белла кивнула, сжав губы. «Только не потеряй самообладание, или мы обе мертвы», – хотела сказать Ли. Но не сказала, потому что Белла находилась в состоянии, близком к панике.

Ли взяла рукоятку кольта, примерилась к нему и пожалела, что ей не приходилось стрелять из кольта раньше. Но что сейчас об этом думать. Она бросила на охранника предупреждающий взгляд и осторожно направилась в сторону Кинца.

Охранник следил за ней глазами и сообщал Кинцу об ее передвижении. Она ничего не могла сделать, иначе ей пришлось бы сразу застрелить его. А Кинц все равно бы разгадал ее план. Главное – добраться туда быстро. И достаточно тихо, чтобы он не знал, где точно она находится и в какой момент появится из-за угла. Ей не нужна была абсолютная внезапность, только относительная неожиданность. Это и еще небольшая поддержка со стороны Беллы.

Ли завернула за угол у балки, помогая себе локтями, и рывком направила пистолет в сторону Кинца. Они оказались лицом к лицу, целясь друг другу в голову. Образовалась тупиковая ситуация.

– Брось его, – сказал Кинц.

Вместо ответа Ли ударила его. Она продумала все тщательно, просчитала в уме возможные варианты, поискала в своем плане слабые места и теперь двигалась с такой скоростью, что даже улучшенные рефлексy Кинца не помогли ему

противостоять ей. Ли бросилась на него, толкнув его в пространство между опалубкой и каменной стеной, где он не мог использовать преимущество своих длинных рук и роста, и ударила ногой в пах. Когда он согнулся от удара, она вывернула пистолет тыльной стороной и с силой ударила рукояткой по его затылку.

Этот мерзавец оказался крепким парнем. Он не потерял сознание от удара и не упал. Он даже не выронил свой пистолет. Но он опустил ствол на несколько сантиметров. И это было все, что требовалось Ли. Прежде чем он восстановил равновесие, она ткнула его пистолетом Маккуина под подбородок.

– Вынь обойму, – приказала она. Он медлил.

Ли взвела курок. Он отсоединил обойму, она с громким звуком упала вниз на неровный пол.

– Теперь брось пистолет.

Он уронил пистолет к ногам, не сводя с нее глаз. Она отшвырнула пистолет ногой далеко в сторону. Они смотрели друг на друга.

– Я не хочу убивать тебя быстро, – сказала она. – Я хочу, чтобы ты, сукин сын, немного помучился.

Ли произнесла эти слова, не раздумывая, и это поразило ее. Но она сказала правду. Она не могла сосчитать или вспомнить, сколько людей в своей жизни убила, но сейчас ей впервые захотелось убить.

– Я задел тебя за живое, да? Кем тебе приходилась та

сучка, которой я перерезал глотку? Еще одной любовницей? Жалко, что я не потратил на нее больше времени.

Ли сильнее надавила стволом пистолета под его подбородок, словно пытаясь заставить его замолчать.

– Они ждут тебя, – сказал он, скосив глаза на ее указательный палец, лежавший на спуске. – Ты не выйдешь отсюда живой, даже если убьешь меня. – Он облизнул губы. – Тем более если убьешь меня.

Ли отошла на шаг-другой, держа его под прицелом. В этот момент что-то произошло с охранником.

Она не увидела этого, но уловила быструю вспышку в глазах Кинца. Она оглянулась, не упуская Кинца из виду. Охранник медленно и осторожно приближался к ней, не отрывая глаз от Беллы. А Белла стояла неподвижно.

– Стреляй в него! – закричала Ли.

Но Белла застыла от ужаса, она стояла на краю выступа и не могла заставить себя сдвинуться с места. Ли повернулась, вскинула руку и выстрелила над головой Беллы прямо в глаз охраннику.

Кинц напал на нее прежде, чем она успела обернуться назад. И схватил ее за раненую руку. Она была уверена, что он сделает именно так. Она только не знала, сколько эта рука выдержит. Белла попыталась помочь. Ли видела своим периферийным зрением, как она кружила вокруг них, выставив «беретту» перед собой и думая, куда прицелиться. Как будто умела целиться.

– Нет, Белла! – крикнула она. – Не стреляй. Возьми баллон и уходи. Если смогу, я догоню.

Кинц уступал Ли в умении, но раненая рука и нагрузки за последние несколько часов сыграли свою роль. И еще пять лет, двадцать два сантиметра и тридцать килограммов, которые давали преимущество Кинцу.

Он швырнул ее к стене, свалил и оказался на ней сверху прежде, чем она смогла согнуть под себя руки или ноги. Броском перевернув ее на живот, он уперся коленом в поясницу у талии и завернул ее раненую руку с такой силой, что она не могла вздохнуть, ожидая, что растянутые связки вот-вот разорвутся.

Ли слышала, как он потянулся к поясу и отстегнул наручники.

– Я бы убил тебя прямо здесь, – сказал он, – но Нгуен чуть не оторвала нам головы за Шарифи. Так что тебе повезло.

– Не застегивай за спиной, – сказала она, когда он защелкнул первое кольцо наручников. – Если не хочешь тащить меня на спине.

Кинц остановился, перевернул ее, заставил вытянуть руки вперед и застегнул второе кольцо наручников из вирустали на ее запястье, а затем повернул кольцо вмонтированного кода.

После того как он справился с ней, он больше не торопился. Казалось, что он ждет чего-то. Он обыскал ее, не спеша водя руками вверх и вниз по ногам и бедрам. Ли поняла, что

Кинц хочет использовать шанс, что остался вдвоем с ней.

– Тебе, должно быть, здорово досталось на Гилеаде, – сказала она, пытаясь уколоть его. – Или ты оказался слишком некомпетентным, чтобы они доверили тебе стоящую должность в Космической пехоте после этого?

– Тебе пора научиться помалкивать, – сказал он и скользнул рукой вниз по ее рубашке.

Она не сопротивлялась. Он приоткрыл рот, дыхание его участилось.

– Как ты жалок, – сказала она.

Он ухватил ее за ноги и бросил на землю.

– Переворачивайся.

– Не хватает смелости смотреть в глаза?

Кинц ударил ее с такой силой, что Ли отключилась. Придя в себя, она почувствовала его на себе, он пытался расстегнуть ей пояс. Он расстегнул его, но для того, чтобы стянуть с нее брюки и снять подвязанную кобуру «беретты», требовались две руки. Она выжидала с закрытыми глазами, пока он не займет обе руки. Затем сцепила свои руки в наручниках в замок и ударила ими изо всех сил.

Удар пришелся в правый висок. Он не был очень точным, но оглушил Кинца и пробил глубокую рану в его голове, кровь из которой хлынула ему на лицо.

Он поднялся на ноги и попытался нанести сокрушающий удар ногой по ее ребрам, но она успела откатиться.

Ли быстро огляделась по сторонам. Пистолет был слиш-

ком далеко. Она не успела бы поднять его. Но и Кинц не смог бы сделать это – он рисковал получить от Ли удар ногой, которая еще не потеряла своей смертельно опасной силы.

«Вот сейчас ты была бы в самый раз, Белла», – подумала она.

Но Беллы, конечно, и след простыл.

– Ах, ты, шахтерская сучка, – сказал Кинц. – Затраханная вонючая полукровка!

Ли рассмеялась. Она не поняла, откуда взялся этот смех, но неожиданно вся ситуация показалась ей удивительно смешной. Смешны были и оскорбления Кинца, и то, что они дрались за планету, которую их предки мечтали покинуть всю свою жизнь.

– Думаю, тебе лучше клеиться к полукровкам в Хелене за деньги, – сказала она, тяжело дыша.

После этого они больше ничего не говорили, им обоим не хватало дыхания, и они понимали, что, если упадут еще раз, один из них уже не поднимется.

Ли хотела, чтобы Кинц напал первым, хотела заставить его выйти из себя. Но она не могла ждать. Она слишком устала и была сильно измучена. Она могла ослабеть быстрее его. Ей нужно было вынудить его сделать ошибку, пока еще у нее было достаточно сил.

Она приблизилась, позволив ему нанести скользящий удар, а затем отпрыгнула назад, специально прихрамывая. Он клюнул на приманку: рванулся за ней, промахнулся и по-

тянулся снова.

В очередной раз она позволила ему догнать ее. Она специально не думала, что могло бы случиться, если бы он сбил ее с ног. Она подняла руки вверх, соединив пальцы в замок. Как только он схватил ее, она уперлась ногами и ударила его в лицо изо всех сил, крепко сжав пальцы.

Он закричал и отпрянул назад, закрыв глаза руками. Она побежала, даже не обернувшись, поскользнулась и упала, но успела дотянуться до кольца.

Первый удар она почувствовала, когда ее пальцы схватили пистолет. Он бил ее по ребрам, почкам, в живот. Удары были так сильны, что без пистолета ее смерть была бы неминуема.

Она перевернулась на спину и увидела его. Один его глаз был еще открыт, хотя кожа вокруг глазницы была порвана и кровоточила. Второй – представлял собой кровавое месиво.

Ли подняла пистолет, но он ударом отклонил его в сторону и упал на нее, и пистолет оказался зажатым между ними. Он старался ухватить его рукой, его дыхание шумело в ее ушах. Они сцепились в смертельной схватке, рыча как собаки в драке за кость. Она чувствовала, как Кинц разжимал ее пальцы. Кровь стучала у нее в висках. Легкие и пальцы горели. Хватка ее ослабевала, и, даже не понимая, куда был направлен пистолет, она выстрелила.

Ли различила хлюпающий звук пули, входившей в плоть, почувствовала, как горячая кровь заструилась по ее ногам и животу.

Кинцу потребовалось много времени, чтобы умереть. И она не двигалась, пока не убедилась, что его пальцы ослабли. Когда она наконец столкнула его с себя, его единственный глаз был открыт, а ноги и руки – неподвижны и тяжелы. Она вытерла кровь со своего лица и встала – но тут же увидела дуло своего собственного пистолета, направленного на нее.

– Белла, – сказала она.

– Не совсем.

Улыбка Хааса портила бледное лицо Беллы, а в темных глазах конструкции Ли увидела все то же застывшее непонимающее паническое выражение, которое она запомнила у Беллы в петлевом шунте.

– Ты не спешил, – сказала она Хаасу.

– У меня везде горит, и все нужно тушить, – сказал он. – К тому же мне не хотелось шунтироваться слишком рано. Белла становится... трудной.

– Боже, – прошептала Ли.

Ей стало мерзко от мысли о том, что сотворил Хаас. Она понимала теперь, каким кошмаром были для Беллы разговоры о смерти Шарифи. Она, может быть, и не помнила всего, но подозревала. И она надеялась, что Ли сумеет подтвердить или опровергнуть ее подозрения. Хаас наклонился над Кинцем, вытащил вторую пару наручников из-за его пояса и швырнул ее Ли.

– Застегни себе на лодыжках, – приказал он и проследил, чтобы она это сделала. – А теперь давай руку.

Страх мурашками пробежал по спине Ли: Хаасу нужна информация, записи ее контакта с конденсатами. Если он получит их, то для него нет смысла тащить ее наверх.

Хаас заметил ее замешательство.

– Может быть, Нгуен так нужны эти данные, что она заигрывает с тобой, – сказал он, понизив тон, – но мне лично наплевать. Запомни это. – Он кивнул на наручники, которые были застегнуты у нее на запястьях. – Ты бы, конечно, сломала их через несколько часов. Но у тебя нет времени. Я оставлю тебя здесь без воздуха, и ты умрешь через час. Я твой билет наружу, мой друг. Ты уж постарайся меня не расстраивать.

Ли протянула к нему ладони, широко расставив пальцы. Он положил свою ладонь на руку Ли, сцепил свои пальцы с ее пальцами и начал прием данных.

Было странно ощущать, как записи перекачивались из ее внутренних устройств помимо ее воли. Хаас забирал у нее последнюю карту, которой она могла еще играть.

А действительно ли данные были последним, что у нее оставалось? Должно было быть что-то еще. Что собирался использовать Коэн. И что Ли могла бы использовать тоже – если захотела бы выложить карты на стол и поставить на кон все до конца, как Шарифи. Она медлила, понимая, что твердый узел внутри был просто страхом. Затем она заглянула в холодный черный колодец расширенных зрачков Беллы и поняла, что уже сделала свой окончательный выбор. Она за-

крыла глаза, сделала последний дрожащий вдох и оказалась во дворце памяти.

Числа сбили ее с ног, как быстрое течение. Код струей прошел сквозь нее, перевернул ее и потащил в глубину. Она вошла в соединение – сначала осторожно, затем более уверенно – с мириадами чувствующих систем, которые являлись составляющими Коэна. Ли ощущала их молодые неоперившиеся личности и понимала их общие цели, воспоминания, взаимные чувства, которые стягивали их воедино. Ни одна из них в отдельности не была

Коэном. Но они помнили его. Они помнили все, что он чувствовал, во что верил и к чему стремился. Они разделяли эту память с ней.

Ей оставалось только надеяться, что этого будет достаточно.

Она сразу нашла коммутационного AI. Он неистово кружился в центре дворца памяти, как умирающая звезда, затягивая Ли внутрь себя и поглощая последние функционирующие подсистемы погибшего AI.

– Ты нужен мне, – сказала она. – Мне необходима линия связи с Фритауном.

– Мы не можем получить доступ к связи с Фритауном без полевого AI. У нас нет сети.

– Нет, есть, – сказала она. – У нас есть разум планеты. Разум планеты может разрешить нам доступ в потокопростран-

ство без всякого контроля или разрешения со стороны ООН. Все, что нам следует сделать, – это добраться до сети Дааля. Мы должны закончить работу, начатую Коэном.

По числам пробежал озноб.

– Зачем нам это нужно?

– Именно это сделал бы Коэн.

– Он был другим. Мы верили в него. Доверяли ему. Он заслужил это. А тебе лучше бы чем-нибудь расплатиться с нами.

И она расплатилась.

Она отдала им интрафейс. Она обещала им то, в чем дала слово Коэну.

Она пообещала отпустить их на свободу.

ПЛАСТ НА АНАКОНДЕ: 9.11.48

Ли плыла по сетям Коэна, как парит в восходящих потоках воздуха ястреб.

Она кружила и взмывала вверх, уходила в подсети, подчиняла системы и программы связи. Она прикасалась с их помощью к электронной паутине местных передач над Миром Компсона, к примитивным радиосообщениям шахтеров, к Хелене, к орбитальным станциям. А потом ныряла, покоряясь черным глубинам разума планеты.

Разум ждал ее, как она и надеялась, но он больше не был чужим и непонятным, как ощущалось в сияющей воронке.

Вместо этого Ли слышала внутри него полузабытые голоса. Мирс. Маккуин. Ее отец. И что хуже всего – Коэн.

Конечно, Коэн был прав. Разум планеты нуждался в нем. Он поглотил Коэна, создав новую структуру на руинах его систем и в слабой планетарной сети, которую Коэн помогал создавать Рамиресу. Потому что сеть Рамиреса и предназначалась для разума планеты. Это был секрет, что прятался в слепых глазах Картрайта. Этот секрет знал ее отец. Этот секрет был известен и самому Коэну, хотя он открыл его слишком поздно, чтобы спастись. А сейчас Ли наблюдала, как разум планеты прорывается на орбиту, шумно пробирается через станции квантовой телепортации на каждую планету Периферии по неконтролируемым второстепенным линиям «ФриНета» и движется дальше – в глубокое быстрое живое течение спин-потока.

Ли следовала за ним, охватывая большее число каналов, чем могла воспринять своим сознанием. Она привела в порядок свои собственные подсистемы. Нашла двух математиков из пенсионной администрации ООН и заставила их заняться кодовыми замками на наручниках. Коммутационный AI поинтересовался, есть ли у них время на это занятие. Ее это интересовало точно так же. Мгновение спустя – поскольку на крыльях мысли все происходило так стремительно, что у нее не возникало ощущений действия, – она оказалась в системе контроля аэрокосмического пространства «ФриНета» и искала сигнал с корабля, который еще не доложил о

своем приближении органам управления полетами.

Она обнаружила, что корабль Гоулд был уже на орбите. Он соблюдал вынужденное радиомолчание, поскольку зловеще-округлые контуры фрегата КПОН проплывали над ним в поисковом маневре. Она оставалась там, пока не поняла, что Гоулд попала в сети Нгуен. После чего она быстро отправилась на поиски «Медузы».

Корабля не было. Вдруг он неожиданно появился в системе и летел с релятивистской скоростью точно по расписанию. Его навигационные маяки завывали доплеровскими гармониками, а доисторические ракетные двигатели светились, как искусственная сверхновая звезда.

Люди Нгуен ждали его на первом системном бую. Как только «Медуза» окажется в нормальном времени, второй фрегат выйдет из тени, созданной сигналом буя, и начнет преследование гражданского корабля, переговариваясь с ним. При скорости, с которой двигалась «Медуза», сигнал мог достичь корабль только в форме статических помех. Но, определив, что он находится в контакте с военными, корабль замедлил ход.

Ли пришлось порыскать по восьми различным квантовым сетям, пока она не нашла лазейку в закрытую линию связи между двумя кораблями.

– ...для проверки службой безопасности на борту, – говорил командир фрегата, когда она наконец пробилась сквозь шифры обмена «корабль – корабль».

Она не стала дожидаться, пока грузовой корабль даст разрешение на досмотр, а, получив доступ в банк данных «Медузы», принялась искать то, что Шарифи могла там хранить. Ли отчаянно надеялась, что драгоценные данные не были запрятаны в обычный, не оборудованный специально отсек.

Затем кто-то вошел в систему и начал закачивать массив данных в главный компьютер корабля. Незашифрованные данные Шарифи. И многое другое. Пробежавшись по файлам, Ли поняла, что это была запись спин-передачи с комплектами данных. Шарифи, видимо, полагала, что эта передача была важной, поэтому сделала прямую запись и послала с исходными данными. Ли посмотрела, кто сгружал данные, и рассмеялась простоте и очевидности того, что увидела.

Шарифи взяла в аренду ячейку с устройством автоматического вывода данных. Когда «Медуза» оказалась на орбите над Фритауном, программа вывода поискала спин-поточный сигнал – тот, который Гоулд должна была послать, если бы удачно добралась, и, не получив его, начала загрузку данных в корабельный компьютер.

Это и был страховой полис Шарифи: скачать свои исходные данные в самую неконтролируемую и хаотичную часть потокопространственного океана. Это было то же самое, что кричать об ее открытиях на электронной городской площади. Белла, Коэн и все, кто знал ее, были полностью правы. Шарифи и не пыталась продать информацию. Она хотела раздать ее всем и каждому, кто мог бы воспользоваться ею. И

она верила, что найдутся те, кто позаботится о Мире Компсона.

Однако «Медуза» оказалась слишком тихоходной. Ее бортовые системы безнадежно устарели и давно нуждались в ремонте. Ли влезла в корабельный компьютер, пытаясь настроить, отладить, ускорить его работу там, где могла. Но не успели первые файлы загрузиться, как она почувствовала резкий металлический стук и скачок давления, когда стыковочная труба фрегата присоединилась к хрупкому корпусу «Медузы».

Боже! Пережить невозможное и все потерять из-за медленного корабельного компьютера! Она яростно пыталась подтолкнуть и ускорить процесс, но все равно цифры передавались по бортовым системам вяло и неохотно, как холодное дизельное топливо. А между тем техам с фрегата оставалось совсем немного времени, чтобы добраться до систем «Медузы» и остановить передачу файлов. Но они не стали. Они провели курсорный поиск, который ни к чему не привел, причем не очень старались. Затем они закрыли переходный шлюз и отчалили, оставив экипаж и пассажиров корабля в смущении.

Ли вздохнула с облегчением и расслабилась. Фрегат ушел. «Медуза» продолжила идти тихим ходом во Фритаун.

И тут она поняла. Это было яснее солнечного света в жестком вакууме. Экипаж фрегата высаживался на грузовое судно не для того, чтобы забрать данные Шарифи, а чтобы оста-

вить на нем что-то. Спрятать это в одном из темных грузовых трюмов в ожидании сигнала с мостика фрегата.

Нгуен больше не нужны файлы с «Медузы». Она не направляла ракету на полевой AI, пока не убедилась, что Ли с Коэном вынули из него все, что она хотела. И команда с фрегата не высаживалась на «Медузу», пока Хаас не сомкнул свою руку с рукой Ли и не начал скачивать драгоценную информацию из файлов ее жесткой памяти. Данные были уже у Нгуен. Теперь для чего ей рисковать, чтобы кто-то еще получил доступ к файлам «Медузы» и рассекретил послание Шарифи? Для чего ей знакомить весь мир с совершенно секретной информацией Техкома?

До того как мысль превратилась в слово, к ней присоединились ее союзники. Они захватили каждый навигационный буй в пределах передающей дальности с «Медузы». Они захватили линии «НауНет», которые пронизывали ось Кольцо – Фритаун и уходили на Периферию. Затем они начали отправлять файлы Шарифи в каждое открытое соединение, которое только могли обнаружить.

«И твои файлы тоже», – сообщил коммутационный AI. И прежде чем Ли возразила ему, он запустил неотредактированную спин-передачу о тех долгих часах в шахте и передал все, что они с Коэном видели и чувствовали с момента, когда разум планеты впервые поглотил их.

Наблюдая через навигационные системы «Медузы», Ли видела, что фрегат замедлил ход и повернул. Не опоздала ли

она? Не было ли все сделано зря?

Но нет. Они приняли все сообщения. Ли заметила быстрый сверхсветовой обмен зашифрованной информацией между фрегатом и штабом Космической пехоты на Альбе. Затем фрегат повернулся к ним кормой, запустил двигатели Буссара и исчез в медленном времени.

«Медуза» продолжала неторопливо двигаться по направлению к Фритауну, и ее экипаж не подозревал о смертельном грузе на борту. В это время сообщение Шарифи разбежалось по сети «ФриНет» и посредством десятка квантовых станций телепортации добралось до нескольких планетарных сетей, разбросанных по всей длине и ширине потокопространства.

Ли открыла глаза, изумляясь своей способности действовать одновременно в реальном пространстве и в кружащемся хаосе систем Коэна. Наручники со стуком упали с ее рук и лодыжек. Хаас застыл от удивления на долю секунды, а потом отпрыгнул от нее.

Она бросилась на него быстрее, чем тело Беллы успело сделать один шаг, давила и душила его, разрушала его изнутри.. AI станции попытались остановить ее, но она расправилась с ним, едва отдавая отчет в том, что она делала. Она проникла в Хааса через цифровой поток, светлая и безжалостная, как акула. Один раз он закричал. Потом осталась одна только Ли. Ее огненная воля. Ее блестящая нечеловеческая логика. Ее человеческая ярость.

Но она забыла о пластырях. В последний момент Хаас за-

дрожал, собрал все силы и оторвал их, оставив ее ни с чем, кроме пустого разума Беллы, подавленного шунтированием.

Последнее, что она слышала, падая в изнеможении, было холодное бесплотное эхо смеха Хааса.

Ли очнулась от боли в темноте. Ее легкие горели. Она положила руку на лицо, и рука стала мокрой от крови. Была ли эта кровь ее или Кинца, она не поняла.

Она села и увидела Беллу, лежащую неподвижно на полу перед ней, но, слава Богу, живую. Услышала голоса. Не шепот и эхо дворца памяти, а настоящие человеческие голоса.

– Дааль? – позвала она. – Рамирес?

Никакого ответа, кроме треска и свиста статических разрядов.

Прошла целая вечность, прежде чем кто-то появился на линии. Вначале это был неясный звук, искаженный интерференцией. Но когда он прояснился, она услышала, что Рамирес зовет ее.

– Мы готовы подниматься, – сказала она ему.

– Хорошо. Только быстрее. Мы почти уже решили послать за вами вниз.

– Послать кого?

Еще один разряд статических помех.

– Что?

– Я сказал, что забастовка закончена. Войска отходят. И здесь генерал Нгуен. Она ищет тебя.

Нгуен. Боже.

– Мне нужно сначала послать сообщение. В ALEF.

– Забудь об ALEF. Все кончено. Просто поднимайся. Ты поймешь сразу же, как только увидишь спин-передачу.

СТАНЦИЯ АМК: 9.11.48

Новости были в центре внимания всей станции. В тишине и темноте улиц только светились «живые» стены и слышался ропот собравшихся у них людских толп.

Шарифи показывали на каждом канале. Были прерваны передачи новостей, программ канала «НауНет», последние игры чемпионата по бейсболу. Когда они проходили мимо заведения «Лапша круглосуточно», Ли взглянула на «живую» стену и увидела, как обе команды «Метс» и «Янки» собрались вместе на площадке и смотрели на голографическом мониторе высотой с двухэтажный дом на Шарифи, которая улыбалась, рассказывая об уникальном, перевернувшем весь мир чуде под названием Мир Компсона.

Все AI «ФриНета» первыми приняли эту передачу. Точно так, как спланировала Шарифи. Как только они поняли, что у них в руках, они передали информацию по каждому каналу, на каждый терминал, в каждое пресс-бюро в пространстве ООН.

Спустя несколько минут репортеры уже звонили в Генеральную Ассамблею и в горнодобывающие компании, требуя

комментариев.

Конечно, это был еще не конец. В будущем последуют дебаты, компромиссы, политические альянсы. Но все они будут гласными. Судьба Мира Компсона не станет решаться тайно в кабинете Нгуен или другом скрытом от посторонних глаз месте. Каждый представитель человечества на прострaнстве ООН и в Синдикатах будет иметь право определить свою позицию, как сделала Шарифи. Это стало возможным ценой ее смерти, смерти Мирс, смерти Коэна.

Нигде не было видно представителей службы безопасности; все вышли на улицы, привыкая к переменам, пытаюсь понять, кто сейчас у власти. Ли плюхнулась на стул, потирая глаза. Ей хотелось в душ. А потом нужно было, скорее всего, посетить Шарпа.

Она подняла голову. Над ней стояла Белла.

– Ты все еще здесь? – спросила Ли.

– Кто ее убил? – Это был первый вопрос, заданный Беллой с момента, когда они вернулись на станцию.

– Какое это имеет значение, Белла? Все закончилось.

– Но не для меня.

Ли посмотрела на нее. В комнате стояла такая тишина, что она различала биение своего пульса. Тело Беллы напряглось, каждый мускул напряженно натянулся. Руки у нее дрожали, ногти были грязными и обломанными. Одежда испачкалась в крови. В своей крови. В крови Ли. В крови Кинца.

– Я должна знать, – сказала она.

Ли вспомнила образ Шарифи в сияющей воронке. Вспомнила потерянный отчаянный обожающий взгляд Беллы. Что бы ни сделала Белла, она любила Шарифи. И эта любовь была взаимной. Ли была совершенно уверена в этом.

– Ее убил Войт.

– Я тебе не верю.

Она в упор, не мигая, посмотрела Белле в глаза.

– Это правда.

– Я имею право знать. Мне нужно это знать.

Ли вздохнула.

– Ты уже знаешь это, Белла. Подумай хорошенько.

Ли увидела, как осознание приходит к ней, распускаясь словно ночной цветок. Белла прикрыла рот рукой, повернулась на каблуках и направилась в ванну. Ли слышала, как ее долго рвало, пока внутри ничего не осталось.

Когда Белла вернулась, ее руки и лицо были мокрыми, а вся одежда была забрызгана водой. Но она смотрела ясными глазами и заговорила спокойно и рассудительно:

– Кто был в шунте?

Ли начала отвечать, но Белла прервала ее:

– Это был Хаас, да? Ничего не говори, просто кивни.

Ли кивнула.

– И как ты теперь поступишь?

Ли повернулась на стуле.

– Что ты имеешь в виду?

– Ты меня арестуешь?

– Ты не убивала ее, Белла. Никто не возлагает ответственность за преступления на людей, через которых кто-то шунтировался.

– Но преступление было совершено. – Слова Беллы звучали разумно, но Ли уже услышала зловещую нотку в ее голосе.

– Я полагала, что именно этим ты здесь занималась. Поиском ее убийц. Их наказанием. Мне показать тебе дорогу к его офису? Или разговоры о хорошем и плохом, о наказании за совершенное преступление, все это – твоя выдумка, чтобы заставить меня поверить тебе?

Ли встала и отодвинула стул. Ее качало от усталости.

– Сядь, Белла. – Она положила руку Белле на плечо, пододвинула ее к стулу и усадила на него. – Послушай, что ты говоришь. Ты хочешь, чтобы я пошла и арестовала Хааса? По какому праву? Он убил Шарифи по приказу Совета Безопасности. Никто не накажет его за это. Он и дня не проведет в тюрьме, независимо от твоих или моих стараний.

– Он убил ее.

– Ох, ради Бога! Ее подозревали в продаже информации Синдикатам.

На какое-то время обе застыли. Затем Белла прошла по комнате и открыла дверь, направляясь на улицу. В дверях она повернулась и посмотрела на Ли. Ее глаза блеснули.

– Так ты не сделаешь этого?

– Какой смысл?

– Ты имеешь в виду смысл для себя?

Ли схватила стул, на котором только что сидела Белла, и швырнула его так сильно, что ручки и кофейные чашки зазвенели на столах, стоявших рядом.

– Уходи, Белла. Уходи и не возвращайся, и не пытайся больше даже говорить со мной. Если я буду смотреть на тебя хотя бы еще секунду, то клянусь, что не отвечаю за себя. Там, внизу, я потеряла друзей. И мне пришлось убить четверых, чтобы спасти твою никчемную шкуру. Что я делаю, и почему, и для чего мне это – не твоего собачьего ума дело!

Белла еще мгновение смотрела на нее, потом повернулась на каблуках и вышла.

Ли осталась стоять, сжав руками спинку стула так, что у нее побелели костяшки пальцев. Большие двери еще долго раскачивались, пока не замерли на месте. Она взяла забытое кем-то пальто, свернулась калачиком на диване в дежурной комнате и плакала, пока не заснула мертвым сном без всяких сновидений.

Ли проснулась от ощущения падения.

У нее был богатый военный опыт и много пережитых чрезвычайных ситуаций чтобы понять, что произошло. Станция АМК только что потеряла свою вращательную стабильность. И вот-вот должна была лишиться гравитации.

Она села еще в состоянии равновесия, но включилась система аварийного резервирования, и она почувствовала, как

все вокруг задрожало и накренилось от резкого торможения, и услышала сопровождавший это торможение грохот. Ноги и руки стали легкими, и ее шатнуло, когда сила гравитации изменилась. Свет потускнел, а вентиляторы над головой затихли. Система включилась снова, но движение воздуха ослабло, и осветительные панели на потолке стали светить не так ярко. Только что выключили громадные циклические двигатели Стерлинга, установленные в главном стволе станции. Сейчас все питалось от аварийных двигателей.

Частично гравитация сохранилась, но очень скоро обстановка могла ухудшиться. Ли зашла в сеть станции, стараясь понять, что произошло. Сеть не работала или была лишена доступа. Она осторожно встала и начала медленно двигаться в сторону главного помещения штаба, где у перегородки в состоянии полной нерешительности находился дежурный офицер, сбитый с толку этим неожиданным изменением законов тяготения.

– Что происходит? – спросила Ли.

От резкого движения его отнесло от перегородки, и ему пришлось искать, за что зацепиться, чтобы остановиться. Только сейчас она оглядела себя и поняла, что с момента прибытия на станцию она еще не умывалась и не переодевалась.

– О Боже. Извините.

Ей пришлось порыться в шкафчиках, чтобы найти подходящую по размеру одежду. В это время к штабу начали сте-

каться другие люди. Все беспокоились, почему пропала гравитация и что делать, чтобы исправить положение.

Только когда главный инженер позвонил и сообщил, что он не нашел Хааса, Ли представила себе картину происшедшего.

Ли ворвалась в офис Хааса как раз в тот момент, когда прецессионное кольцо остановилось и гравитация полностью исчезла. От неожиданности она улетела в другой конец комнаты и зависла в воздухе прямо над полным звезд окном обзора в полу.

Она заметила Хааса краем глаза. Он сидел в кресле за большим письменным столом. Лицо его выглядело очень спокойным, но под глазами виднелись синяки.

Белла стояла или, правильнее сказать, парила над ним.

Она висела над гладкой поверхностью столешницы из кристалла. Волосы ее были спутаны, глаза закрыты. Лицо побледнело, а грудь вздымалась и опускалась, как будто она погрузилась в сон. От ее улыбки по спине Ли пробежал холод.

Подсознание Ли или одна из работающих подсистем Коэна подтолкнули ее просканировать сеть.

Свистящие яркие электрические нити тянулись от Беллы и, разделяясь, уходили ко всем системам станции, соединяли станцию и планету, поверхность планеты и шахтный ствол. И вся эта огромная энергия была направлена в один-единственный тонкий проводок, соединявший разъем на голове

Беллы с пластырями на висках Хааса.

Она разрушала его. Медленно, безжалостно, неодолимо. Каким-то образом она замкнула его в петлевой шунт и прокачивала всю огромную энергию планетного разума через него, убивая его.

Ли посмотрела на Хааса, лежащего головой на светящемся столе. Она видела умиротворенное лицо Беллы, окаймленное волосами, подобными пламенной короне солнечного затмения.

«Она спускается с гор, – вдруг вспомнила Ли. – Распевая песню. С камнями в руке».

Она позвонила в службу безопасности.

– Я – в офисе Хааса. Не посылайте никого. Здесь все в порядке.

МЕДЛЕННОЕ ВРЕМЯ

[Там лежит] гора, именуемая Атласом, коническая и круглая; к тому же настолько высокая, что верхушку (как говорят) не видно, облака никогда не покидают ее, ни летом, ни зимой... Живущие там люди, по слухам, не едят ничего живого и никогда не видят снов.

Геродот

Ли пыталась встретиться с Беллой до вечера накануне отлета, но охранники уже не разрешили ей пройти.

Они были из планетарной милиции и не принимали приказов ни от кого в форме ООН.

– Вам сюда нельзя, – сказал сержант, в котором она узнала одного из команды Рамиреса.

Он расправил плечи, словно ожидал, что она начнет драку, и глубже просунул ноги в крепления нулевой гравитации.

За ним был виден коридор, который вел в офис Хааса. Все было отключено, система жизнеобеспечения работала на минимальном уровне, достаточном лишь для снабжения воздухом и проточной водой.

Группа шахтеров, держась за трос и толкаясь, прошла мимо Ли в сторону офиса. От них пахло так, будто они только что поднялись из шахты.

– А им можно? – скептически спросила она. Сержант пожал плечами.

– Они постоянные работники. Картрайт им разрешил. Что вы от меня хотите? Проход через этот контрольный пункт для персонала ООН без специального разрешения закрыт. И так по всей линии вплоть до Хелены.

– Хорошо, – сказала Ли. – Звони Картрайту.

Когда она наконец добралась до офиса Хааса, она едва его узнала.

В комнате остался только огромный блестящий стол, звездный свет проникал через окно наблюдения в полу. Остальная часть комнаты была завалена талисманами, свечами, статуями, молитвенными дощечками. Огонь в лампадах при нулевой гравитации горел круглым неземным пламенем, свешивавшиеся фитили походили на блуждающие огоньки. Четки раскачивались в невидимых воздушных потоках, как морские водоросли. Горячий воск со свечой летал по всей комнате и оседал на поверхностях.

И еще здесь были люди. Верующие, сомневающиеся и просто любопытные. Они толпились друг за другом, шептались, смотрели, молились и спрашивали.

Чаще всего они справлялись о голосах. О голосах погибших друзей или любимых. О голосах, которые Белла принесла им.

Белла висела над столом, там же, где Ли застала ее в про-

шлый раз, – сивилла космического века, парящая в невесомости. Она говорила сотнями голосов. Она называла имена умерших и доставала их слова из тьмы, отстраняя – хотя бы на миг – тень потери, сомнения и смерти.

Ли стояла в темном углу и наблюдала. Ей стало понятно, что пилигримы, должно быть, кормили Беллу. Они, вероятно, ее одевали, мыли. Кто-то должен был расчесывать эту копну угольно-черных волос. Обращала ли она на это внимание? Замечала ли она всех этих людей вообще? В какие потусторонние сумерки она забрела?

Ли стояла там достаточно долго и разглядела направления воздушных потоков, гулявших по комнате. Они играли с подолом юбки Беллы и превращали ее волосы в корону Медузы. Солнце садилось у нее под ногами, и комната становилась блекло-синей и серой от звездного света.

Ей казалось, что Белла спала, но ближе к закату она открыла глаза и в упор посмотрела на Ли.

– Это ты? – спросила Ли.

– Это всегда – я.

Воздух потрескивал от разрядов статического электричества, дыбом поднимавшего волосы Ли и притягивающего тонкий шелк одежды Беллы к ее ногам. Юбка у нее задралась выше колен, и Ли раздражала мысль, что шахтеры толпами заходят и выходят только для того, чтобы посмотреть на нее, и что Белла пребывает слишком далеко в бесконечности разума планеты, чтобы заметить это. Ли вышла вперед, взяла

тонкую материю рукой и опустила ее до лодыжек, укрывая ее ноги.

Белла улыбнулась, словно поняла, о чем думала Ли. Как будто насмеялась над ней.

– Ты счастлива? – спросила Ли.

– Я сожалею о твоей матери. И о Коэне.

Ли вздрогнула.

– С ними все в порядке?

– С Мирс – да. С АІ – сложнее.

– А может, он...

– Мы все – живые, Кэтрин. Разве ты не чувствуешь нас? Мы чувствуем тебя. Каждую твою частичку, каждое слово, каждую сеть, где бы ты ни находилась на станции. Мы любим тебя.

Ли закрыла глаза и приложила ладони к лицу.

– Кэти, – позвала Белла голосом ее отца.

– Не нужно! Я не буду слушать!

Белла пожала плечами и заговорила снова уже своим голосом:

– Многие люди говорят, что их это утешает.

– Меня не нужно утешать.

На самом деле она хотела, чтобы ее кто-нибудь утешил. Она хотела этого так сильно, что даже пугалась этого. Ей хотелось бы услышать голос Мирс из прекрасных губ Беллы. Или голос Маккуина. Возможно, она могла и попросить. Что в этом плохого? Но она не могла просить вызвать единствен-

ный голос, который жаждала услышать. Если бы она услышала его, то ей не хватило бы сил уйти отсюда.

– Ты уверена? – спросила Белла.

Ли не ответила и вышла не оглядываясь.

Она вернулась в свое жилище, где ее ожидал звонок от Нгуен.

– Ты почему перестала последние дни отвечать на звонки? – спросила Нгуен.

Ли пожала плечами.

– Понимаю. Играем в безутешную вдову. Ну что ж, получив от него столько денег, можно и соблюсти традиции. Кто бы мог подумать, что он оставит тебе все?

Ли молчала. Можно даже и не стараться выяснять, как Нгуен узнала об этом.

– Конечно, тебе ничего не достанется. Генеральный адвокат оспорит завещание. И выиграет. Половина аппаратных средств, которыми пользуется система Коэна, работает по правительственным патентам и лицензиям. Они обанкротят тебя.

Ли посмотрела на свои руки и вздохнула.

– Это все, ради чего вы звоните, или вы хотите сказать еще что-нибудь?

Нгуен холодно улыбнулась и достала из-за поля ВР оборванный желтый клочок бумаги.

– Мы знаем. Нам известно все. Все кончено, Ли.

– Если бы все было действительно кончено, то вы не разговаривали бы со мной.

– Меня уполномочили предложить тебе выход из этой ситуации. При данных обстоятельствах мы приняли решение... Благоразумный выбор был бы лучшим подходом.

Ли ждала.

– Ты отправляешься на Альбу вместе с остальным персоналом станции для расследования. По прибытии ты напишешь рапорт на отпуск по состоянию здоровья. Как только все немного уляжется, ты подашь в отставку. Тихо. Для тебя будет найдена подходящая работа в частном секторе. И мы забудем о том, что случилось или не случилось на Компсоне.

– Предельно ясно.

– Хорошо. Тогда договорились.

– Нет.

Нгуен задержала дыхание и почти незаметно подалась вперед со своего стула.

– Неужели ты действительно думаешь, что сможешь спокойно пережить этот скандал? Ты что, так самоуверенна?

– У вас есть право выбросить меня со службы. Я, возможно, поступила бы точно так же на вашем месте. – Ли слегка рассмеялась. – Черт, на вашем месте я, возможно, продырявила бы мне череп пулей и посчитала бы, что мы – квиты. Но у вас нет никакого права требовать, чтобы я подала в отставку. У вас нет права заставить меня тихо убраться.

– Звучит очень лицемерно при таких обстоятельствах.

– Может быть.

На лице Нгуен появилось выражение понимания, тотчас сменившееся презрительной миной.

– Ты ведь совсем не думала о деньгах, не так ли? Ты фактически убедила себя в том, что ты делаешь правое дело. Или позволила Коэну убедить тебя в этом. Неужели ты на самом деле думала, что это твое решение? И ты полагала, что у тебя было право подвергать миллиарды граждан ООН риску из-за собственных моральных принципов?

Ли не ответила.

– Замечательно, – сказала Нгуен. – Предатели никогда не чувствуют, что нормальные правила касаются и их, не так ли?

На этот вопрос у Ли тоже не нашлось ответа.

– Я сделаю вид, что этого разговора между нами не было. У тебя впереди несколько месяцев на эвакуационном корабле, чтобы подумать о том, что ты будешь делать, когда корабль пришвартуется на Альбе. На твоём месте я бы даже и не садилась на этот корабль. Поверь мне, ты вряд ли обрадуешься, возвратясь домой. Я готова потратить немного времени, чтобы это тебе обеспечить.

Ли рассмеялась, неожиданно осознав нелепость этой ситуации. Она покачала головой и ухмыльнулось в направлении ВР-поля.

– Вы – потрясающая, Хелен.

Нгуен прищурилась и побледнела.

– Я всегда ненавидела это выражение на лице Коэна. Но на твоём лице я ненавижу его ещё больше.

В конце концов последняя работавшая квантовая станция телепортации была закрыта, а всей системе был объявлен карантин. Другого способа удержать разум планеты вне спин-потока не было, как не было и другого способа остановить его проникновение во все системы ООН и обезопасить от его набегов все остальные сети. И даже ещё до того, как отчалил последний корабль, в потокопространстве ходили слухи, что все AI игнорировали карантин, что Консорциум послал зонды с субсветовой скоростью для восстановления контакта, что «ФриНет», или, по крайней мере, часть этой сети, будет открыта разуму планеты.

Ли села на свой корабль в состоянии полного оцепенения, что даже не задумывалась, куда её повезут и что Нгуен приготовила для неё. Она держалась за оттяжки канатов, которыми была закреплена платформа с неприкосновенным запасом весом в полтонны, когда корабль медленно выходил из порта, и смотрела в узкий иллюминатор грузового трюма, как Мир Компсона навсегда уплывает от неё.

Корабль отвалил от причала и потихоньку дрейфовал, пока не включились двигатели системы маневрирования. Станция осталась за кормой, а её место в иллюминаторе заняли звезды и тьма. Мимо, словно крылья, промелькнули солнечные батареи, их замерзшие стыки были покрыты слоем льда

от конденсата, который не оттаивали в течение восьми дней. Потом они оказались в открытом космосе, и она смогла охватить взглядом всю картину, распростертую снизу.

Станция получила смертельные повреждения. Двигатели Стирлинга перестали работать во время первого кризиса, и, как только массивные кольца станции прекратили вращение в противоположные стороны, требовалось только время, чтобы жилые и рабочие отсеки погрузились в глухую, холодную, невесомую тьму. Третью внешнего кольца еще освещалась и функционировала. На остальной части станции было уже темно. Станция напоминала обратную сторону карнавальной маски, украшенной драгоценными камнями.

Их выселяли, вежливо, но твердо. Мир Компсона и небо над ним больше им не принадлежали.

Ли дула на холодный вируфлекс, пока он не замерз, затем прижалась к нему лбом. Ее глаза были горячими и сухими. Она не переставала думать о том, что ей нужно что-то делать. Но делать было нечего, она оказалась никому не нужна. Пройдут недели и месяцы этой ненужности, пока они не доберутся до Альбы. И там начнется новый этап ее жизни. Ей придется больше заботиться о себе, чем раньше. Ей придется интересоваться, вернется ли она домой и получит новое назначение, или предстанет перед судом военного трибунала, или еще хуже. А для чего все эти раздумья? Ты заботаешься о себе или нет. Остальное – это просто выживание.

«Сброс».

Она раздраженно потрясла головой, заставляя свой барахливший невропродукт умолкнуть.

«4280000 пФ».

Она вздохнула и потерла виски. Две худые смуглые ноги появились в ее периферийном зрении. Грязные. Босые.

«Гиацинт?»

Она постаралась сфокусироваться на этом образе. Он потерялся. Затем что-то еле заметно вспыхнуло на границе зрения, она взгляделась и увидела его неотчетливо, будто он был не совсем здесь. Но глаза были близко. Разве она не чувствовала, как он прорывался в корабельную сеть, пиратским образом залезая в VR-программы? Или она дурачила себя?

«Ради Бога, скажи что-нибудь!»

Эта мысль вырвалась из нее, как оторванный кусок плоти.

«Извини. Меня немного колотит. Но на этот раз это я. По крайней мере, большая моя часть».

Он забрался на платформу, очень осторожно, держась обеими руками, и сел рядом с ней.

Ли почувствовала, как что-то ожило в ней и расправляло свои сильные крылья, пробуя ветер. Она глубоко вздохнула и поняла, что первый раз за много дней она забыла о тяжести в груди. Ей было трудно смотреть на него. Она отвернулась, ничего не говоря, и посмотрела в иллюминатор на умирающую станцию.

– Забавно, что со стороны она выглядит относительно неплохо, – сказала она. – Интересно, смогут ли они спасти

что-нибудь, когда вернутся.

– Я не думаю, что они вернутся. Может, и вернутся, чтобы воевать, но даже в этом случае... Я не думаю, что они смогут противостоять этому.

– А что AI?

– Мы придем. Мы должны вернуться. Это – наше будущее. Или одно из наших возможных будущих.

– На что похоже то, где ты был?

– Все, как сказала Шарифи: шанс заглянуть в процесс тасования карт. Все – возможно, и все, что возможно, существует. Это было прекрасно. Просто ужас. Я чуть не забыл вернуться.

Ли почувствовала вспышку гнева. Неужели он мог возвратиться в любое время? Несколько дней назад? Разве он не представлял себе, что скажет Нгуен? О том, что подумают Белла и другие? О чем подумает она сама?

«Понимаешь, я вернулся сразу же, как смог».

Мысль пронеслась по краю ее сознания, мягкая и щекотная. Он просил о прощении без слов. «Поцелуй бабочек», – подумала она, вспомнив о детстве. Но когда она вылавливала воспоминание, оно не возвращалось, и она не могла понять: принадлежало оно ей или Коэну. При мысли, что она может путать себя с ним, по ней пробежал озноб. Затем страх перерос во... что-то. Во что-то пока непонятное, но с чем она могла жить...

– А зачем ты вернулся? – спросила она.

– Ты обещала подумать кое о чем. Мне было интересно узнать твое решение.

Она не могла чувствовать и понимать его так же, как понимала в те часы в шахте. Но он должен был знать. Как он мог прикасаться к ней, как он мог смотреть на нее, не зная?

– Я тебе давно сказала.

– Чувствовать – не значит, что ты можешь следовать этому чувству.

– Нет, – сказала она. – Не значит. Я согласна.

Он немного отстранился от нее во время разговора. Но теперь снова подвинулся ближе, коснулся ее руки и заглянул ей в глаза.

– Что ты сейчас хочешь, Кэтрин?

Вместо ответа она посмотрела на него, наполненная теплом и стремлением к нему, ощущая в его улыбке то, чему она уже не могла приклеить ярлык и дать название, существующее помимо слов. В ее сознании появился образ красной розы. Настоящей розы, немного колючей, чуть-чуть увядшей. Розы и шипов.

– Всего. – Она улыбнулась. – Абсолютно всего.